

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

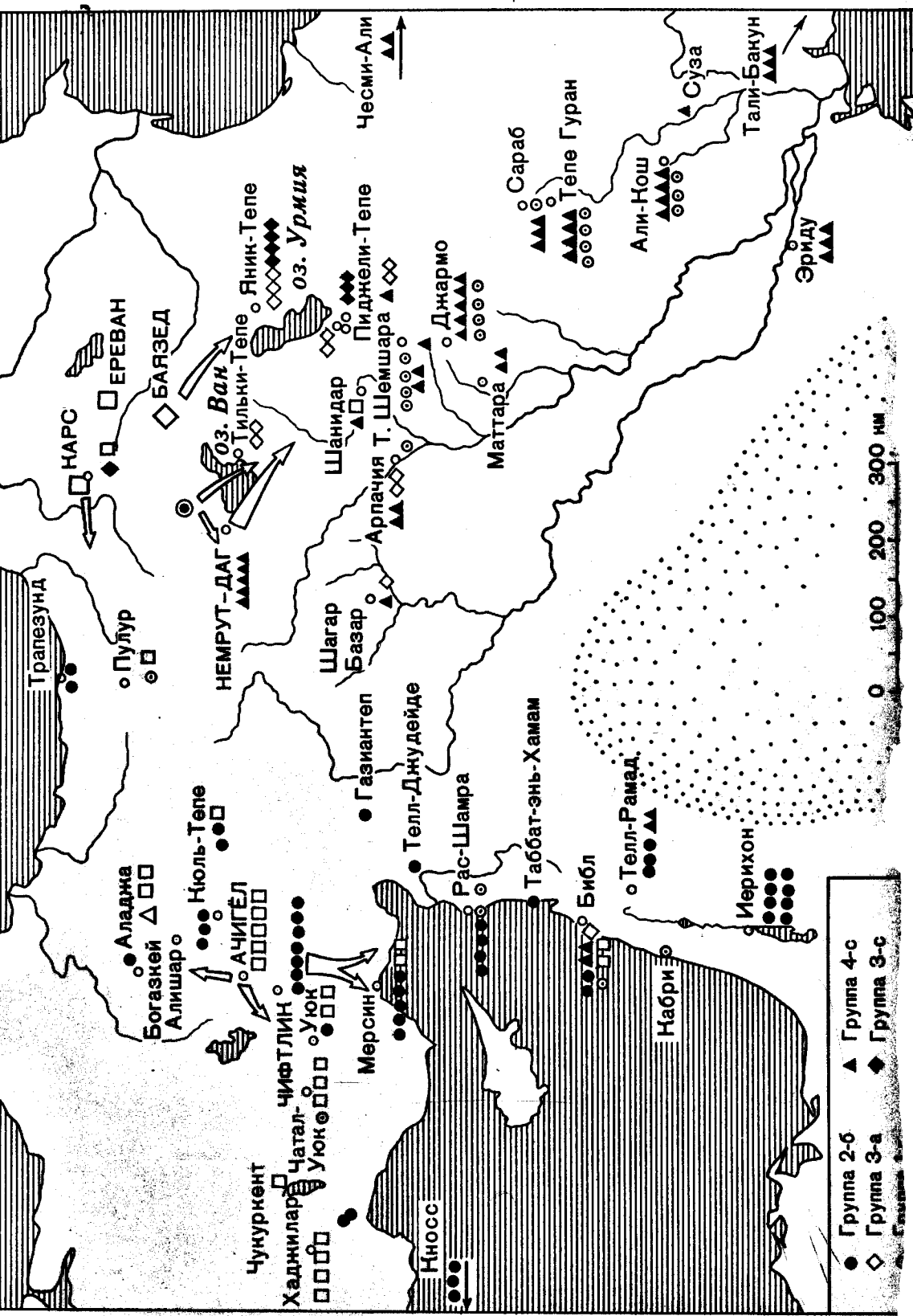
Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

К. Х. Кушнарева

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В IX-II ТЫС. ДО Н. Э.

Этапы культурного
и социально-экономического развития

Монография посвящена исследованию семитысячелетнего периода древнейшей истории Южного Кавказа. В ней обобщен, систематизирован и выведен на новый уровень знаний огромный и крайне разрозненный археологический материал. Автор использует новейшие методы, применяемые в археологии, и данные смежных гуманитарных и естественных наук. В работе впервые в столь широких хронологических границах рассматриваются ключевые аспекты исторического процесса, протекавшего в регионе, развитие древнейших культур, прогресс производства, особенности социальных явлений.

Издание рассчитано на археологов, этнографов, историков и специалистов смежных гуманитарных и естественных наук.

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

K. Kushnareva

SOUTH CAUCASUS IX—II mil. B. C.

(stages of cultural and social-economical evolution)

Ответственный редактор В. М. Массон
Рецензенты: А. Д. Столяр и И. Н. Хлопин

Настоящая книга выходит при финансовой поддержке акционерных обществ «Дрим», «Тамбрандс» и корпорации «Нева-Сити».

ОТ РЕДАКТОРА

Кавказский регион занимает особое место в исторических судьбах Старого Света. Южной своей частью он входил в систему высокоразвитых культур Ближнего Востока и на завершающем этапе древневосточной истории стал центром одной из цивилизаций этого мира — урартской. Северный Кавказ в свою очередь всегда был тесно связан с поясом евразийских степей, его воздействия и культурные эталоны, особенно заметные в металлургии, проявляются в степных культурах начиная с весьма раннего времени — поры мезолита и неолита. На кавказских материалах прослеживаются общие закономерности развития культуры и общества, что особенно ярко видно при сравнительно-типологическом анализе таких самостоятельных регионов, как Кавказ и Средняя Азия.

Обширный отрезок древней истории Кавказа, рассматриваемый в монографии К. Х. Кушнарева, охватывает несколько исторических периодов разной значимости и различной интенсивности развития. Раскопки в дагестанской стоянке Чох показали, что Кавказ являлся одним из центров, где намечался решающий скачок в экономическом и культурном прогрессе, к которому вело возникновение и развитие земледелия и скотоводства и который не без оснований именуется неолитической революцией. Однако дальнейшее развитие собственно раннеземледельческих культур на Кавказе происходило заметными темпами с явным отставанием от блестящих раннеземледельческих обществ Малой Азии, Месопотамии и Ирана VI—IV тыс. до н. э. Ситуация несколько меняется с конца IV тыс. до н. э., когда складывается стабильная культурная общность, именуемая куро-аракской и отличающаяся устойчивыми культурными стандартами и эталонами на сравнительно обширной территории. В это время явно происходит культурная интеграция как одна из предпосылок урбанизационных процессов. Полагаю, что именно интеграционные механизмы способствовали устойчивости культурной общности, перекрывающей различные локальные культурные традиции. Однако затем исторический процесс делает крутой поворот и классический путь формирования городской цивилизации на основе раннеземледельческих структур замедляется в связи с переносом центра импульсивного развития в среду скотоводческо-земледельческих обществ, владеющих рудными богатствами, которые обеспечивали, во всяком случае на первых порах, богатство и процветание. Наиболее ярко это видно по триалетской культуре II тыс. до н. э. с пышными погребальными обрядами правящей элиты, чьи гробницы бесспорно являются социологическим аналогом монументальной архитектуре городских центров. Сейчас вырисовывается сложная картина зарождения и эволюции комплексов этого типа, включивших бесспорные куро-аракские традиции и вместе с тем ряд северных компо-

нентов, таких, как, скажем, курганный обряд захоронения. Высокий уровень развития культуры позволяет говорить о процветании в Закавказье, по крайней мере с конца III тыс. до н. э. (а на Северном Кавказе еще раньше), ранних комплексных обществ, однако не развившихся до уровня цивилизации. В данном случае неурбанизационный путь развития при кратковременных культурных и экономических достижениях не обеспечивал стабильного формирования цивилизации. Приоритет в этом отношении оставался за оседло-земледельческими структурами, которые как бы отступили на второй план перед эпохой блестящих гробниц вождей скотоводов-металлургов, но не исчезли и не остановились в своем развитии. С конца II тыс. до н. э. эти два разных потока сливаются, идет интенсивное формирование раннеклассового общества и государственности и его завершение в социологическом плане можно усматривать в установлении урартской цивилизации, привнесшей общедревневосточные модели и эталоны.

Книга К. Х. Кушнаревой — опыт многолетних изысканий автора — по существу впервые столь масштабно обобщает огромный и очень разрозненный базовый материал, отражающий все многообразие конкретного развития, протекавшего в рамках этих общих закономерностей. Следует отметить два очень важных преимущества этого труда по сравнению с многочисленными предшествующими публикациями, так или иначе затрагивающими данную проблематику. Во-первых, все материалы рассматриваются в рамках реальных историко-культурных и историко-географических областей. На этой базе представлена синтезированная картина развития региона. Между тем упрямая тенденция некоторых исследователей следовать современным, часто политически конъюнктурным административным границам республик (ныне государств) сплошь и рядом разрывала живую плоть реально существовавших древних культур и цивилизаций. В этом отношении труд К. Х. Кушнаревой является важным вкладом в концепцию сохранения «научного пространства» и приобретает немалое общественное звучание. Во-вторых, К. Х. Кушнарева достаточно решительно выходит на широкие палеоэкономические и социологические интерпретации. Многие десятилетия скудость понятийной сетки формационного эволюционизма понуждала исследователей бесцельно вращаться в рамках типичной антитезы матриархата и патриархата. Чувствуя малую результативность такого подхода, многие авторы начали вообще избегать социологических реконструкций, в исторических же интерпретациях стали возобладать культурно-этногенетические построения, слабо обоснованные методологически и поэтому, как правило, приводившие к тому же прямолинейному эволюционизму, который предлагался примитивно воспринятой теорией формаций. К. Х. Кушнарева, опираясь на разработки петербургской археологической школы последних десятилетий, старается нащупать в разнообразии памятников и культур аспекты, характеризующие реальную экономическую и социальную ситуацию. Несомненно этот итоговый фундаментальный труд станет определяющим этапом в новом видении прошлого Кавказского региона, столь богатого замечательными культурными традициями.

*Светлой памяти моих учителей
Бориса Борисовича Пиотровского
и Александра Александровича Иессена посвящается.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга является закономерным итогом многолетних исследований автора в области древнейшей истории Южного Кавказа. Ее формированию способствовали многие факторы, среди которых следует назвать в первую очередь самостоятельные раскопки автора во всех трех республиках региона, сотрудничество со многими археологическими экспедициями на территориях республик, систематические работы в кавказских музеях, постоянное участие в общекавказских конференциях. Особо хочется отметить значение высокой научной школы, пройденной в стенах ЛОИА АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры — ИИМК РАН), на первых этапах под руководством Б. Б. Пиотровского и в тесном сотрудничестве с А. А. Иессеном; именно эти крупнейшие кавказоведы пробудили у автора интерес к общерегиональной проблематике. Наконец, не менее важным представляется постоянное научное и дружеское общение со многими кавказскими коллегами, с готовностью показывавшими вновь открытые памятники, предоставлявшими свои, подчас неопубликованные, материалы, терпеливо переводившие на русский язык опубликованные в республиках работы.

В своих исследованиях в области древней истории Кавказа автор шел от поздних культур к более ранним, что определялось стремлением проникнуть в глубь тысячелетий, проследить закономерности развития исторического процесса. Так, одна из ранних работ посвящена памятникам эпохи поздней бронзы Нагорного Карабаха [Кушнарева, 1957а], в то время как одна из последних [1985] — мезолиту Кавказа.

Необходимость написания обобщающей работы по древним культурам Южного Кавказа назрела давно. Напомним, что после выхода в 40-х гг. фундаментальных трудов Б. А. Куфтина и Б. Б. Пиотровского появилось лишь несколько работ, касающихся региона в целом [Кушнарева, Чубинишвили, 1970; Джавахишвили А. И., 1973; Мунчаев, 1975, 1982]. Главное внимание в перечисленных трудах было сосредоточено на вопросах культурного развития Южного Кавказа V—III тыс. до н. э., тогда как предшествующие и последующие культуры оставались вне рамок исследований. Два других основополагающих аспекта, формировавших характер древних обществ, в этих трудах отражены либо конспективно (экономика), либо вообще не отражены (общественный строй).

Причины обращения к столь широкой теме были обусловлены, с одной стороны, огромной информационной базой, особенно интенсивно пополнившейся в последние десятилетия, с другой — локальным характером большей части исследований и отсутствием внимания со стороны археологов, работающих в республиках Закавказья, к общекавказской исторической проблематике. Следует также упомя-

нать, что исходный археологический материал в своем большинстве очень разрознен, разнообразен, часто недостаточно информативен и публикуется, как правило, в местных изданиях на языках народов Закавказья, что приводит к неосведомленности заинтересованных в кавказской археологии специалистов, не владеющих этими языками. Парадоксальность ситуации заключается еще и в том, что кавказские археологи подчас оказываются незнакомыми с открытиями, сделанными по соседству. Как ни печально, надеяться на преодоление в ближайшем будущем такой разобщенности не приходится — в условиях затянувшихся межрегиональных и межнациональных конфликтов, охвативших фактически весь Кавказ, она не может не нарастать. Все сказанное выше позволяет полагать, что публикуемая книга выходит своевременно.

В книге сведен воедино, систематизирован и выведен на новый уровень знаний большой и разноплановый археологический материал, накопившийся к началу 90-х гг. Он обобщен впервые в столь широких хронологических рамках (IX—II тыс. до н. э.). В работе представлены три основополагающих аспекта жизнедеятельности древних обществ: материальная культура, экономика, социальный строй; каждый из них рассмотрен в соответствующем разделе. Первый посвящен специфике развития культур Южного Кавказа в означенных хронологических границах. Второй и третий носят реконструктивный характер; в них по-новому раскрываются сложные процессы развития многообразных форм хозяйства и социальных объединений.

К интерпретации базового материала автор подошел комплексно, широко используя новейшие методы исследования археологических источников и данные смежных естественных и гуманитарных наук — палеогеографии, палеоботаники, палинологии, антропологии, метода экспериментального моделирования, физических методов датирования. Комплексный подход к основополагающему материалу сделал последний максимально информативным.

Южный Кавказ рассматривается автором как единый регион, что определяется в первую очередь его природными особенностями и культурно-историческими традициями. Закавказье, простирающееся к югу от Большого Кавказского хребта, представляет собой территорию, большая часть которой покрыта горными системами. Географическое и орографическое строение этой части Кавказа (так же как территория горного Дагестана) имеет наибольшую близость с областями Передней Азии — Армянским, Анатолийским и Иранским нагорьями, составляющими с ним в природном отношении единое целое. Горные поднятия Кавказа играли определяющую роль в формировании его климатических и ландшафтных районов. Для Южного Кавказа характерна высотная зональность и пестрота ландшафтов. В формировании последних, помимо гор, огромную роль играли низменные и равнинные пространства, издревле выполнявшие ведущую роль в хозяйственной жизни края. В свою очередь межгорные и предгорные впадины тесно связаны с горной и высокогорной зонами, где находят истоки больших и малых рек Кавказа.

Южный Кавказ относится к субтропической зоне; при этом внутренняя часть Закавказья и всего Армянского нагорья, а также Куринская впадина характеризуются сухим континентальным климатом. В западном же Закавказье с его Колхидской низменностью, где осадки выпадают с избытком, господствует субтропический средиземноморский климат. Особая роль в формировании климатических зон принадлежит горному барьеру Большого Кавказа, который предохраняет южные районы от резких влияний соседних природных массивов.

Иными словами, на Южном Кавказе четко просматривается прямая зависимость климата, гидрографии, растительности и почв от рельефа местности.

Таким образом, тесная взаимосвязь ландшафтных зон Южного Кавказа, несмотря на их мозаичность, предопределяет восприятие его как целостного природного явления.

Южный Кавказ с его исключительно богатой флорой является самостоятельным очагом эволюции растений; здесь родина ряда диких сортов пшеницы, ячменя, ржи, бобовых, льна, винограда и многих плодовых, что вместе с другими факторами послужило импульсом к зарождению и развитию здесь древнейшего земледелия. Наконец, в этой части Кавказа концентрируются важнейшие сырьевые ресурсы (обсидиан, кремль, медь, сурьма и др.), тысячелетиями определяющие характер производственной деятельности древнего человека.

Расположение Кавказского региона на скрещении путей, ведущих из стран Передней и Малой Азии, а также Средиземноморья на север, в степи Юго-Восточной Европы и обратно, было вторым важнейшим фактором, постоянно оказывающим влияние на характер развивавшихся здесь древних культур; в этом процессе Южный Кавказ неизменно играл также посредническую роль. Несмотря на специфику рельефа, формировавшего обособленность горных районов, в древности весь Кавказ был покрыт густой сетью внутренних коммуникаций — больших транспортных дорог и пеших горных троп, по которым постоянно переносились различные достижения в области культурной, хозяйственной и духовной жизни. Именно эти связи вызвали к жизни такие феномены древнейшей истории Кавказа, как куро-аракская и триалетская культуры, которые бытовали на обширной территории, включающей все Закавказье и прилегающие к нему с юга районы.

Таким образом, древний Кавказ и в области культурного развития представляется целостным явлением.

Сказанное и предопределило подход автора к изучаемому региону. В настоящей книге Южный Кавказ впервые предстает не как средоточие разрозненных памятников и отдельных культур, а как ответственное целое, единый и неделимый регион, один из очагов зарождения и дальнейшего развития производящего хозяйства, прошедший сложный и своеобразный путь развития в тесном взаимодействии с окружающим его миром.

Работа выполнена в секторе Средней Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН, творческая и доброжелательная атмосфера которого в большой мере способствовала ее написанию; выражаю признательность моим коллегам, оказавшим помощь в период прохождения рукописи. В эти трудные для Кавказа дни шлю свою бесконечную благодарность археологам, работающим в Армении, Грузии, Азербайджане, Дагестане; без их постоянной поддержки осуществление работы такого объема было бы невозможным. Особо хочу поблагодарить молодого ученого Вагана Оганесяна, бескорыстно предоставившего для публикации свою уникальную находку — серебряный кубок из Карашамба, украсивший обложку книги. Автор признателен А. Филиппову, Р. Ламбет, Г. Кузнецовой и Т. Чупыра за хорошо выполненные рисунки. В заключение не могу с благодарностью не вернуться к светлой памяти ушедших из жизни моих дорогих учителей и товарищей по общему делу — Б. Б. Пиотровского, А. А. Иессена, А. А. Мартиросяна, Т. Н. Чубинишвили, В. Г. Котовича, Г. Н. Лисицкой, А. Р. Исраелян, Р. М. Торосяна, Г. Тирацяна, каждый из которых всесторонне помогал мне на пути к написанию этой книги.

Благодарю также моих спонсоров за их вклад в издание книги.

I.
КУЛЬТУРЫ
ЮЖНОГО
КАВКАЗА

в IX—II тыс. до н. э.

Глава 1

МЕЗОЛИТ

(IX—VII тыс. до н. э.)

Необходимость обращения к мезолитическим памятникам Кавказа непосредственно связана с основной проблематикой настоящей книги — изучением этапов культурного и социально-экономического развития южной части Кавказского региона в период зарождения производящего хозяйства и дальнейшего его прогресса в рамках первобытно-общинного строя, вплоть до сложения развитых форм земледелия, скотоводства и отделения ремесла от сельскохозяйственного производства. Введение в книгу обзора памятников столь раннего периода объясняется несколькими причинами, главными из которых являются природное единство южной части Кавказа с территорией Передней Азии, находки на этой территории мезолитических памятников с признаками перехода оставивших их коллективов к первым успехам в земледелии и скотоводстве, близость мезолитических инвентарей этих двух регионов и, наконец, сходство индустрий из мезолитических и неолитических памятников самого Кавказа.

Известные мезолитические комплексы Кавказа пока концентрируются «булавочными уколами» в отдельных пунктах Причерноморья, Прикаспия, Северного Кавказа и Восточной Грузии, оставляя археологическую карту IX—VII тыс. до н. э. фактически не заполненной (рис. 1, А). К сожалению, потенциально наиболее интересные и перспективные мезолитические и раннеолитические памятники, локализующиеся в северо-восточной части Армянского нагорья (в силу их экологического и культурно-исторического единства с другими частями этого региона, где открыты эталонные поселения названных периодов), почти не исследовались, а отдельные находки [Сардарян, 1967, с. 106], ввиду слабой полевой документации и интерпретации, вызывают далеко не однозначное толкование [Мартirosян, Мунчаев, 1968]. Это пока исключает большую территорию из поля зрения исследователей. И тем не менее следует отметить, что известные сегодня (хотя и незначительно) кавказские материалы все же дают возможность приблизительно наметить основные направления культурно-хозяйственного развития мезолитических общин [Формозов, 1963; Кушнарева, 1984; Небиеридзе, 1986]. Как упоминалось, постановке этой проблемы в определенной степени содействует обращение к возникшим в близких природных условиях (и изученных значительно лучше) памятникам Ближнего Востока, где конкретные археологические факты уже позво-

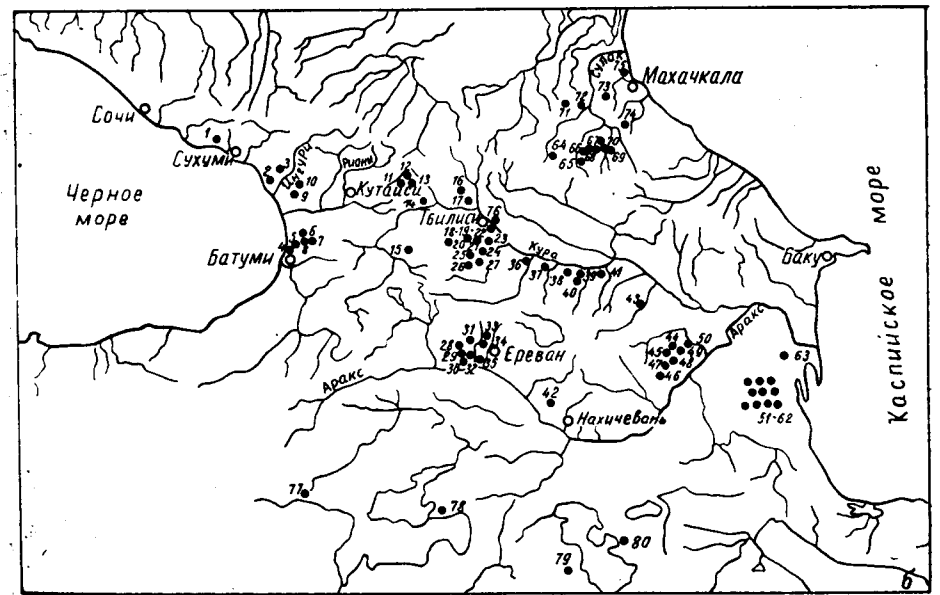
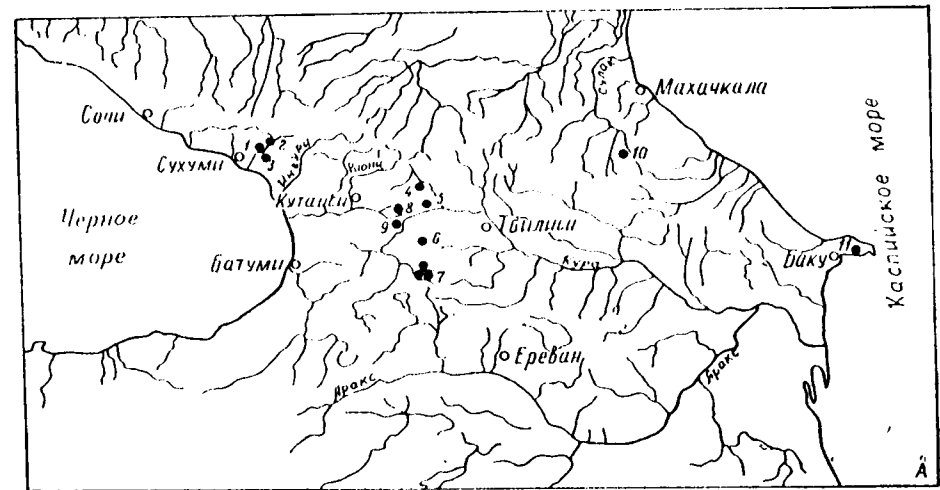

Рис. 1. Мезолитические (А) и неолитические и энеолитические памятники (Б) Южного Кавказа.

- А: 1 — Апианча; 2 — Квачара; 3 — Циви-Мгвиме; 4 — Сагварджиле; 5 — Дарквети; 6 — Бармаксыз; 7 — Эдзани-Зуртагети; 8 — Цона; 9 — Чахати; 10 — Чох; 11 — Фируз.
 Б: 1 — Кистрик; 2 — Очамчире; 3 — Чхортоли; 4 — Хуцубани; 5 — Кобулет; 6 — Мамати; 7 — Ана-сеули; 8 — Гурянта; 9 — Урта; 10 — Одиши; 11 — Самерцхле-Клде; 12 — Самеле-Клде; 13 — Сагварджиле; 14 — Дарквети; 15 — Амиранис-Гора; 16 — Нацар-Гора; 17 — Хизанаант-Гора; 18 — 19 — Дангреули-Гора, Гадачрили-Гора; 20 — Тетри-Цкаро; 21 — Шулавери; 22 — Абели; 23 — Имприс-Гора; 24 — Арухло; 25 — Храмис-Диди-Гора; 26 — Цопи; 27 — Садахло; 28 — Мохра-Блур; 29 — Шенгавит; 30 — Звартноц; 31 — Хатунарх; 32 — Маштоц-Блур; 33 — Ксях-Блур; 34 — Сев-Блур; 35 — Техут; 36 — Шому-Тепе; 37 — Баба-Дервиш; 38 — Гаргалар-Тепеси; 39 — Тойре-Тепе; 40 — Ментеж; 41 — Рус-Тепеси; 42 — Кюль-Тепе; 43 — Иланлы-Тепе; 44 — Малое безымянное тепе; 45 — Шах-Тепе; 46 — Караханбейли; 47 — безымянный холм в 5 километрах от Кямиль-Тепе; 48 — Кямиль-Тепе; 49 — тепе у суюго русла р. Шопарты; 50 — Канал им. Орджоникидзе; 51—62 — Мишарчай II—VII; 63 — Аликемек-Тепе; 64 — Гинчи; 65 — Мучу-Бахил-Бакли; 66 — Малин-Карат; 67 — Архидла; 68 — Козьма-Нохо; 69 — Чох; 70 — Ругуджинские стоянки; 71 — Галгалатли; 72 — Харитани; 73 — Буйнакск; 74 — Мекеги; 75 — Гарнаир; 76 — Дидубе; 77 — Муш; 78 — Тильки-Тепе; 79 — Геой-Тепе; 80 — Яник-Тепе.

лили выявить древнейшие вехи истории производящего хозяйства. Именно эти факты указывают, в частности, на глубокую, мезолитическую древность истоков земледелия и скотоводства. Эти же материалы в свое время позволили говорить о нескольких культурно-хозяйственных провинциях в Передней Азии [Массон, 1964б, с. 82; 1970б, с. 73; Лисицына, 1970; 1972; 1977, с. 23] в период зарождения элементов производящей экономики в недрах хозяйства присваивающего типа (памятники мезолитического облика — X—VII тыс. до н. э.).

Первая локализуется в Юго-Восточном Прикаспии, где в условиях аридного климата в пещерах и на открытых стоянках обитали бродячие племена охотников, занимавшиеся одновременно собирательством [Борисковский, 1947; Окладников, 1953; Сооп, 1957]. Для мезолита этой области зафиксированы и первые шаги на пути доместикиции животных (пещеры Белт и Дам-Дам-Чешме II).

Вторая провинция занимает горные и предгорные районы Загроса, по своим природным условиям чрезвычайно удобные для заселения. Ее узловой памятник — Али-Кош в Хузистане (Дех-Луран) дал 6 стадий культурных напластований, в нижней из которых (Бас-Мордех) зафиксирован оседлый образ жизни, первые шаги в возделывании пшеницы и ячменя и приручения животных [Hole et al., 1969]. В слое В пещеры Шанидар и на одновременном летнем стойбище Зави-Чем-Шанидар засвидетельствованы данные о начальной стадии приручения животных и доместикиции злаковых [Leroi-Guhgan, 1969]. В хозяйстве обитателей поселения Умм-Дабагия земледелие сочеталось с охотой и скотоводством [Haelbeak, 1972].

Третья провинция занимает область Средиземноморья. В ее ранних памятниках (Ейнан, Мюрайбит) обнаружены пыльца и зерна злаковых, позволяющие говорить о том, что основой экономики здесь были сборы дикорастущих злаков, сочетающиеся с охотой и первыми шагами в приручении животных [Zeist van, 1970]. Принципиально новыми оказались палеоботанические данные с поселения Иерихон, где в докерамических слоях А и В обнаружены зерна ячменя и двух видов пшеницы [Horf, 1969].

Позднее в результате раскопок в Малой Азии были выделены еще две области распространения мезолитических памятников — восточно-анатолийская и южно-анатолийская [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 27]. Первая представлена небольшим количеством поселений, самое раннее из которых Чайюню-Тепеси [Braidwood et al., 1972] своим обликом и датировкой соответствует раннему Джармо. Пять фаз Чайюню-Тепеси дают возможность проследить хозяйство его обитателей в динамике: доминирующая в первых фазах охота постепенно вытесняется скотоводством. Богатая ботанико-географическая зона этого района являлась крайне благоприятной для интенсивного собирательства, в процессе которого были введены в культуру два вида пшеницы. Наконец, в нижних слоях ключевого памятника южно-анатолийской области — поселения Хаджилар — обнаружены различные виды злаковых и бобовых растений, кости прирученной собаки.

Характер новых материалов с десятков поселений ближневосточной ойкумены позволяет рассматривать переход к производящей экономике как длительный исторический процесс, проявляющийся в многообразии форм хозяйственной деятельности древних коллективов [Массон, 1982а]. Здесь существовали различные модели хозяйства, ос-

нованные на сочетании присваивающей и начальных стадий производящей экономики, зарождающейся в недрах первой. Этому прежде всего способствовал богатейший по разнообразию растительный покров рассмотренных выше областей [Лисицына, 1970, с. 58]. Передвигаясь на большие расстояния вслед за сезонными растительными богатствами, подвижные группы собирателей и охотников осваивали различные по высоте экологические ниши, что позволяет рассматривать долины, предгорья и горы как единую экосистему, обеспечивавшую благоприятные условия для жизни человека. Отдельные общины постепенно оседали на земле. На этот важнейший период падают первые шаги в деле приручения животных.

Приведенные данные, указывающие на то, что в ближневосточной ойкумене истоки производящего хозяйства фиксируются в мезолите, а также установленная близость каменных индустрий Передней Азии и Кавказа в мезолитическое (и даже палеолитическое) время [Замятин, 1951; Garrod, 1953; Формозов, 1958; с. 51; Mellaart, 1965, p. 16; Бадер, 1964б, с. 6; 1966, с. 142; Любин, 1975, с. 35] делают проблему мезолита — раннего неолита Кавказа одной из актуальных в кавказоведении. Большую значимость в дальнейшем должно приобрести изучение памятников мезолита Кавказа — периода, на который падает зарождение кардинальных сдвигов в хозяйстве населения Передней Азии. При комплексном подходе к решению этой проблемы серьезная роль должна быть отведена трасологическому анализу каменных индустрий, открывающему широкие перспективы при установлении различных моделей экономики древних обществ. Именно с помощью этого метода в последнее время удалось уловить культурно-хозяйственную вариативность различных древних обществ юга СССР [Коробкова, 1987].

Как уже говорилось, исследованные кавказские мезолитические стоянки распределяются в регионе крайне неравномерно, обычно небольшими группами. Группы таких стоянок локализуются в Причерноморье и шире — в Западном Закавказье, где в конце плейстоцена — начале голоцена существовали оптимальные, приближающиеся к современным, условия для жизни человека. Мезолитические коллективы обживали пещеры, основывали стоянки под открытым небом. К первым следует отнести Холодный грот [Соловьев, 1961, с. 191], грот Кеп-Багаз [Соловьев, 1949], Ацинскую пещеру [Крайнов, 1958]. В последнее время усилиями грузинских археологов выявлена серия новых пещерных стоянок: Квачара, Яштхва, Джампала, Дарквети [Церетели, 1974; Небиеридзе, 1978] и открытая стоянка Энцери [Григолия, Церетели, 1967]. Анализ кремневых индустрий и примененный к ним статистический метод дали возможность наметить хронологическую последовательность ведущих форм орудий и выделить в причерноморском мезолите три этапа [Церетели Л. Д., 1973].

1. Ранний мезолит (Квачара, Яштхва, Энцери, Аци IV) характеризуется увеличением, по сравнению с верхним палеолитом, количества микролитических орудий и микровкладышей. Типичные орудия: концевые скребки, пластинки с боковой ретушью, многофасеточные микрорезцы, микронаконечники стрел, костяные дротики и шилья. Узловым памятником является пещера Квачара, имеющая протяженность 90 м. [Там же]. Обжитая ее передняя часть имела два слоя, верхний из которых (ранний мезолит) дал богатый археологический и палеозоологический (обитатели лесных и горных зон в условиях теплого климата) материал. Общим признаком кремневой индустрии является микролитическая техника (микроскрепки, резцы, проколки, пластины граветообразные орудия, микроорудия, наконечники стрел с боковой

¹ На картах (рис. 1, 18, 32) названия населенных пунктов даны по состоянию на 1 января 1988 г.

вьемкой). Характерно большое количество костяного инвентаря — наконечники дротиков, ложила и роговое мотыгообразное орудие.

Отражая глубокие технико-технологические традиции верхнего палеолита, мезолитические орудия Квачары и других синхронных памятников Причерноморья приобретают ряд новых прогрессивных черт (резкое увеличение микроиндустрии на фоне уменьшения верхнепалеолитических форм, преобладание микропластинок, обилие костяных орудий, в частности орудий составного типа). Эти новшества стоят в прямой связи с процессом зарождения новых технических приемов обработки кремня и прогрессивных методов труда. Особое внимание привлекает мотыгообразное орудие из оленьего рога, служившее для рыхления почвы.

2. Развитой мезолит, представленный пока одним памятником (навес Джампала), связывает ранние и поздние комплексы. Индустрии характеризуются увеличением округлых микроскребок, появлением четких трапеций и резцов на сегментовидных пластинках, а также орудий из гальки. Характер орудий становится все более микролитондным.

3. Поздний мезолит прослеживается по таким стоянкам, как Холодный грот, Аци III, Дарквети V, Апианча. Индустрии в большом количестве содержат микроскребки, сегменты и трапеции. Увеличиваются типы костяных орудий, резко сокращается количество пластинок с боковой ретушью и микрорезцов. Для первых двух стоянок характерно обилие гарпунов и остатков костей рыб.

Особое место принадлежит стоянке Дарквети [Небиеридзе, 1978; 1986]. Это первый непо потревоженный многослойный памятник, содержащий культурные отложения четырех эпох (поздний мезолит — ранняя бронза). Позднемезолитический слой (V) насыщен такими орудиями, как концевые скребки, асимметричные треугольники, пластинки с притупленной спинкой (рис. 2, 1—37, 41); встречаются тонкие и узкие отщепы и осколки, микролитические пластинки. Здесь же найдены грузило и прашевые камни.

Почти во всех названных стоянках найдены кости диких животных.

Следует особо подчеркнуть, что позднемезолитический слой Дарквети перекрыт слоем раннего неолита, содержащим кремневые орудия (микролитические пластины, скребки и др.), выполненные в мезолитических традициях, а также новые формы — орудия из рога (рис. 2, 38—40, 43), полированный топор-мотыга, (42), зернотерки и, главное, кости домашних животных. Ненарушенная последовательность ранних слоев Дарквети, традиционализм основных форм каменных индустрий, появление в неолитическом слое орудий из рога, зернотерок и костей домашних животных ставят при решении проблемы зарождения производящего хозяйства в Западном Закавказье этот памятник в ключевое положение.

Иную картину представляет группа мезолитических стоянок глубинной части Грузии бассейна р. Храми (Триалети); это Бармаксызская стоянка [Куфтин, 1941, с. 122], стоянки Эдзани—Зуртакети [Габуня, 1975]. Сосредоточенные в иных геоклиматических условиях, они содержат иной фаунистический материал. В отличие от полосы Причерноморья, где обитали представители лесных и горных пород, здесь преобладали животные степных и полустепных областей [Бурчак-Абрамович, Бендукидзе, 1969]. Не проявляется единство и в индустриях двух территориально отделенных групп стоянок. Индустрия Эдзани, основанная преимущественно на обсидиане, в большом количестве содержит верхнепалеолитический материал, чего не наблюдается в Причерноморье [Габуня, 1964; 1974]. Вместе с тем статистический метод

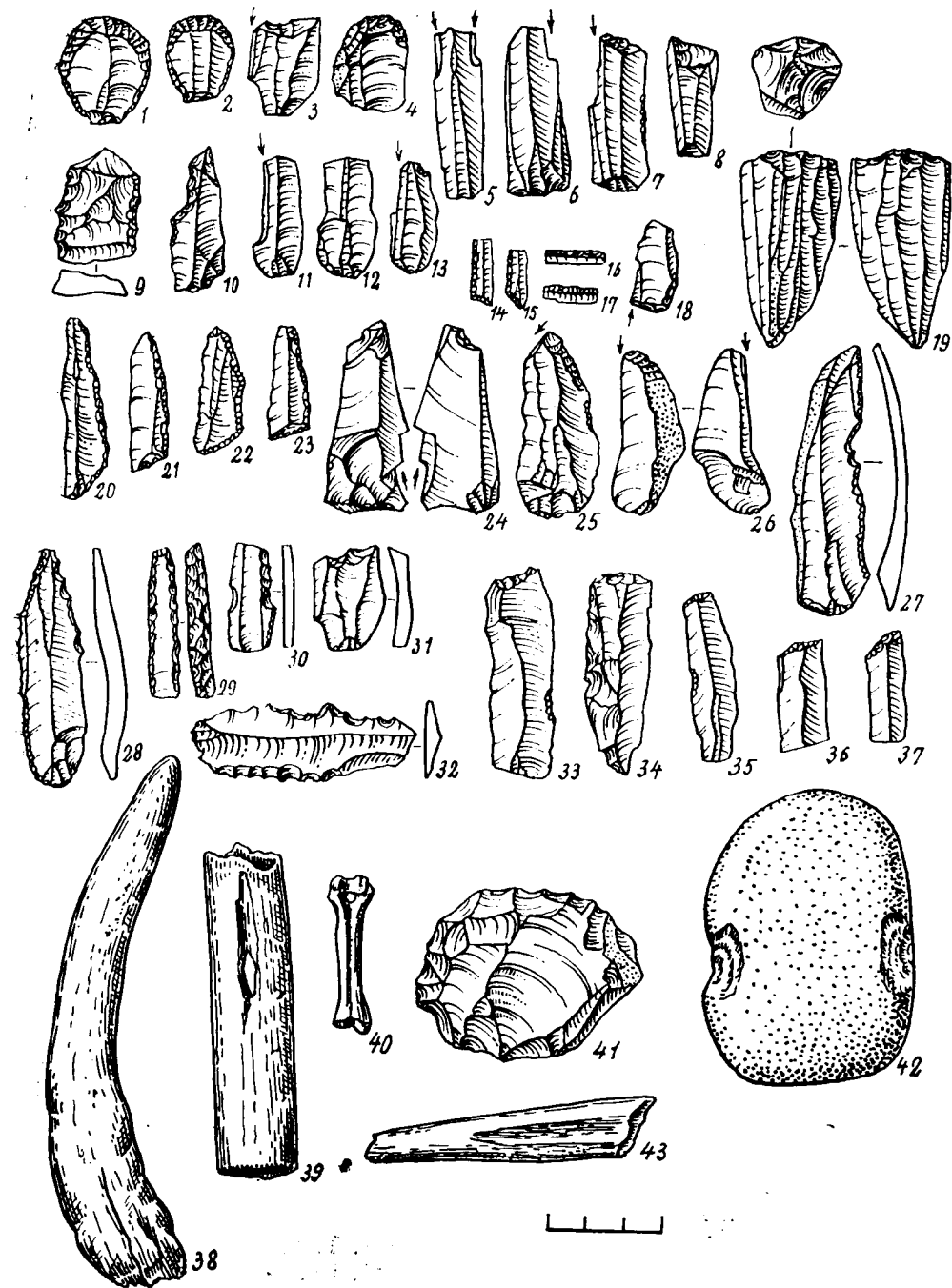

Рис. 2. Находки из мезолитического слоя навеса Дарквети.

1—37, 41 — каменные орудия; 38—40, 43 — орудия из рога и кости; 42 — мотыга из гальки.

выявил резкое преобладание прогрессивных форм орудий, а также определенное своеобразие инвентаря. Здесь преобладают геометрические формы, представленные единицами на Западе; среди них наибольшее распространение имеют асимметричные треугольные микролитические вкладыши; значительное место занимают орудия, по уровню обработки и общему характеру больше отвечающие техническим и хозяйственным потребностям неолита, чем верхнего палеолита [Габуния, Церетели, 1977, с. 34].

Мезолитические стоянки третьей группы локализуются в верхнем и среднем течении р. Риони. Это преимущественно пещерные стоянки — Кведи, Цона, Банетура, Сагварджиле, Чахати [Бердзенишвили Н. З., 1964; Каландадзе А. Н., 1965]. Они исследованы значительно хуже, чем стоянки Причерноморья и Восточной Грузии. Орудия (пластинки с притупленным краем, сегментовидные и треугольные вкладыши, микропластинки без ретуши, скребки, резцы) изготовлялись из кремня. Их инвентарь как будто сочетает черты первых двух групп. Здесь больше, чем в Западной Грузии, скребков на отщепках, пластин с притупленным краем, геометрических форм. В отличие же от Триалети, в рионских стоянках изобилуют проколки, острия, но отсутствует большое разнообразие микролитов. Судя по инвентарю, первая и третья группы стоянок стоят ближе друг к другу, вторая же резко отличается от них. Это подчеркивается также характером сырья: в Причерноморье и в Рионском бассейне использовался кремень, в Триалети — обсидиан.

Наконец, еще несколько территориально оторванных стоянок зафиксировано в одном из самых восточных пунктов Южного Кавказа — в убежищах Кобыстана [Формозов, 1969, с. 42]. Стоянки Фируз 1 и 2 располагались под скальными навесами в районе горы Кичикдаш [Рустамов, Мурадова, 1971; Мурадова, 1979, с. 11]. Нижние их слои насыщены микролитической индустрией (трапеции, скребки, нуклеусы для получения микропластинок, сами пластинки, микроострия, проколки, сверла, сегменты и пр.). Здесь же орудия из гальки — терочки и куранты, грузила, ударные орудия для выбивания наскальных изображений. Последние, так же как и в убежищах 3 и 5, открыты под наносным слоем во время раскопок. Фаунистические остатки Фируз 1 представлены костями диких животных. На стоянке Фируз 2 расчищено более 50 рисунков, среди которых уникальны изображения диких кабанов. Стратиграфически уточненные, эти изображения сегодня являются наиболее древними наскальными изображениями всей кобыстанской «картинной галереи».

Обзор кавказских мезолитических стоянок будет далеко не полным, если не привлечь синхронные памятники к северу от Кавказского хребта, обогатившие наше понимание этого сложного и мало изученного периода. Стоянки Северного Кавказа открыты в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Дагестане, Прикубанье [Формозов, 1963; 1965, с. 55]. Продолжая верхнепалеолитические традиции использования под жильем пещер и навесов, северокавказские общины обосновывались часто в тех же «насиженных гнездах». Такова, скажем, стоянка в гроте Сосуко [Замятнин, Акритас, 1967а], где слои мезолита перекрывают верхнепалеолитические отложения. Наряду с многослойными встречаются и однослойные стоянки — «Навес у алебастрового завода» [Там же], Козьма-Нохо, Мекеги в Дагестане [Котович, 1957, с. 162], Учкулька в Прикубанье и Шау-Легет в Осетии [Любин, 1959].

Кремневые индустрии стоянок характеризуются такими формами, как крупные сегменты, угловые резцы, округлые микроскрепки, карандашевидные нуклеусы, пластинки с притупленным и выемчатым краем.

Обращают на себя внимание находки обломков костяных дротиков с пазами для пластинок — типичного охотничьего оружия верхнепалеолитического и мезолитического человека Кавказа. На стоянках найдены кости диких животных.

Принципиально новым оказались материалы, добытые в последнее время на территории Дагестана. Будучи классической страной гор, Дагестан одновременно характеризуется значительным разнообразием естественно-географических условий. В общих чертах здесь представлены четыре геоморфологические зоны: низменность, предгорья, область внутреннего Дагестана и высокогорье. Теплый, сухой, близкий к современному климат, с достаточным количеством осадков в вегетационный период, разнообразие ландшафтов, богатство пригодных для охоты видов животных, обилие естественных убежищ способствовали здесь деятельности человека с древнейших времен. Немногочисленные мезолитические стоянки Дагестана составляют прочную подоснову местного неолита. Среди них ключевое место принадлежит расположенной в сердце горного Дагестана на высоте 1600—1800 м Чохской стоянке. Обоснование ее на небольшой террасе каньонообразного ущелья, защищенной от холодных ветров, обогреваемой солнцем, отлично замаскированной на местности, находящейся вблизи воды и охотничьих угодий, показывает, что древние обитатели высокогорий, так же как и мезолитические общины других зон Кавказа, при выборе места для стоянок исходили из конкретных требований. Этим же требованиям соответствует топография и некоторых мустьерских стоянок, что наглядно указывает на использование накопленного за длительное время опыта, связанного со спецификой охотничьего уклада хозяйства. При выборе стоянки Козьма-Нохо человек также стремился обезопасить себя от нападения. Наконец, еще одна стоянка горного типа находится у с. Мекеги, на мысу каньонообразного ущелья. Последние две стоянки подверглись лишь разведочным раскопам.

Чох — единственная на Восточном Кавказе стоянка каменного века с ненарушенным культурным слоем. В 50-е гг. она исследовалась В. Г. Котовичем [1957; см. также: 1964, с. 107; 1982, с. 129]. Масштабы раскопок были небольшими, однако добытые материалы привлекли к себе внимание исследователей [Формозов, 1963, с. 182; Бадер, 1965]. Слабая степень изученности верхнепалеолитических и мезолитических комплексов Кавказа привела В. Г. Котовича к неоправданному удревнению стоянки: разделив толщу ее культурных отложений на шесть слоев, он нижние четыре слоя отнес к верхнему палеолиту и лишь два верхних — к мезолиту. Последующими систематическими раскопками Х. А. Амирханова, применившего комплексный подход к материалу и использовавшего данные геоморфологов, палинологов, палеоботаников, палеозоологов и др., установлена новая стратиграфия стоянки, определена ее относительная и абсолютная хронология, принята реконструкция хозяйственной деятельности ее обитателей в разные периоды жизни [Амирханов, 1982а; 1982б; 1983; 1985; 1987] и, что важно, новая стратиграфия скорректирована со старой В. Г. Котовича. Это дало возможность Х. А. Амирханову проанализировать послойно весь добытый в Чохе материал. Соотношение старой и новой стратиграфии прослеживается по таблице на с. 16 [по: Амирханов, 1987].

Как видим, четыре нижних слоя, датированных В. Г. Котовичем верхним палеолитом, Х. А. Амирхановым отнесены к мезолиту, а ранний мезолитический слой старой стратиграфии — к неолиту. Над этим же слоем был впервые зафиксирован горизонт периода средней бронзы.

В. Г. Котович		Х. А. Амирханов	
	Археологическая эпоха		Археологическая эпоха
1	Поздний мезолит	Горизонт С ₁	Средняя бронза?
2	Ранний мезолит	С	Неолит
3	Конец верхнего палеолита	D	Мезолит
4	Конец верхнего палеолита		
5	Конец верхнего палеолита	E	Мезолит
6	Начало верхнего палеолита		

Мезолитические отложения (слои E и D) дали серию выразительных материалов. Остатков строений в них не обнаружено. Как устанавливается, первые поселенцы, обжившие древнюю террасу, принесли каменное сырье (кремь) для изготовления орудий с собой, а затем традиционно сохранили связи с районом его добычи, расположенным в радиусе 30—40 км от стоянки. Технику первичного раскалывания характеризуют нуклеусы архаичных форм, пластинчатые заготовки и производственные отходы. Орудия обработаны различными способами ретуши. Среди орудий — скребла, скребки, резцы, различные виды пластин, ножи, проколки, выемчатые и комбинированные орудия, острия, геометрические микролиты, пластины с ретушью, трапеции и др. (рис. 3). Состав индустрий в целом и большинство отдельных предметов имеют четкий мезолитический облик.

Некоторые типы инвентаря нижних слоев Чоха (нуклеусы, острия чохского типа, удлинённые асимметричные тупоугольные треугольники, высокие асимметричные трапеции) позволили отнести эти слои, так же как расположенную поблизости стоянку Козьма-Нохо, к начальному (раннеголоценовому) периоду развития чохской археологической культуры [Амирханов, 1985]. Преемственное развитие этих типов от мезолитических слоев E и D к слою C указывает на продолжение бытования этой культуры в неолите. Нижние слои Чоха комплексным методом датированы VIII—VII тыс. до н. э. Как устанавливается новыми открытиями, чохская культура, имевшая генетические корни на Северном Кавказе, входила в северокаспийский ареал кругокаспийской области, охватившей пространства степей Предкавказья, Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного Прикаспия. Дальнейшие раскопки мезолитических стоянок в пределах границ чохской культуры несомненно пополняют серию ее ведущих признаков.

Подводя некоторые итоги сказанному, следует прежде всего подчеркнуть, что разработка проблемы мезолита Кавказа за последние 15—20 лет достаточно продвинулась. Достижения сводятся к следующему: на археологической карте Кавказа появилась серия новых памятников; в результате анализа добытых материалов проявляются особенности отдельных стоянок, намечаются группы близких по облику комплексов и культурные ареалы в пределах Кавказского региона; выявлена тенденция к нарастанию к концу мезолита количества прогрессивных форм орудий; поставлен вопрос взаимоотношений кавказского мезолита с синхронными комплексами Юга и Севера, а также с предшествующими и последующими культурами; данные многослойных непотребованных стоянок Дарквети и Чох указывают на преемственную связь мест обитания и ведущих типов индустрий от мезолита к неолиту. Наконец, получена возможность приблизительной реконструкции хозяйственной деятельности общин, обитавших здесь

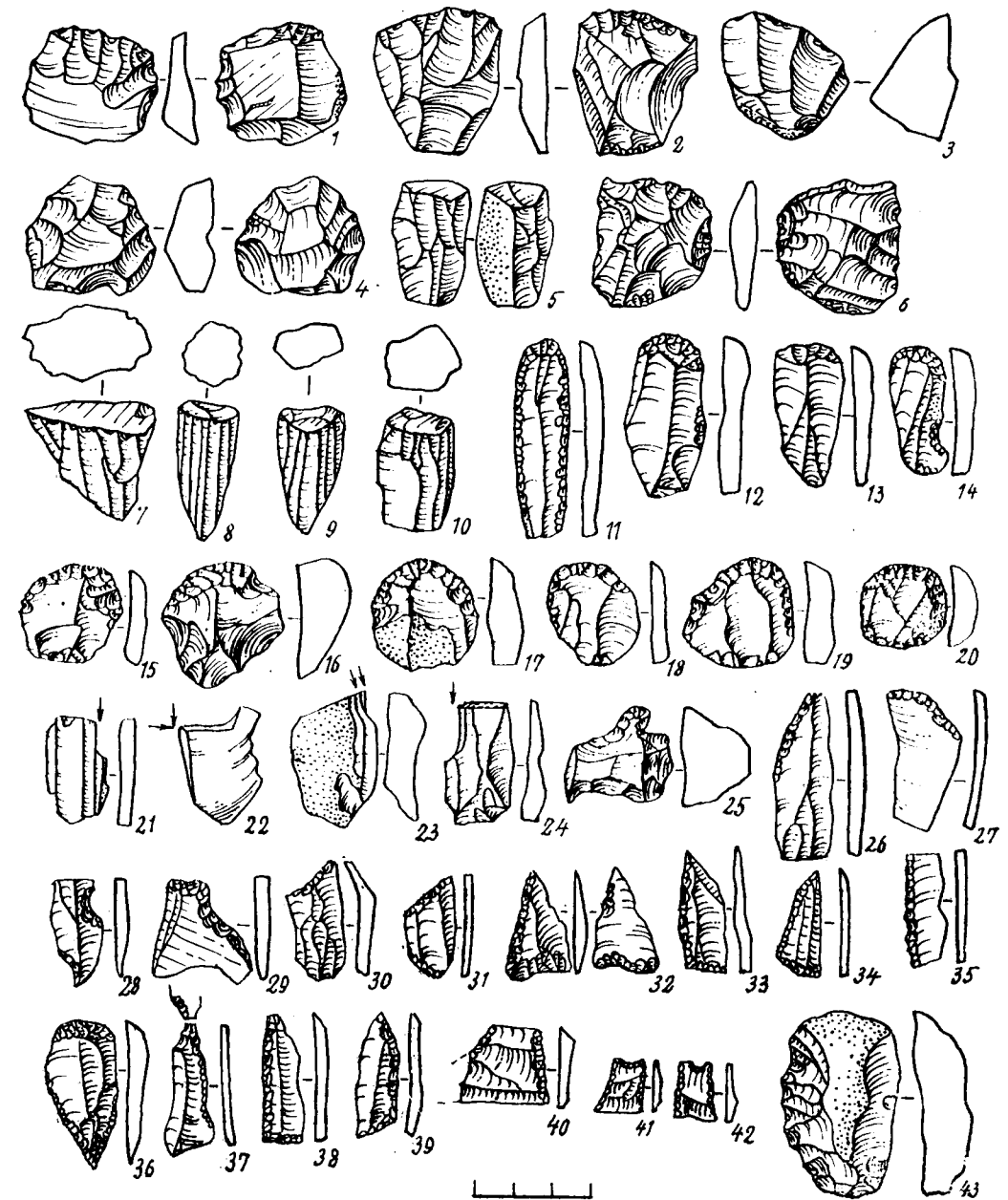
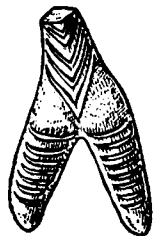

Рис. 3. Каменные орудия из мезолитического слоя стоянки Чох.

в IX—VII тыс. до н. э., т. е. в период, в недрах которого подготавливался переход к производящему хозяйству. Как известно, этот эпохальный сдвиг в экономике в Кавказском регионе завершился к концу VII тыс. до н. э.

Глава 2

НЕОЛИТ-ЭНЕОЛИТ

(VI—середина IV тыс. до н. э.)

С победой аграрной или «неолитической революции» — этого важнейшего рубежа в развитии истории человечества, характеризующегося коренной перестройкой всей хозяйственной деятельности древних обществ, в разных регионах земного шара развиваются новые культуры. Их многообразие находилось в неразрывном единстве с конкретными формами производства, существовавшими в этих обществах. В свою очередь характер производственной деятельности древних обществ предопределял формы и специфику развития их социальных структур. Эта триада — культура, экономика, общественный строй — является основополагающей при изучении различных этапов развития любого общества. Кавказ с его древнейшим историческим прошлым не составляет исключения в этом отношении.

Проблема «неолитической революции», поставленная в свое время Г. Чайлдом [Child, 1925], на материалах оседлоземледельческих поселений Ближнего Востока и Египта, является кардинальной в исследованиях древнейшего прошлого человечества. С тех пор, почти 70 лет, ведутся разработки различных аспектов этой проблемы как в нашей стране [Титов, 1962, 1984; Лисицына, 1970, 1977; Lisitsina, 1984, 1984a; Массон, 1971, 1982a; Шнирельман, 1978, 1980, 1989; Мунчаев, Мерперт, 1981; Бадер, 1984; Мерперт, 1984; Башилов, 1984; Гуляев, 1984; Коробкова, 1987], так и за рубежом [Braidwood, 1952; Kenyon, 1956; Braidwood et al., 1957, 1972, 1982; Flannery, 1965, 1969, 1972; Zohary, 1966; Harlan, 1967, и др.]. Проблема чрезвычайно многоплановая, в ее исследование включился широкий круг специалистов гуманитарных и естественных наук. Прошедший период дискуссий, интенсивных полевых и интерпретационных работ ознаменовался значительным накоплением базового материала, пополнением чисто археологических источников палеоботаническими и палеозоологическими данными, корректировкой и расширением территориальных и хронологических рамок самого процесса «неолитической революции», вычлениением ее этапов и формопроявлений, созданием различных теорий ее происхождения и, наконец, осмыслением огромной значимости сущности проблемы, с возникновением и углубленными разработками которой внесен крупнейший вклад в историческую науку.

Одним из последствий этого эпохального преобразования в истории человечества, открывшего обществу неограниченные возможности для развития, явилось, там, где для этого были благоприятные условия, резкое увеличение численности населения. Масштаб этого демографического взрыва становится очевидным, если обратиться, скажем, к расчетам Э. Дивея, который считает, что население земного шара за

4 тыс. лет (X—VI тыс. до н. э.) возросло примерно в 17 раз [Deevey, 1960]. По Р. Брейдвуду и Ч. Риду коэффициент плотности населения в этот период увеличивается с 1—7 (в зависимости от уровня развития того или иного общества) до 1000 человек на 100 км² [Braidwood, Reed, 1957]. Особенностью нового периода было интенсивное расселение человеческих коллективов в пределах всей аридной зоны и выработка специфических форм адаптации в условиях новой экономики. Процесс охватил и Кавказский регион. В результате в местах, наиболее удобных для ведения производящего хозяйства, возникли десятки оседлых поселений. Основывая свои стоянки и поселения, ранние земледельцы Кавказа проявляли большую приспособляемость к различным экологическим условиям. Как известно, Кавказ характеризуется пестротой ландшафтов, резкой вертикальной зональностью, разнообразием климата. Несмотря на это, уже в эпоху неолита существовали постоянные места обитания фактически в каждой зоне, где древние общины находили удобные для ведения оседлого хозяйства экологические ниши. Природный фактор постоянно оказывал воздействие на население, в результате чего вырабатывались конкретные формы адаптации, выражающиеся как в характере поселений, так и в специфике хозяйственной деятельности их обитателей. Именно этим следует объяснить вариантность хозяйственных комплексов, разнообразие типов неолитических и энеолитических поселений Кавказа [Коробкова, 1987, с. 119], среди которых имеются небольшие открытые стоянки, стоянки под навесами и в гротах, сравнительно крупные стационарные поселения, временные сезонные стойбища и т. д. Они обнаружены в прибрежной морской полосе, в степных и долинных районах, в предгорьях, в межгорных долинах и даже в высокогорной зоне.

В кавказоведении сложился ряд точек зрения, неизбежность которых до определенного времени считалась бесспорной. В их числе — мнение о позднем заселении горных районов и характере развернувшейся здесь хозяйственной деятельности. Наиболее четко его сформулировал А. А. Миллер [Миллер, 1935], взгляды которого в 50-х гг. разделили многие его последователи. Считалось, что во II тыс. до н. э. население Кавказа, занимавшееся мотыжным земледелием, не заселяло предгорий выше отметок 600—800 м н. у. м. Первичное же освоение гор связывалось с I тыс. до н. э. и со скотоводческими племенами, вынужденными искать в горах новые пастбища. На древность горного земледелия при отсутствии археологических данных указывали в то время лишь данные лингвистики и этнографии [см., напр.: Никольская, Шиллинг, 1952]. И если время заселения горных районов земледельческо-скотоводческим населением уже скорректировано открытием здесь значительно более ранних памятников, то специфика его хозяйства проясняется по мере планомерного и всестороннего исследования древних поселений.

Археологическое изучение горных районов Кавказа при решении проблемы путей становления производящего хозяйства является задачей первостепенной важности. Острая необходимость выявления древнейших оседло-земледельческих памятников в горной зоне диктуется прежде всего основополагающими теориями Н. И. Вавилова и П. М. Жуковского, сформулированными на базе изучения мирового ботанического потенциала и специфики флоры Кавказа. Согласно Н. И. Вавилу [1965a], земледелие зарождалось в горных районах. Одновременно Кавказ он рассматривает как огромную экологическую лабораторию, где в течение тысячелетий формировались основные экотипы [Вавилов, 1957, с. 126; 1960b]. В этом процессе особо подчеркивается роль Закавказья, являющегося «очагом эволюции культурных расте-

ний крупного самостоятельного значения» [Жуковский, 1964, с. 31].

К сожалению, горные районы Закавказья, составляющие 72% всей его территории, в большинстве своем археологически почти не изучены. Зато новейшие открытия древнейших земледельческих поселений в горном Дагестане (Чох, Гинчи и др.), экологически близком Закавказью, блестяще подтверждают неоспоримость положений, высказанных ботаниками. Возможность реконструкции образа жизни древнейших кавказских горцев-земледельцев сегодня базируется исключительно на памятниках этого локального района Кавказа, выявленных и изученных усилиями дагестанских археологов. Открытия эти связаны прежде всего с именем В. Г. Котовича, положившего начало археологическим изысканиям в горных районах Дагестана и поставившего ряд кардинальных проблем кавказоведения, а также с именами его учеников и последователей — М. Г. Гаджиева и Х. А. Амирханова. Бесспорно, значительную роль в изучении Северо-Восточного Кавказа сыграли труды Р. М. Мунчаева.

Проблема путей становления производящей экономики на Кавказе получила принципиально новое решение в связи с «вторичным открытием» раннеолитических слоев на стоянке Чох. До этого, базируясь на массовых материалах энеолитических поселений низких равнин Закавказья (V—IV тыс. до н. э.) и не имея в своем распоряжении более архаичных земледельческих комплексов (что создавало впечатление отставания Кавказа от Ближнего Востока), исследователи полагали, что развитие производящего хозяйства здесь было стимулировано воздействием переднеазиатских культур [Массон, 1971, с. 124]. Предполагалось, что импульсы земледельческо-скотоводческих навыков поступали из разных областей Передней Азии, в частности с территории распространения натуфийской культуры [Формозов, 1965, с. 59], из загросского центра [Мерперт, 1978, с. 19]. Переход к производящему хозяйству определялся временем позднего неолита [Мунчаев, 1975, с. 79]; при отсутствии палеоэтноботанических находок этот вывод закономерно базировался на технико-морфологическом анализе каменных орудий.

Напомним, что В. Г. Котович, раскопавший в 50-е гг. Чохскую стоянку, датировал ее культурные отложения верхним палеолитом и мезолитом; неолитического слоя он здесь не зафиксировал. Сопоставляя некоторые формы орудий и сланцевую рукоятку жатвенного ножа из верхнего слоя с орудиями мезолитических комплексов Передней Азии, документирующих первый этап становления производящего хозяйства, исследователь считал, что чохские орудия фиксируют тот же (мезолитический) этап развития в горном Дагестане (такая точка зрения разделялась в свое время и нами [Кушнарева, Джапаридзе, 1978, с. 270]). Находки же керамики в этом слое он трактовал как переотложенные с верхней части террасы.

Возобновление Х. А. Амирхановым исследований Чоха, осуществленных с помощью геоморфологов, дополненных данными палеоботаники, палеозоологии и споро-пыльцевого анализа, дали основание для нового исторического осмысления памятника [Амирханов, 1982а, 1982б, 1983, 1985, 1987]. Как было показано выше (см. таблицу), была уточнена его стратиграфия и выделены два горизонта с мезолитическим материалом. Принципиально новым оказалось наличие достаточно репрезентативного неолитического слоя, залегавшего на слое D и объединившего в себе два верхних («мезолитических») слоя старой стратиграфии. Синхронизировав слои стоянки, Х. А. Амирханов получил возможность проанализировать весь материал из неолитического слоя. Комплекс выявленных элементов определил подлинное культурно-хро-

нологическое место тех неожиданных для мезолита Кавказа чохских находок, которые расценивались (на основе переднеазиатских аналогий X—VII тыс. до н. э.) как признаки зарождения экономики производящего типа в мезолитическое время. Комплексным методом этот слой был датирован временем до первой половины VI тыс. до н. э. Таким образом, с открытием раннеолитического поселения в Чохе было установлено время заселения первыми земледельцами горной зоны Кавказа.

Создание неолитических поселений в горных и предгорных районах находилось в прямой связи с процессом оседания охотников и собирателей на землю, проходившим достаточно интенсивно. В Дагестане уже выявлено более 20 ранних стоянок, мастерских и местонахождений, причем большая их часть находится в горах. Однако ключевым при решении проблемы становления производящего хозяйства на Кавказе сегодня является Чох — единственное на Восточном Кавказе поселение каменного века с ненарушенными слоями.

При выборе места обоснования чохской стоянки мезолитическая община, бесспорно, учитывала наличие здесь оптимальных условий для обитания (защищенность от ветров, наличие солнца, воды и охотничьих угодий и др.). Обосновавшись на этом месте, первые земледельцы и скотоводы использовали накопленный за длительное время опыт. Большое значение в этот период приобрела, очевидно, и сама древняя терраса, удобная для ведения земледельческого хозяйства.

В неолитическом слое открыты самые ранние для Кавказа стационарные каменные жилища, что указывает на прочное и долговременное обитание здесь человека; всего их было два. Жилище № 2, исследованное более тщательно, занимало площадь около 60 м² и представляло собой полукруглое сооружение с коридорообразным входом, пристроенное к скале (рис. 4, 1). Стены его сложены из необработанных глыб известняка, плотно пригнанных друг к другу. Опиравшееся на скалу, стены и центральный столб перекрытие предположительно было плоским, наклонным к внешней стороне жилища. В центре жилища находился слегка углубленный в пол стационарный очаг; другой очаг располагался около коридорообразного входа. Есть основание предполагать, что второе жилище было примерно таким же. Оба жилища с межжилищным пространством и участком перед ними занимали площадь около 800 м². Таким образом, в Чохе впервые открыт неизвестный для этого времени тип маленького горского поселения, который остался традиционным для горной зоны Кавказа (в частности, Дагестана) и впоследствии [Исламмагомедов, 1967, с. 113].

Находимые на разных уровнях в жилищах и за их пределами кострища говорят об интенсивной хозяйственной деятельности неолитической общины на протяжении длительного времени. Помимо архитектурных остатков, слой был насыщен находками из камня, глины (рис. 4, 2—24), а также флористическими и фаунистическими материалами. В кремневом инвентаре наблюдаются заметные черты эволюции, характеризующие чохскую культуру на новом хронологическом и хозяйственном этапе. Здесь найдены традиционные для мезолита скребки, резцы, наконечники стрел, трапеции, ножи, проколки, ядрища и др.; преемственность с предшествующим периодом несомненна. Наряду с ними появляются прогрессивные формы, в частности мелкие пластины; трасологические исследования Г. Ф. Коробковой показали, что они служили вкладышами для составных серпов. Вместе с орудиями из гальки, зернотерками и костяными рукоятками жатвенных ножей они указывают на различные земледельческие процессы. Впервые появляется керамика — плоскодонные сосуды (чаши и

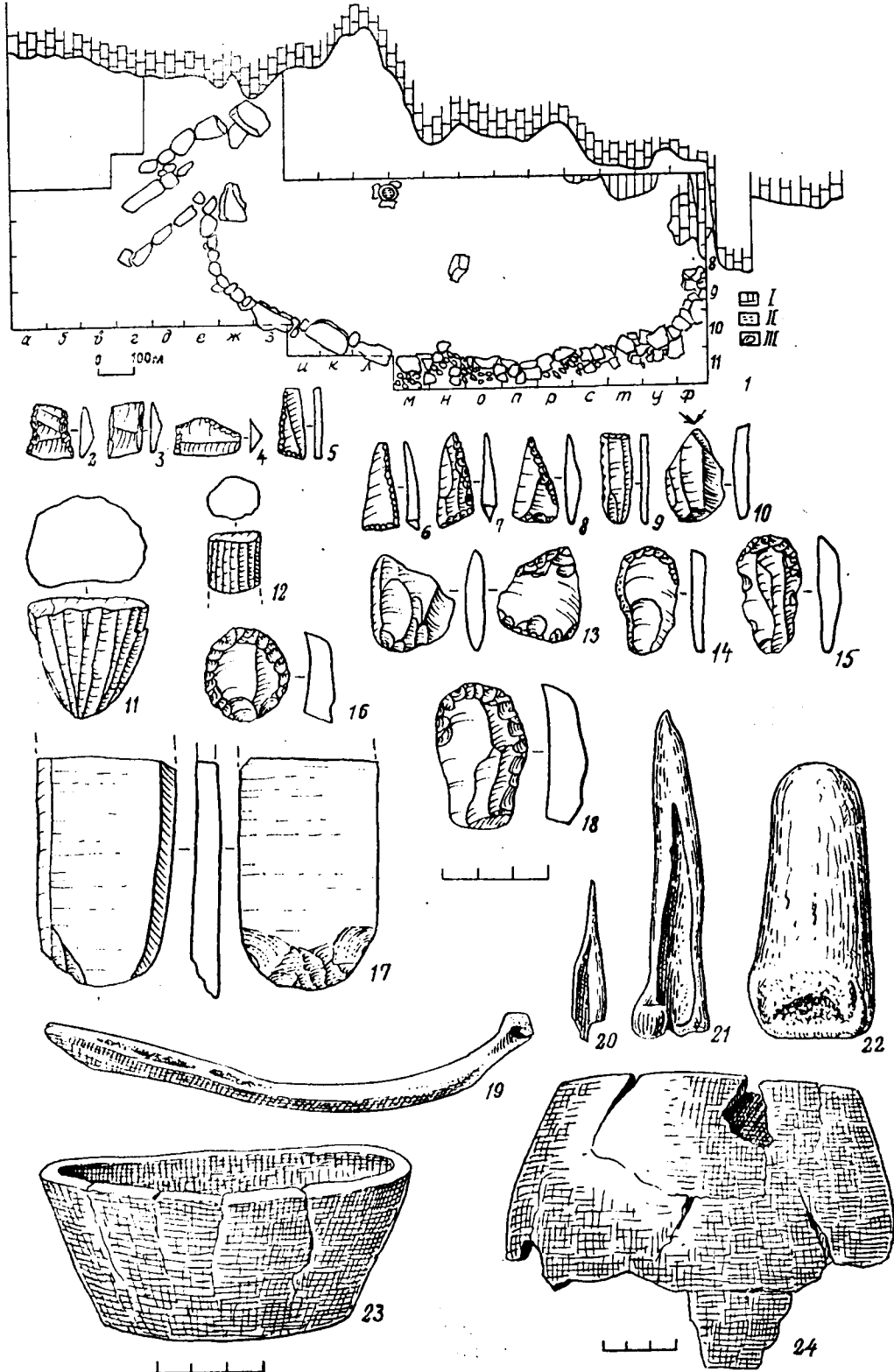

Рис. 4. Чохское неолитическое поселение.

1 — план жилища; 2—18 — орудия из камня; 19 — роговая основа серпа; 20—22 — орудия из кости и рога; 23—24 — керамика.

горшки) с расширенным туловом, изготовленные архаичным ленточным способом; они слабо обожжены и имеют примесь дровы в тесте.

Палеоботанические остатки получены Г. Н. Лисицыной методом промывки культурного слоя. Ею же сделаны определения [Lisitsina, 1984]. В Чохе обнаружены самые ранние для Кавказа остатки зерен хлебных злаков: пшеницы — однозернянка, двузернянка и мягкая карликовая, три вида ячменя, овес, просо, а также виноград (?), бобовые и др. Совместное нахождение во всех взятых образцах пшеницы и ячменя говорит о практике смешанных посевов.

Напомним, что подавляющее большинство костей из раскопок В. Г. Котовича принадлежало муфлонообразным баранам (78%) и козлам. Кроме того, в Чохе были обнаружены кости благородного оленя, зубра, кавказского тура, кабана, зайца, хомяка, рыси [Верещагин, 1959, с. 195, табл. 42]. Последними же раскопками неолитического слоя выявлены кости домашних животных — коровы и овцы; возможно, что одомашненной была также коза.

Таким образом, Чохское поселение надо рассматривать как ключевое при разработке вопросов как культурологического, так и социально-экономического порядка. В последнем аспекте эпохальное значение памятника заключается в том, что здесь впервые для Кавказского региона зафиксирован момент завершения перехода к производящему хозяйству.

Помимо Чоха, в Дагестане открыты стоянки, неолитическая принадлежность которых основывается только на анализе орудий труда; ни на одной из них не обнаружены жилища, а также палеоботанические и палеозоологические остатки. В свое время к неолиту были отнесены стоянки в горной и предгорной зонах и на морских террасах Прикаспия [Котович В. Г., Мунчаев, 1957; Марковин, 1957; 1959; Котович В. Г., 1964], а также так называемые Ругуджинские стоянки (Малин-Карат, Мучу-Бахил-Бакли, Архинда) и кремнеобрабатывающие мастерские. Впоследствии Ругуджинские стоянки были передатированы и отнесены к неолитической культуре типа Гинчи [Гаджиев, 1980а, с. 18]. Ранний неолит Дагестана, по-видимому, представлен Тарнаирской и Буйнакской стоянками. Их микролитические орудия повторяют традиционные мезолитические формы. Появляются макролиты, и в первую очередь топоры-тесла — универсальные орудия для вырубki леса, рыхления земли и строительства долговременных жилищ. В целом неолит Дагестана наиболее выразительно представлен Чохом.

Единичные неолитические стоянки горного типа, на которых не зафиксированы жилища и зерна злаков, известны также в горных районах Грузии (Лебикв, Нагутни, Джиджоета, Зурахо, Жирсуки) [Григолия и др., 1971, с. 59; Чартолани, 1974, с. 5; 1989, с. 34] и Армении (Артик, Зага, Баража) [Сардарян, 1967, с. 277], однако их немного и они маловыразительны.

Поселение Гинчи, являющееся сегодня единственным систематически исследованным долговременным памятником следующего (неолитического) периода в горном Дагестане, отражает дальнейший процесс развития «неолитической революции» на Кавказе. Складывавшийся в своей основе на местной базе и испытавший влияние высокоразвитых культур Закавказья и Передней Азии, гинчинский культурно-хозяйственный комплекс демонстрирует новый, значительно более высокий, чем в неолите, уровень развития производительных сил. Поселение Гинчи находится в Гидатлинской долине на высоте 1600 м. н. у. м. на берегу р. Гидерил-ор, на одной из верхних речных террас [Гаджиев, 1966, 1974, 1975, 1978, 1980а, 1981, 1987б]. Долина с трех сто-

рон ограждена хребтами и представляет собой естественно защищенное место. Первоначально поселение считалось двуслойным, однако после типологической проработки керамики и кремневой индустрии памятник предстал как единое целое. Анализ материалов дал основание для выделения новой, докуроаракской культуры, распространенной на Северо-Восточном Кавказе и возникшей на основе местного неолита, восходящего в свою очередь, к более ранним культурам [Гаджиев, 1978]. На поселении существовала оборонительная стена из камня — самое древнее на Кавказе фортификационное сооружение. Значительная толща культурного слоя, наличие полуземлянок, прочных круглых и прямоугольных каменных жилищ с очагами, крупных зерновых ям и др. указывают на длительную оседлость обитателей поселения.

Находки чрезвычайно многообразны. Это большая серия каменных орудий, разнообразная, в том числе завезенная из Передней Азии, керамика, поделки из кости, рога, глины, зернотерки, куранты, кости животных и др. Лепка сосудов производилась различными способами (ленточный, в песчаной и рогожевой формах, в корзинах, на тканевой основе, по частям с последующим соединением). Кухонная посуда толстостенная, имеет крупную примесь в тесте, покрыта ангобом или слоем жидкой обмазки с отпечатками ткани. Столовая посуда более тонкостенная, иногда залощена и имеет разнообразные формы. Хорошее качество последней свидетельствует о наличии в этот период гончарных печей, в которых обжиг производился с регулировкой температуры. Кремневая индустрия Гинчи характеризуется пластинчатой техникой. Использовались преимущественно пластины длиной 5—7,5, шириной 1,5—2 см (35%). Таким образом, гинчинский орудийный комплекс следует рассматривать как макропластинчатый, без признаков микролитодности [Коробкова, Гаджиев, 1983, с. 133].

Ругуджинские стоянки и горное поселение Чинна есть основания трактовать как временные стойбища скотоводов. Их кремневая индустрия с характерной крупнопластинчатой техникой, резким уменьшением количества микролитических орудий, а также специфическая керамика проявляют бесспорное единство с комплексом Гинчи. Деграцию каменной индустрии особенно ярко демонстрирует стоянка Чинна. Энеолитические памятники Северо-Восточного Кавказа датируются в пределах V—третьей четверти IV тыс. до н. э. [Гаджиев, 19876, с. 25].

* * *

Археологические материалы показывают, что волна расселения раннеземледельческих общин, хозяйственная деятельность которых прослежена в горах и межгорных равнинах Северо-Восточного Кавказа, сравнительно быстро охватила все Закавказье (рис. 1, Б). Древние коллективы занимали места, наиболее удобные для ведения примитивного аграрного хозяйства; это были обширные речные долины, низкие равнины, а также районы, прилегающие к морскому берегу.

Приток населения в районы Причерноморья, где в широкой прибрежной полосе в конце VII—VI тыс. до н. э. возникает серия стоянок, объясняется в значительной мере теми же причинами, которые привлекали сюда мезолитического человека — господством теплого средиземноморского климата, обилием охотничьих животных и рыбы, запасами производственного сырья [Джанелидзе, 1980, с. 127]. Однако решающим фактором для будущих земледельцев становятся плодородные почвы, обильно орошаемые влагой.

Неолит Причерноморья, открытие которого началось с таких хрестоматийных памятников, как Одиши [Каландадзе А. Н., 1939, с. 343;

1969, с. 53] и Кистрик [Лукин, 1950; Соловьев, 1967] в Абхазии и Шилловка близ Адлера [Формозов, 1962, с. 97], в последние десятилетия получил известность по серии новых стоянок. Это — Анасеули I—II, Чхортоли, Мамати, Дарквети [Небиеридзе, 1961, 1964, 1967, 1972, 1978, 1986]. Известны и другие неолитические стоянки — Нагомари, Ахалшени, Инанеули в Гурии, Урта, Палоури, Агубедия, Хорши, Одачхапе в Мегрелии, Тетрамица, Сагварджиле в Имеретии, Сакво в Раче, Апианча около Цебельды, Мелоури в районе Цхалтубо [Каландадзе А. Н., 1969; Каландадзе К. С., 1969; Григолия, Мирцхулава, 1976; Бердзенишвили Н. З., Небиеридзе, 1979; Небиеридзе, 1978, 1986; Каландадзе К. С. и др., 1982; Пхакадзе, 1988а, и др.]. В юго-восточном Причерноморье недавно открыты стоянки типа Кобулети (Хуцубани, Квирико, Джихаеджури, Чолоки, Бешуме), а также несколько более поздняя стоянка Махвалаури [Гогитидзе, 1978, с. 126]. По площади, облику, мощности культурных слоев и составу находок стоянки далеко не равнозначны. Такие, как, скажем, Анасеули, Одиши, Кистрик, Гали, простираются на несколько гектаров, находки на них исчисляются тысячами. Другие же (Ахалшени, Сакао, Урта и др.) известны лишь как древние местонахождения.

Неолитическое население Причерноморья основывало свои стоянки под открытым небом, хотя в отдельных случаях по традиции использовались гроты, пещеры и навесы (Холодный грот, Дарквети). Стоянки приурочивались к речным и морским террасам либо возникали на эрозированной поверхности естественных холмов. Именно поэтому их культурные остатки оказываются часто переотложенными и лишенными стратиграфического значения. Лишь в нескольких случаях (Чхортоли, Дарквети, Хорши, Кобулети) культурный слой оказался непотревоженным [Каландадзе А. Н., 1973; Бердзенишвили Н. З., Каландадзе, Хубутия, 1980; Григолия, Мгеладзе, 1980]. Особо следует отметить стоянку Бешуми на границе субальпийской и альпийской зон, что указывает на становление производящего хозяйства в горах и в этой части региона. Наконец, ключевым памятником этой части Кавказа является Даркветский навес — многослойная стоянка, в раннеолитическом слое которой (IV) зафиксированы самые древние для Закавказья следы скотоводства [Небиеридзе, 1978, табл. II].

На стоянках отсутствуют мощные культурные слои и, как правило, остатки жилых сооружений. Лишь в Хорши зафиксированы следы маленьких прямоугольных жилищ на деревянных столбах со стенками из прутьев, обмазанных глиной; в Чхортоли и Анасеули I—II — фрагменты обмазки; в Кобулети — следы от столбов, а в Мицис-цхе же концентрация вещей пятнами позволила предполагать наличие четырехугольных легких жилищ типа шалашей с глиняной обмазкой [Небиеридзе, 1978, с. 97; 1986, табл. VIII]. Шалаша из плетенки были, по-видимому, специфическим типом жилья на всех неолитических стоянках Причерноморья [Джавахишвили А. И., 1974, с. XVI].

Анализ каменных индустрий устанавливает две последовательные группы стоянок. Комплекс орудий первой — переходный период от мезолита к неолиту, ранний неолит (Анасеули I, Хуцубани, Дарквети, стоянки типа Кобулети) — имеет сходство с орудиями мезолитических комплексов (Холодный грот, Дарквети VI, Квачара, Ацинская и Чхатская пещеры и др.). Это указывает на преемственную связь разновременных культур и на близость хозяйственного уклада общин, оставивших эти стоянки. Об их последовательности говорит стратиграфическое смыкание мезолитических и неолитических слоев на стоянках прибрежной полосы (Холодный грот, Апианча) и более глубинных районов (Дарквети, Самеле-Клде). Для неолитических индустрий ве-

душей остается микролитическая и высоко развитая пластинчатая техника; возрастает количество ножевидных пластин. Многочисленны скребки, реже встречаются проколки, сверла, зубчатые стамесковидные орудия, ножи. Особенно много кремневых и обсидиановых находок на раннем поселении Кобулет; их общее число — 5261, из них кремневых 2765, обсидиановых — 2473; среди них: нуклеусов — 47, отщепов, обломков, чешуек — 3012, пластин — 1337; из них обработанных — 240, резцов — 306, скребков — 112 [Гогитидзе, 1978, с. 127]. Встречаются также пилообразные, зубчатые, вкладышеобразные, серповидные, стреловидные, крючкообразные, комбинированные и тесловидные орудия. Бесспорно, стоянка была одновременно и мастерской.

Костяной инвентарь на стоянках характеризуется роговыми орудиями (землекопалки, шилья, проколки, иглы, лощила). Керамика еще отсутствует, что позволяет говорить о докерамическом неолите. Вместе с тем для этого периода характерен ряд принципиально новых, эпохальных черт: вводятся новые методы обработки каменных изделий (шлифование, полировка); появляются неизвестные ранее типы орудий (жатвенные ножи, зернотерки, терочки, топоры, тесла, долота, молоты, ядра); расширяется ассортимент применяемых материалов. Появление топоров и тесел, которые могли использоваться не только в строительстве, но и для рыхления почвы, а в условиях подсечно-огневого земледелия, характерного для этих лесистых районов [Петров, 1968; Киквидзе, 1988, с. 21], были удобными для расчистки земельных участков под пашни, делает допустимым предположение, что земледельческие работы уже осуществлялись. Однако здесь еще нет множества орудий, характеризующих последующую, тесно связанную с земледелием стадию неолитической культуры Причерноморья.

Благодаря выявлению ранне неолитических поселений, ряд комплексов этой области оказался смещенным с прежнего хронологического места. Это стоянки Одиши, Кистрик, Нижняя Шиловка, относимые в свое время к раннему неолиту [Соловьев, 1967, с. 26]; вместе со стоянками Анасеули II, Урта, Мамати, Махвилаури, Хорши они представляют поздний этап западно-закавказского неолита. В этот период появляется глиняная посуда. Полное тождество определенного типа керамики поселения Анасеули II и Шулаверис-Гора (Восточная Грузия) позволяет синхронизировать эти памятники, находящиеся в удаленных друг от друга районах Кавказа. Шулаверис-Гора в свете последних исследований рассматривается как поселение поздне неолитического времени [Кигурадзе Т. В., 1975а, с. 27].

Судя по возникновению новых стоянок, процесс расселения общин интенсивно продолжался. Особого внимания заслуживает непотревоженная стоянка Чхортоли. Она обосновалась на третьей террасе около небольшой речки и занимала, таким образом, чрезвычайно удобное для заселения и ведения земледельческого хозяйства место. Площадь ее — 200 м². Относительно мощный культурный слой (60 см) образовался в результате длительной жизни ее обитателей.

Часть орудий труда на поздне неолитических стоянках носит черты традиционности, появляющейся в технике обработки сырья, микролитичности отщепов и пластин, форме скребков и резцов. Однако наблюдаются и принципиально новые явления. Большое место теперь занимают геометрические микролиты и ножевидные пластины, часть которых служила жатвенными орудиями. Техника обработки камня совершенствуется, появляются новые приемы, сужается роль таких видов сырья, как кремень и обсидиан, которые постепенно вытесняются новыми материалами (галечник, базальты). Если в ранних стоянках Юго-Восточного Причерноморья обсидиановые орудия составляли 35—

40% всех изделий, то в поздне неолитическом поселении Махвилаури — 6% [Гогитидзе, 1978, с. 132]. Появляются тяпкообразные орудия так называемого сочи-адлерского типа, происхождение которых связывалось с переднеазиатскими импульсами [Формозов, 1965, с. 61], в большом количестве изготавливаются полированные топоры, тесла, долота. Осваивается техника сверления.

Совокупность основных черт материальной культуры и ведущих тенденций хозяйственного комплекса поздне неолитических памятников Западного Закавказья привела к обобщению их в понятие так называемой одишской культуры [Небиеридзе, 1986, с. 179]. Последняя охватила предгорную полосу Причерноморья (от Аджарии до района Адлера) и была тесно связана с памятниками Северо-Западного Кавказа (Каменноостская, Овечка).

Энеолит Западного Закавказья представлен сравнительно небольшим числом поселений и стоянок, материальный комплекс которых продолжает неолитические традиции. Это Тетралица, Самеле-Клде, Сагварджиле II, Дзудзуана, Очажный грот, Ахштырь. Все они характеризуют однородную культуру, охватывающую самые глубокие районы Западной Грузии на востоке и берег Черного моря на западе. Наряду с образованием новых открытых стоянок заселяются старые, давно заброшенные пещерные места обитания. Все это указывает на интенсивный процесс расселения.

Пещерная стоянка Самеле-Клде относится к самому концу неолита — началу энеолита [Тушабрамишвили, 1963, 1965; Джавахишвили Г. А., 1971]. Ее культурный слой — 2 м. Следы жилищ не обнаружены. Кремневые изделия (пластины, скребла, скребки, резцы, зубчатые и вильчатые орудия и др.), костяные стержни для микролитических орудий, грубые сосуды баночных форм с насечками по краю и точечным орнаментом (рис. 5, 1—19) хорошо сопоставляются с материалами неолитических стоянок Одиши, Мицисцихе, Мамати и др. К прогрессивным формам относятся усовершенствованные полированные орудия, кремневые наконечники стрел, пряслица, сосуды шаровидной формы с лощеной поверхностью. Они тяготеют к формам, развивающимся в конце энеолита и даже в ранней бронзе (Самерцхле-Клде — рис. 5, 20—48; Сагварджиле и др.).

Поселение Тетралица обосновалось на вершине небольшого холма [Киладзе, 1951]. Подземный материал характеризует комплекс орудий лишь частично. Остатки обмазки стен свидетельствуют о существовании все тех же жилищ из жердей, обмазанных глиной. Наряду с массовым кремневым инвентарем архаичного облика встречены крупные мотыгообразные орудия, мотыжки сочи-адлерского типа, вкладыши серпов, наконечники стрел, клиновидные топоры, зернотерки, песты. Керамика еще архаична.

В Абхазии этот период представлен Мачарским поселением, где зафиксированы остатки огороженной полужемлянки [Бжания, 1966а, 1966б], а также открытыми стоянками с тяпкообразными мотыжками в Гантиади, селищем на горе Гуадику и поселением в с. Атаря Армянская [Барамидзе и др., 1980]. Мачарское поселение имеет дату 3810±90 лет до н. э. За исключением Мачарского поселения жилища нигде не зафиксированы. Стоянки содержат все тот же набор орудий (топоры, тесла, зернотерки, наконечники стрел и др.). Грубая керамика имеет архаичный облик и тяготеет к поздне неолитической посуде.

Перечисленные стоянки и поселения документируют выросшую на местных традициях энеолитическую культуру Западного Закавказья, отличающуюся от синхронных культур других областей Кавказа, но близкую памятникам майкопской культуры. Вместе они составляют

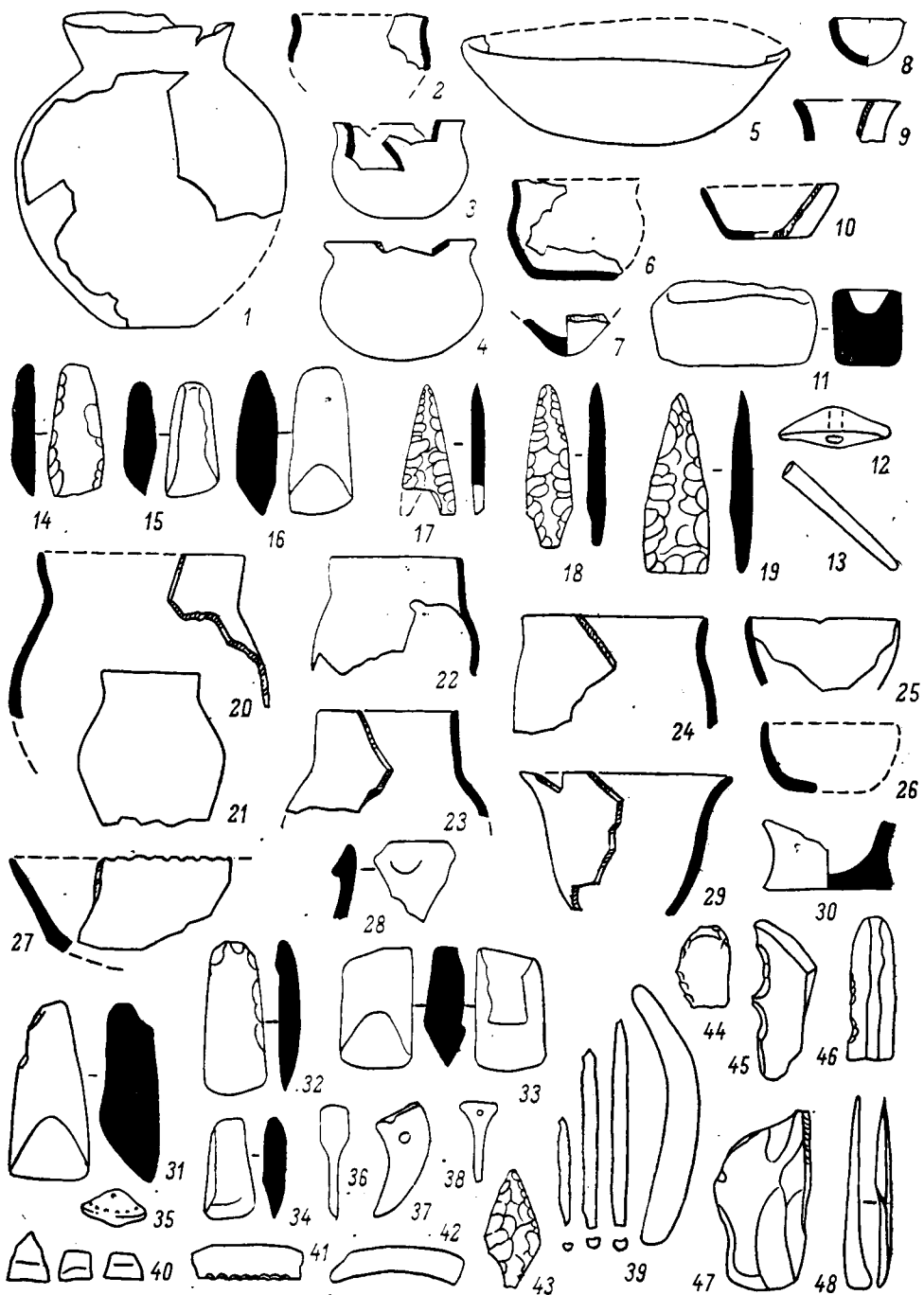

Рис. 5. Керамика, орудия из камня и кости из пещер Самеле-Клде (1—19) и Самерцхле-Клде (20—48).

1—10, 20—30 — керамика; 11 — форма для отливок; 12, 35 — глиняное пряслице; 14—19, 31—34, 40—48 — каменные орудия; 36—39 — орудия из кости и рога.

единую западнокавказскую культурную общность, в пределах которой прослеживаются локальные культуры — западно-закавказская и майкопская [Небиеридзе, 1978, с. 101]. В Западном Закавказье в дальнейшем формируется яркая и своеобразная культура ранней бронзы.

По поводу периодизации основных стоянок Западного Закавказья исследователи высказываются неоднозначно. Есть точка зрения, что стоянка Самеле-Клде относится к концу неолита, Сагварджиле — к концу энеолита, а Конобили — к концу энеолита — началу ранней бронзы [Глonti и др., 1968]. В последних работах Г. Г. Пхакадзе [1988а, 1988б], посвященных памятникам Рионо-Квирильского бассейна, автор синхронизирует нижние горизонты первых двух стоянок и квалифицирует их как самые древние пещерные поселения, следующие непосредственно за неолитическими. Они, с ее точки зрения, синхронизируются между собой, а также с серией поселений как на территории самой Западной Грузии (Псоу, Мачара IV, Гуандра), так и Сочи-Адлерского района (Ахштырь, Имеретинская бухта и др.) [Там же, 1988а]. Еще одна линия сопоставлений проведена автором между материалами пещерных стоянок Самеле-Клде, Сагварджиле, Дарквети и обширного круга позднеэнеолитических памятников, открытых в последние 10—15 лет на территории большей части Закавказья. В Грузии это Дамцвари-Гора, Цителгореби, Квириасцхели, Жинвали, Хертвиси, Бодорна; в Азербайджане — Аликемек-Тепеси, Лейла-Тепе, Ментеж, Рус-Тепеси; в Армении — Техут, Норабац и др.; в научную литературу все эти поселения вошли как памятники типа Сиони и заполнили разрыв, существовавший между раннеземледельческими комплексами шумо-тепинского типа и куро-аракскими памятниками.

* * *

Совершенно иной характер носят поселения Центрального и Восточного Закавказья, расположенные в долинах, на низких равнинах и в степных районах. Их возникновение следует связывать с дальнейшим развитием «неолитической революции», зарождение которой мы проследили на памятниках горной зоны. Скорее всего горные очаги послужили импульсом к последующему расселению земледельцев, в результате чего на протяжении VI—IV тыс. до н. э. активно заселяются Квемо-Картлийская и Араратская равнины, Алазанская долина, Куро-Аракская низменность, Мильская, Карабахская и Муганская степи [Иессен, 1963; Нариманов, 1966, 1982а, 1987; Чубинишвили, Кушнарева, 1967; Кушнарева, Чубинишвили, 1970; Джапаридзе, Джавахишвили, 1971; Торосян, 1971, 1976; Чубинишвили, 1971; Джавахишвили А. И., 1973; Чубинишвили, Челидзе, 1978; Абибуллаев, 1982; Энеолит СССР, 1982; Джавахишвили А. И., Нариманов, Кигурадзе, 1987, и др.]. Расположенные компактными группами (по 2—5 в каждой) на расстоянии 10—15 км, поселения эти являют собой типичный пример известного в этнографии гнездового расселения. Количество зафиксированных южнокавказских поселений этого типа в рамках их наибольшего распространения сегодня превышает 150. В одном только среднем течении р. Куры их насчитывается около 50. Севернее р. Куры поселения выражены слабо.

Поселения дошли до нас в виде оплывших искусственных холмов (телль, блур, тепе, гора), образовавшихся вследствие длительной жизни на одном месте. Их площадь колеблется от 0,5 до 4 га. Самые крупные занимают 4,5—5 га (Храмис-Диди-Гора, Хыны-Тепе). Долговременный характер и застройка глинобитными домами наложили отпечаток на специфику культурных отложений: это свиты строительных

горизонтов, число которых на разных поселениях варьирует. Их толщина на поселении Храмыс-Диди-Гора — 4 м, на Арухло I, Тойре-Тепе и Имирис-Гора — 5, на Шулаверис-Гора — 8, на Кюль-Тепе I — 8,5—9, на Гаргалар-Тепеси — 10, на Кяруз-Тепе — 12 м.

Вопрос о скорости нарастания культурных слоев на поселениях с сырцово-архитектурой обсуждался неоднократно. Бартон-Браун, например, считает, что на поселениях типа теллей за одно столетие накапливалось 4 фута (1,2 м) культурного слоя [Burton-Brown, 1955, p. 241, 266]. Гиршман отводит на один строительный горизонт время жизни двух с половиной поколений, т. е. примерно около 75 лет; с его точки зрения, 17 горизонтов Тепе-Сиалка образовались в течение 1275 лет [Chirshman, 1939, p. 89]. Вулли утверждает, что дома из сырцового кирпича стоят не менее 50 лет [Woolley, 1934, p. 225]. Брейдвуд исходит из того, что глинобитные хижины иракского Курдистана стоят примерно 15 лет, и переносит эту цифру на древние строения [Braidwood, 1957]; эта цифра рядом исследователей взята под сомнение. И. Н. Хлопин [1964, с. 61], сопоставив древнюю сырцовую архитектуру с аналогичными современными постройками Средней Азии, считает, что время накопления одного строительного горизонта — примерно 40 лет. Средняя продолжительность жизни одного строительного горизонта, по-видимому, приближалась к 40—60 годам. Толщина же такого горизонта, вычисленная по некоторым поселениям с сырцово-архитектурой Передней, Средней Азии и Кавказа, составляет 40—60 см. Так, на Чагыллы-Депе при толщине культурного слоя 6,5 м насчитывалось 12 горизонтов, в Бами при 2 м — 5, в Тоголок-Депе — при 3 м — 4, в Джармо при 7 м — 16, в Хаджиларе при 4 м — 9, на Имирис-Гора при 4,4 м — 7. Таким образом, возникает возможность установления ориентировочной продолжительности существования поселений.

Факт существования раннеземледельческих теллей на Кавказе был впервые установлен в 50-х гг. при раскопках Кюль-Тепе, около Нахичевани, где под горизонтами «куро-аракского энеолита» были выявлены мощные напластования архаичной оседло-земледельческой культуры с признаками ранней металлургии [Иессен, 1963; Кушнарева, Чубинишвили, 1963; Абибуллаев, 1982]. Исходя из установленных в свое время хронологических рамок куро-аракской культуры (III тыс. до н. э.), подлинный энеолит Кавказа на основании находок на поселениях керамики хассунского, халафского и обейдского круга был отнесен к V—IV тыс. до н. э., а неолит соответственно к VI и даже к концу VII тыс. до н. э. [Кушнарева, Чубинишвили, 1970]. Имеется также около 20 радиоуглеродных дат образцов из поселений, полученных в различных лабораториях (см.: Приложение, I). Отметим, что использование радиоуглеродных дат требует осторожного подхода, ибо не всегда удается учесть факторы, повлиявшие на эти даты (и в связи с этим возможность их отклонений). Важное значение в этом плане приобретает серийность анализов, их контролирование другими методами датирования и данными археологии (геоморфология, палинология, стратиграфия, точно датированные аналогии). Вместе с тем указанные радиоуглеродные даты подтвердили правильность археологических датировок. Исходя из них, неолит Кавказа следует относить к концу VII—VI тыс. до н. э.; очень важно, что такая же дата получена с помощью спорово-пыльцевого анализа для неолитической стоянки Чох [Амирханов, 1982а]; таким образом, произошла взаимная корректировка данных, добытых разными методами. Расцвет же энеолитической культуры падает на V тыс. до н. э., а завершающая его стадия — на первую половину IV тыс. до н. э. Недавно, на основании метода «калибрационной кривой» Р. Кларка, памятники энеолита Кав-

каза были удревнены в среднем на 500—600 лет [Кавтарадзе, 1983]. Эту тенденцию следует иметь в виду при сопоставлении закавказских поселений с комплексами других регионов, хронология которых основана на том же методе. Однако последний требует существенной корректировки и в силу этого не имеет пока глобального применения [Андреева, 1982; Шнирельман, 1989, с. 9]; поэтому мы, вслед за другими исследователями, придерживаемся традиционных датировок.

Мощные культурные напластования на поселениях и учет примерной скорости нарастания культурных слоев в условиях сырцово-архитектуры подтвердили большую временную растянутость представленного поселения периода. Для определения историко-хронологического места различных поселений требовалось их тщательное сопоставление с хорошо датированными памятниками Передней Азии. Именно такую кропотливую работу взял на себя Т. В. Кигурадзе. В ее основе лежит стратиграфия поселений Восточной Грузии (квемо-картлийская группа) и Западного Азербайджана. Автор вычленил пять последовательных ступеней, в каждой из которых наметил конкретные линии сопоставлений и связей с памятниками соседних и более южных территорий [Кигурадзе Т. В., 1975а, б; 1976; Мунчаев, 1982, табл. XXX—XXXIII].

Первая ступень: IX—IV горизонты Шулаверис-Гора.¹ Характеризуется круглыми и овальными купольными домами. Керамики еще мало; это яйцевидные сосуды на массивном поддоне с «собранным устьем» и шишкообразными налестками вдоль края. Встречаются костяные шилья, ложила, ножи-ложила, ложки; мотыги из оленьего рога довольно редки, палицы встречаются чаще. Obsидиановый и кремневый инвентарь представлен крупными ножевидными пластинами и орудиями из них, массивными скреблами и грубыми двусторонне обработанными рубящими орудиями. Зернотерки имеют корытообразную форму; встречаются утяжелители палок-копалок.

Орудия имеют аналогии в памятниках Кавказа, Передней Азии и Юго-Восточной Европы. Биконические шилья с круглым стержнем находят параллели в материалах Самеле-Клде, Хаджилара, Маттара; ложила — в Чатал-Гуюке (начиная с V слоя), Хассуне, Джармо, Хаджиларе (VI—II), Маттара; костяные ложки — в Шому-Тепе, Джармо, Чатал-Гуюке, Караново; мотыги из оленьего рога — в пещере Белт (XXVII—XIII). Корытообразные зернотерки распространены в Западном Закавказье (Одиши, Самеле-Клде), а вне Кавказа — в Али-Коше, в фазах Али-Кош и Мохамед-Джафар (Дех-Луран), в Хассуне (IA) и в слоях керамического неолита пещеры Белт. Полное тождество проявляют определенные типы нуклеусов из нижнего горизонта Шулаверис-Гора и мезолитической стоянки Эдзани, Имирис-Гора, Чатал-Гуюка (V слой) и Али-Коша. Дисковидные нуклеусы и «нуклеусы для получения отщепов» грузинских поселений находят параллели в фазах Бас-Мордех, Али-Кош и Хизинех. Утяжелители палок-копалок и наверхия булавы идентичны находкам в Хассуне (I) и пещере Белт.

Вторая ступень: III—I горизонты Шулаверис-Гора, VII—VI Имирис-Гора и поселение Гадачрили-Гора. Появляются сосуды розоватого обжига, иногда с лошеной поверхностью, редко с примесью соломы; в орнаментации господствует резная техника («елочка», волнистые линии, насечки на венчиках). Костяные изделия в основном прежние; появляются ложила из ребер и лопаток крупного рогатого скота, ножевидные изделия, «наконечники стрел», топоры с круглым проухом.

¹ С первой по третью ступень горизонты пронумерованы сверху вниз, с четвертой по пятую — снизу вверх.

Характер кремневого и обсидианового инвентаря сохраняется; преобладают крупные ножевидные пластины и конические нуклеусы, а также резцы, скребки, сверла, проколки. Шлифованные орудия встречаются в единичных экземплярах. На Шулаверис-Гора найдено одно макролитическое орудие. Появляются каменные ступки.

Керамика и орудия имеют аналогии примерно в том же круге памятников. Сосуды с резным орнаментом и коническими шишечками идентичны сосудам неолитических поселений Западной Грузии (Одиши, Анасеули II, Чхортоли). В этих же памятниках имеются прямые аналогии единственному макролитическому орудью. Керамика с примесью соломы, встречающаяся во второй ступени, широко распространена в неолитических культурах Передней Азии. Ложила находят полное соответствие в материалах Чатал-Гуюка, Бейда, Хассуны, Хаджилара. Общим для кавказских и ряда переднеазиатских неолитических поселений (Бейда, докерамический Иерихон, Хаджилар, Чатал-Гуюк, Чейюню-Тепеси) является господство ножевидных микропластинок при отсутствии геометрических микролитов.

Сходство определенных типов первой и второй ступеней с серией докерамических (Джармо, Чатал-Гуюк, Мохамед-Джафар, Хаджилар VI—II, Хассуна I, Маттара) комплексов Передней Азии позволяет наиболее ранние кавказские поселения — Шулаверис-Гора, Имирис-Гора, Гадачрили-Гора — отнести к неолиту и датировать временем не позднее VI тыс. до н. э.

Третья ступень: V горизонт Имирис-Гора. Происходит упорядочение планировки построек, расположенных теперь вокруг дворов. Становится разнообразнее посуда; по характеру обработки она распадается на три группы; появляются овальные и бочковидные сосуды с плоскими венчиками; преобладает рельефный орнамент в виде вертикальных, круглых и полукруглых налепов. Единичны экземпляры мотыг из трубчатых костей, а также мотыги, «копалки», «муфты» и «навершия жезлов» из рога оленя. Впервые появляются вкладыши серпов так называемого шому-тепинского типа; зернотерки приобретают седловидную форму.

Территориально самые близкие аналогии ведут в Западную Грузию: в Самеле-Клде и Сагварджиле встречены идентичные мотыги и «копалки» из оленьего рога. Овальные же сосуды типичны для Джейтуна, Чатал-Гуюка, Хаджилара, Хассуны и др. Для некоторых из них характерны сосуды с «собранным устьем». Большое сходство проявляется и в орнаментации посуды Имирис-Гора, дохалафского слоя Халафа и Хассуны (I).

Четвертая ступень: IV—I горизонты Имирис-Гора, I—IV — Храмис-Диди-Гора. К этой же ступени относятся поселения Западного Азербайджана: Баба-Дервиш I, Тойре-Тепе, Шому-Тепе, Гаргалар-Тепеси. Новым элементом в строительной технике является использование пилонов. Рельефная орнаментация керамики становится разнообразней, появляется расписная посуда, новые типы ложила, иглы с выделенной головкой. Впервые появляются мотыги из метаподий и лопаток крупного рогатого скота с круглым горизонтальным проухом. Obsидиановые и кремневые изделия в основном прежние: на Имирис-Гора встречены одна трапеция и наконечник стрелы. Для этой ступени характерны стилизованные антропоморфные статуэтки.

Круг аналогий орудиям указывает на те же направления связей: костяные ложила с отверстием находят точные аналогии в Бейде, Хассуне, Маттара, ложкообразные предметы — в Хаджиларе, орнаментированная поделка из Имирис-Гора идентична находке в Сялке I.

Пятая ступень: V—VII горизонты Храмис-Диди-Гора и верхние

горизонты Арухло I. К этой же ступени относятся поселения Кюль-Тепе I с керамикой типа посуды верхних горизонтов Храмис-Диди-Гора, Арухло I и часть памятников Мильско-Карабахской степи и Западного Азербайджана (Гаргалар-Тепеси и др.). В грузинских поселениях появляются постройки цилиндрической формы, некоторые с коническими крышами на опорном столбе. Рельефная орнаментация с керамики разнообразна; увеличивается количество расписной посуды; продолжают бытовать овальные сосуды. К традиционным костяным изделиям прибавляются новые формы — плоские дисковидные предметы с отверстиями, крупные иглы с головками, штыковидные изделия, орнаментированные «навершия жезлов» из оленьего рога. Obsидиановый инвентарь деградирует. Увеличивается количество шлифованных и полированных топоров. Широко представлены антропоморфные статуэтки.

Элементы этого комплекса сопоставляются с памятниками Передней и Средней Азии: овальный бочковидный сосуд с ушкообразным выступом из Храмис-Диди-Гора идентичен сосудам Хассуны (III), а антропоморфные статуэтки несут те же признаки, что и хассунские и халафские фигурки; встречающиеся там же глиняные конусы идентичны изделиям Джейтуна и Сялка I.

Предложенная периодизация уводит наиболее ранние поселения в VI тыс. до н. э., что подкрепляется датой Шому-Тепе (5560±70 лет до н. э.). Это соответствует концу неолитической стадии в широком ареале расселения раннеземледельческих общин Юга. Отсюда верхние горизонты теллей, а также синхронные им однослойные поселения отражают следующий, энеолитический период. Периодизация Т. В. Кигурадзе, базирующаяся на стратиграфии поселений квемо-картлийской группы, нам представляется в целом обоснованной, так как исследования велись на высоком полевом и интерпретационном уровнях; ряд высказанных замечаний [Мунчаев, 1982, с. 103] не мешает именно такому ее восприятию. Сопоставительный анализ кавказских поселений с памятниками соседних областей вводит Закавказье в широкий ареал раннеземледельческих культур Юга. Это главный итог исследования Т. В. Кигурадзе.

В последние десятилетия появился ряд новых работ в области неолита—энеолита Кавказа, пополнивших и уточнивших намеченные историко-хронологические ступени. Эти разработки осуществлялись в трех аспектах: 1) выявление новых археологических памятников; 2) технико-морфологическое исследование больших серий каменных орудий; 3) трасологический анализ орудий с целью установления их функции и в конечном счете реконструкции хозяйственной деятельности древних коллективов.

Так, в Квемо-Картли обнаружены раннеэнеолитические (докерамические) стоянки Дманиси [Гогелия, 1982] и Паравани I—II [Кикодзе, Коридзе, 1978], каменная индустрия которых при сопоставлении с орудиями шулавери-шомутепинской группы проявляет явную архаичность. По времени эти стоянки предшествуют первой (позднеэнеолитической) ступени периодизации Т. В. Кигурадзе.

Параллели к первой ступени, с нашей точки зрения, можно дополнить. Одна из них намечается между керамикой поселений Араратской, Квемо-Картлийской равнин и памятников сиро-килийского неолита [Гаджиев и др., 1972]. Посуда сближается как фактурой, так и характерными украшениями в виде налепов, проколов и врезных линий. Еще одно направление связей ведет в Санджарскую долину, где в поселениях Телль-Сотто и Умм-Даббагия обнаружена близкая гру-

зинским поселениям посуда с крупными волнообразными налечами [Kirkbride, 1972; 1973a, 6; Бадер, 1975; Мунчаев, 1982, с. 113].

В связи с периодизацией следует также вернуться к дате поселения Кюль-Тепе I, с открытия которого началось изучение раннеземледельческой культуры Южного Кавказа. Сейчас материалы изданы полностью [Абибуллаев, 1982]. Согласно Т. В. Кигурадзе, Кюль-Тепе I, на основании сходства керамики, моделей колес и скульптурок быков синхронизируется с находками из верхних горизонтов Храмис-Диди-Гора и Арухло I; все вместе они характеризуют пятую ступень (конец V — начало IV тыс. до н. э.). Однако в самом нижнем горизонте Кюль-Тепе I обнаружены бронзовые пряслица, аналогичные находкам из приурмийской стоянки Хаджи-Фируз, и роговой вкладышевый серп со скрепляющей массой, точно такой же, как в Хаджиларе [Нариманов, 1982a, с. 25]. Исходя из этого, нижние горизонты Кюль-Тепе I, с нашей точки зрения, следует отнести к позднеэнеолитической культуре и перевести в первую и вторую ступени. Такую вероятность подкрепляют находки в следующем горизонте поселения халафской посуды в ее наиболее архаичном варианте; большинство исследователей (Мелларт, Дайсон, Брейдвуд, Мерперт, Мунчаев и др.) халафскую культуру помещают в V, а ее истоки в VI тыс. до н. э. Верхние же горизонты Кюль-Тепе I стратиграфически с куро-аракскими наслоениями не смыкаются (стерильная прослойка), а следовательно, не могут быть датированы временем, непосредственно предшествующим периоду ранней бронзы. Судя по девятиметровым культурным отложениям, поселение Кюль-Тепе I существовало длительное время. Представляется, что с пятой ступенью могут быть сопоставлены лишь его самые верхние горизонты.

Вопрос о культурно-хронологической принадлежности Арухло I решался поэтапно. Первоначальное изучение его каменного инвентаря привело к выводу, что он сохраняет древние (мезолитические и неолитические) традиции, что памятник предшествовал энеолитическим горизонтам Шулаверис-Гора и Имирис-Гора и должен датироваться неолитом [Чубинишвили, Челидзе, 1973]. Позднее, на основании анализа более многочисленной серии орудий, этот вывод был пересмотрен [Челидзе, 1979]. Было установлено, что орудия, несущие архаичные черты (резцы, скребки, проколки, геометрические микролиты), составляют незначительный процент находок, а следовательно, не являются определяющими. Более пристальное изучение индустрий и других ведущих элементов инвентаря определило правильность отнесения Арухло I к пятой ступени. Это же заключение подтвердил анализ керамического комплекса [Мунчаев, 1982, с. 112].

Наконец, к пятой ступени должно быть отнесено Делиское поселение [Абрамишвили и др., 1980, с. 39]. Его керамический комплекс проявляет сходство с посудой поздних энеолитических поселений Квемо-Картли. Здесь налицо упадок каменной индустрии, очевидно, как следствие появления металлических изделий.

В своей работе Т. В. Кигурадзе поставил еще одну проблему: с его точки зрения, такие поселения, как Техут в Араратской долине, Аликемек-Тепеси на Мугани, Иланлы-Тепе в Мильской степи, Цопи в Квемо-Картли, должны быть вынесены за рамки пятой ступени. По существу это проблема финального энеолита Кавказа. Ее постановку и разработку стимулировало открытие и исследование поселения Сиони и его сходство с некоторыми памятниками, не нашедшими еще своего историко-хронологического места. Сиони оригинально по своему архитектурно-планировочному комплексу и составу находок; с одной стороны, сионская керамика имеет близкие аналогии в неолитических

стоянках Западной Грузии (Анасеули II, Чхортоли и др.), с другой — с посудой верхних горизонтов поселения Юго-Восточного Закавказья Аликемек-Тепеси. Особенности Сиони, сопоставленные с тогда еще единичными, но близкими по материалному комплексу и удаленными территориально поселениями, дали основание отнести эти памятники к вновь выявленной культурной общности, бытовавшей в регионе вслед за памятниками пятой ступени приведенной периодизации [Менабде М. В., Кигурадзе Т. В., 1981]. Актуальность проблемы финального энеолита акцентируется прежде всего тем, что она в определенной мере способствует прояснению истоков куро-аракской культуры; как известно, вопрос этот дискутируется на протяжении нескольких десятилетий.

За последние годы памятники финального энеолита открыты во многих областях Кавказа. В Грузии, помимо Сиони и Цопи, это прежде всего многослойное поселение Бери-Клдееби [Глonti, Джавахишвили, 1987], поселения Иоро-Алазанского бассейна — Цителигореби 3 Дамцвари-Гора, Надикари [Варазшвили, 1980, 1984, 1987, 1992; Пицхелаури и др., 1980, 1982, 1985], Арагвского ущелья — Жинвали, Хертвиси, Бодорна [Рамишвили, Джорбенадзе, 1982; Чиковани Г. И., 1984], Болнисского района — Арухло VI, Цителисопели и Тандисцкаро, района Тбилиси — Трелигореби, Грмахевистави [Абрамишвили, Гоцеридзе, 1978, с. 34], Беденского плато — Тетри-Цкаро [Гобеджишвили, 1978, с. 114]. В Армении, помимо Техута [Торосян, 1976], к ним относятся известные лишь по подъемному материалу поселения Кхзьяк-Блур и Тертери-Дзор [Сардарян, 1967, табл. XXXIX, XL].

В последнее время серия позднеэнеолитических поселений выявлена на территории Азербайджана [Нариманов, 1987]. Они располагаются группами: в Мильской степи — Лейла-Тепе, Шомулу-Тепе, Чинар-Тепе, Абдалазиз-Тепе; в Муганской — Аликемек-Тепеси, Мишарчай II—IV; в Гянджа-Казахской равнине — Ментеш-Тепе, Кечили, Рус-Тепеси, Ятагери; в Нахичеванской области — Овчулар-Тепеси. По материалу к ним примыкают приурмийские позднехалколитические поселения Геой-Тепе и Яник-Тепе. Наконец, на Северо-Восточном Кавказе близкими является поселение Гинчи, а на Северо-Западном — памятники предмайкопского времени.

Таким образом, позднеэнеолитические памятники типа Сиони охватывали почти все Закавказье и частично Северный Кавказ. Есть основание полагать, что при дальнейшей проработке материалов на территории распространения этой культурной общности будут выделены локальные культуры. Первая такая попытка уже предпринята — в области Восточного Закавказья выделена так называемая лейла-тепинская позднеэнеолитическая культура [Алиев Н. Г., 1991]. В целом названные памятники характеризуются незначительными культурными отложениями, деградацией каменных индустрий и распространением металла.

Хронологическая позиция этих поселений определяется данными стратиграфии и типологическим анализом их ведущих элементов; в последнем случае наиболее важную роль играет керамика. Слои с характерными позднеэнеолитическими признаками залегают на шести многослойных поселениях: на Бери-Клдееби, Овчулар-Тепеси, Геой-Тепе и Яник-Тепе под куро-аракским слоем (причем на Овчулар-Тепеси — в его наиболее раннем варианте), на Аликемек-Тепеси и Абдалазиз-Тепе — над шулавери-шомутепинским слоем. Типологический же анализ показывает, что ряд элементов материальной культуры позднеэнеолитических поселений сопоставляется как с шулавери-шомутепинской, так и с куро-аракской культурами. Иными словами, устанавли-

ваются, что они занимают промежуточное положение между двумя разновременными культурами.

Памятники типа Сиони не одновременны. Уже сейчас намечаются более ранние и более поздние группы: первые проявляют сходство с неолитическими, вторые — с энеолитическими стоянками Западной Грузии и с поселениями Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа и др. Они датируются концом V — первой половиной IV тыс. до н. э. и синхронизируются с северо-убейдской культурой на Юге.

Новым этапом в изучении раннеземледельческих культур Кавказа явились работы Г. Ф. Коробковой, ее учеников и соавторов, основанные на данных экспериментально-трассологического метода. Если отдельные статьи внесли ясность в трактовку конкретных памятников [Коробкова, Кигурадзе, 1972; Коробкова, Эсакия, 1979, 1984; Коробкова, Гаджиев, 1983; Эсакия, 1984], то обобщающий труд Г. Ф. Коробковой [1987], посвященный раннеземледельческим комплексам Юга СССР, значительно продвинул решение кавказской проблемы в целом. На основании трассологического анализа больших серий индустрий (более 5 тыс. ед.) ею намечены хронологические этапы, представленные группами памятников, выявлены их культурные ареалы и охарактеризованы хозяйственные модели, господствовавшие на Кавказе в VI—III тыс. до н. э. Изученные материалы документируют трехэтапное развитие раннеземледельческих комплексов Кавказа: первый этап (неолит) представлен поселениями Шулаверис-Гора, Имирис-Гора, Шому-Тепе, второй (энеолит) — Арухло I, Кюль-Тепе, Аликемек-Тепеси, Гинчи, третий — ранними памятниками куро-аракской культуры [Коробкова, 1981, с. 36]. Таким образом, культурная последовательность поселений, построенная с учетом прогресса экономики, в целом совпадает с разобранный нами выше археологической периодизацией.

Впервые раннеземледельческая культура в Центральном Закавказье была обнаружена на поселении Шому-Тепе, на р. Акстафа. В дальнейшем в Западном Азербайджане открыты аналогичные поселения. Почти одновременно поселения того же облика стали известны на Квемо-Картлийской равнине, в районах правобережных притоков р. Храми. Своеобразие некоторых черт материальной культуры (преобладание грубой керамики с шероховатой поверхностью и крупными включениями, преимущественное использование обсидиана, а не кремня, широкий ассортимент изделий из кости и рога, почти полное отсутствие расписной посуды и металла) объединяет эти поселения в одну наиболее раннюю историко-хронологическую группу закавказской раннеземледельческой культуры. В литературе эти памятники объединены в понятия «шому-тепинская», «шулавери-шомутепинская» культуры, «центрально-кавказская группа памятников», «памятники типа Шому-Тепе».

Наиболее тщательно изученными с точки зрения топографии и планировки являются поселения Квемо-Картлийской равнины, расположенные на Марнеульской низменности [Джавахишвили А. И., 1973, с. 10; Кигурадзе Т. В., 1975а, 1975б, 1976; Глонти, Джавахишвили, Кигурадзе, 1975а, 1975б; Менабде М. В., Кигурадзе, Гоцадзе, 1980]. Здесь равнина пересечена притоками р. Храми — Машаверой, Сагзгани и Шулаверисгеле. Эти маленькие речки делят равнину на территории, замыкающиеся с юга холмистыми предгорьями Армянских гор, с севера — р. Храми, с востока и запада — ее притоками. В каждой из этих замкнутых территорий обосновалась группа древнейших селищ. Всего таких групп четыре: группа Арухло — 5 теллей, группа Шулавери — 4, группа Цители-Сопели — 5, группа Качагани — 4.

Особый интерес представляет группа Шулавери [Джавахишви-

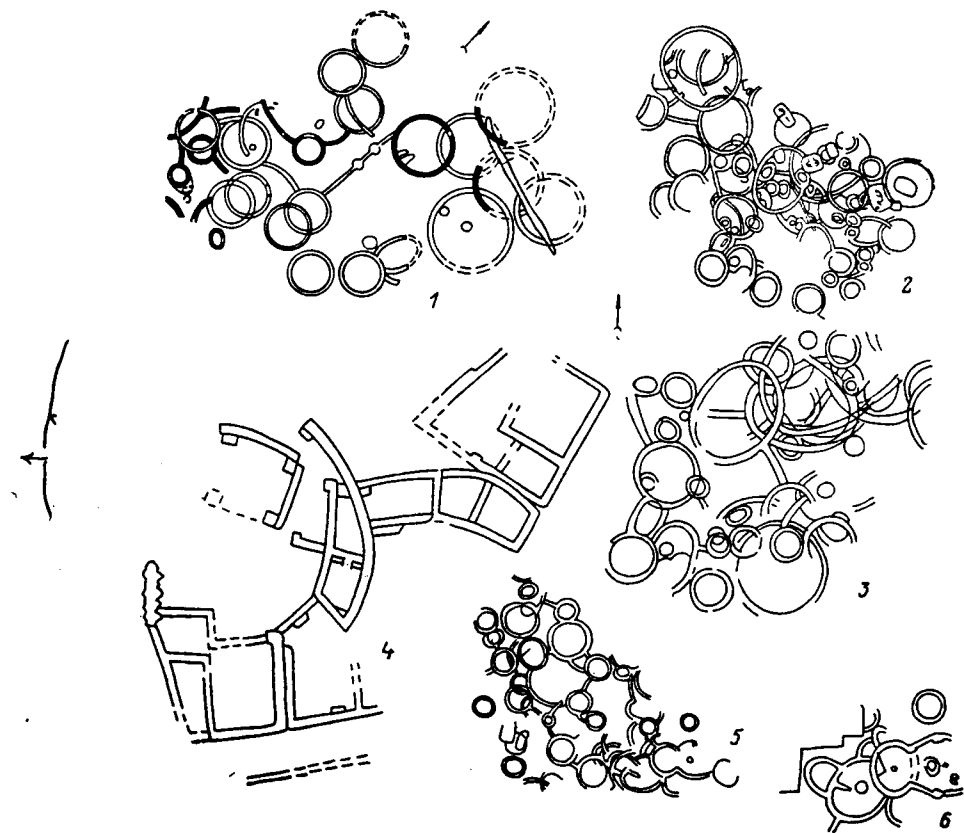

Рис. 6. Планы построек на раннеземледельческих поселениях.

1 — Храмис-Диди-Гора; 2, 3 — Шулаверис-Гора (общий план и план юго-восточного раскопа); 4 — Аликемек-Тепеси; 5, 6 — Имирис-Гора (планы восточной части раскопа и помещений № 8, 9, 10).

ли А. И., 1973, с. 10]. Она состояла из поселений Шулаверис-Гора, Имирис-Гора, Гадачрили-Гора и Дангреули-Гора. Их площадь колебалась в пределах 0,5—1 га. Поселения расположены цепочкой вдоль глубокой сухой балки, бывшей, скорее всего, действующим во время жизни поселений руслом р. Шулаверисгеле. Расстояние между поселениями колеблется от 500 до 2200 м. Сопоставление материалов из строительных горизонтов поселений раскрыло последовательность их возникновения. Первоначальным было поселение Шулаверис-Гора (рис. 6, 2, 3; 7). Примерно через 3—3,5 столетия (6 строительных горизонтов), скорее всего в связи с образованием избыточного населения, произошла сегментация его коллектива; в результате возникли Имирис-Гора (рис. 6, 5, 6) и Гадачрили-Гора. В течение 1,5—2 столетий (три строительных горизонта) эти 3 поселения существовали одновременно, после чего Шулаверис-Гора и Гадачрили-Гора были заброшены. Короткое время (I строительный горизонт) во всем оазисе функционировало только одно поселение — Имирис-Гора. Однако вскоре рядом с ним возникло четвертое — Дангреули-Гора. Жизнь на Имирис-Гора продолжалась еще примерно 2,5—3 столетия (четыре строительных горизонта), после чего и оно было заброшено.

В 8 км от шулаверской группы, у слияния рр. Храми и Машавера расположена группа Арухло — пять холмов, занимающих общую площадь около 800 га. Систематические работы велись на самом круп-

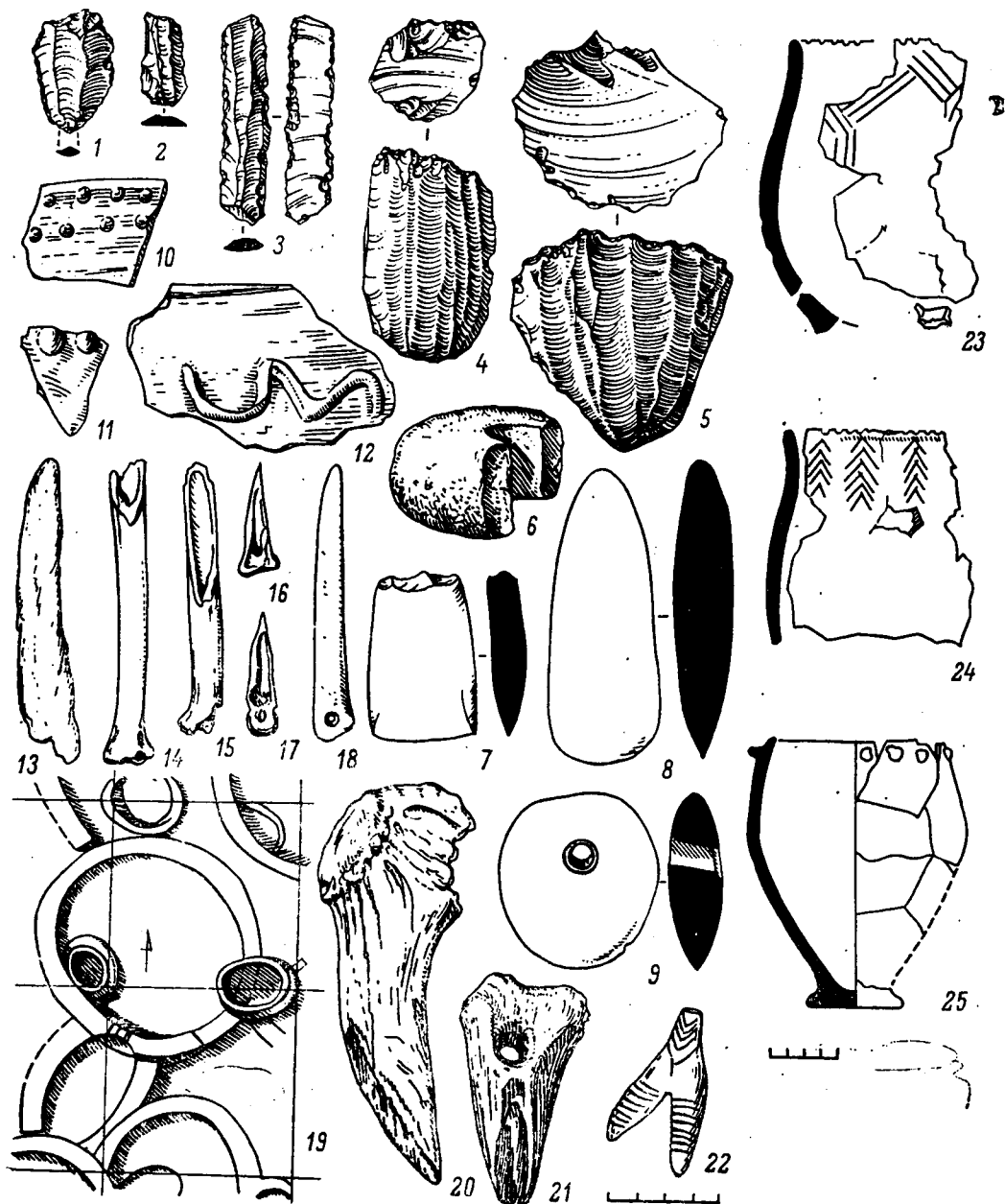

Рис. 7. Поселение Шулаверис-Гора.

1—9 — орудия из камня; 10—12, 23—25 — керамика; 13—18, 20—21 — орудия из кости и рога; 19 — комплекс жилого и хозяйственных помещений; 22 — женская глиняная статуэтка.

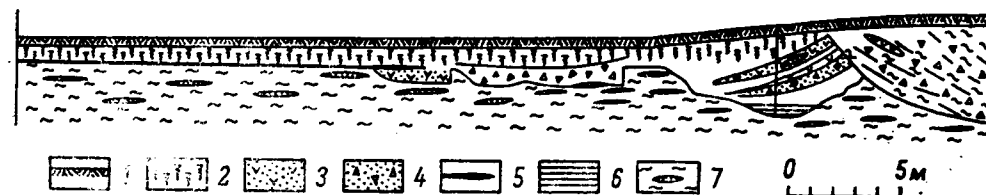
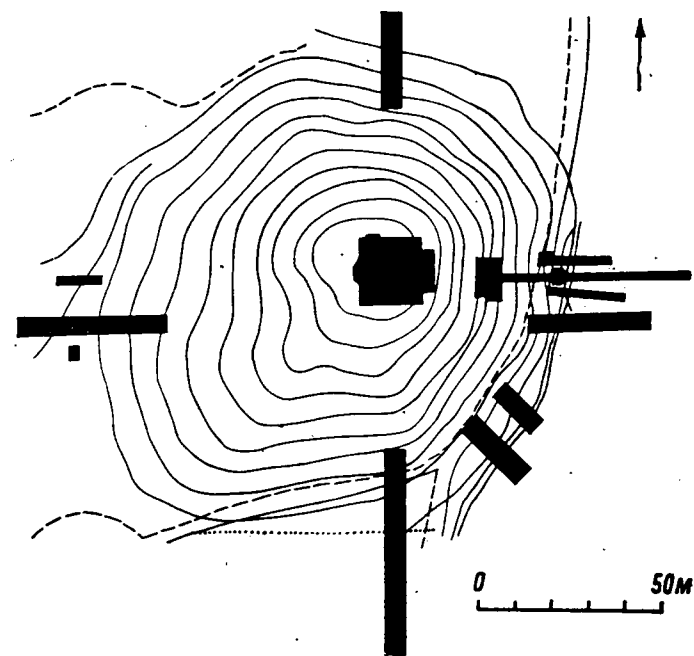

Рис. 8. Поселение Арухло I. План и разрез центрального раскопа.

ном из них — Арухло I (рис. 8—10) [Чубинишвили, Кушнарера, 1967; Кушнарера, Чубинишвили, 1970, с. 21; Чубинишвили, 1971, с. 31; Чубинишвили и др., 1976, 1979; Гогелия, 1979, 1982]. Строительные горизонты здесь выявлены менее четко; лишь на восточном склоне зафиксировано примерно 8 горизонтов. Ввиду слабой изученности других поселений установить этапы обживания оазиса пока не удается.

В 40 км восточнее квемо-картлийской группы, в долине р. Акстафа расположена еще одна группа раннеземледельческих поселений: Шому-Тепе, Тойре-Тепе (рис. 11), Гаргалар-Тепеси, Рус-Тепеси, Кечили и др. [Нариманов, Рустамов, 1960; Нариманов, 1965а, 1966, 1973, 1982а; Рустамов, 1965; Аразова, 1971, 1972а, 1972б, 1974а; Аразова, Махмудов Ф. Р., Нариманов, 1972, 1973, и др.].

Для поселений Центральной Закавказья характерна сырцовая архитектура; камень здесь не применялся; постройки возводились из кирпичей лекальной или плоско-выпуклой формы. Это круглые ульеобразные, конусообразные или цилиндрические сооружения высотой до 2,5 м (рис. 6) [Джавахишвили А. И., 1973; Ахундов, 1973, 1980]. Наиболее крупные постройки (7—15 м²) были жилыми; они имели входные и оконные проемы. В каждом доме около стены находился очаг

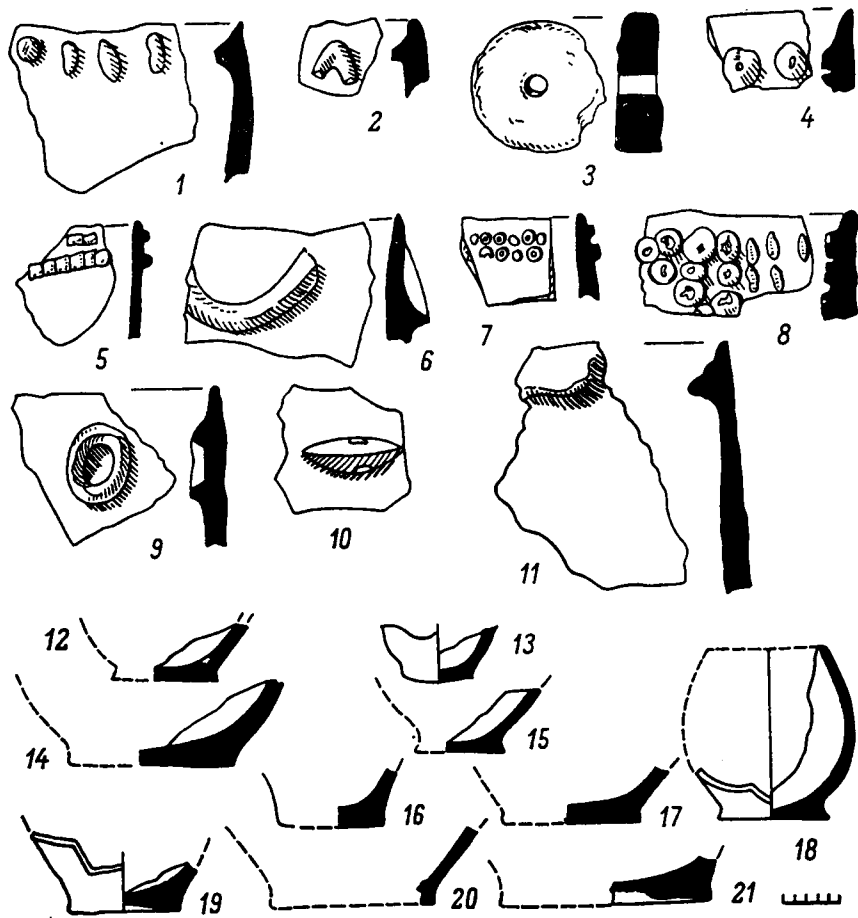

Рис. 9. Поселение Арухло I. Керамика.

лечеидной формы, в котором, очевидно, поддерживался неугасимый огонь. Иногда очаги были и вне помещений, в хозяйственных двориках. В жилых помещениях у стен зафиксированы бытовые очаги в виде дострищ. В отдельных случаях имело место окрашивание полов и побелка стен помещений. Средние помещения (диам. 1,25—2 м) служили кладовками, маленькие (диам. 0,5—0,75 м) — хранилищами запасов. Помимо наземных помещений, на Арухло I, Шому-Тепе и Гаргалар-Тепеси открыты круглые и полуовальные землянки.

Застройка Шулаверис-Гора, Шому-Тепе, Арухло I была плотной и нерегулярной. На Имирис-Гора во всех горизонтах выявляется тенденция концентрации жилых и хозяйственных построек вокруг центральных незастроенных площадей (рис. 6, 5) [Амирджанов, 1983]. На крупном поселении Хралис-Диди-Гора жилые и хозяйственные помещения группируются вокруг дворов (1) [Кигурадзе Т. В., Дилбарян, 1983]; в свою очередь, эти комплексы располагаются вокруг нескольких площадей. Таким образом, здесь уже можно говорить о существовании планировки.

Культурные слои поселений насыщены предметами из камня, кости, рога, глины (рис. 7, 9—11).

Особенностью инвентаря является обилие изделий из обсидиана, меньше — из кремня; среди них, с одной стороны, архаичные орудия

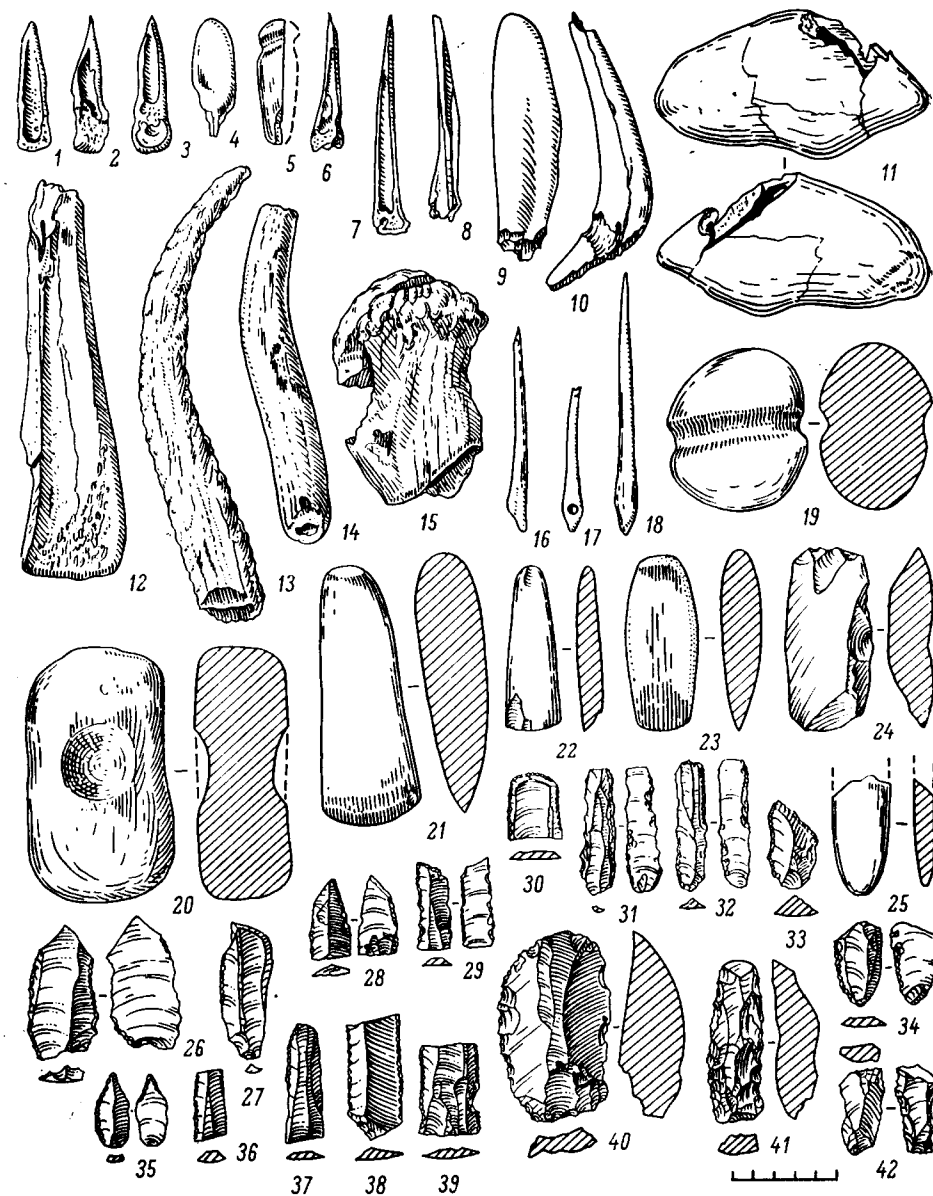

Рис. 10. Поселение Арухло I.

1—18 — орудия из кости и рога; 19—42 — орудия из камня.

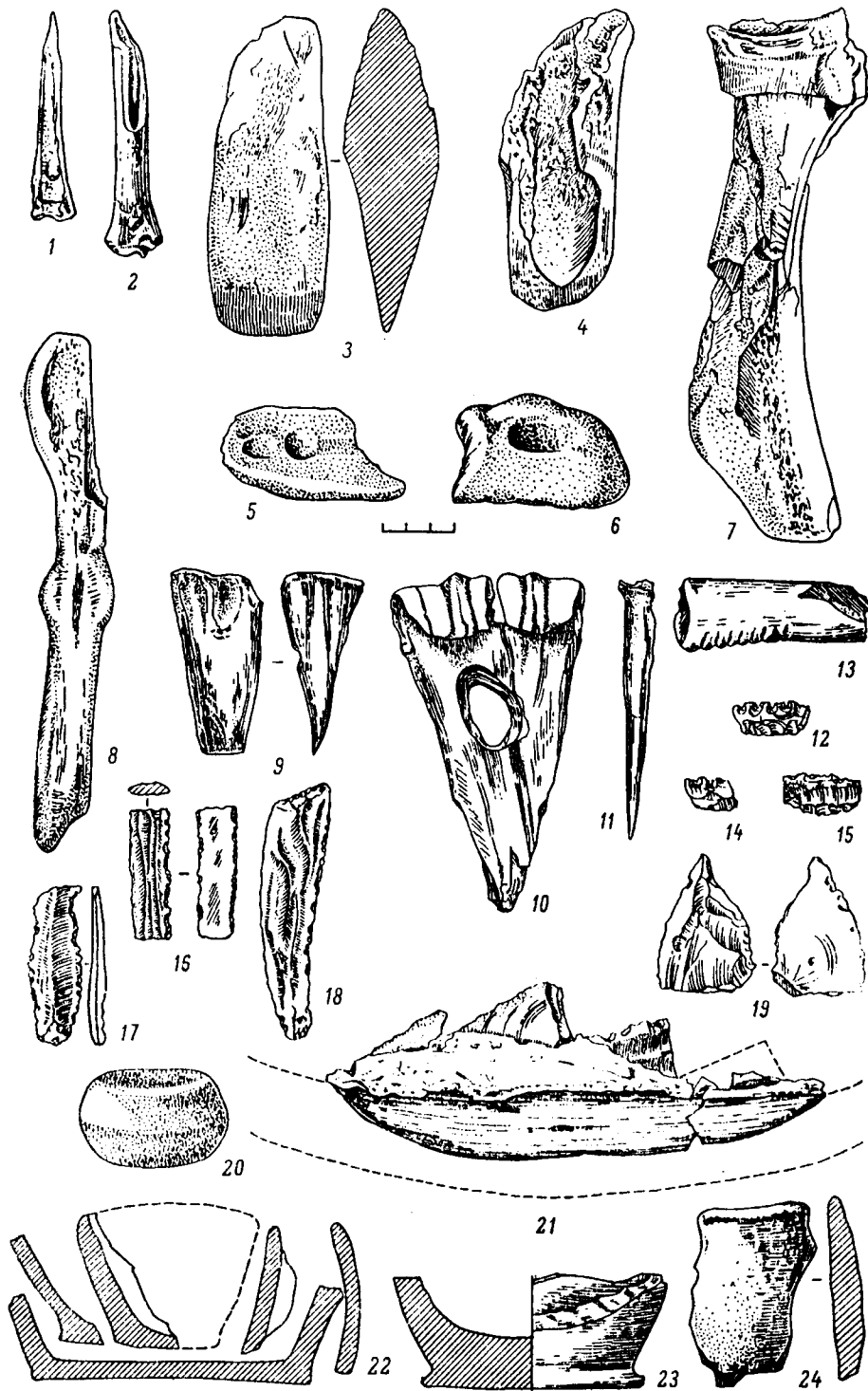

Рис. 11. Поселения Шому-Тепе, Тойре-Тепе и Баба-Дервиш I.
 1—4, 9—11, 13 — орудия из кости; 8 — женская костяная статуэтка; 12, 14—20 — орудия из камня;
 21 — серп; 22—24 — керамика.

(скребки, резцы, скобели и др.), несущие неолитические и даже мезолитические традиции, с другой — изделия с прогрессивными формами, представленные, в частности, каменными серпами. Встречаются пластины и отщепы с ретушью, утяжелители палок-копалок, ступки, зернотерки, наковальни, полированные топоры, долота, навершия булав, глиняные и каменные ядра для пращи. Несмотря на общность каменного инвентаря, последний на разных поселениях имеет некоторую специфику. Большой процент отщепов, находимых на всех поселениях, и малое количество нуклеусов (1%) свидетельствуют об изготовлении орудий на месте; очевидно, первичная обработка обсидиана производилась вне поселения. Оба вида производства были совмещены лишь на поселении Цопи [Эсакия, 1984, с. 9].

Для поселений характерны изделия из рога и кости, хотя количество их на разных памятниках различно. Это мотыги, шилья, проколки, ложила, иглы, ложки. По мере нарастания строительных горизонтов количество костяных изделий увеличивается, особенно возрастает число мотыг, что стоит в прямой связи с интенсификацией земледелия.

Керамика представлена достаточно полно, хотя в ранних горизонтах ее мало. Наиболее распространена грубая бурая и серая лепная посуда с крупными примесями и остатками плетенки на днищах. Преобладают сосуды баночной формы; встречаются крупные бочковидные сосуды, небольшие чаши и горшки. Посуда украшена широкими овалными, волнообразными, а изредка и антропоморфными налепами, а также резным (преимущественно елочным) орнаментом. В небольшом количестве найдены черепки с красновато-коричневой лощеной поверхностью и растительной примесью и тонкостенные с розовой ангобированной поверхностью; они рассматриваются как привозные. Керамика прослеживается в развитии. Несмотря на общий облик посуды, в керамических комплексах поселений улавливается некоторая специфика. На поселениях представлена мелкая антропоморфная пластика [Глonti и др., 1975б]. Отдельные медные поделки являются редким исключением.

Таким образом, в период позднего неолита—энеолита в среднем течении р. Куры (Южная и Восточная Грузия, Западный Азербайджан) сформировался определенный тип поселения с характерным археологическим комплексом — круглыми постройками из сырцовых кирпичей, грубой бурой нелощеной посудой, разнообразной каменной индустрией, сочетающей архаичные и прогрессивные черты, обилием (на некоторых поселениях) изделий из кости и единичными металлическими поделками (рис. 12). Характер находок на этих поселениях (особенно массового каменного инвентаря) позволяет считать их однокультурными [Коробкова, Эсакия, 1984, с. 72]. Вместе с тем квемо-картлийские и западно-азербайджанские поселения имеют свои особенности, объясняющиеся их локальным положением.

В южных районах Закавказья, тяготеющих к бассейну р. Аракс (Арагатская равнина, Нахичеванский край, Мильско-Карабахская и Муганская степи, а по ту сторону Аракса районы оз. Урмия-Ван и Мушская равнина), поселения имели свою специфику. Климатические условия этих районов несколько отличаются от бассейна р. Куры. Здесь господствовал сухой, резко континентальный климат с малым количеством осадков. Ведение земледельческого хозяйства без искусственного орошения в этих районах невозможно. В расположении южных поселений наблюдается все та же закономерность: они обосновываются компактными группами, приуроченными к пересохшим водостокам

Рис. 12. Характерные элементы раннеземледельческих культур Южного Кавказа VI—IV тыс. до н.э.

1 — план поселения (Имирис-Гора); 2—13, 24—30 — орудия из камня; 14—17, 31—48 — сосуды; 18—23 — изделия из кости, рога; 49—51 — глиняные антропоморфные фигурки.

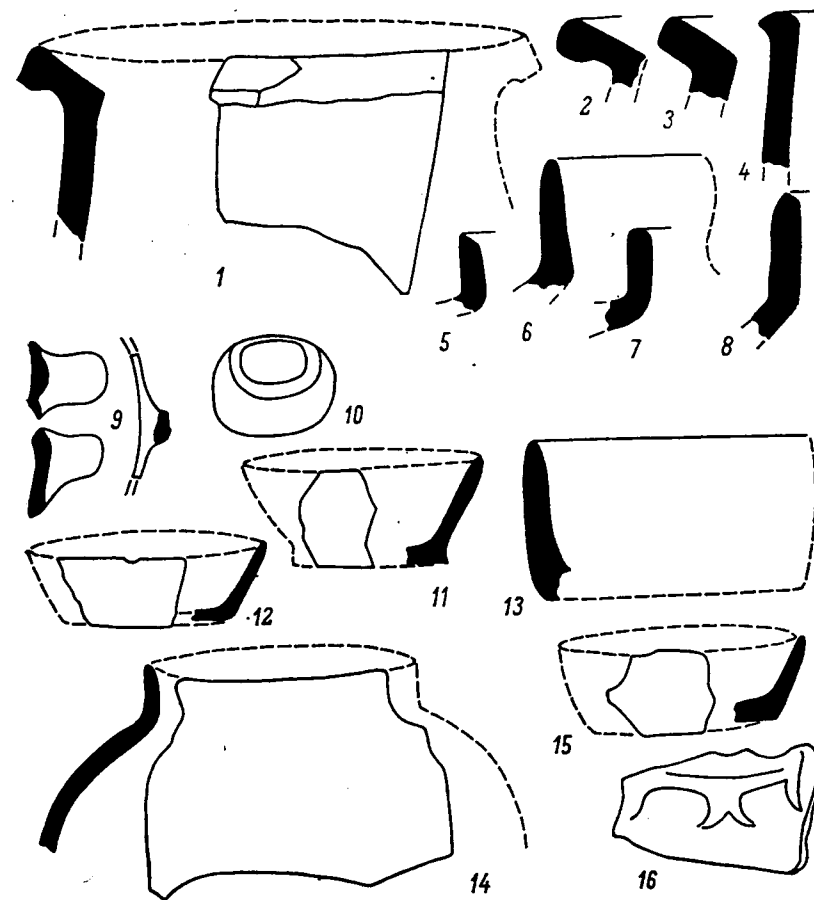

Рис. 13. Керамика из поселений Мугани.

1—3 — Мишарчай VI; 4, 6—16 — Гуру-Дере I; 5 — Гуру-Дере IV.

древней гидросистемы, и являют собой тот же пример гнездового расселения.

Самые архаичные поселения, открытые в Араратской равнине и характеризующие поздненеолитическую, «шулаверскую» стадию (Хатунарх, Цахкунк и др.), изучены лишь по отдельным находкам. Большинство известных южных поселений (Иланлы-Тепе, Мишарчай, Гуру-Дере, Техут) относится к энеолиту и датируется V — серединой IV тыс. до н. э. (рис. 13, 14) [Нариманов, Махмудов, 1967; Махмудов Ф. Р., Нариманов, 1973, 1974а, 1974б, 1976; Торосян, 1976; Махмудов Ф. Р., 1979; Нариманов, 1987, с. 61]. Несколькo сложнее обстоит дело с поселением Кюль-Тепе I (рис. 15) [Абибуллаев, 1982]. Десятиметровая толща его культурных отложений (13 строительных горизонтов) образовалась в течение длительного времени. Нижние горизонты, судя по упомянутым сопоставлениям, должны быть отнесены к поздненеолитическому времени; верхние же синхронизируются с позднеэнеолитическими комплексами. Наконец, на правом берегу р. Аракс известны халколитические поселения в районах оз. Урмия — Пиждели-Тепе, Яник-Тепе — рис. 16 и Геой-Тепе — рис. 17) и оз. Ван — Тильки-Тепе, тяготеющие по своему облику к южнокавказским памятникам [Reilly, 1940; Burton-Brown, 1955; Dyson, Yoing, 1960; Burney, 1964, p. 57, 137].

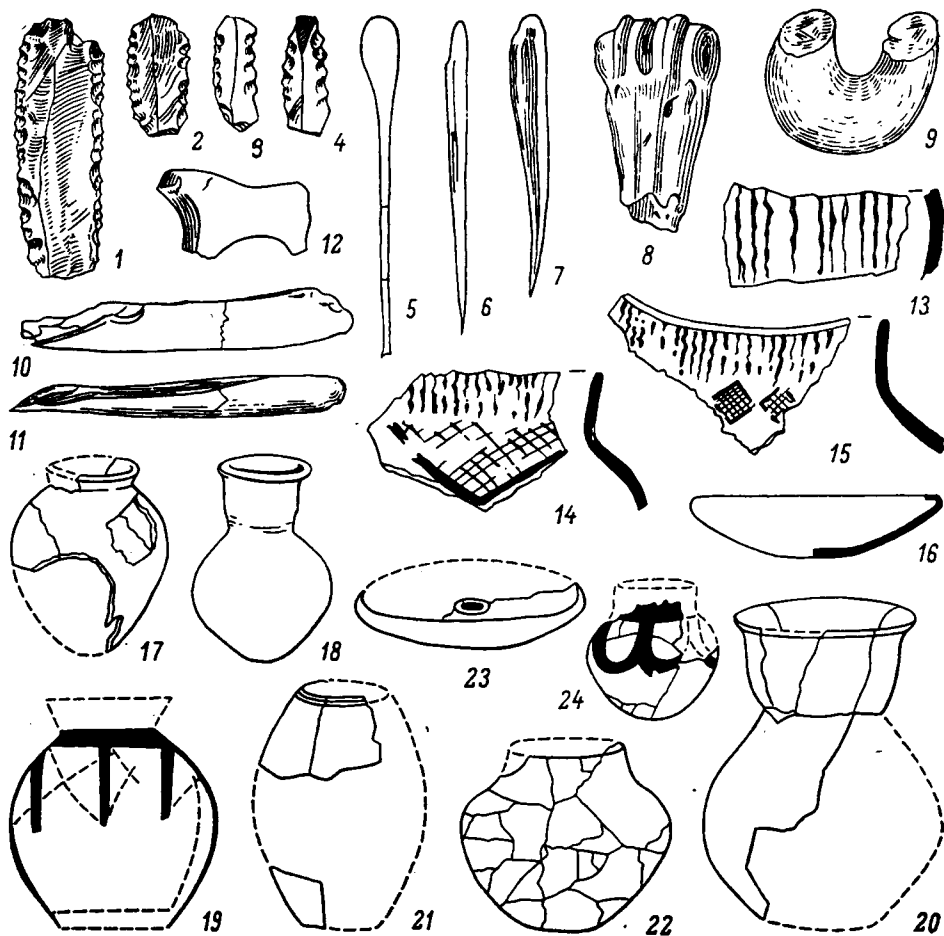

Рис. 14. Поселение Техут.

1—4, 9 — изделия из камня; 5—8, 10, 11 — изделия из кости; 12 — фигурка животного из глины; 13—24 — керамика.

Близость к древнейшим центрам Переднего Востока наложила отпечаток на облик материальной культуры южнокавказских поселений. Для них характерна широко распространенная в Передней Азии саманная лощеная посуда, встречающаяся лишь в небольшом количестве в районах Центрального Закавказья, разнообразная, в том числе и привозная, посуда с росписью, большее количество металлических поделок. Однако комплексы эти, по-видимому, не однокультурны; проведенный типологический анализ материалов пока позволяет говорить о бытовании двух типов памятников — типа Кюль-Тепе I и типа Аликемек-Тепеси [Коробкова, 1987, с. 120].

Характер расселения прослеживается по группировке поселений. Так, в Муганской степи располагались две группы селищ. Одна находится непосредственно у р. Мишарчай и состоит из крупного поселения Мишарчай II и трех небольших селищ, отстоящих от него на 100—150 м. Вторая, отделенная от первой расстоянием в 5 км, расположена у сухого русла р. Гурудере. Здесь в 100 и 150 м от поселения Гуру-Дере I обосновались еще два селища — Гуру-Дере II и III; примерно в 500 м от них находится четвертое. Большой интерес представ-

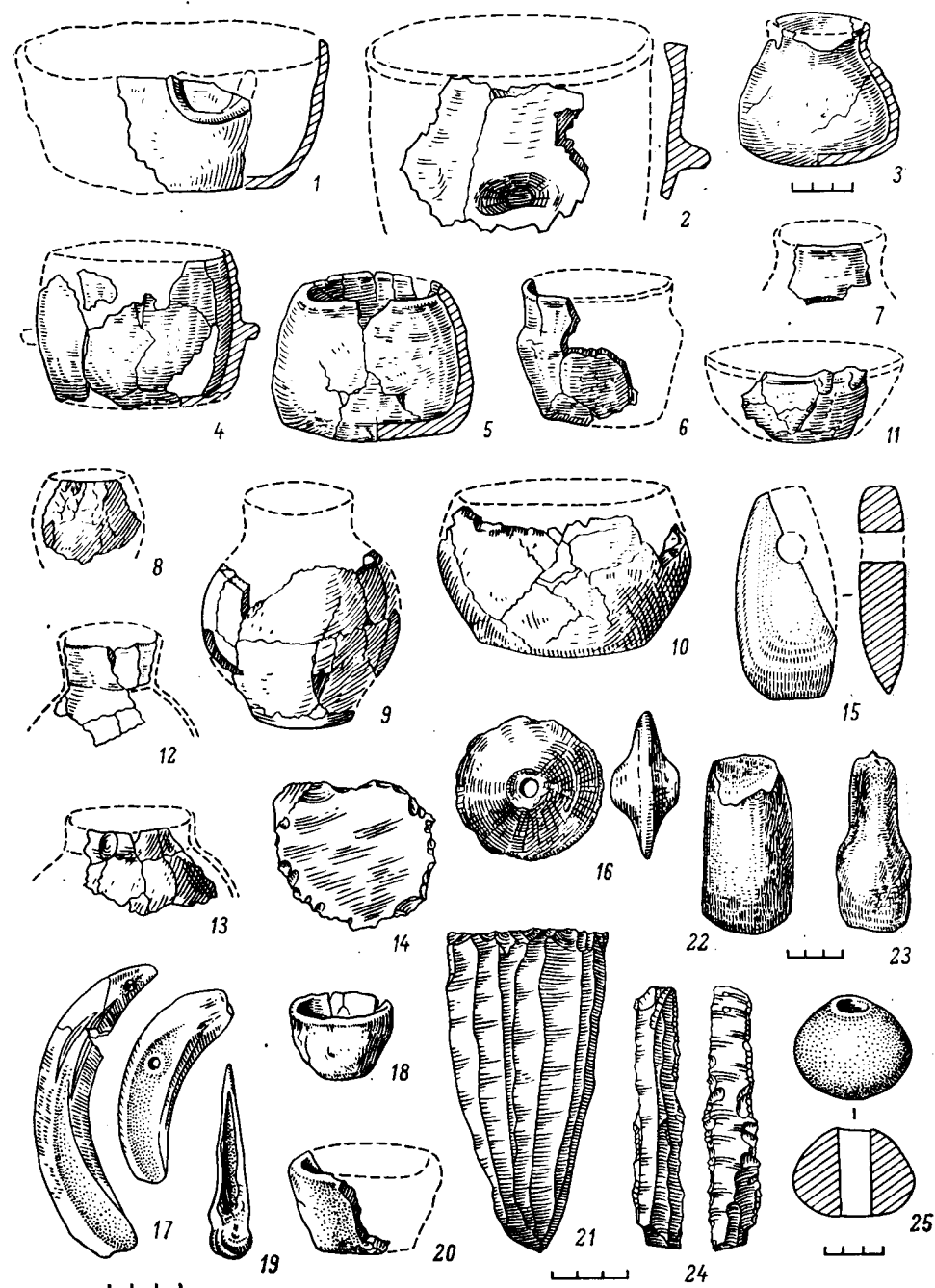

Рис. 15. Поселение Кюль-Тепе I.

1—13, 16, 18, 20 — керамика; 14, 15, 21—25 — изделия из камня; 17—19 — поделки из кости.

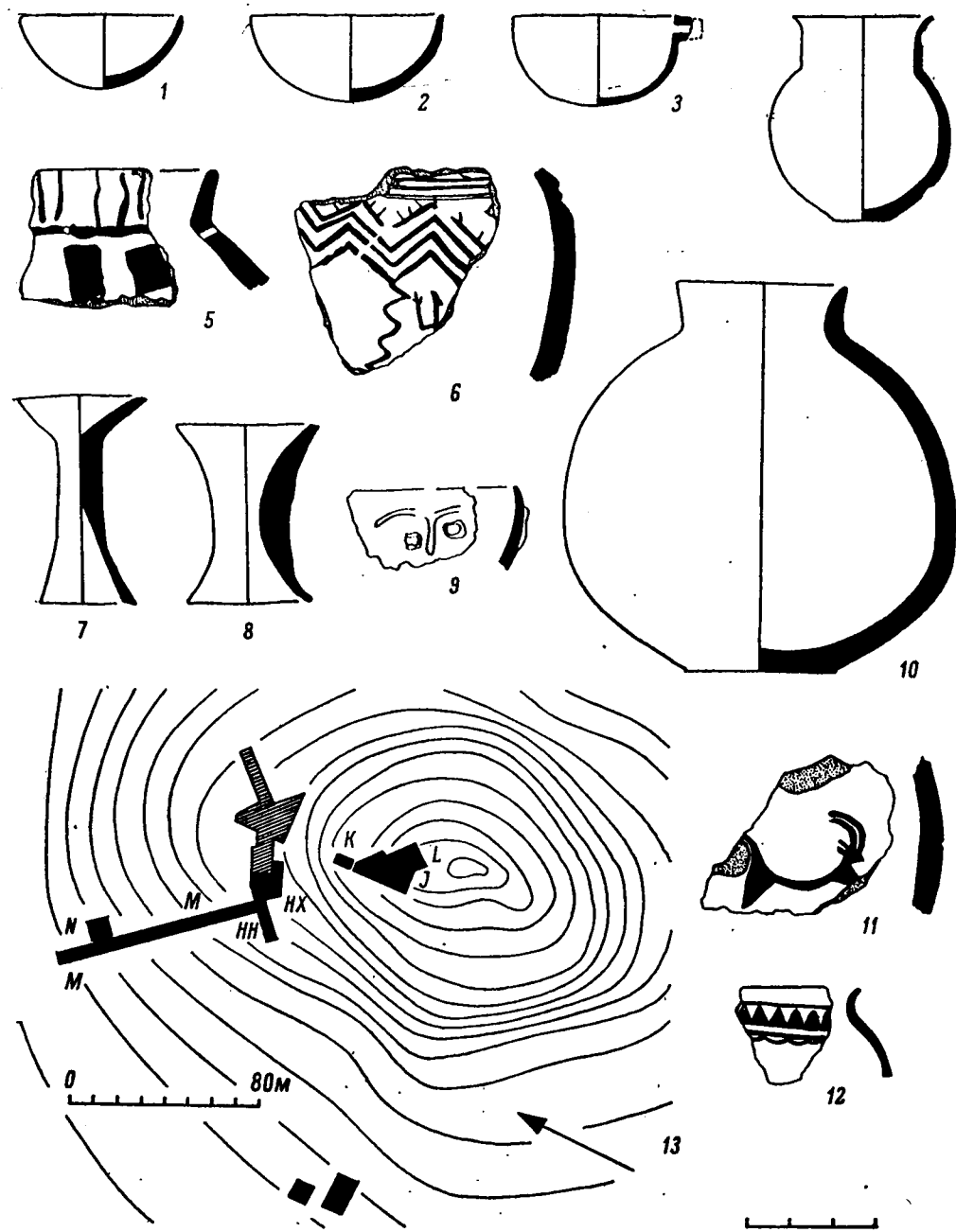

Рис. 16. Поселение Яник-Тепе.

1-12 — керамика халколитического слоя; 13 — план раскопов.

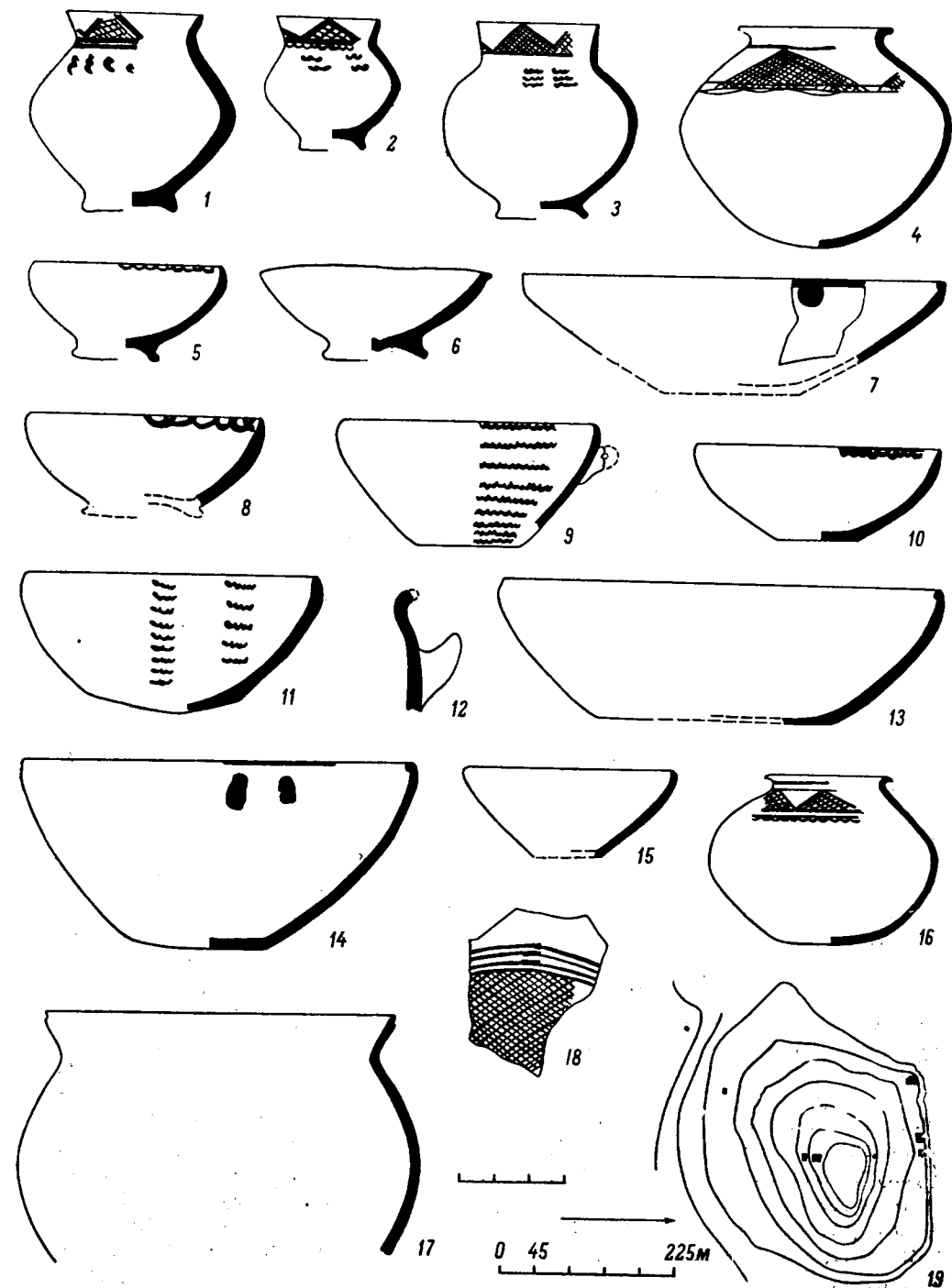

Рис. 17. Поселение Гео́й-Тепе.

1-18 — керамика халколитического слоя (М); 19 — план раскопов.

ляет поселение Аликемек-Тепеси, подвергавшееся систематическим раскопкам; его окружало несколько небольших селищ. На Аликемек-Тепеси вскрыто 6 строительных горизонтов, в которых зафиксированы жилые и хозяйственные постройки, гончарные печи, погребения. На тот же характер заселения указывают и древние телли Мильской степи [Иессен, 1965а, с. 13; Нариманов, 1987, с. 39]: к поселению Шах-Тепе тяготеет селище Доллек-Тепе; поселение Кямиль-Тепе на берегу пересохшего русла р. Шапарты вместе с безымянным тепе составляют вторую группу; еще одна группа объединяет поселения Шомулу-Тепе, Кичик-Шомулу-Тепе, Гуллейетен-Тепе и Кюль-Тепе. Наконец, серия древних поселений Араратской равнины (Техут, Ада-Блур и др.) приурочена к руслу р. Касах [Арешян, 1972а, с. 231].

Стратиграфия южных поселений разработана не столь тщательно, однако некоторые параллели с центрально-закавказскими материалами позволяют наметить последовательность их горизонтов. Предполагается, что вслед за старшей группой (Хатунарх, Цахкунк), синхронной поселениям Шому-Тепе и Шулавери, следуют нижние горизонты Кюль-Тепе I, а также Иланлы-Тепе, поселения Карабахской и Муганской степей. Аликемек-Тепеси, Кечили III и Техут относятся к позднему энеолиту и датируются IV тыс. до н. э. (рис. 12) [Мунчаев, 1982, с. 124].

Население южного пояса строило глинобитные дома. В отдельных районах, где поблизости были выходы камня, последний использовался для сооружения фундаментов (Кюль-Тепе I). В целом в южных районах преобладала круглоплановая архитектура: на поселении Техут, например, построек другой формы вообще не было. На других поселениях наряду с круглыми постройками строились и прямоугольные (Иланлы-Тепе, Кюль-Тепе I, Аликемек-Тепеси), и полукруглые (Иланлы-Тепе) сооружения. Крупные постройки площадью 20—25 м² служили домами. Нижняя их часть иногда заглублялась в землю (Техут), что придавало постройкам вид полуземлянок. Чаше всего это были наземные постройки. В верхних горизонтах Кюль-Тепе I появляются дома более крупных размеров (диам. 6—7,7 м), что приближается к строительным стандартам последующей куро-аракской культуры. Динамика в развитии архитектурных сооружений прослежена и на поселении Аликемек-Тепеси; в самых нижних круглые постройки сочетались с прямоугольными, в среднем также зафиксирована землянка, верхний горизонт характеризовался исключительно круглыми постройками. К домам были пристроены круглые подсобные сооружения (диам. 1,2—1,5 м), служившие для хранения продуктов. К жилым постройкам, как правило, примыкали небольшие открытые дворики. Жилой дом и дворик составляли основную планировочную ячейку.

Внутреннее убранство домов напоминало интерьеры шулавери-шомутепинских жилищ, хотя в последних, за редким исключением, отсутствовала традиционная для Юга побелка стен и окраска полов охрой (Техут, Иланлы-Тепе); побеленные стены одного из домов Аликемек-Тепеси дополнительно расписаны красной краской. У внутренних стен домов располагались хозяйственные и культовые очаги; известны случаи, когда в одном помещении было несколько очагов — у стен и в центре. Возле очагов обычно лежал хозяйственный инвентарь, а также отходы производственной деятельности.

Преобладающим сырьем для изготовления орудий здесь являлся обсидиан; на Аликемек-Тепеси обсидиановые орудия составляли 78,3% всех каменных изделий. Среди орудий, как правило, отсутствуют архаичные формы (микролиты, резцы, скобели), несущие ранние, мезолитические традиции. Преобладают крупные ножевидные пластины,

служившие вкладышами серпов. В большом количестве встречаются зернотерки, ступки, терочки, полированные топоры, тесловидные орудия. Орудия из кости и рога — мотыги, шилья, проколки, ложила идентичны изделиям из центральнозакавказских поселений. В домах встречено большое количество глиняных ядер для пращи.

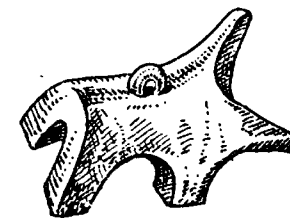
В керамике нет того единства, которое наблюдается на шулаверских поселениях; на каждом памятнике она имеет свою специфику, а на отдельных поселениях прослеживается ее динамика. Преобладают светлые слегка залощенные плоскодонные неорнаментированные миски, чаши, банкообразные, цилиндрические и бочкообразные сосуды, снабженные ручками-выступами. В отличие от северной группы, почти на каждом южном поселении обнаружена расписная посуда; на Аликемек-Тепеси найдено более ста расписных черепков. Среди последних, так же, как в Кюль-Тепе I и в Техуте, есть отдельные образцы привозной посуды, однако большая часть имеет местное происхождение и сделана в подражание первой. Особенностью южных поселений является присутствие изделий из меди (проколки, бусины, ножички, шильца). На Кюль-Тепе I, в частности, найдено 7 таких поделок.

Таким образом, в горах и на равнинах Кавказа сейчас известны десятки раннеземледельческих поселений, характеризующих неолитическую и энеолитическую стадии развития. Учитывая неоднократно отмечавшуюся условность такого членения, в основе которого лежат чисто археологические критерии, а также имеющиеся в литературе «разночтения» по этому вопросу [Массон, 1982б, с. 5], поселения эти следует рассматривать как материальное выражение трехтысячелетнего бытования раннеземледельческих общин на территории Южного Кавказа. В пределах этого длительного периода здесь прослеживаются два этапа культурно-хозяйственного развития: период неолита — переход к хозяйству нового типа при сохранении некоторых черт присваивающей экономики, что в материальном комплексе обусловило бытование старых традиционных форм орудий труда, появление новых наборов, связанных с земледелием и скотоводством; период энеолита — время первого знакомства человека с металлом, характеризуемый интенсивным развитием производящей экономики и рядом культурных инноваций, нашедших материальное выражение в появлении новых стабильных археологических типов.

Глава 3

РАННЯЯ БРОНЗА

(середина IV — третья четверть III тыс. до н. э.)

К середине IV тыс. до н. э. в культурах Южного Кавказа намечаются существенные изменения, появление которых было подготовлено всем ходом исторического развития. Во второй половине IV тыс. до н. э. они постепенно нарастают, что приводит к смене культур. Изменения в области культур связаны в первую очередь с теми эпохальными сдвигами в ведущих отраслях экономики, на пороге которых находились кавказские племена в конце энеолита. Растущий уровень аграр-

ного хозяйства стимулировал переоснащения всего комплекса земледельческих орудий; формируются новые скотоводческие системы; совершенствуются ремесла, в частности металлообработка: изделия из металла внедряются во все сферы жизни. Повышение уровня развития производительных сил повлекло за собой заметное увеличение численности населения; началась новая волна расселения — из обжитых долин и низких равнин в предгорья и горы, где в III тыс. до н. э. обособываются десятки поселений с земледельческо-скотоводческой направленностью экономики.

Эти важнейшие экономические преобразования нашли яркое материальное выражение в культурном развитии. Они происходили преимущественно в среде носителей так называемой куро-аракской культуры (далее — КУАК) периода ранней бронзы (далее — РБ), пришедшей на смену древним земледельческим культурам Кавказа и распространившейся в центральных, восточных и южных районах Закавказья, а также на Северо-Восточном Кавказе и в прилегающих к Кавказу областях Ирана и Восточной Анатолии. В отличие от этих территорий в Западном Закавказье развитие местных культур в силу ряда специфических факторов шло более традиционным путем. Однако и здесь инновационные процессы прошли далеко не бесследно.

КУАК характеризуется рядом ярких признаков, и прежде всего специфической керамикой; технология ее изготовления, локальные и хронологические особенности, тенденция эволюции на протяжении всего периода в свое время были рассмотрены нами специально [Кушнарера, Чубинишвили, 1970, с. 136]. Вылепленная от руки, изящная, разнообразная по форме и орнаментации чернолощенная (реже светло- или серолощенная) посуда является ведущим признаком КУАК. В Закавказье она получила название «черная керамика на розовой подкладке» [Куфтин, 1941, с. 76], в Сирии — «черно-красная лощеная керамика» (black-red polish ware) [Braidwood R., Braidwood L., 1960, p. 358], в Палестине — «кирбет-керакская керамика» (khirbet-kerak ware) [Meisler, Stekelis, Avijonach, 1952, p. 116]. Ч. Барней, рассматривая закавказскую и анатолийскую керамику как единое целое, называет ее «керамикой закавказско-восточноанатолийского периода ранней бронзы» [Burney, 1958, p. 165]. КУАК характеризуется рядом инноваций в строительстве и архитектуре [Джавахишвили А. И., 1973], приведших к коренным изменениям в облике поселений, а также бурным расцветом металлургического производства [Джапаридзе О. М., 1955б; Абесадзе, 1969; Кушнарера, Чубинишвили, 1970; Мунчаев, 1975; Геворкян, 1980; Абесадзе, Бахтадзе, 1987; Тавадзе и др., 1987, и др.].

Несмотря на интенсивное изучение в течение трех десятилетий памятников КУАК в масштабе как всего региона [Куфтин, 1943; Пиотровский, 1949а, с. 32; Кушнарера, Чубинишвили, 1970; Чубинишвили, 1971; Джавахишвили А. И., 1973; Мунчаев, 1975; Джапаридзе О. М., 1983], так и отдельных областей ее распространения [Пиотровский, 1949б; Джапаридзе О. М., 1955б, 1961, 1962, 1980; Джавахишвили А. И., Глonti, 1962; Пхакадзе, 1963, 1988; Ханзадян, 1967, 1969, 1985; Глonti, 1970; Есяян, 1971; Арешян, 1972в, 1978, 1980; Мирцхулава, 1975; Хачатрян Т. С., 1975; Киквидзе, 1976; Халилов, Аруджиев, 1977; Исмаилов, 1978, 1983, 1987; Халилов и др., 1979, 1980, 1981; Орджоникидзе, 1981; Абибуллаев, 1982; Бадалян, 1984, 1985а, 1985б, 1986; Халилов, 1987, и др.], некоторые ключевые вопросы ее интерпретации до сих пор остаются в стадии дискуссий. Это происходит из отсутствия разработок по типологическому сопоставлению (на основе строгой научной процедуры) ведущих признаков КУАК в границах ее распространения; только с помощью таких разработок можно будет в даль-

нейшем окончательно решить вопросы ее генезиса, хронологии и периодизации.

Поселения и могильники КУАК встречаются в более широком ареале, нежели памятники V—IV тыс. до н. э. Количественно они значительно превышают последние. К 1970 г. число учтенных нами памятников достигало 200 [Кушнарера, Чубинишвили, 1970, карта — рис. 20], однако за прошедшие с тех пор годы количество их заметно увеличилось; так, только на северо-восточных склонах Малого Кавказа недавно зафиксировано около 50 поселений. Ареал КУАК давно «перешагнул» за границы двух речных магистралей Закавказья — Куры и Аракса, давших наименование культуре. Он охватывает все Центральное Закавказье; на севере его границы переходят через Кавказский хребет и захватывают северо-восточные и частично центральные районы Кавказа (Дагестан, восточная часть Чечено-Ингушетии); на северо-западе границей служит р. Ингури (пещера Максания), район Самтреди (Доблагоми) и Кутаиси (Цулукидзе) — иными словами, в границы КУАК входит и Рионо-Квирильский бассейн; в Колхиде же прослеживаются лишь элементы КУАК, которые надо рассматривать как результат контактов ее носителей с местным населением; на юго-западе КУАК охватывает верховья р. Евфрат (Малатья, Элязиг); на юге — берега оз. Ван; на юго-востоке — берега оз. Урмия (Геой-Тепе, Яник-Тепе), районы Тебриза (Кара-Тепе), Хамадана и Керманшаха; восточная граница остается все еще неуточненной, хотя в последнее время на территории Азербайджана открыта новая серия памятников КУАК. Отдельные поселения зафиксированы на Мугани (Мишарчай I), около Нахичевани (Кюль-Тепе I, II), на юго-восточных склонах Малого Кавказа (Гаракепек-Тепеси, Гюнеш-Тепе и др.), в Мильской степи (Гек-Тепе, Касум-Тепе и др.), около Евлаха (Мингечаур) и Казеха (Баба-Дервиш). Очерченные границы характеризуют КУАК в период ее наибольшего распространения; разумеется, область ее формирования не столь значительна. Именно на позднем этапе бытования культуры происходит инфильтрация ее носителей из основного ареала в области Восточного Средиземноморья и Северо-Западного Ирана; в первом случае пришедшая культура названа «кирбет-керакской», во втором — «яникской». Таким образом, КУАК в период своего апогея охватывала большую часть Закавказья, Северо-Восточный Кавказ, Восточную Анатолию и Северо-Западный Иран (рис. 18). Столь обширная территория распространения КУАК и намечающиеся в сфере материального производства (архитектура, строительные приемы, керамика, очаги) локальные особенности наводят на мысль, что в дальнейшем, при проведении жесткого сопоставительного анализа ведущих типов КУАК между различными ее областями, скорее всего будут выявлены несколько близких по облику родственных культур, которые заполнят широкие границы куро-аракской ойкумены: тогда КУАК можно будет рассматривать как культурную общность (или блок родственных культур [Бочкарев, 1982]). Подобное предположение уже высказывалось, но для его обоснования потребуется большая и кропотливая работа.

Огромное количество накопившихся материалов по КУАК определяет выборочный характер их дальнейшей характеристики. Учитывая имеющиеся в литературе разработки различных ее аспектов (в частности, детальный анализ гончарной и металлообрабатывающей продукции) [Кушнарера, Чубинишвили, 1970, с. 112—161; Мунчаев, 1975, с. 368—377, 391—407], с одной стороны, и появившиеся вслед за ними исследования, проливающие свет на вопросы топографии, планировки и строительной традиции памятников КУАК [Джавахишви-

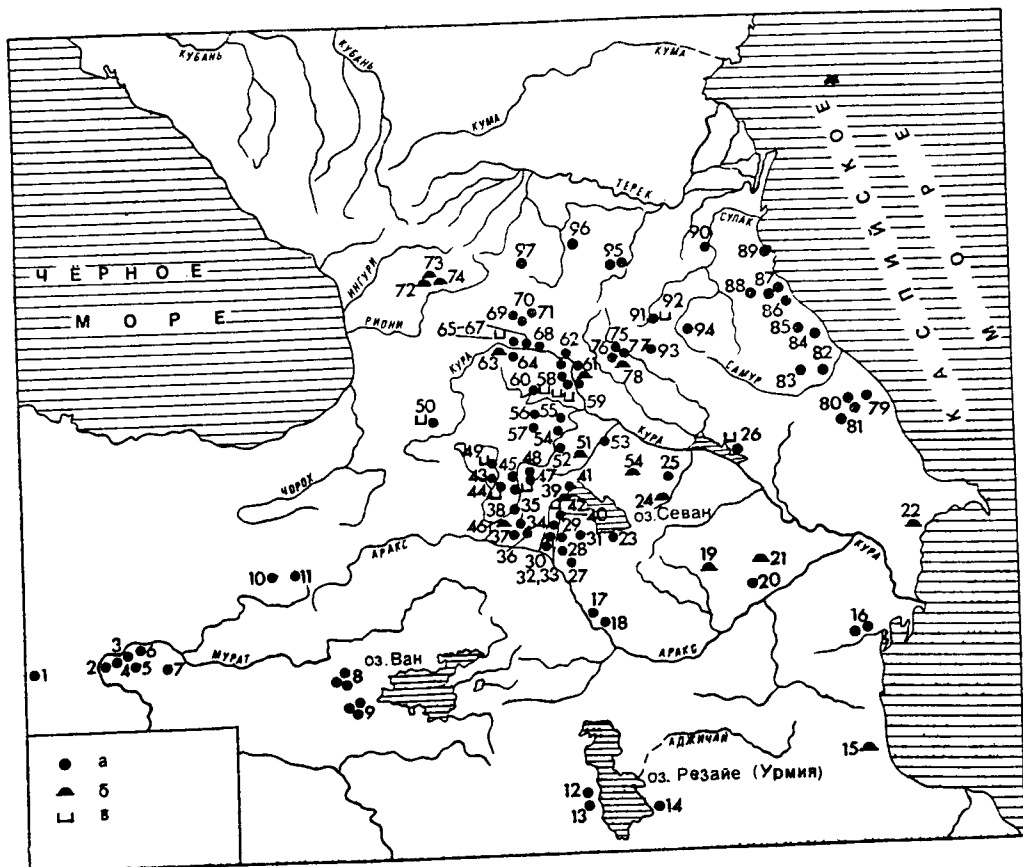

Рис. 18. Памятники куро-аракской культуры (карта составлена Р. М. Мунчаевым).

1 — Арслан-Тепе; 2 — Пулур (Сакнол); 3 — Тулин-Тепе; 4 — Тепечик; 5 — Норшун-Тепе; 6 — Дагир-мен-Тепе; 7 — Куруджу-Тепе; 8 — район Муша; 9 — район Битлиса; 10 — Пулур; 11 — Караз; 12 — Гиджлар-Тепе; 13 — Геби-Тепе; 14 — Яник-Тепе; 15 — Астар; 16 — Мишарчай I, II; 17 — Кюль-Тепе I; 18 — Кюль-Тепе II; 19 — Хаченагет; 20 — Гаракелек-Тепе; 21 — Уч-Тепе; 22 — Гобустан; 23 — Цови-нар; 24 — Хачбулаг; 25 — Заглик; 26 — Мингечаур; 27 — Арташат; 28 — Двин; 29 — Джраовит; 30 — Норабац; 31 — Гарни; 32 — Муханнат-Тапа; 33 — Шенгавит; 34 — район Еревана; 35 — Шреш-Блур; 36 — Мецамор; 37 — Мохра-Блур; 38 — Мансян; 39 — Элар; 40 — Дарани; 41 — Севан; 42 — Лчашен; 43 — Кети; 44 — Карнут; 45 — Арич; 46 — Арагац; 47 — Коси-Чотер; 48 — Такаворанист; 49 — Ленинанкан; 50 — Амиранис-Гора; 51 — Иджеванский р-н; 52 — Тетри-Цкаро; 53 — Самшвилде; 54 — Кисский р-н; 55 — Шулаверис-Гора; 56 — Имирис-Гора; 57 — Тбилиси и район Тбилиси; 58 — район Мхета; 59 — Тамиариси; 60 — район Тrialeti; 61 — Тбилиси и район Тбилиси; 62 — район Мхета; 63 — Тквиави; 64 — Берикдеебе; 65—67 — Урбниси, Хизанаант-Гора, Квацдзелеби; 68 — Гудаберджа-Цихна-Гора; 69 — Згудрис-Гверда; 70 — Нацар-Гора; 71 — Кулбакеби; 72 — Сачхери; 73 — Царцис-Гора; 74 — Корети; 75 — Грени; 76 — Илто; 77 — Сиони; 78 — Машнаари; 79 — Борнсполь-Тепе; 80 — Гялдо-Тепелери; 81 — Гевдишан-Тепе; 82 — Гильяр; 83 — Шаракун; 84 — Дербент; 85 — Великент; 86 — Мамайкутан; 87 — Каякент (Гемитюбе I—II); 88 — Мекеги; 89 — Махачкала; 90 — Чиркей; 91 — Галгалатли; 92 — Шебох; 93 — Гинчи; 94 — Чинна; 95 — Серженьюрт I—II; 96 — Луговое; 97 — Шаулегет.

а — поселение, б — курганы; в — грунтовые могилы.

ли А. И., 1973] — с другой, считаем целесообразным коснуться лишь последних, как способствующих выявлению основных закономерностей развития поселений этой культуры. В свое время нами были «сведены» и описаны разрозненные материалы узловых поселений КУАК и выделены территориальные группы памятников в пределах ее границ [Кушнарева, Чубиншвили, 1970, с. 62—95].¹ За прошедшие с 1970 г. десятилетия Дагестана, Араратской равнины, Ширака, Самцхе-Джавახети,

¹ Библиография памятников, изданных до 1970 г., приведена в указанной монографии. Основная библиография памятников, изданных после 1970 г., приводится в настоящей книге.

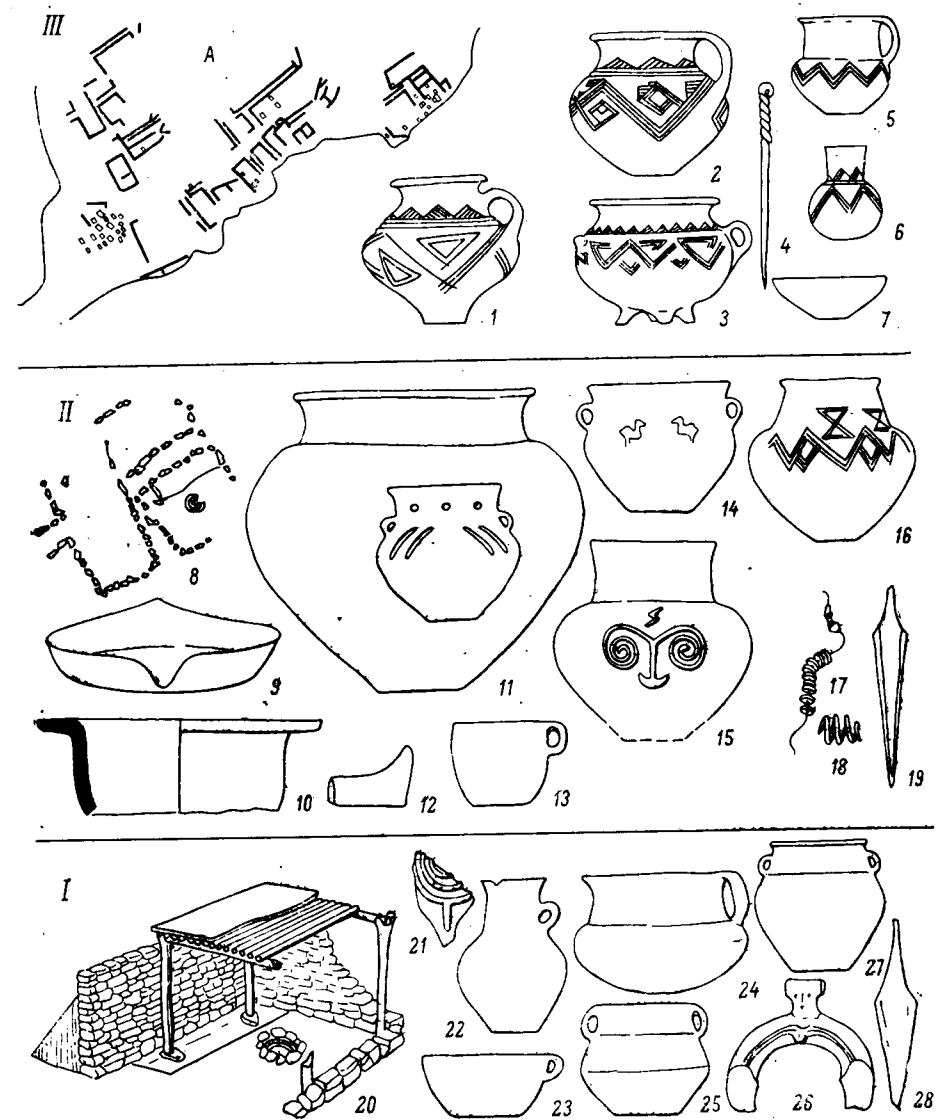

Рис. 19. Поселение Амиранис-Гора.

I—III — строительные горизонты. А — общий план поселения. 1—3, 5—7, 9—16, 21—27 — керамика; 22—28 — предметы из III горизонта и синхронных погребений; 4, 17—19, 28 — металлические изделия; 8 — план помещения XIII; 20 — литейная мастерская.

юго-восточных склонов Малого Кавказа, Мугани, Анатолии; однако они не нарушили, а лишь «наполнили» выделенные нами ранее территориальные группы. Отсылая читателя к упомянутой монографии с ее детальным описанием локальных групп памятников, приводим лишь их краткие характеристики, дополненные новейшими материалами. При вычленении этих групп учитывались следующие моменты: своеобразие топографии и архитектурно-планировочных комплексов, дающее возможность уловить особенности строительства в тех или иных областях ойкумены; сходство очаговых устройств и гончарной продукции; четкая стратиграфия, при которой основные элементы материальной культуры могут быть прослежены в динамике; наличие (там, где они имеются) подстилающих энеолитических слоев, позволя-

ющих проследить преемственность древних традиций в период ранней бронзы; возможность увязки поселений с могильниками и культовыми местами как ключ к изучению всех сторон материальной и духовной жизни носителей КУАК.

Памятники Южной Грузии (Самцхе-Джавахети) локализируются в Западной и Центральной частях Южного Грузинского нагорья. Поселение Амиранис-Гора (пл. 4 га) занимало одно из ведущих мест в этой группе [Чубинишвили, 1963, 1971; Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 55; Джавахишвили А. И., 1973, с. 150]. Вокруг находились небольшие селища. Поселение располагалось террасообразно по склону горы (рис. 19). На десяти искусственных террасах с каменными подпорными стенками размещалось ориентировочно около 180 однокомнатных каменных домов с плоскими крышами. Каждая терраса являлась самостоятельным кварталом, состоящим примерно из 18 домов. В центре находилась огороженная площадь (120 м²) — возможно, загон для общего стада. Дома (пл. 20—54 м²) имели прямоугольную форму и состояли из квадратной комнаты и небольшой пристройки, открытой с фасада. Центральное расположение очагов свидетельствует о наличии в кровле светодымового отверстия. Очаги различной конструкции: цилиндрические, круглые с тремя выступами в середине, плоские с углублением в центре, чашеобразные. В некоторых помещениях находились печи для выпечки хлеба. Хозяйственные ямы размещались возле домов и в помещениях. Около жилых домов располагались «длинные дома», служившие, скорее всего, хлевами, под их полами зафиксированы ритуальные захоронения младенцев. На вершине горы находилось святилище с каменными жертвенниками. Могильники размещались «гнездами» в необжитых местах и на заброшенных участках поселения; это подковообразные склепы и каменные ящики с индивидуальными, парными и коллективными захоронениями.

Характер поселения и многочисленных находок, а также выявленная по строительным горизонтам и погребениям динамика развития во времени всего комплекса Амиранис-Гора дали возможность синхронизировать и датировать круг близких памятников в области Самцхе-Джавахети. Это поселения и могильники в Ахалкалаки, Звели, Абастумани, Лодобана, Вархани и др. Они располагались террасообразно на речных террасах, мысах и склонах гор; для них характерны прямоугольные помещения с плоскими перекрытиями. Погребения (индивидуальные и коллективные) совершались в грунтовых ямах, каменных ящиках и подковообразных склепах [Каландадзе К. С., 1974; Пхакадзе и др., 1982; Орджоникидзе, 1981, 1983].

Памятники Северо-Западной Армении локализируются южнее Джавахети и занимают горное Ширакское плато [Хачатрян Т. С., 1975, с. 33]. Десятки расположенных здесь поселений позволяют считать эту область густонаселенной в рассматриваемый период. Они обосновывались в труднодоступных местах — на высоких мысах, окруженных ущельями (Арич, Амасия, Спандарян и др.), на скалистых возвышенностях, обращенных к ущельям (Кети, Ором, Карнут, Кумайри и др.), на склонах хребтов (Кракари-Сар, Тигнис, Сигнахи и др.) и были дополнительно укреплены. Все постройки сооружались из местного камня (туфа). Арич — одно из самых крупных поселений этого времени (площадь ок. 12 га); оно находилось на высоком мысу, окруженном ущельями, на трех естественных террасах; террасы огорожены циклопическими стенами.

На склоне нижней террасы открыты два прямоугольных каменных помещения (пл. 42 м²). Возвышенная часть верхней террасы была обнесена циклопическими стенами и представляла подобие цитадели.

Внутри нее находились прямоугольные помещения, одно из которых было, по-видимому, святилищем (алтарь, женский идол, фигурки животных).

Раскопками последнего десятилетия на Ширакском плато открыты новые поселения с циклопическими стенами и каменными прямоугольными помещениями (Карнут, Кракари-Сар, Кети) [Петросян, 1984, 1989; Бадалян, 1984, 1985а, 1985б, 1986], т. е. здесь повторяется тип построек Арича и Амиранис-Гора. Таким образом, прямоугольные каменные помещения являются устойчивыми признаками всех ширакских и джавахетских поселений периода РБ. Это их объединяет в одну древнюю историко-культурную область.

Памятники Арагатской равнины. Одним из узловых поселений этой области является Шенгавит около Еревана (рис. 20, 1—9, 11—20) [Байбуртян, 1937а, 1937б; Пиотровский, 1949б, с. 32; Ханзадян, 1967; Сардарян, 1967; Джавахишвили А. И., 1973, с. 163]. Поселение (пл. 6 га) представляло собой крепость, построенную на обрывистом берегу р. Раздан (рис. 20, 19), с трех незащищенных сторон оно ограждено мощной каменной стеной с башнями и подземными ходами, а с южной стороны — рвом. Предполагается, что здесь было три (по Байбуртяну) или четыре (по Сардаряну) строительных горизонта. На поселении преобладали прямоугольные постройки, между которыми располагались круглые помещения. Фундаменты были каменные, стены — сырцовые, крыши — конические, пол выложен булыжником. Основная застробочная единица — многокомнатный дом, включающий хозяйственные пристройки и общий двор; такой комплекс непременно включал в себя и круглое помещение с «рогатым» очагом в центре (святилище). Один из домов имел 12 помещений с общими стенами и двором (11 прямоугольных и одно круглое); в некоторых находились бытовые очаги. Большое помещение (пл. 109 м²), возможно, было хлевом. За пределами поселения находился могильник с прямоугольными могилами и коллективными захоронениями.

Вторым крупным поселением на равнине является холм Мохра-Блур (пл. 3,5 га), изучение которого протекает в последние десятилетия [Арешян, 1972а, 1972б, 1978, 1981]. Мощность его культурных напластований 10 м, причем восемь нижних горизонтов (III—XI) образовались на протяжении периода РБ. В древнейших горизонтах (XI—IX), наряду с характерными куро-аракскими типами (керамика, культовые предметы, обсидиановые орудия), представлены элементы предшествующей энеолитической культуры (круглые постройки, предметы из кости и др.). Выше (IV—VIII) круглые помещения сочетаются с прямоугольными (такие же комплексы характерны для нахичеванского Кюль-Тепе). В горизонте III открыта центральная площадь со святилищем, оформленным в виде каменной платформы с 4-метровым монолитом-алтарем [Арешян, Кафадарян, 1975]. Верхние горизонты Мохра-Блура синхронизируются с нижними горизонтами (IX—XI) Пулура. Помимо жилых помещений, здесь обнаружена литейная мастерская. Поселение обнесено мощной оборонительной стеной из сырцовых кирпичей. Разнообразные находки на поселении позволяют проследить эволюцию хозяйства, материальной и духовной культуры обитателей Арагатской равнины на протяжении тысячелетия.

Расположенное около Еревана поселение Норабац несет в себе элементы архитектурной традиции докуроаракских земледельческих поселений [Арешян, 1980, с. 423]. Многослойное поселение Джраовит (12 горизонтов), так же как Мохра-Блур, сохранило следы длительного обитания. Здесь выявлены новые черты планировки — улица, по обе стороны которой располагались круглые дома с хозяйственными при-

стройками. Перед домами — дворы с очагами, зерновыми ямами, сосудами для хранения запасов. В одном из домов обнаружены двухчастная печь, в другом — отходы бронзолитейного дела. Среди находок встречаются уникальные культовые предметы [Ханзадян, 1975, с. 477; 1985].

Расположенные к северу от Еревана поселения и могильник Элар занимали холм площадью 10 га [Ханзадян, 1967, с. 15; 1979а, с. 23—59]. На его вершине — цитадель, верхнюю площадку которой окаймляет циклопическая стена с контрфорсами. Поселения характеризуют круглые каменные жилища, хозяйственные помещения, ямы-зернохранилища. Расположенный поблизости могильник состоял из подковообразных склепов, каменных ящиков и грунтовых могил, перекрытых крупными плитами, с одиночными погребениями.

К крупным поселениям тяготели небольшие поселки. На равнине они остались в виде теллей (Шреш-Блур, Кара-Тапа и др.) [Ханзадян, 1967, с. 11]. Они занимали также естественные холмы (Мецамор, Двин и др.) [Ханзадян и др., 1973; Кушнарера, 1977в] и склоны гор (Арагац, Гарни) [Мартirosян, 1964, с. 42; Ханзадян, 1969]. Поселения разновременны; дополняя друг друга, они помогают воссоздать картину развития культуры Араратской долины в III тыс. до н. э.

В середине III тыс. до н. э. избыточное население из Араратской долины расселяется в Гегамские горы, в гористую северную и северо-восточную часть Армении. На это указывает сходство элементов материальной культуры поселений Араратской долины с поселениями Такаворанист, Коси-Чотер, Гарни, Кирги, Джуджеван, Айрум и др. [Ханзадян, 1962, 1963, 1969; Есаян, 1971, 1976]. На поселении Гарни, в частности, обосновавшиеся на высоком мысу горы, окруженной с трех сторон глубокими ущельями [Ханзадян, 1969] и защищенной циклопической стеной, открыты круглые, как в Араратской долине, каменные постройки.

Памятники Северо-Восточной Армении. Поселения располагались на высоте 1500 м н. у. м., а отдельные скотоохранные крепости на альпийских пастбищах (выс. 2000—2300 м. н. у. м.). Они, как и в Шираке, обосновались на высоких холмах, скальных возвышенностях, мысах, окруженных глубокими ущельями, и были дополнительно укреплены циклопическими стенами [Есаян, Кафадарян, 1965; Микаелян, Есаян, 1968; Чилингарян, 1968; Есаян, 1971, 1976; Есаян, Микаелян, 1972, 1973].

Поселения Шаглама II и III расположены на берегу р. Дебед, недалеко от с. Айрум. Первое (пл. 1,5 га) занимает обрывистый скальный выступ; в местах же, доступных для восхождения, оно защищено мощной циклопической стеной, построенной одновременно с основанием поселения. Постройки из местного базальта располагались вдоль стены; центральная же часть крепости была свободной и служила, по-видимому, загон для скота.

Поселение (крепость) Шаглама III занимало возвышенность с крутыми склонами (пл. 6,5 га). На подходах к крепости построены мощные стены. В северной части находилась укрепленная цитадель. Основанная в середине III тыс. до н. э., крепость просуществовала несколько столетий и была заброшена. Еще одна крепость — Джагацатех — обосновалась поблизости от с. Джуджеван на небольшой скалистой возвышенности.

Памятники Центральной Грузии локализуются в среднем течении р. Куры. Здесь преобладали небольшие «сельские» поселки, находившиеся поблизости друг от друга. Существовали и крупные поселения, среди которых выделяется Гудабертка. Культурные отло-

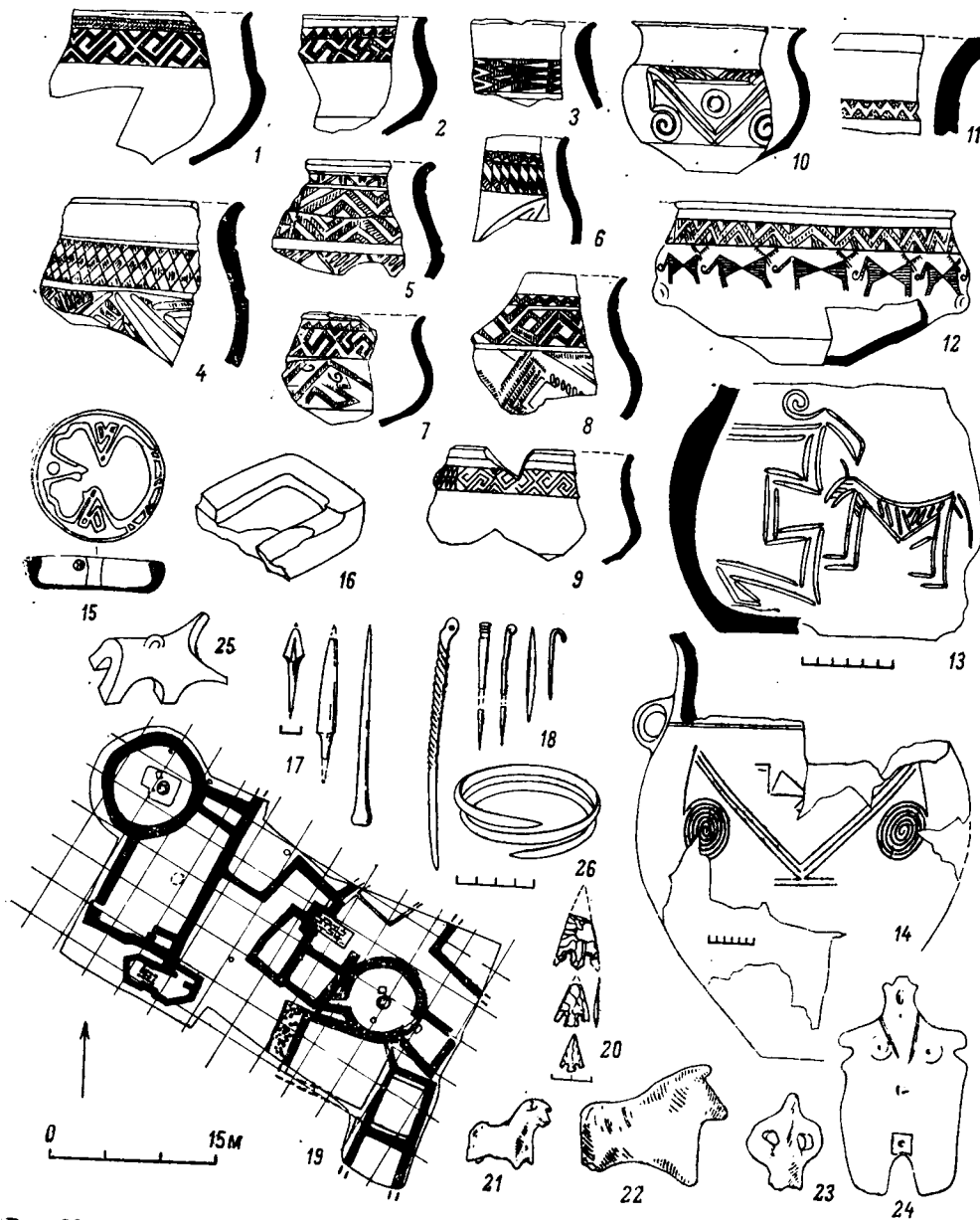

Рис. 20. Поселения Араратской долины.

1—13, 14 — сосуды; 15 — глиняный очаг; 16 — литейная форма; 17 — изделия из кости; 18, 26 — металлические украшения; 20 — каменные наконечники стрел; 21—24 — глиняные скульптурки.
1—9, 11—20 — Шенгавит; 10, 21—24 — Мохра-Блур; 25 — Шреш-Блур; 26 — Элар.

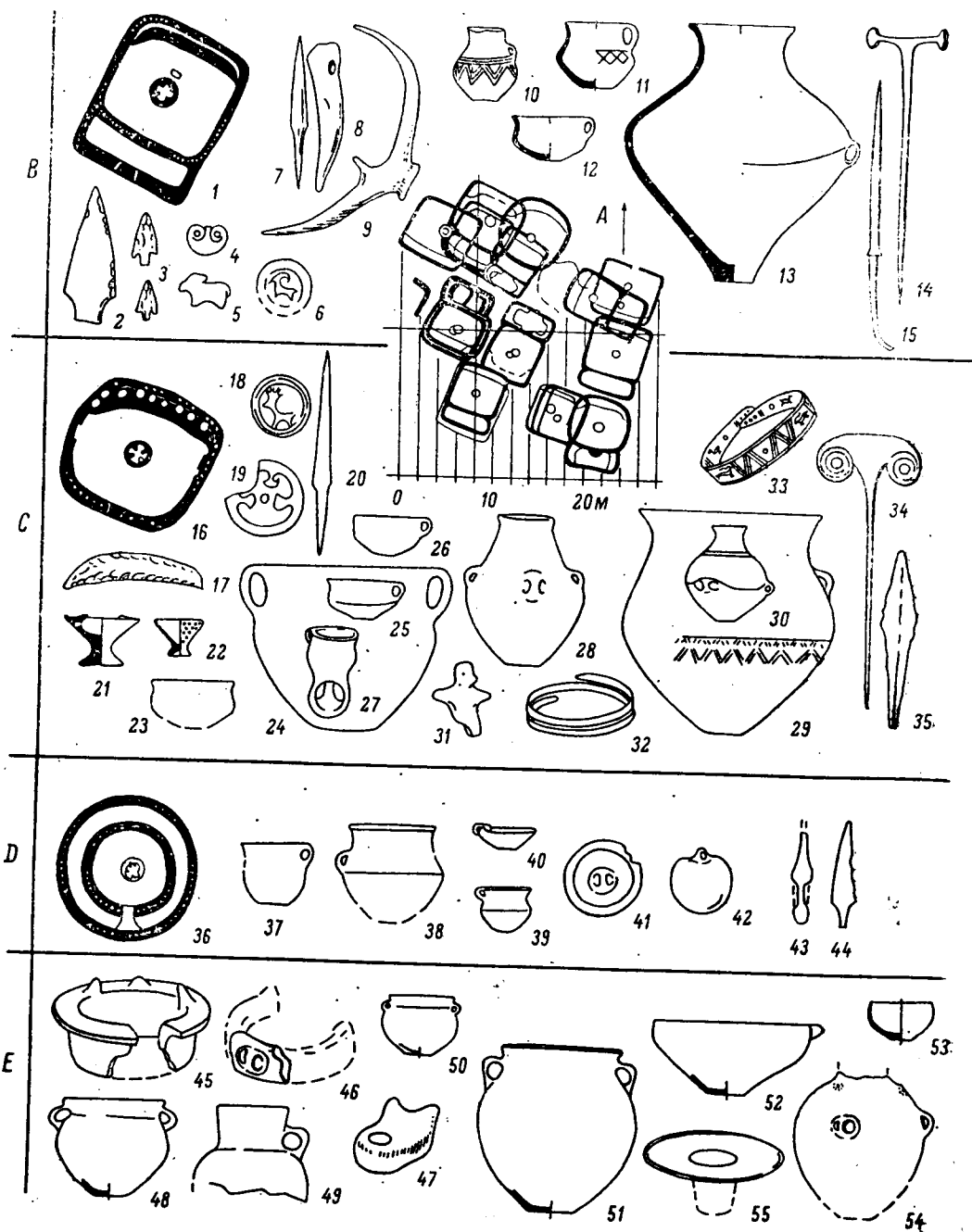

Рис. 21. Поселения Хизанаант-Гора и Квацхелеби. Послойное расположение находок. В, С, D, E — горизонты. А — общий план поселения Квацхелеби; 1, 16, 36 — планы помещений; 2, 3, 17, 42 — изделия из камня; 4, 14, 15, 32—35, 43, 44 — металлические изделия; 5, 31 — глиняные скульптурки; 6, 10—13, 18, 19, 21—29, 37—41, 48, 49, 51—54 — сосуды; 7—9 — изделия из кости и рога; 45—47, 55 — глиняные очаги и очажные подставки. 1—15 — Квацхелеби — Хизанаант-Гора, слой В; 16—35 — Квацхелеби, слой С; 36—55 — Хизанаант-Гора (36—44 — слой D; 45—55 — слой В).

жения поселений Хизанаант-Гора — Квацхелеби дали для Шида-Картли строгую стратиграфическую колонку из шести горизонтов эпохи ранней бронзы (рис. 21) [Киквидзе, 1966, с. 26; Джавахишвили А. И., Глonti, 1962; Глonti, 1970; Джавахишвили А. И., 1973, с. 113—149]. Поселения расположены на высоком берегу р. Куры, на расстоянии 2 км друг от друга. На полностью раскопанном поселении Квацхелеби выявлен принцип планировки, типы и конструкции домов, строительные приемы; они прослеживаются в динамике. В горизонте С, погибшем от пожара, препарировано 25 домов (из 35). Большинство домов каркасно-глинобитные, 3 — из сырцового кирпича. Они располагались в строгой системе (либо рядом, либо один за другим, либо напротив друг друга) и группировались вокруг проходов и небольших площадей. Планировка домов (пл. 24—42 м²) была «стандартной» — квадратные постройки с центральным столбом, центральным «рогатым» очагом и плоским балочным перекрытием со световым отверстием. Дома состояли из жилой комнаты и передней, служивших для хозяйственных целей. На центральной площади поселения находилась круглая постройка, по-видимому, святилище. Открытые вблизи Хизанаант-Гора и на Квацхеле погребения были грунтовыми и содержали одиночные и парные захоронения [Глonti, 1982].

Многочисленные селища Шида-Картли расположены вдоль течения р. Куры (Бактисереби, Квернаки, Двани, Уплисцихе, Земо, Авчала, Дидубе, Дидиахалисопели, Хведурети, Ховле, Багинети, Вашладжвара), в ущелье р. Лиавхи (Кулохоми, Згудрисверда, Нацар-Гора, Цхинвали, Ялбузи, Каралети, Меджврисхеви) [Глonti, 1970]. В одной группе селищ доминирующее положение занимает расположенное на высоком холме огромное поселение Гудабертка. В его ранних слоях открыты те же помещения со стенами каркасного типа, «рогатые» очаги, настенная роспись; здесь же находилась литейная мастерская. Поселение имело сырцовую оборонительную стену. Рядом находилась могильник. Со слоем D Хизанаант-Гора синхронизируются также коллективные подкурганые захоронения в Тквиави [Макалатия С. И., 1943] и погребения древнего участка могильника Дзагина [Джапаридзе О. М., 1961, с. 205].

Наряду с долговременными поселениями в Шида-Картли встречаются сезонные стоянки типа Кулбакеби [Джапаридзе О. М., 19556, с. 21; 1961, с. 19].

Памятники Северо-Восточного Кавказа. Всего в этом регионе (Дагестан и Восточная Чечено-Ингушетия) зафиксировано 50 поселений и могильников периода РБ [Мунчаев, 1961; Гаджиев, 1983, 1986, 19876]. В течение III тыс. до н. э. в Дагестане были заселены все вертикальные зоны: в приморской низменности поселения располагались на естественных холмах (Геме-Тюбе I—II; Великент и др.), в предгорье и горах — на высоких террасах, гребнях и склонах гор (Мекеги, Чиркей, Галгалатли, Гапшима и др.). Иными словами, при выборе мест обитания природный фактор для их защиты играл перво-степенную роль.

Поселение Мекеги расположено на берегу глубокого ущелья и имеет естественно укрепленный характер. Для него характерны круглые каменные жилища с центральным очагом, двучастной глиняной печью и небольшой хозяйственной передней. На поселении обнаружены остатки металлургического производства [Котович В. Г., 1959, с. 7; 19616, с. 11; 1982, с. 113; Гаджиев, 19806, с. 1, 1983, с. 6].

Чиркейское поселение расположено на берегу р. Сулак, на останце древней террасы с крутыми склонами; это естественная труднодоступная крепость. На склоне выявлены остатки более 20 построек

[Гаджиев, 1983, с. 15]; это «стандартные» круглые каменные дома с плоским балочным перекрытием, коридорообразным входом и круглым очагом в центре; к ним пристроены небольшие «сени» с двучастными печами. Внутри, напротив входа находилась каменная лежанка, вдоль стен — каменные скамьи, обмазанные глиной, в углу — зерновые ямы и вкопанные в землю сосуды-хранилища.

Сигитминское поселение (пл. 500 м²) находится на границе предгорий и степей, на берегу р. Сулак и представляет собой естественно укрепленную крепость [Канивец, 1957, с. 158; Гаджиев, 1983, с. 23]. По планировке это типично горное поселение. Квадратные жилища располагались уступчато по склону горы и были частично врезаны в нее. Стены достраивались из камня, плоская кровля поддерживалась столбами. Внутри жилищ — лежанка, высеченная в скале, и пристенная двучастная глиняная печь. В некоторых помещениях сохраняются круглый очаг, не занимающий здесь центрального места. Основной планировочной единицей является отдельно стоящий дом и примыкающий к нему дворик. На позднем же этапе жизни поселения возникают смежные двух-трехкамерные постройки.

Горное поселение Галгалатли I расположено во внутреннем Дагестане и занимает гребень и склон горы возвышающейся над Андийской котловиной [Гаджиев, 1983, с. 32]. Вскрыто семь крупных прямоугольных и круглых домов, построенных на искусственных террасах, врезанных в склон. Перекрытие домов плоское, балочное, сверху — каменные плиты. В домах — каменные скамьи, центральный круглый очаг, ямы для зерна, сосуды-хранилища. На поселении найдены остатки металлопроизводства. Таким образом, сигитминские и галгалатлинские постройки характеризуют иную, отличную от круглого жилища традицию; здесь господствуют прямоугольные помещения.

Горные поселения РБ открыты также у сел Амали, Анди, Местерхут, Ингердох, Чирката, Кули и др. [Гаджиев, 1985, с. 37]. Наряду с долговременными стационарными поселениями используются старые сезонные стоянки; возникают и новые пастушеские стойбища.

Памятники на территории Азербайджана. Они расположены группами, большие расстояния между которыми в силу экологического фактора (засоление почв в степных районах) оказались в древности незаселенными. На севере, в районах, тяготеющих к Дагестану, в свое время было открыто несколько однослойных поселений КУАК (Говдишак-Тепе, Таба-Ятаги, Кяфле-Тепелери) [Мунчаев, 1975, с. 73; Халилов, Кесаманлы, 1973, с. 55]. В последнее время проведены работы по массовому выявлению поселений и установлению закономерностей заселения прибрежной зоны Северо-Восточного Азербайджана [Халилов, Оруджиев, 1977; Халилов и др., 1979, 1980, 1981; Халилов, 1985; Ахундов Т. И., 1986, 1987]. Поселения здесь расположены в поймах рек на естественных холмах, в среднем на расстоянии 8—10 км друг от друга. Их ранняя группа (Беюк-Тепе, Говдишан-Тепе, Кяфля-Тепелери I—II) состоит из малых поселений (пл. до 1 га). Поздняя включает 10 поселений (7 малых, 2 средних, 1 крупное). Структура расселения связана с изменением дельтовой зоны. Для южной части характерны самостоятельные единицы расселения — малые поселения; с продвижением на север наблюдается гнездовое расселение с иерархической структурой. Центральное место в этой части региона принадлежит крупному поселению Беюк-Тепе II.

На правом берегу р. Куры, в центре ущелья Боздаг располагалось Мингечаурское поселение [Асланов и др., 1959]. Здесь открыты дома полуземляночного типа, один из которых имел площадь 112 м²; верхние части его стен и крыша построены из дерева. В центре — два

ряда очажных ям, по три ямы в каждом. В средней части землянки две перегородки из глины, делящие ее на три части. На отлете от поселения находился могильник, с одиночными скорченными погребениями. Мингечаурское поселение — единственный из известных памятников КУАК с полуземлянками и несколькими очагами в пределах одного дома.

К западу от Мингечаура, на левом берегу р. Акстафачай, находится группа обжитых естественных холмов, на одном из которых обосновалось поселение Баба-Дервиш (рис. 22) [Исмаилов, 1977]. Его приблизительные размеры 300×200 м. Здесь, над энеолитическим слоем, находились отложения РБС с остатками наземных построек (кирпич, обмазка, булыжник) и «рогатыми» очагами. На другом участке зафиксировано своеобразное зернохранилище — 25 крупных ям. На краю поселения находилась металлообрабатывающая мастерская с горном и другими атрибутами бронзолитейного дела. В культурном слое открыты два одиночных скорченных погребения.

Отдельные поселения КУАК в Восточном Закавказье известны лишь по находкам типичной керамики (на р. Акстафа, в Заглике, в Мильской степи) [Иессен, 1965а, с. 16]. Различные этапы КУАК документируют также могильники — погребения в районе Кабалы, курганы у с. Тельман, в урочище Уч-Тепе и др. [Казиев, 1965; Махмудов Ф. Р., 1979; Иессен, 1965б; Гуммель, 1948].

Ключевым поселением КУАК на юге региона является поселение Кюль-Тепе I около Нахичевани (рис. 23) [Абибуллаев, 1959а, 1959б, 1963, 1982]. Это многослойный искусственный холм (выс. 27 м), образовавшийся в периоды энеолита — раннего железа. Девятиметровый слой РБ (14 строительных горизонтов), где выявлено 28 отдельно стоящих круглых жилых помещений (диам. 4—13 м) с примыкавшими к ним прямоугольными хозяйственными пристройками. Дома однотипные — из глины, кирпича, дерева; некоторые имели каменные фундаменты. Плоские балочные крыши подпирались опорными столбами. В центре домов — вмазанные в пол круглые очаги; у стен прямоугольные двучастные печи. Постройки отличаются четкостью планировки, высоким уровнем строительной техники. Ямы-хранилища вынесены за пределы домов.

Большая группа поселений (50) открыта в области северо-восточных отрогов Малого Кавказа — в междуречье Гуручай и Кандаланчай [Исмаилов, 1974а, 1974б, 1976, 1980, 1983]. Они расположены в трех вертикальных зонах — в предгорье, нагорье и на равнине. На равнине — это искусственные холмы; в предгорьях же поселения размещались на естественных возвышенностях и террасах рек. Установлено, что сначала возникали мелкие поселения, затем по мере укрепления общественных объединений создавались крупномасштабные (Гаракепек-Тепе, Мейне-Тепе, Кюль-Тепе, Хан-Тепе, Шому-Тепе). Последние укреплены оборонительными стенами и рвами.

Центральным памятником для рассматриваемой группы является крупное поселение Гаракепек-Тепе, которое располагалось террасообразно по склону горы (Исмаилов, 1983). Застройка его плотная, проходы и улицы вымощены галькой. На нижних террасах — круглые каменные постройки со стенами, обмазанными глиной, и окрашенными полами. На верхних — прямоугольные многокомнатные дома. Застройка осуществлялась по ярусам (снизу вверх), что позволило проследить эволюцию домостроительства в данной области. На поселениях обнаружены остатки металлопроизводства, огромное число бытовых и культовых предметов. Динамика гончарного производства помогает уста-

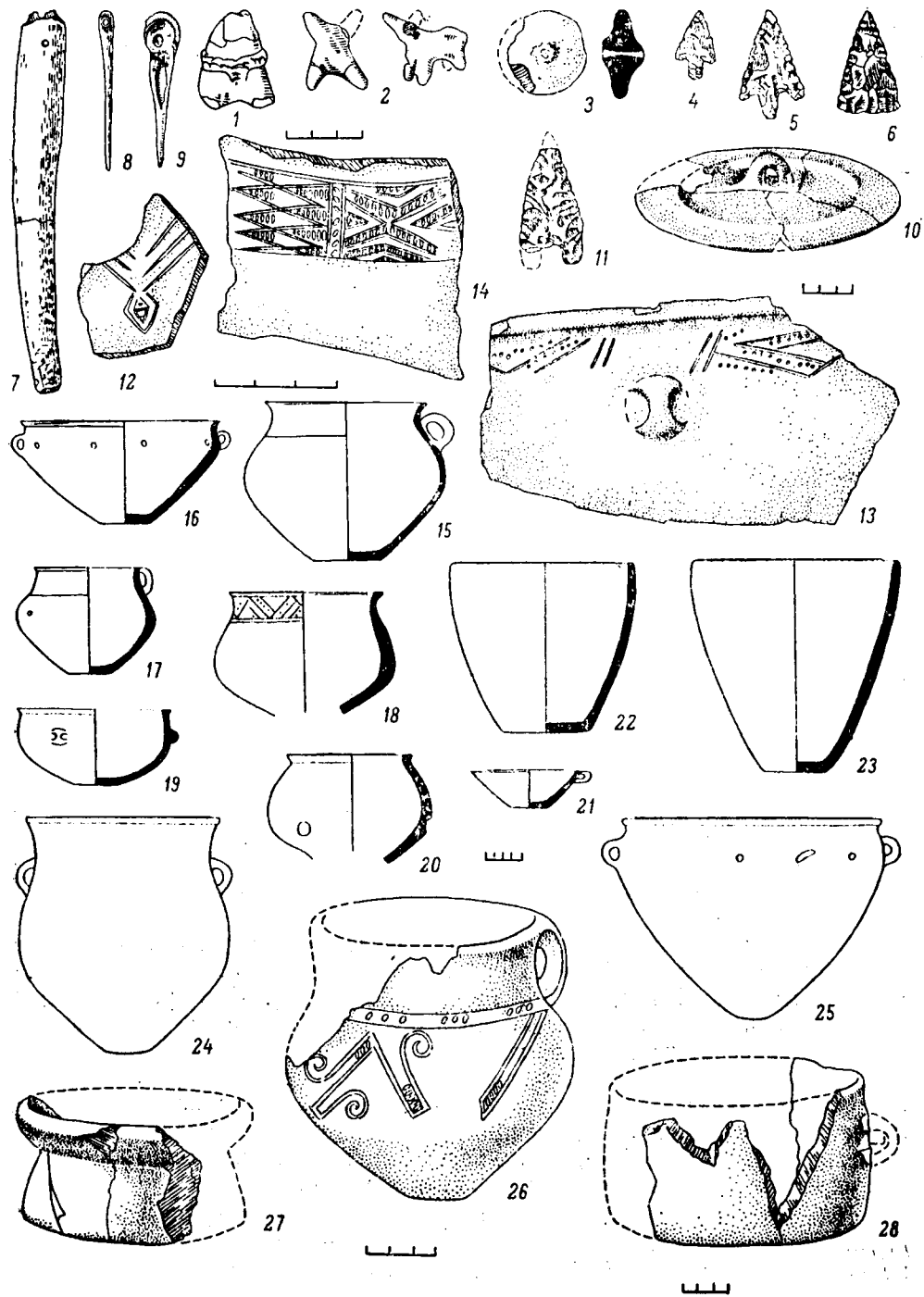

Рис. 22. Поселение Баба-Дервиш.

1-3 — поделки из глины; 4-6, 11 — каменные наконечники стрел; 7-9 — предметы из кости; 10, 12-28 — керамика.

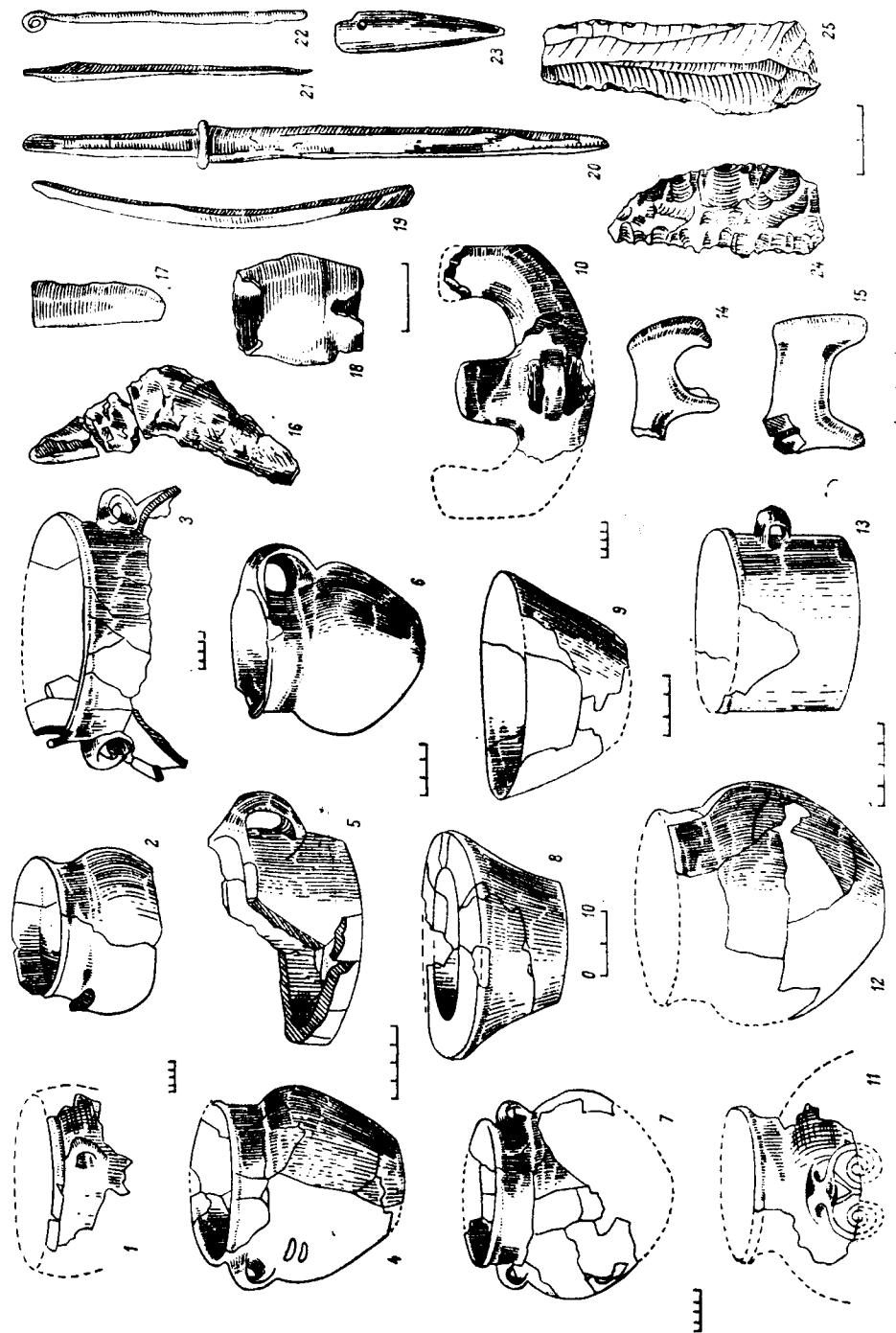
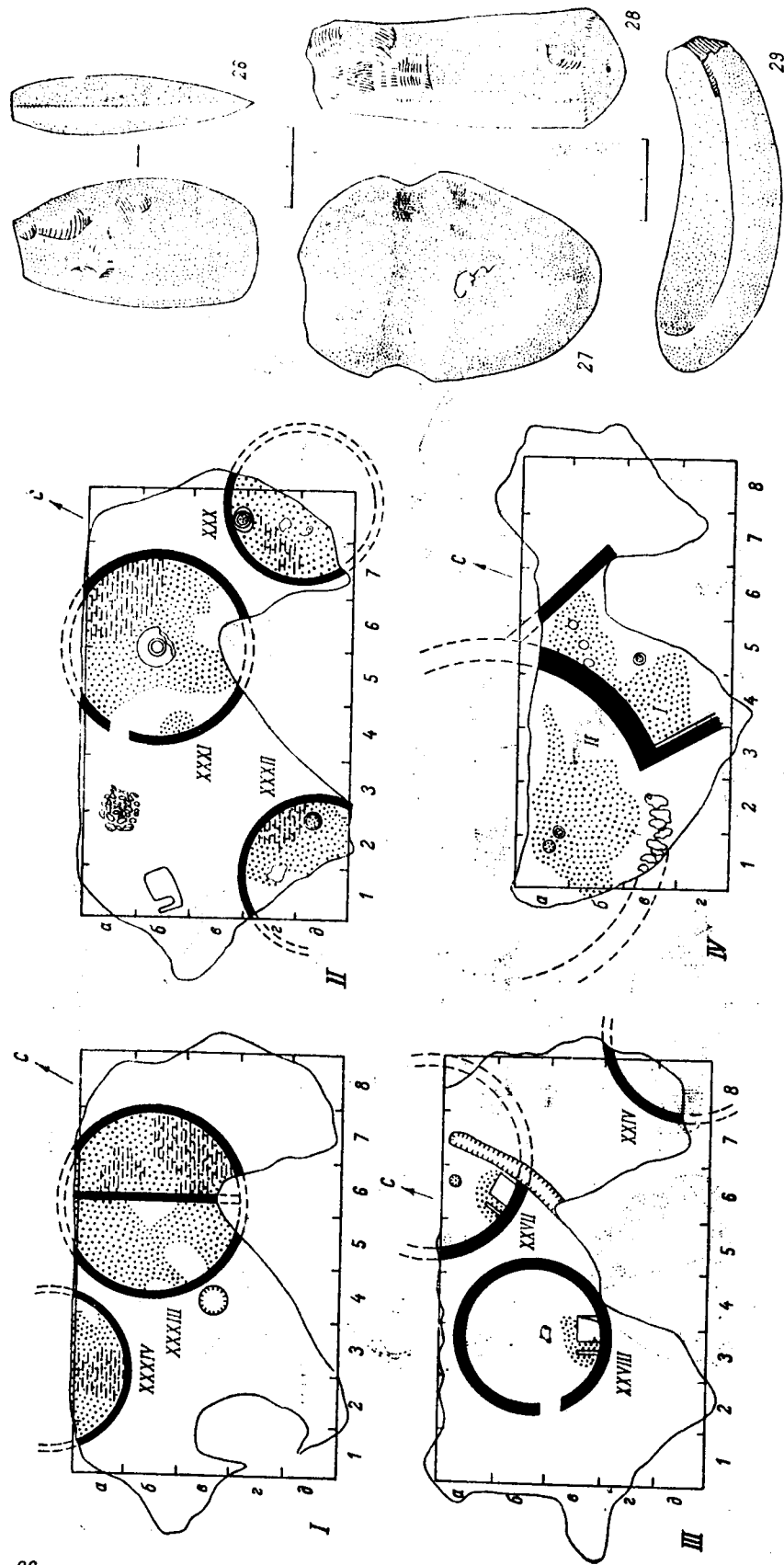

Рис. 23. Поселение Кюль-Тепе I.

1-7 — керамика с глубиной 13-9 м; 8-16 — керамика с глубиной 13-12 м; 17-22 — изделия из мышьяковистой меди; 23 — находки из кости; 24-29 — орудия из камня.

Продолжение рис. 23.

Планы помещений: I — первого горизонта (XXXIII—XXXIV, гл. 13 м); II — второго горизонта (XXX—XXXI, гл. 12,5 м); III — третьего горизонта (XXV, XXVII, XXVIII, гл. 12 м); IV — третьего горизонта (I—II, гл. 6,4 м); а — остатки стен; б — камни; в — глиняные жаровни; г — зола; д — печь; е — остатки зерна.

новить хронологическую атрибуцию нестрафигированных комплексов КУАК в восточных областях ее распространения.

Наконец, на Кельбаджарском высокогорье открыто поселение с круглым (диам. 22 м) сооружением в центре; можно предполагать, что оно служило загонem для скота [Там же, с. 23].

Памятники Северо-Западного Ирана. Расположенные к западу от оз. Урмия поселения Геой-Тепе и Яник-Тепе сегодня являются самыми юго-восточными пунктами распространения КУАК. Они отражают последовательные этапы ее бытования. Шестиметровая толща эпохи РБ Геой-Тепе (слой К) покоилась на халколитическом слое [Burton-Brown, 1955]. В нижнем ее горизонте расчищен участок сырцовых стен (толщ. 1,65 м), опоясывавшей все поселение. Постройки здесь были прямоугольными и круглыми; сырцовые стены покоились на каменных фундаментах; полы были обмазаны глиной, очаги находились около стен. В культурных отложениях зафиксированы следы пожара, остатки литейного производства, предметы, характеризующие бытовую и духовную жизнь обитателей поселения (рис. 24).

Поселение Яник-Тепе исследовано значительно лучше (рис. 25). Оно располагалось на трех холмах, слившихся со временем в один большой холм выс. 16,5 м, диам. 300 м. Поселение РБ было основано на заброшенном халколитическом селище. Оно было создано пришедшими из Закавказья носителями КУАК в поздний период ее бытования. Девять строительных горизонтов расчленены Барнеем на два этапа (РБ I, РБ II) [Burney, 1961, 1962, 1964]. Горизонты РБ I дали 37 круглых жилищ с пристроенными к ним хозяйственными помещениями (рис. 25, 27). Дома располагались скученно, без четкой планировки. Среди них выделяется круглое помещение № 1 — очевидно, общее зернохранилище, стоявшее на древней вершине холма; помещение имеет две концентрические стены, сохранившиеся на высоту до 2 м; наружная стена декорирована фигурной кладкой. Внутри помещение разделено на 4 сектора. На уровне третьего горизонта открыта мощная оборонительная стена (толщ. 4,5—5 м) из неотесанных камней на глиняном растворе; верхняя ее часть сырцовая. Позднее стена внешней стороны была дополнительно укреплена каменной кладкой, а вдоль внутренней ее части пристроена стена из сырцовых кирпичей. В стене оставался узкий проход со ступенчатым входом, наскоро выложенный, очевидно, в связи с внезапно возникшей опасностью.

Внутреннее убранство домов носило «стандартный» характер — ниши для хранения одежды и посуды, глиняные лари, длинные кухонные столы с оштукатуренными поверхностями и желобами для стока жидкости, двучастные печи, очаги. В горизонтах РБ II на смену круглым помещениям приходят прямоугольные. Эти дома двухэтажные — наверху жилые комнаты, внизу хозяйственные помещения. Внутри помещений все та же «стандартность» — двучастные печи, столы с желобами, скамьи и др. Учитывая поздний облик этих материалов, верхние горизонты Яник-Тепе следует датировать периодами РБ III—РБ IV. Таким образом, его культурные напластования дополняют отсутствующие на Кюль-Тепе и Геой-Тепе поздние фазы РБ. К этой группе примыкают поселения Годин-Тепе (4-й слой) и Кара-Тепе около Тебриза. Они указывают на степень продвижения носителей КУАК к югу и востоку от оз. Урмия.

Памятники Северо-Восточной Анатолии. Поселение Караз близ Эрзерума — один из ключевых памятников РБ региона [Kosay, 1943; Kosay, Turfan, 1953]. Это искусственный холм (выс. 16 м, диам. 200 м). В период бытования КУАК на поселении образовались мощные напластования (рис. 26); общая мощность культурно-

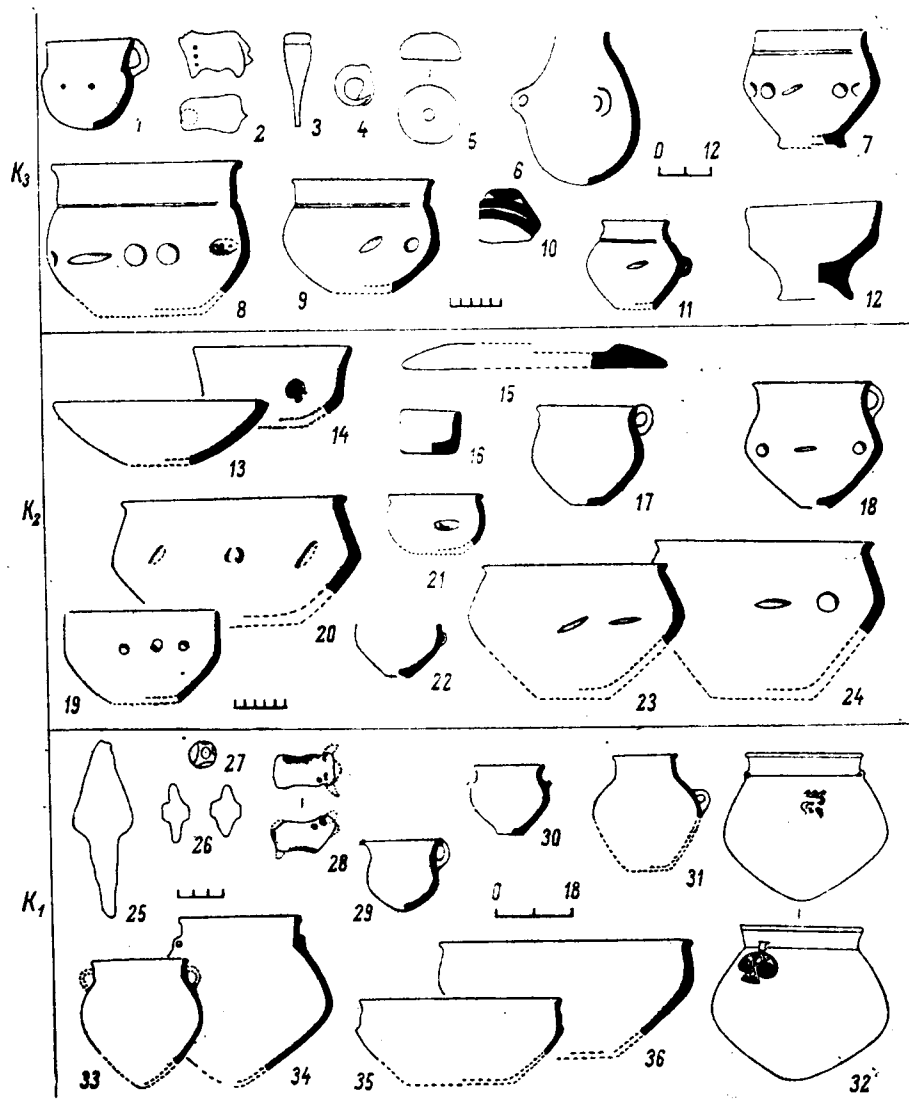

Рис. 24. Поселение Геой-Тепе (слой К).

K_1 , K_2 , K_3 — горизонты. 1, 6—24, 29—32 — керамика; 2, 5, 26—28 — глиняные изделия; 3, 4, 25 — изделия из меди.

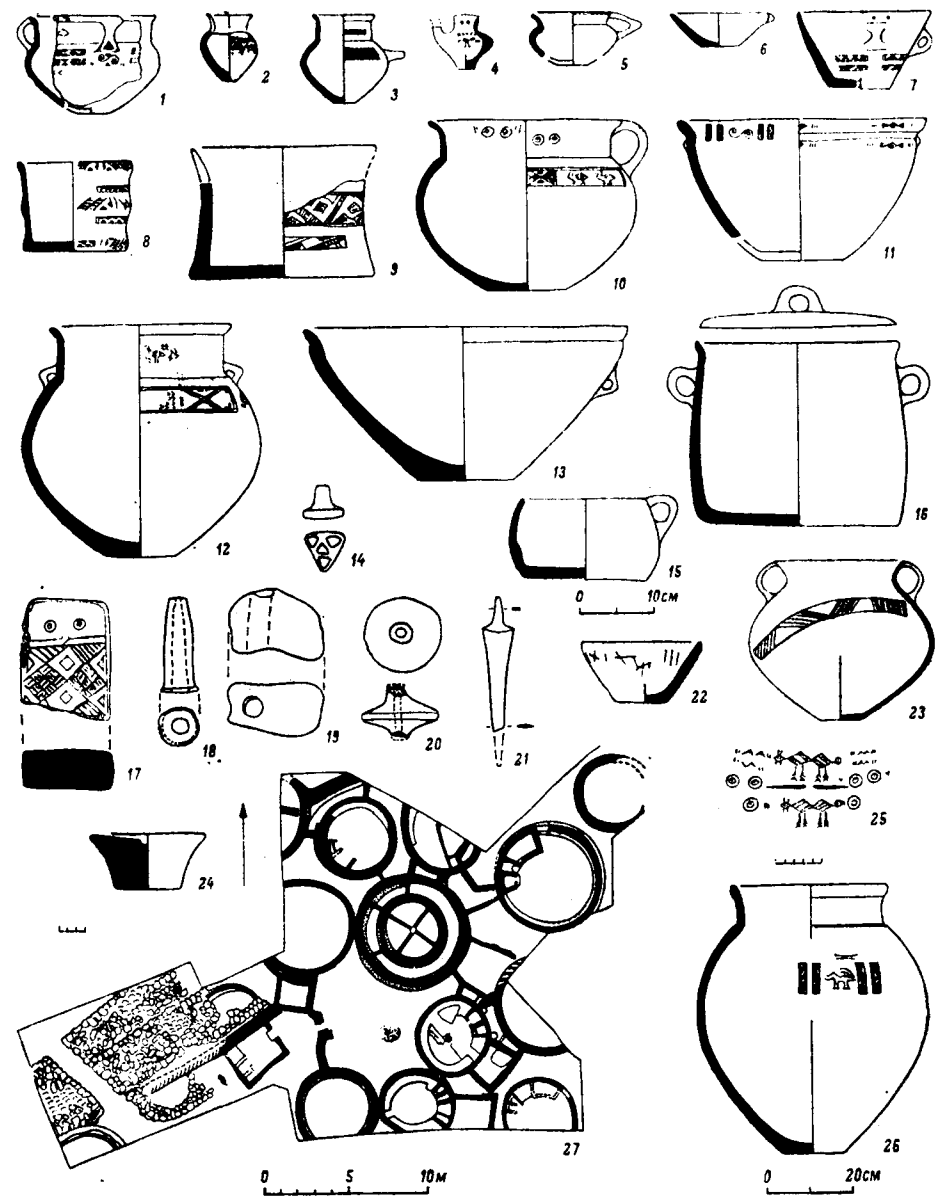

Рис. 25. Поселение Янк-Тепе (слой РВ).

1—13, 15, 16, 22—23, 26 — сосуды; 14, 18—20 — изделия из глины; 17 — часть глиняного очага; 21 — медный кинжал; 24 — глиняный очаг; 25 — прорисовка орнамента на сосуде; 27 — план помещений.

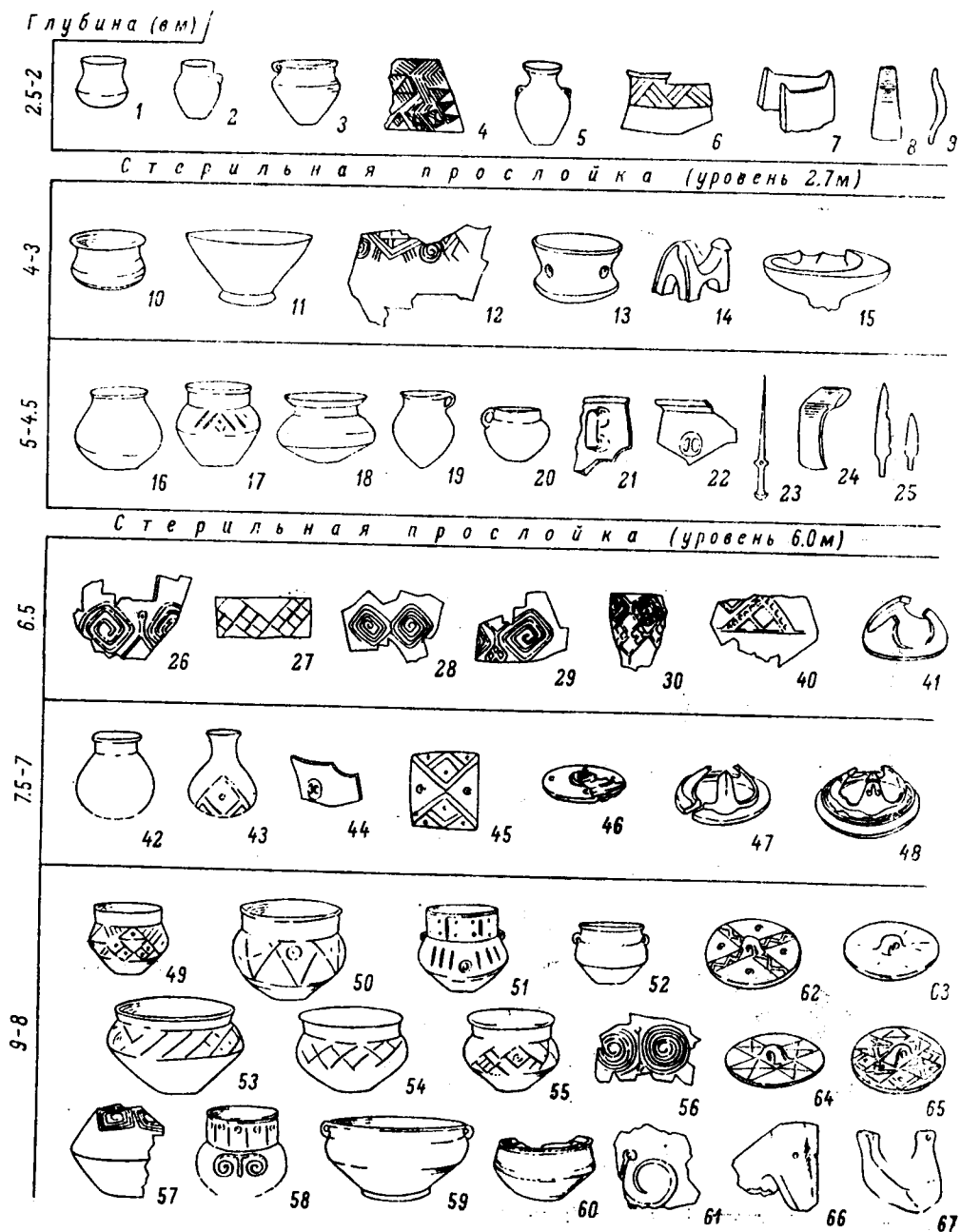

Рис. 26. Поселение Караз. Расположение основных находок по горизонтам.
 1-6, 10-13, 16-22, 26-40, 42-44, 49-61 — керамика; 7, 14-15, 41, 45, 47, 48, 67 — очаги и очажные подставки; 8, 9, 23-25 — металлические изделия; 62-65 — крышки от сосудов.

го слоя составляла 14,5 м. Уступчатое расположение прямоугольных построек и характер очагов сближает это поселение с такими же памятниками, как Амиранис-Гора и Самшвилде [Мирцхулава, 1975]. В помещениях нижних горизонтов находились огромные «рогатые» очаги с тремя фаллосообразными выступами. К северо-западу от Караз, около с. Пулур, находилось еще одно крупное поселение, имеющее много общего с первым [AS, 1961, p. 19].

Большая концентрация поселений наблюдается в районах Харберт-Малаты и Элязига [Burney, 1958, 1980]. Это Пулур II, Геленчик-Тепе, Норшун-Тепе, Тепеджик, Коруджу-Тепе, Дегиремен-Тепе, Тюлин-Тепе и др. [Palmieri, 1967; Esin, 1970, 1972, 1974, 1978; Hauptman, 1970, 1971, 1972; Loon van, 1971; Loon van, Güterbock, 1972; Durgu, 1979; Kogucutere, 1980]. Планировка помещений, их прямоугольная форма и каменная кладка стен близки таковым на поселениях Караз и Амиранис-Гора. Среди этой группы выделяется Пулур II — искусственный холм высотой 16 м (халколит — РБ). Одиннадцать строительных горизонтов демонстрируют динамику основных форм материальной культуры. В нижних горизонтах преобладают прямоугольные постройки, в дальнейшем их сменяют круглые [Kosay, Turfan, 1959; Kosay, 1971, 1972, 1976]. Помимо публикаций памятников в последнее время стали появляться научные разработки добытых археологических материалов [Huot, 1982, и др.].

Наконец, носители КУАК в последний период ее бытования проникают еще южнее — на территорию Сирии и Палестины, где такие поселения, как Табара-эль-Акрад, Хама, Рас-Шамра и др., характеризуются локальными чертами архитектуры и керамикой так называемого кирбет-керакского типа [Meisler, Stekelis, Avi-Jonah, 1952; Schaeffer, 1961, и др.].

Таким образом, в различных областях куро-аракской ойкумены локализуются группы памятников, внутри которых наблюдается своеобразие основных черт материальной культуры (топография, архитектура, строительные приемы, очажные конструкции, керамика). Жесткий сопоставительный анализ ведущих признаков КУАК (или культурной общности) в разных областях ее распространения поможет точнее определить культурный статус этих территориальных группировок.

Вопросы топографии, планировки, архитектуры и строительной техники древних поселений были уже подняты в упомянутой нашей работе [Кушнарера, Чубинишвили, 1970, с. 95—102]. В дальнейшем они нашли отражение в фундаментальной монографии Р. М. Мунчаева 1975, с. 154]. Наиболее же полные разработки этих проблем мы находим в капитальном труде А. И. Джавахишвили [1973]; в нем автор высказал некоторые справедливые замечания и по поводу нашей трактовки материалов, часть из которых нами учтена при дальнейшем изложении. Специальный интерес представляет также работа Л. И. Глonti [1970] (к сожалению, не опубликованная полностью), рассматривающая поселения КУАК как самостоятельную социально-экономическую единицу. Позднее в печати появились некоторые новые соображения по этим проблемам, однако они носят пока тезисный характер [Арешян, 1982, и др.].

Хронологическая атрибуция комплексов, обнаруженных в разных геоклиматических зонах Кавказа, отражает процесс расселения носителей КУАК во второй половине IV—III тыс. до н. э. Импульсом к нему послужило резкое увеличение численности населения, возникшее в связи с подъемом уровня развития производительных сил. На протяжении тысячелетия оказываются густозаселенными удобные для ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства долины и равнины, предгорная

и горная зоны. Заселение последних отчасти связано с некоторой аридизацией климата, особенно сказавшейся на степях и низких равнинах региона. Поселения размещались в долинах рек, образуя искусственные холмы, на высоких мысах низких речных террасах, иногда у слияния рек, на берегах озер, на плато. Их тяготение к сравнительно крупным рекам свидетельствует о высыхании к тому времени небольших водных источников, питавших раннеземледельческие селища. Это наблюдается и в низинных районах, в частности в мильско-карабахской степи. В середине III тыс. до н. э. возросшее население из долин, где земельные и пастбищные угодья были истощены, начало активно расселяться в предгорья и горы. Там на необжитых местах основываются десятки новых поселений; они располагаются в труднодоступных, естественно защищенных уголках (скальные вершины, склоны естественных возвышенностей и водораздельных гряд). Для временных стоянок по традиции используются пещеры и скальные навесы. В результате расселения многие области Кавказа оказываются густо заселенными. Наблюдается закономерность во взаиморасположении поселений группами, чаще всего тяготеющими к крупным поселениям, своего рода «районным центрам» или цепочками; возможно, это результат процессов сегментации общин и регламентации общинных земельных и пастбищных участков. В Шида-Картли, например, вдоль среднего течения р. Куры на протяжении 120 км выявлено 16 населенных пунктов КУАК, т. е. на каждые 8 км приходилось одно поселение. Некоторые находились на расстоянии 2—4 км друг от друга. Плотное заселение фиксируется в Араратской долине. Процесс сегментации наглядно прослеживается на примере Элара — его окрестности покрыты сетью больших и малых поселений, находящихся на расстоянии 1—2 км друг от друга и имеющих общее могильное поле. Заселенными в этот период оказываются историческая Джавахетия, Ширакские предгорья и горы, все зоны Дагестана, северо-восточные отроги Малого Кавказа и др. При выборе мест обитания строго учитывался фактор естественной защищенности, наличия водных ресурсов, строительных материалов, пастбищных угодий.

В отличие от небольших единообразных энеолитических поселков, группирующихся в маленьких оазисах, в период РБ в связи с развитием социально-экономических процессов поселения коренным образом изменяют свой облик. Возникает иерархия поселений; малые занимают 1—1,5 га, средние 3—5, крупные 6—10, в редких случаях до 12 га.

Как было сказано, каждая из выделенных выше территориальных групп памятников имеет конкретные особенности, проявляющиеся в топографии поселений, их архитектурно-планировочных комплексах и элементах материальной культуры. Ключевые поселения дают основания говорить о динамике в архитектуре и строительной технике, прослеживающейся на протяжении тысячелетия. Наименьшим образом «обеспечены» материалами ранние периоды, тогда как от времени расцвета КУАК дошли десятки комплексов.

Для Шида-Картли ранние периоды характеризуются слоями Е и D Хизанаант-Гора с их легкими круглыми жилищами из глины, армированной плетенкой, центральными очагами и обводными коридорами, использовавшимися в качестве кладовок (рис. 21, 36); новшеством по сравнению со строительством ранних земледельцев явились каркасные стены и балочная кровля, необходимая для перекрытия более крупных домов. Напомним, что первые опыты в этом направлении осуществлялись жителями Имирис-Гора [Джавахишвили А. И., 1973, табл. 9с]. К этому же этапу должны быть отнесены остатки жилищ с глинобит-

ными полами Озни и Кулбакеби. На близость этих памятников указывает и сходство керамических комплексов.

Позднее ранняя традиция строительства круглоплановых домов в Шида-Картли прерывается, тогда как на юге Закавказья она удерживается надолго. Это характеризуют поселения Араратской долины, Юго-Восточного Азербайджана, приурмийских районов. Так, в нижних горизонтах Кюль-Тепе, Мохра-Блур, Джраовит, Норабац бытуют круглые жилища (иногда с прямоугольными пристройками); энеолитической традицией здесь следует считать также возведение стен из глины или сырцового кирпича. С открытием в горах Дагестана Чохского поселения (рубеж VII—VI тыс. до н. э.) стало очевидным, что истоки круглоплановой архитектуры на Кавказе следует связывать с местной средой, а не с импульсами из Передней Азии. Более того, открытие круглых жилищ столь раннего времени в высокогорье Кавказа, где местное население, вышедшее к тому времени из пещер и других естественных укрытий, впервые организовывало искусственную среду обитания, подводит базу под высказанную гипотезу о возможном влиянии кавказской архитектурной традиции на страны Переднего Востока [Мерперт, Мунчаев, 1971, с. 165; Джавахишвили А. И., 1973, с. 350].

Уже на первых этапах бытования КУАК в связи с социально-экономическими причинами появляется потребность искусственной защиты поселений; на многих поселениях (Гудабердка, Геракепек-Тепе, Геой-Тепе, Мохра-Блур и др.) возводятся оборонительные стены.

Большинство исследованных поселений относится к периоду расцвета КУАК. Некоторые поселения, возникшие на раннем этапе ее существования, в дальнейшем значительно разрастались и превращались в крупные населенные пункты; они имели мощные оборонительные сооружения. Так, Шенгавит в период своего расцвета был окружен каменной стеной шириной около 4 м с башнями, рвом и подземным ходом. Ров окружал поселение Норабац. Оборонительные стены зафиксированы и на других поселениях Араратской долины (Шреш-Блур, Мохра-Блур, Муханат-Тапа), северо-западных и северо-восточных областей Армении. Некоторые из них представляли собой подлинные крепости (Арич, Гарни, Шаглама II—III). Окрестности Элара были покрыты сетью поселений, над которыми доминировала крепость с укрепленной площадкой-цитаделью и подземным ходом; все это было обнесено двойной каменной стеной. Такая же картина наблюдается на некоторых памятниках Северного Кавказа (Мешоко, Ясенова Поляна) [Формозов, 1965, с. 94], Передней и Средней Азии [Массон, 1966, с. 39]. Оборонительные стены характерны для крупных поселений, где были сконцентрированы большие запасы зерна и скот.

Застройка поселений обычно была компактной: дома располагались близко друг от друга, расстояния между домами небольшие, необходимые для прохода (рис. 27, 1—3). Ориентировка домов в пределах поселения была чаще всего одинаковой, реже противоположной и определялась с учетом микроклимата данного района (ветер, солнце, свет). На некоторых поселениях (Мохра-Блур, Норабац, Джраовит) намечаются улицы, радиально отходящие от центральной площади. В Шенгавите постройки располагались «гнездами»: вокруг небольших площадей находились дома прямоугольной формы с хозяйственными пристройками; число помещений достигало 10—12. В каждую группу домов было как бы влито одно круглое помещение — скорее всего святилище.

Вопросы планировки поселений в зависимости от характера рельефа в этот период приобретают решающее значение. На удобных скло-

нах гор создаются искусственно вырубленные террасы (Амиранис-Гора, Геракепек-Тепе, Верхний Гуниб, Галгалатли и др.), сооружаются подпорные стенки — крепиды, предохраняющие от оползней, наклонные стенки для отвода дождевых потоков (Амиранис-Гора). На Амиранис-Гора каждая терраса воспринимается как квартал поселения, в пределах которого группируются жилые помещения и хозяйственные постройки. Здесь же, в центре Амиранис-Гора, оказалась свободная площадь (120 м²), служившая, возможно, для содержания общинного стада. В какой-то мере подкрепляется аналогичной планировкой северокавказских поселений Мешоко и Верхний Гуниб, где скотоводство играло важную роль в хозяйстве [Столяр, 1961, с. 96; Котович, 1965, с. 21].

Помимо усложнения планировки поселений вводятся новые строительные приемы, совершенствуется архитектура. Из строительных материалов используются глина, сырцовый кирпич, дерево, камень. В низких долинах, где для строительства раньше применялась исключительно глина, теперь иногда возводятся фундаменты из камня, что свидетельствует о появившихся возможностях его транспортировки на большие расстояния. В основном же выбор строительных материалов зависел от наличия их вблизи поселений. Для низких зон, где дерево и камень были редкостью, возводились глинобитные сооружения. В силу своей недолговечности эти строения быстро превращались в оплывшие руины, что способствовало накоплению мощных напластований, состоящих из строительных горизонтов.

Дома были однокомнатными, построенными по одному принципу. К круглым домам (средняя площадь 25—50 м²) нередко пристраивались маленькие прямоугольные помещения, очевидно, имевшие хозяйственное назначение. На Кюль-Тепе, Мохра-Блуре, Джраовите, Яник-Тепе постройки сооружались из глины и сырцового кирпича; иногда кирпичи укладывались рядами — через ряд под углом; это создавало впечатление узорчатой поверхности (Яник-Тепе). На разных поселениях использовались кирпичи определенных размеров, что свидетельствует о появившейся их стандартизации. В горных и предгорных поселениях дома строились исключительно из камня (Чиркей, Кети, Галгалатли, Верхний Гуниб и др.); нередко верхняя часть стен достраивалась сырцовыми кирпичами (Шенгавит, Элар, Коси-Котер, Кахси и др.). На поселениях, где широко использовался камень, мощность культурных отложений была значительно меньшей, нежели в условиях сырцово-кирпичной архитектуры. Постройки Мингечаурского поселения представляют собой исключение: это прямоугольные полуземлянки (пл. 28—112 м²) с ямками от подпорных столбов и несколькими очагами. Для сооружения стен, опорных столбов и кровли использовалось дерево, которым были богаты соседние районы. Судя по наличию землянки на неолитическом поселении Баба-Дервиш, в этой области Закавказья существовала своя традиция при сооружении жилищ.

Круглые жилища имели коническую крышу, опирающуюся на центральный столб, подпертый плоским камнем, или заглубленный в яму, обложенную камнями. Полы были глинобитными, реже — выложенными мелкой галькой, покрытой обмазкой. В некоторых районах региона строили прямоугольные дома. Последние характеризуют поселения на склонах естественных холмов и гор, что требовало сооружения искусственных террас (Амиранис-Гора, Караз, Геракепек-Тепе, Галгалатли, Сигитма, Верхний Гуниб).

Существует точка зрения, что в Закавказье круглые постройки предшествовали прямоугольным, а прямоугольные дома с закругленными углами должны восприниматься как результат слияния этих двух типов жилищ. Такая смена архитектурной традиции для раннего этапа

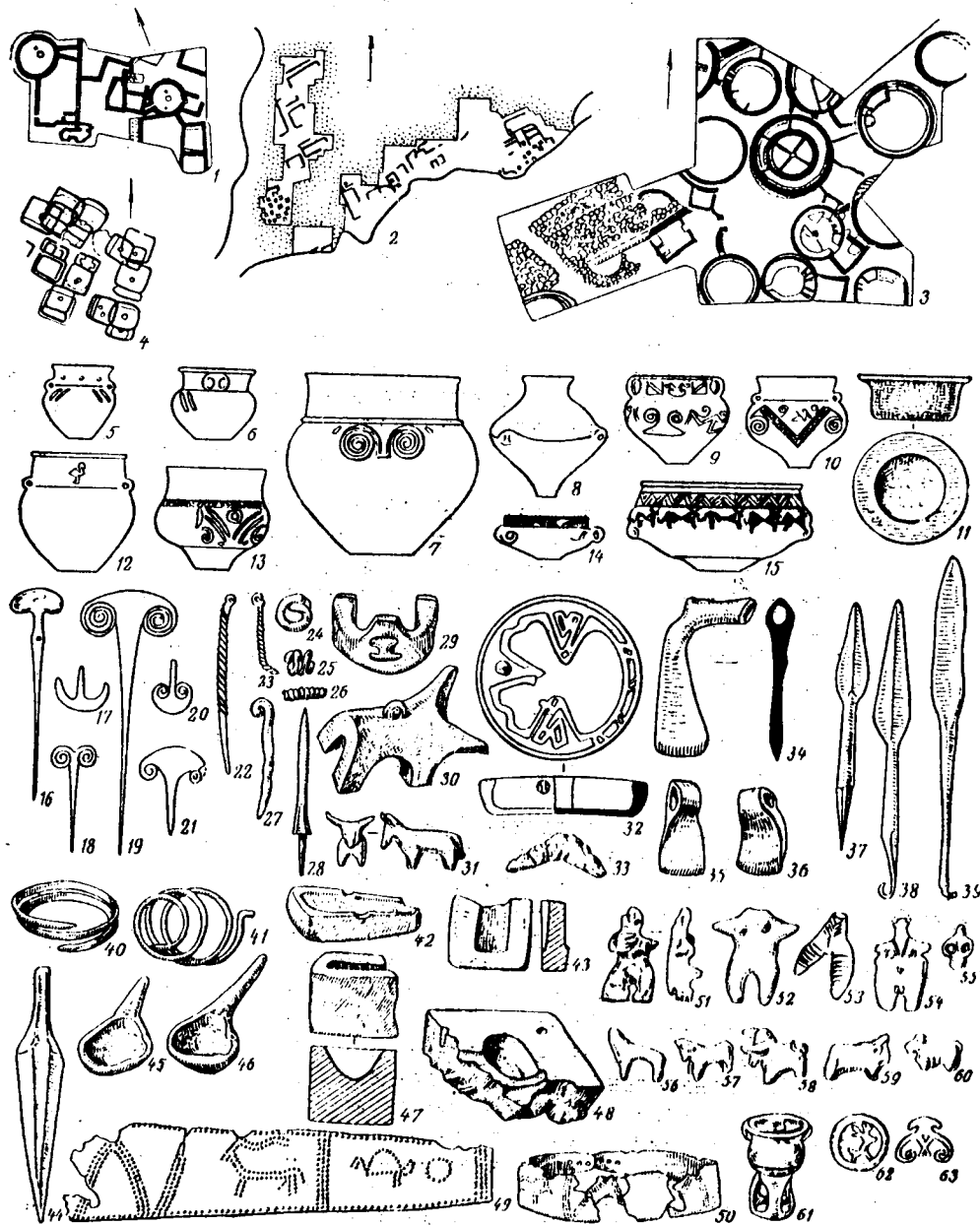

Рис. 27. Основные элементы куро-араксской культуры.

1, 10, 15, 22, 30, 32, 43, 54, 55, 59, 60 — Шенгавит; 2, 5, 11, 16, 44, 56 — Амиранис-Гора; 3 — Яник-Тепе; 4, 8, 24—26, 42, 49, 50, 57, 61, 62 — Квацхела; 6 — Элар; 7, 12, 19 — Кикети; 9, 14, 53 — Шулавер; 23, 27, 28, 33 — Кюль-Тепе I; 47, 48, 63 — Кюль-Тепе II; 13 — Шреш-Блур; 17, 20 — Корети; 18 — Бешташени; 21, 41 — Дзагана; 34 — Джадж-Колон; 35 — Марнеули; 36 — Кулбакеби; 37 — Ахалцих; 38 — Тифлис; 39 — район Тифлиса; 45, 46, 51 — Хизанаант-Гора.

зафиксирована в слоях D и C Хизанаант-Гора—Квацхела и на Гаракепек-Тепеси, а для позднего — в строительных горизонтах Яник-Тепе. В свое время, ссылаясь на поселение Кюль-Тепе, где в энеолитическом слое сосуществовали круглые и прямоугольные постройки, мы предполагали, что это результат влияния архитектурных традиций месопотамских центров, где в V—IV тыс. до н. э. одновременно существовали и те, и другие [Кушнарева, Чубанишвили, 1970, с. 99]. После же открытия Чохской стоянки с ее прочными круглыми каменными жилищами стало очевидным, что круглые постройки — явление чисто местное.

Очаги размещались обычно в центре дома, значительно реже у стен и были вмазаны в пол или установлены на камне. В качестве очагов иногда использовались ямы. Из общей системы выпадают очаги мингечаурских построек, в которых было от 3 до 6 очажных ям, причем в последнем случае они располагались тремя парами. Шесть очагов характеризуют необычно крупное для того времени жилище № 2 (112 м²); оно было разделено двумя перегородками на три части, каждая из которых занимала площадь, равную «стандартному» дому того времени. Такое членение большого дома в сопоставлении с упомянутым числом очагов, очевидно, отражает состав проживавшего здесь коллектива. Стационарные очаги не всегда были однотипными в пределах одного района и даже одного поселения. Однако локализация определенных типов очагов в конкретных областях региона все же существовала. Поселениям Армянского нагорья свойственны большие круглые «рогатые» очаги с тремя направленными внутрь фаллообразными выступами (Шенгавит — рис. 20, 15; Элар, Караз — рис. 26, 47, 48). На Квацхеле такие же очаги вмазывались в пол. На Амиранис-Гора с ними сосуществовали крупные плоские очаги с углублением в центре, чашеобразные с валиком по краю и толстостенные цилиндрические с плоским венчиком. Последние встречаются также почти во всех домах Кюль-Тепе. Очаг являлся центром дома, источником тепла, местом для приготовления пищи и совершения различных обрядов. Это подтверждается размещением у очагов предметов хозяйственного и культового назначения, украшением очагов различными символами. Их центральное расположение — новая, не связанная с энеолитом традиция. Самым ранним из известных центральных очагов следует считать очажок из слоя E Хизанаант-Гора, на котором уже прослеживается зарождение внутриочажных выступов (рис. 22, 45). Очаг этого типа может считаться прототипом «рогатых» очагов, являвшихся одним из характерных признаков КУАК.

Для дополнительного отопления и выпечки хлеба около стен строились глиняные прямоугольные двучастные печи; из топочной части нагретый воздух поступал в верхнюю камеру (Кюль-Тепе, Амиранис-Гора, Верхний Гуниб). К внутренней обстановке следует добавить глиняные скамьи в задней части дома; в домах они служили лежанками, в хозяйственных отсеках — столами для приготовления пищи, в святилищах (Квацхела) были связаны с ритуальными действиями.

Для реализации хозяйственных нужд (хранения запасов, одежды, утвари) жилые комнаты иногда перегораживались (Кюль-Тепе); иногда кладовые выносились наружу в виде прямоугольных пристроек к круглым домам (Кюль-Тепе, Мохра-Блур) или своеобразных открытых двориков (Яник-Тепе); количество помещений, тяготеющих к жилому дому было неодинаковым. В домах Квацхелы и Чиркея для хозяйственных целей служила передняя часть дома, отделенная от жилой комнаты перегородкой. Семейные запасы хранились в ямах и больших сосудах; ямы сооружались около домов, реже — в домах. В по-

селках существовали хранилища, общие для всего коллектива. Так, скопление крупных зерновых ям открыто на поселении Гудабердка. В Баба-Дервише на сравнительно небольшой площади было сконцентрировано 25 ям колоколовидной формы (нижний диам. 2,5 м, верхний — 1,5 м); это были зерновые ямы, представлявшие собой очень крупные емкости. На Эларском поселении зафиксировано в одном месте 10 таких ям. Отсутствие ям около домов Квацхелы, по-видимому, восполнялось «сенями», где хранилась большая часть запасов; другая их часть помещалась в узкодонные сосуды, впущенные в пол помещений. Здесь коллективные зернохранилища, видимо, были вынесены за пределы поселка. Большие по площади прямоугольные помещения, обнаруженные в Шенгавите, Тетрицкаро, «длинные дома» на Амиранис-Гора, где не было очагов, использовались, вероятно, для содержания скота.

Последний этап бытования КУАК известен больше по могильникам, нежели по поселениям. На стратифицированных памятниках он представлен верхним (разрушенным) слоем Амиранис-Гора, Шенгавитом IV, Хизанаант-Гора—Квацхелой V. К нему должна быть отнесена часть материалов поселения Баба-Дервиш. Верхние горизонты Кюль-Тепе прослеживаются нечетко. Зато хорошо сохранившимся и полно исследованным поселением этого этапа является Яник-Тепе.

Слой В Хизанаант-Гора—Квацхелы, состоявший из трех строительных горизонтов, говорит об устойчивости архитектурно-планировочных традиций: здесь по-прежнему строятся прямоугольные двучастные дома с круглыми фигурными очагами в центре (рис. 21, 1). Появляются и новые детали — остатки легких хозяйственных сооружений около домов и единичные ямы, которых не было в нижних горизонтах. В верхнем горизонте оказалось несколько полуразрушенных построек того же характера, но уже с очагами чашеобразной формы. Кстати, такой же очаг открыт и в святилище Квацхела, функционировавшем в течение всей жизни поселения; на последнем этапе здесь были выгужены маленькие «молельни».

Основной слой на приурмийском поселении Яник-Тепе, условно отнесенный Ч. Барнеем к периоду РБ1, целиком укладывается в последний этап существования КУАК. Появление на заброшенном халколитическом поселении круглых построек со специфическими очагами и типичной для позднего этапа КУАК чернолощеной посудой указывает на проникновение в области Северо-Западного Ирана ее носителей с территории Кавказа. Здесь было выявлено девять строительных горизонтов с однотипными круглыми домами из кирпича и глины, напоминающими постройки Кюль-Тепе; очаги в домах находятся не в центре, а около стен. Дома располагались скученно, позади них имелись отгороженные клетки и маленькие дворики (рис. 25, 27). Часть домов со следами перестроек существовала в течение нескольких строительных горизонтов, другие быстро забрасывались. Внутреннее убранство носило «стандартный» характер: в стенах в определенном порядке устроены глубокие ниши-шкафы, около стен — лежанки и длинные оштукатуренные скамьи для приготовления пищи, рядом двучастные печи, круглые очаги и известные еще с энеолита глиняные лари для хранения продуктов.

Особое место занимает круглая постройка с двойным обводом стен, сооруженная на самом высоком месте поселка и являвшаяся, по предположению Ч. Барнея, общим зернохранилищем. Такая постройка для этого времени остается уникальной. Мощная оборонительная стена поселения сложена из неотесанных камней на глиняном растворе; толщина ее 5 м, что превышает габариты всех дошедших от этого периода

оборонительных стен Кавказа. Стена возведена после сильного разрушения (следы пожара) и вскоре же дополнительно укреплена каменной кладкой с внешней стороны, а узкий ее проход в какой-то момент был наскоро забаррикадирован. В последний период жизни поселения произошла полная смена архитектурной традиции: на смену круглым постройкам пришли прямоугольные двухэтажные дома, в пределах которых намечилось функциональное разделение на хозяйственные (внизу) и жилые (наверху) комнаты. Однако внутреннее убранство помещений сохраняет прежние традиции.

Таковы общие черты поселений в пределах широких границ КУАК. Их неравномерное исследование в большой мере затрудняет установление закономерностей в планировке, строительной технике и архитектуре. Однако проведенный на основе строгой научной процедуры анализ этих аспектов позволил А. И. Джавахишвили сделать некоторые заключения. С начала V тыс. до н. э. существовала сложившаяся строительной-архитектурная традиция с сырцовыми круглопланно-купольными домами. С середины IV тыс., т. е. с первых этапов бытования КУАК, в области архитектуры и строительного дела наступают коренные изменения; причем в бассейнах рек Куры и Аракса эти перемены протекают по-разному. На севере, в бассейне р. Куры, старые поселения приходят к запустению, возникают новые, в которых для сооружения построек помимо сырца начинает применяться дерево. Круглоплановые дома с купольным перекрытием постепенно заменяются прямоугольными двухчастными (основная комната и передняя) помещениями с плоской балочной кровлей, опирающейся на центральный столб; эти свободно стоящие помещения типа мегарона имеют в кровле светодымовое отверстие и центральный очаг. На юге, в бассейне р. Аракс, ранние традиции проявляются более отчетливо: сохраняется сырцовая архитектура и круглый план построек; возможно, что последние имели шатровое перекрытие. Вокруг них группируются прямоугольные помещения с плоской кровлей, которые на таких поселениях, как Шенгавит, начинают занимать преобладающее положение; здесь бытуют многокомнатные дома, включающие в себя одну круглую постройку. Поселения северной и южной областей Кавказа отличаются и специфической застройкой — свободной на севере и агломеративной на юге [Джавахишвили А. И., 1973, с. 269—276]. Однако, несмотря на очерченные локальные особенности, памятники этого яркого периода воспринимаются как единое культурное явление, отражающее новый этап истории древних племен Кавказа. Этот этап характеризуется рядом инноваций в материальной культуре, социально-экономические предпосылки которых следует рассматривать в комплексе, как сложное многоплановое явление. Инновации в первую очередь сказываются на поселениях, которые приобретают совершенно иной, нежели в предшествующий период, облик. Во всех вертикальных зонах появляются десятки новых поселений. В горах они обосновываются в труднодоступных местах и дополнительно укрепляются, в долинах окружаются оборонительными стенами. Формируется иерархия поселений (небольшие селища, поселения средних размеров и «суперцентры», доминирующие в отдельных группах поселений). На крупных поселениях выделяются цитадели. Застройка организуется по кварталам, вокруг небольших площадей, по сторонам улиц, радиально отходящих от центральной площади. На поселениях сооружаются культовые постройки, в отдельных случаях имеющие монументальный характер. Появляются общие зернохранилища. Дома увеличивают свою площадь, становятся комфортабельными, используется новая строительная техника; начинает

широко использоваться дерево, дающее прочность стенам и позволяющее перекрывать большие площади.

Коренные преобразования сказались на всем материальном комплексе КУАК, и в первую очередь на уровне ремесленного производства. Особенного расцвета достигает гончарное дело и металлургия, что нашло свое выражение в появлении серий принципиально новых категорий изделий (рис. 28—30) [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 112—161]. На их местное производство указывают находки литейных форм, шлаков, льячиков, сопел, плавильных печей и т. д. на многих поселениях (рис. 31).

В целом облик КУАК, резко отличающийся от предшествующих раннеземледельческих культур Кавказа, говорит о произошедших на протяжении тысячелетия глубоких социально-экономических преобразованиях в жизни кавказского общества.

В свое время в нашей обобщающей работе была сделана попытка выявить генетические корни КУАК; сложность и разноречивость этой проблемы очевидны и сегодня. Исследования были предприняты главным образом на базе анализа наиболее яркого ее признака — керамики, которая является неповторимым феноменом древностей Кавказа. Керамика резко контрастирует с энеолитической посудой, что дало повод рассматривать эти комплексы в разрыве, а следовательно, позволило считать КУАК целиком привнесенной извне. Детально проследив (с учетом стратиграфии поселений) динамику гончарного производства в различных областях ее ареала, нам удалось кое-где вычленил наиболее архаичный пласт, а это в свою очередь дало возможность провести типологические сопоставления ранних форм керамики, выявить их сходство с некоторыми формами энеолитической посуды [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 138—151]. При этом учитывался факт непосредственного перекрытия на отдельных поселениях (Хизанаант-Гора, Кюль-Тепе, Шенгавит, Баба-Дервиш, Геой-Тепе) энеолитических слоев слоями КУАК,¹ а также наличие на ряде памятников (Абелия, Дидубе, Кикети, Тетрицкаро) смешанных слоев, содержащих энеолитическую керамику и ранние формы посуды КУАК.

Помимо стратиграфических и типологических наблюдений на линии преемственности указывают образцы посуды, которые следует рассматривать как промежуточные между энеолитом и РБ; последние выглядят наиболее архаичными среди посуды выделенного нами первого этапа (фактура черепка грубая, с крупными включениями, цвет светлый, стенки толстые). Однако в отличие от энеолитических форм здесь уже слегка намечается характерная для посуды КУАК моделировка — горловина отделяется от тулова небольшим уступом. К этой промежуточной фазе (финальный энеолит) в свое время мы отнесли посуду пещеры Шаугелет [Любин, 1966б], сосуды Дзагина [Джапаридзе О. М., 1961, рис. 44а], Згудрис—Гверда [Куфтин, 1947, с. 76], Цопи, Амиранис-Гора, Абелия. В последнем памятнике на некоторых сосудах появляются уже ручки, отсутствующие в энеолите. Промежуточные формы зафиксированы и в других удаленных друг от друга пунктах. Так, среди саманной посуды позднеэнеолитического Техута попадают черепки высокогорных сосудов с темной поверхностью. По утверждению Р. М. Торосяна, они приближаются к керамике КУАК, но не имеют, однако, тех высоких качеств (хороший обжиг, лощение, отточенные формы), которыми она обладает [Торосян, 1968, с. 298]. Переходные

¹ А. И. Джавахишвили [1973, с. 20] считает, что непосредственное перекрытие слоев одной культуры другой не всегда служит показателем их непрерывной последовательности. Соглашаясь с ним, мы полагаем, что в каждом отдельном случае этот вопрос требует дифференцированного подхода.

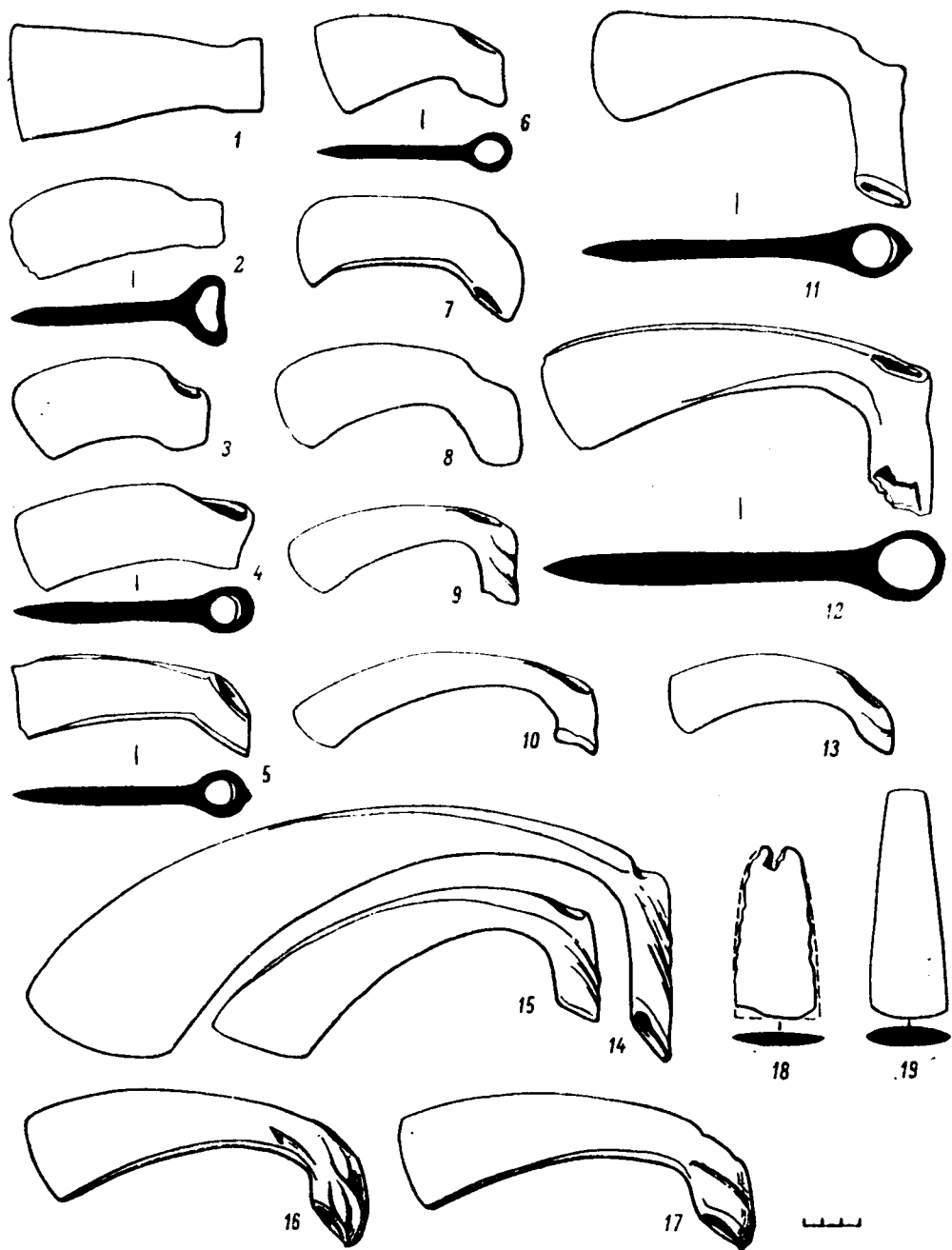

Рис. 28. Втульчатые (1—17) и плоские (18, 19) топоры III тыс. до н. э.
 1 — ЗАГЭС; 2 — Ленинанкан; 3 — Кулбакеби; 4 — Марнеули; 5 — Эчмиадзин; 6 — Меджврисхеви;
 7, 19 — Караз; 8, 14—15 — Царцис-Гора; 9 — Карская обл.; 10 — Чнатури; 11, 12 — Джджжолон;
 13 — Корети; 16, 17 — Маскат-Ком; 18 — Дигони.

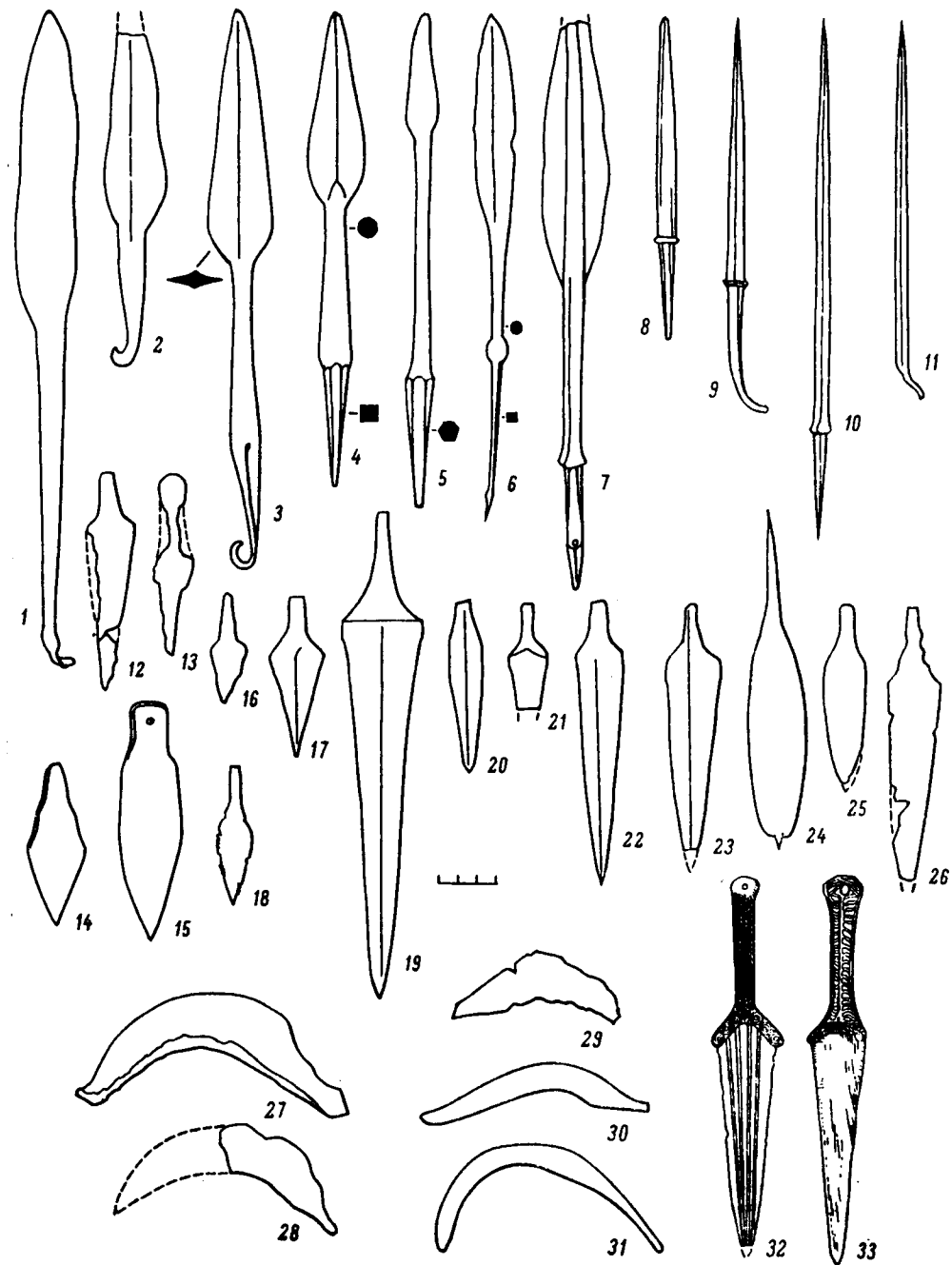

Рис. 29. Оружие (1—26, 32, 33) и орудия труда (27—31) III тыс. до н. э.
 1 — район Тбилиси; 2 — ЗАГЭС; 3 — «Тифлис»; 4 — Ахалцих; 5 — Осприси; 6 — Севан; 7, 10, 24,
 32 — Царцис-Гора; 8, 29 — Кюль-Тепе II; 9, 18 — Квацхелеби; 11 — Хачбулах; 12, 13, 31 — Хи-
 наант-Гора; 14, 15 — Степанакерт; 16 — Геой-Тепе; 17, 18—21 — Элар; 22, 23 — Ленинанкан; 25, 26,
 30 — Караз; 27 — Амиранис-Гора; 28 — Гарни; 33 — Корети.

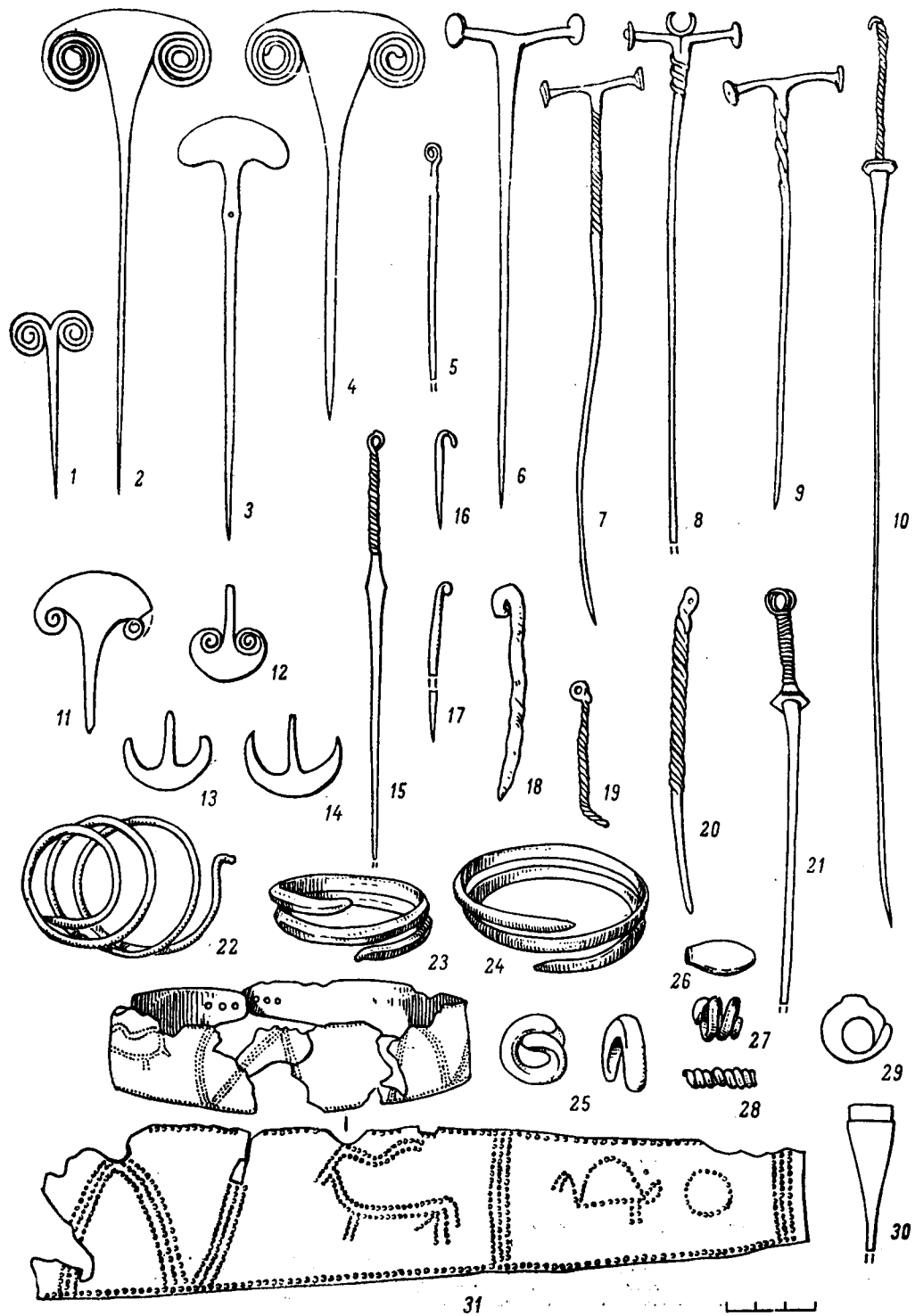

Рис. 30. Металлические украшения из различных памятников куро-аракской культуры.

1 — Бешташени; 2 — Урбниси; 3 — Амиранис-Гора; 4, 23, 26—28, 31 — Квацхелеби; 5, 18, 19 — Кюль-Тепе; 6 — Хизанаант-Гора; 7, 8 — Начеркезеви; 9, 12—14 — Корети; 10 — Цардис-Гора; 11, 22 — Дзагина; 15, 21 — Сачхере; 16, 17, 20 — Шенгавит; 24 — Элар; 25 — Триалети; 29, 30 — Гео-Тепе.

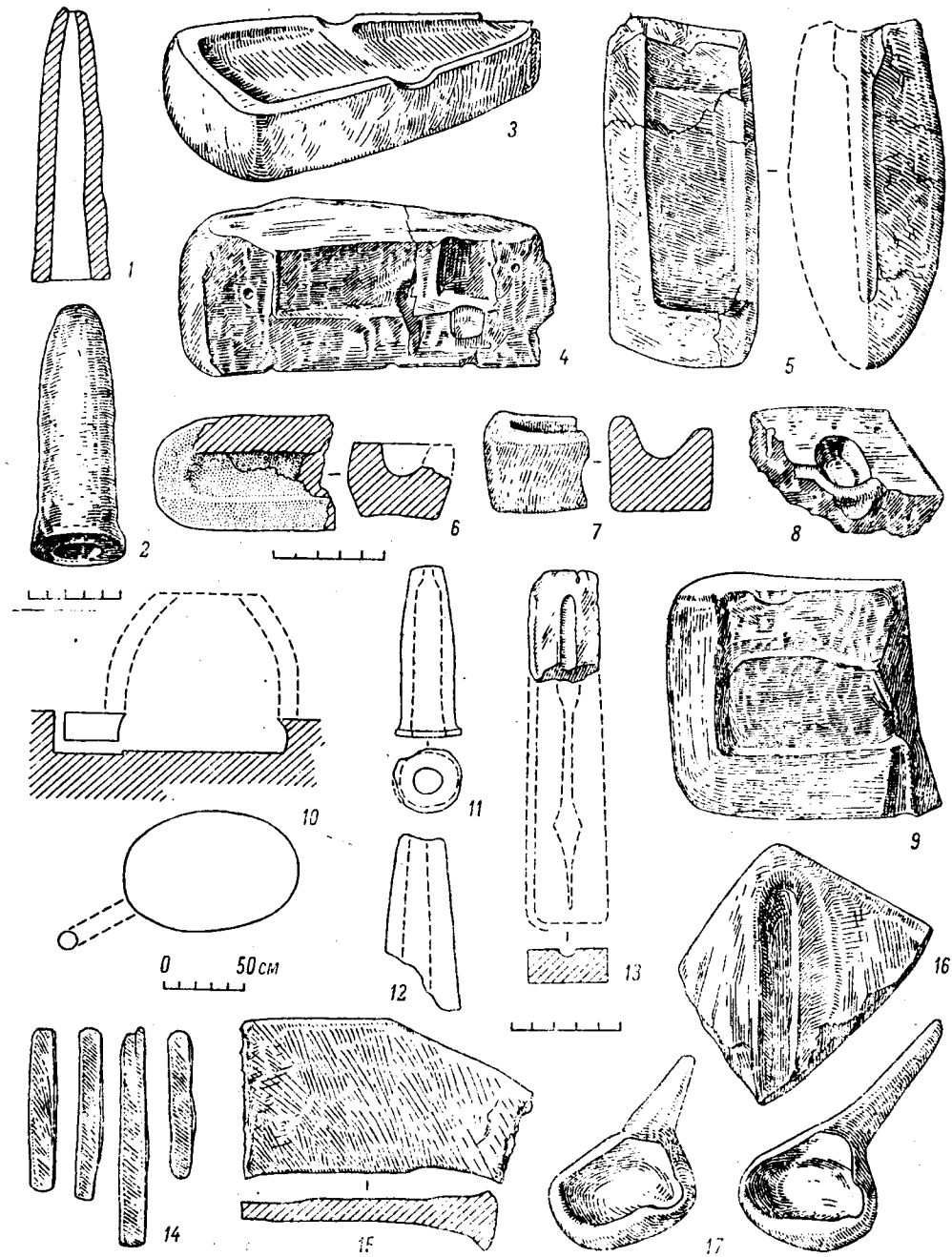

Рис. 31. Остатки литейного производства с поселений куро-аракской культуры.

1, 2, 11, 12 — сопла (глина); 3 — форма для отливки плоского топора; 4, 5, 9 — двусторонние формы для отливки проушных топоров; 6—8, 13, 16 — формы для болванок; 10 — плавильная печь; 14—15 — медные бруски и слиток в форме топора; 17 — льячки.
1, 6, 10 — Баба-Дервиш II; 2 — Мишарчай VI; 3 — Квацхелеби; 4 — Гарни; 5, 7, 8, 12 — Кюль-Тепе II; 9 — Шенгавит; 11 — Яник-Тепе; 13 — Амиранис-Гора; 14, 15 — Игдыр; 16 — Гео-Тепе; 17 — Хазанаант-Гора.

формы были встречены на неолитических поселениях Мугани [Нари-манов, Махмудов, 1967, с. 95, рис. 1]. Наконец, аналогичное явление дали такие памятники, как Хизанаант-Гора (горизонт Е) и отчасти Смерцхле-Клде [Глонти и др., 1968, с. 10].

Почти одновременно с нашими наблюдениями в области керамического производства А. И. Джавахишвили [1973] был предпринят глубокий сопоставительный анализ архитектурно-строительных особенностей неолитической и раннебронзовой культур Кавказа. Им прослежены традиции и инновации в разных областях КУАК, интерпретированы их возможные причины. Автор показывает, что исторические судьбы рассмотренных комплексов Кавказа и Передней Азии на протяжении длительного времени постоянно перекрещивались.

В последнее десятилетие в связи с разворачивающимися раскопками были сделаны новые наблюдения, главным образом в области развития керамики, освещающие проблему генезиса КУАК. Так, в обоих слоях поселения Гинчи встречена керамика, характерная для ее самых ранних этапов. Исходя из этого, М. Г. Гаджиев [1980а, с. 18] сделал заключение, что ведущие черты керамики КУАК сформировались уже на стадии неолита. Таким образом, если раньше предполагалось, что на Северо-Восточный Кавказ КУАК проникла из Закавказья в результате продвижения туда ее носителей [Мунчаев, 1961, с. 150; 1975, с. 191], то после раскопок Гинчи и других памятников горного Дагестана [Гаджиев, 1983, 1987б], несущих на себе черты «вызревания» КУАК, был сделан вывод, что эта территория должна быть включена в область ее первоначального распространения. Это заключение как будто подтверждают и материалы прикаспийских поселений, в частности находки в Геме-Тюбе I и Великенте арханчской гладкостенной посуды раннего этапа КУАК, выше которой залегала керамика с рельефным спирально-концентрическим орнаментом, типичная для периода ее процветания на Северо-Восточном Кавказе [Мунчаев, 1961, табл. VI—VII; Гаджиев, 1980б, с. 1].

В последние годы, в связи с открытием большой серии новых памятников своеобразного облика, особую актуальность приобрела проблема финального неолита Кавказа. Они подробно рассмотрены в предыдущей главе. На территории Грузии это Бери-Клдеби, Сиони, Тетри-Цкаро, Трелигореби, Грмахевистави, Цителгореби, Дамцвари-Гора, Надикари, Жинвали, Хертвиси, Бодорна, Арухло VI, Цителисопели, Тандисцкаро; на территории Азербайджана — Лейла-Тепе, Шомулу-Тепе, Чинар-Тепе, Абдалазис-Тепе, Джут-Тепе, Гарахаджи, Аликемек-Тепеси, Мишарчай II—IV, Ментеш-Тепе, Кечили, Рус-Тепеси, Овчулар-Тепеси; на территории Армении — Техут, Кхзьяк-Блур, Тертери-Дзор; в Северо-Западном Иране — позднехалколитические поселения Геой-Тепе и Яник-Тепе. Решающую и организующую роль в выделении этого промежуточного пласта комплексов, несущих на себе черты как неолитической, так и раннебронзовой культур Кавказа, сыграло открытие и опубликование прекрасно препарированного поселения Сиони [Менабде, Кигурадзе, 1981]. В результате сегодня можно говорить о существовании некой общекавказской культурной общности, бытовавшей сразу после угасания неолитических культур в их классическом варианте (типа Шому-Тепе, Шулавери) и непосредственно перед появлением ведущих признаков КУАК. Следует обратить особое внимание на то, что все предкуроаракские памятники встречены в удаленных друг от друга равнинных областях Южного Кавказа, где позднее процветала КУАК [Варазашвили, 1992, табл. LVII]. Это обстоятельство должно сыграть свою роль при общей оценке ее истоков. В материалах Сиони встречаются также фрагменты посуды, которые проявляют

большое сходство с куро-аракской керамикой; оно настолько велико, что дает повод искать истоки последней в керамике типа Сиони [Менабде, Кигурадзе, 1981, с. 11]. Наконец, совсем недавно упомянутые поселения на территории Восточного Закавказья были объединены в так называемую лейла-тепинскую культуру, занимающую также промежуточное культурно-хронологическое положение [Алиев Н. Г., 1990].

Все перечисленные факты нужно иметь в виду при дальнейшей разработке истоков КУАК; следует, однако, учесть, что часть этих материалов из-за слабой изученности страдает отсутствием строгой стратиграфической фиксации.

Ранний этап КУАК помимо Кикети, Хизанаант-Гора и других известных ранее памятников выявлен на серии селищ юго-восточных склонов Малого Кавказа (Гюнеш-Тепе, Узун-Тепе, Гаракепек-Тепеси, Шомулу-Тепе и др. [Исмаилов, 1983, с. 31]). На территории Грузии он прослеживается по поселению и могильнику Самшвилде [Мирицхулава, 1972, с. 20; 1975, с. 73], а также по памятникам Самцхе—Джавхети, Ахалкалаки, Звели, Канобили, Амиранис-Гора [Орджоникидзе, 1981, с. 9]. Таким образом, керамика переходного типа и раннего этапа КУАК зафиксирована уже во многих пунктах; она выявляется как по находкам в нижних горизонтах поселений, так и путем типологического сопоставления с ними нестратифицированных материалов. На всей этой территории в ранний период преобладает грубоватая преимущественно гладкостенная посуда из крупнозернистого теста, светлых, охристых и буро-коричневых оттенков, обычно с пятнистой, плохо обожженной поверхностью и неравномерным лощением (тонкостенная чернолощенная посуда «на розовой подкладке» в этот период еще почти не встречается). Эти черты сближают посуду первого этапа КУАК с позднеэнеолитической и отличают ее от керамики второго этапа с типичными «куро-аракскими» признаками.

В печати неоднократно поднимался вопрос об области первоначального распространения КУАК (об этом подробно: [Кушнарера, Чубинишвили, 1970, с. 182; Чубинишвили, 1971, с. 157; Мунчаев, 1975, с. 196; Джапаридзе О. М., 1980, с. 43, и др.]). Б. А. Куфтин ограничивал ее куро-аракским двуречьем, О. М. Джапаридзе — Южным и Центральным Закавказьем, Э. В. Ханзадян, а также Г. Е. Арешян — Армянским нагорьем. Ч. Барней считал, что КУАК зародилась в Восточной Анатолии (область Элязиг), хотя допускал, что центром ее распространения могли быть и районы, прилегающие к среднему течению р. Аракс [Burney, 1958, p. 165]. Т. Бартон-Браун, наоборот, полагал, что движение шло с востока на запад и что племена-создатели чернолощенной посуды впервые появились на территории Азербайджана и Восточной Грузии [Burton-Brown, 1955]. Эту точку зрения не разделял А. А. Иессен [1963, с. 3], считавший первичным очагом КУАК западные районы ее ареала; позднее, на основании анализа поселения Кюль-Тепе, Южный Азербайджан был включен в основной ареал КУАК [Кушнарера, Чубинишвили, 1970, с. 179], что впоследствии было подтверждено промежуточным характером памятников Мугани и юго-восточных склонов Малого Кавказа. В дальнейшем территория Азербайджана была названа одним из главных очагов формирования КУАК [Исмаилов, 1983, с. 35].

В целом проблема локализации области первоначального распространения КУАК, являющей собой пример взаимодействия глубоких традиций и инноваций, несмотря на большое количество открытых памятников и имеющиеся научные разработки, по-прежнему предстает перед нами во всей своей сложности и многообразии и ставит перед исследователями ряд очередных задач. Это в первую очередь строгая

типологическая разработка массовых материалов, и особенно керамики. Предпринятая нами в свое время классификация керамики [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 136—160, рис. 44], использованная неоднократно в последующих работах, сейчас должна быть уточнена, ибо с момента ее опубликования появились новые материалы.

Учитывая зафиксированную для середины III тыс. до н. э. волну расселения носителей КУАК из равнинных районов в предгорья Кавказа, в Северо-Западный Иран и Восточную Анатолию, представляется, что областью первоначального распространения КУАК следует считать равнины Южного Кавказа, так как именно здесь зафиксированы: 1) памятники финального энеолита, связанные с традициями кавказского энеолита в целом; 2) памятники раннего этапа КУАК, сохраняющие еще влияние постэнеолитической культурной общности типа Сиони; 3) наибольшая концентрация памятников КУАК в целом. Судя по новейшим открытиям, возможно, в область первоначального ее распространения следует включить и Северо-Восточный Кавказ, где прослеживается та же линия развития; напомним, что этот регион своими физико-географическими и культурно-историческими особенностями близок Закавказью. Для решения же вопроса о характере развития КУАК в западной части Армянского нагорья (Восточная Анатолия) потребуются дополнительные разработки по сопоставлению ведущих признаков местной халколитической и раннебронзовой культур, которые, на первый взгляд, представляются резко различными, на что в свое время уже было обращено внимание [Джапаридзе О. М., 1961, с. 260]. Для установления преемственности либо, наоборот, существования разрыва между культурами могут быть использованы даты волн инфильтраций носителей КУАК, следы которых зафиксированы в позднехалколитическом поселении Тепеджик, в нижних горизонтах поселений Караз и Пулур [Kosay, Turfan, 1959; Kosay, 1971, 1972] и в других памятниках раннего этапа КУАК [Кавтарадзе, 1983, с. 91]. Г. Л. Кавтарадзе вслед за О. М. Джапаридзе [1976, с. 143] считает, что в Восточной Анатолии КУАК является пришлой и что ее носители вторгались сюда дважды. Первый поток нашел свое материальное выражение в названных памятниках и распространился (судя по сходству и динамике элементов материальной культуры с таковыми из комплексов типа Амиранис-Гора) в юго-западные области из Южной Грузии. В этой связи следует обратить внимание на синхронность дат образцов из нижних горизонтов Амиранис-Гора (ТВ-4, ТВ-9) и нижнего «куро-аракского» уровня Пулура (Р-20-40) [Кавтарадзе, 1983, с. 90]. Второй поток, вероятно, шел из Араратской долины; с ее памятниками (Шенгавит II—III) сближается также поселение Яник-Тепе в Северо-Западном Иране, которое в свою очередь хорошо сопоставляется с некоторыми поселениями Восточной Анатолии [Amiran, 1965; Kelly-Buccellati, 1974, p. 51; Кавтарадзе, 1983, с. 87].

Будучи по своему облику качественно новой по сравнению с энеолитической культурой, КУАК, бесспорно, несет на себе отпечаток последней и сохраняет ряд древних традиций. Сюда, в частности, относится использование в ряде случаев обжитых в энеолите мест обитания (Баба-Дервиш, Шенгавит, Кюль-Тепе). Традиции прослеживаются в принципах домостроительства — в ряде районов бытуют все те же круглые дома, но возведенные более совершенными техническими приемами. Некоторая преемственность намечается в формах посуды и способах орнаментации. Особенно это прослеживается на сосудах раннего этапа КУАК, которые отдельными формами (сосуды с цилиндрическим горлом, миски, корчаги, банки) и технологическими качествами еще напоминают энеолитическую. Рельефную орнаментацию

классической посуды КУАК можно воспринять как трансформацию разнообразных налепов на керамике энеолита; ее называют прото-рельефной [Арешян, 1972в, с. 58]. Мотив птиц на сосудах КУАК, вероятно, заимствован в росписях халколитической керамики переднеазиатского круга. И здесь и там встречаются глиняные фигурки животных, пряслица, колесики от моделей повозок. Наконец, в энеолитических и раннебронзовых горизонтах Кюль-Тепе бытовали очаги близкой формы. Все эти традиционные черты оказываются в период бытования КУАК значительно более развитыми, видоизмененными, придающими ей новый облик, что не мешает, однако, их восприятию как существенного вклада, который внесла энеолитическая культура в процесс ее формирования.

Энеолитические традиции прослеживаются в различных областях основного ареала КУАК; это позволяет рассматривать повсеместное (в пределах этого ареала) ее развитие как дальнейший этап культурно-хозяйственного прогресса населения Южного Кавказа. Однако выявление местных корней КУАК отнюдь не исключает вероятных инфильтраций инокультурных этнических групп в пределы распространения последней, повлиявших на процесс ее формирования. Учитывая иной облик КУАК по сравнению с энеолитической, а также неоднократно подмеченное влияние на нее культур Малой Азии и Средиземноморья, проявлявшееся в отдельных элементах (постройки мегаронного типа, чернолощенная посуда и др.); А. И. Джавахишвили [1973] ставит вопрос о возможном проникновении в середине IV тыс. до н. э. населения из северо-восточных областей Малой Азии в Закавказье, ибо с этого времени здесь устанавливается культура, развивающаяся «в основном по восходящей линии, в соответствии с законами социально-экономического прогресса» [с. 370]. Для подтверждения возможности такой ситуации потребуется доскональное изучение памятников с признаками КУАК на территории Малой Азии, вычленение самых ранних из них и сопоставление их со стратифицированными материалами Южного Кавказа. Если исходить из вероятности такого передвижения, то оно должно было происходить в относительно короткий отрезок времени, ибо к концу IV тыс. до н. э. основные признаки КУАК были сформированы в области ее первоначального распространения. В дальнейшем на сложение ее облика оказывали воздействие многие социально-экономические факторы, главными из которых было выдвигание на первый план таких форм экономики, как отгонное скотоводство и пашенное земледелие, бурное развитие металлургического производства, с одной стороны, и общение с городскими цивилизациями Передней Азии, передававшими населению Кавказа свои культурные достижения и постоянно использовавшими в свою очередь богатые сырьевые ресурсы (медь, свинец, сурьма, обсидиан) Кавказского региона и Армянского нагорья — с другой.

К сожалению, скудные антропологические данные также не решают проблему генезиса КУАК. Антропологические остатки поры энеолита почти не изучены. Черепа времени формирования КУАК представляют средиземноморский тип европеоидной расы [Абдушелишвили, 1966, с. 84]. Черепа из таких ранних памятников, как Амиранис-Гора, Кикети, Тетри-Цкаро, Абелия, Ардисубани, Кулохвом, Джрарат, Шенгавит (ранние горизонты), в морфологическом отношении чрезвычайно близки. В свою очередь, они по ряду признаков сближаются с сериями черепов из Тепе-Гисара II—III, Эль-Убеида, Киша [Джавahiшвили, Э. Н., 1968]. Эти определения выявляют широкий ареал того этнического субстрата, к которому должны быть отнесены носители КУАК. Исходя из последних данных, делается вывод относительно

но того, что на Кавказе следует искать местные корни аборигенного населения, которое состоит в генетической связи с древнейшей юго-европейской ветвью населения Передней Азии [Абдушелишвили, 1969, с. 12].

Вопросы хронологии КУАК в работах археологов-кавказоведов поднимались неоднократно. К 70-м гг. большинство исследователей умещали ее в рамках III тыс. до н. э. (см. подробно: [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 178]), хотя отдельные авторы начало КУАК передвигали в конец IV тыс. до н. э. [Джапаридзе О. М., 1962, с. 44; 1964, с. 7]. Серединой IV тыс. до н. э. датируются методом ¹⁴C самые поздние памятники раннеземледельческой культуры. Был произведен радиоуглеродный анализ 32 образцов из закавказских и ирано-анатолийских поселений КУАК (см.: Приложение, II). Тринадцати дат образцов из памятников Закавказья, т. е. основного ареала КУАК, для установления точной хронологии памятников явно недостаточно, тем более что шесть из них (ТВ-3, ТВ-29, ТВ-289, ЛЕ-780, ЛЕ-672, GzN-8178) должны рассматриваться как ошибочные. Взаимная близость дат ТВ-4, ТВ-9, ЛЕ-156, ЛЕ-163 увеличивает их достоверность, которая дополнительно обосновывается археомагнитным методом [Нодия и др., 1966, с. 613; Кавтарадзе, 1983, с. 84, примеч. 250]. Некоторые ¹⁴C даты иранских и анатолийских образцов (P-1628, M-2376 — Коруджу-Тепе, P-1251, P-1252 — Яник-Тепе [Кавтарадзе, 1983, с. 90, 102]) даже с учетом их допустимой амплитуды также должны восприниматься как ошибочные, несмотря на то что оба поселения характеризуют позднюю фазу КУАК. В целом серия дат для обоснования абсолютной хронологии и периодизации памятников представляется явно недостаточной.

В связи с открытием на поселениях неизвестного ранее архаичного пласта КУАК (Тетри-Цкаро, Ахалкалаки, Звели, Сиони, Греми, Гинчи, Мекеги, Узун-Тепе, нижние слои Гаракепек-Тепе и др.) появилась обоснованная тенденция удревления ее нижней границы, т. е. отнесения раннего этапа к началу второй половины IV тыс. до н. э. [Джавахишвили А. И., 1973, с. 229—269; Орджоникидзе, 1981, с. 19; Арешян, 1981, с. 51; Исмаилов, 1983, с. 31; Гаджиев, 1983, с. 42]. Радиоуглеродным методом ни один из этих памятников не датирован. Эту архаичную группу Г. Л. Кавтарадзе относит к энеолиту и, используя переднеазиатские параллели, датирует концом V — первой половиной IV тыс. до н. э. [Кавтарадзе, 1983, с. 82].

Учитывая мощность культурных напластований на некоторых южно-кавказских теллях (иногда 10—16 м) и приблизительную среднюю скорость их нарастания в условиях сырцовых архитектур, КУАК здесь просуществовала примерно около тысячелетия. Верхняя хронологическая граница КУАК намечается прежде всего датировкой ее поздних комплексов (конец второй трети III тыс. до н. э.), появившихся в результате инфильтрации носителей КУАК в Восточную Анатолию (Коруджу-Тепе и др.) и Северо-Западный Иран (Годин-Тепе IV, Яник-Тепе). *Terminus ante quem* КУАК относится примерно к началу последней трети III тыс. до н. э. Именно этим периодом датируются памятники, относимые к самой поздней ступени РБ и занимающие как бы промежуточное положение между РБ и СБ [Гогадзе, 1970б, с. 3—16], а возможно, относящиеся к самому началу СБ. Их датировка — XXIII—XXII вв. до н. э. Это ранние комплексы Триалети, поздние Сачхери, большой Самгорский курган, впускные погребения кургана в Ховле, курганы в Шулавери. Примерно этим же периодом датируются памятники так называемой беденской или алазано-беденской культуры, генетические корни которой пока остаются не установлен-

ными [Джапаридзе О. М., 1983; Глonti, Джавахишвили 1987]. В последней трети III тыс. до н. э. на Южном Кавказе происходят крупные социально-экономические сдвиги, приведшие к распаду КУАК и возникновению новых культур периода СБ.

В 1970 г. нами совместно с Т. Н. Чубинишвили была намечена хронологическая группировка памятников РБ в масштабах всего Южно-кавказского региона, которые были расчленены на три этапа (РБ I, II, III). В основу периодизации положены стратиграфические колонки узловых поселений в разных частях ареала КУАК [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 61]. Позднее появились новые хронологические схемы, касающиеся по-прежнему локальных групп памятников [Мицхулава, 1975, с. 20; Махмудов, 1979, с. 4; Орджоникидзе, 1981, с. 10; Исмаилов, 1983, с. 31]. Вопросам хронологии и периодизации памятников Грузии и окружавших территорий посвящены работы Г. Л. Кавтарадзе [1981, 1983]; их целью является приведение в хронологическое соответствие древнейших культур Грузии с соседними культурами. Однако новые даты, в силу ряда причин, археологами пока не используются [Андреева, 1987].

С учетом разработок, появившихся после выхода нашей монографии [Кушнарева, Чубинишвили, 1970] и опубликования более архаичных комплексов, нежели помещенные в свое время в период РБ I, мы предлагаем членение всего периода РБ на четыре этапа; условность подобного членения и возможность дальнейшего перемещения отдельных памятников в соседнюю (более раннюю и более позднюю) хронологическую группу автор осознает полностью.

Период РБ I (3500—3200): Дидубе, Кикети, Ортачала, Тамариси, Ардисубани, Коранта, Кода, Гомарети, Дигоми, Хизанаант-Гора (Е), Самшвилде (нижний слой, могильник), Сиони, Греми, Машнаари, Тетри-Цкаро (частично), Ахалкалаки, Звели, Абелия, Техут (частично), Элар (частично), Мохра-Блур (нижние горизонты), Джраовит (V—III),¹ Арагац, Заглик, Кюль-Тепе (нижние горизонты), Аликемек-Тепеси, Мишарчай I (нижний горизонт), Баба-Дервиш (нижний слой), Геме-Тюбе I, Великент и др.²

Период РБ II (3200—2900): Хизанаант-Гора (D), Хизанаант-Гора — Квацхела (С₃, С₂, могилы 1, 2, 4, 5), Кулбакеби, Кулохвом, Згудрис-Гверда, Гудабердка, Метехи, Бешташени, Озни, Амиранис-Гора (горизонт I, могильник центрального участка), Ахалкала, Абастуманское «Канобили», Самшвилде (второй слой и могильник), Кюль-Тепе (нижние горизонты), Гаракепек-Тепе, Мейне-Тепе, Шомулу-Тепе (нижние горизонты), Гюнеш-Тепе, Хан-Тепе, Узун-Тепе, Мингечаур, Геой-Тепе (K₁ и частично K₂), Мохра-Блур (частично), Маисян (курганы), Шенгавит (II), Шреш-Блур и др.

Период РБ III (2900—2600): Шенгавит (III), Мохра-Блур (частично), Маисян (курганы), Гарни, Элар (могильник), Амиранис-Гора (горизонт II, центральный участок), Хизанаант-Гора — Квацхела (основная часть горизонта С), Оками, Ахалкалаки, «Самархи Канеби» в Звели, Кюль-Тепе (средние горизонты), Гаракепек-Тепе (средние горизонты), Геой-Тепе (частично K₂ и K₃), Яник-Тепе (горизонт РБ I по Барнею), Пулур (горизонты VIII—I), Коруджу-Тепе (РБ II) и др.

Период РБ IV (2600—2300): Шенгавит (IV), Таковоранист, Ко-

¹ К сожалению, материалы ключевых для южной зоны Закавказья многослойных поселений Мохра-Блур и Джраовит (раскопки Арешяна и Ханзадяна) до сих пор не опубликованы, хотя исследования здесь носили систематический характер и проводились на высоком методическом уровне.

² Вопрос о возможности отнесения части памятников, помещенных в период РБ I, к позднему энеолиту [Кавтарадзе, 1983, с. 59] для нас остается пока открытым.

си-Чотер, Джагацатех, Шаглама II, Арич, Ором, Кети, Тигнис, Амиранис-Гора (горизонт III), Караз (верхние горизонты), Хизанаант-Гора — Квацхела (горизонты В₃, В₂, В₁); Квацхела (могилы 3, 6—8), Триалети (курганы Паравани и Зеленый), Арагац (могильник), Баба-Дервиш II (поздние материалы), Тельман (курганы), Майне-Тепе, Кюль-Тепе, Шомулу-Тепе, Гаракепек-Тепе (верхние горизонты), Яник-Тепе (горизонт РБ1, II по Барнею) и др.

Как видно из сказанного, в процессе комплексного изучения КУАК проблемы ее генезиса, хронологии и периодизации являются наиболее сложными и дискуссионными.

Параллельно с КУАК, распространенной на большей части Южного Кавказа, в западной его части в эпоху РБ развивалась культура иного облика, которой в отличие от первой был свойствен консерватизм, восходящий к неолитическим традициям. Здесь довлел экологический фактор — субтропический климат этой части Закавказья способствовал застойным явлениям в экономике: развитию производящих отраслей здесь длительное время сопутствовали охота, собирательство, рыболовство, а это в свою очередь отразилось на специфике материального комплекса; границы западнокавказской культуры на севере доходят до Сочи, на юге до среднего течения р. Риони; на востоке она соприкасается с КУАК, в результате чего в пограничных районах формируется зона контактов.

Памятники в этих границах изучены неравномерно и представляют собой отдельные территориальные группы. Так, в Квирильском ущелье жизнь по традиции продолжается в некоторых пещерных стоянках (Самеле-Клде, Сагварджиле, Дарквети и др.), где слои периода РБ перекрывали позднеэнеолитические отложения [Джавахишвили Г. И., 1969; Небиеридзе, 1972; 1986]. К эпохе РБ относятся также пещерные стоянки Моцамета, Самерцхле-Клде, Бринджао, Бизона [Пхакадзе, 1988б]. Среди орудий труда и оружия встречаются традиционные каменные наконечники стрел и копий, вкладыши серпов, шлифованные клиновидные топоры, долота, стамески, скребки, зернотерки, пряслица, а также тигели, льячки, формы для отливки заготовок и медные предметы — наконечник стрелы (Тетри-Мгвиме), проколки (Самеле-Клде, Сагварджиле), рыболовные крючки, стержни [Глонти и др., 1968]; орудия из рога и кости представлены мотыгами, иглами, проколками. Близкий по облику каменный и костяной инвентарь обнаружен на стоянке Тетрамица [Киладзе, 1951; Бердзенишвили, 1953]. Судя по находкам глиняной обмазки на поселении Тетрамица, здесь, как и в предшествующие периоды, сооружались легкие плетеные постройки шалашового типа.

Керамика названных стоянок более совершенна, чем в предшествующий период: наряду с грубой лепной посудой бытует более тонкостенная заглаженная, иногда залощенная, украшенная насечками, гребенчатым штампом и «елочкой». На некоторых стоянках попадает тонкостенная краснолощенная керамика разных форм, имеющая сходство с посудой майкопских поселений (Мешоко, Скала, Ходжох, Яснова Поляна), а также типичная куро-аракская посуда. Однако фрагменты инокультурных сосудов здесь единичны.

Примерно с конца IV — начала III тыс. до н. э. КУАК распространяется на территорию Рионо-Квирильского бассейна, что трактуется как результат инфильтрации населения с востока [Джапаридзе О. М., 1980]. Возникают такие поселения, как Дабла-Гоми и Аргвети. Оба поселения расположены на открытой местности и имеют несколько строительных горизонтов, самый древний из которых синхронизируется с верхними горизонтами упомянутых пещерных стоянок

позднеэнеолитического времени. На поселении Аргвети зафиксированы остатки турлучных построек, сооруженных на каменном фундаменте. Керамика нижних горизонтов этих поселений представлена преимущественно куро-аракской посудой, имеющей аналогию в материалах таких восточногрузинских памятников, как Самшвилде, Кода, Озни и др. [Пхакадзе, 1988б, рис. 4]; одновременно здесь найдены фрагменты сосудов, характерных для пещерных стоянок. В верхних же горизонтах упомянутых поселений увеличивается количество посуды, аналогичной стоянкам типа Очамчире, характерным для Колхидской низменности.

С поселениями Дабла-Гоми и Аргвети в той же Имеретии хорошо сопоставляется часть Сачхерских курганов, которые большинство исследователей, опираясь на найденные в них датированные металлические предметы (штыковидное орудие и листовидное копье из Царцис-Гора), синхронизируют с памятниками развитого и финального этапа КУАК (Квацхела — Хизанаант-Гора, слои С и В и Амиранис-Гора, период III).

Таким образом, культура Рионо-Квирильского бассейна в период РБ носит несколько симбиозный характер, сочетая в себе местные традиции; ведущие элементы куро-аракской культуры, признаки синхронной культуры Колхидской низменности, а также майкопской культуры [Пхакадзе, 1987, 1988б].

Картина жизни в эпоху РБ в Колхидской низменности представляется далеко не полной. По-видимому, ее заселение происходит во второй половине III тыс. до н. э. Для этой части Кавказа характерны жилые холмы — небольшие, расположенные группой селища, окруженные рвами, которые вместе с искусственными каналами выполняли в первую очередь дренажные функции; такие устройства были необходимы для осушения заболоченных участков местности. На селищах лишь в редких случаях выявлены слои эпохи РБ. Одним из таких жилых холмов является Диха-Гудзуба близ Анаклии [Куфтин, 1950, с. 238]. Холм окружен двумя рвами. Судя по остаткам дерева и глины, основным типом жилища был круглый дом с плетеными каркасными стенами и конической крышей. К этому же периоду относятся нижние слои жилых холмов Курзия, близ с. Саэлиао и Испани в Кобулетии [Микеладзе, Барамидзе, 1976]. Незначительный их материал представлен преимущественно лепной керамикой серого цвета, это главным образом небольшие двуручные кувшины биконической формы. Среди каменных орудий — традиционные наконечники стрел, зернотерки и др. Находки литейных форм, тиглей и сопел указывают на развитую металлургию.

С колхидскими и рионо-квирильскими памятниками, судя по материалам (костяные и кремневые орудия, зернотерки, мотыги и др.), синхронизируется серия поселений на территории Абхазии; это нижние слои Мачарского поселения, селище на горе Гуадику, стоянки Гантлади и Очамчире [Бжания, 1966а; 1966б]. Известны и горные стоянки [Бжания, 1973].

Материалы всех перечисленных поселений и стоянок указывают на земледельческо-скотоводческий уклад хозяйства их создателей; в котором значительную роль еще играли охота, собирательство и рыболовство. Исследованные крайне фрагментарно, памятники Западного Закавказья ждут своего изучения; лишь тогда можно будет ставить и решать проблемы генезиса и хронологии местной культуры РБ, а также характера производственной деятельности и связей ее носителей.

СРЕДНЯЯ БРОНЗА

(последняя четверть III — середина II тыс. до н. э.)

В последних веках III тыс. до н. э. на Южном Кавказе происходят крупные культурно-хозяйственные сдвиги, приведшие к распаду КУАК (или культурной общности) и возникновению новых культур периода средней бронзы (далее — СБ). Эти перемены, коснувшиеся всех сфер человеческой жизни, проявились прежде всего в материальной культуре. Жизнь на куро-аракских поселениях, особенно в долинах и низких равнинах становится менее интенсивной. Поселения СБ основываются на новых местах, однако их характер, в силу крайней слабости изученности, остается неясным. Создается впечатление, что количество поселений в этот период значительно сокращается; статистические подсчеты памятников в границах кармир-бердской культуры (далее — КБК) — одной из культур СБ — дали следующие результаты: на территории КБК, занимавшей примерно 45 000 км², на одно поселение приходится четыре могильника [Симонян, 1984б, с. 9], тогда как в предшествующий период картина была совершенно иной. Интенсивно осваиваются предгорья и горы; в тех же границах КБК 65% известных памятников приходится именно на эти зоны. В период СБ меняется обряд погребения — повсюду доминируют курганы, распространяется обряд кремации. Появляются индивидуальные захоронения со сложными подкурганскими сооружениями и богатым инвентарем. Строительное дело, керамическое и металлургическое производства претерпевают качественные изменения; возникают новые формы посуды и металлургических изделий. Высокого развития достигает ювелирное дело.

Причины столь кардинальных перемен явились предметом многолетних дискуссий, вызвавших к жизни самые разноречивые толкования. На диаметрально противоположных позициях стоят две группы исследователей: одни считают, что культуры СБ возникли в результате эволюционного развития местных кавказских культур, другие, — что возникновение — результат вторжения на территорию Кавказа инокультурных этнических элементов. Сам факт существования столь противоречивых взглядов, в основе которых лежат по существу одни и те же материалы, свидетельствует, пожалуй, об отсутствии единого методического подхода при изучении последних. Кроме этих полярных суждений имеются отличающиеся друг от друга некоторыми аспектами точки зрения, в целом сводящиеся к тому, что причины столь кардинальных перемен следует искать в различных сочетаниях названных двух компонентов. Наконец, существует мнение, согласно которому формирование культур СБ происходило под воздействием экологического фактора.

Проблема «местных корней» СБ поднималась подавляющим большинством исследователей, причем сопоставительный анализ осуществлялся на различных категориях источников (керамика, строительные остатки, архитектура, отчасти металлургия); преимущество отдавалось самому массовому материалу — керамике. «Местные корни» искал в свое время Б. А. Куфтин [1940; 1941] — первооткрыватель памятников триалетской культуры. Вопросы генетической связи между культурами РБ и СБ ставились преимущественно на материалах триалет-

ской культуры (далее — ТК). Позднее, с открытием новых памятников, точка зрения Б. А. Куфтина получила дополнительные веские обоснования [Пиотровский, 1949а, с. 46; Мартиросян, 1964, с. 48; Джапаридзе О. М., 1969, с. 270; Ханзадян, 1969, с. 180; Дедабришвили, 1970, с. 16; Джавахишвили А. И., с. 365; Киквидзе, 1975, с. 27; Гобеджишвили Г. Ф., 1980, и др.]. Следует особо подчеркнуть большую и кропотливую работу, которую проделал Э. М. Гогадзе по восстановлению комплексов ТК, открытых Б. А. Куфтиным, а также предпринятый им сопоставительный анализ последних с материалами КУАК [Гогадзе, 1970а 1970б; 1972; Гогадзе, Жоржикашвили, 1974]. Выявляя местный субстрат культур периода СБ, перечисленные авторы не исключали влияния на них культур сопредельных стран. Допускается инфильтрация отдельных групп инокультурного населения, которая в какой-то мере повлияла на характер южно-кавказских культур, но отнюдь не прервала местную культурную традицию; при этом выявляются направления различных контактов. Эта точка зрения, с позиции автора, представляется весомой.

В противовес взглядам этих исследователей ряд ученых высказывается за отсутствие преемственности КУАК и культур периода СБ. Так, Г. А. Меликишвили [1965а, с. 22] (а вслед за ним Пицхелаури) [1988] считает, что смена культур произошла вследствие проникновения на территорию Южного Кавказа переднеазитских этнических групп, которые разрушили куро-аракскую культурную общность. Появление ТК он связывает с экспансией хурритских племен из Северо-Западного Ирана, а область ее распространения считает периферией Митанийского царства. С точки зрения Ч. Барнея, между КУАК и ТК существует разрыв; происхождение последней он объясняет проникновением на Кавказ с севера индоевропейского населения (хетты), продвинувшегося затем в Анатолию (Burney, 1958). Примерно той же точки зрения придерживается Дж. Мелларт (Mellaart, 1958). Вслед за перечисленными авторами А. Е. Симонян в формировании культур СБ большую роль отводит этническим группам, проникшим в Закавказье извне (Иран, Северный Кавказ, Малая Азия); особое значение придает инфильтрации с юго-запада. Автор полагает, что «в результате ассимиляции местного населения носителями новых традиций, в процессе сложного синтеза в конце III тыс. до н. э. в северных районах Армянского нагорья, охватывающих территорию Армении, южную часть Грузии и юго-западные области Азербайджана, образовались родственные культуры эпохи средней бронзы» [Симонян, 1984б, с. 20].

Наконец, при рассмотрении вопроса об инновационных процессах в культурной сфере очень важным может стать экологический фактор. Речь идет об аридизации климата, наступившей по всей Передней и Средней Азии со второй половины III тыс. до н. э. [Долуханов, 1985; Арешян, 1991, с. 81]. На Армянском нагорье эти изменения подтверждаются геологическими отложениями озер Севан и Ван. Установлено, что последней их трансгрессии, наступившей в начале I тыс. до н. э., предшествовал полуторатысячный период господства аридного климата (Бальян, 1984). А это привело к изменениям в сфере хозяйства, что в свою очередь повлекло за собой упадок КУАК и возникновение новых культур периода СБ.

Вызвавшая длительные дискуссии проблема генезиса ТК — одной из наиболее ярких культур периода СБ Южного Кавказа — пока разработана только на памятниках Южной Грузии. Среди них наибольшую информацию дают материалы так называемых ранних курганов, и прежде всего их керамика. Последняя, несущая в себе архаичные черты КУАК и прогрессивные элементы, определившие в дальнейшем

облик гончарной продукции ТК, является как бы связующим звеном между РБ и СБ [Гогодзе, 1972, с. 97]. Причины же перемен в обряде погребения, выразившихся в появлении кремации, замене коллективных родовых захоронений (Степанакерт, Ханлар, Тквиави, Сачхери) богатыми индивидуальными, помещении в могилы повозок и др., следует, с нашей точки зрения искать в социально-экономических сдвигах, а также в импульсах, постоянно поступающих как с севера, так и с юга. Среди последних преобладали малоазийско-эгейские связи, прослеживающиеся на многих категориях изделий. К сожалению, сущность этих связей (проникновение на Кавказ отдельных этнических групп, культурные связи, прямой обмен и др.) устанавливается далеко не всегда.

Таковы разноречивые взгляды на причины возникновения средне-бронзовых культур Закавказья, порожденные рядом факторов, здесь и односторонний характер источниковедческой базы, на которую опираются исследователи, и слабо разработанная типология и др. И прежде всего отсутствие комплексного подхода, при котором предмет исследования становится наиболее информативным.

При дальнейшем углублении проблемы генезиса и последующих судеб культур СБ как на полевом, так и на интерпретационном уровне нам кажется особенно важным сделать акцент на следующих аспектах: 1) изучение поселений (особенно стратифицированных), которых явно недостает в исходных материалах; возможно, выявленные в последнее десятилетие многослойные поселения Кахети дадут дополнительные данные для решения этой проблемы. Материалы эти опубликованы пока предварительно [Пицхелаури, 1984]. Однако имеющиеся данные позволяют считать, что один из очагов становления ТК находился на этой территории, издревле связанной с гористой частью Южной Грузии единой формой скотоводческого хозяйства; 2) изучение памятников, хронологически следующих за КУАК, но предшествующих собственно культурам СБ (марткопский и бедено-алазанский этапы); особую роль в этом плане должно сыграть поселение Бери-Клдеби в Карельском районе Грузии, на котором прослеживается стратиграфическое взаимоотношение КУАК и так называемой беденской культуры [Глонти, Джавахишвили, 1987]; 3) выработка критериев сопоставительного анализа различных элементов КУАК и культур периода СБ; 4) установление дополнительных ведущих признаков южнокавказских культур периода СБ как на памятниках, известных ранее, так и на впервые выявленных нами плохо документированных комплексах.

Несмотря на огромные успехи археологии в деле изучения развития древних культур Кавказа, отдельные этапы этого сложного процесса остаются все еще не обеспеченными достаточно информативным материалом. Такое положение вещей характеризует состояние изученности южнокавказских культур периода СБ. Это наглядно проявилось при подготовке к печати I выпуска IV тома Археологии СССР «Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии» — издания, призванного подытожить всю сумму научных достижений отечественной археологии.¹ К моменту написания раздела, посвященного культурам СБ на территории Южного Кавказа, здесь были выявлены и изучены лишь две археологические культуры — западнокавказская [Микеладзе, 1969; 1974; 1990] и триалетская, локализующиеся, по мнению грузинских археологов, в пределах западной и Юго-Восточной Грузии [Куфтин, 1941; Джапаридзе О. М., 1969]. Остальная часть региона оставалась представленной группами аморфных памятников, не объединенных в археологиче-

¹ Автор настоящей работы является редактором и одним из авторов этого тома.

ские культуры. Большинство этих материалов, не будучи опубликованными, хранятся в республиканских и краеведческих музеях Закавказья. Таким образом, перед автором стояла задача проработки всех этих материалов с целью изучения систематизации и выведения их на новый уровень познания. К сожалению, сам характер источников с первых же шагов ограничил рамки исследования; поселения, за исключением Западного Закавказья, почти не изучались; вообще вся археология СБ Южного Кавказа представлена главным образом могильниками. Хорошо изученных эталонных памятников оказалось здесь очень мало; в большинстве это материалы из обнаруженных случайно полуразрушенных и лишь в отдельных случаях доследованных захоронений с незафиксированными данными о характере могильных сооружений и погребальных обрядов. Как правило, эти комплексы представлены набором специфической посуды, что является характерной чертой всех рядовых могил рассматриваемого периода. Совершенно очевидно, что при таком состоянии дела систематизация материалов, направленная на выявление культур периода СБ, сегодня может базироваться главным образом на анализе керамики, которая, являясь самым массовым археологическим материалом, послужила основанием для выделения ряда ранних культур на территории СССР. Помимо керамики намечаются и другие сопутствующие ей признаки: однако возведение их в признаки культур пока представляется преждевременным — для этого необходима массовая информация.

Как уже говорилось, до недавнего времени на территории Южного Кавказа были выделены две культуры СБ. В результате проработки всех доступных материалов нами были выделены новые культуры и группы однотипных памятников, занимавшие большую часть региона [Кушнарева, 1982, 1983, 1985, 1986]. Параллельно с нашими исследованиями материалы КБК изучались А. Е. Симоняном. Его большой научной заслугой явились систематические раскопки могильника Верин-Навер в Араратской долине, которые позволили осуществить типологический анализ керамики КБК, выявить ее другие ведущие признаки, уточнить хронологию памятников и др. [Симонян, 1977, 1979, 1982, 1984а, 1984б, 1990]. Сегодня могильник Верин-Навер является ключевым для КБК, ибо это единственный памятник, исследованный на основе строгой научной процедуры как на полевом, так и на интерпретационном уровне. Таким образом, понятие КБК наполнилось новым, более полным содержанием. Естественно, что в настоящей работе при характеристике КБК выводы А. Е. Симоняна учитываются.

В результате многолетних исследований памятников СБ сегодня мы можем говорить о четырех культурах, бытовавших на территории Южного Кавказа. Среди них наблюдаются как резкие различия, так и большая близость, что объясняется различными факторами (экология, традиции, направления и характер связей). Так, культура Западного Закавказья глубоко самобытна, наделена рядом присущих только ей признаков. Она развивалась на основе местных традиций, имела свои направления связей. На большей же части региона, в его центральной, восточной и южной областях с последней трети III тыс. до н. э. на базе КУАК (или культурной общности) формировались близкие по облику родственные культуры — триалетская (далее — ТК), кармир-бердская (КБК), кизыл-ванкская (далее — КВК), которые составляли блок родственных культур [Бочкарев, 1982], территориально совпадающих с основной областью распространения КУАК (и имеющих, по-видимому, общую подоснову). К ним также примыкает северо-узерликская группа памятников. Здесь в этот период повсеместно был распространен курганный обряд захоронения. Наиболее ярким

признаком родственных культур являлась разнотипная расписная посуда, сосуществовавшая в различных количественных сочетаниях с вариантами чернолощенной керамики с резным либо точечным орнаментом. Керамике сопутствовал ряд металлических форм — различного типа кинжальные клинки, втульчатые наконечники копий, «рапиры», асимметричные секиры, плоские топоры, долота, котлы, крюки, а также золотые, серебряные и бронзовые ювелирные изделия.

Памятники этого культурного блока исследованы крайне неравномерно. В настоящее время они представлены отдельными территориальными группами, локализующимися в Араратской долине, в Северо-Восточной Армении, в Севанском бассейне, в Мильско-Карабахской степи, на юго-восточных отрогах Малого Кавказа, в высокогорной части Грузии, в Месхет-Джавасхети, в Алазанской долине и, наконец, на юго-востоке Закавказья и в Прикаспии (рис. 32). Остальные районы остаются пока «белыми пятнами» на археологической карте СБ.

Как уже было сказано, детальная разработка хронологии и периодизации культур периода СБ — задача будущего. Нами эти вопросы намечены лишь в первом приближении. Представляется, что одни культуры сосуществовали, другие сменяли друг друга. Границы синхронных культур соприкасались, в то время как последовательно сменявшие друг друга культуры и однотипные группы памятников занимали одни и те же территории. Различная степень изученности культур сказывается на степени полноты их характеристик. Наиболее полно представлены ТК и КБК, хотя их исследования далеки от завершения. Западнокавказская культура изучается интенсивно в последнее время. Что касается других культур, то для их более развернутых характеристик необходимы новые раскопки.

Западнокавказская (протоколхская) культура. Генетически связанная с предшествующей местной культурой РБ, западнокавказская культура периода СБ была распространена примерно в том же ареале — Колхидская низменность и прилегающие к ней с севера и

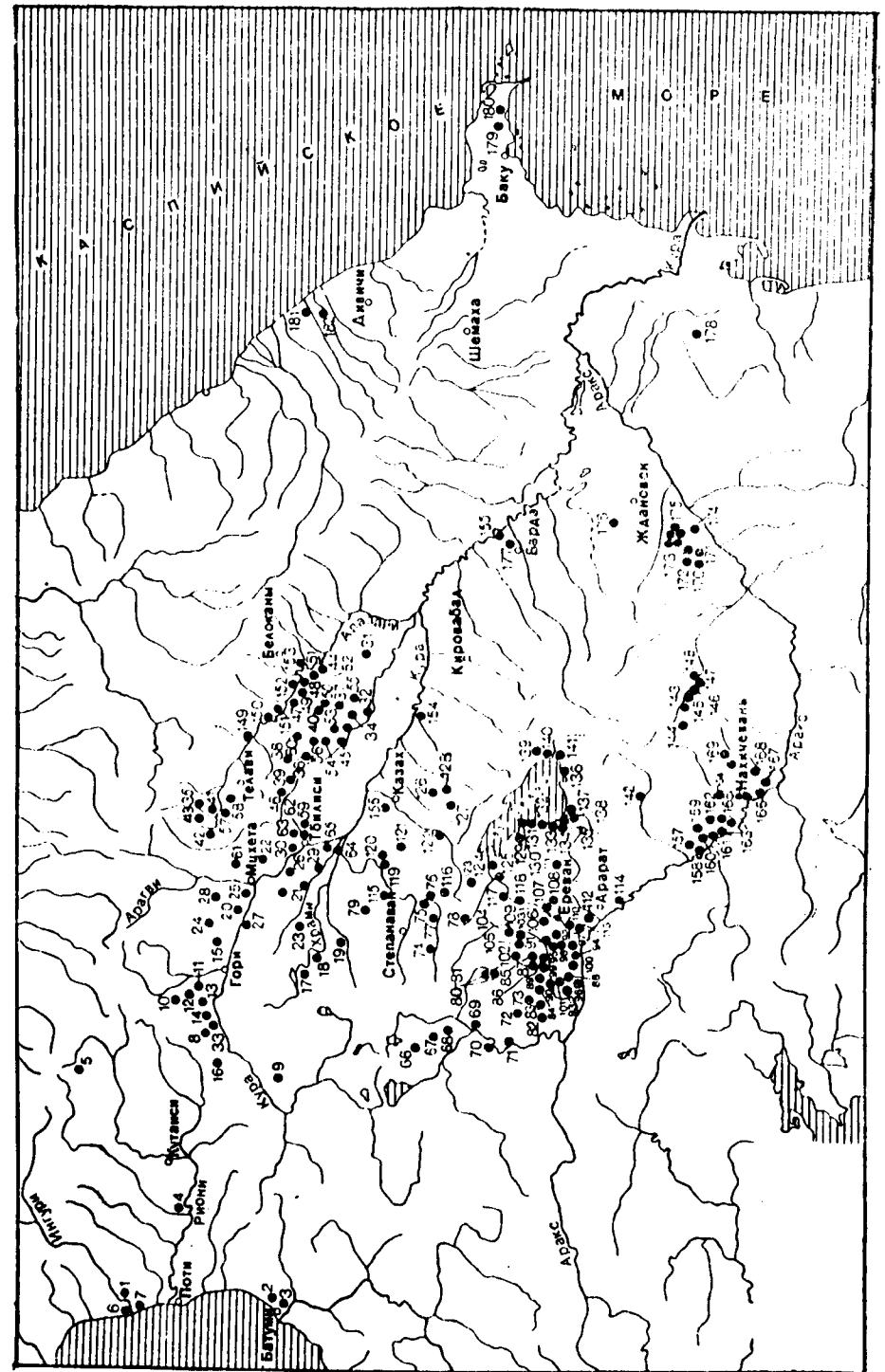

Рис. 32. Южнокавказские памятники периода средней бронзы.

- 1 — Анаклиа; 2 — Испани; 3 — Намчедури; 4 — Носири; 5 — Брили; 6 — Пичори; 7 — Эргети; 8 — Цагвали; 9 — Месхети; 10 — Квасатали; 11 — Нацар-Гора; 12 — Нули; 13 — Приневи; 14 — Анвани; 15 — Бошури; 16 — Банисхеви; 17 — Цалка; 18 — Триалети; 19 — Дманиси; 20 — Ашуранская поляна; 21 — Ардисубани; 22 — Лило; 23 — Бедени; 24 — Гракали; 25 — Самтавро; 26 — Трелггороби; 27 — Метехи; 28 — Нареквави; 29 — Марнеули; 30 — Рустави; 31 — Дилча; 32 — Чачуна; 33 — Мцарецкали; 34 — Пурецкали; 35 — Лапанкури; 36 — Акакиантхеви; 37 — Ткисболо-Гора; 38 — Садуга; 39 — Мравалцкали (Удабно); 40 — Дзвели-Анага; 41 — Швиндиани; 42 — Илто; 43 — Земо-Алвани; 44 — Шираки; 45 — Магаро; 46 — Шавимцисвели; 47 — Наомари-Гора; 48 — Рухи-Гора; 49 — Мукреби-Гора; 50 — Хашал-Гора; 51 — Нерги-Гора; 52 — Бумболо-Гора; 53 — Акаицеби; 54 — Самархеби; 55 — Бакурцихе; 56 — Асанурис-Гора; 57 — Кистаури; 58 — Сакобиано; 59 — Джандара; 60 — Цнори; 61 — Марткопи; 62 — Бери-Клдеби; 63 — Натахара; 64 — Бедени; 65 — Сиони; 66 — Амасиа; 67 — Кети; 68 — Мармашен; 69 — Карнут; 70 — Ленинакан; 71 — Ширакаван; 72 — Артик; 73 — Арч; 74 — Лори-Берд; 75 — Одзун (Узунлар); 76 — Дзорагет; 77 — Качаган; 78 — Камакатар; 79 — Кироваван; 80 — Апаран; 81 — Джарджарис; 82 — Талин; 83 — Базма-Берд; 84 — Аруч; 85 — Воскеваз; 86 — Верин-Навер; 87 — Перси; 88 — Агавнатун; 89 — Шамирам; 90 — Цахкаландж (Агджакала); 91 — Ошакан; 92 — Айгешат; 93 — Мецамор; 94 — Зейва; 95 — Цнацан (Граппа); 96 — Маисян; 97 — Хатунарх; 98 — Эчминадин; 99 — Ахтемир; 100 — Евджилар; 101 — Арагац; 102 — Мугни; 103 — Аштарак; 104 — Сеганасар; 105 — Сасуник; 106 — Кармир-Берд (Тазакенд); 107 — Элар; 108 — Бадаовит; 109 — Ереван (Цицернака-Берд, Аванское шоссе, Муханнат-Тапа, завод автоагрегатов, завод очистительных сооружений, завод резной-технических изделий, Кирза, Чарбах, Химзавод); 110 — Норабац; 111 — Гари; 112 — Двин; 113 — Джраовит; 114 — Айгеван; 115 — Акнер (Ворнак); 116 — Лорут; 117 — Солак; 118 — Карашамб; 119 — Ноемберян; 120 — Джуджеван; 121 — Джогаз; 122 — Иджеван; 123 — Дилижан; 124 — Севан-ГЭС; 125 — Лчашен; 126 — Берд; 127 — Навур; 128 — Кирги; 129 — Айрванк; 130 — Норадуз; 131 — Камо (Нор-Баязет); 132 — Кармир; 133 — Норагюх; 134 — Личк; 135 — Нижний Геташен; 136 — Цовинар; 137 — Мартуни; 138 — Золакар; 139 — Ворденис (Басаргичар); 140 — Кара-Ахлюр; 141 — Акунк; 142 — Малишка; 143 — Кошундаш; 144 — Ангехакот; 145 — Сиан; 146 — Сюни-Берд; 147 — Ахлатян; 148 — Воротна-Берд; 149 — Падарчел; 150 — Джумакенд; 151 — Салмандере; 152 — Дашюз; 153 — Кюдурлу; 154 — Гараджамирли; 155 — Борсуллу; 156 — Авейдаг; 157 — Шор-Тепе; 158 — Оглан-Кала; 159 — Азна-Бюрд; 160 — Шахтагты; 161 — Гяур-Кала; 162 — Кюль-Тепе II; 163 — Карабагляр; 164 — Кюль-Тепе I; 165 — Нахичеван; 166 — Кизыл-Банк (Кармир-Банк); 167 — Джульфа; 168 — Нахаджир; 169 — Арафса; 170 — Гюнеш-Тепе; 171 — Гаракапек-Тепеси; 172 — Карабулаг; 173 — Узун-Тепе; 174 — Кюль-Тепе II; 175 — Мильская степь; 176 — Узерлик-Тепе; 177 — Зурнабад; 178 — Аликемек-Тепеси; 179 — Кобыстан; 180 — Дюбенди; 181 — Сеидлар; 182 — Серкет-Тепе.

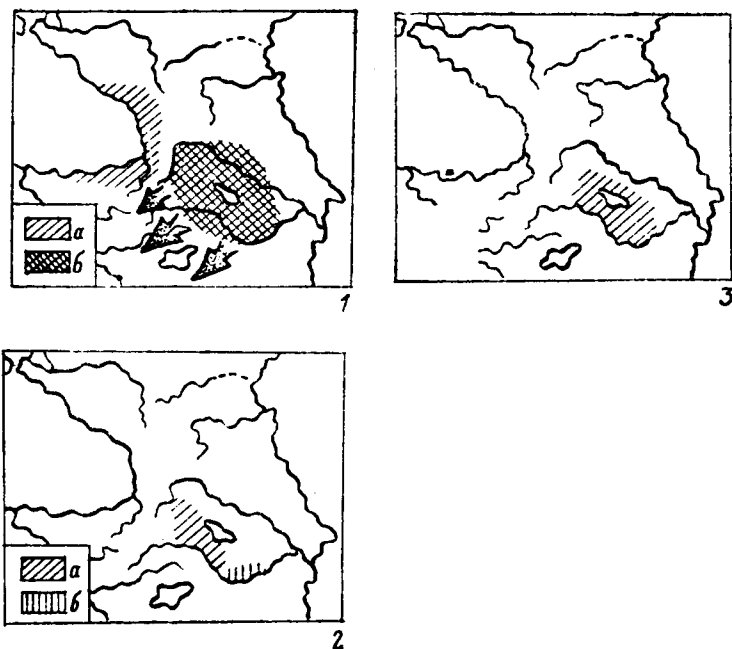

Рис. 33. Схематические карты распространения южнокавказских культур периода средней бронзы.

1 — западнокавказская (а) и триалетская (б) культура; 2 — кармир-бердская культура (а) и кизыл-ванкская культура в границах Закавказья (б); 3 — территория распространения севано-узлерикской группы памятников (заштрихована).

юга предгорья и горы (рис. 33, 1) [Микеладзе, 1969, 1974, 1990]. Она же явилась тем субстратом, на котором в дальнейшем развивалась яркая и своеобразная культура эпохи поздней бронзы — так называемая колхидская. В отличие от остальных культур СБ Южного Кавказа, западнокавказская культура представлена почти исключительно поселениями, своеобразный характер которых сформировался прежде всего под влиянием экологического фактора — теплого субтропического климата, специфических почв, обилия влаги, наличия лесных массивов и др. Поселения располагались на искусственных холмах, которые имеют двойное происхождение: одни образовались в результате долгой и непрерывной жизни (Анаклиа I, Диха-Гудзуба I, Наохваму, Зурга, Цкени, Носири, Намчедури, Патрикети, Курзия), другие, будучи постепенно погруженными в болотистую почву, были засыпаны после прекращения на них жизни (Симагре, Анаклиа II и др.). Поселения небольшие — 1200—2000 м.² Топография холмов-поселений, располагавшихся на расстоянии 1—2 км друг от друга, говорит о хуторском характере расселения.

Застройка поселений имела специфический характер, что наглядно прослеживается по раскопкам Анаклиа II, Наохваму и др. [Куфтин, 1950, с. 172]. В свое время поселение Анаклиа II несколько возвышалось над окружающей заболоченной местностью; позднее, после прекращения на нем жизни, оно было перекрыто пятиметровой насыпью. От поселения сохранилась лишь нижняя часть. Как выяснилось, подобные поселения сооружались на искусственном основании — платформе, состоявшей из наложенной друг на друга срубной кладки, заполненной глиной с примесью веток, щепок и органических остатков. Поверх клался настил из дерева и плетеных веток, который служил

полом для построек срубного типа. Иногда эти настилы дополнительно утепляли водонепроницаемой навозной землей (Анаклиа II, Симагре). Срубные помещения, не превышавшие 20 м², являлись основным типом жилища на протяжении многих столетий и сохранились в Колхиде вплоть до настоящего времени в виде жилищ, называемых *джаргвали* (груз.). Рвы, зафиксированные на некоторых поселениях (Анаклиа I, Наохваму) [Ниорадзе, 1941, с. 223, 239, 241; Куфтин, 1950, с. 167], несли дренажную функцию, что наблюдается в Колхиде и поныне. Аналогом колхидских поселений в силу близких экологических условий служат террамары Италии, где строились сходные по форме деревянные жилища, земляные полы которых также утрамбовывались [Säflund, 1939, p. 90, 96, fig. 85, 95].

Самый массовый материал колхидских поселений — керамика. Динамика развития керамики позволила установить относительную хронологию поселений СБ, среди которых исходным является Испани (конец III тыс. до н. э.), затем следует Анаклиа II и Пичори (начало II тыс. до н. э.), а потом Анаклиа I и Носири (начало второй четверти II тыс. до н. э.) [Микеладзе, Барамидзе, 1976, с. 97]. Керамика поселения Анаклиа II, изученная наиболее полно, делится на несколько групп: 1) чернолощенные сосуды разных размеров округлой, сферической, бадьевидной и баночной форм, маленькие «солонки» и кружки; на некоторых — горизонтальные или ленточные ручки; сосуды, как правило, не орнаментированы. Эта группа керамики восходит к чернолощенной посуде поселения Испани; на более поздних же поселениях она исчезает. По фактуре, а иногда и по форме она перекликается с чернолощенными сосудами Триалети; 2) черные и серые нелощенные сосуды баночной формы с сосцевидными выступами и иногда гофрированной поверхностью; сосуды с трубчатым сливом; 3) чернолощенные бадьевидные сосуды с так называемым жаберным орнаментом и полусферическими ручками, а также сосуды с трубчатым сливом, находящие параллели в керамике Северной Италии, Сардинии и Дунайского бассейна [Куфтин, 1950, с. 237, 240, рис. 63; Säflund, 1939, fig. 7, 10, 11, 17]. Эта группа посуды характеризует последний период жизни на Анаклиа II и господствует на Анаклиа I и Носири.

На поселениях обнаружены кремневые наконечники стрел с выемчатым основанием, характерные для широкого круга памятников СБ Закавказья, костяные наконечники с длинным черенком, серебряные височные кольца (Анаклиа II, Пичори); последние находят аналогии в абхазских дольменах и сачхерских погребениях, где они встречаются в комплексе с другими архаичными предметами начала II тыс. до н. э. [Куфтин, 1949, с. 268, табл. XXX; Джапаридзе О. М., 1962, с. 39]. На раннюю дату указывают также находки на этих поселениях фрагментов текстильной посуды, характерной для широкого ареала культур III тыс. до н. э., каменные топор и мотыга (Носири) [Гогадзе, 1984, рис. II, 28, 48]; по всей форме последняя примыкает к мотыгам сочи-адлерского типа, которые в IV—III тыс. до н. э. имели большое распространение как в Причерноморье, так и на Ближнем Востоке.

О значительном прогрессе металлопроизводства свидетельствуют находки на поселениях Испани и Анаклиа II форм для отливки трубчатобушных топоров и мотыг; в Испани найдена также деревянная модель топора. Эти два орудия являлись ведущими для культуры Западного Закавказья. Появившись в конце III тыс. до н. э. в поздних погребениях Сачхере, топоры впоследствии приобрели несколько разновидностей — узколезвийные изогнутые вислобушные парадные топоры сачхерского типа и два типа топоров, имеющих практическое назначение. Происхождение трубчатобушных топоров многими иссле-

дователями связывается с Передней Азией [Куфтин, 1941, с. 16; Джапаридзе О. М., 1961, с. 149, и пр.]. Однако в последнее время появилась теория их местного (колхидского) происхождения, базирующаяся на прослеживаемой единой линии развития трубчатобушных топоров на протяжении всей эпохи бронзы, а также на их концентрации в границах Западного Закавказья [Микеладзе, 1969 и др.]. Топоры являлись универсальным орудием и служили предметом широкого межплеменного обмена; их отдельные экземпляры обнаружены далеко за пределами Кавказа — в центральной России и в Придунайских странах. Мотыга использовалась исключительно в земледелии. Находки литейных форм двух типов мотыг свидетельствуют об их дифференцированном применении в сельском хозяйстве.

Таким образом, ведущими признаками западнокавказской культуры периода СБ, которая в целом датируется первой половиной II тыс. до н. э., следует считать поселения с срубными постройками на забутованной глиной деревянной платформе, специфическую керамику, часть которой украшена «жаберным» орнаментом, трубчатобушные топоры разных вариантов и бронзовую мотыгу. Эти признаки, восходящие к местным традициям, определили своеобразие культуры Колхиды и прилегающих к ней территорий на многие столетия.

Триалетская культура. Из всех культур СБ наиболее исследованной является триалетская культура (ТК). Ее первооткрыватель Б. А. Куфтин заложил основы изучения ТК; труды Б. А. Куфтина следует считать основополагающими. Значительный вклад в дело изучения ТК как на полевод, так и на интерпретационном уровне внес О. М. Джапаридзе; ему принадлежит, в частности, обобщающая характеристика ТК в подготовленном к изданию первом выпуске IV тома Археологии СССР.¹ Большую роль в изучении ТК сыграли работы Э. М. Гогадзе.

ТК известна преимущественно по погребениям нерядового характера. Ее специфическими признаками являются крупные курганные насыпи, огромные грунтовые могилы или наземные камеры с индивидуальными захоронениями, кремация покойников, наличие колесниц или погребальных лож, специфическая чернолощенная, реже расписная посуда; в богатых погребениях встречается бронзовое оружие, орудия труда, уникальные ювелирные изделия (золотые и серебряные сосуды, украшенные зернью, филигранью, чеканкой и вставными камнями, штандарты, тисненые обкладки деревянных предметов, медальоны, булавки, золотые и каменные бусы) [Куфтин, 1941; 1948; Джапаридзе О. М., 1969]. Таким образом, перед нами культура, характеризующаяся рядом своеобразных признаков, сложившихся в результате синтеза традиций и инноваций, бытовавших в недрах культурного развития Кавказа первой половины II тыс. до н. э.

Очагом распространения ТК считается Цалкинское плоскогорье и Гамаретское плато. В разных частях Южного Кавказа зафиксированы локальные варианты ТК [Путуридзе, 1983]. Один из них открыт в бассейне Артаанской Куры, в Джавахетии; по-видимому, он охватывает также северо-западные области Армении. Другой локализуется в северных областях Армении, в историческом Ташир-Дзорагете. Открытие курганов и поселений ТК в Алазанской долине указывает на распространение последней вплоть до Большого Кавказского хребта. На позднем этапе своего развития (называемом также кировакано-

триалетским этапом) ТК была распространена также во всем южном поясе Закавказья и отчасти на правобережье Аракса (рис. 33, 1, б).

В последние годы стала известна группа памятников, внесшая новый аспект в проблему генезиса ТК и других культур периода СБ. Они именуется по-разному — ранние курганы, курганы бедени-алазанского типа, памятники беденской культуры — и укладываются в отрезок времени между закатом КУАК и началом развития собственно культур периода СБ, в частности, ТК. На хронологическое положение этих комплексов, помимо типологического анализа предметов из погребений, указывает залегание «беденского» слоя на поселении Бери-Клдееби — первом бытовом памятнике этой культуры в Закавказье [Глонти, Джавахишвили, 1987]; эти же материалы говорят о возможном сосуществовании (на коротком отрезке времени) КУАК и беденской культуры. Полная публикация материалов Бери-Клдееби, добытых в результате применения к раскопкам строгой методики, должна способствовать прояснению проблемы беденской культуры, которая сегодня является одной из актуальных проблем кавказской археологии.

Памятники этого круга, открытые первоначально на плато Бедени, сейчас известны в достаточно широком ареале. Они обнаружены в районе Тбилиси (курганы Марткопи и Самгори), на левобережье Куры (Бери-Клдееби), в Алазанской долине (курганы Цнори). Находки беденской керамики в некоторых пунктах Армении, в гробницах Карабаха (Хаченагет) [Кушнарева, 1954] и дагестанского Прикаспия (Великент) [Гаджиев, 1987, табл. XXIV] указывают на радиацию этой культуры в различных направлениях.

Материалы ранних курганов дают основание говорить о преемственном развитии с предшествующей культурой, что особенно проявляется в гончарной и металлической продукции [Джапаридзе О. М., 1983]. В свою очередь эти курганы делятся на две хронологические группы. Старшая из них представлена курганами Триалети, Марткопи и Самгори близ Тбилиси.

В Триалети открыты просторные грунтовые могилы, перекрытые бревенчатым накатом и высокой каменно-земляной насыпью (рис. 34) [Куфтин, 1941, с. 101; Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, с. 10]. Курган Самгори имел огромную двуслойную насыпь, под которой находилась камера с двойными бревенчатыми стенами. Инвентарь могил отличается бедностью — несколько чернолощенных сосудов архаичного облика, медный кинжалыч, каменный топор. Марткопские курганы имели также двуслойную (сверху земляную, внутри каменную) насыпь [Джапаридзе О. М. и др., 1980; Джапаридзе О. М., 1983]. Высота самого большого кургана 13, диаметр 100 м. Под насыпью в центре, на древнем горизонте была установлена погребальная камера из двух вставленных друг в друга срубов; размеры внешнего 11×10, внутреннего 8×6 м, высота 2 м; пространство между срубами забутовано камнями: потолок камер — деревянный настил; пол выложен каменными плитами. Под насыпью другого кургана находилась камера, сложенная из каменных плит. Грунтовая камера со вставленным в нее срубом в Марткопи встретилась лишь однажды. В богатых курганах находилось по несколько человеческих скелетов, сопровождаемых разнообразным инвентарем, в то время как в рядовых могилах зафиксированы скромные одиночные захоронения.

Посуда больших курганов характеризует дальнейший этап развития гончарного производства Кавказа; она представлена крупными одноручными сосудами грушевидной формы, кружками, двуручными биконическими сосудами и др. Будучи более совершенной, она проявляется, однако, в деталях (лощение, элементы орнамента) генетическое

¹ Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность О. М. Джапаридзе за разрешение использовать материалы его рукописи для написания раздела «Триалетская культура».

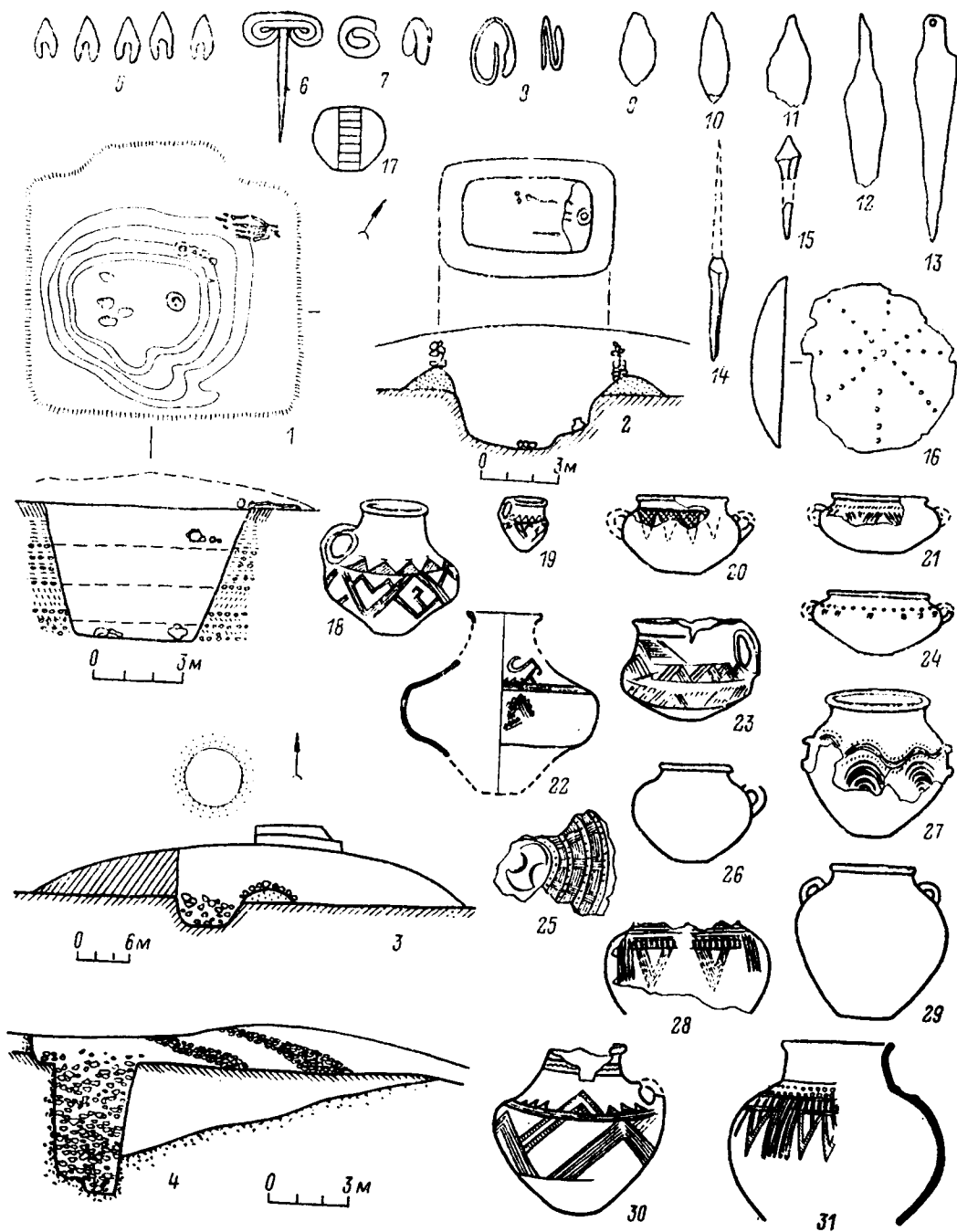

Рис. 34. Ранние курганы Триалети.

1-4 — планы и разрезы курганов XIX, XXIV, IV, X соответственно; 9-11, 32 — курган XIX; 14, 15, 22, 23 — курган XXIV; 5, 25 — курган XI; 6, 8, 26 — курган XXV; 18 — курган XIV; 19, 27 — курган XIII; 28 — курган XI; 31 — курган XLVI.
5, 9, 10 — обсидиановые стрелки; 6 — золотая булавка; 7, 8 — серебряные завитки; 17 — гематитовая булавка; 11-16 — медные изделия; 18-31 — керамика.

родство с керамикой КУАК. Прогресс заметен и в металлургическом производстве, представленном парадными топорами с украшениями на рукоятках и другими художественными изделиями. Развивается ювелирное дело, на что указывают золотые и серебряные бусы, полутораспиральные завитки, серебряный кинжальный клинок, украшения из сердолика, пасты, перламутра. Таким образом, несмотря на традиционность гончарных изделий, облик богатых курганов бесспорно контрастирует со скромными погребениями КУАК.

Следующий этап ранних курганов представлен погребениями Бедени, Триалети, Алазанской долины, Марнеульской равнины, что говорит об освоении их строителями новых территорий. Именно с этим этапом связано упоминавшееся поселение Бери-Клдеби. Особенно выразительную картину дали большие курганы высокогорного плато Бедени [Гобеджишвили, 1967, 1971, 1980]. Здесь, под крупными насыпями, находились большие грунтовые могилы, обложенные вертикально поставленными бревнами; пол могил устлан войлоком, циновками, звериными шкурами. В некоторых могилах находились скелеты, окрашенные охрой. В двух обнаружены скелеты людей, сопровождавших знатного покойника. В нескольких могилах стояли деревянные четырехколесные повозки. В огромную яму одного из курганов объемом 343 м³ был впущен деревянный сруб с деревянным полом и потолком. Труп умершего был помещен на колеснице; рядом лежали разукрашенные золотом носилки. Покойника сопровождали насильственно убитые женщина и юноша со скромным инвентарем. В могиле обнаружены части деревянной мебели и утвари, льняные и шерстяные ткани, войлочные ковры, шкуры животных, ювелирные изделия, плотницкие орудия, штандарты, парадные обсидиановые наконечники стрел и десятки сосудов (кружки, кувшинчики, миски, треножный сосуд, чайник), остатки разнообразной пищи.

Группа курганов этого времени открыта в низменной части Квемо-Картли — в с. Шулавери на Марнеульской равнине (рис. 35) [Джапаридзе О. М., 1975]. Она представлена небольшими курганами с каменно-земляной насыпью и грунтовыми могилами. В двух случаях зафиксированы одиночные скорченные захоронения. В могилах преобладала близкая беденской мелкая чернолощенная посуда на светлой «подкладке». Кроме того, здесь найдены два медных кинжальных клинка, четырехгранные шилья, обсидиановые и кремневые наконечники стрел, мраморная булава. В одном из курганов обнаружены плоский и тубчатобоушный топоры, желобчатое долото, клинок.

Среди памятников Алазанской долины к беденской культуре относятся два огромных кургана около с. Цнори (рис. 36) [Дадабришвили, 1979]. Диаметр самого крупного более 140 м, высота 11 м; объем насыпи 51 тыс. м³. Насыпь опоясана каменным «панцирем»; в центральной части под насыпью располагалось круглое сооружение из булыжника (святилище?). К востоку от него открыта глубокая погребальная камера (166 м²) с деревянным ложем, представляющим собой бревенчатый накат, опирающийся на вертикальные стволы. Насыпь второго кургана, также укрепленная «панцирем», составляла 1000 м³; объем ее могилы — 250 м³. Могила перекрыта бревенчатым накатом, обмазанным глиной. Накат и дно могилы устланы циновками.

В могиле первого кургана обнаружены четыре человеческих скелета, около одного из которых находились золотые украшения; по-видимому, он принадлежал основному погребенному. Кроме того, здесь были части деревянной повозки, посуда, золотые бусы, костяные и каменные наконечники стрел, бронзовый кинжал. Во втором кургане похоронены мужчина и молодая женщина; скопление золотых и серебря-

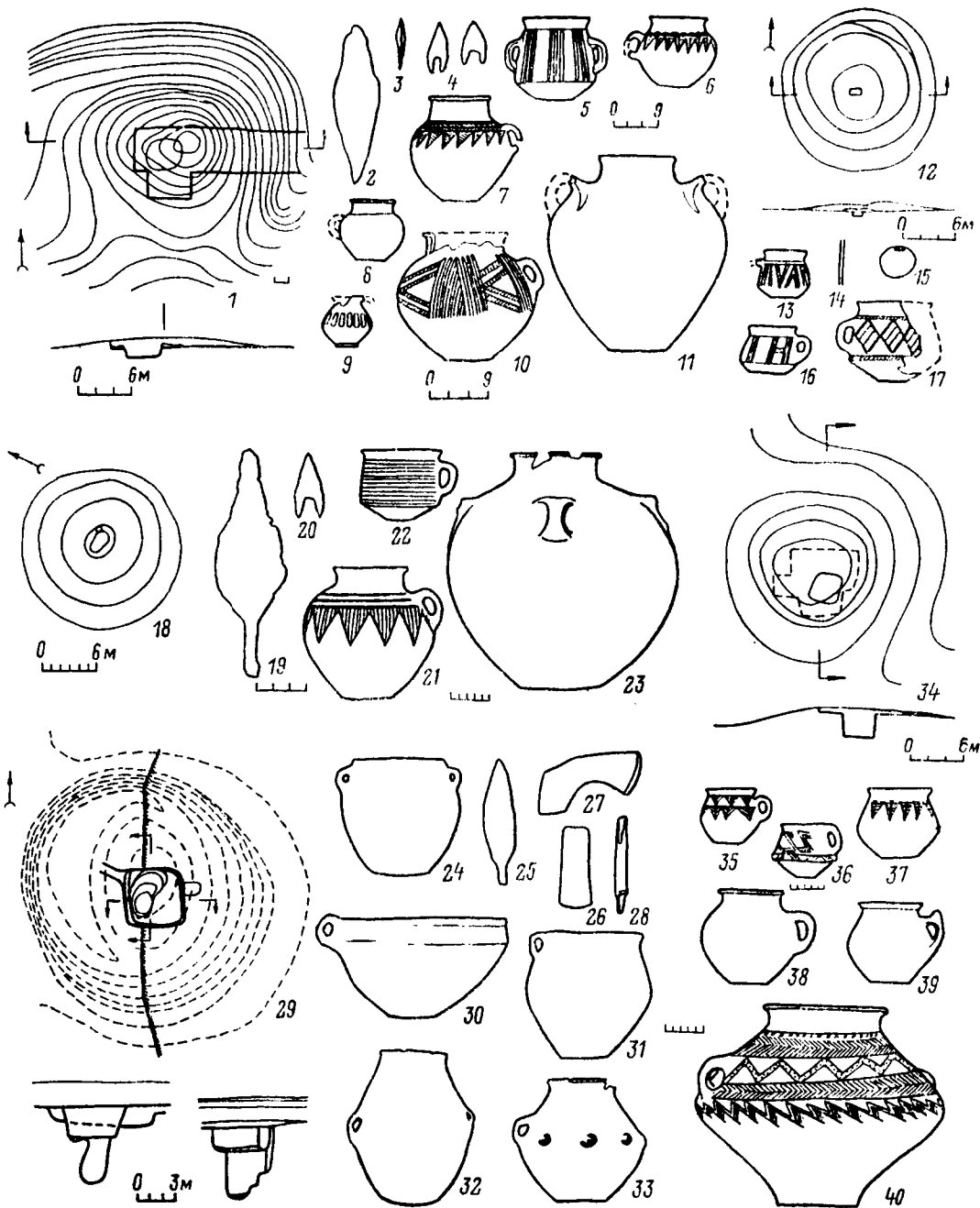

Рис. 35. Курганы около с. Шулавери.

1, 12, 18, 29, 34 — планы и разрезы курганов 4, 7, 6, 9, 5 соответственно; 2, 3, 14, 19—26 — изделия из меди; 4, 15, 20 — изделия из камня; 7—11, 13, 16, 17, 21—24, 30—33, 35—40 — керамика
2—11 — курган 4; 13—17 — курган 7; 19—23 — курган 6; 24—33 — курган 9; 35—40 — курган 5.

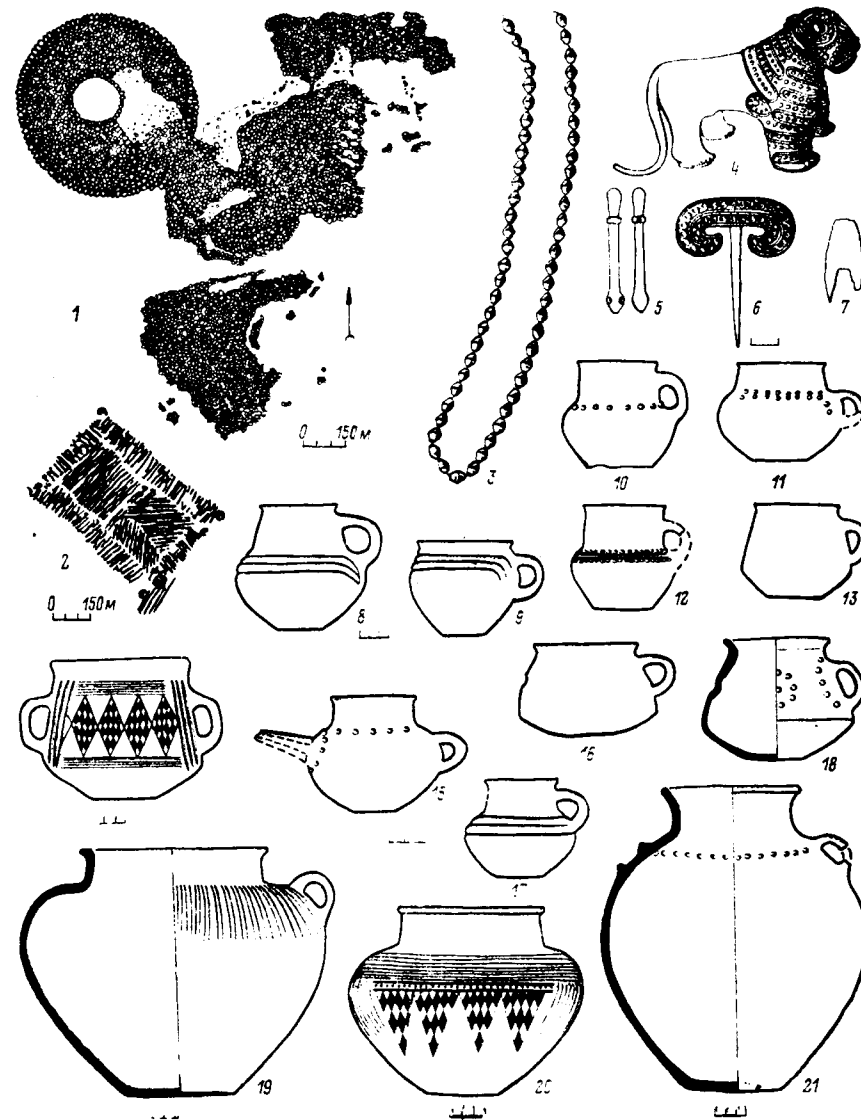

Рис. 36. Курганы около с. Цнор (Алазанская долина).

1 — план «святылища»; 2 — план деревянного настила над могильной камерой; 3 — золотое ожерелье; 4 — золотая фигурка льва; 5 — золотая поделка; 6 — серебряная булава; 7 — обсидиановая стрелка; 8—21 — сосуды.

ных украшений около мужчины при отсутствии инвентаря у женщины указывает на то, что она была, скорее всего, убита при совершении его похорон. Здесь также находились части повозки и многочисленный инвентарь (40 сосудов, золотые и серебряные булавки, бусы, золотые пластины и уникальная стилизованная фигурка льва, отлитая из золота). В Алазанской долине исследованы также рядовые погребения беденской культуры (Квемо-Кеди, Илто) [Дедабришвили, 1969, с. 60].

Уникальные материалы Беденских и Алазанских курганов демонстрируют дальнейший прогресс ремесленного производства. Это прежде всего сказалось на гончарной продукции; она представлена изысканной тонкостенной чернолощеной посудой, с доведенной до «металлического» блеска поверхностью и признаками, характеризующими время расцвета ТК. Высокий уровень деревообрабатывающего мастерства воплотился в деревянной утвари (треножные сосуды, чаши, блюда, шкатулки, подносы), сложных деревянных конструкциях курганов, а также в повозках с резными украшениями; в могилах найдены плотничьи инструменты — долота и плоские топоры. Несмотря на некоторый архаизм металлических изделий, восходящих к образцам КУАК, на прогресс металлургии указывает первое появление изделий из оловянистой бронзы (Цнори). Дальнейшее развитие ювелирного дела документируют предметы украшений; часть из них (двуволютные булавки) восходят к изделиям КУАК (Урбниси). Золотая фигурка льва из Алазанского кургана 2 уникальна; это самая ранняя в Закавказье скульптура животного. По ряду признаков, отличающих ее от передневосточных изображений, можно думать, что она изготовлена местным мастером. В целом Бедено-Алазанские курганы фиксируют неизвестный ранее яркий и своеобразный этап культурного развития Кавказа конца III тыс. до н. э., вызванного к жизни крупными социально-экономическими изменениями.

«Цветущая пора» ТК охватывает рамки первой половины II тыс. до н. э. Развитие экономики и усиление культурных связей с Югом привели к значительному подъему производительных сил и дальнейшему расслоению общества, что нашло свое яркое преломление в погребениях вождей племен и племенных объединений Цалкинского (Триалети — рис. 37—39)¹ и Зуртакетского плато, а также более южных областей Закавказья. Цалкинские курганы представляли собой каменные или каменно-земляные насыпи, перекрывающие обширные грунтовые могилы или наземные погребальные залы. Площадь одной из могил достигала 111 м²; к ней примыкал дромос [Куфтин, 1941, с. 79]. Среди Зуртакетских курганов наиболее выразительными являются огромные насыпи диаметром около 100 м. Под ними — просторные залы с каменными стенами. Площадь самого большого зала 175 м², высота 6 м; с восточной стороны к залу примыкал дромос. В одном из курганов длина дромоса доходила до 40 м. Крупные залы перекрывались системой бревен, состоящей из накатов и столбов [Джапаридзе О. М., 1969, с. 21]. Это были сложные монументальные сооружения, позволяющие судить о высоком уровне инженерно-строительной техники.

Отсутствие человеческих скелетов (в то время как кости животных встречаются постоянно) свидетельствует об обряде кремации. Несмотря на разграбленность могил, оставшийся инвентарь свидетельствует об их былом великолепии. В центре камеры обычно стояла

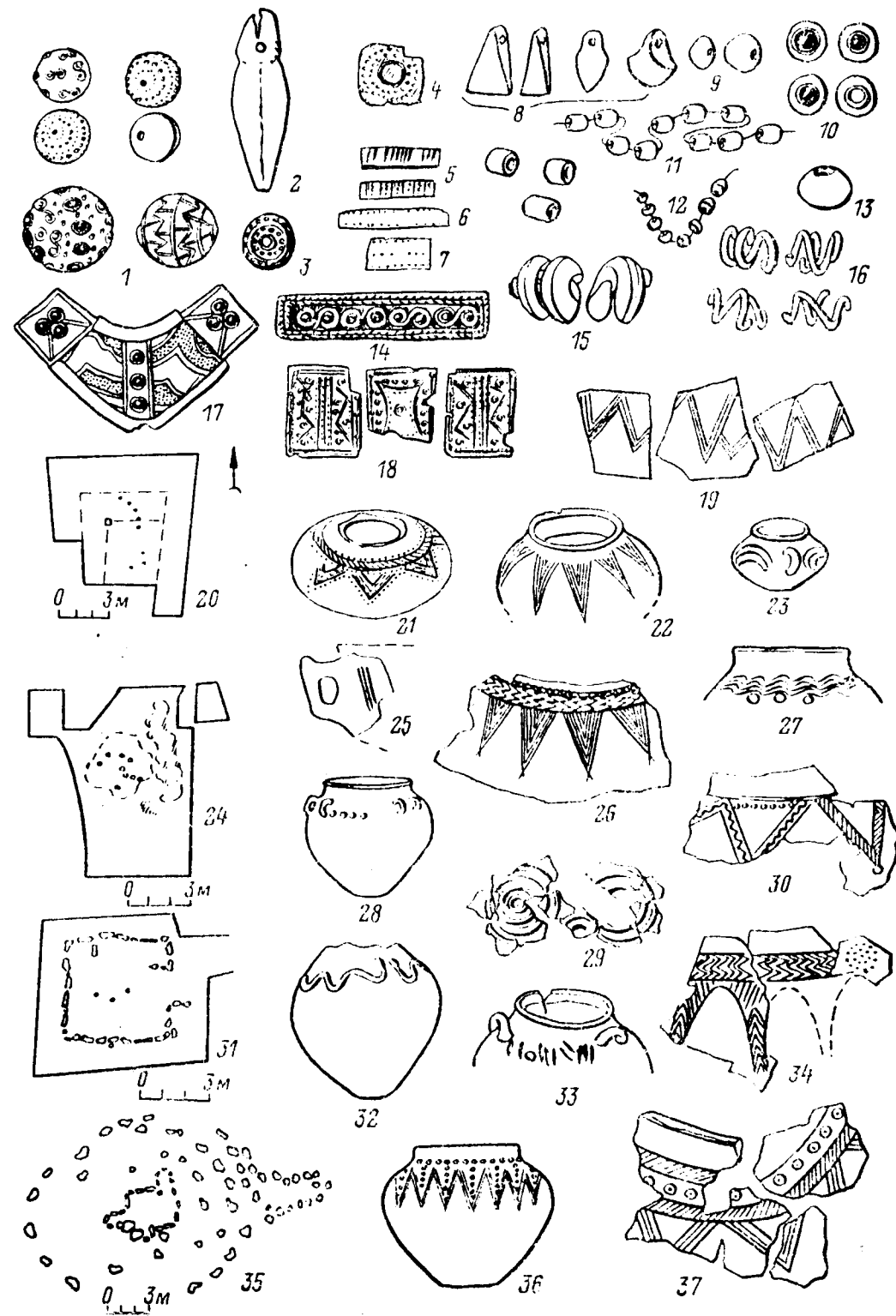

Рис. 37. Курганы Триалети (1 группа).

¹ Поскольку автор при составлении рисунков пользовался главным образом опубликованными материалами, масштабы под ними здесь и далее проставлены по мере возможности.

1, 3, 4-7, 11-16, 18 — изделия из золота; 2 — бронзовый кинжальчик; 8, 9 — сердоликовые подвески и бусы; 10 — сердоликовые бусы в золотой оправе; 17 — агатовый кулон в золотой оправе; 19, 21-23, 25-30, 32-34, 36, 37 — керамика; 20, 24, 31, 35 — планы курганов и погребений; 1, 3-7, 9, 10, 12, 13, 15, 17, 18, 23, 24, 26, 27, 30, 33 — курган VIII; 2, 21, 22, 29, 31, 37 — курган XVIII; 8, 11, 14, 20 — курган IX; 16 — курган XIV; 19, 28, 34 — курган XXI; 25 — курган XXXIX; 32 — курган XXIII; 35 — курган III; 36 — курган XLII.

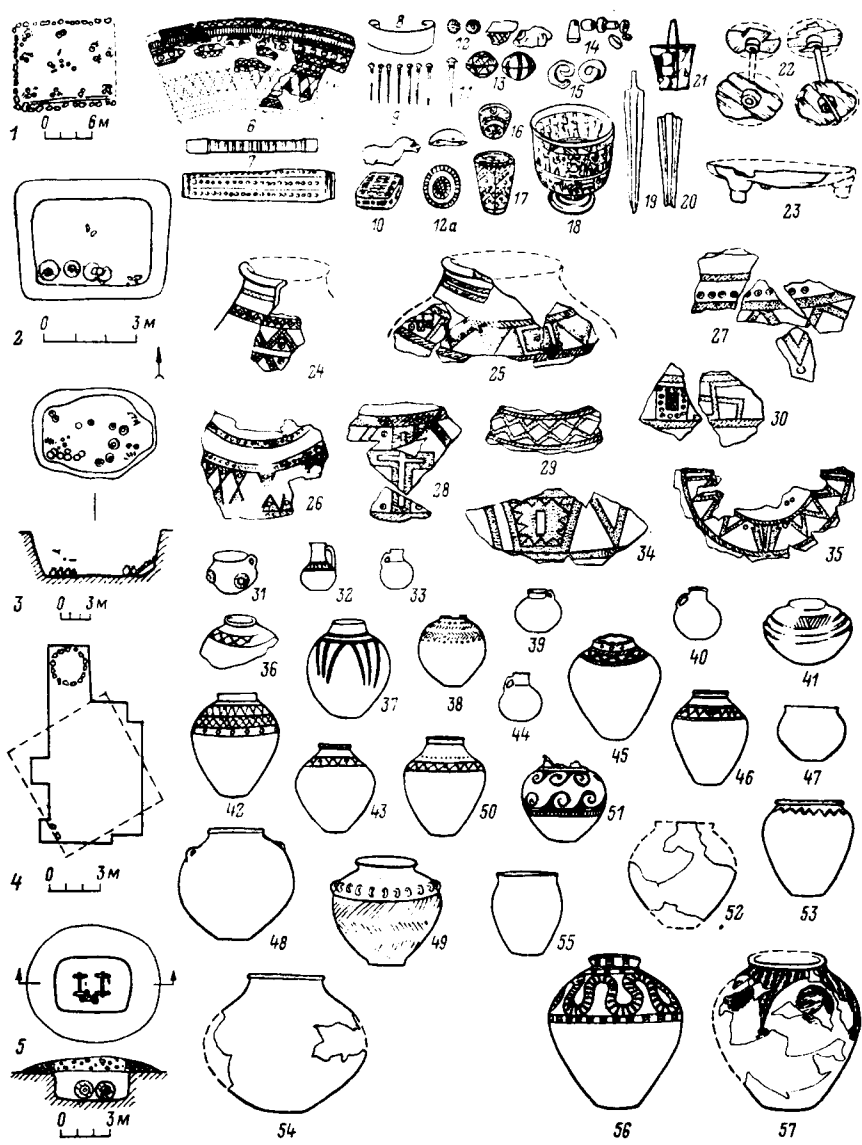

Рис. 38. Курганы Триалети (II группа).

1-5 — планы и разрезы курганов; 6-13, 15-17 — изделия из золота; 14 — сердоликовые бусы; 18, 20, 21 — изделия из серебра; 19 — бронзовый кинжал; 22 — остатки деревянной повозки; 23 — деревянный столик; 24-57 — керамика.
 1, 24-27, 29, 34, 41, 47, 49, 53 — курган XLII; 2, 6, 37, 45 — курган XVI; 3, 9-14, 16, 19, 21, 32, 33, 38-40, 42-44, 46, 50, 51, 56 — курган XVII; 4, 57 — курган VI; 5, 15, 20, 22, 23, 31, 36, 54, 55 — курган XXIX; 7, 8, 10, 18, 28, 48 — курган V; 17, 52 — курган XV; 24-27, 29, 30, 31, 49 — курган XLV; 35 — курган XXXVI.

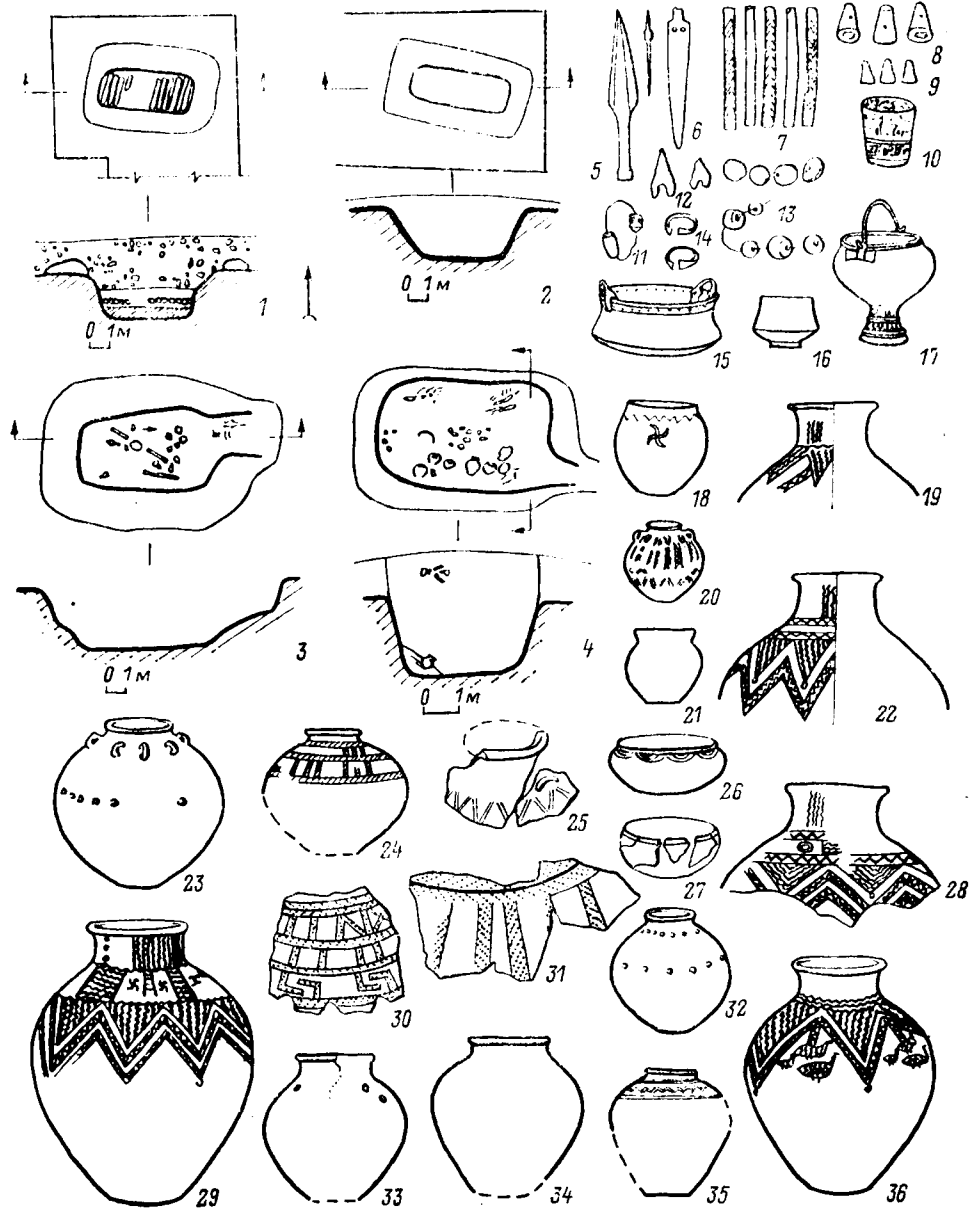

Рис. 39. Курганы Триалети (III группа).

1-4 — планы и разрезы курганов; 5, 6 — бронзовое оружие; 7, 8, 10 — части золотого штандарта; 9 — глиняная подставка для котла; 11, 13 — золотые и сердоликовые бусы; 12 — обсидиановые стрелки; 14 — медные колечки; 15 — медный котел; 16 — серебряная чашечка; 17 — бронзовая ваза; 18-36 — керамика.
 1, 19, 22, 27, 28, 31 — курган I; 2 — курган II; 3, 5-17, 20, 23-26, 29, 30, 32-34, 36 — курган XV; 4 — курган VII; 18, 35 — курган XXVIII; 21 — курган XXIX.

колесница или погребальное ложе, вдоль стен — крупные сосуды, изделия из дерева и драгоценных металлов, реже — орудия труда и оружие.

Другой мощный очаг ТК обнаружен, в бассейне Артаанской Куры [Джапаридзе О. М., Киквидзе, 1971, 1974; Джапаридзе О. М. и др., 1977, 1981; Церетели А. Т., 1981; Джапаридзе О. М., Авалишвили, Церетели, 1985]. Здесь, в высокогорных долинах, на речных террасах воздвигали группы курганов трех типов: с каменной, каменно-земляной насыпью и кромлехами (рис. 40). В каждой группе находится один крупный курган с каменной насыпью; второй тип имеет меньшие размеры; наконец, курганы с кромлехами — небольшие. Под насыпью находилась погребальная камера с дромосом; стены камер возведены на грунте из крупных глыб насухо; камеры перекрыты огромными плитами. Размеры самых крупных камер 6×3,9 м, высота 3 м. Почти все месхетские могилы содержали одиночные скорченные захоронения. Среди костей животных, как в Триалети, преобладали кости крупного рогатого скота. Внешнее сходство крупных курганов с триалетскими, а также характер находок свидетельствуют о том, что месхетские памятники представляют собой локальный вариант ТК. Сходство особенно проявляется в парадной посуде крупных курганов. В небольших курганах сосуды имеют более скромный облик и сохраняют черты КУАК. И здесь, как и в Триалети, зафиксировано малое количество орудий труда и оружия (рис. 41, 12, 22). Наличие могильников в высокогорной долине Ниала, а также в районе Аспиндзы свидетельствует об интенсивном заселении Месхети в период СБ.

Несколько иной тип погребений характеризует Нульский и Квасатальский могильники, где открыты коллективные захоронения с однотипным погребальным обрядом [Куфтин, 1949, с. 31; Джапаридзе О. М., 1955а, с. 231]. В могилах находилось до 10 скелетов, лежащих друг на друге. Инвентарь характеризуется большим количеством бронзового оружия и украшениями (наконечники копий и стрел, кинжалы, булавы, булавки, височные кольца, подвески, браслеты, бусы — рис. 41, 1—11, 13, 15, 16). Сосуды имеют сходство как с триалетскими, так и с месхетскими.

В Карталинской долине (Шида-Картли) памятники ТК открыты в окрестностях Цхинвали, Авневи, Приневи, Метехи и Гракали; их характеризует типичная посуда. В районе Тбилиси (Самтавро, Лило — рис. 41, 17, 18, 27, 28) были также открыты погребения ТК; в девяти подкурганых грунтовых могилах Лило находились одиночные захоронения. В самтаврской могиле, где зафиксирована кремация покойника, помимо сосудов триалетского типа, золотой поделки и кинжальных клинков, был, как и в Лило, найден длинный меч — «рапира» [Чубиншвили, 1948; 1957, табл. VIII; Гогадзе, 1976, с. 223].

Широко развернувшиеся в последнее десятилетие раскопки в Кახетии позволяют говорить о бытовании ТК и на территории Иором-Алазанского бассейна и распространении ее вплоть до Большого Кавказа. Любопытен в этом плане алазанский могильник Швиндиади, где центральные погребения с кромлехами были окружены рядовыми могилами; в первых встречается множество сосудов триалетского типа, находки же во вторых ограничиваются несколькими грубыми сосудами и, в редких случаях бронзовыми булавами. Богатые курганы исследованы в урочище Садуга. В их грунтовых могилах зафиксирован обряд кремации, кости крупного и мелкого рогатого скота, множество сосудов, бронзовые котлы, ювелирные изделия, а в одном случае — уникальный для ТК бронзовый меч [Пицхелаури, Дерабришвили, 1976, с. 17]. В Иорском ущелье известны также могильники Акакиант-Хеви,

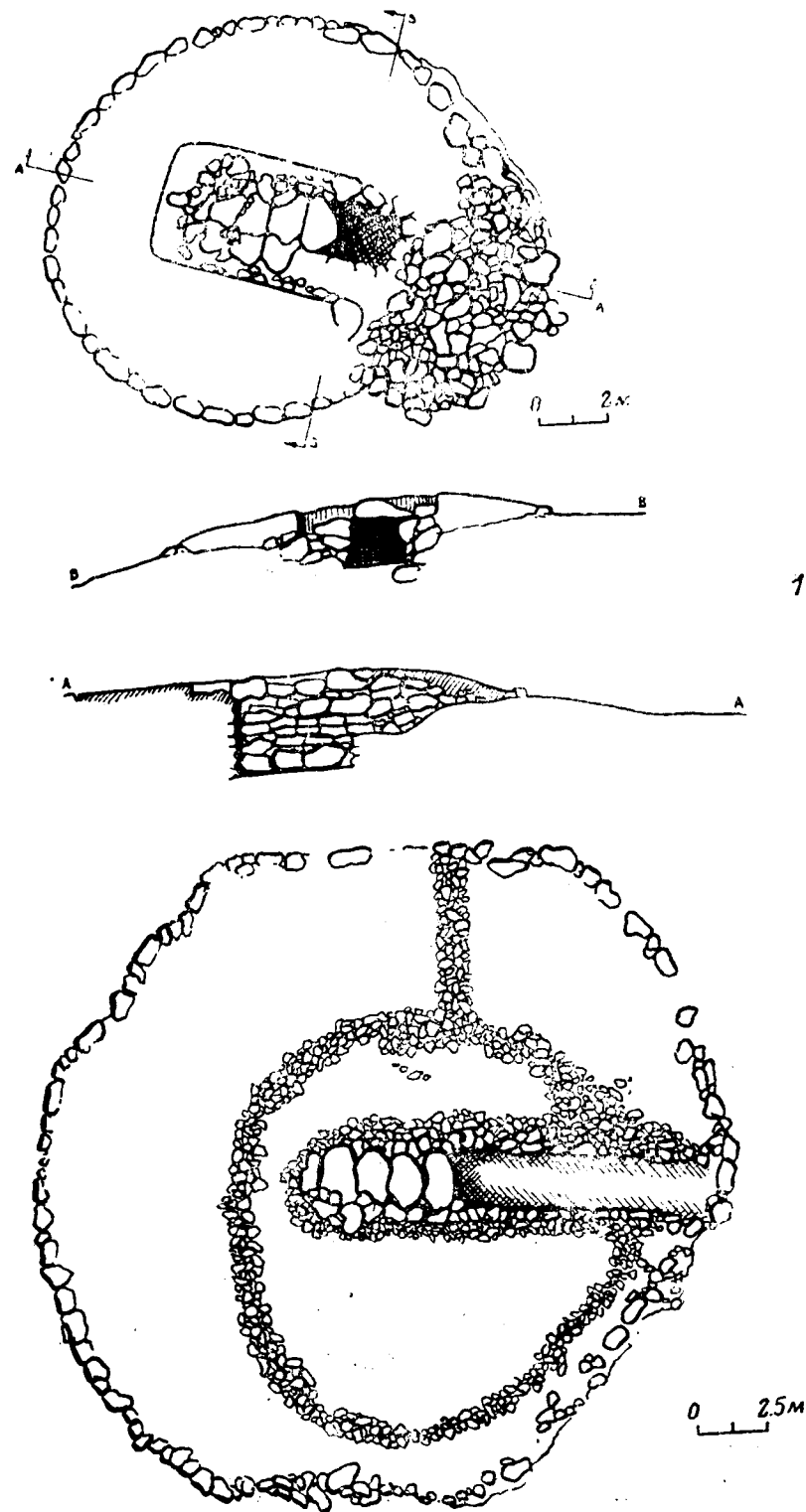

Рис. 40. Планы курганов Месхети.

1 — Чачкари 1; 2 — Чачкари 2.

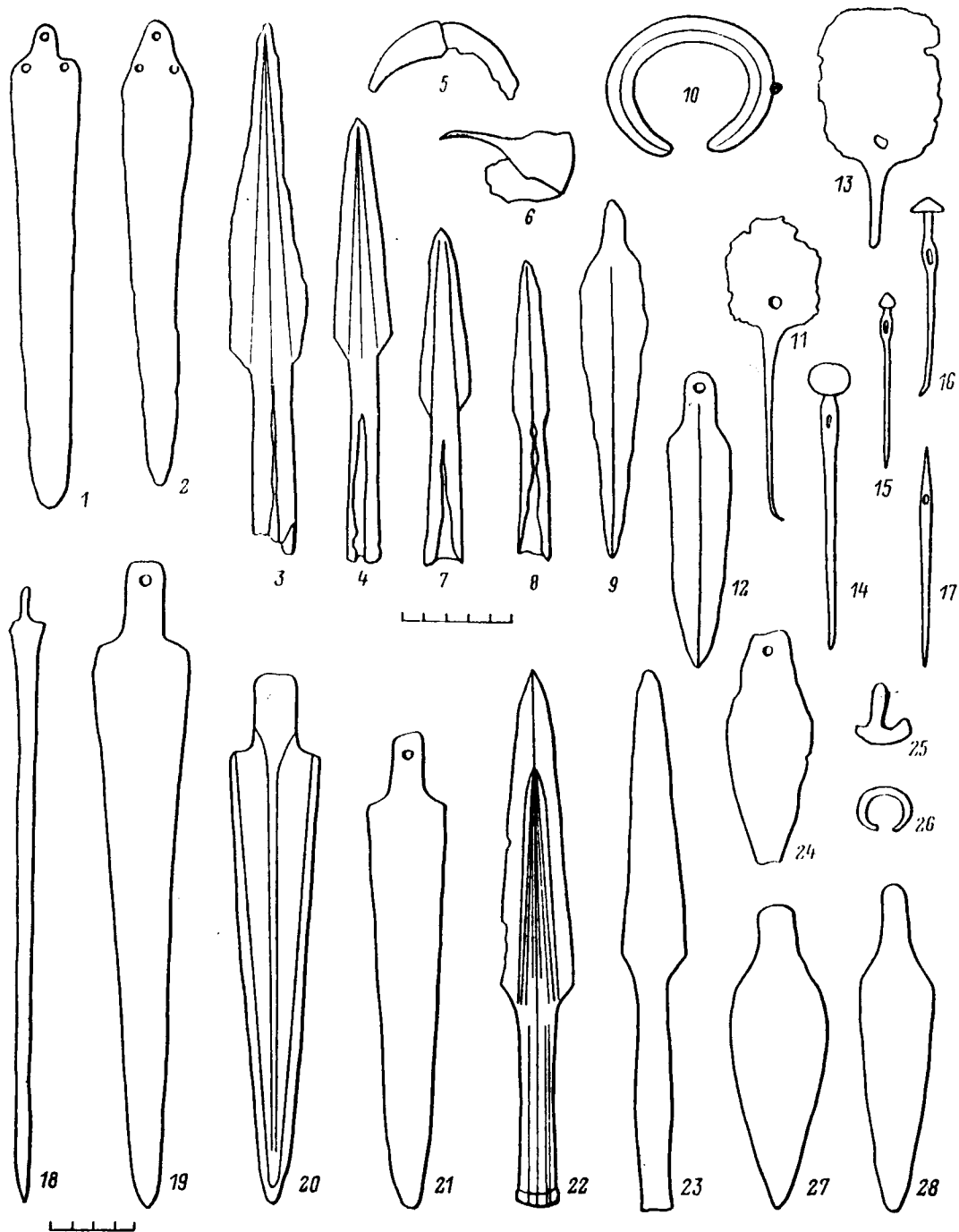

Рис. 41. Бронзовое оружие и украшения из могильников Грузии.

1—11, 13, 15, 16 — Нули; 12, 22 — Месхети; 14, 19, 21, 23, 26 — Метехи; 17, 18, 27, 28 — Лидо; 20 — Шулаверн; 24 — Диднахалисопели; 25 — Дзвели.

Пурцел-Цкали, Мцарэ-Цкали [Капанадзе, 1980, 1983, 1985]. В Алазанской долине открыто около 30 многослойных поселений, включающих слои периода СБ; они ждут своего изучения. Бесспорный интерес представляет поселение Илто, демонстрирующее преемственное развитие культур РБ и СБ [Дедабришвили, 1969, с. 39]. Оно располагалось на скальных террасах горного отрога; на нижней террасе находились прямоугольные жилища со стенами из легких деревянных конструкций, обмазанных глиной, и плоскими перекрытиями.

Все эти сходные по облику опорные комплексы на территории Грузии дали выразительные материалы для вычленения конкретных признаков ТК, стимулировали разработку вопросов генезиса, хронологии, периодизации, а также многосторонних связей ее носителей. В свое время намечены были и границы ТК в пределах Южной Грузии с радиацией в район верхнего течения р. Алазань и в предгорную зону Шида-Картли. Южная и восточная зона Закавказья (Армения и отчасти Азербайджан) при разработках общих проблем ТК оставалась до недавнего времени вне сферы внимания исследователей; предпринятая попытка выделения локальных вариантов ТК [Путуридзе, 1983] не заполнила образовавшегося пробела, ибо для этого было необходимо учесть весь разрозненный по отдельным публикациям и музейным коллекциям материал.

Именно такая работа была взята на себя автором настоящей книги. Среди проработанных нами многочисленных материалов по СБ Южного Кавказа, позволивших обосновать существование нескольких родственных культур в этом регионе, сразу же выделилась группа идентичных или близких по форме, а также стилю украшений крупных расписных и чернолощенных сосудов и округлых чаш или мисок, которые прекрасно сопоставлялись с «гидриями» и мисками таких хрестоматийных комплексов ТК, как курганы Триалети, Зуртакети, Кировакана, Месхети и др. Они обнаружены преимущественно на территории современной Армении и Азербайджана (рис. 42, 43); в основном происходят из доследованных погребений либо, будучи найденными случайно, фиксируют лишь пункты обнаружения на археологической карте исследуемого периода; одной из таких случайных находок может служить великолепно расписанная «гидрия» из с. Нижний Геташен (бассейн оз. Севан), свидетельствующая о существовании некогда на этом месте богатого погребения триалетского облика (рис. 42, 1). Среди доступных нам материалов оказалась также серия разнообразных металлических изделий; это парадное оружие, предметы заупокойного культа, изысканная утварь, ювелирные изделия.

Наконец, в последние годы, в связи с раскопками некрополя в районе с. Карашамб в Армении было сделано еще одно сенсационное открытие. Здесь исследован «царский» курган с богатым погребальным инвентарем триалетского облика, существование которого (как и кургана в Кировакане) выводит ТК на новый уровень познания. Оба эти памятника вместе с некоторыми другими находками, сделанными главным образом на территории Армении, прекрасно вписываются в характеристику ведущих признаков ТК, прослеженных в свое время на грузинских погребениях высокого ранга. Это крупные курганные насыпи, просторные грунтовые могилы или наземные залы, индивидуальные захоронения, обряд кремации, колесницы и погребальные ложа, чернолощенная и расписная посуда (в том числе крупные «гидрии» и полусферические миски), парадное оружие, золотые и серебряные сосуды, изысканные ювелирные изделия.

Таким образом, назрела острая необходимость привлечения всех упомянутых материалов из южных областей Закавказья к дальней-

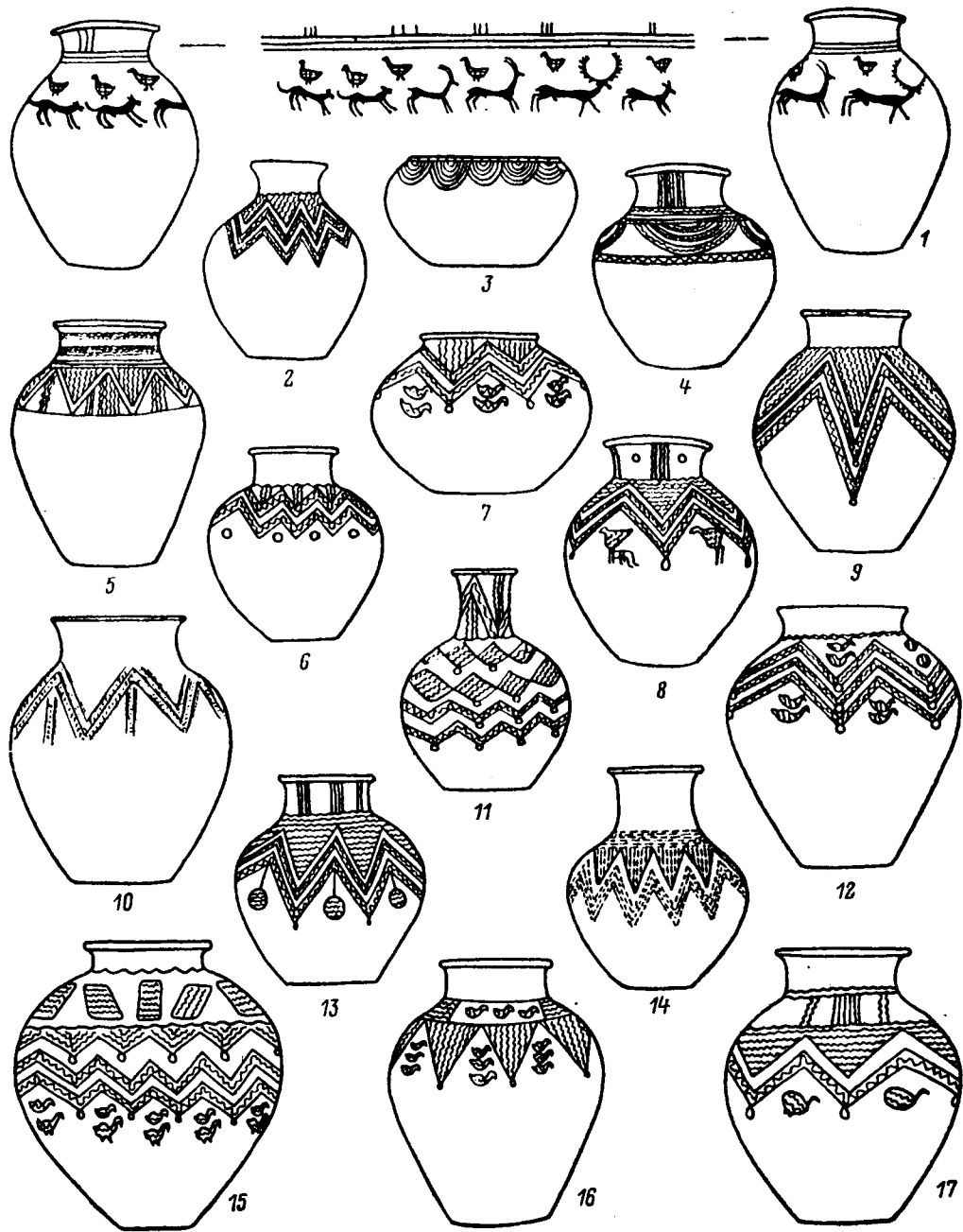

Рис. 42. Сосуды из могильников на территории Армении и Азербайджана.
 1 — Нижний Геташен; 2, 8, 9 — Амасна; 3, 4 — Мугни; 5, 10, 16 — Лячк; 6, 7 — Сисиан; 11 — Эч-
 миадзин; 12 — Камо; 13 — Агавнатуи; 14, 17 — Гарни; 15 — Зурнабад.

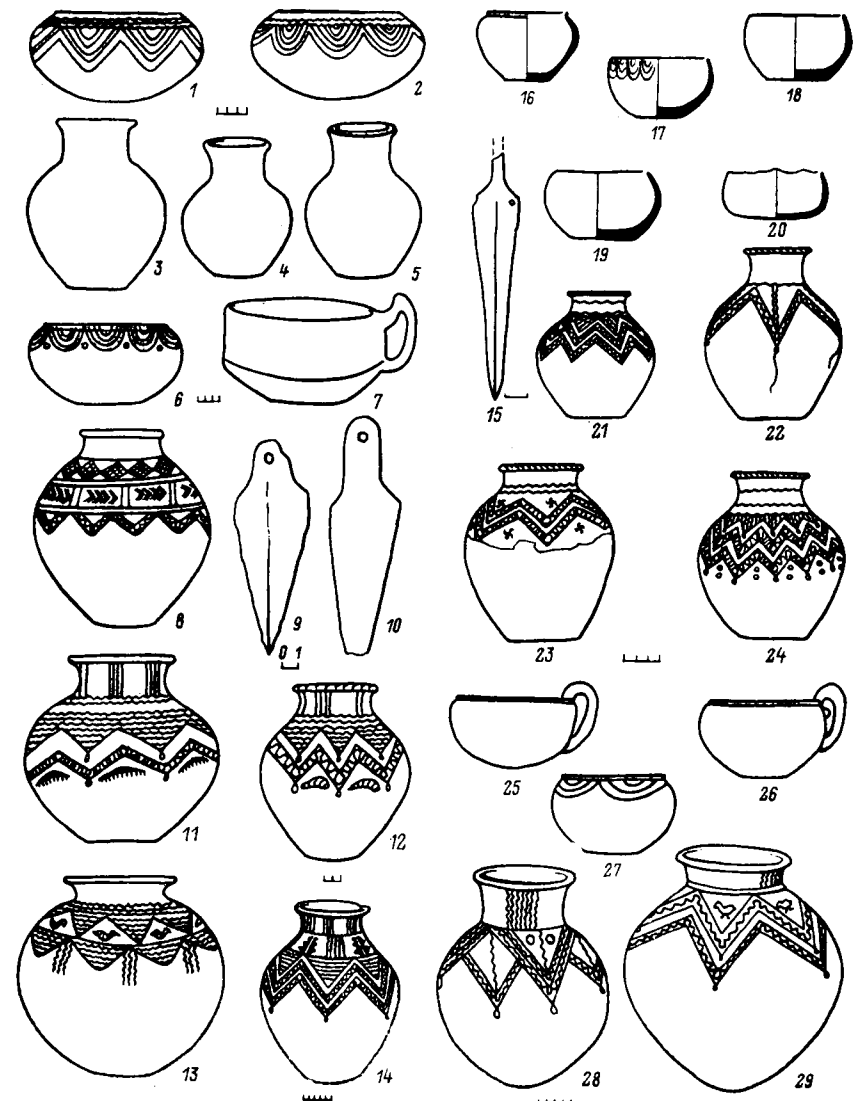

Рис. 43. Сосуды (1—8, 11—14, 16—29) и бронзовое оружие (9, 10, 15) из могильников
 на территории Армении.
 1—14 — Элар; 15—24 — Аванское шоссе; 25—29 — Воскеваз.

шим разработкам проблемы ТК в целом; при этом в первую очередь мы поставили вопрос о границах ее распространения [Кушнарева, 1992].

Учитывая то обстоятельство, что разрозненные материалы Южного Закавказья (в отличие от памятников на территории Грузии) либо опубликованы частично, либо вообще не опубликованы, мы остановимся на них более подробно. Необходимость такого подхода объясняется еще и тем, что нами предпринято их первое обобщение и научная интерпретация. До настоящего времени эти памятники оставались, как правило, вне рамок исследований общих проблем ТК.

Обращаясь к памятникам, расположенным вне территории Грузии — в южных и юго-восточных областях Закавказья, следует в первую очередь коснуться «царских» или «княжеских» погребений, давших наиболее полные, так сказать, хрестоматийные комплексы.

В доследованном Кироваканском кургане, под насыпью, на глубине 3 м, оказалась просторная грунтовая могила (пл. 30 м²), перекрытая бревенчатым настилом [Пиотровский, 1949а, с. 46; 1955б, с. 10; Мартиросян, 1964, с. 64]. Деревянный катафалк, стоявший в ее центре, служил, по-видимому, вместилищем праха кремированного покойника. По углам могилы располагались черепа и конечности быков. В камере находились расписные и чернолощенные «гидрии», украшенные напольно-ленточным и врезным орнаментом. Металлический инвентарь представлен частично уникальными предметами, не обнаруженными в других комплексах. Это топор-секира, втульчатый наконечник копья, плоский топор-тесло, долото, а также медный котел с крючком для доставания мяса и три бронзовых кинжала (рис. 44, 5, 6, 11, 12, 14, 15, 18—20). Покойного сопровождали изысканные предметы ювелирного искусства — золотая чаша с шестью парными фигурами львов, полусферическая серебряная чаша, серебряные кубки и ведро (рис. 44, 7—9, 13); золотые бусы, ленты из золотой фольги, покрывавшие деревянную шкатулку, сердоликовые бусы.

Карашамбский курган имел каменную насыпь. Под ней оказалась площадка (7×4 м) с каменной оградой, перекрытой бревенчатым накатом. Таким образом, здесь некогда находился погребальный зал. В могиле зафиксированы кремированные останки покойника, множество жертвенных животных и богатейший погребальный инвентарь, состоящий из предметов вооружения, символов власти, украшений и утвари, среди которых были уникальные изделия из драгоценных металлов [Оганесян и др., 1986; Оганесян, 1987, 1990]. Особое внимание привлекает серебряный кубок (рис. 44, 17; 45), который формой и стилем сюжетных композиций приближается к кубку из кургана XVII Триалети (рис. 46, 12).

На существование в рассматриваемый период резкой социальной стратификации указывают и другие погребения на территории Армении, отмеченные кремацией покойников, жертвоприношениями быков, изделиями из золота и другими ритуальными атрибутами, характерными для могил элитарной части общества. Однако в силу отсутствия их подробных публикаций или плохого состояния самих памятников они не дали столь полной картины, как Карашамбский или Кироваканские курганы. Это прежде всего погребение 6 Лори-Берда, богатые курганы Аруча, Айгешата, Воскеваза, Аванского шоссе.

Могила 6 Лори-Берда представляла собой просторную камеру, сложенную из крупных камней с ложным сводом и каменным перекрытием [Деведжян, 1981, с. 20]. Эта конструкция напоминает погребальные сооружения больших месхетских курганов. Погребение было нарушено в древности. Здесь зафиксированы обряд кремации, жерт-

Рис. 44. Парадное оружие, металлическая посуда и ювелирные изделия из могильников Армении.

1 — Воротна-Берд; 2 — Качаган; 3 — Дзора-ГЭС; 4 — Ангехакот; 5—9, 11—14, 16, 18—20 — Кироваканский курган; 10 — погребение в Эчмиадзине; 17 — Карашамбский курган; 15, 22 — Лори-Берда, погребение 6; 21 — Иджеван; 23 — Леннакан; 24, 25 — Навур.
1—6, 11, 12, 14—16, 18—25 — бронзовые предметы; 8—10, 13, 17 — серебряные сосуды; 7 — золотая чаша.

Рис. 45А. Серебряный кубок из Карашамбского кургана.

Рис. 45Б. Прорисовка изображений на серебряном кубке из Карашамбского кургана.

Рис. 46. Парадная посуда (4, 7, 8, 12, 13), оружие (2, 11, 14) и украшения (1, 3, 5, 6, 9, 10) из курганов Трналетн.
1 — курган XXII; 2–5, 13 — курган XVII; 6, 9 — курган VIII; 7 — курган VII; 8, 10, 14 — курган XV; 11 — курган XXXVI; 12 — курган V.

воприношения животных, расписные и чернолощенные «гидрии» с на-
кольню-ленточным орнаментом, многоручные «пифосы» с налелными
«пуговками», бронзовые котлы и крюк для доставания ритуальной пи-
щи (рис. 47).

Аручские курганы имеют крупные насыпи с кромлехами, под ко-
торыми находились обширные грунтовые камеры; в последних засви-
детельствован обряд кремации. В кургане 1 обнаружено около 45 со-
судов, среди которых много расписных, втульчатый наконечник копья,
бронзовый двуручный котел, обсидиановые наконечники стрел, золо-
тые украшения [Арешян и др., 1977; Арешян, 1979]. Среди посуды
обнаружены фрагменты светлоангобированных сосудов, возможно, им-
портного происхождения.

В просторных камерах курганного могильника около Эчмиадзина
были захоронены кремированные останки покойника. Наряду с распис-
ными «гидриями» и чернолощеными сосудами здесь находились брон-
зовые кинжалы, бронзовые части деревянных ножен, кольца, сердо-
ликовые бусы, обсидиановые и кремневые наконечники стрел. Возмож-
но, из этого же могильника происходит крупный высокогорлый рас-
писной кувшин с округлым туловом (рис. 42, 11).

Рис. 47. Лори-Берд. Погребение № 6.

1—17 — керамика; 18—19 — бронзовый котел и крюк для доставания ритуальной пищи.

Большой интерес представляют Маисянские курганы, расположенные на нижней террасе, окаймляющей Араратскую долину. Здесь под курганными насыпями находились большие камеры с дромосом. Погребения отмечены кремацией и жертвоприношениями быков. В кургане 7 стояла деревянная повозка. Среди находок преобладала чернолощенная посуда, украшенная гребенчатым штампом. В могилах обнаружены бронзовые кинжалы, в кургане же № 7 — бронзовая «рашира» [Арешян, 1985а, 1988а].

В могильнике с. Воскеваз в одной из просторных грунтовых могил находился прах кремированного. В камере обнаружено около 40 сосудов (расписные «гидрии», полусферические миски, «кнафы») (рис. 43, 25—29) и бронзовый кинжал [Арешян, 1973].

Еще одно погребение высокого ранга исследовано в с. Кирги [Есаян, 1976, рис. 83]. Здесь наряду с обрядом кремации совершено традиционное жертвоприношение быков. В могиле находились крупные расписные и чернолощенные «гидрии» [Есаян, 1976, рис. 83], бронзовые кинжалы и др.

Наконец, обряд кремации и жертвоприношения животных документируют исследованные погребения на Аванском шоссе [Есаян, Микаелян, 1977, табл. 11], содержавшие те же формы расписных сосудов, а также кинжальные клинки (рис. 43, 15—24).

Наряду с отмеченными погребениями высокого ранга, с признаками сожжения покойников и жертвоприношений быков, на территории Армении и Азербайджана в рассматриваемый период совершались захоронения, обставленные более скромно; вместе с тем ряд элементов материальной культуры (особенно керамика) свидетельствуют о принадлежности и тех и других к единой культуре. Эти курганные погребения характеризуются одиночными захоронениями, обычно в скорченной позе, на правом или левом боку; конструктивно могилы представляли собой «каменные ящики» (Айгешат, Агджакала,¹ Гарни) [Ханзадян, 1969, табл. VI] либо грунтовые могилы (Зурнабад) [Гуммель, 1941], (Элар) [Ханзадян, 1979а, рис. 101—108], которые в некоторых зафиксированных случаях были окружены кромлехами (Айгешат, Агджакала и др.). К сожалению, подробные сведения об этих памятниках отсутствуют; известно лишь несколько расписных сосудов (рис. 42, 14, 15, 17).

В рамках ТК бытовали также погребения коллективного характера. Так, в могильнике около с. Азнабюрд, в окрестностях Нахичевани, вскрыты небольшие грунтовые могилы, перекрытые каменными плитами. В них захоронены взрослые и дети. Среди находок расписная и кухонная посуда, бронзовый кинжал переднеазиатского типа, втульчатый наконечник копья [Алиев, 1967, с. 40]. Любопытно, что здесь отсутствуют крупные «гидрии», а традиционная роспись («схема воды») представлена в упрощенном варианте; эти признаки посуды наряду с отсутствием в могилах изделий из драгоценных металлов говорят о принадлежности азнабюрдских могил к погребениям менее высокого ранга. Напомним, что серия случайно найденных таких же сосудов хранится в Нахичеванском краеведческом музее (рис. 48).

В южных областях Закавказья известны десятки пунктов обнаружения материалов триалетского облика; это случайные находки, сделанные во время строительных либо сельскохозяйственных работ. Судя по характеру находок, подавляющая часть этих материалов происходит из разрушенных погребений. Приведем далеко не полный пере-

¹ Неопубликованные материалы из погребений в селениях Айгешат и Агджакала мне в свое время были любезно предоставлены ныне покойным Р. М. Торосьяном.

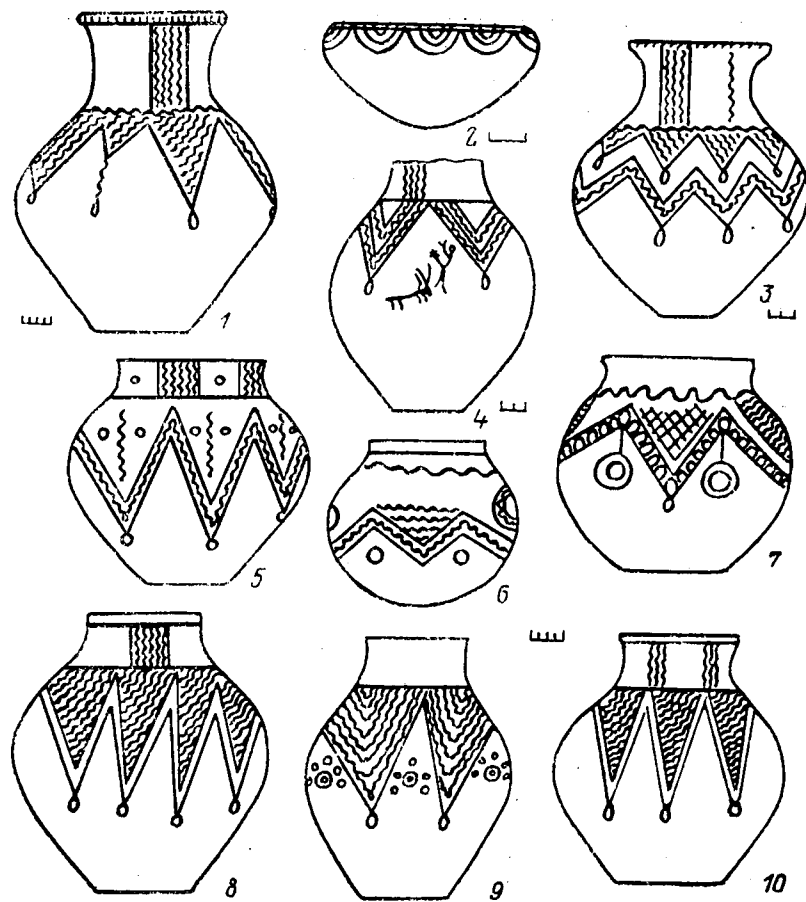

Рис. 48. Сосуды из Краеведческого музея г. Нахичевана (воспроизведены по рабочим зарисовкам А. А. Иессена).

1—3, 5—10 — происхождение неизвестно; 4 — Нахаджир.

чень этих пунктов: Агавнатун, Амасия, Мугни, Личк, Сисиан, Кармир-Берд, Нижний Геташен, Камо, Ахлатян, Сюни-Берд, Камакатар, Иджеван, Навур, Качаган, Воротна-Берд, Ангехакот, Дзора-ГЭС, Шор-Тапа, Нахаджир, Аликемек-Тепеси, Астапат и др. [Кушнарера, 1960, рис. 3, 14; Калантарян, Хачатрян, 1968; Куфтин, 1941, рис. 106; Мартиросян, 1964, рис. 35 а, б; Есаян, 1976, рис. 84; 1966, табл. V, 7, 8; Махмудов, 1979, с. 7, и др.]. В подавляющем большинстве этих пунктов найдены расписные и чернолощенные сосуды, традиционные для памятников ТК (рис. 42, 43). Особо следует отметить случайные находки парадного оружия, среди которого неоднократно встречены длинные мечи — «рапиры» (рис. 44, 1—4),¹ архаичные проушные топоры (23—25). К этой же категории находок относятся миниатюрная бронзовая имитация секиры из Иджевана (21), кинжальные клинки, отдельные ювелирные изделия, височные колечки и др. (10).

Наконец, в плане распространения памятников триалетского облика крайне важно отметить их обнаружение южнее Закавказья, на правом берегу Аракса. Это прежде всего курганный могильник в с. Малый Паргет (Карская обл.), в одном из погребений которого еще в на-

¹ Приношу благодарность О. Хникийану за предоставленную возможность публикации «рапир» из селений Воротна-Берд и Ангехакот.

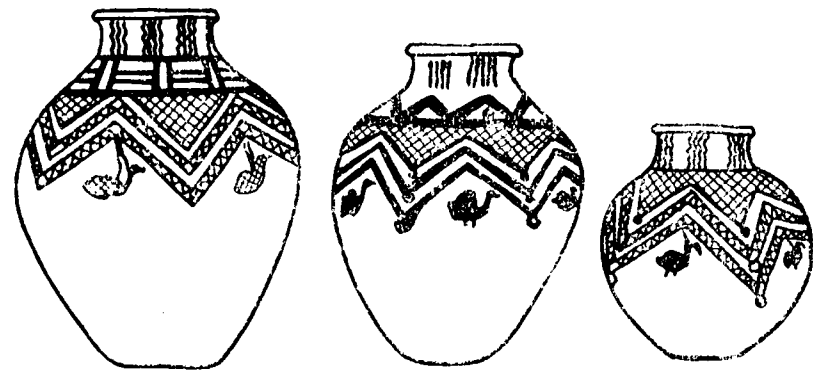

Рис. 49. Сосуды из района оз. Ван.

чале XX в. были обнаружены крупная расписная «гидрия» и фрагменты чернолощенных сосудов с накольчато-ленточными украшениями [Мартиросян, 1964, табл. III], а также три крупные красноангобированные «гидрии» с традиционной росписью в виде «схемы воды» (варианты спускающихся треугольников, заполненных волнистыми линиями) и водоплавающих птиц, случайно обнаруженные на юго-западном побережье с. Ван (рис. 49) [Cilingizöglü, 1984].

Как видно из приведенных материалов, подавляющее число находок представлено сосудами. Среди них преобладают расписные монохромные (по красному фону черная краска). Это либо крупные вытянутые или округлые «гидрии», расписанные «схемой воды» в сочетании с фигурами птиц, астральных и свастических знаков (а в единичных случаях — животных, рыб, змей) и глубокие полусферические миски или чаши, окаймленные гирляндами вписанных друг в друга полукружий. Среди сосудов встречаются также крупные чернолощенные «гидрии» и чаши с близким по стилю орнаментом, выполненным резным, накольчато-ленточным способом и гребенчатым штампом. Таким образом, как по форме, так и по способу нанесения и стилю украшения эти сосуды прекрасно сопоставляются с расписной и чернолощенной керамикой Триалетских курганов (№ I, II, VII, XV, XVIII, XXX, XLII; Сабит-Ахча № 5, Топ-Кар 1, 2), которые, согласно периодизационной схеме Э. М. Гогодзе, должны быть отнесены к последней (поздней) группе (рис. 39). Бурно развиваясь на базе внутренних экономических ресурсов и широких внешних связей, ТК в период бытования рассмотренных комплексов как бы достигает своего апогея. После открытия Кироваканского кургана этот период иногда именуют триалетско-кировкаканским.

Приведенные комплексы, а также отдельные находки сосудов и металлических изделий происходят в своем большинстве с территории Армении, в частности из Араратской долины. Этот факт должен стимулировать поиск более ранних памятников в этой части Закавказья. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в Аруче, Лори-Берде, Месхети и др. крупные расписные и чернолощенные «гидрии» и сопутствующие им чаши характеризуют исключительно богатые захоронения вождей; это особенно четко прослеживается по месхетским курганам, где в погребениях среднего уровня крупные расписные сосуды, как правило, отсутствуют, чернолощенная же посуда имеет небольшие и малые размеры. Можно предполагать, что большая часть рассматриваемых нами случайных находок из Южного Закавказья

казья происходит из погребений нерядового характера. В Восточном и Юго-Восточном Закавказье эта посуда известна пока лишь по нескольким доследованным погребениям (Зурнабад — рис. 42, 15; Азна-Бюрд) и по находкам на поселениях Кюль-Тепе I и Кюль-Тепе II [Абибуллаев, 1982, табл. XXVIII; Алиев В. Г., 1972]; в последних двух случаях встречены фрагменты расписной монохромной керамики, имеющей аналоги в находках некоторых погребений триалетского круга. В плане сказанного обращает на себя внимание упомянутая коллекция сосудов из Нахичеванского краеведческого музея, бесспорно происходящих из разрушенных погребений близлежащих могильников (рис. 48).

Таким образом, факт распространения памятников позднего этапа ТК на большей части Закавказья, вплоть до р. Аракс на юге, сегодня не вызывает сомнений. Вопрос о ее южных границах пока остается не уточненным, ибо на обширной и малоисследованной территории правобережья Аракса известны лишь единичные находки триалетского облика. К ним в первую очередь относятся расписные и чернолощенные сосуды из разрушенного погребения в с. Малый Паргет (Карская обл.). Судя по двум крупным расписным «гидриям» с характерной орнаментацией («схема воды», водоплавающие птицы) из музея г. Вана, ТК на юге охватила районы, прилегающие к Ванскому озеру. Намеченная в первом приближении по этим памятникам южная граница ТК вполне вероятно, ибо названные пункты, находящиеся ныне на территории правобережья Аракса, расположены на сравнительно близком расстоянии как друг от друга, так и от Араратской равнины. Вызывает некоторое недоумение присутствие крупного расписного сосуда позднетриалетского облика в музее г. Адана, находящегося на северо-восточном побережье Средиземного моря и территориально значительно оторванного от перечисленных выше пунктов. Присутствие его в этом музее может иметь двойное толкование: либо его следует воспринимать как результат распространения связей носителей ТК, сущность которых остается пока неясной, либо, что также допустимо, один из трех сосудов, хранившихся в Ванском музее, был передан в музей г. Адана; на эту мысль наводит большое сходство всех трех «гидрий», происходящих, возможно, из одного комплекса. Во всяком случае, предполагать, что юго-западная граница ТК доходила до Средиземного моря, у нас нет пока никаких оснований. Было бы также весьма заманчивым в юго-восточную границу ТК, на основании сходства посуды из поселений Хафтан-Тепе VIВ с позднетриалетской, включить приурмийские районы, тем более что эти районы непосредственно примыкают к области Начихевани, где отмечена концентрация памятников рассматриваемого круга. Однако отсутствие публикаций этих материалов и использование их лишь на основании сведений К. Рабинсон [Rabinson, 1977] заставляет пока отказаться от подобного вывода.

Таким образом, рассмотренные нами южнокавказские материалы значительно «наполняют» само понятие «триалетская культура» и способствуют выявлению подлинной территории ее бытования в XVII—XV вв. до н. э. Охватив большую часть Закавказья, ТК в этот период почти подступила к Большому Кавказу на севере, на юге же, «перешагнув» через р. Аракс, проникла в районы Карса, Вана и, возможно, Урмии; ее радиация из Закавказья не вызывает сомнений. Любопытно, что эта территория фактически совпадает с областью бытования куро-аракской культуры (или культурной общности) в период ее наибольшего распространения. Такое совпадение в дальнейшем должно найти свое объяснение.

Комплексы «цветущей поры» ТК ярко характеризуют такие аспек-

ты жизни ее носителей, как материальное производство, социальный статус, погребальные обычаи. Особенно впечатляют грандиозные наземные подкурганые залы и огромные деревянные срубы, впущенные в могилы; в курганах Триалети и Зуртакети залы достигали 200 м², их сооружение требовало трудозатрат больших коллективов, а конструктивная часть — высокоразвитой инженерной мысли и техники. В могилах установлены деревянные повозки; иногда повозку символически заменяла какая-то ее часть. Согласно О. М. Джапаридзе, обычай помещения усопшего на колесницу заимствован из Передней Азии, где погребения с повозками, запряженными быками, известны с конца IV—III тыс. до н. э. По своим особенностям триалетские колесницы напоминают колесницы из царских погребений Ура. Предполагается, что отсюда же заимствована и форма колесниц [Джапаридзе О. М., 1960, с. 18].

Самый массовый материал — керамика, среди которой много чернолощенной посуды «на розовой подкладке», свидетельствующей о сохранении древних традиций. Однако форма, качество и орнаментация посуды видоизменяются, совершенствуются. Для богатых курганов характерны крупные сосуды, для рядовых — небольшие. Первые представлены двумя типами: 1) низкогогорлые округлые с резными шевронами, выпукловогнутым орнаментом и наlepными шишечками; они тяготеют к керамике ранних курганов; 2) «гидрии» — сосуды с яйцевидным туловом, высокой шейкой и отогнутым венчиком; они более совершенны и украшены точечными узорами геометрического характера, нанесенными «шагающей гребенкой». Градация керамики хорошо прослеживается на Месхетских курганах; в богатых комплексах встречаются крупные округлые сосуды и высокогорлые «гидрии»; в рядовых — посуда грубее, с бурой поверхностью; ее архаичные черты отражают традиции КУАК.

Расписные сосуды в Триалети и Зуртакети найдены преимущественно в богатых курганах; однако по сравнению с чернолощенными они составляют небольшой процент. Особая концентрация расписных сосудов наблюдается в южных областях региона, в частности в Араратской долине. Традиционными являются красноангобированные сосуды с черной росписью в виде шевронов, заполненных волнистыми линиями («схема воды»), между которыми изображены птицы, символические знаки. В могилах Триалети находилось несколько сосудов со светлой поверхностью и коричневатой «ковровой» росписью. Появление «моды» расписывать посуду, по-видимому, следует связывать с южным влиянием, причем наиболее близки сопоставления с керамикой средиземноморско-малоазиатского круга. Однако вся керамика ТК является продуктом местного гончарного производства.

Для богатых погребений характерно небольшое число медно-бронзовых орудий и оружия. Особняком стоит Кироваканский курган, который отличается от других погребений высокого ранга присутствием относительно многочисленных предметов парадного вооружения и орудий труда (топор-секира, копье, плоский топор, долото); появившись впервые, они знаменуют собой наступление нового этапа металлообрабатывающего производства. Втульчатый наконечник копья идентичен триалетскому (ср. рис. 44, 5 и 46, 14).

Втульчатые наконечники копий характеризуют наиболее богатые погребения ТК. В курганах Триалети, Месхети, Кировакана, Аруча обнаружено по одному парадному экземпляру. В могилах Нули и Квасатали находилось по несколько экземпляров этого вида оружия (рис. 41, 3—8). Аналогичные находки на Северном Кавказе (Первомайское, Турчи) указывают на их проникновение и в эти области.

Ближайшим аналогом парадным копьям с золотыми и серебряными обоями на втулке (Триалети, курган XV; Месхети, курган 3; Кировакан) являются копья из Сирии (Рас-Шамра I), датируемые XVII—XV вв. до н. э. [Куфтин, 1941, с. 87, 93, 96; Schaeffer, 1948, fig. 45a; 49, 9. 10]. Их бытование в Закавказье трактуется по-разному: как сирийский импорт [Мартirosян, 1964, с. 64], как изделия местных мастеров, прототипами которых послужили сирийские образцы [Джапаридзе О. М., 1969, с. 162].

Пока уникальной остается кироваканская бронзовая секира (рис. 44, 11). Ее датировка, обоснованная всем комплексом находок в погребении, дает возможность придать культурно-хронологическую атрибуцию вариантам архаичных топоров, обнаруженных вне комплексов в Лениакане, Навуре (23—25) [Мартirosян, 1964, рис. 27; Есяян, 1966, табл. V, 7, 8]; Грма-Геле, Гумбати, Бодорна [Куфтин, 1941, рис. 20; Джапаридзе О. М., 1969, с. 60]. Все упомянутые топоры характеризуются шестигранным туловом и кососпущенным обухом. На Северном Кавказе подобные экземпляры происходят из Грозненской обл. (с. Первомайское) и Дагестана (с. Хоредж); последний почти полностью повторяет форму кироваканской секиры [Котович В. Г., Котович В. М., 1973, с. 77].

Описанный тип оружия хорошо известен по памятникам Передней Азии III тыс. до н. э. Прототипами южнокавказских топоров, по-видимому, следует считать оружие из VI слоя Тепе-Гавра [Куфтин, 1941, с. 18], анатолийского Кюль-Тепе [Мартirosян, 1964, с. 61] и особенно из VI слоя Телль-Билла (III тыс. до н. э.). Таким образом, намечаются достаточно широкие границы бытования архаичных секирообразных топоров, которые, появившись в Передней Азии в III тыс. до н. э., по-видимому, уже в начале II тыс. до н. э. стали проникать на Южный Кавказ. Среди кавказских находок периода средней бронзы самыми ранними следует считать экземпляр из Лениакана, а самой поздней — кироваканскую секиру; последняя является исходной формой секир закавказского типа, широко бытовавших на Кавказе в эпоху поздней бронзы.

Плоский топорик кироваканского погребения (рис. 44, 12) для этого периода является редкой находкой; он имеет сравнительно короткую рабочую часть. Плоские топоры на Южном Кавказе появились в III тыс. до н. э. Это подтверждают топоры из Дигоми, а также и из клада в Ереване, форма для отливки из Квацхелеби [Джавахишвили А. И., Глонти, 1962, табл. 1; Мартirosян, Мнацаканян, 1973, рис. 47].

Кироваканское долото (рис. 44, 6) восходит к архаичным вариантам черенковых орудий. Последние встречены в памятниках беденской культуры (Марткопи, Шулавери — рис. 35, 28); на Северном Кавказе подобные долота известны из Больших кубанских курганов [Иессен, 1950, табл. 3—4, 7]. В богатом кургане 31 в урочище Клады, в частности, найден набор столярных инструментов, среди которых имеются два долота [Бочкарев, Резепкин, 1983; Резепкин, 1991]. В конце II тыс. до н. э. получают широкое распространение желобчатые долота, часто включающиеся в погребальный инвентарь богатых захоронений (Лчашен, Толорос, Ходжалы, Арчадзор) и погребений ремесленников [Кушнарева, 1977в, с. 95]. Наконец, следует упомянуть медные котлы и бронзовые крюки (Триалети, Кировакан, Лори-Берд), использовавшиеся во время совершения обряда тризны (рис. 44, 14—16, 22) и продолжающие бытовать в эпоху поздней бронзы (Толорос, Арчадзор, Ходжалы).

Кинжалные клинки в погребениях представлены несколькими ти-

пами. Большинство архаичны и не отличаются от клинков КУАК; эти типы сопоставляются с кинжалами Переднего Востока и Средиземноморья второй половины III — первой трети II тыс. до н. э. и встречаются также в других культурах периода СБ Южного и Северного Кавказа. Среди триалетских комплексов есть несколько кинжалов более развитой формы, в частности серебряный клинок из кургана XXIX с резко профилированным лезвием. В Нульских и Квасатальских могилах прослеживается сочетание их примитивных и развитых форм.

О контактах с эгейским миром говорят находки специфических мечей — «рапир», обнаруженных как в комплексах ТК (Самтавро, Лило) [Чубинишвили, 1948; Гогодзе, 1976, с. 233], так и случайно при строительных работах в разных пунктах Армении (Дзора-ГЭС, Качаган, Ноемберян, Ангехакот — рис. 44, 1—4) [Арешян, 1973, с. 40]. «Рапира» из Дагестана (История Дагестана, 1967, с. 63, рис. 26), бесспорно, попала туда с юга. Это оружие примыкает к «рапирам» крито-микенского круга, откуда, очевидно, первые экземпляры были завезены в Закавказье [Ломтатидзе, 1974, с. 132]. Однако сходство известных кавказских «рапир» как будто свидетельствует в пользу их местного происхождения.

Богатые погребения ТК содержали разнообразные ювелирные изделия [Джапаридзе Н. О., 1981а, 1981б]. Они уникальны и не имеют прямых аналогов в синхронных культурах Кавказа, Передней и Малой Азии. Это изделия из золота, серебра и бронзы; часть из них украшена вставками из полудрагоценных камней и пасты, чеканкой, зернью. Особую категорию находок составляют золотые и серебряные кубки, чаши, ведерки. Видное место занимает кубок червонного золота из триалетского кургана XVII с двойными стенками, переходящими в низкую ажурную ножку (рис. 46, 4). Снаружи кубок украшен накладными спиралями, обрамленными витой проволокой и вставными полудрагоценными камнями. Мотив аналогичных спиралей на сосуде из того же кургана позволяет считать его изделием местных мастеров [Куфтин, 1941, с. 93].

Столь же значительный интерес своей уникальностью вызывает серебряные ведерко и кубок из курганов V и XVII (рис. 46, 12, 13). На ведерке, окаймленном золотом, изображена ритуальная сцена охоты, выполненная рельефом. Кубок изготовлен из цельной серебряной пластины. Он имеет цилиндрическую форму и высокую ножку. Композиция состоит из двух фризов: внизу девять оленей — самцов и самок, следующих друг за другом, выше — процессия из 23 ряженных мужских фигур с кубками в руках; в центре, на троне перед алтарем сидит такая же, но более крупная мужская фигура; сзади нее священное «древо жизни». Композиция привлекала внимание многих исследователей и получила большие разночтения [Куфтин, 1941, с. 84; Ушаков, 1941; Амираншвили, 1947; Чиковани, 1947; Бардавелидзе, 1957, с. 94; Бериашвили, Схиртладзе, 1984; Джапаридзе Н. О., 1988, с. 8]. Строгая ритмичность изображений, элементы костюмов персонажей и их зооморфные маски дают основание сопоставлять этот сосуд с памятниками хеттско-малоазиатского круга [Меликишвили, 1965а, с. 20]. Вместе с тем в композиции «читается» ряд специфических черт, позволивших Б. А. Куфтину [1941, с. 90] предположить кавказское происхождение кубка: здесь и своеобразное облачение персонажей, и общий стиль изображений, и связь кубка с другими изделиями ТК [Джапаридзе Н. О., 1975, с. 195; 1981а].

Среди изысканных ювелирных изделий рассматриваемых комплексов привлекают также внимание два шедевра древней торевтики — серебряный кубок из кургана № 1 Карашамба (рис. 44, 17; 45) и зо-

лотая чаша из Кироваканского кургана (рис. 44, 7). Карашамбский кубок является «близнецом» знаменитого серебряного кубка из Триалетского кургана V; напомним, что неоднократно интерпретировавшаяся композиция последнего получила недавно новое толкование [Арешян, 1988б]. Карашамбский кубок изготовлен идентичными технологическими приемами, что и триалетский, и имеет ту же форму и пропорции. Роднят их и рельефные изображения, расположенные фризами. Однако на карашамбском кубке вместо двух мы видим шесть фризов, предельно насыщенных сложными композициями с участием людей и животных, окруженных множеством различных реалий того времени. Высказано предположение, что они передают единый мифический сюжет, прочтение которого проясняет этническую атрибуцию общества, создавшего эти шедевры [Оганесян, 1988; Арешян, 1988]. Остановимся на них подробнее (рис. 45, Б).

В верхнем фризе изображена охота на вепря, в которой участвуют охотник с собакой, львы и леопарды. Второй фриз композиционно состоит из трех взаимосвязанных частей: война, конвоирование пленного, ритуальное торжество; они насыщены многочисленными деталями, позволяющими воссоздать вооружение противоборствующих сторон, а также особенности культовой атрибутики. На третьем фризе группа сцен передает сюжеты победы и избиения врагов; среди них есть и аллегорические сюжеты с фантастическими существами. Центральной сценой является убийство вражеского вождя; здесь можно почерпнуть также дополнительные сведения о вооружении воинов. Четвертый фриз состоит из вереницы движущихся хищников — львов и леопардов. Пятый — орнаментальный. И наконец, шестой, опоясывающий ножку кубка, передает все тех же хищников, но уже в геральдическом противостоянии.

Если связывать композиции в единый сюжет, то начало его сводится к охоте на вепря, после убийства которого вспыхивает война, следует гибель множества ее участников и победа одной из враждующих сторон. Схватка, изображенная на кубке, предположительно восходит к какому-то легендарному сражению, перенесенному позднее в мифологическую сферу.

По целому ряду признаков карашамбский кубок трактуется как продукт малоазийско-закавказского культурного ареала, испытавшего на себе месопотамское влияние [Оганесян, 1988, с. 155]. Высказано предположение, что реалистичность изображений и их динамика должны расцениваться как аргумент в пользу их связи с мифологическими представлениями и основанной на них художественной традиции большого культурного ареала, куда входит и Армянское нагорье, и сопредельные с ним области [Оганесян, 1988].

Проведенные сопоставления отдельных сцен и всего сюжета на карашамбском кубке с мифотворчеством ряда архаичных народов, запечатленными предметами искусства, устной и письменной традициями, указывают как будто на их индоевропейскую, мифологическую основу [Арешян, 1988б; Оганесян, 1988]. Факт же нахождения в памятниках ТК двух близких шедевров древней торевтики — триалетского и карашамбского кубков — при отсутствии аналогий за пределами ее распространения подчеркивает их местное (в широком смысле слова) происхождение.

Золотая чаша из Кироваканского кургана также сделана из платины (рис. 44, 7). По форме она повторяет золотую чашу из Триалетского кургана VII (рис. 46, 7); в отличие от последней она декорирована: в широкой ее части, между двумя орнаментальными поясами, имеются чеканные изображения шести львиных фигур, стоящих по-

парно друг против друга. Изображения поражают тонкостью передачи деталей, изяществом исполнения. Они решены в той же манере, что и львы на карашамбском кубке, и взятые вместе напоминают некоторые памятники хеттского искусства. Изображения львов в памятниках ТК встречены еще дважды — на золотом «барабане» из Триалетского кургана XV (рис. 46, 10), а еще раньше — в литой фигурке Цнорского кургана II (рис. 36, 4). Несмотря на «львиный» сюжет, тяготеющий к переднеазиатскому искусству, по форме кироваканская чаша и упомянутая чаша из Триалети с их характерным поддоном очень близки закавказским керамическим сосудам периода СБ. Это прослеживается при их сопоставлении с чашами поселения Узерлик-Тепе в Мильской степи, где в глине повторяются все детали вплоть до поддона [Кушнарева, 1965, рис. 25].

В богатых курганах ТК встречаются также ювелирные изделия, представленные крупными сферическими бусами, украшенными зернью, елочным орнаментом, ломаными линиями, булавками с шаровидной золотой головкой с вставленными цветными камнями, височными завитками, напоминающими переднеазиатские образцы. Среди них особое место занимает агатовый кулон в золотой оправе, который с найденными в погребении золотыми бусами, отделанными зернью и вставными камнями, очевидно, составлял ожерелье (рис. 37, 1, 17; 46, 6). Кулон неоднократно сопоставлялся со знаменитым кулоном из Урука, хотя последний значительно крупнее триалетского и несколько отличается по форме. Еще одну категорию ювелирных изделий составляют «штандарты» и трубочки из листового золота, украшенные тиснением в виде фигур львов, шишечек и др. Особо изящны ларцы с золотыми перегородками, инкрустированные камнями. Они напоминают месопотамские изделия, в том числе и найденные в царских гробницах Ура.

Во всех рассмотренных изделиях ощущается воздействие ювелирного искусства Передней Азии. В результате на Кавказе формируется художественный стиль, впитавший в себя местные и южные традиции. В ювелирных изделиях ТК было прослежено также влияние других культур, в частности майкопской [Амираншвили, 1950, с. 33; Джавахишвили А. И., 1955, с. 15]; в свою очередь, майкопская культура формировалась в значительной мере под влиянием цивилизаций Юга.

Искусство обработки дерева у носителей ТК представлено сосудами, шкатулочками, подносами, столиками (рис. 38, 23) и, наконец, погребальными повозками (22). На многих из них инкрустация несет мотивы, украшавшие драгоценную утварь, сосуды.

Так различные предметы, находимые в богатых курганах ТК, демонстрируют коренную перестройку таких видов производства, как строительное дело, металлургия, гончарство, обработка дерева и др.

Проблемы же хронологии и периодизации ТК, как и других культур и групп однотипных памятников СБ, нашли отражение в ряде упоминавшихся выше работ, а также в серии дат ¹⁴С. Специально этим вопросам посвящены названные труды Э. М. Гогадзе, на которые необходимо опираться.

Подавляющее большинство радиоуглеродных дат связано с памятниками промежуточного характера, существовавшими между временем бытования КУАК и культурами СБ (см.: Приложение, III). Имеющиеся даты памятников СБ не дают опоры для обоснования их строгой хронологии. Четыре из них указывают на первую треть II тыс. до н. э. (ТВ-317, ЛЕ-2198, ТВ-328, LI-3271), четыре — на последнюю четверть III тыс. до н. э. (ТВ-325, Gx-9252, ТВ-243, UCLA), две — на первую его половину (ТВ-329, ЛЕ-2197). К тому же две даты из кургана Зейнани сильно расходятся, а дата Бедени является явно ошибочной. Не могут

считаться твердыми и даты: Испани (ТВ-231), Диха-Гудзуба (ТВ-801), Зурга (ТВ-5) и Намчедури (ТВ-306, 323), Узерлик-Тепе (РУЛ-3), так как они отличаются большой величиной вероятной статистической ошибки, хотя осредненное калиброванное значение их помещается в первую половину II тыс. до н. э. Пожалуй, наиболее точные датировки получены при анализе образцов из Анаклиа II (ТВ-274, 275, 276).

Таким образом, периодизация и хронология южнокавказских культур периода СБ сегодня должны обосновываться главным образом системой археологических аргументаций, среди которых немаловажную роль играют находки в комплексах хорошо датированных переднеазиатских вещей. Названные проблемы требуют дальнейших исследований, ибо после разработок Э. М. Гогодзе появились новые недатированные памятники в южной зоне региона, раздвинулись границы ТК, нет хорошо изученных стратифицированных поселений, для материала ранних курганов характерна однородность, а, главное, верхняя дата КУАК определяется различными исследователями по-разному. В последнее время появилась обоснованная тенденция отнесения ее к рубежу второй и третьей трети III тыс. до н. э. Опираясь на преемственную связь КУАК и ТК, следует нижнюю дату ранних курганов приблизить к этому времени. Здесь же встает вопрос о беденской культуре, связь которой с КУАК и ТК пока остается неуточненной.

Памятники ТК хронологически разделяются на две большие группы. Ранние курганы, изделия из которых (булавы, архаичные кинжалы, отдельные украшения) имеют аналогии в соответствующих материалах Передней и Малой Азии III тыс. до н. э., датируются последней третью III тыс. до н. э. Они делятся на две подгруппы, поздняя из которых дважды датирована методом ¹⁴C (Цнори, Нукриани).

К датировке второй хронологической группы, т. е. к большим курганам Триалети (время «цветущей поры»), обращались многие исследователи. Время их бытования суммарно определено в пределах 2000—1450 до н. э. [Куфтин, 1941; Джапаридзе О. М., 1969; Гогодзе, 1972; Жоржикашвили, Гогодзе, 1974; Schaeffer, 1943; Gimbutas, 1965; Piggott, 1979; Rubinson, 1977], хотя в свое время нижнюю границу С. Пигготт углубил до 2400—2300 до н. э., а верхнюю К. Шеффер первоначально отнес к первому этапу позднебронзового века — 1300—1100 до н. э. (Late Bronze Age I). Напомним, что Б. А. Куфтин в свое время наметил трехступенчатую периодизационную схему триалетских курганов, в которой комплексы с расписными «гидриями», прекрасно сопоставляющимися с подавляющим большинством рассмотренных нами сосудов из Южного Закавказья, были отнесены к самой ранней группе. Позднее эта схема пересмотрена Э. М. Гогодзе; положив в основу своей периодизации полностью восстановленные им комплексы триалетских курганов [Жоржикашвили, Гогодзе, 1974] и сопоставив их (главным образом на основе анализа керамики) между собой, Э. М. Гогодзе предложил выделенные Б. А. Куфтиным группы курганов рассматривать в обратном порядке [Гогодзе, 1972]. Свою позднюю группу он датировал XVII—XV вв. до н. э. Эта периодизация нам представляется наиболее обоснованной. Последняя подгруппа характеризуется явными подкурганскими могилами, чернолощенными и расписными «гидриями» с мотивами водной стихии, птиц и светил. Именно к этой категории памятников в основном должны быть отнесены приведенные нами материалы из Армении, Азербайджана, Восточной Анатолии.

Остановимся подробнее на «привязках» из памятников ближне-

восточного круга, на которых обосновываются даты последней группы курганов Триалети. Наиболее существенным в этом плане оказался бронзовый наконечник копья с серебряной обоймой из кургана XV (рис. 39, 5; 46, 14), найденный вместе с красноангобированными расписными и чернолощенными «гидриями» (рис. 39, 19, 22, 24, 28, 29, 33—36) и полусферическими мисками (рис. 39, 26—27). Аналогии триалетскому копыю Б. А. Куфтин нашел в Рас-Шамре (некрополь 2-го слоя), Микенах (поселения среднеминойского периода, шахтовая гробница IV), Трое VI. На основании этих сопоставлений позднюю группу курганов он датировал серединой II тыс. до н. э. Эту дату приняли и другие исследователи [Minns, 1943; Kuftin, Field, 1946]. Сопоставляя копые с оружием Рас-Шамры, Кафалари и других комплексов, К. Шеффер датировал позднюю группу в пределах 1550—1400 до н. э. [Schaeffer, 1948, p. 184]. В дальнейшем была уточнена дата микенской шахтовой гробницы VI. Одни ее помещают между 1550—1500 гг. до н. э. [Vermeule, 1972, p. 107], другие в рамках 1600—1450 до н. э. [Stubbing, 1973, p. 633]. Вместе с тем все полагают, что время последней фазы ТК должно обосновываться датой именно этого комплекса.

К датировке поздних курганов обращался также А. А. Мартиросян. Рассмотрев кироваканский комплекс и другие синхронные с ним находки, он сопоставил их по времени с мечами — «рапирами» эгейского происхождения, найденными в нескольких пунктах Закавказья (Качаган, Дзора-ГЭС, Самтавро). Позднее прекрасный экземпляр «рапиры» был обнаружен в кургане в с. Лило, около Тбилиси [Гогодзе, 1976] и случайно в селах Ангахакот и Воротна-Берд в Армении. «Рапиры» изготовлялись в Средиземноморье в среднеминойский период и экспортировались в соседние страны преимущественно в период их наибольшей фабрикации (XVI—XV вв. до н. э.). Учитывая высокий уровень металлообработки, мы не исключаем также возможности их местного производства по завезенным образцам.

Еще одна линия сопоставлений вводит в приурмийские районы. Так, К. Рабинсон находит сходство между расписной красноангобированной посудой поздних триалетских курганов и сосудов из слоя VIB поселения Хафтаван-Тепе [Rubinson, 1977, p. 246]. В этом же слое, по ее сообщению, встречается расписная керамика, элементы орнамента которой точно повторяют украшения на светлоангобированных «гидриях» из курганов Триалети (рис. 38) [Куфтин, 1941, табл. XXVII—XXX], предшествующих самым поздним погребениям. В Хафтаван-Тепе VIB встречена также полихромная посуда, аналогичная найденной в слое Динка-Тепе IV, занимающем промежуточное положение между Хасанлу VI и V [Hamlin, 1971, p. 31, 67]. Радиоуглеродные даты периода Хасанлу VI на Динка-Тепе распределяются в пределах 2106—1684 до н. э. [Hamlin, 1974, p. 129]. Следовательно, полихромная керамика из Динка IV и Хафтаван-Тепе VIB должна быть отнесена к последующему за 1684 г. до н. э. времени. Таким образом, начало позднего этапа, на основании приведенных керамических параллелей, может быть отнесено к периоду до 1600 г. до н. э. (но после времени бытования второй хронологической курганной группы, которое скорее всего завершилось около 1700 г. до н. э.). Расписные сосуды Динка-Тепе предшествуют слою Хансалу V. Слой IV Динка имеет несколько откорректированных дат, относящихся приблизительно к 1500 г. до н. э. Следовательно, полихромная посуда Динка IV не могла существовать позднее этого времени. При учете указанного сходства эта дата со своей стороны косвенно фиксирует время бытования поздних триалетских курганов с монохромной расписной посу-

дой и полихромной керамики в Динка IV (поскольку совмещение этих сосудов зафиксировано находками в Хафтаван-Тепе VIB).

Исходя из приведенных сопоставлений и дат ¹⁴C стратифицированных поселений приурмийских районов, поздний, «триалетско-кириваканский» этап ТК должен датироваться в пределах 1650—1450 до н. э. (при допущении, что он мог начаться и несколько раньше). Сказанное подтверждает обоснованность дат, принятых ранее. Таким образом, учитывая однородность рассмотренных нами материалов из южной зоны Закавказья, их следует датировать XVII—XV вв. до н. э.

Кармир-бердская (тазакендская) культура. Как было сказано выше, на протяжении периода средней бронзы в Закавказье бытовало несколько родственных культур и групп памятников, намеченных в первом приближении на базе относительно небольшого материала [Кушнарева, 1982, 1983, 1985, 1986]. Отправной точкой для их выделения послужили разработки А. А. Мартиросяна в его фундаментальном труде «Армения в эпоху бронзы и раннего железа» [1964, с. 47—78]. Владея тогда еще очень ограниченной информацией, автор тем не менее сумел выделить однотипные группы памятников периода средней бронзы и наметить хронологическую позицию каждой из них. Накопленные за прошедшие с тех пор годы источники значительно дополнили наши представления об этих группах памятников и позволили высказать предположение, что единство и синхронность последних отражают факт бытования в период средней бронзы нескольких, близких по облику, археологических культур.

Характер источниковедческой базы сегодня (небольшой процент систематически раскопанных комплексов, случайный характер многих находок, отсутствие сопровождающей документации, разрушенность памятников и др.) предопределил возможность очертить рамки этих культур в основном по самому массовому материалу — керамике; другие признаки, в силу дефектности исходного материала и отсутствия системных разработок, выявляются крайне слабо; исключение в этом плане составляет лишь кармир-бердская культура (КБК), на изучение памятников которой в течение последнего десятилетия направлено специальное внимание [Симонян, 1977, 1979, 1982, 1983, 1984а, 1984б, 1987а, 1987б, 1990]. Следует сразу оговориться, что выделенные культуры представлены в своем большинстве погребениями; поселения здесь изучались крайне слабо. Ведущими признаками, сближающими эти культуры, являются наличие курганной насыпи и расписной посуды (в памятниках предшествующей куро-аракской культуры эти признаки отсутствуют); именно поэтому их следует считать родственными. Вместе с тем упомянутая расписная посуда далеко не идентична и в каждом культурном ареале имеет свой декоративный стиль и свои формы.

Для посуды КБК характерна красноангобированная поверхность, на которую нанесена роспись черной краской; среди орнаментальных мотивов преобладают широкие фризы с метопами, заполненные сетчатыми прямоугольниками, «двойными секирами», «шахматными полями», параллельными углами и треугольниками; иногда нижняя часть фриза обрамлена гирляндами свисающих спиралей. Традиционные для ТК «схема воды» с птицами и «светилами», а также вписанные друг в друга дуги здесь полностью отсутствуют. Более архаичными выглядят и формы сосудов, хотя часть из них изготовлена на гончарном круге: здесь нет вытянутых «гидрий», вместо которых встречаются широкогорлые кувшины разных размеров, горшки с сильно вздутым туловом, глубокие чаши или миски.

Впервые сосуды этого типа были обнаружены в конце XIX — на-

чале XX в. в процессе раскопок М. Захарьянца, П. Чарковского и Э. Реслера могильника у с. Тазакенд, около крепости Кармир-Берд, недалеко от Еревана [библиографию см.: Кушнарева, 1960]; по названию селения тогда был назван и могильник. В дальнейшем, с накоплением материала, были выявлены признаки, сопутствующие расписной посуде этого стиля, локализована территория их распространения. В последующих публикациях могильник был переименован в «кармир-бердский» (по имени крепости Кармир-Берд); это наименование мы сохраняем при дальнейшем изложении.

В настоящая момент известно свыше 40 памятников с керамикой описанного типа. Большая их часть обнаружена случайно и в лучшем случае оказалась лишь доследованной; в результате образовалась коллекция характерных сосудов, число которых достигает шести-семи десятков. На фоне этих разрозненных материалов большое значение сохраняют комплексы Кармир-Бердского и Аричского могильников. Однако выделение памятников с расписной керамикой типа Кармир-Берд в культуру, предпринятое нами в свое время в связи с работой над IV томом Археологии СССР исключительно на основе анализа гончарных изделий [Кушнарева, 1982, 1983], получило полное обоснование лишь в результате систематических раскопок А. Е. Симоняна могильника Верин-Навер в Арагатской долине и последующих разработок добытых им материалов. Можно смело сказать, что могильник Верин-Навер является сегодня единственным ключевым памятником КБК, на материалах которого впервые выявлены остальные ее ведущие признаки.

Все известные памятники КБК локализируются в северной части Армянского нагорья (в междуречье Куры и Аракса), ограниченном с запада р. Ахурьян, с востока р. Акстафа (рис. 33, 12а). Наибольшая их концентрация на этой компактной территории наблюдается в Арагатской долине; они встречаются также на склонах горы Арагац, на Ширакском плато и на побережье оз. Севан. Очерченная территория включает зону речных долин, предгорий и гор отрогов Малого Кавказа и горы Арагац.

Арагатская долина с прилегающими к ней предгорными и горными районами была одной из тех историко-культурных областей, в которых появились самые ранние памятники КБК. Эта плодородная область, освоённая земледельцами еще в VI—V тыс. до н. э., продолжала оставаться ведущим культурным очагом Армянского нагорья и в последующие периоды. В период СБ жизнь местных племен протекала при постоянных контактах со странами Передней Азии и Средиземноморья. Связи были ориентированы преимущественно на страны Юго-Запада — Анатолию, Сирию, Палестину. Большинство известных памятников КБК относятся к категории могильников. Поселения раскапывались мало, работы велись на небольших участках. Следует еще раз напомнить, что учет памятников КБК показал преобладание над поселениями могильников, выражающееся соотношением 1:4; причины этого следует искать в особенностях хозяйства носителей КБК. Спецификой открытых погребений КБК является их скромный характер. Это подкурганые грунтовые могилы рядовых общинников, снабженные, как правило, только посудой; несколько кинжальных клинков или украшения, найденные в отдельных погребениях, составляют исключение. Эти признаки в совокупности со своеобразием архаичной расписной посуды значительно отличают кармир-бердские погребения от богатых погребений ТК.

Кармир-бердский могильник все еще остается одним из узловых памятников Арагатской долины. Это огромный некрополь, насчиты-

вающий несколько сот погребений. В западной части его перерезают развалины крепости Кармир-Берд, нижние ряды кладки которой, состоящие из громадных каменных глыб, относятся к периоду возникновения здесь древнего кладбища. Раскопано было всего около десяти погребений. Это были небольшие курганные насыпи из камней, под которыми находились грунтовые могилы, перекрытые туфовыми плитами. Лишь в одном случае (в кургане 28, открытом Э. Реслером) насыпь была окружена вертикально стоящими камнями. Покойник лежал на боку в скорченном положении, головой на север. Кроме сосудов, в могилах ничего не оказалось. В итоге работ была собрана уникальная для того времени коллекция сосудов (около 30 экз.), расписанных широкими фризами (рис. 50). Они имеют красную обмазку, поверх которой нанесена черная роспись. По формам сосуды делятся на 3 группы: небольшие глубокие чаши (или миски), широкогорлые кувшины и горшки с сильно вздутым туловом.

Последующими раскопками могильников Араратской долины установлено, что они характеризуются не только расписной, но в равной мере чернолощенной, а также грубой «кухонной» посудой. По-видимому, такое сочетание имело место и в Кармир-Берде, на что указывает чернолощенный сосуд с пунктирным орнаментом из коллекции П. Чарковского [Кушнарева, 1960, рис. III, 1] и кувшин с аналогичным орнаментом, обнаруженный здесь в 1967 г. [Есаян, 1969, табл. 22, рис. 3]. В коллекции находилась также сосуд с резным орнаментом и грушевидное навершие булавы [Пиотровский, 1949а, с. 43]. Судя по находке в одном из курганов красноангобириванной расписной гидрии триалетского типа (рис. 50, 23), могильник содержал разнокультурные погребения и функционировал долго.

Еще в 1940 г. Б. А. Куфтин писал, что тазакендский керамический комплекс «остаётся пока несколько изолированным вариантом, не являющим широкого распространения» [Куфтин, 1940, с. 34]. Тогда, по существу, был известен лишь один могильник и несколько случайно найденных на территории Армении расписных сосудов. В дальнейшем в этот вывод были внесены существенные коррективы, так как посуда описанного стиля стала известна из многих пунктов Закавказья. Однако ее локализация одновременно указывает на вероятную территорию ее происхождения (Араратская долина) и определенную замкнутость ареала ее бытования. Расписные сосуды КБК из таких северных пунктов, как, скажем, Рустави или Нарекави [Ломтатидзе, 1955, табл. XV], следует рассматривать как привнесенные из основного ареала ее распространения.

Могильник Верин-Навер, функционировавший в течение всего II тыс. до н. э., занимал территорию около 100 га и был покрыт густой сетью курганов [Симонян, 1977, 1979, 1982, 1983, 1984а, 1984б, 1987а, 1987б]; к КБК здесь относится несколько десятков курганов, компактно располагавшихся в центральной части могильника. Под небольшими каменно-земляными насыпями находились кромлехи с прямоугольными грунтовыми могилами в центре; нижняя их часть вырублена в туфовой скале; в стенках могил выдолблены небольшие ниши (рис. 51, 1; 52, 1—3). После совершения захоронений могилы засыпались землей, а затем перекрывались крупными туфовыми плитами. В некоторых случаях в нижней части фиксировались каменные или глиняные забутовки. Погребения в основном одиночные; покойники уложены в скорченном положении — женщины на левом, мужчины на правом боку.

Погребальный инвентарь в могилах обычно ограничен 3—5 (в редких случаях 10) сосудами. Это крупные округлые красноглиняные

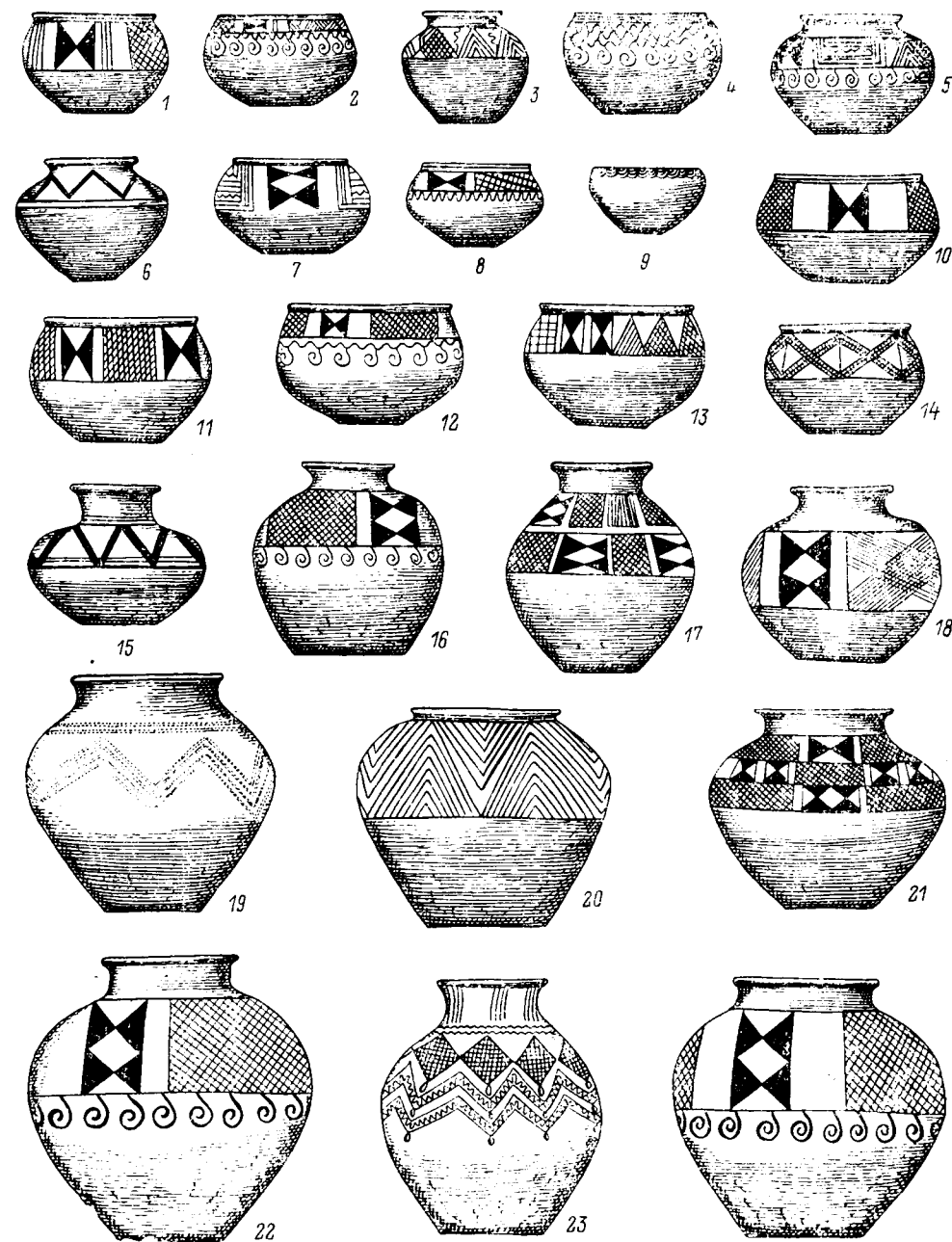

Рис. 50. Сосуды из погребений могильника Кармир-Берд.

1, 9, 16, 17, 19, 21 — коллекция П. Чарковского; 2, 3, 5—6, 8, 15, 23 — раскопки М. Захарьянца. 1—14, 18 — курган 1; 4, 10, 22, 24 — курган 2; 11, 12, 20 — курган 14; 13 — курган 13 (раскопки П. Чарковского).

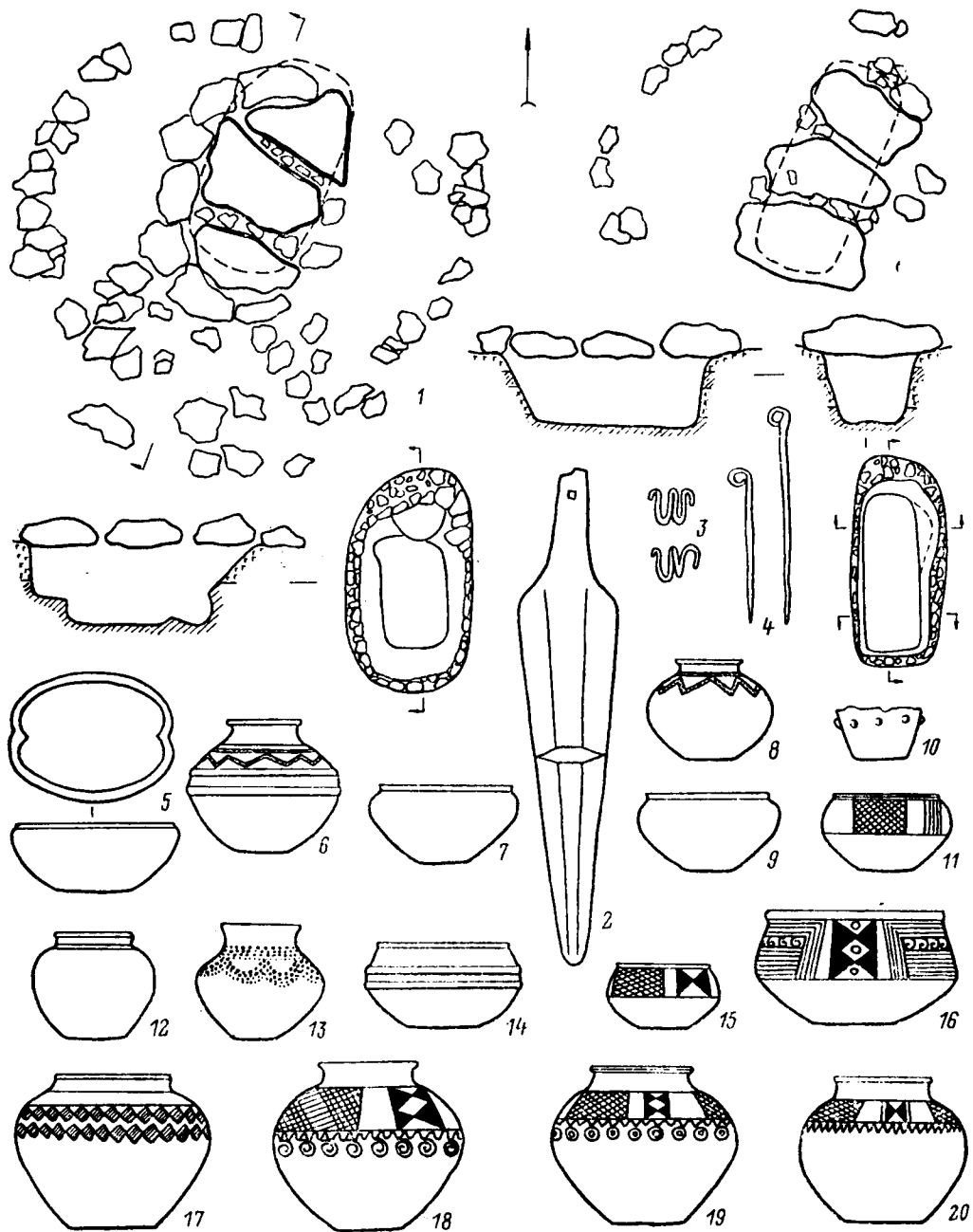

Рис. 51. Могильник Верин-Навер. Курган № 9.

1 — планы и разрезы; 2—4 — изделия из бронзы; 5—20 — сосуды.

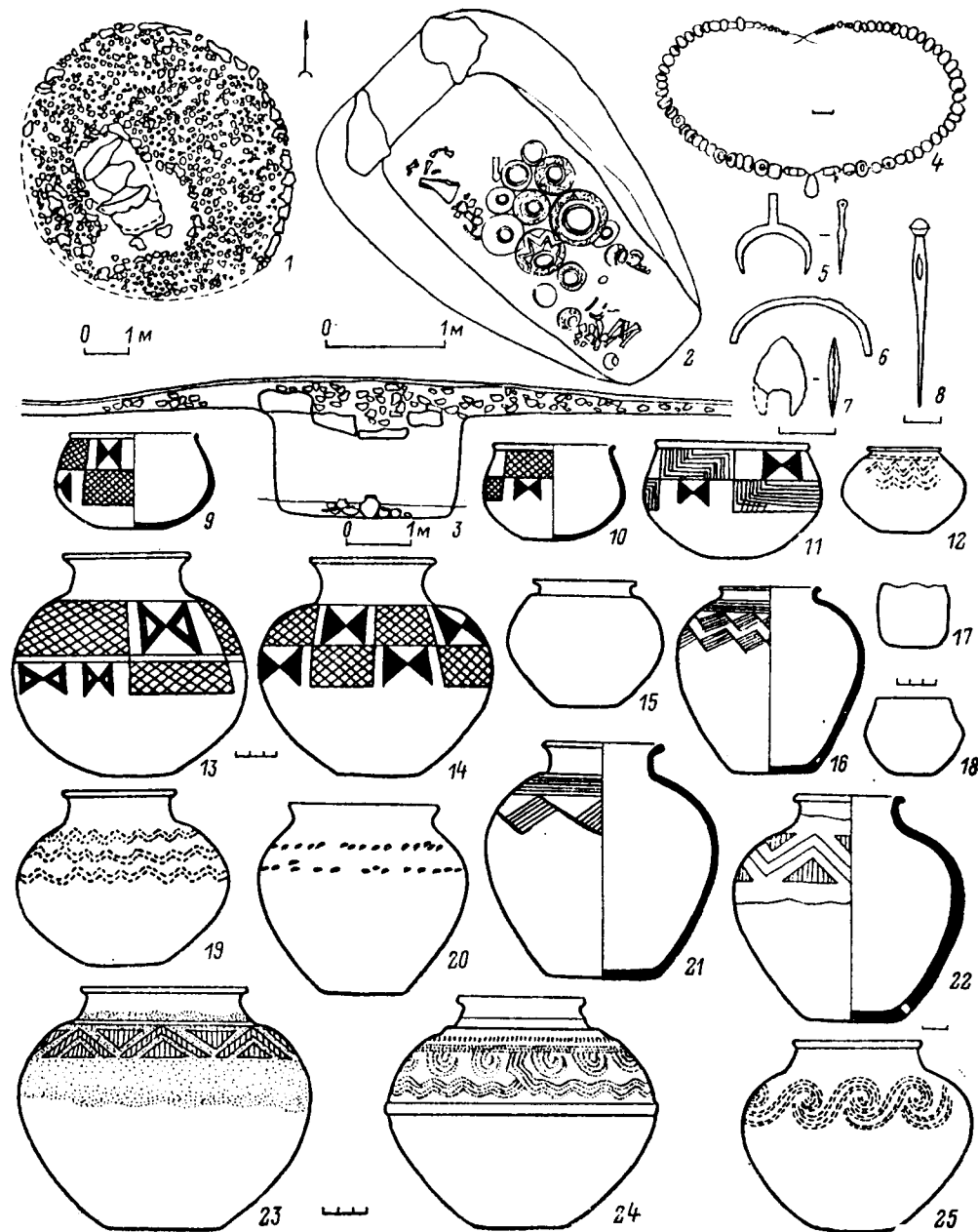

Рис. 52. Могильник Верин-Навер. Курган № 12.

1—3 — планы и разрез могилы; 4 — ожерелье из сердоликовых и фаянсовых бус; 5, 6 — серебряные подвески и проволока; 7 — наконечник стрелки из горного хрусталя; 9—25 — глиняные сосуды.

горшки и миски, изготовленные в основном на гончарном круге и расписанные широкими фризами, чернолощенная посуда, иногда украшенная точечным орнаментом, грубая «кухонная» керамика. В некоторых могилах найдены разнообразные бусы, кинжальные клинки, раковины. Отдельные погребения имеют специфические особенности. Так, захоронение в могиле 9 было обмазано глиняным раствором, а покойник завернут в циновку; здесь же обнаружены бронзовые булавки со спиралевидной головкой, спиральные подвески, шаровидные сердоликовые, пастовые и стеклянные бусы (рис. 51, 2—4). Это погребение является поздним, ибо здесь наблюдается совмещение сосудов разной культурной атрибуции — характерных для комплексов КБК (11, 15, 16, 19, 20) и севано-узерликских (13, 17) памятников. Создается впечатление, что на завершающем этапе КБК оба комплекса сосуществовали, после чего последний сменил первый.

Особый интерес представляет погребение 23, где помимо типичных расписных и чернолощенных сосудов обнаружено ожерелье из фаянсовых, стеклянных и агатовых бус с включенными в него морскими моллюсками [Симонян, 1984а, с. 124]. Как будет показано ниже, состав ожерелья проливает свет на вопросы хронологии КБК и контакты ее носителей.

Весьма любопытно также погребение молодой женщины в кургане 12 (рис. 52). В отличие от большинства рядовых захоронений оно было богатым. Здесь в просторной грунтовой могиле, перекрытой крупными плитами и окруженной кромлехом, помимо скелета лежавшей на боку покойницы были обнаружены кости жертвенных животных, 17 сосудов, серебряные и бронзовые украшения, сердоликовые и фаянсовые бусы, наконечник стрелы из горного хрусталя. Погребение, по-видимому, относится к позднему времени, ибо здесь также зафиксирована взаимовстречаемость расписных сосудов разных стилей.¹

Раскопки могильника Верин-Навер продолжают. Их значение заключается прежде всего в перспективе систематического накопления новых материалов путем исследований, проводимых на высоком методическом уровне. Даже сейчас, на основании первых результатов, представляется возможным выделить ряд устойчивых признаков КБК как в сфере погребального обряда, так и в сфере материального производства. Выявлена также динамика погребений КБК и ее взаимоотношение со сменявшей ее СУГ, что немаловажно при установлении относительной хронологии кавказских культур периода СБ.

В Араратской долине КБК документирует еще один памятник — могильник Элара, функционировавший на протяжении всего периода СБ [Ханзадян, 1979а, с. 60]. К КБК здесь относятся такие же скромные грунтовые погребения с одиночными скорченными костяками, лежавшими на боку. Их инвентарь ограничивается сосудами; лишь в одном случае в могилу был положен кинжальный клинок (рис. 53, 19). Сосуды делятся на те же три типа — расписные, чернолощенные и грубые плохо обожженные бурых оттенков. Первые имеют характерные формы (округлые приземистые горшки различных размеров с короткой шейкой, глубокие миски) и традиционные мотивы росписи (13, 14, 18, 20). Среди них уникален широкогорлый горшок трехчастной формы; его густоангобированная поверхность имеет ярко-красный цвет; среднюю часть занимает широкий, расписанный черной краской фриз, заполненный зигзагами и треугольниками, покрытыми сетчатым узором; выше — ряд двуногих хвостатых фантастических животных; над

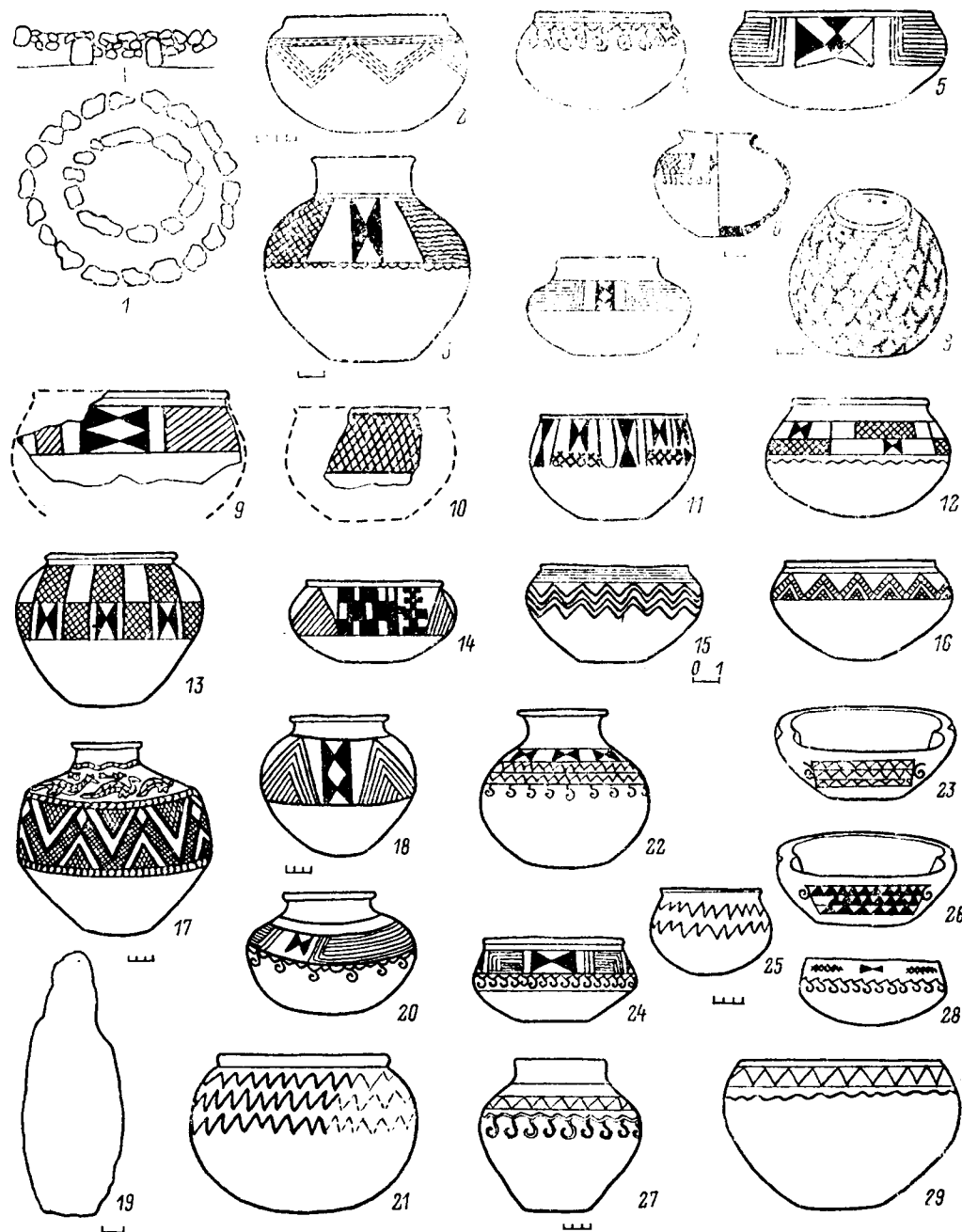

Рис. 53. Материалы могильников на территории Армении.

1—3 — Айгешат, погребение № 7; 4, 8 — Апаран; 5 — Золакар, погребение № 4; 6, 7 — Цицернакаберд; 9—11 — Айгеван; 12, 14—20 — Элар (15 — погребение № 25, 17 — № 32, 19 — № 29); 21, 27 — Лчашен; 23, 25, 26, 28 — Нор-Баязет (Камо); 24 — Мецамор.
1 — план двойного кромлеха могилы в Айгешате; 2—28 — глиняные сосуды; 19 — бронзовый кинжальный клинок.

¹ Это явление в последние годы нашло несколько иную трактовку [Симонян, 1990].

ними — водоплавающие птицы; тела животных и птиц покрыты волнистыми линиями (17). Чернолощенные сосуды украшены врезным орнаментом в виде зигзагообразных поясов и заштрихованных аркообразных фигур. Здесь же грубые «кухонные» горшки.

В кармир-бердский стиль полностью вписывается серия случайных находок из могильников Араратской долины; это сосуды с «двойными секерами» и гирляндами волют из Армавира, Цицернака-Берда, миска из Талина, посуда из могильников Эчмиадзина, Апарана и др. (рис. 53, 3—7, 22, 23) [Есаян, 1969, табл. 22; Хачатрян, Есаян, 1958, рис. 1]; расписная миска из Апарана обнаружена вместе с великолепным коричневым сосудом, сплошь покрытым «ковровым» точечно-гребенчатым орнаментом (8). В разных пунктах Араратской долины и прилегающих предгорьях известны многослойные поселения, в отложениях периода СБ которых встречены черепки типичной кармир-бердской посуды (рис. 54): Муханнат-Тапа [Байбуртян, 1937], Гарни [Ханзадян, 1969, табл. XXVIII], Мецамор [Ханзадян и др., 1973, табл. III, 1—9; IV, 5, 9, 11—13], Джраовит [Ханзадян, 1975] и др. В 80-е гг. осуществлялись систематические раскопки поселения Айгеван, где напластования КБК оказались в четком стратиграфическом залегании [Есаян, 1981]. Очень важно и то обстоятельство, что расписная керамика КБК здесь встречается вместе с куро-аракской посудой. В целом же масштабы раскопок на поселениях пока весьма незначительны.

Особенно богатая, но, к сожалению, почти не опубликованная коллекция посуды КБК образовалась за долгие годы в Краеведческом музее Эчмиадзина. Она регулярно пополняется в результате раскопок и случайных находок при строительных работах, что указывает на плотную заселенность этого района в период СБ. В последние годы проводились обследования и раскопки таких памятников, как могильники у селений Айгешат, Агджакала, Грампа, Ошакан, также поселений в самом Эчмиадзине, Хатунархе и других местах. Существенно, что в могильнике с. Грампа и на поселении Гарни выявилось сочетание расписных кармир-бердских сосудов с чернолощенной посудой, покрытой резьбой; такое сочетание дали наиболее архаичные могилы ширакского Арича, Золакара и других памятников из района Севана. Последнее указывает на большую древность посуды с резным орнаментом по сравнению с керамикой, украшенной гребенчатым штампом. Стратиграфически это наблюдение четко подтвердилось и материалами Узерлик-Тепе, на котором мы остановимся ниже.

Памятники с посудой кармир-бердского типа, густо покрывавшие Араратскую долину, на северо-западе охватили Ширакское плато, на северо-востоке — западное побережье оз. Севан. Необычные комплексы КБК, в частности, были открыты в 1956 г. в Нор-Баязете (совр. Камо). Здесь раскопаны две грунтовые могилы с сосудами, расписанными в традиционном кармир-бердском стиле [Мартиросян, 1964, рис. 19]. Среди них оказались две миски, выделявшиеся своей бирюзовой росписью (черная и красная на светлом фоне) (рис. 53, 23, 26; см. также: [Ханзадян, 1969, цв. табл. IV]); цветовая гамма росписи отличается от обычной монохромной. Вместе с тем полное совпадение орнаментальных мотивов на этих сосудах свидетельствует об их одновременности. Тем самым ставится под сомнение суждение о первичности монохромной и вторичности полихромной росписи на сосудах Закавказья. Кстати, в другом погребении найдены сосуды с монохромной росписью того же стиля [Мнацаканян, 1965, табл. III, 10, 12]. Следовательно, при датировке комплексов с расписной посудой ведущими критериями надлежит считать не цветовую гамму, а стиль росписи и орнаментальные схемы.

Рис. 54. Фрагменты расписной керамики из различных поселений Армении.
1—12 — Гарни; 13—31 — Муханнат-Тапа; 32—45 — Мецамор; 49—59 — Айгеван.

Обильный материал добыт в разные годы в окрестностях с. Лчашен, на берегу оз. Севан, где находилось многослойное поселение и обширный курганный могильник, функционировавший, в частности, в период СБ [Мнацаканян, 1965]. Здесь были насыпи различной величины с грунтовыми и каменными могилами; стены последних сложены из двух или нескольких рядов камней, высота их доходила до 2,5 м. Камни перекрывались деревянными настилами. Позднее на могильнике исследовано несколько небольших курганов с грунтовыми могилами, в каждой из которых находилось одиночное скорченное погребение. У ног покойного стояло от 8 до 20 сосудов; в двух могилах найдены листовидные наконечники книжалов, в одной — 56 кремневых и обсидиановых наконечников стрел. Почти во всех могилах оказалось по несколько туш крупного и мелкого рогатого скота. В могилах обнаружена посуда кармир-бердского стиля. В погребении 50, в частности, найдены две глубокие расписные миски, украшенные традиционным широким фризом. Эта посуда, как и в большинстве лчашенских погребений, сочеталась с грубой «кухонной» и тонкой чернолощеной. Наконец, в 1977 г. произведены раскопки еще трех грунтовых погребений на могильнике около с. Золакар, южнее Севана (раскопки А. Израелян).¹ Они разновременны. Самой ранней является могила 3, где около женского скелета стояли приземистый горшок, глубокая расписная миска (рис. 53, 5), а также чернолощеной горшочек с зигзагообразным пунктирным орнаментом. На миске, с двух противоположных сторон между фризом, состоящим из вписанных друг в друга прямых углов, изображена символическая фигура, напоминающая стилизованную птицу с распростертыми крыльями.

Таким образом, Севанский бассейн, бесспорно, входил в территорию распространения КБК. Присеванские районы являлись ее восточной окраиной; керамика КБК восточнее этих районов, за исключением одной находки в Хачбулаге, не встречена.

КБК была распространена и на северо-западе Армении — в исторической области Ширака. Полевые исследования памятников СБ здесь приняли систематический характер и принесли значительные результаты как в плане объема материала, так и постановки некоторых общих проблем [Хачатрян Т. С., 1975, с. 89]. Достаточно сказать, что только в районе Арича помимо поселения было открыто около 85 захоронений периода СБ, характеризующих фактически все его этапы.

Аричское поселение, основанное в III тыс. до н. э., занимало огромный террасообразный скальный выступ, опоясанный ущельями. Террасы были обнесены циклопическими стенами; на ряде участков стены были двойными. В начале II тыс. до н. э., судя по заложенным в нескольких местах шурфам, границы поселения не претерпели особых изменений. Несмотря на то что шурфовка не дала четкой стратиграфии, а результаты широких раскопок этого горного поселения пока не опубликованы, здесь зафиксировано традиционное для КБК сосуществование расписной, чернолощеной и грубой «кухонной» посуды.

Могильник располагался возле поселения; его площадь 3 га. Для большинства могил характерны небольшие каменно-земляные либо каменные насыпи; под насыпью — кромлехи. Большая часть могил вырыта в грунте, некоторые высечены в туфовой скале. Преобладают прямоугольные могилы, но встречаются также овальные и с закругленными углами. Могилы просторные (3×2 м) и перекрыты крупными

туфовыми плитами. Погребения, как правило, индивидуальные, скорченные, на боку; в трех случаях встретились парные захоронения. Ориентировка покойников произвольная. Среди серии однотипных могил КБК своей конструкцией выделяется могила № 31, где под насыпью находились четыре горизонтальные туфовые плиты, опиравшиеся на вертикальные; эта конструкция образовывала вход в могильную камеру (2.10×0.70×2×30). На полу камеры лежали крупные туфовые блоки перекрытия. Инвентарь располагался также необычно: если сосуды во всех могилах стояли вдоль стенок, то здесь в камере находился только скелет; сосуды же были сконцентрированы у входа.

Конструктивные особенности аричских комплексов существенно дополняют материалы из погребений могильника в с. Кети, в том же Шираке [Петросян, 1976, 1989]. Здесь могильник функционировал не одно тысячелетие, чем и следует объяснить его размеры (3 га). В эпоху СБ это был действующий некрополь: конструкция могил и обряд погребений не единообразны. Здесь, как и в Ариче, преобладали курганы с каменно-земляной насыпью, а под ними — кромлехи; в грунтовых могилах, перекрытых плитой, обнаружены те же одиночные скорченные захоронения. Убранство могил скромное — несколько сосудов (в том числе и расписных) с остатками мясной пищи, изредка оружие или орудия труда, части либо туши животных; в одном случае головы человека и барана были украшены одинаковыми низками бус.

Внутренняя хронология Аричского могильника из-за отсутствия в соседних районах поселений с четкой стратиграфией основывается на типологии керамики. Самыми древними здесь являются могилы 4—6, 8, 50, в которых преобладают «кухонные» горшки и миски. С ними сочетается чернолощеноя посуда, орнаментированная небрежным врезным орнаментом; последняя несет на себе следы гончарного производства РБ, что вместе с отсутствием расписных образцов и изделий из металла, появляющихся в более поздних погребениях, дает основание отнести эти комплексы к наиболее раннему периоду развития среднебронзовой культуры Северо-Западной Армении.

Следующая по времени группа, состоящая из 11 погребений в Ариче (рис. 55) и одного в Кети (рис. 56), включает в себя помимо двух названных типов керамики расписную посуду кармир-бердского стиля, встречающуюся, правда, в незначительном количестве; в этих погребениях по-прежнему преобладает «кухонная» и чернолощеноя керамика. В могиле 104 помимо керамики оказался костяной гребнеобразный предмет — инструмент для прибивания утка на примитивном ткацком станке. Можно предположить, что в этой могиле была похоронена женщина.

Несмотря на конструктивную близость этих погребений и их инвентаря, нюансы в керамике позволяют выделить в них две хронологические группы. Во всех могилах встречены упомянутые типы посуды. Хронологическим индикатором здесь являются чернолощеное сосуды. Так, в некоторых могилах она была гладкой либо украшенной врезным орнаментом; при этом первая имела более архаичные формы, тяготеющие к керамике РБ. В других чернолощеноя посуда украшена точечным орнаментом, нанесенным «шагающим» штампом. На некоторых сосудах появляется легкий поддон, что вообще специфично для более позднего этапа керамического производства. Таким образом, появление точечного орнамента, сменяющего резной, характерный для последней фазы КУАК, позволяет первую аричскую группу считать более ранней, а вторую более поздней. Наличие же в обеих группах идентичной расписной посуды, бытовавшей относительно короткий про-

¹ Рисунки золакарских сосудов с правом их публикации мне передала в свое время А. Р. Израелян.

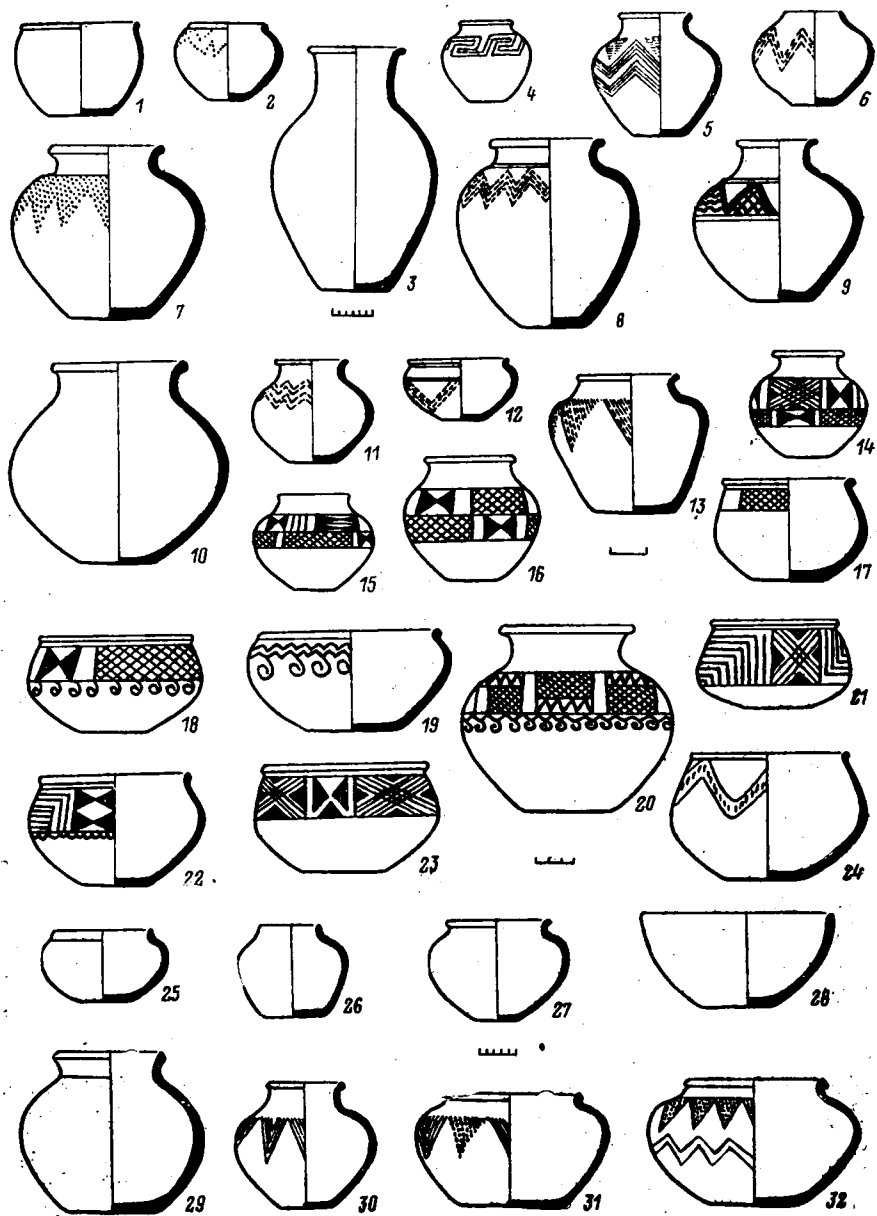

Рис. 55. Керамика из погребений могильника Арч.
 1, 4-6 — погребение № 85; 2, 7, 9 — № 24; 9, 10 — № 11; 11, 14, 17 — № 29; 12, 15 — № 108; 13, 16 — № 66; 18 — № 102; 19 — № 12; 20, 24, 28 — № 14; 21, 23 — № 31; 22 — № 104; 25, 29 — № 5; 26, 27 — № 63; 30-32 — № 9.

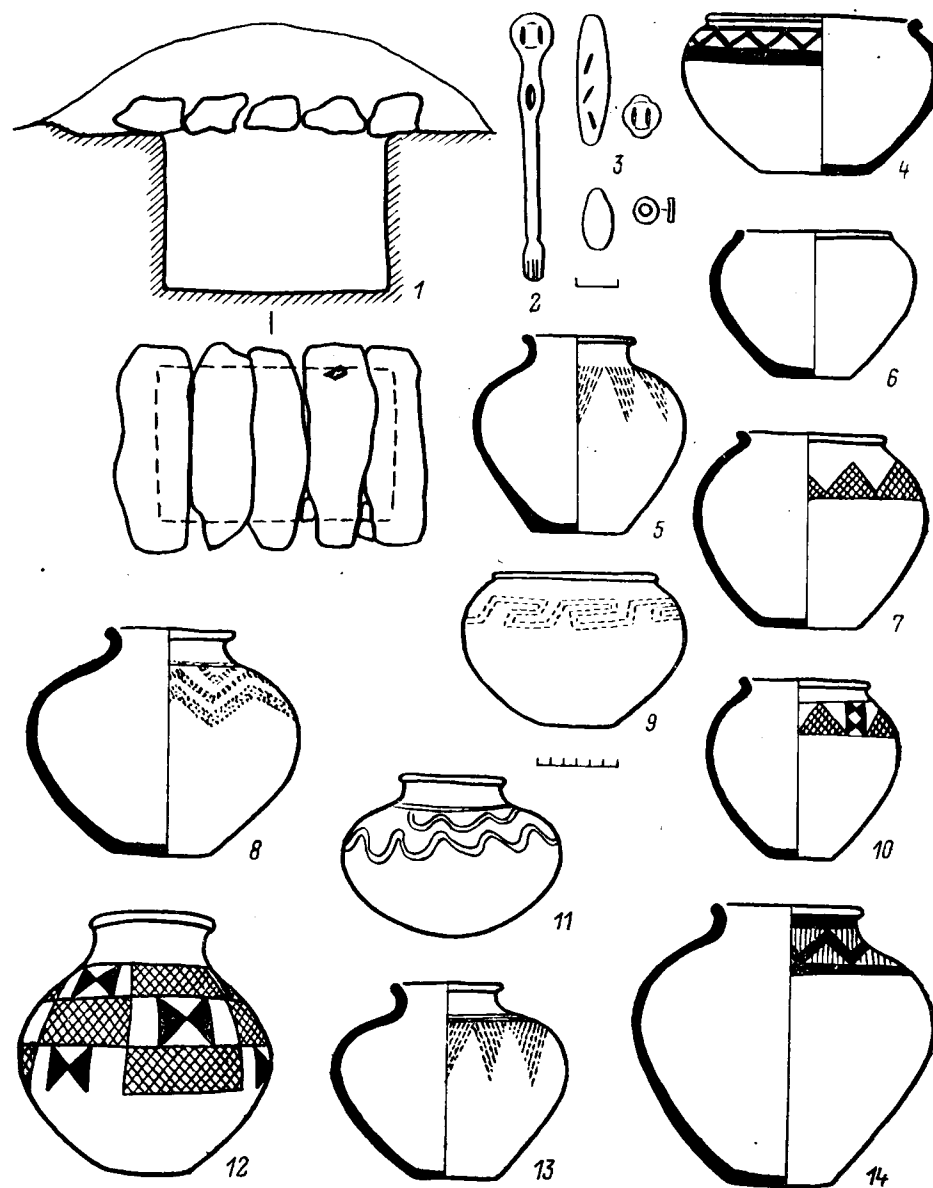

Рис. 56. Могильник Кети. Материалы из погребения № 18.
 1 — план и разрез погребения; 2 — костяной предмет; 3 — сердоликовая бусина; 4-14 — черн-
 лощенные и расписные сосуды.

межутки времени, указывает на то, что их временная разница была незначительной.

Такие же изменения в характере декора были замечены нами на сосудах поселения Узерлик-Тепе в Мильской степи [Кушнарера, 1965, рис. 31]. В сумме эти данные впервые дают ключ к хронологическому уточнению отдельных комплексов южной зоны. Так, совмещение на одних и тех же уровнях расписной кармир-бердской посуды с чернолощеной, украшенной резьбой, на таких поселениях, как Гарни и Мецамор, позволяет отнести последние к ранней фазе существования КБК; тем же периодом следует датировать некоторые погребения из могильников Золакара, Грампа и др., в которых наблюдается то же сочетание.

Рассматривая в целом гончарное производство носителей КБК, следует отметить его значительный прогресс по сравнению с предшествующей эпохой. Оно характеризуется внезапным появлением и бурным расцветом расписной посуды, которая придает яркую окраску всей материальной культуре эпохи: роспись имеет строгие каноны, что позволяет говорить о сложившемся художественном стиле. Появляется гончарный круг. Сосуществующая с расписной традиционная еще для периода КУАК чернолощеноя посуда совершенствуется с точки зрения технологии, формы и приемов орнаментации. На раннем этапе она украшается резным декором, нанесенным от руки, что придает небрежный, асимметричный характер композициям; здесь еще отсутствует предварительная разметка поверхности циркулем. Позднее был изобретен «шагающий» гребенчатый штамп, с помощью которого можно было наносить более сложные точечные узоры.

Металлические изделия изготавливаются в ограниченном ассортименте (кинжальные клинки, такие же, как клинки КУАК, булавки с пирамидальной и спиральной головками). Среди кинжальных клинков особенно примитивным выглядит клинок из эларского погребения 29, изготовленный еще из характерной для металлопроизводства III тыс. до н. э. мышьяковистой бронзы (рис. 53, 19). Памятники же КУАК дали значительную серию металлических предметов [Кушнарера, Чубинишвили, 1970, рис. 41—43]. Особый интерес в этом плане представляет самый ранний на территории Кавказа клад металлических орудий [Мартirosян, Мнацаканян, 1973], расположенный в сердце Араратской долины, где несколько позднее существовала КБК. Это свидетельствует о некотором упадке металлопроизводства в период бытования КБК по сравнению с КУАК. Такая картина рисуется по могилам рядовых общинников.

Сегодня погребения КБК характеризуют следующие признаки: 1) каменно-земляная насыпь; 2) кромлех; 3) могила прямоугольной формы, вырытая в грунте или выдолбленная в скальной породе и перекрытая плитами; 4) засыпка могилы землей; 5) ориентировка могил С—Ю; 6) одиночные захоронения в скорченном положении — женщины на левом, мужчины на правом боку; 7) положение в могилу туш либо отдельных частей животных; 8) расписные сосуды (кувшины, горшки, миски), сделанные частично на гончарном круге и украшенные широкими орнаментальными фризами; элементы орнамента: «свисающая спираль», «треугольник», «двойная секира», «лабиринт», «равнокрылый крест», «песочные часы», «сетчатое поле», «шахматное поле» [Симонян, 1984б, с. 19]; 9) чернолощеноя посуда (горшки, кувшины, миски), украшенная врезным либо точечным штампованным орнаментом; 10) наличие (в редких случаях) украшений и изделий из металла; 11) совершение обряда тризны. Для поселений КБК харак-

терно наличие циклопических укреплений (Кармир-Берд, Лчашен). Определяющим признаком КБК является посуда, расписанная широкими орнаментальными фризами.

Проблема генезиса и хронология КБК поднималась в литературе неоднократно [Куфтин, 1941, с. 6; Пиотровский, 1949а, с. 43; Кушнарера, 1960; Мартirosян, 1964, с. 42; Ханзадян, 1969, с. 117; Хачатрян Т. С., 1975, с. 107], однако для ее решения не хватает еще многих звеньев. Если ранний этап ТК прослеживается по курганам, восходящим к III тыс. до н. э., то в границах КБК такие памятники изучены еще очень слабо. Однако на то, что они существовали, указывают некоторые материалы и косвенные свидетельства. Среди последних следует отметить одно обстоятельство: в комплексах КБК, считающихся сегодня наиболее ранними среди памятников СБ южной зоны, встречаются уже достаточно совершенные формы керамической (особенно расписной) продукции, говорящие о существовании нового (но вместе с тем уже сформировавшегося) художественного стиля. Именно этот момент и создает впечатление внезапности появления культуры в целом. Особого внимания заслуживает вопрос о причинах появления росписи на сосудах. Сам принцип красочного украшения сосудов известен в Закавказье по крайней мере с V—IV тыс. до н. э. (Кюль-Тепе, Техут, Гинчи), когда местные гончары пытались подражать халафским и обидским образцам [Мунчаев, 1975, рис. 11—13]. В III тыс. до н. э. на смену светлоглиняной посуде приходит чернолощеноя, которая украшается росписью лишь в редчайших случаях (Озни, Квацхела, Шенгавит) [Джапаридзе, 1961]. Логично думать, что едва теплившаяся местная традиция расписывать сосуды красками, носившая застойный характер в течение трех тысячелетий, не могла стимулировать столь внезапный и бурный расцвет этого художественного производства на рубеже III—II тыс. до н. э. Расписные сосуды в Закавказье появились, бесспорно, в результате усилившихся контактов с переднеазиатским миром, где роспись различных стилей и направлений господствовала не одно тысячелетие. Б. А. Куфтин [1940] пошел дальше, постулируя тезис о том, что посуда кармир-бердского типа представляет «совершенно своеобразную фацию расписной керамики Передней Азии, развившуюся в области контакта южномесопотамских и западных течений» [с. 7]. Действительно, ряд орнаментальных мотивов на закавказских образцах перекликается с росписью сосудов Элама, Ирана и Месопотамии (Сузы, Тепе-Гавра и др.). Еще более близкие параллели дают сосуды Малой Азии (Алишар, Кюль-Тепе, Кесария), на которых постоянно встречаются волюты, сетки, прямоугольники, ромбы и др. Центром распространения расписной посуды в Малой Азии Ч. Барней считает область Малатья, происхождение же ее объясняет проникновением в восточноанатолийскую зону западноанатолийского влияния [Bugney, 1958, с. 169]. Носители КБК, обитавшие в пределах южных границ Закавказья, находились в постоянных контактах с соседними странами. Высказано предположение об инфильтрации отдельных этнических групп из Малой Азии в Закавказье [Симонян, 1984б]. Во всяком случае, картина передвижений в Передней и Малой Азии в конце III — первой половине II тыс. до н. э. допускает такую ситуацию [Дьяконов, 1968, с. 7—45; История древнего Востока, 1979, гл. X—XI, XV, XIX].

Вместе с тем имеются основания считать, что в становлении КБК существенную роль играли местные традиции (см., напр.: [Ханзадян, 1969, с. 83]). В этом плане заслуживает особого внимания керамический комплекс переходного от РБ к СБ характера, найденный в погреб-

бении у с. Арагац.¹ Здесь, в «каменном ящике», было четыре скелета и 12 сосудов: пять миниатюрных биконических горшочков, два горшочка с тонким черепком и ангобированной поверхностью, два одноручных кувшина с биконическим туловом и высокой шейкой, две чаши и кружечка с полшарной ручкой [Мартиросян, 1964, с. 42]. Расписной посуды в могиле не было. Необычность сосудов сводится к сохранившимся от КУАК традиционным элементам моделировки и орнаментации, которые позднее получили свое развитие в керамике КБК. Сочетание этих элементов характеризует определенный этап местного гончарного производства, когда при сохранении признаков посуды КУАК (чернолощенная поверхность на «розовой подкладке», высокие шейки одноручных кувшинов, строение бортиков и узких донцев мелких сосудов, наличие мелких ложных ручек) возникает ряд новых особенностей (почти полное исчезновение полушарных ручек и замена их дугообразными, изменение контура корпуса, упрощение резной орнаментации). При детальном сопоставлении гончарной продукции КУАК и КБК в целом впечатление о внезапности появления последней рассеивается. Среди сосудов КБК имеются экземпляры, по формам тяготеющие к более древним образцам (биконические сосуды на маленьких доньках, ладьевидные миски в форме «срезанного ореха» и др.). Чернолощеную посуду КБК роднит с куро-аракской принцип задымления поверхности с последующим ее лощением. Прием украшения сосудов КУАК (ленты, состоящие из геометрических элементов) позднее мы находим на посуде КБК, хотя здесь он трансформируется в широкие фризы, охватывающие целиком весь корпус. Совпадают и другие мотивы — косые сетки, вписанные друг в друга углы, ряды треугольников. Таким образом, сходство намечается как в формах сосудов, так и в приемах и мотивах орнаментации.

Вопрос датировки КБК связан с большой и сложной проблемой хронологии кавказских культур периода бронзы в целом, все еще находящейся в стадии дискуссии. Радиоуглеродных дат комплексов СБ южной зоны региона пока нет. Учитывая приведенные точки сближения сосудов КУАК и КБК, а также перекрывание на ряде поселений Араратской долины слоями с расписной кармир-бердской посудой слоев КУАК, можно утверждать, что эти два керамических комплекса хронологически смыкаются. Более того, на поселениях Айгеван и Джраовит зафиксировано их совмещение на одних и тех же уровнях [Ханзадян, 1975, с. 478; Есаян, 1981]. Иными словами, КУАК явилась основой не только для ТК, но и для КБК. Однако и здесь сложность вопроса заключается в том, что по поводу верхней хронологической границы КУАК у исследователей пока нет единой точки зрения.

Для хронологии памятников КБК большое значение будет иметь открытие в южной зоне комплексов типа Арагац (последняя треть III тыс. до н. э.), несущих в себе черты гончарного производства обеих эпох. Так называемые ранние курганы на территории Грузии документируют самый ранний этап ТК. Возможно, с открытием подобных комплексов в южной зоне нижняя хронологическая граница КБК, ранний этап которой будут представлять именно такие памятники, окажется также передвинутой вглубь III тыс. до н. э. На такую вероятность указывают необычный сосуд и ювелирные изделия из курганных погребений на р. Хаченагет в Карабахе [Кушнарева, 1954, рис. 1], проявляющие удивительное сходство с инвентарем из богатых курганов Цнори [Дедабришвили, 1979, табл. X, IX, XVII]. До недавнего вре-

мени нижняя граница КБК большинством исследователей определялась XX—XIX вв. до н. э. Однако в последнее время на основании стратиграфического совмещения в Айгеване и Джраовите расписной кармир-бердской и чернолощенной куро-аракской посуды нижняя граница КБК заглабляется до XXIII—XXI вв. до н. э. [Есаян, 1981; Симонян, 1984б]. Во всяком случае, комплексы типа Арагац и Хаченагет должны датироваться именно этим периодом.

Верхний хронологический рубеж КБК в свете последних данных определяется как будто более четко. Среди множества «чистых» погребений КБК встречено несколько комплексов, где кармир-бердские сосуды найдены вместе с более поздней керамикой севано-узерликского типа. Это курган № 1 Кармир-Берда, погребения 9, 22—23 Верин-Навера, горизонты поселений Айгеван, Мецамор, Джраовит, Гарни. По-видимому, это был короткий период, когда на фоне массового производства кармир-бердской посуды начала выпускаться севано-узерликская керамика. Таким образом, это наиболее поздние кармир-бердские погребения, фиксирующие верхний хронологический рубеж КБК. В погребении 23 Верин-Навера обнаружен чернолощенный сосуд, совершенно идентичный сосуду из поселения Узерлик-Тепе, являющегося эталонным памятником севано-узерликской группы памятников. Кроме сосудов, здесь находилось ожерелье из фаянсовых, стеклянных и агатовых бус, в составе которого были и морские моллюски. Аналогичные бусы обнаружены в кургане 27 Кармир-Берда и в шести типично кармир-бердских захоронениях Верин-Навера. При сопоставлении состава ожерелья с продукцией одной из ювелирных мастерских Южной Месопотамии — мастерской в Ларсе [Arnaud et al., 1979, fig. 14—44] была установлена их полная идентичность и высказано предположение, что эти ювелирные изделия были импортированы в Закавказье [Симонян, 1984а]. Наиболее благоприятным отрезком времени для этого следует считать период расцвета старовавилонского царства и ассирийского государства (XIX—XVIII вв. до н. э.), когда торговля стала предметом особой заботы и ею занимались специальные торговые агенты — тамкары [История древнего Востока, 1979, с. 123—129, 131—134, 141—143]. Позднее, в период упадка старовавилонского царства, вероятность интенсивных торговых связей менее реальна. Исходя из этого можно предположить, что вторая половина XVIII в. до н. э. — последний рубеж для возможного проникновения южномесопотамского импорта в Закавказье. Таким образом, время поздних «пограничных» погребений КБК, в которых уже встречаются сосуды севано-узерликского облика, вероятно, падает на XIX—XVIII вв. до н. э.¹

Севано-узерликская группа памятников. На фоне большого и разрозненного материала периода СБ Закавказья выделяется группа памятников (поселения, могильники), ведущим элементом которых является посуда, расписанная в ином, нежели кармир-бердская, декоративном стиле. Она имеет все ту же красно-черную цветовую гамму, однако вместо широких орнаментальных фризов с метопами из «двойных секир», «шахматных полей», «песочных часов», волют и спиралей, окаймляющих эти фризы, здесь появляются другие элементы — горизонтальные пояса и свисающие гирлянды косорасположенных заштрихованных ромбов и параллельных волнистых линий. С ней сосуществует «кухонная» и чернолощенная керамика, украшенная штампованным орнаментом, нанесенным «шагающей гребенкой». Если разница

¹ В 1981 г. на том же могильнике Р. М. Торосьяном было открыто еще несколько аналогичных погребений. Однако эти материалы не опубликованы.

¹ В последнее время, в связи с открытием новых комплексов, предложена иная датировка памятников КБК [Арешян и др., 1990]. К сожалению, мы не имеем возможности привести в настоящей работе систему ее обоснования.

в декорровке кармир-бердской и описанной выше расписной посуды подмечается сразу, то в отношении чернолощеной столь категоричных суждений не существует; ее сопоставительный анализ пока не проводился.

В свое время памятники с упомянутой расписной посудой А. А. Мартиросяном [1964, с. 56] были объединены в так называемую севано-узерликскую группу. Позднее, опираясь на большой объем источников, мы предложили их трактовать как показатель бытовавшей некогда культуры, родственной кармир-бердской [Кушнарева, 1983, 1985]. Основанием для такой рабочей гипотезы являлась редкая взаимовстречаемость расписных сосудов двух разных стилей в одних и тех же комплексах. Создавалось впечатление, что одна культура сменила другую.

Гипотеза о двух культурах с самого начала не вызвала у автора полной уверенности; мы не исключали тогда, что разница двух материальных комплексов может отражать также этапы развития в рамках одной культуры. При этом была сделана оговорка о том, что для решения этой проблемы необходимо получение новых материалов [Кушнарева, 1983, примеч.], которые, кстати, начали накапливаться уже в самое последнее время.¹ Оставляя дискуссионным вопрос о реальном существовании севано-узерликской культуры, перейдем к характеристике конкретных памятников, наделенных определенной спецификой. За ними мы сохраняем все то же наименование (севано-узерликская группа — СУГ), указывающее отчасти на их топографическую привязанность.

Памятники с охарактеризованной керамикой встречаются по всей территории распространения КБК и простираются дальше на восток, охватывая Мильскую степь и прилегающие к ней с юга предгорья [там же, рис. 3]. Среди известных комплексов преобладают погребения; большая их часть выявлена случайно и не имеет точной документации. Систематический характер носили работы на могильнике Арич (Ширак) и на поселении Узерлик-Тепе (Мильская степь). На полученных материалах и строится в основном наше представление о характере севано-узерликской группы памятников.

Исследованное нами в Мильской степи поселение Узерлик-Тепе и сегодня остается единственным бытовым памятником СУГ, на котором осуществлялись систематические раскопки [Кушнарева, 1957б, 1959а, 1965]. Здесь выявлена стратиграфическая колонка, дающая опору для установления относительной хронологии всех нестратифицированных комплексов со сходными материалами. Раскопки дали разносторонний материал по истории хозяйства и строительного дела. Таким образом, памятник этот для изучаемого периода является эталонным. Холм, на котором расположено поселение, имеет диаметр около 200 м, высоту 10 м (рис. 57, 1). Раскоп на восточном склоне выявил культурный слой толщиной 3 м (следовательно, в центре холма отложения были значительно мощнее). Деление слоя на три горизонта сделано на основе четко установленных строительных периодов (4). Добытый археологический материал из этих горизонтов воспринимается как единое целое, хотя отдельные его элементы прослеживаются в динамике.

¹ Публикация ряда новых комплексов и исследований значительно продвигает проблему осмысления культурно-хронологических взаимоотношений памятников среднебронзового века в Междуречье Аракса и Куры [Арешян и др., 1990; Симонян, 1990]. Указанными авторами начата большая и серьезная работа по типологическому анализу и синхронизации комплексов Закавказья, которая при успешном продолжении может завершиться обоснованием новой периодизационной схемы.

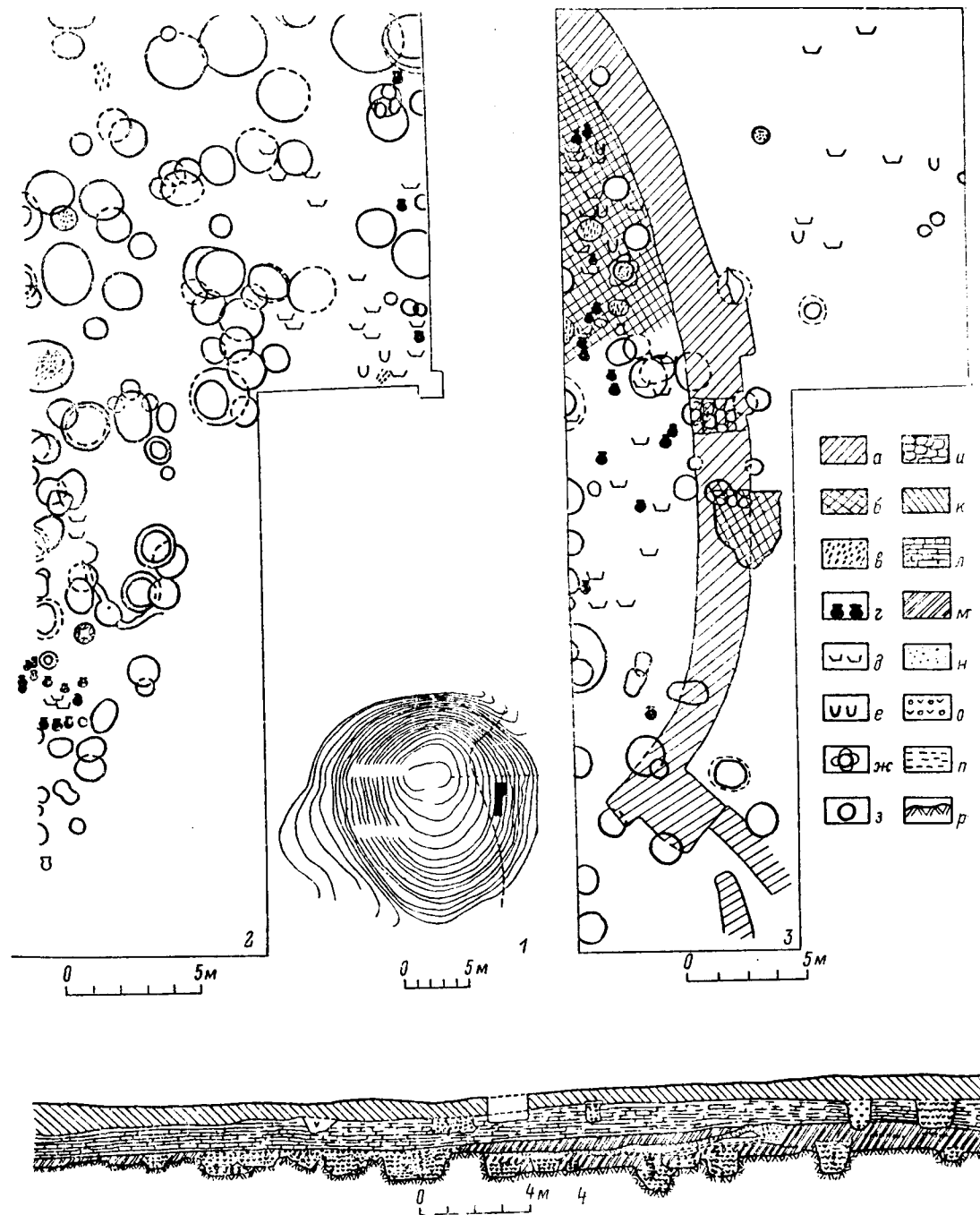

Рис. 57. Поселение Узерлик-Тепе.

1 — общий план и положение раскопа в 1956 г.; 2—3 — общий план раскопа (2 — нижний слой, 3 — средний и верхний слои); 4 — разрез по западному фасаду оборонительной стены. а — стена из сырцовых кирпичей; б — остатки жилищ с глинобитными полами; в — очаг с глиняной обмазкой; г — сосуды; д — зернотерки; е — ступки; ж — очаг из камней; з — ямы; и — сырцовые кирпичи в плане; к — верхний слой поселения; л — сырцовые кирпичи в разрезе; м — плотный глинистый слой; н — зола и зольные прослойки; о — скопления мусора; п — угольные прослойки; р — материк.

Первоначальное поселение (слой 0,8 м) обосновалось на невысоком холме и носило незащищенный характер. Его отличает обилие ям различного назначения: околоочажные зольные ямы, погреба, зернохранилища, мусорные ямы (рис. 57, 2). Самые крупные ямы с соломой на дне служили в качестве зимников для ягнят, что соответствует способу их содержания в Мильской степи в холодную пору и в настоящее время. В этом же слое выявлены остатки дома на столбах со стенами из толстых жердей, обмазанных глиной; перекрытие состояло из деревянных плах; глинобитный пол был покрыт камышовой циновкой, на полу стояли сосуды. В развале очага обнаружены куски глиняной переносной печи, на высоких вертикальных стенках которой, судя по этнографическим параллелям, выпекались лепешки. В очаге — глиняный тигелек с застывшими каплями металла, который вместе с куском шлака документирует бронзолитейное дело в самый ранний период жизни поселения (рис. 58, 10); около очага — галечные песты, терочки, каменные крышки для сосудов. Помещение нами названо «дом литейщика».

Среди находок древнего слоя преобладала керамика двух групп: «кухонная» посуда (I группа) — округлые и яйцеобразные грубые закопченные горшки, миски и чашечки (рис. 58, 1) — и столовая посуда (II группа) — небольшие глубокие горшочки и широкогорлые миски с округлым туловом и отогнутым венчиком, сформированные из тонкой, хорошо отмученной глины и имеющие черно- или буролощеную поверхность; они украшены врезным орнаментом — поясками или лентами, заполненными короткой штриховкой или «елочкой», меандром, пучками врезных линий, аркообразными фигурами, нанесенными небрежно, на глаз, без предварительной разметки (2).

Средний полутораметровый слой с большим количеством очагов из камней, очажных пятен и хозяйственных ям насыщен материалами значительно больше (рис. 57, 3). Здесь открыта мощная оборонительная стена из сырцовых кирпичей, которая, судя по кривизне расширенного ее участка (дл. 35 м), огибала всю центральную часть холма и имела, по-видимому, несколько входов: один из них — восточный — фланкируемый контрфорсами, открыт нами во время раскопок. Ширина стены 3 м, высота сохранившейся части 1 м. Основные находки и остатки домов зафиксированы с внутренней ее стороны. В этот период поселение дважды подвергалось пожарам (мощные угольные прослойки). Открыты остатки домов с глинобитными полами и деревянными перекрытиями, аналогичные постройке древнего слоя. На полу одного из них находился крупный сосуд с зерном, глиняная крышка, чернолощенные сосуды, ступки, зернотерки, вкладыши серпа, наверху булавы, бронзовый кинжал (рис. 58). Здесь же была куча горелого зерна, хранившегося, очевидно, в мешке.

По мере разрушения жилищ и нарастания культурного слоя оборонительная стена потеряла свое значение и была сивелирована; жизнь сосредоточилась на более высоком горизонте, в результате чего образовался верхний слой, характеризующий последний этап жизни поселения. Несмотря на его плохую сохранность, здесь выявлены остатки все тех же глинобитных полов, на которых найдены традиционные предметы быта.

Керамика среднего и верхнего слоев воспринимается как единый комплекс. «Кухонная» посуда не видоизменяется. Совершенствуется чернолощенная керамика (II группа): появляются симметричные крупные сосуды; особенно изящными становятся миниатюрные горшочки, иногда снабженные каблучковым поддоном и вдавленным горизонтальным пояском под венчиком, что намечалось на сосудах древнего

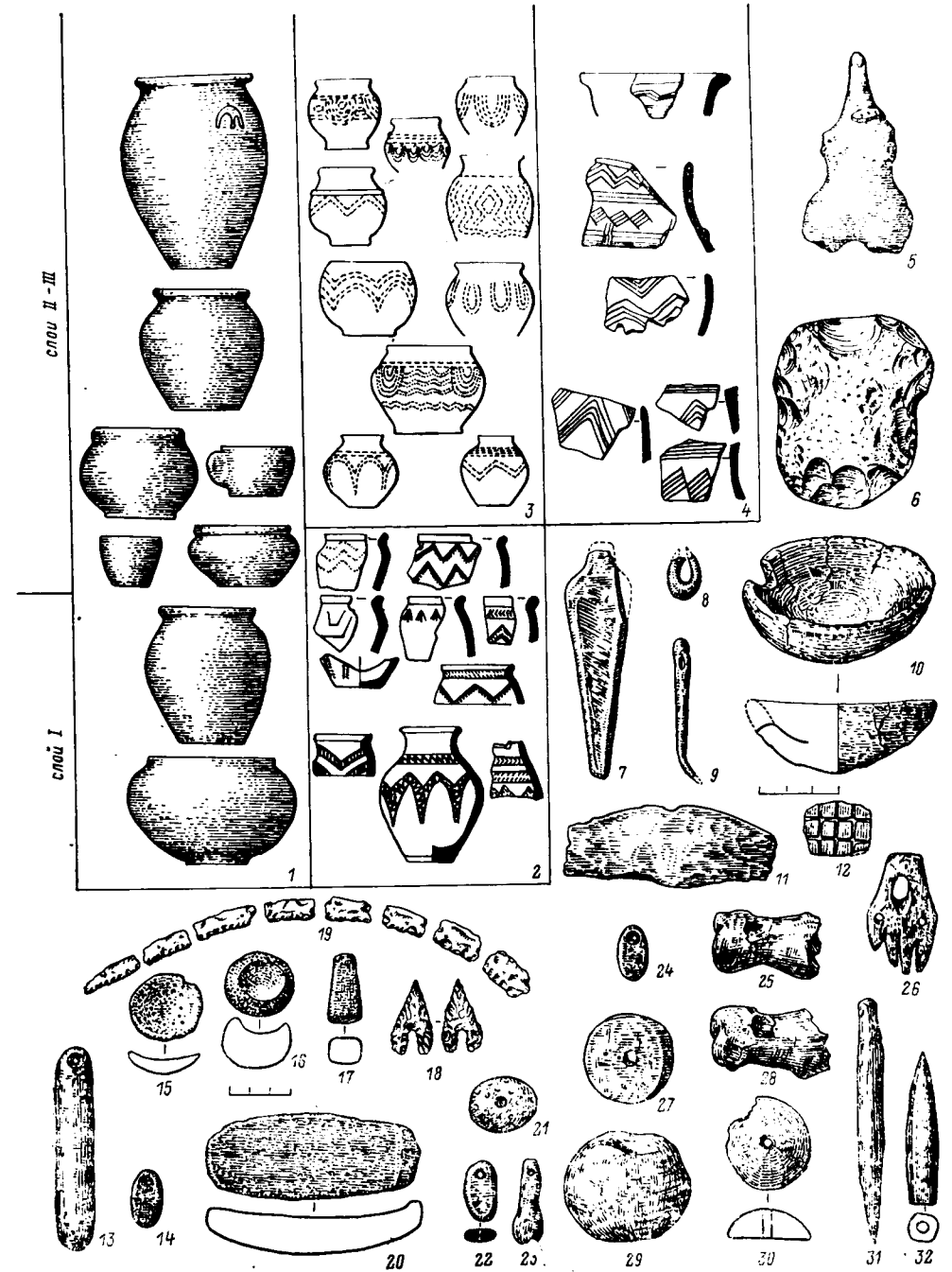

Рис. 58. Материалы из поселений Узерлик-Тепе (1—5, 7—32) и Расул-Тепеси (6).

1 — кухонная посуда и сосуды-хранилища (I—III слой); 2—3 — чернолощенная посуда (2 — I, 3 — II—III слой); 4 — расписная посуда (III слой); 5 — женская глиняная статуэтка; 6 — каменная мотыга; 7—9; 11 — изделия из бронзы; 10 — глиняный тигелек; 12, 25, 26, 28—32 — изделия из кости; 13—24, 27, 29 — изделия из камня.

слоя; улучшается качество чернения и лощения; на смену резному орнаменту приходит штампованный, нанесенный «шагающей гребенкой»; орнамент приобретает симметричный рисунок и накладывается с предварительной разметкой, очевидно, с помощью циркуля; к старым орнаментальным схемам (аркообразные фигуры, горизонтальные пояса) прибавляются новые — вписанные друг в друга дуги, овалы, вертикально спускающиеся зигзагообразные линии (рис. 58, 3). Таким образом, посуда II группы на протяжении жизни поселения эволюционирует, что связано с растущей специализацией керамистов. С этим прогрессом, вероятно, соотносится появление в верхних слоях парадной красноангобириванной расписной посуды (III группа), представленной крупными «гидриями». Роспись состоит из комбинаций прямых и волнообразных косозаштрихованных ромбов (4). В некоторых случаях в качестве фона используется краска кремового цвета. Подсчеты керамики верхних слоев дали следующие результаты: I группа — 61%, II группа — 37%, III группа — 2%.

Здесь же обнаружено множество вкладышей серпов, терочников, ступок, пестов, зернотерок, наверший булав, оселков, точильных камней, костяных предметов (рис. 58); интересен костяной гребень для прибивания утка на примитивном ткацком станке. Многочисленные осколки обсидиана свидетельствуют о производстве орудий на поселении.

Предметы хозяйственного обихода и «кухонная» посуда на протяжении жизни поселения остаются стабильными. Эволюционирует только керамика II группы (рис. 58, 2, 3). Чернолощенная посуда нижнего слоя имеет ряд архаичных черт (миниатюрность, темная лощеная поверхность, врезной орнамент в виде заштрихованных поясов и ломаных лент), связывающих ее с традициями КУАК. Одновременно она сближается с сосудами переходного от РБ и СБ характера (Арагац) и с посудой памятников КБК (Арич, Агджакала-Грамп, Золакар, Гарни). Ее аналогиями служат сосуды из случайных находок в Армении (Эчмиадзин, Элар, Нор-Баязет, Гарни, Ахлатян, Астапат и др. — рис. 59, 9, 24, 25—31); тем самым последние получают свою культурно-хронологическую атрибуцию. С верхними слоями Узерлик-Тепе, судя по керамике, синхронизируются культурные отложения на неисследованных многослойных поселениях той же Мильской степи (Геой-Тепе, Расул-Тепе, Наргиз-Тепе, Кюль-Тепе, Хан-Тепе, Узун-Тепе) [Иессен, 1965а, с. 18] и бассейнов рек Гуручай и Кендаланчай [Алиев, Исмаилов, 1969, с. 48].

Совершенно иной облик носит другой памятник СУГ — комплекс Лори-Берд, находящийся в высоких предгорьях Северной Армении, недалеко от г. Степанаван. Здесь, на возвышенных склонах у р. Мисханы, располагался обширный могильник и огромное поселение с монументальными каменными постройками [Деведжян, 1981]. Поселение укреплено циклопическими стенами, толщина которых в некоторых местах достигала 7 м. Оборонительные стены построены в несколько рядов и спускались к реке, закрывая доступ в ущелье.

Время сооружения этого монументального комплекса будет уточнено по мере его исследования; бесспорно, он создавался на протяжении многих столетий. Раскопки же здесь только начались. На исследованном участке наиболее раннее жилище (№ 1) было построено в эпоху СБ. Это было громадное помещение в форме неправильного прямоугольника (длина северо-восточной стены 24 м, юго-восточной — 26 м), разделенное перегородками на 4 комнаты. Комната № 2 была подтреугольной формы (3×15×10 м); пол вымощен галечником. Среди находок преобладала чернолощенная керамика с орнаментом, на-

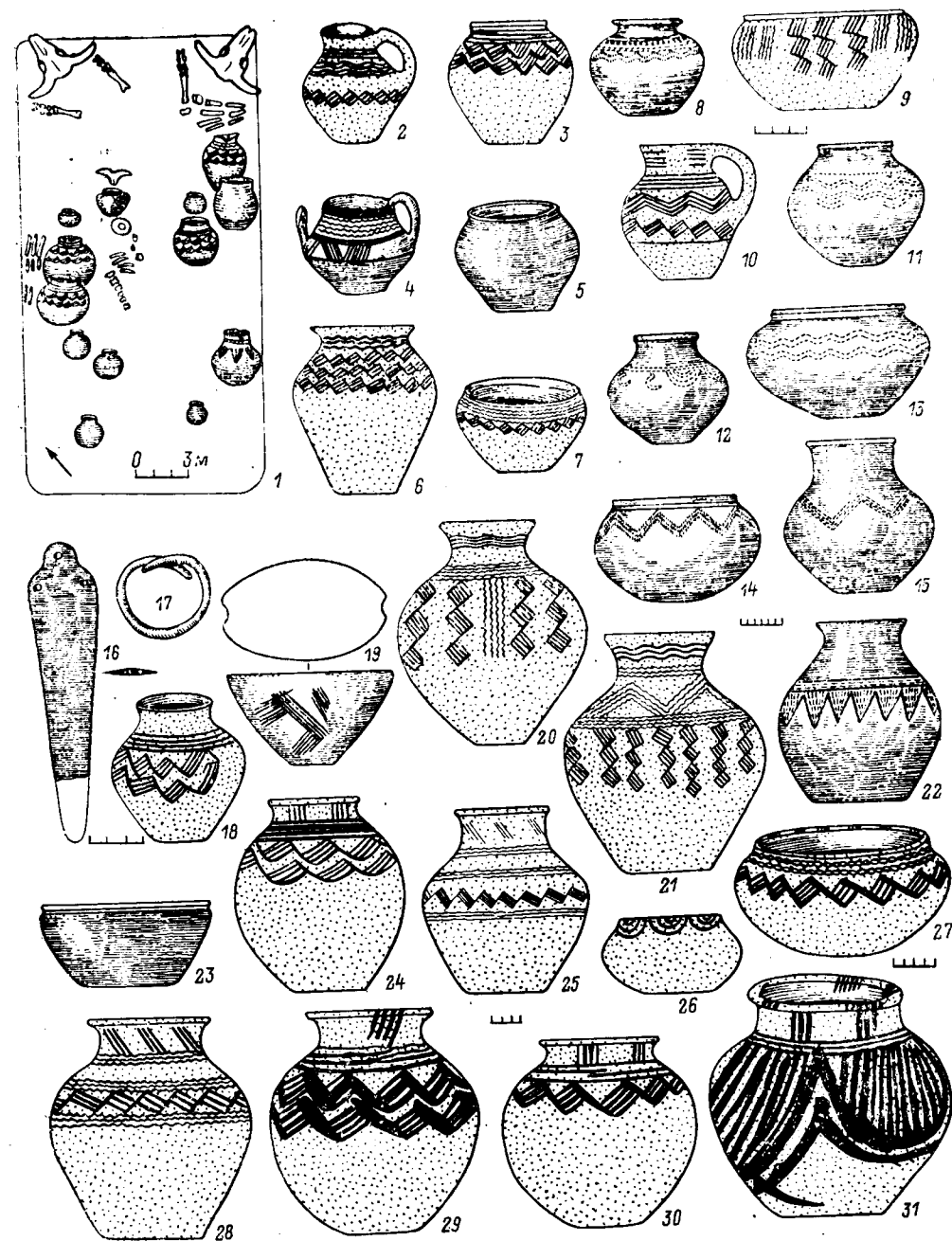

Рис. 59. Материалы из могильников на территории Армении.

1—7 — Лчашен, погребение № 6; 8, 11—13 — Севан-ГЭС; 9 — Ахлатян; 10 — Карч-Ахпюр; 14, 15, 19, 25 — Камо; 16, 17, 20, 21—23, 26 — Золакар (22—23 — погребение № 2); 18 — Мецамор; 24 — Астапат; 27—31 — Гарни.
1 — план погребения; 2—15, 18—31 — керамика; 16, 17 — изделия из бронзы.

несенным «шагающей гребенкой», аналогичная посуде Узерлик-Тепе, Лчашена, Арича и др. Здесь также найдены зернотерки, ступки, вкладыши серпов, скребки, ложила, обсидиановый наконечник стрелы, шило. Этот традиционный набор бытового инвентаря характеризует жителей лори-бердского поселения как земледельцев, скотоводов и охотников.

Облик лори-бердского комплекса резко контрастирует с одновременным поселением Узерлик-Тепе. Особенности каждого определил характер экологической ниши, а также местные ресурсы строительного материала. Вместе с тем оба поселения имеют оборонительные стены, свидетельствующие, в частности, о близкой социально-экономической ситуации.

Памятники СУГ известны также из районов Севана (Лчашен, Золакар и др.). Лчашенский курган 6 является одним из погребений курганного могильника, в котором под небольшой каменной насыпью находилась просторная грунтовая яма прямоугольной формы (рис. 59, 1). В двух углах лежало по бычьему черепу и паре конечностей. В могиле оказалось 15 больших и малых сосудов все тех же трех групп — расписные, чернолощенные, «кухонные» (2—7). Необычен черный двуручный биконический сосуд — «килик» (4) с орнаментом в виде горизонтальных и волнистых лощеных линий; это самый ранний в серии южнокавказских сосудов, указывающих на непосредственные контакты с малоазийской культурой [Арешиян, 1973].

В одном из золакарских погребений обнаружены две расписные «гидрии», кинжальный клинок и браслет, а также миниатюрная мисочка, расписанная полукругами, которые с помощью «шагающей гребенки» наносились на чернолощеную посуду верхних слоев Узерлик-Тепе. находка последней позволяет синхронизировать с этим погребением другую случайно открытую в Золакаре могилу, где вместе с тремя такими же мисками была четвертая, расписанная зигзагами, красноглиняный широкогорлый горшок с параллельными волнистыми линиями, черные и светлые глубокие чаши с резным орнаментом, а также грубый «кухонный» горшок.

К СУГ в Севанском бассейне, кроме того, относятся случайно найденные расписные сосуды и грунтовые погребения с чернолощенной посудой, украшенной «шагающим» штампом (рис. 59, 11—15). На одном из севанских сосудов рядом с вписанными друг в друга дугами расположены завитки, напоминающие гирлянды спиралей посуды КБК (рис. 59, 12) [Мнацаканян, 1965, табл. 1—3]; это наглядный пример использования на новом этапе гончарного производства старых орнаментальных мотивов. Керамика Севан-ГЭСа и Нор-Баязета украшена широкими штампованными зигзагообразными поясами из инкрустированных белой массой точечных углублений. Аналогичные миски и горшки с точечным орнаментом в виде волнистых линий, «проявленных» белой краской, найдены в Дилижане и Джуджеване [Есаян, 1976, рис. 85, 1—4]. Напомним, что следы белой инкрустации заметны и на некоторых узерликских сосудах. Таким образом, «проявление» белой пастой сложнофигурного штампованного орнамента является одним из признаков чернолощенной посуды СУГ в восточных районах ее распространения.

Выявление в Севанском бассейне и в Мильской степи бытовых и погребальных памятников, керамика которых несет на себе ряд инноваций (точечный орнамент, подчеркнутый белой инкрустацией, мотив арочных лент и др.), говорит об их культурно-хронологическом единстве.

К изучению СУГ должны быть привлечены материалы поселения

и могильника Гарни; поселение было обширным, так как находки сделаны в разных частях Гарнийской крепости; на двух участках они перекрывали слой КУАК. К поселению примыкал могильник. В двух грунтовых могилах сосуды представлены традиционными группами — расписные (рис. 59, 27—31), темнолощенные и «кухонные». В Араратской долине расписная керамика СУГ зафиксирована также на ряде поселений — Муханнат-Тапа, Мецамор, Джраовит, Эчмиадзин и в погребениях — Агджакала-Грампя, Эчмиадзин, Цицернака-Берд.

Интересную картину эволюции керамики СУГ дают памятники Северо-Западной Армении. В погребениях Аричского могильника обнаружены пока лишь чернолощенные сосуды с точечными узорами, затертыми белой пастой, и «кухонные». Расписная посуда отсутствует, зато в некоторых могилах найдены разнообразные металлические предметы, значительно расширяющие наши представления о характере металлопроизводства СУГ в целом. Одиночные захоронения совершались в подкурганных грунтовых либо туфовых могилах, перекрытых плитами. Установлена их внутренняя хронология [Хачатрян Т. С., 1975, с. 109]. Самым ранним погребением (№ 50, 93 111 и др.) свойственно сочетание чернолощенной и «кухонной» посуды. Первая представлена горшками и традиционными еще для КБК глубокими мисками: точечный орнамент образует волнообразные пояса, зигзаги и свисающие дуги, как бы повторяющие в новой технике элементы кармир-бердской росписи; встречаются следы белой инкрустации; чернолощенные сосуды часто не украшены. Эта керамика синхронизируется с посудой из комплексов Севан-ГЭС, Дилижана, Камо и среднего слоя Узерлик-Тепе. Правда, в Ариче ни разу не встречен мотив арочных лент, столь характерных для узерликской керамики. Следующая по времени группа аричских погребений представлена скромными могилами (№ 78, 67, 65). Исключение составляет богатое захоронение № 44 (рис. 60, 3, 14, 16, 18, 22), имеющее некоторые особенности как в конструкции (большая курганная насыпь, деревянное перекрытие могилы), так и в погребальном обряде (отсутствие скелета, наличие угольков и золы, возможно, связанных с обрядом «очищения» могилы). Для этой группы характерны уже предметы из металла. Сосуды более пропорциональны, нежели ранние; в них соблюдаются соотношения размеров дна, тулова, шейки и венчика, однако по-прежнему сохраняются низкая шейка и отогнутый венчик. Наряду с поясами волнистых линий и зигзагов появляются меандры, свастические фигуры и треугольные шевроны, выведенные все тем же «шагающим» штампом (11, 14, 15). На отдельных сосудах впервые появляются треугольники, нанесенные уже способом лощения, характерным для более поздних периодов (18). Наконец, в могиле 65 обнаружен чернолощенный «килик» (13), близкий найденному в Лчашенском кургане 6. Оба сосуда следует считать ранними в серии закавказских «киликов» СБ, тяготеющих к малоазийским формам.

В последние годы в Северо-Западной Армении осуществляются раскопки в районе г. Ширакаван (Анийский р-н). Здесь на вершине и склонах естественных возвышенностей исследуется многослойное поселение. В слое периода СБ открыто помещение с хозяйственными ямами, остатками очага и большим количеством орудий труда (песты, зернотерки, ступки, вкладыши серпов, долото, отжимники и др.). Здесь же находились типичные для СУГ расписные и чернолощенные сосуды.

Подводя итог сказанному, необходимо еще раз отметить, что состояние археологической базы позволяет сегодня выделить СУГ только на основе самого массового материала — керамики. Вместе с тем именно этот признак придает особое своеобразие рассмотренному кру-

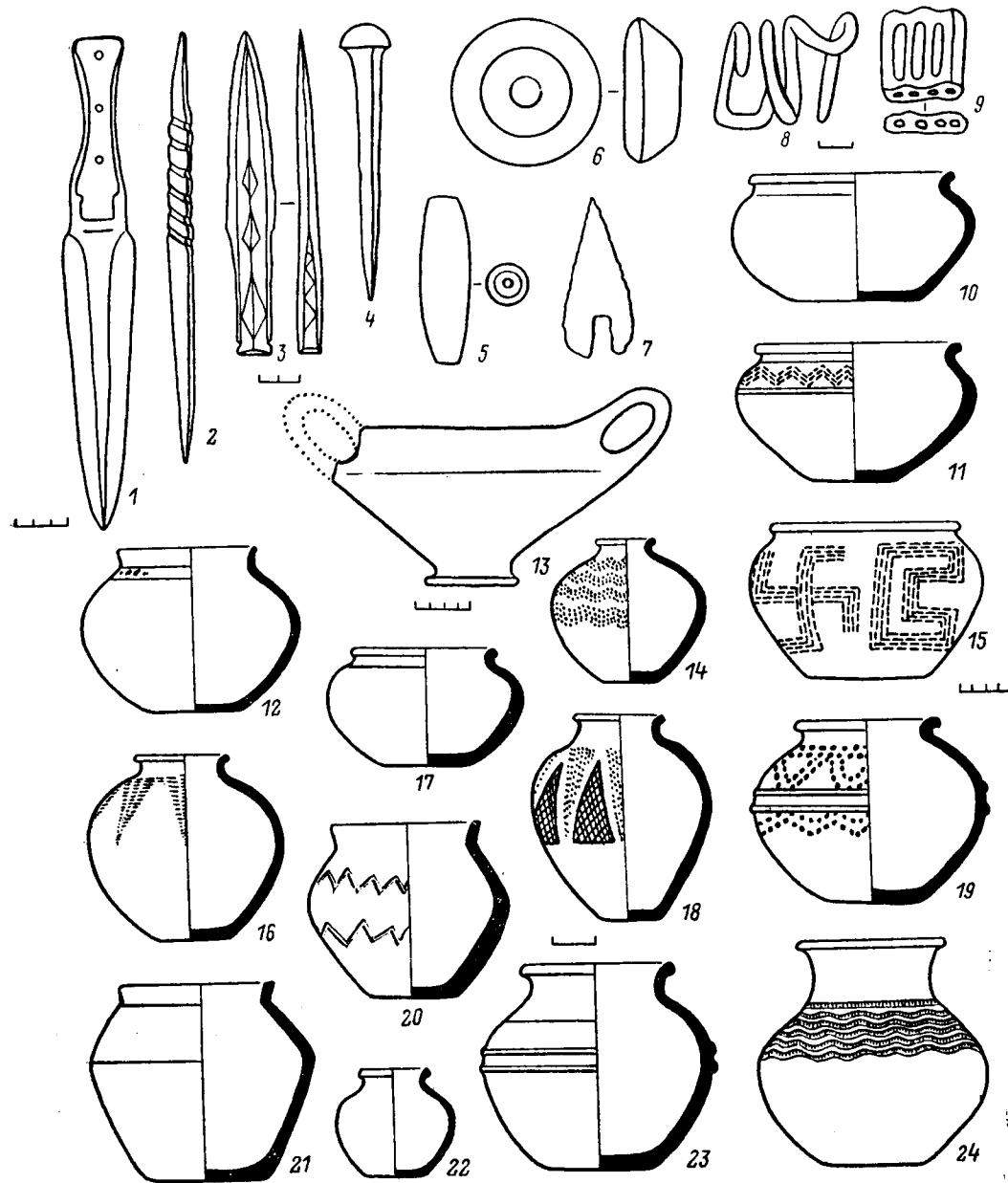

Рис. 60. Могильник Арич. Материалы из погребений.

1, 2, 7 — погребение № 78; 3, 14, 16, 18, 22 — № 44; 4—6, 8, 9, 13, 15 — № 65; 10, 12, 20, 21, 24 — № 93; 11, 17, 19, 23 — № 111.
1—4, 8, 9 — бронзовые изделия; 5 — сердоликовая бусина; 7 — обсидиановый наконечник стрелы;
10—24 — керамика.

гу памятников. Сохраняя некоторые традиционные кармир-бердские черты, керамика приобретает более совершенные формы и новые мотивы орнаментации. Широкогорлые округлые горшки постепенно вытягиваются, превращаясь в «гидрии», характерные для последующего кировакано-триалетского этапа; однако на узерликском этапе они имеют еще низкое горло и отогнутый венчик. Сложный фриз кармир-бердского стиля на расписных сосудах заменяется более простыми украшениями в виде волнистых линий, перемежающихся с поясами из ромбов. На чернолощеных мисках впервые появляются мотивы вписанных друг в друга дуг и арочных лент, которые наносятся гребенчатым штампом; последний приходит на смену резьбе и иногда инкрустируется белой пастой.

В отличие от бедной металлом КБК комплексы СУГ дают некоторые виды бронзовых изделий. Кинжалы, браслеты, иглы и колечки из Узерлик-Тепе и Золакара имеют еще архаичные формы III тыс. до н. э. Однако узерликские изделия изготовлены уже из оловянистой бронзы, тогда как все предметы КУАК отливались из медно-мышьяковистой. Заметное количество бронзовых предметов появляется в погребениях более поздней группы Арича (кинжал с рамочной рукоятью, втульчатое копьё, булавки, бусы-разъединители, височные завитки — рис. 60, 1—4, 8, 9). Известные в Закавказье ранние экземпляры втульчатых копий (Кировакан, Триалети, Месхети и др.) находят параллели в памятниках средиземноморского круга, где они часто сочетаются с кинжалами с рамочной рукоятью. Аричское копьё дополнительно украшено «елочкой» и имеет в нижней части втулки пазы для закрепления древка; оно, как и копьё из Триалети и Кировакана, носит парадный характер. Кавказские кинжалы с рамочной рукоятью имеют переднеазиатское происхождение [Погребова, 1977, карта 3]. Их импорт в Закавказье началось с конца XVII в. до н. э. Бронзовое долото, как и долото из Кировакана, восходит к орудиям беденской культуры (Марткопи, Шулавери). В металле выполнены и некоторые аричские украшения. Бронзовые завитки копируют образцы, известные по ранним курганам Триалети; последние восходят к шумерским образцам. Булавка принадлежит также к числу архаичных образцов, получивших в дальнейшем широкое распространение на Кавказе; она сходна с булавками Кизыл-Ванка и Азнабюрта. Разъединитель бус имеет на Кавказе единственную аналогию в материалах Кизыл-Ванка; он принадлежит скорее всего к предметам хурритского происхождения. Вместе с хурритскими печатями начиная с XVIII в. до н. э. подобные разъединители распространяются по всей Передней Азии. Таким образом, в период бытования СУГ на Южном Кавказе наблюдается прогресс металлопроизводства, которое через несколько столетий превращается в мощную отрасль ремесла. На новшества в его технологии, выразившиеся, в частности, в освоении оловянистых сплавов, указывают остатки литейного дела (тигель, шлаки) и бронзовые предметы из поселения Узерлик-Тепе. Наряду с местными формами в Закавказье бытовали изделия, завезенные с юга (кинжалы с рамочной рукоятью, разъединители бус).

В итоге для памятников СУГ характерны следующие признаки: поселения с оборонительными стенами (циклопическими в предгорных и горных районах, сырцовыми — в степных); наземные жилища с каменными стенами (в предгорных и горных районах); наземные жилища на деревянных столбах со стенами из плетенки, обмазанной глиной; постройки из сырцового кирпича (в степных районах); переносные глиняные печи эллипсовидной формы с высокими стенками (в степных районах); курганная насыпь; грунтовая могила либо мо-

гила, выдолбленная в туфе; одиночные захоронения; положение в могилу отдельных частей убитых животных; красноангобирванная посуда, расписанная поясами ромбов и параллельными волнистыми линиями; чернолощенная посуда, украшенная различными орнаментальными схемами (зигзаги, вписанные друг в друга дуги, арочные ленты и др.), нанесенными «шагающим» штампом; металлические изделия (втульчатые копья, долота, кинжалы, браслеты, булавки, иглы, височные кольца). Однако определяющим признаком является керамика — в большей мере расписная, в меньшей — чернолощенная. Следует оговориться, что перечисленные признаки, за исключением керамики, выявлены лишь на отдельных памятниках, поэтому они пока не могут считаться ведущими для СУГ в целом.

Не менее сложны проблемы генезиса и хронологии СУГ. Сегодня бесспорно она близка памятникам КБК; и та и другая сформировались на общем фундаменте КУАК и вобрали в себя ряд инноваций как с юга, так и с севера. Как уже было сказано, их в первую очередь сближает наличие монохромной, хотя и разностильной, расписной посуды. Для КБК, помимо сосудов с характерными элементами росписи, уже выявлен ряд сопутствующих ей признаков, повторяющихся в серии известных комплексов; это стало возможным в результате систематических раскопок прежде всего могильника Верин-Навер. Для севано-узерликских памятников, исследованных хуже, таковые пока только слабо намечаются. Если по мере их выявления они совпадут с признаками КБК, то комплексы СУГ надо будет рассматривать как характеризующие последний этап ее развития, на котором изменился лишь стиль росписи гончарных изделий. Если же эти признаки окажутся своеобразными и отличными от признаков КБК, то поставленный вопрос о существовании севано-узерликской культуры получит обоснование. Для этого нужно расширять источниковедческую базу. В любом случае этот этап (или культура) тесно связан с предшествующей КБК.

Как уже отмечалось, в большинстве кармир-бердских и севано-узерликских комплексов посуда двух разных стилей встречается раздельно. И все же в ряде случаев она оказалась совмещенной. Этот факт в какой-то мере проливает свет на взаимосвязь названных двух групп памятников. Сосуществование в одних и тех же комплексах разностильной посуды документируют среднебронзовые слои поселений Айгеван, Мецамор, Муханнат-Тапа [Есаян, 1981; Ханзадян, 1973, табл. III, V], а также единичные погребения Кармир-Берда и Верин-Навера (табл. XXXII—XXXIII) [Кушнарева, 1960, рис. 2—5, 8, 12; Арешян, Симонян, Саркисян и др., 1979, табл. II, III; Симонян, 1990]. Таким образом, подавляющая часть комплексов, фиксирующих смену керамики двух стилей, происходит из Араратской долины. Если эти наблюдения подтверждаются новыми фактами, можно будет ставить вопрос о первом появлении расписной посуды севано-узерликского стиля в Араратской долине и о дальнейшей ее радиации отсюда на восток и на северо-запад. Представляется, что на завершающем этапе КБК начинается изготавливаться расписная посуда нового стиля; какой-то отрезок времени керамика обоих стилей сосуществует, а затем последняя полностью вытесняет первую. Данное предположение, как нам кажется, подтверждается и типологическим и технологическим анализом этих групп: севано-узерликская посуда более совершенна, ее формы более закончены — приземистые горшки постепенно вытягиваются, размеры сосудов увеличиваются, а в некоторых случаях они оформляются в «гидрии», столь характерные для более позднего этапа «цветущей поры» ТК. Таким образом, СУГ как будто заполняет отсутствовавшее проме-

жуточное между КБК и поздним этапом ТК звено. Однако это пока лишь рабочее предположение, требующее подкрепления новыми материалами.

Севано-узерликская расписная посуда в большинстве известных комплексов представлена в «чистом» виде. Следовательно, определенный отрезок времени кавказские гончары изготавливали только эту посуду. Лишь в единичных комплексах она зафиксирована вместе с красноглиняными мисками, украшенными дугами и характеризующими вместе с крупными расписными «гидриями» последний этап ТК. Такое совмещение имело место в одной из исследованных могил Золакара (рис. 59, 20, 21, 26). Можно предполагать, что данный комплекс фиксирует верхний хронологический предел СУГ, когда кратковременно сосуществовали два стиля расписной посуды.

Не менее сложно обстоит сегодня дело с датировкой СУГ. Самый древний горизонт Узерлик-Тепе характеризуется отсутствием расписной посуды; его можно частично синхронизировать с финалом КБК. Исходя из средней скорости нарастания культурного слоя в условиях сырцовой архитектуры, можно считать, что он образовался в течение столетия. Единственную дату (3300 ± 260 , т. е. 1340 ± 260 лет до н. э.) [Кушнарева, 1965, с. 99], полученную методом ^{14}C на основании анализа угля из среднего слоя, нельзя назвать твердой, ибо, являясь одним из первых определений возраста лабораторией Института археологии АН СССР, она отличается большой величиной статистической ошибки. Таким образом, продолжительность бытования расписной посуды СУГ должна базироваться на аргументах археологического порядка. Напомним, что она появилась лишь в среднем слое поселения Узерлик-Тепе и просуществовала до конца его жизни. Учитывая те же расчеты, следует предположить, что верхняя, большая, толща поселения образовалась примерно в течение полутора-двух столетий. Напомним также, что наиболее поздние комплексы КБК, в которых уже начинает встречаться севано-узерликская посуда (Кармир-Берд, курган № 1; Верин-Навер, курганы № 9, 22—23), датируются на основании месопотамских ювелирных изделий не позднее середины XVIII в. до н. э. [Симонян, 1984а]. Этот же рубеж фиксирует начало бытования СУГ. Если промежуточное положение севано-узерликских комплексов в системе закавказских культур СБ мы подметили правильно, то время их существования должно падать примерно на XVIII—XVII вв. до н. э. При этом возможны незначительные смещения в сторону их удревления или омоложения.

К проблеме культурной атрибуции памятников типа Кызыл-Ванк. Территория Восточного Закавказья археологически изучена значительно хуже, нежели остальные части региона. Это в полной мере относится к памятникам периода средней бронзы. Известные сегодня комплексы этого периода концентрируются преимущественно в районах предгорий Малого Кавказа, в частности на территории Нахичеванского края. Восточное Закавказье частично входило в границы распространения севано-узерликских и позднетриалетских памятников. К первым принадлежит такой ключевой памятник, как поселение Узерлик-Тепе, ряд соседних поселений (Геой-Тепе, Расул-Тепе, Бабалары-Тепе и др.), ко вторым — погребения в Азнабурде, Зурнабаде, материалы в Кюль-Тепе I, II и случайные находки в окрестностях Нахичевани. В могильнике Зурнабада, в частности, находились типичные для позднего этапа ТК «гидрии», расписанные традиционным сюжетом — «схема воды» и водоплавающие птицы.

На территории Нахичеванского края зафиксированы памятники с расписной керамикой еще одного, четвертого, стиля, которая в дру-

гих районах Закавказья почти не встречается. Комплексы с подобной керамикой обнаружены также на смежной территории Северо-Западного Ирана, что позволяет предположительно говорить о бытовании в этих районах единой археологической культуры. По месту первого обнаружения керамики четвертого стиля, в могильнике у армянского монастыря Кармир-Ванк (местное наименование Кизыл-Ванк), эту культуру условно можно назвать кармир-ванкской или кизыл-ванкской (далее — КВК). Она представлена не только могильниками, но и поселениями; однако последние на территории Нахичевани исследовались недостаточно. Судя по подъемному материалу, жизнь на этих поселениях продолжалась с периода ранней бронзы. Известные поселения делятся на две группы: поселения открытого типа и поселения с оборонительными сооружениями.¹ Среди первых изучены только поселения Кюль-Тепе I и Кизыл-Ванк.

Многослойное поселение Кюль-Тепе I существовало на протяжении нескольких тысячелетий, в результате чего образовался культурный слой мощностью в 22 м [Абибуллаев, 1959а, 1959б, 1963, 1982]; поселение сильно разрушено. Толщина отложений периода СБ (слой III) колеблется от 2 до 3 м. В небольшом раскопе открыты остатки прямоугольных домов с сырцовыми стенами и каменными полами. Среди находок «кухонные» и расписные сосуды, зернотерки, обсидиановые ножи и вкладыши серпов, бронзовые поделки. III слой делится на три горизонта; в нижнем расписная керамика отсутствует; во втором встречена посуда с монохромной росписью, в третьем — с полихромной.

Поселение Кизыл-Ванк расположено на левом берегу Аракса, недалеко от известного могильника и занимает площадь около 2 га [Алиев В. Г., 1983, с. 10]. На небольшом участке выявлена двухметровая толща культурного слоя с остатками прямоугольных построек из неотесанного камня и сырцового кирпича, глиняные очаги, зернотерки, вкладыши серпов, поделки из обсидиана, кости мелкого рогатого скота. Самый массовый материал — керамика (крупные сосуды, чаши, «чайники», вазы, «кухонные» горшки). Расписная посуда разрисована черной, красной и коричневой красками по светлому ангобу; орнамент — прямые и волнистые линии, треугольники, круги. Сосуды идентичны находкам в соседнем могильнике Кизыл-Ванк.

Поселение Шор-Тапа занимает небольшой холм [Алекперов, 1937]. Толщина культурного слоя более 3 м. Шурфовка показала, что это многослойный памятник. Здесь обнаружены строительные остатки, каменные и костяные орудия. В нижнем горизонте найдена расписная посуда. Рядом с поселением располагался могильник.

Кюль-Тепе II — укрепленное поселение [Алиев В. Г., 1972, 1977; 1983, с. 160; Ахундов, Алиев В. Г., 1977, рис. 1—2]. Сейчас это многослойный оплывший холм площадью 10 га, высотой 11 м. Слой периода СБ имел толщину 4—4,5 м и делится на 4 строительных горизонта. Раскопки производились небольшими участками в разных частях поселения. Поселение обнесено каменной стеной, сооруженной на рубеже III—II тыс. до н. э. Нижняя ее часть сложена из камня, верхняя — из сырцового кирпича; высота стен достигала 10 м. Внутри поселения выделена цитадель площадью 3 га. Укрепления цитадели представляли собой сложную систему: это была мощная пятиугольная крепость с прямоугольными башнями; с северной и восточной стороны находился глубокий ров, у входа — фланкирующие контрфорсы. Откры-

¹ Вследствие фрагментарных раскопок и их слабого отражения в печати мы крайне ограничены материалами для характеристики памятников КВК.

тые внутри стен жилища имели прямоугольную форму и располагались по двум сторонам улицы, вымощенной булыжником. Кроме этого, на поселении выявлены производственные и культовые постройки, «квартал ремесленников», множество каменных и металлических орудий труда, разнообразная, в том числе и полихромная, посуда, идентичная посуде кизылванкского могильника. Встречены кости домашних и диких животных, зерна злаков, зернотерки, ступки, песты, вкладыши от серпов, обсидиановые ножи и наконечники стрел, костяные поделки.

С поселением Кюль-Тепе II был связан уникальный производственный комплекс — древние соляные копи на территории Дуздага, в 5—6 км западнее поселения [Алиев В. Г., 1979]. По-видимому, обитатели поселения занимались добычей и реализацией этого ценного продукта. Огромный по тому времени размах соляных разработок свидетельствует о том, что промысел играл важную роль в экономике жителей Кюль-Тепе II. В коях обнаружена горизонтальная шахта (100×6, 2×12 м), состоявшая из коридора и десяти камер. Подсчитано, что объем древних разработок был приблизительно равен 5760 м³. Предполагается, что в древности здесь было добыто около 11 000 т соли. Датировка комплекса определяется находками внутри копей кирок, базальтовых и диорито-порфировых молотов, которые неоднократно встречались на поселениях Кюль-Тепе I и II и на других памятниках Кавказа [Гуммель, 1941; Гусейнов, 1956; Мунчаев, 1975, с. 63]. Следы ударов этих орудий остались на стенках древней шахты. Синхронность копей с поселениями подтверждают также находки однотипной расписной посуды.

На территории края в труднодоступных естественно укрепленных местах зафиксирован ряд древних укрепленных поселений огромных масштабов (Огланкала, Газанчи, Чалханкала и др.). Высказано предположение, что они существовали одновременно с поселением Кюль-Тепе II [Алиев В. Г., 1977, с. 31]. Архитектурные обмеры дали возможность осуществить реконструктивные эскизы, которые в дальнейшем, по мере накопления археологического материала, будут уточняться; они дают лишь общее представление о масштабах и характере крепостей [Ахундов, Алиев, 1977]. В целом исследование нахичеванских крепостей является задачей будущего: предстоит уточнить правильность предложенных реконструкций, выяснить характер застройки, стратиграфию, культурную принадлежность и хронологию этих памятников. Только после этого можно будет переходить к обобщающим выводам исторического порядка, которые преждевременно начали появляться в кавказоведческой литературе [Алиев В. Г. 1977, 1983].

Могильники рассматриваемой области изучены крайне фрагментарно. Открытый в конце XIX в. Н. В. Федоровым Кизыл-ванкский могильник с его уникальными для кавказских древностей того времени полихромными сосудами представлен лишь серией ярких находок [Спицын, 1909]. Конструкция могил так и осталась не установленной. Известно только, что покойники лежали в камерах, обложенных камнями. Местное население в этот период хоронило своих сородичей в «каменных ящиках» и грунтовых могилах. В отдельных случаях могилы окружались кромлехами. Такая конструкция обнаружена в могилах огромного некрополя около с. Шахтагы, к северо-востоку от крепости Гявуркала [Алекперов, 1937, с. 254; Абибуллаев, 1961; Бахшалиев, 1985].

Длина некоторых «ящиков» — 4.3 м, ширина — 0.9 м. Почти все исследованные могилы оказались разграбленными. Лишь в одной непогребенной камере, где остатки погребенного отсутствовали, обнаружено 28 сероглиняных сосудов и один покрытый полихромной

Рис. 61. Материалы из могильника Кизыл-Банк и поселений Хафтаван-Тепе и Геой-Тепе.

1—24 — Кизыл-Банк; 25, 26, 29—32 — Хафтаван-Тепе; 27, 28 — Геой-Тепе.
1, 4, 5—7 — изделия из бронзы; 2, 3 — изделия из камня; 8—32 — сосуды.

росписью, изображающей сцену звериного гона; в противоположной части могилы лежал скелет коня и бронзовая пряжка с золотой обивкой.

Гончарные изделия составляют основную массу находок во всех памятниках, причем наиболее специфичны расписные сосуды типа Кизыл-Банк. Помимо Кизыл-Банкского могильника, они характеризуют соседнее поселение, слои СБ поселений Кюль-Тепе I и Кюль-Тепе II, могильники Шахтакты и частично Шор-Тапы. Посуда представлена приземистыми округлыми и биконическими горшками разных размеров с низким или слегка вытянутым горлом и отогнутым венчиком, а также глубокими мисками (рис. 61, 8—22, 24). Большинство изготовлено вручную, покрыто красным ангобом, поверх которого на светлом фоне черной и красной красками нанесены геометрические узоры (сетчатые и залитые краской треугольники, ромбы и прямоугольники) и отдельные сцены. Выделяются сосуды со сливом — так называемые чайники. Аналогичная керамика распространена на поселениях и в могильниках соседних районов Северо-Западного Ирана, таких, как Хафтаван-Тепе, Геой-Тепе и др. Вместе с южнокавказскими материалами керамика эта характеризует единую культуру. Локализация находок посуды подобного облика в пределах Нахичеванского края, с одной стороны, и широкое бытование полихромной посуды в памятниках Северо-Западного Ирана — с другой, указывают на то, что территорией распространения КВК являлись именно эти районы. По-видимому, памятники в пределах НахАССР очерчивали северные ее границы.

При изучении расписной керамики Азербайджана обычно отмечалось общее сходство полихромных сосудов из Нахичевани и памятников Ирана, причем приводимые сопоставления (Гиссар, Сиалк и др.) были территориально оторваны друг от друга. Действительно, определяющим элементом ряда культур на территории Ирана начиная с IV тыс. до н. э. являлась полихромная посуда, представленная здесь образцами различных стилей. Однако сосуды кизыл-ванкского облика встречаются лишь в районах, тяготеющих к Юго-Восточному Закавказью.

Коснемся наиболее выразительных комплексов, в которых была обнаружена керамика, аналогичная закавказской. Многослойное поселение Хафтаван-Тепе расположено северо-западнее оз. Урмия [Вигней, 1975]. Для нашей темы важен слой VIB, датированный археологическими методами 1900—1700 до н. э. Его ^{14}C дата — 1772 лет до н. э. Два строительных периода демонстрируют террасообразную застройку прямоугольными зданиями из сырцовых кирпичей. Наиболее массовый материал — керамика [Edwards, 1981]; среди нее большое количество кубков, не специфичных для Закавказья; встречаются также округлые горшки (рис. 61, 25, 26, 30, 31) и глубокие миски, близкие по формам кизыл-ванкским. Горшки, представленные девятью вариантами, особенно характерны для первого периода; они имеют различные размеры, округлое тулово, низкое горло, срезанный или отогнутый венчик; часть из них вылеплена от руки, другая сделана на круге. Миски встречаются реже. Такое же соотношение наблюдается и в посуде Кизыл-Банка. Как и кизыл-ванкские, сосуды покрыты красным ангобом, слегка залощены. Верхняя их часть украшена сплошным «ковровым» узором, нанесенным по светлому фону красноватой, оранжевой, коричневой и черной краской; широкие фризы имеют обрамление в виде горизонтальных поясов. Встречается также бихромная (красная и черная) роспись. «Ковровый» рисунок на одних сосудах состоит из косозаштрихованных прямоугольных полей, перемежающихся с узкими,

сильно удлинёнными треугольниками, направленными вершинами вверх; на других — из ритмично повторяющихся вписанных друг в друга треугольников, шахматных и косозаштрихованных зигзагообразных и треугольных фигур; изредка в рисунок вкраплены изящные фигурки птиц. Наконец, на одном обломке представлен фрагмент какой-то фантастической сцены.

На западном берегу оз. Урмия, южнее Хафтаван-Тепе расположено многослойное поселение Геой-Тепе [Burton-Brown, 1955]. Его нижние слои датируются IV—III тыс. до н. э. В последующем слое (D) появляются полихромные сосуды, часть которых четко сопоставляется с керамикой типа Кизыл-Банк. Архитектурные остатки представлены каменными фундаментами прямоугольных сырцовых построек с выстланными плитами полами и обрывками глинобитных стен. Открыта часть каменной оборонительной стены толщиной 1,6 м. На другом участке холма находился могильник, где исследовано 4 «каменных ящика». В погребениях была посуда, аналогичная найденной в слое D, что дало основание для синхронизации могил с этим слоем. Могилы сложены из крупных плит известняка; пол земляной либо выложен сырцовыми кирпичами или плоскими плитами; перекрытия состояли из крупных плит, уложенных уступами. В могилах находились коллективные захоронения; в могиле А, например, было похоронено 6 человек. Своим устройством эти гробницы близки погребениям Кизыл-Ванка.

Среди керамических образцов поселения и могильника преобладает расписная посуда (миски и горшки). Роспись, как правило, покрывает верхнюю половину сосудов — на светлый ангоб наносилась роспись красной, белой и черной краской. В ранней фазе слоя D сосуды расписывались обычно волнистыми линиями, роспись поздней фазы была геометризированной — ряды сомкнутых основаниями и соединёнными вершинами треугольников или прямоугольников, сетчатые и шахматные поля, птицы (рис. 61, 27, 28). Остальные находки — браслеты, булавки, иглы, бусы, бронзовый кинжал. Датировка слоя D, предложенная Бартоном-Брауном (начало 2400 г. до н. э.), в свете новых данных представляется заниженной [Ibid., p. 262]. Материалы слоя D Геой-Тепе синхронизируются с таковыми из слоя VI Хасанлу, датированного 1750—1550 до н. э. [Dyson, 1973, p. 701].

Близкая расписная керамика обнаружена в могильнике Гиян, где грунтовые погребения были также перекрыты каменными плитами. Керамика почти вся сделана на круге и состоит из кувшинов и горшков сферической формы, а также различных триподов. Кстати, триподы известны и по находкам на территории Нахичевани [Алиев, 1977, табл. XV, 5, 8]. Полихромная роспись включает традиционные треугольнички, «шахматные поля», горизонтальные цепочки ромбов. Аналогии этой керамике дают также такие памятники, как Гиян III, Джамшиди, Бадхор I, датированные 2100—1700 до н. э. [Medvedskaya, 1982, p. 107]. Наконец, полихромные сосуды кизыл-ванкского типа найдены случайно в районах восточнее оз. Ван [Cilingizoglu, 1984, fig. 1—4, 9].

Характеризуя в целом расписную посуду КВК, происходящую из Закавказья, следует отметить следующее: здесь бытовали горшки сферической формы, кувшины и глубокие миски; среди последних плоскодонные миски в форме «срезанного ореха», «чайники» (Кизыл-Банк), плоская фляга с двумя ручками (Кюль-Тепе I). Преобладают сосуды грубоватые, лепные. Крупные сосуды, как, скажем, сосуд из Шахтахты, скорее всего, сделаны на круге. Сосуды имеют красноватую лощеную поверхность. Верхняя их половина покрыта полихромной росписью; краски красная, черная, коричневая, желтая и оранжевая. Роспись состоит из комбинаций геометрических узоров; сетчатые поля, переме-

жающиеся с закрашенными и сетчатыми треугольниками, гирлянды сплюснутых прямоугольников с такой же сеткой или шахматным узором. Геометрические композиции образуют широкие полихромные фризы, ярко выделяющиеся на светлоангобированном фоне.

Близость керамики типа Кизыл-Банк и сосуды североиранских памятников очевидна. Особенно это проявляется при сопоставлении с сосудами Хафтаван-Тепе. Роднит эти две керамические группы принцип расположения треугольников вершинами вверх либо горизонтально, друг над другом. Вместе с тем роспись посуды Хафтаван-Тепе более роскошна: здесь нет незаполненных пространств, рисунок имеет сплошной «ковровый» характер. Особенно широко используются «шахматные поля», которые в кизылванкской посуде встречаются изредка.

Специфическую группу составляют «чайники». В Закавказье они обнаружены только на территории Нахичевани (Кизыл-Банк, Нахичевань, Шор-Тапа, Шахтахты). Начиная с IV тыс. до н. э. «чайники» были широко распространены на всем Переднем Востоке [Медведская, 1978]; отдельные экземпляры известны из поселения Геой-Тепе (период D). Эти сопоставления также подчеркивают тяготение памятников Нахичеванского края к культурам Северо-Западного Ирана. В целом закавказская расписная посуда выглядит менее нарядной и парадной, нежели североиранская. Возможно, здесь сказались периферийное положение закавказских памятников и, как следствие этого, их несколько провинциальный характер.

Отдельно следует остановиться на сосудах с зооморфными мотивами и изобразительными сценами. На одном из кизыл-ванкских сосудов — фигура птицы (рис. 61, 23), изображенная в той же манере, что и на сосудах из поселений Геой-Тепе и Хафтаван-Тепе. На другом — между сетчатыми треугольниками извивающееся тело змеи (13). Большой интерес представляет фаллическая сцена, замыкающая широкий полихромный фриз на крупном кизыл-ванкском сосуде [Спицын, 1909, рис. 48]. Здесь друг против друга изображены фигуры мужчины и женщины с подчеркнутыми половыми признаками; поднятые вверх руки и согнутые в коленях ноги создают впечатление движения; сцена, скорее всего, воспроизводит ритуальный танец (рис. 61, 24).

Уникальной находкой остается крупный шаровидный сосуд из погребения Шахтахты [Алекперов, 1937, цветная таблица]. Поверхность его украшена красной краской. Верхняя, большая часть сосуда покрыта светлым ангобом, поверх которого нанесена роспись, состоящая из трех поясов. Верхний состоит из профильных изображений летящих птиц; средний содержит зооморфные сюжеты из цикла «борьба зверей», где хищники нападают на диких коз, осла, быка и зубра; здесь же летающие птицы и сидящие орлы; нижний пояс заполнен геометрическим орнаментом. Сосуды с подобными изображениями имели, бесспорно, культовый характер.

Культовую сцену мы видим на обломке сосуда из Хафтаван-Тепе VIB. Сцена сохранилась не полностью (рис. 61, 29); на фоне леса, переданного в виде стилизованных деревьев, и летящих птиц изображена упряжка из двух лошадей; ей противостоит фантастический лесной зверь с открытой клыкостой пастью, из тела и пасти которого как бы вырастают деревья. К сожалению, фрагментарность композиции не позволяет раскрыть ее символику.

Еще один уникальный сосуд происходит из третьего слоя Кюль-Тепе I. Это двуручная светлоангобированная фляга, расписанная с лицевой стороны красной и черной краской. В центре большая шестилучевая звезда; между лучами — птицеобразные двуцветные фигурки. Композиция также несет смысловую нагрузку. Подобная форма сосу-

да в древних памятниках Кавказа пока не зафиксирована. Зато фляги бытовали на территории Ирана. Хорошо известны, в частности, расписанные фляги из Луристана [Godard, 1931, p. 16, XVI], восходящие, скорее всего, к флягам из обеидского слоя XVIII Тепе-Гавра [Morgan, 1927, p. 89, fig. 129]. Таким образом, и эта нахичеванская находка тяготеет к сосудам иранского круга. Наконец, этот же керамический тип характеризуют черепки с полихромной росписью из Кюль-Тепе II [Алиев, 1977, табл. IV]. На них изображения человеческих фигур, животных и тех же летающих птиц.

В могильнике Кизыл-Ванк найдены украшения и предметы вооружения. К сожалению, точной «привязки» их к комплексам мы не имеем. Отсюда происходят изящные обсидиановые наконечники стрел, каменные булавы, сердоликовые, бронзовые и пастовые бусы, бронзовые булавки, бляшки, кинжалы листовидной и подтреугольной формы, втульчатые копье и кинжал переднеазиатского типа, золотые серьги. Часть предметов (бусы-разъединители, обсидиановые стрелки, булавы, архаичные кинжалы, наконечник копья) находит аналогии в изделиях южнокавказских культур периода СБ и подтверждает их временную связь. Определяющим же признаком КВК является полихромная посуда, находящая аналогии только в керамике североиранских памятников. Выявление других ведущих признаков этой культуры станет возможным лишь после систематических раскопок как на территории юго-восточных районов Закавказья, так и на территории Северо-Западного Ирана; лишь тогда можно будет говорить о генезисе КВК, ареале распространения. Теория смены населения, повлекшая за собой появление в Иране полихромной посуды [Burton-Brown, 1951], требует серьезных обоснований.

При датировке КВК, впредь до получения четких стратиграфических данных с поселений и серии радиоуглеродных дат, следует опираться на приведенные сопоставления с северо-иранскими поселениями, которые датируются 1900—1600 гг. до н. э. Есть еще одно косвенное соображение в пользу ранней датировки памятников типа Кизыл-Ванк. На фоне рассмотренных выше закавказских керамических комплексов СБ кизыл-ванкские сосуды выглядят достаточно архаичными и своим общим обликом (формы, широкие фризы, заполненные сетчатыми геометрическими фигурами) скорее могут быть сопоставлены с расписными сосудами КБК, нежели с керамикой других культур. На это отдаленное сходство в свое время обратил внимание и А. А. Мартиросян [1964, с. 51]. В противовес тенденции, рассматривающей эволюцию росписи от монохромной к полихромной [Алиев В. Г., 1973, с. 174; 1977, с. 133], он на конкретных примерах (в рамках КБК) показал факт их сосуществования. Условием для их объединения в одну культурно-хронологическую группу, с точки зрения автора, должен являться единый стиль росписи, независимо от того, в какой цветовой гамме она решена.

Таким образом, косвенные данные позволяют считать, что эти родственные культуры (КБК и КВК) развивались на каком-то этапе синхронно. КБК большинством исследователей датируется XX—XVIII вв. до н. э. Учитывая даты североиранских памятников, можно предполагать, что КВК бытовала в течение XIX—XVII вв. до н. э. Однако мы допускаем, что с получением новых данных эта датировка может быть уточнена.

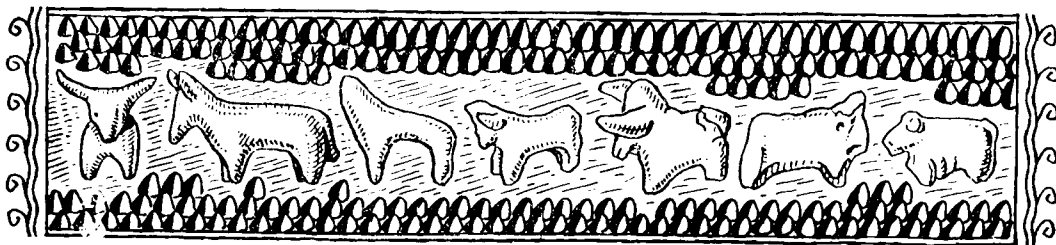
* * *

Мы подвели итоги длительного периода накопления материалов; к сожалению, последние часто представлены неполноценными, плохо

документированными комплексами либо просто случайными находками. Наша задача диктовалась характером самого источника; необходимо было объединить эти материалы в одной работе и дать им по возможности культурно-хронологическую интерпретацию. Сегодня же перед археологами-кавказоведами стоит актуальная проблема исследования на новом методическом уровне (раскопки полноценных комплексов с ориентировкой на них уже известных материалов) территориального и хронологического взаимодействия закавказских культур периода средней бронзы.¹ Следует надеяться, что привлеченные нами материалы и высказанные соображения будут в какой-то мере способствовать ее продвижению.

¹ Такая работа фактически уже начала осуществляться археологами Армении: первые ее результаты представляются весьма перспективными [Арешян, Оганесян и др., 1990; Симонян, 1990].

II.

Глава 1

ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО КАВКАЗА

IX—II тыс. до н. э.

ОХОТНИКИ, СОБИРАТЕЛИ, РЫБОЛОВЫ И РАННИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

(IX — середина IV тыс. до н. э.)

Относительная скудность наших представлений о мезолитических памятниках Кавказа является тормозом при попытке воссоздания хозяйственной деятельности человека в этом регионе в IX—VII тыс. до н. э.¹ Следует также отметить, что к исследованию имеющихся материалов не применялись ни трасологические, ни палеоэтноботанические методы анализа, что позволило бы документально выявить заложенную в них информацию об особенностях и потенциальных возможностях хозяйственной среды, в недрах которой зарождались истоки производящего хозяйства. Как будет показано ниже, Кавказ являлся самостоятельным очагом становления земледелия и скотоводства.

В период господства здесь присваивающих форм хозяйства природная среда играла решающую роль в производственной занятости населения. Пестрота ландшафтов с множеством разнообразных экологических ниш, в которых жили общины, создавала в каждом отдельном случае специфическую среду обитания, предопределявшую направленность их хозяйственной деятельности. Большую роль при этом играл традиционализм в использовании конкретного сырья и технике изготовления орудий [Габуня, Церетели, 1977].

Вместе с тем мезолитические стоянки Кавказа имеют ряд общих, специфичных для региона черт. Как было упомянуто, они располагались группами и тяготели к таким естественным убежищам, как пещеры, гроты и скальные навесы. Бесспорна также их приуроченность к ущельям, морским террасам и речным бассейнам; в степных районах они отсутствуют. Часть стоянок обосновалась вблизи источников сырья. Сказанное вместе с рядом других данных свидетельствует о постоянно действовавшей необходимости защиты мест обитания, о занятиях охотой, рыболовством, собирательством, изготовлением орудий труда, обслуживавших различные сферы жизнедеятельности древнего человека.

В зависимости от природных условий, характера и уровня производства в намеченных группах стоянок складывались различные модели хозяйства. На побережье Черного моря в Грузии и Абхазии, где располагалось несколько групп стоянок, в начале голоцена существовали оптимальные, приближающиеся к современным условия для жи-

¹ Подробная библиография мезолитических, неолитических и энеолитических памятников Кавказа дана в разделе I, гл. 1—2.

ни человека: умеренно теплый климат, наличие плодородных почв, полноводные реки, влаголюбивая субтропическая флора, обилие пещер и гротов, богатые залежи кремня [Гроссгейм, 1936]. Близость леса с его обитателями (пещерный медведь — 80%, леопард, тигр, благородный олень, кавказский тур, муфлон, дикая коза, лиса, волк) к стоянкам Квачара [Церетели Л. Д., 1973, с. 44] и Яштух явилась определяющим моментом в сложении ведущей отрасли хозяйства. Это была охота. Вместе с тем наличие мотыгообразного орудия из оленьего рога для вскапывания земли документирует практиковавшееся квачарцами усложненное собирательство.

Хозяйство обитателей абхазских стоянок имело иную специфику. В Холодном гроте и в пещере Аци, например, обилие гарпунов и остатков костей рыб указывает на ведущую роль рыболовства [Соловьев, 1961, с. 191]; рыболовство было развито у жителей Джампалы. Охотничий промысел и собирательство здесь являлись подсобными. Население открытой стоянки Энцери базировалось главным образом на собирательстве. Иными словами, в пределах одной Причерноморской группы намечаются в первом приближении по крайней мере две модели хозяйства.

В глубинной части Грузии, в бассейне р. Храми (Бармаксыз, Эдзани, Зуртакети), с ее умеренно теплым сухим климатом на стоянках вблизи водных артерий преобладало рыболовство. Сопутствующими отраслями являлись охота на животных степных и полустепных областей [Бурчак-Абрамович, Бендукидзе, 1969] и собирательство. Важно подчеркнуть, что среди индустрий Эдзани доминируют прогрессивные формы орудий, часть которых по уровню обработки и характеру больше отвечает хозяйственным потребностям неолита.

В среднем же течении р. Риони, в частности на стоянке Энцери, ведущим было собирательство. Особое место в этой области Кавказа принадлежит стоянке в Даркветском навесе, где последовательно залегали слои от позднего мезолита до ранней бронзы. Важнейшим моментом является то обстоятельство, что в слое раннего неолита, где обнаружены кости домашних животных и новые прогрессивные формы орудий (орудия из рога, полированный топор, зернотерки), найдены индустрии (микролитические пластины, концевые и округлые скребки и др.), выполненные в мезолитических традициях. Это говорит о преемственности в формах хозяйственной деятельности. Среди остеологических остатков мезолитического слоя — кости благородного оленя, козули, дикого кабана, медведя, дикого барана, козы [Небиеридзе, 1978], что указывает на интенсивный охотничий промысел. Таким образом, при решении проблемы зарождения производящих форм хозяйства на Кавказе Дарквети занимает ключевое положение.

Фаунистические остатки стоянки Фируз I представлены костями таких животных, как кулан (50% всех костных остатков), джейран, бык, горный козел, лиса, волк, тюлень [Мурадова, 1979, с. 11]. Таким образом, здесь занимались охотой, рыболовством и, судя по находкам терок-курантов и микролитических орудий, усложненным собирательством.

Большой удельный вес в хозяйстве стоянок Северного Кавказа составляла охота. Здесь найдены костные остатки горного козла, барана, козули, лося, благородного оленя, зайца, кабана, медведя [Верещагин, 1959, с. 111, 183, 195]. На стоянках встречены обломки костяных дротиков с пазами для пластинок — типичного охотничьего оружия верхнепалеолитического человека Кавказа и Крыма. Вместе с тем обитатели мезолитических стоянок занимались и собирательством, одной из форм которого являлся сбор раковин.

Собирательство возникает параллельно с охотой и, в определенной мере, как результат истребления поголовья животных новыми эффективными приемами. Зарождение его на Кавказе, как и на Русской равнине, падает на позднепалеолитическое время [Рогачев, 1973], что видно из скопления на стоянках раковин *Hilex*, употреблявшихся в пищу [Бибиков, 1939]. В мезолите такие скопления зафиксированы в гроте Сосруко и в Ацинской пещере. В позднемезолитическом слое Сосруко была также сделана уникальная находка, указывающая на практику усложненного собирательства растений. Это костяной нож с вставленными в него микропластинками, определенный как «первое наиболее раннее достоверное жатвенное приспособление, найденное в СССР» [Бибиков, 1962, с. 23—24].

Среди памятников Северного Кавказа особое место принадлежит высокогорной дагестанской стоянке Чох. Напомним, что здесь, так же как и в Дарквети, мезолитические отложения непосредственно перекрывались неолитическим слоем; в последнем найдены стационарные жилища, зерна хлебных злаков, кости домашних животных, сельскохозяйственные орудия, керамика. Эти артефакты документируют сложение в раннем неолите целого комплекса явлений, характеризующих изменения быта и хозяйственной деятельности обитателей стоянки. Вместе с тем от мезолита к неолиту прослеживается преемственность многих форм каменных орудий, что свидетельствует о традиционализме в технике их изготовления и реализации сходных производственных процессов мезолитическими и неолитическими обитателями стоянки (на основе этого явления оба периода отнесены к чохской культуре); для первых охота и собирательство были главными источниками существования. Конкретных указаний на земледельческо-скотоводческие занятия (как это прослеживается по мезолитическим стоянкам Ближнего Востока) в материалах нижних слоев Чоха не зафиксировано. Однако бесспорно и другое — сформировавшееся к началу VI тыс. до н. э. производящее хозяйство, представленное как прямыми свидетельствами — зернами хлебных злаков, костями домашних животных — на кавказских стоянках (Чох, Дарквети, Цахкунк), так и косвенными — сериями прогрессивных мезолитических индустрий (особенно микропластинки от жатвенных орудий), которые стойко бытовали в рамках скотоводческо-земледельческого хозяйства, имело глубокие местные корни.

Переходу к земледелию предшествовал длительный период накопления опыта, связанный со специализированным собирательством еще на последней стадии мезолита. Такое архаичное хозяйство фиксируется находками на ближневосточных поселениях X—VIII тыс. до н. э. [Лисицына, 1970, 1984а; Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 23] и спецификой хозяйства некоторых современных отсталых народов [Семенов С. А., 1974; Решетов, 1980, и др.]. Люди накапливали эмпирические знания по уходу за растениями, способами их уборки и дальнейшей обработки. Подобная практика знаменовала собой первый этап сознательного земледелия. Технические возможности сезонных сборов диких злаков с помощью архаичных вкладышевых серпов (пластинки от которых встречаются на кавказских стоянках), использовавшихся древними жнецами, были смоделированы опытами Харлана, проведенными на склоне горы Караджадаг в Юго-Восточной Турции. Собранный таким способом за один час урожай равнялся 2,45 кг и содержал 46% чистого зерна. Харлан при этом утверждает, что древний человек, собиравший здесь пшеницу 12 тыс. лет назад, должен был быть значительно опытнее современного сборщика урожая. Работы на таких естественных полях могли производиться в течение трех недель, в зависимости от вызревания колосьев в разных вертикальных зонах. За

это время одна семья имела возможность собрать больше зерна, чем его было необходимо для одного года жизни охотникам-собираателям. [Harlan, 1967, p. 197].

Краткий обзор мезолитических материалов Кавказа, предпринятый с целью выявления признаков архаичной стадии земледельческого хозяйства, позволил вычленил некоторые их особенности [Кушнарера, 1984]. Палеоэтноботанические находки на известных стоянках как будто отсутствуют. Однако повсеместно встречаются прогрессивные формы орудий (близкие раннеолитическим орудиям Кавказа и Ближнего Востока), среди которых преобладают микропластинки, служившие оснащением жатвенных орудий; в пещерной стоянке Квачара встречено роговое мотыгообразное орудие, на других — терочки, ступки, песты. Несмотря на слабую изученность мезолита Кавказа, за счет чего можно отнести отсутствие прямых показателей признаков земледелия, следует в дальнейшем учитывать, что на ранних стадиях доместики растений (так же как и животные) ничем не отличались от своих диких сородичей, а по характеру инвентаря невозможно разделить комплексы, связанные с усложненным собирательством и ранним земледелием; они практически идентичны [Шнирельман, 1980, с. 61].

В плане сказанного представляется, что завершившийся на Кавказе к концу VII тыс. до н. э. переход к производящему хозяйству позволяет прогнозировать открытие на Кавказе таких мезолитических комплексов, которые, так же как комплексы Ближнего Востока, более четко укажут на конкретный путь «вызревания» этого процесса в исследуемом регионе. Однако для этого необходимы новые раскопки мезолитических стоянок.

Для возникновения производящих форм хозяйства в том или ином «очаге» или «центре» необходимы два основополагающих фактора — наличие природной среды, благоприятной для развития земледелия и скотоводства, и достаточно высокий производственный уровень человеческих коллективов с присваивающим хозяйством, в недрах которого заложены потенциальные возможности перехода к экономике нового типа. На особенностях первого фактора, базирующегося на данных естественных наук, мы остановимся ниже. Социальные же предпосылки «неолитической революции», будучи трудной определяемы на чисто археологических материалах, трактуются обычно с помощью общесторических характеристик. В. М. Массон [1971], в частности, к ним относит «достаточно высокий уровень техники, высокоразвитую экономику присваивающего типа в различных ее вариантах, зачатки положительных знаний, значительную плотность населения, затруднявшую расширение освоенной территории, на которой природные ресурсы эксплуатировались прежними методами» [с. 133].

С учетом приведенных выше данных и высказанных соображений, с одной стороны, и потенциальных возможностей еще не изученных (но уже открытых) мезолитических памятников — с другой, выявленные признаки мезолитических культур Кавказа соответствуют упомянутой группе предпосылок, необходимых для зарождения хозяйства нового типа. Новейшие исследования позднемезолитических (и раннеолитических) памятников выявили существование общекавказской культурно-хозяйственной модели, базировавшейся на общих закономерностях исторического развития. Для позднего мезолита это комплексное хозяйство присваивающего типа, в недрах которого зарождались истоки производящей экономики [Небиеридзе, 1986, с. 178]. Таковы краткие сведения относительно особенностей хозяйственной деятельности мезолитических общин Кавказа.

Попытка воссоздания производственной деятельности древних земледельческо-скотоводческих общин Кавказа является задачей чрезвычайно сложной. Несмотря на огромные успехи кавказской археологии в целом, широкий хронологический и территориальный пласт археологических материалов, являющийся базовым для реконструкций такого рода, содержит в себе ряд особенностей, тормозящих всестороннее решение подобной задачи. Территория Кавказа этого периода изучена неравномерно: хорошо исследованы долины и низкие равнины, горная же зона — узколокально, в результате чего на ее археологической карте имеется много «белых пятен», что резко обедняет основополагающий для реконструктивных построений материал. То же можно сказать о степени изученности отдельных этапов исторического развития региона: энеолит и ранняя бронза документируются сотнями памятников, неолит же изучен ограниченно; неоднозначно исследованы и памятники средней бронзы — они представлены почти исключительно погребальными комплексами, дающими одностороннюю информацию. Далеко не всегда открытые комплексы должным образом введены в науку: отсутствие строгой фиксации в поле и слабый уровень дальнейших разработок — явление, с которым приходится постоянно сталкиваться. Эти особенности существенно сужают информативную базу, тормозят решение кардинальных проблем древнейшего прошлого Кавказа.

Исследование производственной деятельности ранних земледельцев Кавказа сегодня должно осуществляться с привлечением естественных и гуманитарных наук — палеогеографии, палеоботаники, палеозоологии, палинологии, палеоантропологии, физических методов датирования, лингвистики. Большое значение в решении проблем становления и динамики древней экономики имеют трасологические исследования; только с помощью последних из аморфной массы земледельческо-скотоводческих комплексов, документирующих ранние этапы «неолитической революции» на Кавказе, вычленяются конкретные формопроявления хозяйственных укладов. Для реконструкции производственной деятельности неопределимую роль играет также этнография. Этнография показывает, что сформировавшиеся с древнейших времен в специальных условиях ландшафтной пестроты Кавказа различные уклады в ряде районов в условиях натурального хозяйства продолжали традиционно бытовать и в дальнейшем и доживали здесь почти до современности. Особенно это касается горных районов, таких, как, скажем, замкнутый горный Дагестан, где по крайней мере с III тыс. до н. э. складывается практикующаясь поныне террасная форма земледелия; или высокогорная Сванетия, в которой издревле земледелие было подчинено скотоводческому хозяйству. Этнография прекрасно фиксирует многообразие форм скотоводства на Кавказе, часть из которых восходит к глубокой древности. Являясь надежным источником в деле изучения различных типов хозяйства, кавказская этнография раскрывает суть производственных процессов или явлений, протекавших «в конкретной естественно-исторической и социально-экономической среде, выявляет основные особенности и характерные черты, обусловленные данной средой, без учета которых невозможно установление общих закономерностей исторического развития» [Гегешидзе, 1963, с. 3].

Исходя из сказанного, к исследованию хозяйственной деятельности древнего населения Кавказа мы старались подойти комплексно, используя, помимо базового археологического материала, важнейшие данные всех перечисленных наук.

Открытие в последние годы в горах Дагестана раннеэнеолитическо-

го поселения Чох с долговременной каменной архитектурой, керамикой и ярко выраженным земледельческим укладом хозяйства явилось событием огромной научной значимости. Как было сказано, Чохская стоянка демонстрирует завершившийся переход от присваивающего хозяйства к производящему [Амирханов, 1982а, 1982б, 1983, 1987]. Несколькими раньше в западной части Закавказья, в раннеэнеолитическом слое Даркветского грота были найдены кости домашних животных [Небиеридзе, 1978]. Аналогичные находки сделаны и в раннеэнеолитической стоянке Цахкунк [Межлумян, 1972, с. 116]. До этих важнейших открытий неолит Кавказа был представлен единичными невыразительными стоянками, на которых не было прямых данных ни о земледелии, ни о скотоводстве.

Зафиксированные для раннего неолита достижения производящей экономики датированы комплексным методом началом VI тыс. до н. э.; допускается и некоторое углубление нижней границы. Согласно же калиброванным датам, неолит Кавказа перемещается в VII тыс. до н. э. [Кавтарадзе, 1981, 1983]. Хронологически этот процесс на Переднем Востоке завершился несколько раньше, что находит свое объяснение в давлении климатических изменений, которые на Переднем Востоке и на Кавказе были асинхронными [Амирханов, 1987, с. 176]; здесь решающую роль, по-видимому, играло влияние средиземноморских климатических процессов, которые на юге были более ощутимыми [Zeist, Woldring, 1978, p. 272]. Таким образом, новейшими открытиями на Кавказе обосновывается положение о том, что по своей культурно-исторической ситуации этот регион, развивавшийся на основе местных социально-экономических достижений, в VII—VI тыс. до н. э. находился примерно на том же уровне, что и области Ближнего Востока несколько раньше. Этим снимается являвшийся в кавказоведении долгое время традиционным тезис о периферийном характере культур Кавказа по сравнению с переднеазиатскими культурами¹ и вторичном характере кавказского очага в процессе становления производящей экономики в огромной ближневосточно-кавказской ойкумене. После открытия неолитического Чоха Дагестан и Кавказский регион в целом следует рассматривать как самостоятельный очаг зарождения и развития прежде всего земледелия, что в свое время прогнозировалось крупнейшими советскими ботаниками Н. И. Вавиловым и П. М. Жуковским. В этом историческое значение Чохского неолитического поселения.

Исходя из ботанико-географических предпосылок, Н. И. Вавилов, рассматривавший историю земледелия как один из главнейших разделов истории материальной культуры и производственной деятельности человеческого общества [Бахтеев и др., 1959, с. 19], предполагал, что прародиной древнейших земледельцев следует считать горные районы субтропиков и тропиков, которые представляют оптимальные условия для заселения [Вавилов, 1932, с. 12; 1965а, с. 148—151]. «Если во влажных тропиках преимущественно развивается древесная растительность, то в горных тропиках и субтропиках, где обосновались первые земледельческие культуры, наоборот, развиваются преимущественно травянистые виды, к которым относится большинство важнейших культурных растений» [Вавилов, 1932, с. 13]. Для богатых видовым составом травянистых склонов гор, нагорных плато и котловин были характерны средние температуры, горный воздух, плодородные почвы,

¹ Тезис этот базировался на архаичном облике западногрузинских неолитических комплексов, с одной стороны, и на сравнительно поздней дате (V—IV тыс. до н. э.) многочисленных поселений земледельцев в долинах Закавказья, считавшихся самыми ранними комплексами с производящим хозяйством — с другой.

увлажненные горными потоками. Горный Кавказ расположен в поясе субтропиков и тропиков. Относительная стабильность аридной зоны на протяжении последних 10 тыс. лет позволяет предполагать, что на Кавказе древнего человека окружала природа, близкая к современной [Butzer, 1958, 1965; Doluchanov, 1980]. Это положение было многократно подтверждено локальными палеогеографическими и палинологическими исследованиями, которых мы коснемся ниже.

Природное единство Кавказа и особенно Закавказья с Армянским, Анатолийским и Иранским нагорьями отчетливо отразилось в «географии культурной флоры» [Вавилов, 1960а, 1965; Жуковский, 1964; Синская, 1966]. Богатейшая по составу видов флора является феноменом Кавказа. Кавказ — один из центров формообразования главнейших растительных культур в пределах Переднеазиатского очага происхождения культурных растений [Вавилов, 1965б]. На Кавказе произрастает более 6 тыс. видов растений [Гроссгейм, 1948]. Закавказье является уникальным районом сортового разнообразия и центром доместикации и формообразования многих культурных растений [Вавилов, 1960а, 1960б; Жуковский, 1971, с. 31].

В процессе становления производящего хозяйства ведущая роль здесь принадлежала земледелию. Лишь позднее, с развитием экономики нового типа, в отдельных областях края, где земледелие носило экстенсивный характер, хозяйственной доминантой становилось скотоводство. Однако среди экономических укладов не было ни чисто земледельческих, ни чисто скотоводческих; они базировались на сочетании главных отраслей экономики, при этом на ранних этапах земледелие повсюду имело большой удельный вес.

Зарождение земледелия было прежде всего обусловлено произрастанием на Кавказе эндемичных форм злаковых и плодовых растений. Как известно, наличие диких форм окультивированных позднее растений говорит о родине последних. Это наглядно прослеживается в тех областях, где имеется значительное количество разновидностей диких форм, прошедших определенные стадии адаптации. Каковым же был зерновой потенциал Кавказа, на базе которого формировалось земледелие? Кавказ представляет собой природную лабораторию злаковых растений. Усилиями ботаников и археологов здесь обнаружен ряд диких и промежуточных форм растений, а также их доместицированные потомки. При изучении подобного материала особой сложностью является установление четких критериев — конкретных морфологических признаков диких и одомашненных растений, а также промежуточных стадий длительного перехода первой категории во вторую [Higgs, Jagan, 1972]. Исключительно полный материал в этом плане дают пшеницы, представленные на Кавказе рядом эндемичных видов, среди которых имеются дикорастущие, культурные пленчатые, голозерные и их разновидности. Только в Армении произрастает более 200 разновидностей пшениц, в Грузии — 130, в Азербайджане — 80, в то время как общее мировое число пшениц — 650; дикие и культурные пшеницы произрастают также в горном Дагестане. «По разнообразию видов культурных и диких пшениц Кавказ занимает первое место на земном шаре, конкурируя в этом отношении даже с Анатолией...» [Вавилов, 1957, с. 116].

Конкретизируем эти общие сведения. В районе Еревана, например, открыты дикие сорта однозернянки и двузернянки (араратская), а также сорт урарту [Туманян, 1944]; дикие двузернянки имеют ограниченный ареал, что может указывать на конкретные районы их формообразования. В Грузии почти до последнего времени сохранялись все звенья единой цепи эволюции пшениц, начиная от диких и полудиких,

переходных, кончая высокоразвитыми формами [Брегадзе, 1982, с. 22—93; 1983, с. 4]. В одном из локальных районов Колхиды обнаружены эндемичные виды диких пшениц маха и зандури [Декапрелевич, Менабде, 1929, с. 20; 1932, с. 12]; в республике зафиксированы и другие виды пшеничных эндемиков [Якубцинер, 1966], а также переходные формы от диких к культурным однозернянкам [Декапрелевич, 1941, 1942]. Наконец, дикая пшеница однозернянка и двузернянка обнаружены в окрестностях Нахичевани и в Ахсуинском р-не Азербайджана [Якубцинер, 1936, с. 169; Мустафьев, 1961, с. 8, 55].

Новейшие палеозитоботанические материалы VI—V тыс. до н. э. полностью подтвердили неоспоримость выводов ботаников, рассматривавших Кавказ как самостоятельный очаг становления производящего хозяйства, что наглядно прослеживается при сопоставлении специфики генезиса отдельных видов злаковых с палеозитоботаническими находками на ранних поселениях. Это касается прежде всего пшениц. Не имея дикого предка, мягкая пшеница явилась продуктом гибридизации других видов пшениц [Бахтеев, 1966; Жуковский, 1971, с. 128]. Считается, что мягкая пшеница проходила стадии формообразования и доместикации в местах произрастания своих диких родичей в пределах Переднеазиатского очага, в частности в Закавказье, где она обнаружена на многих поселениях V—IV тыс. до н. э. [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 76]. Однако после находки зерен окультуренной мягкой пшеницы в Чохе [Lisitsina, 1984] в ареал ее доместикации следует включить и Дагестан. Иными словами, речь идет уже о Кавказе в целом.

Южный Кавказ также входит в ареал пшениц однозернянок и двузернянок (Эммер), доместицированные зерна которых неоднократно зафиксированы на раннеземледельческих поселениях [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 78]. Наконец, специальный интерес вызывают находки крупнозерной пшеницы в нижних горизонтах поселения Кюль-Тепе. Произрастание ее в современных условиях в очень ограниченных ареалах (долина Инда, район Нахичевани) позволяет предположить, что формообразование и первичная доместикация круглозерной пшеницы могли происходить в указанных двух областях [Мустафаев, 1964, с. 29].

В огромном ареале, границы которого согласно разным исследователям (Вавилов, Бахтеев, Хельбек, Харлан, Захари) неизменно захватывают Южный Кавказ, произрастают дикие ячмени. В различных районах Азербайджана [Мустафаев, 1961] и в других областях Кавказа зафиксированы такие эндемичные формы ячменя, как дикий двурядный и его разновидность — шестирядный (бутылковидный) [Менабде В. Л., 1938; Туманян, 1948; Бахтеев, 1961, 1962]. Дикий ячмень растет на больших высотах и в Дагестане [Енин, 1946, с. 74]. Как установлено ботаниками после больших дискуссий, родоначальником культурных видов ячменей, как двурядных, так и шестирядных, является дикий ячмень вида *Hordeum spontaneum* C. Covh [Бахтеев, 1966, с. 19]. Семена этого вида вместе с семенами его доместицированных потомков оказались среди ботанических находок Чоха [Lisitsina, 1984]. Тысячелетием позже двурядный и шестирядный ячмень сеяли обитатели неолитических поселений Центрального Закавказья [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 76—80]. Наконец, в плане эволюции ячменей важна находка в современных ботанических материалах Азербайджана (Маразинский р-н) переходных форм от двурядного к шестирядному ячменю [Нариманов, 1982а, с. 30]; во время сборов на определенных участках было установлено, что часть колосьев принадлежала двурядному, а часть — шестирядному ячменю. Как известно, большинство

ботаников считают, что все культурные ячмени объединяются двумя этими видами. В свою очередь культурный двурядный ячмень является потомком дикого двурядного ячменя, а шестирядный генетически восходит к двурядному.

Происхождение культивируемой ржи Н. И. Вавилов связывал с итогом успешной конкуренции сорных видов холодостойкой ржи с пшеницей в условиях их совместного произрастания в горах [Семенов С. А., 1974, с. 23]. Считалось, что появление ржи на мировой арене значительно запаздывает по сравнению с пшеницей и ячменем, так как в Европе самые ранние зерна ржи встречены в комплексах эпохи бронзы. Находки ржи на поселениях Арухло I и II вводят Закавказье в область первоначальной доместики и этого злака [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 79].

Кавказ является также крупнейшим очагом плодовых растений и местом их наиболее раннего введения в культуру; основной центр видообразования таких плодовых, как яблоня, груша, черешня, алыча, вишня, кизил, абрикос, айва, а также некоторых орехоплодных находится в Закавказье с прилегающими к нему районами Ирана и Малой Азии [Вавилов, 1960б, с. 343]. Закавказье — родина дикого и культурного винограда. «Огромное число разных аборигенных сортов винограда в Грузии, Армении и Азербайджане... говорит за сосредоточение здесь формообразовательного процесса» [Там же, с. 348]. Стремясь подчеркнуть древность этой культуры, Н. И. Вавилов в свое время ссылался на изображение виноградной лозы на рельефах ранне-средневекового храма Звартноц в Армении. В свете новейших открытий выясняется, что виноград был введен в культуру по крайней мере за пять тысячелетий до постройки звартноцкого храма. Это документируют зерна винограда вида *Vitis Vinifera* L. из поселений Шому-Тепе, Шулаверис-Гора и Дангреули-Гора. Раскопками скорректирован также ареал дикого винограда, который, по мнению Н. И. Вавилова, произрастает на Кавказе не выше отметки 1000 м н. у. м. Находки семян дикого винограда на Чохской стоянке поднимают эту границу до высокогорий. Однако введение его в культуру закономерно следует связывать с долинами и предгорными равнинами и со следующим этапом развития земледелия, когда начало практиковаться орошение.

Таким образом, огромная роль Кавказского центра в процессах формообразования важнейших культурных растений подтверждается не только «географией флоры», но и открытиями принципиально новых археологических материалов, проливающих свет на время и пути становления земледелия на Кавказе.

Проблема становления скотоводства на Кавказе представляется значительно более сложной [Шнирельман, 1980, с. 68; 1989, с. 83]. Ее решение затрудняют два обстоятельства — большая измельченность фаунистических остатков на ранних стоянках и сложность вычленения морфологических критериев диких и домашних животных, а также их промежуточных форм [Верещагин, 1959; Шнирельман, 1980; Böcöny, 1969; Higgs, Jarman, 1972; Jarman, Wilkinson, 1972]; прояснение последнего вопроса потребует концентрации всех собранных по крупицам прямых и косвенных данных. Имеющиеся же сегодня факты сводятся к следующему. Одомашненный скот уже был у обитателей ранне-неолитических поселений Дарквети (крупный рогатый скот, овца, свинья, собака), Цахкунка (крупный рогатый скот, коза, овца, свинья), Чоха (крупный рогатый скот, овца, коза (?)). К этому следует добавить находки костей крупного скота и собаки (?) на дагестанских стоянках Малин Карат и Мекеги. Известно, что исходными формами домашних овец и коз являлись муфлонообразные бараны (*Ovis orientalis*) и бе-

зоаровые козы (*Capra aegagrus*). При определении фаунистических остатков мезолитических (по В. Г. Котовичу) слоев Чохской стоянки 99% принадлежало этим видам диких животных [Верещагин, 1959, с. 195]. Известно также, что предком крупного рогатого скота был дикий тур (*Bos primigenius*); в обширную область его первоначального обитания входил и Кавказ [Шнирельман, 1980, с. 49]. В свете имеющихся фактов представляется, что становление скотоводства на Кавказе на базе местных фаунистических ресурсов было вполне возможным. Это положение снимает, в частности, категоричность точки зрения относительно вторичного характера кавказского скотоводческого центра по сравнению с другими центрами юга России и Передней Азии [Формозов, 1977, с. 21].

Таким образом, на Кавказе безусловно имелись предпосылки для зарождения на местной основе земледелия и скотоводства. Однако, судя по имеющимся сегодня данным, этот процесс по сравнению с Переднеазиатским регионом здесь несколько запаздывал. Как было показано выше, в Передней Азии первые факты, документирующие эти отрасли хозяйства, фиксируются мезолитическими стоянками X—IX тыс. до н. э. Возможно, по ходу дальнейших открытий кавказских мезолитических комплексов ситуация здесь прояснится. Однако сегодня временное отставание Кавказа находит свое объяснение в разной степени интенсивности влияния на переднеазиатскую и северокавказскую зоны средиземноморских климатических процессов. На Северо-Восточном Кавказе эти изменения четко прослеживаются по палинологическим данным разреза Чохской стоянки [Амирханов, 1987, с. 175]: заселение Турчидагского плато происходило примерно 10 тыс. лет назад, когда ландшафт приледникового характера сменяется условиями сухой горной степи, а климат смягчается; около 8 тыс. лет назад климат становится теплым и влажным, значительно обогащается растительность. Именно в это время наступает период оптимального использования флористических и фаунистических ресурсов, что и было реализовано неолитической общиной Чоха. Примерно такие же климатические изменения несколько раньше послужили импульсом к развитию производящего хозяйства на Ближнем Востоке. Х. И. Амирханов [1987], специально занимавшийся этой проблемой, полагает, что «становление производящего хозяйства на Восточном Кавказе отстает по времени от Ближнего Востока почти на столько же, на сколько запаздывают указанные выше процессы перестройки ландшафтов» [с. 176].

Наше дальнейшее исследование направлено на выявление конкретных форм хозяйственных укладов, сложившихся на Кавказе с древнейших времен и развивавшихся в условиях его резкой вертикальной зональности с характерными для каждой из зон климатическими, гидрографическими, флористическими и почвенными особенностями. К интерпретации ведущих хозяйственных отраслей — земледелия и скотоводства — мы старались подходить комплексно, выявляя, там где это было возможно, основные их компоненты: объекты эксплуатации (растительный и животный мир), орудия труда, с помощью которых происходят получение и обработка продуктов питания, природная среда, окружавшая древних общинников, и уровень профессионального развития последних [Массон, 1974, с. 7]. Касаясь земледелия как самостоятельного производственного процесса, мы учитывали локальную специфику его главных слагаемых — земледельческих орудий, почв, культурных растений, водообеспечения [Лисицына, Прищепенко, 1977, рис. 1].

Установлению конкретных форм земледелия на древнем Кавказе в большой мере способствует типология, предложенная Г. Н. Лиси-

цыной, внесшей своими трудами также неопределимый вклад в дело изучения земледелия у древних народов Средней Азии и Ближнего Востока. Это позволяет рассматривать Кавказ на фоне хозяйственного развития всей аридной зоны. Для Кавказа она выделяет несколько типов земледелия, формирование которого в различных его областях происходило уже на ранних этапах развития производящей экономики. I тип — неорошаемое земледелие; подтипы: А — горное (горный Дагестан, Большой и Малый Кавказ), Б — равнины и плато (предгорные равнины Северного Кавказа, районы обеспеченной и полуобеспеченной богары нагорных плато Южной Грузии и Армении). II тип — орошаемое земледелие; подтипы: В — горное (горный Дагестан, Большой и Малый Кавказ), Г — переходное от неорошаемого к орошаемому (правобережные равнины среднего течения р. Куры, предгорные равнины Большого Кавказа), Д — с регулярной ирригацией (Куро-Аракская низменность, часть Армянского нагорья, Араратская долина). III тип — земледелие в условиях влажных субтропиков [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 45; Lisitsina, 1984]. К сожалению, не все названные земледельческие районы «обеспечены» изученными древними памятниками. Иными словами, археологическая карта и «наложенная» на нее карта локализации типов земледелия далеко не всегда совпадают. Однако по мере выявления новых памятников правильность предложенной классификации находит все большие и большие обоснования.

Открытие неолитического Чоха блестяще подтвердило точку зрения Н. И. Вавилова на значение Кавказа как самостоятельного очага развития производящей экономики и на роль горных районов в этих процессах, а также сняло тезис о вторичности кавказского центра производящего хозяйства. Возникновение поселений в зонах произрастания дикорастущих злаковых, где существовали оптимальные климатические условия, находилось в прямой связи с процессом оседания первых земледельцев на землю. В предгорных и горных областях процесс этот происходил достаточно интенсивно и в ранние сроки. «Осваивая высокогорные районы со времен глубочайшей древности в совершенно различных условиях климата, почв, растительности и животного мира, различные народы самостоятельно вырабатывали свои навыки, вводили в культуру различные растения, одомашнивали различных животных, создавали свою агротехнику и таким образом накапливали огромный опыт в их историческом развитии» [Вавилов, 1965а, с. 631; Заленский, 1966].

Таким образом, археологическое изучение горной зоны Кавказа, занимающей большую часть региона, сегодня приобретает особую актуальность. Принципиальное же значение Чохской стоянки — единственного памятника, фиксирующего первые шаги становления земледельческого хозяйства, побуждает привести дополнительную информацию. Развитию земледелия в горном Дагестане способствовал близкий к современному сухой континентальный климат с достаточным количеством выпадающих в вегетационный период осадков, что обеспечивало нормальное созревание растений [Гюль и др., 1959, с. 110]. Некоторые злаковые эндемики до сих пор произрастают в этих районах. Наличие же плато и речных террас с плодородными почвами и благоприятным водным режимом должно было с первых шагов способствовать практике простейшего земледелия «под дождь», не требовавшего специальной обработки почв и искусственного орошения. Таким образом, вся экосистема края являлась благоприятным фоном для развития земледельческого хозяйства. Палинологическим анализом и микроскопическим определением углей установлено, что вокруг поселения тогда

произрастали широколиственные леса. Этот период на Кавказе вообще характеризуется некоторым повышением снеговой границы и границ вертикальных ландшафтных зон.

Состав культурных растений Чоха в основном повторяет злаки, известные из раннеземледельческих поселений ближневосточных центров. Как было сказано, здесь найдены пшеницы одно- и двузернянки, мягкие и карликовые, пленчатые и голозерные многорядные ячмени, овес, просо, несколько видов диких злаков, сопутствующих в качестве сорняков посевам пшеницы и ячменя, а также виноград, бобовые [Lisitsina, 1984]. Картину дополняют жатвенные ножи, изготовлявшиеся здесь же на поселении [Амирханов, 1987, рис. 29], микропластинки от подобных же орудий (определения Г. Ф. Коробковой), песты, зернотерки; эти находки ставят на свое историко-хронологическое место сланцевую рукоятку жатвенного ножа («мезолитического» слоя) из раскопок В. Г. Котовича. Такие орудия характеризуют многие комплексы Передней Азии и документируют раннюю стадию земледелия. В Чохе впервые появляется керамика архаичного обжига, указывающая на новый образ жизни горцев.

Слабая археологическая обследованность гор Кавказа, где обитали предки отдельных видов домашних животных, также служит препятствием для выявления ранних форм скотоводства. Вместе с тем хорошо известна та роль древних горных племен, которую они сыграли в истории становления скотоводства в широком ареале переднеазиатского мира. Здесь удалось выявить несколько моделей раннескотоводческого хозяйства. Одна из них — хозяйство неолитических обитателей Загросских гор, разводивших мелкий рогатый скот, среди которого преобладали козы [Массон, 1976, с. 35].

Хотя в большинстве известных случаев земледелие и скотоводство аридной зоны на ранних этапах выступает в нерасчлененном единстве, первичность оседлого земледелия, создающего предпосылки для одомашнивания и содержания животных, несмотря на отдельные случаи их приручения еще мезолитическими охотниками, логически кажется неоспоримой [Массон, 1974, с. 9]. На подобную зависимость указывают как будто и некоторые лингвистические данные. Так, в дагестанских языках отсутствует общедагестанское (праязычное) слово «пастбище», тогда как земледельческая терминология языка-основы («колос», «солома», «полова», «трава», «сено») в эти языки вошла [Бокарев, 1961, с. 17]. Интересно и другое — слово «пасты» почти во всех дагестанских языках (и в праязыке) происходит от слова «кушать», что могло отложиться от той стадии развития общества, когда скот, находящийся в состоянии одомашнивания, кормился на поселениях продуктами земледелия [Османов, 1974, с. 69].

В хозяйстве Чохской общины большую роль традиционно продолжала играть охота. Помимо костей муфлонообразного барана и дикой козы здесь найдены кости благородного оленя, зубра, кавказского тура, кабана, рыси, зайца [Верещагин, 1959, с. 195, табл. 42]. Сцены охоты передают и росписи соседнего с Чохом грота Чинна-Хитта [Котович В. М., 1976, с. 12]. Охотников и пастухов уже сопровождала собака; находки костей собаки на стоянке Мекеги увязываются по времени с приручением ее в Южном Прикаспии (Гари-Камарбанд) и на Анатолийском плато (Чайюню-Тепеси, III фаза). Охотники Чоха имели метательное оружие, основанное (как и жатвенные орудия) на вкладышевой технике, что характеризуется преобладанием в индустрии микропластинок, а также нуклеусов призматической и конической формы. Встречаются и скребки, служившие для обработки шкур. Орудия из камня и кости изготовлялись на месте. Таким образом, это было

многоотраслевое хозяйство: чохская община занималась земледелием, скотоводством, охотой, лепкой посуды, выделкой орудий. Находка костяной флейты, а также наскальные рисунки в соседних гротах говорят о зачатках художественного творчества у обитателей Чоха, об уровне их духовной культуры.

В этот период осваиваются не только горы и предгорья, но и прибрежные террасы Каспийского моря. В условиях лесов, в прибрежной (и отчасти в предгорной) полосе с ее влажным климатом, как и в Причерноморье, с первых же шагов земледелия должна была существовать подсечно-огневая система. Специфика этого архаичного этапа «отложилась» в земледельческих терминах некоторых диалектов языка даргинцев, носители которых занимались подсечным земледелием. Расчищенное от леса поле, пашня назывались терминами, которые переводятся как «голый», «очищенный» и «сделать» [Османов, 1974, с. 72].

На других неолитических стоянках Дагестана пока не найдены ни зерна хлебных злаков, ни кости домашних животных, ни признаки долговременных жилищ. Однако прогрессивные формы орудий, особенно при сопоставлении с чохскими, позволяют в какой-то мере судить о производственной деятельности их обитателей. Ранний неолит характеризуют Тарнаирская и Буйнакская стоянки. Их микролитический инвентарь повторяет традиционные мезолитические формы, указывая прежде всего на сохранение важной роли охоты. Появляются макролиты, и в первую очередь топоры-тесла. В условиях земледелия они могли использоваться для рыхления и расчистки земли под пашню. С возникновением необходимости строить долговременные жилища топоры приобретают особо важное значение.

К финальному неолиту в свое время В. Г. Котович отнес так называемые Ругуджинские стоянки. Однако позднее, после обнаружения энеолитического комплекса Гинчи, М. Г. Гаджиев не без основания их синхронизировал с последним, считая эти памятники однокультурными. Таким образом, собственно неолитических стоянок в Дагестане открыто пока очень мало.

Поселение Гинчи (конец V — начало IV тыс. до н. э.), являющееся сегодня ключевым энеолитическим памятником в горном Дагестане, ярко характеризует ту стадию развития экономики, которая отражает дальнейший процесс развития «неолитической революции» на Кавказе. Сложившийся в своей основе на местной базе и испытывавший вместе с тем сильное влияние культур Закавказья и Передней Азии, гинчинский культурно-хозяйственный комплекс демонстрирует новый, более высокий, чем в неолите, уровень развития производительных сил. Гинчи расположено в Гидатлинской долине, на верхней террасе р. Гидерил-Ор, на высоте 1600 м н. у. м. Долина защищена с трех сторон хребтами. Значительная толщина культурного слоя, наличие каменных жилищ с очагами, оборонительной стены и зерновых ям указывают на длительную оседлость его обитателей. Характер хозяйства гинчинцев определялся естественными ресурсами плодородной долины. Вокруг поселения много речных террас, удобных для земледелия. В вегетационный период здесь выпадает достаточное количество осадков, а поэтому богарное земледелие на участках у подножия горных склонов и в поймах рек и должно было давать устойчивые урожаи. На земледелие указывают находки зерен пшеницы и ячменя (более точные определения не сделаны), отпечатки соломы на керамике, зернотерки, вкладыши серпов. Каменная индустрия Гинчи изучена трасологически, что позволило воссоздать специфику его хозяйства [Коробкова, Гаджиев, 1983; Коробкова, 1987, с. 145]. Здесь в земледельческом секторе было занято свыше 21% всех орудий, причем на вкладыши серпов па-

дает 17%. Предложенные реконструкции демонстрируют разнообразие гинчинских серпов, среди которых ведущее место занимали серпы прогрессивной изогнутой или полулунной формы с лезвием, состоявшим из одной крупной ретушированной по краям пластины [Коробкова, 1978]. Экспериментальным методом установлено, что серпы обладали высокой продуктивностью (жатва 1,1 м² поля в минуту). В меньшей мере были в употреблении серпы так называемого шому-тепинского типа с лезвием изогнутой формы и несколькими вкладышами.

Большой удельный вес имело скотоводство, несколько меньший — охота. Орудия, связанные с этими сферами хозяйства (скребки, ножи для разделки туш, костяные и роговые орудия для обработки кож), составляли 50% всех орудий труда. Разводили преимущественно овец и коз, меньше — крупный рогатый скот и свиней. Скотоводство прослеживается в динамике. Соотношение крупного и мелкого рогатого скота в стаде в разные периоды жизни поселения было не одинаковым: на начальных этапах — 1:9, позднее — 1:4. На базе скотоводства развивалось молочное хозяйство, на что указывают находки специализированных сосудов — цедилок для приготовления сыра. Часть мясной пищи (40%) поступала на поселение из охотничьего сектора. Охотились на оленей (20%) и диких коз. Однако роль охоты на протяжении жизни поселения постепенно уменьшалась: на раннем этапе дикие животные составляли 50% мясного рациона, на позднем — 30%.

На поселении занимались плотничьими работами (15% орудий), что естественно в условиях соседства лесных массивов. Удаленность выходов кремня — основного сырьевого материала — способствовала его экономному расходованию: особенностью части орудий труда (18%) является их полифункциональный характер при использовании в новой функции старых изношенных инструментов. На поселении, судя по отбросам кремня, шло постоянное производство орудий.

Значительно более высокого, нежели в Чохе, уровня достигает гончарное дело. Посуда формируется различными способами. Качество обжига свидетельствует о существовании гончарных печей. Судя по отпечаткам на керамике тканевой основы и рогожи, ткачество и плетение корзин было постоянным занятием гинчинцев. Таким образом, Гинчинское поселение демонстрирует комплексное скотоводческо-земледельческо-охотничье хозяйство.

Наряду со стационарными поселениями в горах Дагестана существовали сезонные стоянки или стойбища, возникшие в связи с новыми хозяйственными нуждами — необходимостью выпаса скота в летнее время на пастбищах, находившихся на далеких расстояниях. Это так называемые Ругуджинские стоянки в долине р. Багор-Ор, а также скальная стоянка Чинна на Хунзахском плато [Атаев, Кушнарева, 1966; Гаджиев, 1980а, с. 21]. Расположение стоянок в зоне субальпийских и альпийских пастбищ, где нет удобных для земледелия естественно выровненных площадей и речных террас, отсутствие выраженного культурного слоя, стационарных жилищ и земледельческих орудий, с одной стороны, наличие орудий труда, связанных с обработкой продуктов животноводства и охоты, — с другой, позволяют рассматривать эти стоянки как памятники, оставленные пастухами, выпасавшими здесь скот в летнее время. Стада состояли из крупного и мелкого рогатого скота. Судя по соотношению костей на стоянке Чанна (1:5), здесь преобладало овцеводство. Пастухи занимались также охотой на оленей и диких коз. Возможно, продукты земледелия и глиняная тара им доставлялись из стационарных поселений в обмен на продукты животноводства.

Гинчи, являющееся классическим стационарным поселением горного типа, находит аналогии в памятниках других горных районов Кавказа, хотя последние изучены слабо. Среди них поселение Тетри-Цкаро, расположенное на одном из высокогорных плато Квемо-Картли—Бедени [Гобеджишвили, 1978]. Поселение было стационарным — сохранились остатки деревянных и каменных жилищ с глинобитными полами. Вокруг него находятся удобные для земледелия участки и пастбища. Его жители занимались и скотоводством; в стаде преобладал мелкий рогатый скот. Большую площадь занимал отгороженный каменными глыбами загон для скота. Этнографические параллели указывают на сходство этого загона с грузинскими летними скотоводческими постройками — *ацангвара*. Расположение Тетри-Цкаро в субальпийской зоне с ее прекрасной кормовой базой не требовало перегона скота на большие расстояния (горно-стационарная форма). На поселении занимались изготовлением орудий, лепкой посуды, ткачеством.

К сезонным скотоводческим стойбищам типа Чинна можно отнести стоянки Думейла и Шаулеет. Каждая имеет свою специфику. Открытая стоянка Думейла расположена в южной части Грузии, на высоте 2000 м н. у. м. [Чубинишвили, 1971, с. 75]. Она состояла из овальных землянок со ступеньками, к которым примыкали огороженные каменные площадки, трактуемые как загоны для скота. Стоянка же Шаулеет (Юго-Осетия) обосновалась в гроте [Любин, 1966а].

Таким образом, жизнь в горах Кавказа в IV тыс. до н. э. протекала достаточно интенсивно. В каждом обжитом микрорайоне складывалось хозяйство, специализировавшееся на сочетании земледелия, скотоводства, охоты и собирательства. Эта специфика и определяла характер горных поселений, стимулировала появление их различных типов, среди которых имелись долговременные стационарные поселения и сезонные стойбища.

Рассмотренные памятники горной зоны отражают два этапа в развитии производящей экономики Кавказа: конец VII—VI тыс. до н. э. (неолит) — период становления земледелия и скотоводства; V — середина IV тыс. до н. э. (энеолит) — период дальнейшего прогресса хозяйства нового типа. В IV тыс. до н. э. горные племена Кавказа стояли на пороге кардинальных сдвигов в ведущих отраслях хозяйства. Внедрение пашенной обработки земли и значительное увеличение посевных площадей за счет террасирования горных склонов, с одной стороны, и переход в ряде районов к отгонной (яйлажной) форме скотоводства — с другой, послужили мощными импульсами для нового подъема производительных сил горцев, который ярко документируют памятники следующей эпохи.

Процесс заселения древними земледельцами Западного Закавказья, особенно Причерноморья с его специфическими природными условиями, проходил примерно в те же сроки и нашел свое воплощение в многочисленных неолитических стоянках [Кигурадзе Т. В., 1986]. Зерна злаковых ни на одной из них не обнаружены, что заставляет все соображения относительно земледелия строить исключительно на комплексах орудий труда — жатвенные ножи, мотыговидные орудия, полированные топоры, зернотерки, терочки, роговые землекопалки (Дарквети, Мелоури и др.). Опираясь на теорию Н. И. Вавилова о зарождении земледелия в горных субтропиках и тропиках, блестяще подтвердившуюся дагестанскими материалами, можно предполагать, что импульсы к расселению ранних земледельцев в Причерноморье следует связывать с соседними горными и предгорными зонами, где произрастали предки культурных растений. Здесь выделяется район Рача-Лечхуми, где до настоящего времени природа сохранила такие эндемичные фор-

мы пшеницы, как маха и зандури с примесью колхидской полбы [Джавахишвили И. А., 1930, с. 337]. Если позднее в полеводческих районах Восточной Грузии пшеница была главной зерновой культурой, то в Западном Закавказье, где зафиксирована примерно половина видов пшеницы, их основной потенциал сосредоточен именно в Рача-Лечхумском районе, считающимся одним из центров видо- и формообразования первичных и эндемичных видов пшеницы [Менабде В. Л., 1948, с. 85; Брегадзе, 1969, с. 32]. Что касается Колхидской низменности — района влажных субтропиков, то ее скорее всего следует исключить из области первоначального зарождения земледелия, на что уже неоднократно обращалось внимание [Титов, 1962, с. 13; Джавахишвили А. И., 1973, с. XIV].

Для понимания времени и характера становления скотоводства в Западном Закавказье первостепенную роль играют находки костей домашних животных (крупный рогатый скот, овца, коза, свинья, собака) в раннеолитическом слое Дарквети [Небнеридзе, 1978, табл. II]. Столь ранние следы скотоводства ставят эту стоянку в ключевое положение по отношению к другим неолитическим памятникам Западного Кавказа. Однако на какой базе складывалось здесь скотоводство — вопрос, который будет решен по мере дальнейших исследований.

Приток населения в Причерноморье объясняется в большой мере теми же причинами, которые привлекли сюда мезолитического человека. Как было сказано, в начале голоцена здесь существовали оптимальные, приближающиеся к современным условия для жизни, среди которых решающим фактором для ранних земледельцев играли обильно орошаемые плодородные почвы. Количество осадков здесь достигает 1000—3000 мм в год [Гроссгейм, 1948; Джанелидзе, 1980, с. 127].

В условиях теплого и влажного субтропического климата, произрастания множества съедобных плодов и эндемичных видов злаковых растений большую роль в хозяйстве должно было играть собирательство. Господством этой отрасли объяснялось некоторое отставание земледелия в Западной Грузии. Предполагается, что в собирательстве значительную роль играли сборы дикого проса (груз. *гоми*), зерна которого засвидетельствованы в раннеолитическом слое Холодного грота. На древность введения в культуру проса указывали в свое время и ботаники [Комаров, 1933, с. 111]. Возможно, что процесс его domestikации начался в этот период, так как окультуриванное просо найдено на энеолитических поселениях Центрального Закавказья (Арухло I, Имирис-Гора). Гоми является исторически засвидетельствованной культурой Западной Грузии и поныне занимает ведущее место в земледелии края. Исходя из этого, Я. И. Киквидзе [1975, с. 11] предполагал, что именно эта культура, а также рожь (но не пшеница и ячмень, которые в условиях влажных субтропиков растут значительно хуже) положили начало земледелию в этой части Кавказа. Однако эта точка зрения получила серьезные возражения, с которыми трудно не согласиться. Исходя из свойств западногрузинских эндемичных плечатых пшениц, хорошо переносящих избыток влаги, следует предполагать, что они, так же как и просо, были введены в культуру на самых ранних стадиях земледелия в Западной Грузии [Брегадзе, 1982, с. 37].

Земледелие в условиях обилия лесов Причерноморья с первых же шагов носило подсечно-огневой характер. Вырубка леса, расчистка участков под пашни, корчевание пней, рыхление земли нашли свое материальное выражение в появлении таких орудий, как топоры, долота, тесла. Эти орудия засвидетельствованы и в неолите Прикаспия, где земледелие также носило подсечно-огневой характер. В разных

районах Кавказа, имеющих различные почвенные условия, орудия для копки и рыхления почвы варьировали. В Причерноморье, в частности, где почвы были достаточно грубыми, каменистыми, для обработки земли использовали исключительно каменные орудия; ими изобилуют стоянки. Процессы сбора и переработки продуктов земледелия и собирательства документируют крупные ножевидные пластины, терочники и зернотерки.

Большую роль в хозяйстве играла охота. Охотились на некрупных парнокопытных (благородный олень, косуля, баран, дикий кабан), водившихся в лесах в изобилии. Вместе с тем, судя по находкам в Дарквети, процесс одомашнивания свиньи, крупного и мелкого рогатого скота остался позади. В условиях лесов, где было множество дубовых и буковых деревьев, преобладание в стаде свиньи представляется вполне закономерным; в развитии свиноводства играли большую роль легкая приручаемость и плодовитость этого животного. Таким образом, эти находки еще раз подтверждают, что переход к скотоводству на Кавказе произошел в раннем неолите. И одновременно опровергают тезис относительного позднего (энеолит) становления скотоводства в Западном Закавказье [Киквидзе, 1975, с. 11, 22; Формозов, 1977, с. 53]; этот тезис базировался на отсутствии в неолитических стоянках костей домашних животных (при наличии остатков диких животных) и на предположении, что развитию скотоводства должно было препятствовать обилие густых лесов. С открытием находок в Дарквети и учетом аналогичных палеозоологических материалов Каменноостской пещеры в Прикубанье [Формозов, 1971] первый аргумент был снят. Яркое выраженное скотоводческое хозяйство куро-аракских племен (III тыс. до н. э.) в условиях лесов, скажем, Северо-Восточной Армении, с одной стороны, и этнографические примеры практики скотоводства в некоторых лесистых районах Кавказа [Шамиладзе, 1979, с. 286] — с другой, лишают основания и второй аргумент; известно, что ветви, срубленные с деревьев, служат питательным кормом для животных.

Большинство раннеэнеолитических поселений располагалось на речных террасах или по традиции в приречных пещерах и навесах. Широко используя речные ресурсы, их население занималось и рыболовством. На этот промысел указывают находки костей лосося, мелких рыб, гарпунов (Холодный грот) и грузил (Дарквети, Хуцубани). Процесс рыбной ловли был дифференцирован, он осуществлялся гарпунами, удочками, сетями.

Приведенные материалы позволяют утверждать, что в раннем неолите Западного Закавказья господствовало хозяйство смешанного (присваивающе-производящего) типа [Небиеридзе, 1986, с. 178].

Материалы стоянок позднего неолита Западного Закавказья вносят много нового в понимание хозяйственного прогресса. В этот период осваивается предгорная холмистая часть края, где условия благоприятны для земледелия. Наиболее сложным по-прежнему остается вопрос о видах возделывавшихся здесь злаков, зерна которых на поселениях не обнаружены. Существует предположение, что население уже выращивало такую культуру, как лен, маслянистые и волокнистые качества которого позднее были хорошо известны жителям Колхиды [Киквидзе, 1988, с. 18]. Удельный вес земледелия расширяется, о чем говорит увеличившийся набор орудий; на стоянках найдены тяпкообразные, кирковидные, мотыговидные, клиновидные макролиты (Одиши, Урта, Кистрик), сохovidные орудия (Хорши, Одиши, Чхортоли, Ткибули), топоры (Анасеули I), песты, терочники, зернотерки. По-видимому, существовали также земледельческие орудия из дерева, кости и рога, которые в почвенных условиях прибрежной полосы обычно не сохра-

няются. Орудиями копки служили мало эффективные кирковидные, мотыгообразные и сохообразные каменные орудия. Широко применялись и так называемые мотыжки «сочи-адлерского» типа. Это продолговатые, овальные и круглые орудия, сделанные из расколотой и грубо оббитой гальки. Их производительность установлена экспериментальным способом. Для этого использовались изготовленные из причерноморских галек орудия такой же формы, как древние мотыжки. Малый вес орудия требовал утяжеления рукоятки, что и было осуществлено с помощью дубовых муфт; в итоге вес орудия достигал 700—1000 г. В таком виде на участке, где почва была без камней, за 50 мин. было обработано 12,5 м² земли при глубине вспашки 15—20 см [Семенов, 1974а, с. 198]; примерно такой была производительность труда и в древности. В условиях же каменистых почв орудия эти должны были часто выходить из строя, что при примитивном способе их изготовления и обилии галечного сырья могло легко восполняться.

Урожай убирали вкладышевыми ножами; на поселении Чхортоли, например, вкладыши составляли 40% всей каменной индустрии. Размол зерна производился зернотерками. С установлением оседлоземледельческого уклада связано еще одно важнейшее завоевание — появление глиняной посуды, которая встречается почти на всех позднеэнеолитических стоянках Причерноморья.

Земледелие в субтропической зоне с первых же шагов наталкивалось на определенные трудности и требовало постоянного осуществления специальных агротехнических мероприятий [Киквидзе, 1988, с. 20]. Изобилие влаги здесь обеспечивает неполивной характер земледелия. Примитивные землекопные орудия, исключая возможность глубокой обработки почвы, в сочетании с обилием лесов должны были приводить к частой перемене полей и освоению больших площадей. Однако борьбой с активностью леса не исчерпывались трудности земледельцев — надо было постоянно противостоять повышенной влажности, мешавшей возделыванию зерновых. Этнография сохранила у местного населения ряд мелиоративных приемов, имеющих многовековую традицию [Гегешидзе, 1963, с. 22]. Среди них — дренажи, искусственные насыпи, так называемое удобрительное орошение, основанное на использовании для посевов естественно и искусственно заиленных площадей, на которых оседало большое количество минеральных веществ и органических остатков. Наиболее ранними археологически зафиксированными сооружениями такого рода (III тыс. до н. э.) здесь выступают большие искусственные насыпи, созданные с целью возвышения определенных участков над местностью и использованные как площадки для застройки жилыми и хозяйственными сооружениями. Эти насыпи, называемые *Диха-Гудзуба* (груз.), являются продуманной мерой защиты поселений Колхидской низменности от действия слабых грунтов, высоких грунтовых вод и обильной влаги [Хоштария, 1944; 1948; Кигурадзе Н. Ш., 1971]. Вероятно, поиски указанных мелиоративных приемов начали осуществляться параллельно со становлением здесь земледельческого хозяйства. Вместе с тем постоянная активность леса должна была препятствовать интенсификации земледелия. Быть может, накоплением опыта в период господства малопродуктивной подсечно-огневой системы в условиях субтропиков и следует объяснить выбор иных, более сухих земледельческих участков в последующий период.

Какой характер носило скотоводство в период финального неолита, сказать трудно; кости домашних животных ни на одной стоянке пока не встречены. Как известно, скотоводство в древних центрах производящей экономики обычно развивалось в тесной связи с земледелием — возникало комплексное хозяйство с большим или меньшим

удельным весом одной из этих отраслей. Так называемое лесное скотоводство, при котором скот кормится за счет срубленных ветвей деревьев, имело для своего развития в определенной степени ограниченные возможности. Активность леса и болотистые почвы должны были служить препятствием для разведения крупных стад животных. В дальнейшем население Западной Грузии разводило мелкую породу крупного рогатого скота, тогда как в Восточной Грузии и Армении надолго сохраняется крупная порода; по-видимому, измельчание крупного рогатого скота здесь явилось следствием давления экологического фактора.

Низкая продуктивность подсечно-огневой системы земледелия, а также разнообразная флора явились одной из причин долгого сохранения в Причерноморье присваивающих форм хозяйства. В этой части Кавказа произрастают многие образцы древнего растительного покрова, среди них более 60 видов плодоносит. Это позволяло большую часть года заниматься собирательством, что археологически документируется ручными терочниками, известными еще по мезолитическим стоянкам.

Большую роль продолжала играть охота, на что указывают кости диких животных и специализированная кремневая индустрия (ядра для пращи, наконечники стрел), сохраняющая в какой-то мере еще мезолитический облик. Однако на некоторых стоянках (Анасеули II, Одиши, Гурианта) уменьшается количество орудий для обработки шкур животных (в частности, скребков) и ухудшается их качество; возможно, что удельный вес охоты на этих стоянках несколько сокращается. Вблизи речных водоемов занимались рыболовством, о чем говорят находки большого количества разновидностей каменных грузил (10 групп). Только на поселении Махвилаури обнаружено 465 грузил.

Почти на всех стоянках имеются скопления отбросов производств; таким образом, это стоянки-мастерские. Судя по обилию пряслиц, население занималось ткачеством. Если считать, что скотоводство не получило здесь широкого развития, то в качестве сырья мог использоваться лен, дающий прекрасное волокно (а также растительное масло [Каландадзе, А. Н., 1973, с. 14; Киквидзе, 1988, с. 18]).

В эпоху энеолита в Западной Грузии наблюдается увеличение удельного веса производящего хозяйства. Процесс расселения продолжается, повторно осваиваются заброшенные пещеры. Повсюду на стоянках земледельческие процессы документируются каменными и роговыми орудиями копки, зернотерками. Появляются двусторонне обработанные вкладыши изогнутых серпов (Тетрамица, Чихори, Ахалсопели и др.). Кости домашних животных в разных соотношениях теперь встречаются повсеместно (Дарквети, Сагварджиле, Самеле-Клде, Дзудзуана); по-прежнему широко практикуется свиноводство [Небиеридзе, 1978, табл. 3; Бурчак-Абрамович, 1980]. По некоторым наблюдениям, скотоводством занимались преимущественно жители пещер, а земледелием — обитатели открытых стоянок. Охота на отдельных поселениях продолжает играть значительную роль. В Сагварджиле, например, кости диких животных составляли 56% от общего количества костей животных; охотились преимущественно на дикого кабана и благородного оленя [Бурчак-Абрамович, 1972]. Совершенствуется гончарное производство. Развивается ткачество. Появляются предметы украшения (каменные браслеты), свидетельствующие о новых производственных возможностях и развитии эстетических потребностей населения. Начинается изготовление металлических предметов, документирующееся, в частности, находками тиглей и форм для отливки мелких изделий (Тетри-Мгвмеви, Самеле-Клде). Эти новшества появляются во

всем ареале западно-кавказской культуры, границы которой включают Западную Грузию и Северо-Западный Кавказ.

Таким представляется сегодня культурно-хозяйственное развитие Западного Закавказья в конце VII—IV тыс. до н. э. В сфере экономики первый этап (неолит) характеризуется становлением земледелия и скотоводства при сохранении большой роли присваивающих форм хозяйства, появлением гончарного производства и ткачества. В дальнейшем (энеолит) земледелие и скотоводство прогрессируют, однако доля охоты (и собирательства) в хозяйстве остается значительной. Развитие производительных сил и положительных знаний приводит к возникновению новой отрасли производства — металлургии.

Таким образом, совокупность всех рассмотренных материалов позволяет сделать важнейший вывод о тесной генетической связи культур Западного Закавказья в период мезолита—энеолита и о едином пути развития хозяйственной деятельности их носителей [Небиеридзе, 1986, с. 180].

Помимо горных районов, Черноморского и Каспийского побережий, за трехтысячелетний период оказываются густо заселенными Квемо-Картлийская равнина, Араратская долина, Куро-Аракская низменность, Мильская, Карабахская и Муганская степи. Создается впечатление, что низкие аллювиальные равнины и долины заселялись впервые в V—IV тыс. до н. э., по-видимому, в результате волны земледельцев, спустившихся сюда из горных районов. Равнинные поселения имеют специфический характер, отличный от стоянок и поселений Дагестана и Причерноморья. Это оплывшие искусственные холмы — телли, состоящие из серий строительных горизонтов. К сожалению, механизм образования последних, от продолжительности нарастания которых зависит определение хронологических рамок поселений, остается не до конца уточненным. Учитывая экстенсивный характер древнего земледелия, приводивший к быстрому истощению почвы, ряд исследователей трактует чередующиеся наслоения как результат постоянных перемещений земледельцев за вновь осваиваемыми земельными участками и периодических их возвращений на старые места, когда наступала естественная регенерация почвы [Clark, Piggott, 1965, p. 169; Киквидзе, 1963, с. 17]. Такая трактовка приводит к выводу о подвижном характере их жизни. В этом случае создание стационарных построек на вновь осваиваемых местах было бы нецелесообразным. Однако на всех равнинных поселениях имеются следы сырцово-архитектуры. Существование постоянных жилищ является косвенным показателем накопления определенного агротехнического опыта (применение различных приемов сохранения плодородия почвы и ее искусственное восстановление), что вело к стабильности земледельческих участков и, следовательно, не требовало постоянных перемещений. Очевидно, в этих районах практиковалась переложная система, позволявшая, чередуя под посевы разные участки, сохранять земельные угодья в одних и тех же границах. Практикующаяся и поныне у народов с экстенсивным земледелием, она не требует смены мест обитания.

Наиболее полно причины разрушения и обновления построек на кавказских теллях, приводивших к наслоению строительных горизонтов, определены А. И. Джавахишвили [1973]: «Необходимость ремонта домов, приходивших в ветхость, или их снос и возведение новых зданий; разрушение поселений в результате стихийных бедствий (землетрясение, наводнение, пожар) или вражеского нашествия; временное запустение, вызванное эпидемией или пандемией. Наконец, образование напластований строительных остатков в ряде случаев может произойти не в результате обновления всех зданий вместе, т. е. сплошной

отстройки всего поселения, а постепенной и естественной перестройки отдельных его домов или целых его участков, по мере разрастания или уменьшения населения, перемещения центра, перепланировки, эволюции типов домов и т. д., т. е. по мере социально-экономического развития общества» [с. 4].

Одной из областей расселения древних земледельцев являлось Центральное Закавказье. Здесь, в незаселенных до этого времени обширных речных долинах среднего течения р. Куры и ее правых притоков — Храми, Дебед и Акстафа, в V—IV тыс. до н. э. основываются десятки оседлых поселений. Благоприятный для орошения рельеф, наличие плодородных почв и постоянно текущих рек сыграли решающую роль в этом процессе. Квемо-Картлийская равнина расположена на высоте 270—500 м н. у. м. В настоящее время это один из процветающих земледельческих районов. Равнина характеризуется жарким летом и сравнительно малым количеством осадков (400—500 мм в год). По свидетельству историка Вахушти, цветущее земледельческое хозяйство Квемо-Картли в XVIII в. было основано на орошении. «Здесь рождаются все зерновые, даже рис и хлопок. Лоза винограда, гранат, инжир и много других фруктов» (История Грузии, с. 307).

Споро-пыльцевые анализы окрестности поселения Арухло I указывают на преобладание открытых ландшафтов с фрагментами лесов. Предгорья были заняты дубово-грабовыми лесами, приречные долины — пойменными [Гогичайшвили, 1984]. Примерно тот же характер ландшафта устанавливается вокруг поселений Имирис-Гора и Цопи [АЭГМГ, 1974, с. 32; Гогичайшвили, 1979; Джанелидзе, 1980, с. 139]. Эти данные подтверждены экологическим анализом видового состава ископаемой фауны [Бендукидзе, 1971, с. 37]. К востоку же от Квемо-Картлийской равнины, в степных пространствах Западного Азербайджана господствовал более засушливый климат с меньшим количеством осадков [Физическая география АзССР, 1945]. Наконец, в южном поясе Закавказья преобладал сухой, жаркий, резко континентальный климат.

Строительные горизонты центральнозакавказских поселений наполнены огромным количеством бытовых отходов, разнообразными орудиями труда, фаунистическими и флористическими остатками и другими, позволяющими в какой-то мере реконструировать производственные процессы и быт населения [Кигурадзе Т. В., 1986]. На интенсивное развитие земледелия указывают прежде всего зерна злаковых и других растений. Здесь найдены зерна 7 видов пшениц, нескольких разновидностей ячменя, проса, овса, ржи, чечевицы, гороха [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 76; Горгидзе, Русишвили, 1984, с. 15; Янушевич, Русишвили, 1984, с. 21]. Особое место занимает коллекция зерен поселений Арухло I и II, в которой насчитывается 8 видов пшениц (однозернянка, двузернянка, спельта, маха, древнеколхидская полба, мягкая, карликовая, твердая), эгилопс, ячмень пленчатый, голозерный, двурядный, шестирядный, просо, овес, чечевица, горох и сорняки этих культур. Здесь важен не только широкий видовой спектр растений, но и наличие инициальных промежуточных форм на пути окультуривания пшениц (древнеколхидская полба и маха), мягкой и твердой пшеницы и сопутствующих им сорняков. Преобладание в коллекции мягкой пшеницы свидетельствует о ее возделывании отдельно от пленчатых пшениц, а это указывает на определенный уровень аграрного хозяйства [Брегадзе, 1983, с. 13]. Особого внимания заслуживает присутствие спельты и эгилопса — одного из исходных видов местных культурных пшениц.

При отмывке сырцовых кирпичей поселений Арухло I и II обна-

ружены остатки некоторых дикорастущих однолетних растений; большая их часть сопутствовала яровым посевам, меньшая — озимым. Факт установления двукратного засева и сбора урожая — еще один показатель агротехнического уровня; чередование посевов зерновых, имеющее столь древние истоки, и сейчас лежит в основе земледелия Кавказа, что ярко отразилось в аграрном календаре и связанных с ним обычаях [Брегадзе, 1982, с. 150]. Практиковались древними и смешанные посевы пшеницы и ячменя, являвшиеся одной из мер борьбы с засухой.

Не менее важной является находка семян винограда вида *Vitis vinifera* L. на трех центральнозакавказских поселениях (Шому-Тепе, Шулаверис-Гора, Дангреули-Гора). Она подвела конкретную базу под тезис Н. И. Вавилова, считавшего Закавказье центром видо- и формообразования дикого винограда и местом введения его в культуру. Как отмечалось выше, семена дикого винограда того же вида обнаружены в неолитическом Чохе. Однако введение винограда в культуру следует связывать с низкими равнинами, где виноград выращивался в условиях искусственного полива. Семена винограда из Дангреули-Гора имели несколько уменьшенные размеры, что позволяет отнести их к промежуточной форме между дикой и культурной лозой [Горгидзе, Русишвили, 1984, с. 21]; этим фиксируется момент процесса его окультуривания. Семена же из Шулаверис-Гора относятся к культурным сортам, выявляющим давность селекции и усовершенствования местной культурной лозы [Рашишвили И. Т., 1969, с. 7]. Практиковалось также огородничество (остатки дыни и щавеля из поселений Дангреули-Гора и Гадачрили-Гора).

Сравнение палеэтноботанических находок из Чоха и центральнозакавказских поселений показывает, насколько интенсивным было развитие земледелия за сравнительно короткий срок. В течение 1000—1500 лет происходит резкое расширение ассортимента возделываемых растений — появляется ряд новых видов пшениц, ячменей, вводится в культуру рожь, виноград и другие виды растений. В составе пшениц присутствуют разные по своей экологии виды: типичные для горных местностей мезофильные — однозернянка, карликовая, спельта; экологически пластичные — твердая и мягкая; ксерофитная, малотребовательная к климатическим и почвенным условиям — двузернянка; типичная для орошаемых земель сухого климата — тургидум [Пшеницы мира, 1976, с. 17—19, 29—31, 40—43, 47—48, 74—76, 80, 83]. Это говорит о накоплении большого агротехнического опыта, в результате которого уже в V тыс. до н. э. земледелие практикуется во всех ландшафтных зонах Кавказа. Ни в одном из центров в пределах ближневосточного ареала такого разнообразия одновременно найденных ископаемых видов культурных злаков нет; обычно на одном памятнике фиксируется 2 или 3 вида пшениц. Исключение составляет лишь поселение Ярым-Тепе II в Северном Ираке, где найдено 5 видов пшениц. По-видимому, процессы видо- и формообразования растений на Южном Кавказе проходили достаточно интенсивно уже на ранних этапах развития земледелия, что ставит регион в исключительное положение не только по отношению к южным районам СССР, но и ко всей территории Ближнего Востока.

Земледелие на поселениях широко представлено специализированными орудиями; это прежде всего орудия для обработки почвы — рыхления, разбивания комьев и др. (мотыги из оленьего рога, трубчатых костей, метаподий и лопаток крупного рогатого скота, утяжелители мотыг и др.). Количество мотыг на поселениях со временем возрастает; на постоянную потребность в них указывает почти полное отсутствие

среди находок лопаточных и трубчатых костей крупного рогатого скота. Серия таких орудий была исследована экспериментально-трасологическим методом. Часть орудий реконструирована [Коробкова, 1979]. Среди них три типа мотыг из рога оленя: тесловидной формы (универсальные земледельческие орудия для различных почв), топорovidной (для рыхления вскопанной почвы, выравнивания стен землянок и хозяйственных ям) и конусовидной (для рыхления почвы и земляных строительных работ). Установлено, что производительность роговых мотыг в 1,5—2 раза превосходит производительность палок-копалок, хотя по глубине вспашки мотыги уступают последним (мотыгами можно было обрабатывать землю не глубже чем на 10 см). На деревянную рукоять мотыг надевались находимые на поселениях роговые муфты, этим увеличивалась их тяжесть и повышалась эффективность. Утяжелителями же палок-копалок служили плоские камни с отверстием посередине.

Помимо мотыг исследованы лопаточки и землекопалки, использовавшиеся в качестве инструментов при посевах зерновых и во время огородных работ. Посев осуществлялся ручным способом, в ямки, для чего применялись деревянные, костяные и роговые орудия с заостренным концом. Особое внимание на Арухло I привлекает орудие из рога благородного оленя, которое трактуется как один из признаков применения тягловой силы в земледелии [Чубинишвили, 1973].

Орудиями уборки урожая служили кремневые и обсидиановые составные серпы. Трасологически установлено, что вкладыши серпов на Шулаверис-Гора составляли около 25% всех исследованных орудий, на Шому-Тепе — 24,2%, в Цопи и на Арухло II — 20,3 и 20%. Изученные типологически вкладыши Гаргалар-Тепеси, Тойре-Тепе и Баба-Дервиш составляли соответственно 13,4, 12,4 и 14,2%.¹ Самые архаичные жатвенные орудия представлены составными серпами с прямой рукояткой: съемные двулезвийные вкладыши вставлялись в костяную или деревянную основу. Более прогрессивные разновидности серпов основаны на прочном скреплении рукоятки с рабочей частью; они состояли из слегка изогнутой костяной или деревянной основы, в пазы которой под углом или горизонтально вставлялись закрепленные битумообразной массой острые обсидиановые или кремневые пластины прямоугольной или сегментовидной формы [Нариманов, 1971]. Такая оправа, сделанная из челюсти быка, обнаружена на поселении Шому-Тепе (рис. 11, 21). Г. Ф. Коробкова считает, что эволюция жатвенных орудий в рамках шулавери-шомутепинской культуры четко прослеживается на примере оформления лезвий вкладышей. Первоначально использовались пластины с неформленным краем, затем лезвия начали обрабатываться зубчатой, а на поздних этапах — пунктирной, зубчатой или струйчатой ретушью. Составные жатвенные орудия возникали на местной почве, что подтверждается находками жатвенных ножей в Чохе, Сосруко и в одном из подскальных убежищ Кобыстана, отражающих последнюю стадию господства присваивающего хозяйства. Кавказские серпы VI—IV тыс. до н. э. системой крепления пластин-вкладышей сходны с группой жатвенных орудий Передней Азии (Тэль-эс-Саван, Хаджилар, Ярым-Тепе II), Центральной и Восточной Европы [Бибиков, 1962, с. 6; Нариманов, 1982а, с. 32]. Экспериментами установлено, что по производительности каменные серпы шому-тепинских (трипольских и джейтунских) земледельцев лишь в 1,5—2 раза усту-

¹ О результатах экспериментально-трасологического анализа орудий труда из раннеземледельческих поселений Кавказа см.: Аразова, 1972а, 1972б, 1974а, 1974б, 1987; Коробкова, Кигурадзе, 1972; Коробкова, 1975а, 1975б, 1978, 1979, 1981; Коробкова, Эсакия, 1979, 1984; Коробкова, Гаджиев, 1983; Эсакия, 1984, 1987.

пают металлическим серпам [Семенов С. А., 1971; Коробкова, 1974]. За один час жатвы ржаного поля, включая вязку снопов и укладку их в копны, каменным серпом было обработано 45—50 м², а стальным — 100 м².

Судя по находкам остатков снопов на Арухло I и Кюль-Тепе I, срезанные колосья обмолачивались на поселениях. Повсюду встречаются орудия для переработки продуктов земледелия — корытообразные (на ранних этапах), седловидные, овальные, ладьевидные зернотерки, терочки, песты, ступки. Зерно хранили в крупных сосудах, в ямах и маленьких глиняных помещениях, находившихся в хозяйственных дворах.

Земледелие в Квемо-Картлийской равнине с ее жарким климатом и сравнительно малым количеством осадков в летний период, когда процесс испарений достигает наибольшей интенсивности, не могло ориентироваться только на посевы «под дождь». На существование древнего орошения указывают результаты анализа погребенных почв вокруг поселения Арухло I, которые по механическому составу оказались идентичными современной орошаемой почве [Мардалеишвили, Джанелидзе, 1984, с. 91]. Злаковые культуры здесь выращивались в условиях нерегулярного полива (переходный тип земледелия от неорошаемого к орошаемому). В засушливых же степных районах Западного Азербайджана, в Куро-Аракской низменности, Арагатской долине для земледелия необходимо было регулярное орошение. В этом плане показателем состав злаковых и других культур. Роль своеобразных индикаторов здесь играют мягкая пшеница и шестирядный ячмень, культивация которых возможна лишь в условиях искусственного полива [Helbaek, 1960]. Без орошения нельзя заниматься и виноградарством. Выводы о наличии орошения в последние годы получили подтверждение в серии новых археологических данных.

Следы аграрного хозяйства также документируются находками на поселениях южных областей Закавказья. Земледелие здесь с первых шагов могло быть только поливным [Мартиросян, Торосян, 1967]. Начиная с неолита (Цахкунх), земледелие здесь было ведущей отраслью хозяйства. Выращивали несколько сортов пшениц (мягкая, твердая, карликовая, тургидум), ячменей (пленчатый, двурядный и шестирядный, голозерный, бутылковидный), просо и овес [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 76]. В комплексах преобладают специализированные орудия для обработки почвы, уборки урожая, переработки продуктов земледелия — костяные, роговые и каменные мотыги различных типов; мотыги из костей крупного рогатого скота идентичны шулавери-шомутепинским. На рукоятку надевались каменные кольца-утяжелители (Техут). Каменные мотыги, а возможно, топоры и тесла использовались для обработки участков с твердыми почвами. Мотыги из Техута и Кюль-Тепе I имеют овальную форму и отверстие для насадки на рукоять; длина их доходит до 15 см. Для выкапывания ямок во время сева, по-видимому, были приспособлены также костяные пластинки с заостренными концами.

Процессы уборки урожая документируют серпы с закрепленными битумом в костяной основе обсидиановыми и кремневыми вкладышами. На поселениях вкладыши, как правило, преобладали над другими видами орудий. На Аликемек-Тепеси, например, они составляли 32%. На Кюль-Тепе I и в Хатунархе найдены серпы иной конструкции — с изогнутой основой и лезвием из одной удлиненной пластинки с ретушированным краем; они обладали высоким коэффициентом производительности. Процессы переработки и хранения продуктов земледелия документируются зернотерками, пестами, терочниками, а также много-

численными ямами-хранилищами, маленькими глиняными загородками, ящиками, крупными сосудами.

Зафиксированный уровень земледельческой культуры, а также тесные контакты населения Кавказа со странами Передней Азии дают повод еще раз вернуться к поднятому нами в свое время вопросу о времени возникновения пашенного земледелия на Кавказе, не имеющему пока однозначного решения [Кушнарева, 1977б; Кушнарева, Лисицына, 1979]. В свое время Б. Б. Пиотровским была высказана точка зрения относительно возможности существования в Закавказье примитивного плуга уже в преурартское время [Пиотровский, 1949а, с. 71]. Осторожность этого суждения обуславливалась отсутствием находок в доурартских поселениях металлических наконечников, являющихся атрибутом плуга. Железные же наконечники в таких урартских городах, как Русахинили и Тейшебаини, документировали применение плуга в Ванском царстве [Пиотровский, 1959, с. 140, рис. 9]. Однако хорошо известно, что появлению плуга предшествовал длительный период использования с помощью тягловой силы животных примитивных пахотных орудий. Начало этого способа обработки земли на Кавказе, согласно мнению ряда археологов, восходит к III тыс. до н. э.; к такой хронологической оценке в свое время примкнула и автор настоящей работы [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 106]. Сегодня в этой проблеме решающую роль играют новые материалы из ранних земледельческих поселений. Проблему в целом следует рассматривать в непосредственной увязке кавказских материалов с комплексом ближневосточных данных, поскольку древнее население Армянского нагорья и Южного Кавказа находилось в состоянии непрерывного культурно-экономического обмена со странами Ближнего Востока.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные по этому региону несут информацию двух категорий. Первая прямо указывает на широкое распространение в Передней Азии пашенного земледелия в конце IV—III тыс. до н. э. Речь идет об изображениях древних пахотных орудий на шумерийских и протоэламских пиктограммах и на месопотамских цилиндрических печатях [Amiet, 1961, р. 36, 51; Краснов, 1975, с. 176]. Древнейшим археологически документированным типом пахотного орудия здесь являлось деревянное двурукояточное кривоградильное рало. Оно происходит, скорее всего, не от мотыг, а от палок-копалок, соединенных на каком-то этапе попарно и образовавших впоследствии сочленение-ральник, т. е. рабочую часть, разрывающую землю. Предпринятые К. Нарром на основе их изображений реконструкции дают некоторое представление о технических возможностях и функциональных качествах этих примитивных и малоэффективных еще орудий (Narg, 1962, s. 227—238, Pl. II—III).

Ранние оседло-земледельческие поселения Ближнего Востока и Юга СССР связаны в основном с районами аллювиальных, легких по своему механическому составу почв. Сначала земледелие развивалось в горных и межгорных аллювиальных долинах и замкнутых котловинах (Джармо, Али-Кош и др.), затем оно распространилось на подгорные равнины с лессовыми почвами (памятники Джейтунской культуры, Шога-Мами и др.), а несколько позднее вышло на широкие просторы больших аллювиальных низменностей. Почвы и определяли характер и специфику орудий. На легких лессовых почвах мотыжная обработка давала достаточный эффект. Введение здесь пахотных орудий определялось общей интенсификацией земледелия. Первоначальная прямая конструкция ральника позволяла лишь бороздить землю; и только позднее, с появлением некоторой кривизны рабочей части, процесс вспашки был усовершенствован. И все же применение таких

орудий было возможно лишь на мягких, умеренно увлажненных почвах, тогда как обработка твердых, каменистых или сильно увлажненных земель требовала предварительной вскопки их мотыгами. О том, что мотыжная обработка земли в ряде областей Старого Света предшествовала вспашиванию с помощью упряжных пахотных орудий, мы знаем, например, по фрескам Древнего Царства в Египте (Возникновение и развитие земледелия, 1967, рис. 3, 5) или древнегреческим рисункам [Шмидт, 1933, с. 49]. В Шумере это «содружество» запечатлено известным «Спором мотыги с плугом» и «Календарем земледельца» [Крамер, 1965, с. 78—85]. Поэтому изобилие мотыг на поселениях отнюдь не противоречит возможности использования первых пахотных орудий.

Косвенные данные и различные соображения позволяют как будто утверждать наличие пашенного земледелия в передовых странах Востока по крайней мере с V тыс. до н. э. [Краснов, 1975, с. 59]. Они суммируются следующим образом: 1. Первые пахотные орудия предположительно возникли на переходном этапе к ирригационному земледелию, самый ранний возраст которого определяется пока VI тыс. до н. э. [Salonen, 1968, p. 27]. Шумерийские названия пахотных орудий относятся к числу древнейших слоев, обозначающих культурные явления в языках древнего Востока; их употребление ориентировочно восходит к середине VI тыс. до н. э. 2. Умение использовать тягловую силу животных, которая могла применяться в первую очередь в земледелии, фиксируется находками глиняных колес от моделей повозок на многих древнеземледельческих поселениях Передней Азии VI—IV тыс. до н. э. Обмолот зерна с помощью тягловой силы подтверждает также характер излома вымолоченных древних колосьев (Чатал-Гуюк) [Helbaek, 1960, p. 543]. С пашенным земледелием предположительно связывается появление примерно в это же время изогнутых серпов (Хассуна, Хаджилар, и др.), сменивших жатвенные ножи с прямой основой. 3. Древнейшие документы урукского архива конца IV тыс. до н. э. упоминают уже значительное количество пахотных орудий [Тюменев, 1956, с. 39], а в документах Джемдет-Насра (начало III тыс. до н. э.) имеется такой термин, как «дом плугов» — особое хранилище пахотных орудий. 4. Сложное устройство рал, изображенных на шумерийских и эламских пиктограммах [Возникновение и развитие земледелия, 1967, рис. 11], является косвенным показателем существования их более примитивных прототипов. О высоком уровне аграрного хозяйства населения Ближнего Востока в VI—IV тыс. до н. э. свидетельствует и широкий ассортимент возделываемых культур [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 91—104].

Первоначальное распространение древнейшего из известных пахотных орудий — двурукояточного кривоградильного рала было приблизительно ограничено рамками Месопотамии, включая территорию Ассирии и Элама. Однако «сложившись в определенных физико-географических и социально-экономических условиях на определенной территории, у определенного народа или народов, основные особенности конструкции (рала) сохраняются длительное время не только в данном регионе, но и на других территориях, куда это орудие попадает вместе с передвижением народа или, что случается гораздо чаще, путем заимствования» [Краснов, 1975, с. 8]. Древнейшее месопотамское рало оказалось чрезвычайно долговечным; оно доживает в том же ареале в несколько усовершенствованном виде до настоящего времени; таким орудием и сейчас пахут крестьяне в районах Междуречья и древних Суз. Вместе с тем границы его применения в древности могли быть значительно более широкими и охватывать страны, находившиеся

в сфере влияния месопотамской культуры. Таковым мог быть и древний Кавказ. Чрезвычайный интерес имеют в этом плане этнографические материалы. До недавнего времени в некоторых горных районах Грузии земледельцы пользовались примитивными пахотными орудиями, близкими древнемесопотамским ралам [Читая, 1952, рис. 1—2; Джалабадзе, 1960, с. 27; рис. 2]. Г. С. Читая прямо указывает, что определенный тип абхазского орудия восходит к шумерским образцам. О том, что рассматриваемый тип древнего рала мог проникнуть на Кавказ лишь в очень раннее время, вскоре после его появления в «метрополии», свидетельствует повсеместное распространение в I тыс. до н. э. на Ближнем Востоке пахотных орудий иного типа (полозное и грядильное рала). Последние проникли сюда из Восточного Средиземноморья и вытеснили господствовавшие здесь древнейшие пахотные орудия.

В Закавказье пока нет такой полной серии косвенных свидетельств о столь раннем применении тягловой силы в земледелии. Однако в последние 15—20 лет появились данные, проливающие свет на эту проблему. Особую важность имеют сведения о практике в среде кавказских земледельцев V—IV тыс. до н. э. орошаемого земледелия, которое исследователями ставится в прямую связь с применением пашенной обработки земли. Земледелие в условиях жаркого засушливого климата Армянского нагорья и соседних областей Южного Кавказа, где процветали древние поселения, так же, как в Месопотамии, без искусственного орошения было невозможным. «Ни в одной области Кавказа борьба за водопользование не носила столь жесткого характера, как в Араратской равнине, ибо судьба садоводческих, овощеводческих и зерновых культур здесь всецело зависела от искусственного орошения» [Бдоян, 1968, с. 107]. О мерах борьбы с засухой на Араратской равнине яркое представление дает земледельческое хозяйство урартов. Сложность и продуманность их ирригационных сооружений свидетельствуют о многовековой традиции поливного земледелия.

Данные о древнейших оросительных системах в Закавказье получены в процессе изучения раннеземледельческих поселений Квемо-Картлийской равнины. Речь идет о шулаверской группе поселений, расположенной в одном из ее оазисов, у слияния рек Храми и Шулаверисгеле. Первые шаги освоения оазиса документируют материалы древнейшего из четырех поселений — Шулаверис-Гора, своими нижними слоями уходящего в VI тыс. до н. э. Среди различных хозяйственных конструкций около домов здесь неоднократно прослеживались маленькие цилиндрические или конусообразные глиняные помещения, квалифицированные как резервуары для хранения воды. Концентрация емкостей находилась и в северо-восточной части раскопанной площади холма, где, как предполагают, жилых помещений не было [Джавахишвили А. И., 1973, с. 100]. Эти резервуары, а также удаленность поселения на 700—800 м от р. Шулаверисгеле при отсутствии следов сухих русел между ними говорят о том, что в этот древнейший период искусственная регулировка воды еще отсутствовала; в противном случае вода из реки была бы переброшена на поселение и тем самым отпала бы необходимость ее хранения в специальных емкостях. По-видимому, первые шаги искусственного орошения можно отнести ко времени заселения соседнего поселения Имирис-Гора. Здесь глиняных резервуаров уже нет. У подошвы же холма вскрыта хорошо выраженная линза рва (?), заполненная пестрыми по механическому составу аллювиальными осадками; ее ширина 6.5, глубина 1.25 м, что приближается к габаритам древних каналов. Заполнение линзы осадочной илистой массой свидетельствует о том, что аллювий откладывался в ус-

ловиях проточных вод. Остается неясным, какова была в плане конфигурация этого сооружения — был ли то ров, опоясывавший поселение, или канал, связывавший поселение с рекой? Составлял ли он часть древней оросительной системы или же был предназначен только для обеспечения населения питьевой водой? Искусственный характер сооружения позволяет ставить вопрос о регулировке водоснабжения, а следовательно, и о возможности использования орошения [Там же, с. 40].

Поселение Имирис-Гора не выходит за рамки V тыс. до н. э. Примерно в эти же сроки в соседнем оазисе возникло поселение Арухло I, где следы искусственной регулировки воды прослежены более отчетливо. Как показали заложенные у подошвы холма траншеи (рис. 8), поселение в древности было окружено двумя каналами, названными первоначально «сухой» и «мокрый ров» [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 22, рис. 4А]. Наружный «ров» был частично перерезан внутренним, что говорит о более молодом возрасте последнего. Профиль линзы наружного «рва», сооруженного в период возникновения поселения, не оставляет сомнений в его характере. «Четкая искусственная форма линзы, вскрытой траншеей № 13, ее размеры, соответствующие стандартам оросительных каналов сопредельных районов аридной зоны, характер ее вреза и заполнения позволяют высказать предварительное мнение о том, что в данном случае мы имеем дело не с рвом, окружавшим поселение, а с оросительным каналом. Этот канал, по-видимому, подводивший воду непосредственно к Арухло, функционировал, однако, сравнительно непродолжительное время, поскольку отсутствуют какие-либо следы его перестройки, что весьма характерно для оросителей в районах с древней культурой ирригационного земледелия» [Лисицына, 1984б, с. 87]. Канал периодически (во время весенних паводков) заполнялся водой, на что указывает пылецевой анализ образца осадочной глины, взятой с его дна: среди большого количества водных растений 20% приходилось на папоротник и осоку, 11 — на рогоз, 9% — на тростник. Общее количество травянистой пыли достигало 60, а древесной — 13%; эти данные говорят об оседании гумусного слоя под действием проточных вод [Чубинишвили, 1971, с. 32].

У восточного подножья вскрыт профиль другого, большего по размерам искусственного канала («сухой ров»), в котором аллювиальные остатки отсутствовали. По-видимому, он водой не заполнялся. По всей вероятности, в оазисе действовала сеть каналов, забиравших воду из р. Машавера [Моцхонашвили, 1979; Мардалеишвили, Джанелидзе, 1984]. И в настоящее время вокруг Арухло I имеется оросительная сеть, водозабор которой расположен на левом берегу реки. Один канал проходит непосредственно над внешним каналом древнего поселения, причем пылецевой анализ глин с его дна оказался идентичным анализу глины из канала V тыс. до н. э. По-видимому, внешний канал, ориентированный на одном участке в сторону поля, являлся одним из звеньев древней оросительной системы.

С той же примитивной системой ирригации была еще недавно связана топография поселений на равнинах Грузии. «Чем дальше было поселение, орошаемое общим каналом, от реки, тем труднее было для него пользоваться водой» [Гегешидзе, 1952, с. 19]. Явное тяготение древних поселений к старым высохшим руслам рек наблюдается в земледельческих оазисах Восточной Грузии, в степных районах Азербайджана и в Араратской долине. Повсюду первоначально осваивались земли в бассейнах небольших рек, забор воды из которых не представлял больших технических трудностей. В Араратской долине это были реки Касах, Раздан и Веди. Лишь с усовершенствованием ирригационной техники, которую принесли сюда урарты, для орошения по-

лей начали использоваться воды р. Аракса [Агаханян, 1967, с. 365]. Самые древние оросительные сооружения были основаны на тех же принципах, что и сеть каналов бассейна р. Машавера. Возможно, такие же функции выполняли «рвы» около двух поселений Мильской степи [Иессен, 1965а, с. 13].

Кратковременность действия этих каналов, установленная также врезанными в заполнение внешнего арухлинского «рва» древними землянками, говорит о существовании здесь земледелия переходной формы — от неорошаемого к орошаемому. Первые оросительные системы могли обеспечить лишь нерегулярный полив, который, очевидно, был связан с периодами паводков. В некоторых районах Грузии еще недавно существовал порядок крайне лимитированного орошения, восходящий к глубокой древности: «Сады в большинстве селений поливали в год один раз весной, виноградники — два-три раза — весной, ранним летом, иногда перед периодом созревания винограда. Поля, засеянные пшеницей или ячменем, поливали два раза в год: после посева и перед наливом зерна» [Гегешидзе, 1961, с. 273].

В плане обсуждаемой проблемы весьма характерен и состав найденных на закавказских поселениях культурных растений (восемь сортов пшениц, четыре — ячменя, просо, овес, горох, чечевица, виноград). Такое многообразие не только отражает потенциальные возможности Закавказья как замечательного центра происхождения культурных растений, но также свидетельствует о длительности предыстории их культивации.

Факт использования тягловой силы документируется также находками глиняных колесиков от миниатюрных моделей повозок, а также культовыми фигурками бычков (Техут, Абелия). В кавказской этнографической среде возведение быка в почитаемое животное начинается со времени, когда бык используется в земледелии [Бардавелидзе, 1957, с. 222, 263]. Ценный материал в этом аспекте дал анализ костных остатков из Арухло I [Векуа, 1984]. Здесь как и на других поселениях, в пищу в основном шел молодняк мелкого рогатого скота и свиней; молодняк крупного рогатого скота забивался в незначительном количестве. Можно предположить, что тенденция сохранения поголовья крупного рогатого скота находилась в прямой связи с применением его в качестве тягловой силы (для пахоты, обмолота и транспортировки). Есть точка зрения, что бык, запряженный в ярмо, первоначально использовался для пахоты и лишь затем — для транспортировки повозок [Кларк, 1953, с. 138].

Наконец, в прямой зависимости от способа обработки земли находились и орудия уборки урожая. Весьма показательны явное преобладание на поселениях (20—35%) вкладышевых серпов над другими видами орудий. На определенном этапе появляются прогрессивные изогнутые серпы. Хотя кавказские серпы еще не столь совершенны, как классические серпы Джармо, Хассуны и Хаджилара, приводимые исследователями как доказательство существования пашенного земледелия на Ближнем Востоке [Lloyd, Safar, 1945, fig. 37; Braidwood, 1952, fig. 13; Mellaart, 1961, Pl. IVa], однако по своей продуктивности они лишь в полтора-два раза уступают современным металлическим серпам.

Таким образом, на Кавказе имеется ряд косвенных данных (наличие искусственного орошения, применение тягловой силы, состав злаковых, прогрессивные жатвенные орудия), позволяющих предположительно говорить о возможности становления в кавказской среде (так же, как и на Ближнем Востоке) пашенного земледелия по крайней мере в V—IV тыс. до н. э. На этом фоне особый интерес приобретает

находка, сделанная на поселении Арухло I [Чубинишвили, 1973]. Это кусок рога благородного оленя длиной 67 см с обрубленными ветвями и обломанным концом; концевая (обломанная) его часть сработана, а поверхность на участке длиной 10—15 см залощена. Эти особенности говорят о возможном применении орудия в качестве примитивного рала-сохи. Этнограф Г. В. Джалабадзе предположил две реконструкции орудия: в первом случае соха (рало) должна была соединяться с помощью деревянного дышла с животным, во втором — с идущим впереди человеком. Весьма важно, в смысле живучести традиций, что древнейшее арухлинское рало по форме и размерам напоминает пахотные орудия Южной Грузии, доживающие кое-где до современной этнографической действительности. Вторая подобная соха обнаружена на поселении III тыс. до н. э. Квацхела [Джавахишвили А. И., Глонти, 1962, табл. XXXIII, II]. Редкость находок роговых пахотных орудий, с одной стороны, и некоторые этнографические данные — с другой, позволяют предполагать, что на Кавказе, так же как и на Ближнем Востоке, широко использовались деревянные рала, сохраняющиеся в редчайших случаях лишь в местах с особыми почвенными условиями [Семенов, 1974а, с. 212; Приходнюк, 1972].

При всей условности палеоэкономических расчетов, для правильности и объективности которых требуется соблюдение четкой статистики, такая попытка была предпринята в отношении шулаверской группы поселений. Было подсчитано, что в четырех поселениях оазиса проживало приблизительно 1200 человек. Площадь земель, которые находились в их распоряжении, составляла около 500 га, из них $\frac{2}{3}$, т. е. приблизительно 340 га, вероятно, использовались под пашни и пастбища, а $\frac{1}{3}$ занимали леса. Норма потребления зерна в древнеземледельческих обществах определяется Г. Н. Лисицыной [1965, с. 141] в пределах 300—500 г на человека в день. Примерно такие же цифры дают для III тыс. до н. э. шумерские документы [Тюменев, 1956, с. 401]. По этнографическим данным Восточной Европы, минимальная норма потребления зерна человеком в месяц составляла 16 кг [Бибиков, 1965, с. 53]. Учитывая, что названные нормы относятся к обществам, основанным на экстенсивном земледелии, можно предположить, что для населения шулаверского оазиса требовалось примерно 260 т зерна в год. Исходя из ориентировочно установленной для этого времени урожайности — 1 т с 1 га — необходимо было засеять около 260 га, что не выходит за рамки очерченной площади эксплуатируемых под пашни земель [Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И., 1971а, с. 110].

Второй ведущей отраслью хозяйства было скотоводство. Оно документируется на поселениях резким преобладанием костей домашних животных над дикими [Цицишвили, 1969; Межлумян, 1972, с. 166; Торосян, 1976, с. 108; Нариманов, 1982а, с. 33; Абибуллаев, 1982, с. 214; Векуа, 1984]. В стаде был крупный и мелкий рогатый скот, свинья, собака, лошадь (см. таблицу на с. 202).

Кости крупного рогатого скота из Шулаверис-Гора принадлежали рослой породе типа *Boschuscus*, который, судя по находкам в более поздних памятниках Восточной Грузии, сохраняется здесь долго. Однако он не являлся для Закавказья исходным типом домашнего скота, как это считалось раньше. Ему предшествовал известный по большинству энеолитических поселений Закавказья рослый тип *Bos taurus primigenius*, ведущий, по-видимому, свое происхождение от одомашненных потомков закавказского тура. В пользу такого предположения служат находки костей дикого тура в различных пунктах Армении и на Апшеронском п-ове [Межлумян, 1972, с. 19]. Это же подтверждает-

Процентное соотношение костей домашних животных на разных поселениях

	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Свинья	Собака	Лошадь
Шулаверис-Гора	53.2	33.5	15.3	—	—
Арухло I	33	43	22.5	0.5	—
Шому-Тепе	25	27	5.5	3	—
Тойре-Тепе	25	52	25.5	0.5	—
Гаргалар-Тепеси	23.4	49.3	15.5	9.8	—
Баба-Дервиш	36.5	49	5	—	—
Цахкунк	42.1	53.3	2.3	2.3	—
Техут	21.4	30.5	19.3	—	28.3
Хатунарх	44.5	51.5	—	4	—
Аликемек-Тепеси	43.3	32.2	6.1	2.6	7.5
Кюль-Тепе	>	<	?	<	?

Примечание. Знак > означает преобладание; знак < — небольшое количество.

ся фрагментами черепов из неолитических поселений Араратской равнины (Цахкунк, Хатунарх); направление и размер рогов на этих черепках такие же, как у туров. Как известно, длительный процесс одомашнивания влиял не сразу на формы и размеры рогов животных; на ранней стадии изменения были очень незначительными. Судя по рогам на черепках из упомянутых поселений, одомашнивание потомков закавказского тура находилось именно на этой стадии.

На всех поселениях кости мелкого рогатого скота представлены в большом количестве. На Шулаверис-Гора обнаружены кости овцы древнего типа («имеретинская»). Жители Арухло I, Тойре-Тепе и Техута занимались также свиноводством. Соотношение костей свиньи в неолите (Цахкунк) и позднем энеолите (Техут) — 1:6, что говорит об интенсификации этой отрасли животноводства в Араратской равнине. Свиноводством занимались и жители Арухло I. В пищевой рацион шел главным образом молодняк мелкого рогатого скота и свиней, крупный рогатый же скот выращивался, очевидно, для использования его в качестве тягловой силы. Учитывая высокую мясную продуктивность крупного рогатого скота по сравнению с мелким, а также большую плодовитость мелкого рогатого скота, следует думать, что хозяйство энеолитических общин базировалось на разведении крупного рогатого скота, овцеводстве и свиноводстве; это определило придомную форму скотоводства, при которой использовались ближайшие к поселениям пастбища: в долинах — луга, в поймах рек — кустарниковые участки. Возможно, и здесь, так же как у других народов с экстенсивным земледелием, пастбищами периодически служили оставленные под паром земли, которые таким образом удобрялись скотом [Кларк, 1953, с. 127].

На основании находок костей одомашненной лошади в памятниках второй половины III тыс. до н. э. (Шенгавит, Гарни, Элар, Квацхела, Илто и др.) считалось, что процесс ее приручения завершился именно к этому времени [Гамрекели, 1971; Мунчаев, 1973, с. 76]. При этом распространение на Кавказе коневодства рассматривалось как возможный результат контактов со скотоводами южных степей. Тем неожиданнее оказались находки остатков domesticiрованной лошади на двух удаленных друг от друга позднеэнеолитических поселениях Закавказья — Аликемек-Тепеси и Техут [Махмудов, Нариманов, 1973, с. 6; Межлумян, 1972, с. 166]. На первом остатки двух пород указы-

вают на относительную развитость коневодства; находки датируются IV тыс. до н. э. и представляют собой самые ранние свидетельства одомашнивания лошади в Кавказском регионе. Напомним, что древнейшим свидетельством приручения лошади до недавнего времени считались костные остатки из украинского поселения IV тыс. до н. э. Деревка [Бибилова, 1967, с. 117]; лошадь здесь использовалась и как мясная пища, и как транспортное средство. Вопрос о том, была ли лошадь одомашнена на Кавказе в результате контактов с племенами Юго-Восточной Европы, после находок на Аликемек-Тепеси и в Техуте представляется спорным. На пути к его решению нельзя не учитывать то обстоятельство, что на Кавказе в пору мезолита, судя по находкам в Бармаксызской и Чохской стоянках, обитала дикая лошадь [Куфтин, 1941, с. 123; Котович В. Г., 1964, с. 32]. Последнее могло быть решающей предпосылкой для доместикации лошади на Кавказе.

Охотничий промысел практиковался по-прежнему, хотя доля его уменьшалась. Если в неолитическом Цахкунке кости диких животных составляли 43% всех фаунистических остатков, то позднее в соседнем Техуте их количество уменьшилось до 13%; на Шому-Тепе и Баба-Дервише они составляли 9,5%, на Арухло I — 8, на Тойре-Тепе — 7, на Гаргалар-Тепеси — 2,5%. Мозаичность кавказских ландшафтов предопределяла формы охоты на конкретных животных. Здесь и обитатели степных просторов, и лесистых предгорий, и гор Малого Кавказа. Охотились на благородного оленя, джейрана, косулю, зубра, безоарового козла, волка, медведя, кабана, птицу [Бендукидзе, 1971; Векуа, 1984]. Звери добывались не только ради мясной пищи, но и ради шкур; для этого охотились на лисицу, зайца, речного бобра, барсука, куницу. Начиная с VI тыс. до н. э. с охотой была связана прирученная собака, кости которой зафиксированы на большинстве ранних поселений; подтверждает это и глиняная фигурка собаки из поселения Кюль-Тепе I. О почитании собаки говорят два ритуальных захоронения, открытых на этом поселении. Почти полное отсутствие на поселениях наконечников стрел и дротиков и постоянное присутствие скоплений (иногда до 500 экз.) каменных и глиняных ядрищ указывает на использование охотниками пращи. Охота с помощью пращи нашла отражение и в наскальных рисунках Кабыстана.

Тяготение жилищ к рекам стимулировало занятие рыболовством. Жители Арухло, например, ловили плотву, пескаря, усача, щуку [Векуа, 1984]. Особенно богатыми рыбой были реки Восточной Грузии, что зафиксировано и историческими источниками.

На поселениях шел постоянный процесс переработки продуктов скотоводства и охоты. Он осуществлялся специализированными орудиями, функции которых определены трасологически. Для разделки туш служили так называемые мясные ножи. Их удельный вес на разных поселениях был не одинаков: в Арухло I, Цопи, Шулаверис-Гора, Шому-Тепе, Аликемек-Тепеси они составляли соответственно 30, 20,86, 19, 11 и 9,2%. Шкуры, дававшие сырье для одежды и предметов домашнего обихода, обрабатывались различного рода скребками. Эти процессы, судя по количеству скребковых орудий, на поселениях Аликемек-Тепеси и Цопи осуществлялись более интенсивно (22 и 20,33%), нежели на Шому-Тепе и Шулаверис-Гора (13 и 8%).

Путем выявления функций орудий и их количественного соотношения Г. Ф. Коробковой установлена вариантность близких по типу хозяйств, бытовавших на разных поселениях: 1) земледельческо-скотоводческо-охотничье хозяйство с преобладанием первых двух отраслей и подсобной ролью охоты (Шому-Тепе, Аликемек-Тепеси, Арухло II); 2) земледельческо-скотоводческое с одинаковой ролью обеих отраслей

и подсобной ролью охоты и рыболовства (Шулаверис-Гора, Арухло I, II, Техут, Хатунарх); 3) скотоводческо-земледельческое (Цопи, Гинчи), в котором ведущую роль играло скотоводство и существенную земледелие и охота [Коробкова, 1981, с. 32]. Позднее хозяйство Арухло I на основании функционального анализа более многочисленной серии орудий было охарактеризовано как скотоводческо-земледельческое с подсобной ролью охоты и собирательства [Эсакия, 1984, с. 22].

На поселениях широко практиковалась обработка кости и дерева, о чем говорит серия специализированных орудий — скобели, резцы, резцы-скобели, долотовидные орудия, строгальные ножи, а также широкий ассортимент (особенно на Шому-Тепе) костяных изделий (мотыги, ложки, шилья, гребешки, ложила, антропоморфные фигурки). На Шому-Тепе, например, скобели составляют 25.6% всех орудий, что указывает на их ведущее место в каменной индустрии, резцы — 10%, долота — 6.6%, строгальные ножи — 2.5%. На Шулаверис-Гора скобели, резцы и долота вместе — 40%. В Цопи и на Аликемек-Тепеси соответственно 30.2 и 23.3%. В целом на Шому-Тепе, Шулаверис-Гора, Арухло I—III ведущими производствами были обработка дерева, кости и рога (33—50% всех орудий). Таким образом, некоторые различия наблюдаются и в сфере домашних производств.

Орудия труда изготовлялись на каждом поселении. На Аликемек-Тепеси, в частности, отходы производств составляли 52% всех каменных изделий. В одном из домов Гаргалар-Тепеси обнаружены 74 пластины, сколотые с лежащего рядом нуклеуса; 130 пластин найдено около очага другого дома; в хозяйственном помещении № 22 лежали нуклеусы, обломки роговика, кремня и более 150 камней различных пород. В Техуте в каждом доме находился валун, служивший наковальней; рядом — незаконченные орудия труда, сырьевые отходы. Такая же картина наблюдалась на Кюль-Тепе I. Таким образом, производством орудий труда занимались в каждом доме. Вместе с тем на поселениях, по-видимому, существовали уже специальные центры их изготовления. Так, на полу помещения № 8 поселения Имирис-Гора [Джавахишвили А. И., 1973, с. 59] лежали приготовленные для обработки камни, молотки, отбойники, шлифовальники, обсидиановые нуклеусы, пластины, вкладыши и множество осколков и отщепов.

Керамическое производство в этот период переживало период своего становления. Посуда изготовлялась вручную из грубой комковатой глины; примитивные, асимметричные, лишенные стандартности сосуды лепились, возможно, в каждом доме. Самые архаичные обжигательные устройства обнаружены на поселениях Шому-Тепе и Иланлы-Тепе; это небольшие, забитые золой корытообразные углубления с обмазанными глиной стенами. Судя по близким обжигательным конструкциям Джейтуна и Тепе-Сиалка [Массон, 1971, с. 97; Ghirshman, 1939, p. 37], восстановительный обжиг осуществлялся при сравнительно низкой температуре в полуприкрытых ямах или на открытом воздухе. Таким же способом обжигалась посуда в додинастическом Египте [Лукас, 1958, с. 560]. Для обжига могли использоваться также домашние очаги. В IV тыс. до н. э. на Кавказе появляются первые обжигательные печи (Аликемек-Тепеси), что отражается на качестве гончарной продукции. Печи имели овальную форму и двухрусную конструкцию: внизу топка, отделенная от обжигательной камеры глиняной перегородкой с продухами. Их аналогом могут служить гончарные горны поселения Ярым-Тепе I, где наблюдается их большая концентрация (на одном участке находилось 13 гончарных печей).

На фоне высокоразвитой каменной индустрии появляются первые

предметы из металла, что знаменует собой начало нового этапа производственной деятельности. Это мелкие поделки из Кюль-Тепе I, Гаргалар-Тепеси, Делиси, Храмс-Диди-Гора, Техута [Селимханов, Марешаль, 1966; Геворкян, 1972, с. 8]. Они сделаны с помощью холодной и горячейковки из чистой меди и окисленных медных руд с небольшими естественными примесями и характеризуют, по-видимому, начальную стадию металлообработки. Лишь отдельные предметы, имеющие уже формы орудий труда и оружия и содержащие относительно высокий процент мышьяка (Техут — 3.6 и 5.4%), указывают на наметившийся прогресс металлопроизводства; началось освоение искусственных сплавов [Геворкян, 1980, с. 37].

Остатки металлопроизводства на поселениях пока не обнаружены. Некоторые сведения о ранней стадии металлургии — добыче и выплавке меди из руды — дали находки шлаков и типичных для энеолита каменных молотов для дробления руды в древних выработках с. Цители-Сопели, около Болниса. Есть предположение, что в этот период используется самородная медь из окисленных медных руд Малого Кавказа (Муджири). Изучение наиболее крупных месторождений Армении показало, что потенциал рудной базы значительно переоценивался. Во всяком случае, из 18 обследованных месторождений республики только девять по своим геолого-геохимическим свойствам могли представлять интерес для древних металлургов [Геворкян, 1980]. Вместе с тем есть основания считать, что богатые месторождения Юго-Западной части Армянского нагорья и других металлоносных районов Старого Света эксплуатировались начиная с VII тыс. до н. э. [Esin, 1969]. Этот процесс характеризуют медные изделия из Чайюню-Тепеси, Хаджилара, Чатал-Гуюка, Тль-эс-Савана, Ярым-Тепе I, Сиалка I и др. [Мерперт, Мунчаев, 1977, с. 157; Mellaart, 1965, p. 21; 1967, p. 209, 217; Hole et al., 1969, p. 42, 399; Braidwood, 1973, p. 37]. Таким образом, обобщающие выводы относительно специфики ранней стадии металлургии пока могут быть построены главным образом на материалах Передней Азии.

Для древних общин Кавказа и Ближнего Востока были характерны различные по своей сущности культурно-экономические связи, одним из проявлений которых был обмен. В основе первобытного обмена лежало экологическое разнообразие районов расселения общин, в котором определяющим фактором были те или иные сырьевые ресурсы. «Различные общины находят... различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производным продуктам. Это — естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары» [Маркс, т. 23, с. 364]. В экономических связях рассматриваемого региона большую роль играла «торговля» обсидианом [Кушнарера, 1973а]. «Обсидиановые пути» прослеживаются уже со времени верхнего палеолита. Они традиционно действуют и в VII—IV тыс. до н. э. Из месторождений Арагаца, Немрут-Дага, Баязета обсидиан транспортировался на юг, вплоть до Персидского залива (Тали-Бакун) и на восток, в районы Южного Прикаспия (Чешме-Али). Каппадокийские месторождения Ачигёл, Чифтлик, Каракепю снабжали запад, включая Хаджилар, а также Восточное Средиземноморье, вплоть до Иерихона [Renfrew et al., 1966, т. 1—6]. Obsидиан постоянно перемещался и в пределах Кавказа; для изготовления орудий предпочтение отдавалось именно этому сырью, что фиксируется памятниками, удаленными от обсидиановых месторождений, но расположенными поблизости от выходов кремня.

Анализами обсидиана из памятников Кавказа установлено, что ганджа-казахские поселения снабжались сырьем главным образом из Параванского месторождения (расстояние 150 км). В небольшом количестве сырье сюда поступало и из Гегамской подзоны. Поселения Иланлы-Тепе и Аликемек-Тепеси питались Кельбаджарским источником (расстояние 100 и 200 км). На поселение Кюль-Тепе сырье шло из Сюникской подзоны (расстояние 78 км) [Аразова, Махмудов, 1979, с. 52, рис. 2]. На Северном Кавказе в палеолите—неолите часть стоянок снабжалась местными запасами (Заюково, Чегели). В Восточное Предкавказье в неолите шло сырье из центральной части Северного Кавказа и высокогорной Кабарды, находящихся за сотни километров от стоянок [Грехова, 1960]. В энеолите к снабжению подключились южнокавказские месторождения — на поселения Мешоко и хутор Веселый обсидиан поступал из Триалетской базы (Паравани), удаленной от них на 450 и 600 км [Наседкин, Формозов, 1965].

Анализами установлено, что наиболее тесные связи осуществлялись между поселениями и месторождениями, находящимися на близких расстояниях («зона снабжения»). Далекое расстояние в рассматриваемое время являлись серьезным препятствием для обменных операций. В условиях, когда осел и лошадь еще не использовались как транспортные средства, ограниченные возможности пешего хождения (особенно в горных условиях) наталкивались на огромные трудности и должны были резко лимитировать масштабы обмена. Согласно древневосточным нормам, груз пешего носильщика в караванах должен был составлять 30 кг [Янковская, 1968, с. 50]. Отголоски этих дальних передвижений нашли свое место в сложившихся в течение многих поколений «песнях обмена» у австралийцев. В одном из них говорится об умирающем, не вынесшим трудностей похода человеке, который пустился в путь с целью совершения обмена [Бутинов, 1960, с. 118]. На больших расстояниях скорее совершался многоступенчатый обмен, практиковавшийся до недавнего времени, в частности, у папуасов Новой Гвинеи.

В противовес неолитической Европе, где преобладала торговля изделиями либо заготовками, обсидиан из южных месторождений поступал на поселения в виде сырья. Об этом говорят многочисленные отходы производства на поселениях. На поселении Абелия было завезено 6 крупных валунов общей массой 60 кг, предназначавшихся, бесспорно, для изготовления орудий.

Вопрос о том, что получали взамен поставщики обсидиана, остается открытым. Здесь могли быть материалы, со временем подвергающиеся разрушению. Для V—IV тыс. до н. э. следует отметить проникновение на Южный Кавказ посуды халафско-убейдского круга (Техут, Кюль-Тепе), имевшей широкий спрос на международных рынках. Импорт ее в Закавказье шел не только из Северной Месопотамии и Сирии, но и из южных областей Армянского нагорья, где, в свою очередь, имелись источники обсидиана. В Тильки-Тепе, например, по предположению Г. Чайлда, обосновалась халафская община, занимавшаяся добычей местного обсидиана и распространявшая изящную расписную посуду [Чайлд, 1956, с. 176].

Среди закавказского импорта определенную роль играла посуда, характерная для памятников Солдузской равнины [Мунчаев, 1975, с. 127]. Наряду с расписной, имеющей параллели в материалах поселений Кюль-Тепе и Мильско-Карабахской степи, здесь бытовала керамика, украшенная отпечатками гребенки, ткани, рогожи, пальцевыми защипами, налепами и обмазанная в нижней части глиной (dalma wage). Находки такой посуды на шулавери-шомутепинских, карабах-

ских и муганских поселениях, а также в дагестанском Гинчи, отстоящем на тысячи километров от места ее изготовления [Гаджиев, 1966, рис. 19, 2; 1981, рис. 9], указывают на степень разветвленности межобщинных связей. Вместе с тем в отношении гинчинской керамики высказана и другая точка зрения, согласно которой ее происхождение следует связывать с памятниками сирокилийского неолита (Амук А, Чатал-Гуюк) [Гаджиев и др., 1972, с. 217]. Возможно, что эта керамика имела общее происхождение.

Показателем обмена служат также редкие вещи явно не местного происхождения: это бирюза из кюль-тепинского могильника, вероятно иранского происхождения, медная поделка из того же поселения со значительной примесью никеля, характерного для анатолийских и иранских месторождений, раковины Сургеа, завезенные из Персидского залива или Индийского океана, а также штемпельные печати, оттиски которых обнаружены на комках глины в Арухло I и Геои-Тепе; ими опечатывали, скорее всего, крышки кувшинов либо тюки с товаром, возможно, предназначавшихся для обмена.

Таким образом, страны Передней Азии оказывали большое влияние на Кавказский регион. Однако восприятие и дальнейшее развитие этого влияния могло осуществляться лишь в среде, способной поглотить все привнесенные новшества. «Инновации стереотипизируются, а затем интегрируются в культурную систему только в том случае, если сами они воспринимаются социальной средой и не происходит процесса отторжения» [Массон, 1981, с. 39]. По своему уровню развития общество Кавказа было способно к такому восприятию; в частности, проникшая в Закавказье расписная посуда халафско-убейдского круга становится для кавказских гончаров своеобразным эталоном и вызывает серию подражаний (Аликемек-Тепеси и др.), что в свою очередь стимулирует развитие местного гончарства. Часть инноваций могла быть привнесена в связи с инфильтрацией в Закавказье отдельных групп населения юга. Такое предположение, в частности, было высказано по поводу проникновения в IV тыс. до н. э. в горный Дагестан элементов южных культур [Гаджиев, 1975, с. 22].

Приведенные данные о связях Кавказа с соседними странами являются лишь отдельными штрихами к исторической картине того времени. Большая и очень сложная проблема роли Кавказа во взаимоотношениях с палеометаллическими культурами Передней Азии и степей Восточной Европы, несмотря на имеющиеся отдельные разработки (см., напр.: Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987), до сих пор как самостоятельная тема в кавказоведении не поставлена. Среди прочих актуальных проблем в этой отрасли науки она является одной из первых.

Глава 2

КОМПЛЕКСНОЕ ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО КАВКАЗА В СЕРЕДИНЕ IV—ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ III тыс. до н. э.

Кура-аракская культура (или культурная общность) с ее специфическими и разносторонними инновациями характеризует новый этап культурно-хозяйственного развития древнего населения Кавказа. В пе-

риод ее бытования наблюдается значительный демографический сдвиг, повлекший за собой дальнейшее расселение племен и активное освоение предгорных и горных районов. Здесь в III тыс. до н. э. возникают десетки новых поселений, базировавшихся на комплексном, земледельческо-скотоводческом хозяйстве. В области земледелия этот период ознаменовался совершенствованием ирригационных устройств, развитием пашенной обработки земли, началом террасостроительства; это потребовало нового оснащения всего земледельческого хозяйства и в итоге привело к освоению больших земельных площадей. В области скотоводства этот период характеризуется началом становления отгонной формы, ставшей для некоторых районов Кавказа традиционной и определившей на многие столетия их хозяйственное лицо; такая форма животноводства благодаря сезонным выпасам скота на высокогорные пастбища давала возможность содержать большие стада на протяжении всего календарного года. Наконец, наблюдается значительный интерес в области ремесел — металлургии, строительного, гончарного, деревообрабатывающего и ткацкого дела. Кардинальные сдвиги в различных сферах экономики приводят к резкому подъему уровня производительных сил и, как следствие, к усложнению социальной структуры общества, развитию старых и созданию новых идеологических представлений.

При попытке реконструкции хозяйственных укладов общин, обитавших в широких границах куро-аракской ойкумены, исследователь с первых же шагов наталкивается на неравномерную археологическую изученность различных ее областей. Между тем, несмотря на общие, сходные между собой в рамках региона черты хозяйства, уклады эти в каждой экологической нише имели свою специфику; последняя была обусловлена как физико-географическими особенностями Кавказа с его разнообразными ландшафтами, так и локальными культурно-экономическими традициями, сложившимися в отдельных его областях. Многообразие хозяйственных укладов ярко отразилось в этнографической действительности Кавказа.

Древние общины всюду, где они обитали, продолжали вести многоотраслевое хозяйство, в основе которого лежало земледелие и скотоводство. Удельный вес той или иной ведущей отрасли хозяйства зависел от специфики среды обитания. По мере появления новых археологических данных все четче и ярче вырисовывается роль земледелия, его конкретные формопроявления. В этот период земледельческое хозяйство развивалось во всех вертикальных зонах, начиная от низинных и степных (300 м н. у. м.), кончая высокогорьем (2500 м н. у. м.); это стало возможным вследствие накопления новых эмпирических знаний, повлекших за собой ряд арготехнических преобразований. Сам факт заселения всех зон Кавказа свидетельствует о прочной экономической базе населения, позволившей с успехом осваивать районы с различными геоклиматическими особенностями.

В связи с истощением небольших земельных участков, прилегающих к энеолитическим поселкам, высыханием мелких водных источников, многие обжитые ранее небольшие оазисы, особенно в долинах и низинах, к концу энеолита были заброшены. В период ранней бронзы возникают новые, обычно более крупные поселения, требовавшие освоения новых посевных площадей; они располагаются в удобных для ведения земледельческого хозяйства местах и, как правило, имеют тяготение к источникам воды: на равнинах они обосновываются по долинам рек и берегам озер, оазисный принцип расселения здесь продолжает сохраняться; в предгорьях и горах — на речных и горных террасах, на скальных выступах, в труднодоступных ущельях.

Количество поселений намного превосходит число поселков предшествующего периода. Формируется иерархия поселений.

Наряду с заброшенными к концу энеолита поселениями есть и такие, на которых жизнь не прекращается. В связи с образованием избыточного населения от них отпочковываются новые поселения: процесс сегментации общин продолжается. В выборе мест обитания, наряду с условием близости воды и строительного сырья, решающую роль играла регламентация земельных угодий; расположение поселений группами или цепочкой, на расстоянии 2—4 км друг от друга, очевидно, отражает именно эту сторону хозяйственной жизни. Ярким примером могут служить, скажем, группы эчмиадзинских поселений, концентрация жилых холмов вокруг Элара, на Мугани и др.

Прогресс земледельческого хозяйства выразился в увеличении состава культивируемых растений, усовершенствовании земледельческих орудий и, как следствие, в усложнении явлений надстроечного порядка, связанных с этой сферой производства. Основными культурами по-прежнему оставались пшеница, ячмень, просо [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 62—67; Кушнарера, Лисицына, 1986].¹ Среди пшениц наибольшим распространением пользовалась мягкая. Совершенно не встречается однозернянка. Только в Мингечауре зафиксирована двузернянка-полба. Единичными находками представлена твердая пшеница и тургидум. Состав ячменей достаточно многообразен: пленчатые и голозерные, двурядные и многорядные формы. Совместно с ними обнаружены зерна дикого и бутылковидного ячменей; последнее еще раз подтверждает вывод о том, что процессы видо- и формообразования происходили непосредственно на базе аборигенной флоры.

Специального внимания заслуживают находки среди пшениц и ячменей поселения Шенгавит специфических круглозерных форм (*Tg. vulgare antiquorum* Heer., *Tg. sphaerococcum* Perg., *H. sphaerococcum*). По мнению М. Г. Туманяна [1948, с. 75], такие формы, особенно среди ячменей, чрезвычайно редки; близкие им круглозерные многорядные ячмени с голым зерном и укороченными остями встречаются в настоящее время лишь в Японии. Исходя из специфики экологической среды, необходимой для произрастания круглозерных разновидностей ячменей, исследователь предполагал для рассматриваемого отрезка времени существование в Закавказье более влажного климата, чем на предшествующих и последующих этапах. Палеогеографические данные этого не подтверждают. Более того, для III тыс. до н. э. характерна глобальная аридизация, имевшая большие социально-экономические последствия [Долуханов, 1984, 1985]. Увеличение влажности, судя по споропыльцевому анализу озерных отложений Севана, падает на VII в. до н. э. — VII—VIII вв. н. э. [Гричук, 1980, с. 61—76]. Важно и другое — найденная вместе с круглозерными ячменями пшеница *Tg. sphaerococcum* Perg. рассматривается ныне как узкоэндемичный (невозделывающийся) вид Северо-Западной Индии (Пенджаб), который экологически приурочен не к влажному, а к сухому жаркому климату и в прошлом мог выращиваться только на поливных землях [Пшеницы мира, 1976, с. 96, 97]. Он имеет ряд положительных свойств (устойчивость к полеганию, нетребовательность к почвенным условиям, скороспелость, зноеустойчивость, неосыпаемость). Очевидно, правильнее полагать, что появление круглозерных форм среди пшениц и ячменей Закавказья связано с развитием поливного земледелия, при котором

¹ Отсутствие некоторых ранее встречавшихся в ископаемом состоянии видов культурных растений не может служить показателем прекращения их культивации; здесь следует учитывать, что на памятниках КУАК систематические палеоэтноботанические исследования не проводились.

создавался благоприятный микроклимат, способствовавший расширению ассортимента основных хлебных злаков и введению в культуру новых, в частности круглозерных, популяций [Кушнарева, Лисицына, 1986].

Помимо косвенных показателей развития поливного земледелия (состав злаковых, косточки винограда) имеются и прямые свидетельства, хотя оросительные системы Кавказа этого периода целенаправленно не изучались. Так, в Араратской долине рядом с крупным поселением Мохра-Блур, на высохшем русле р. Касах, открыты три плотины-дамбы из сырцовых кирпичей, поднимавшие воду реки для орошения больших посевных площадей [Джалалбекян, 1974; Арешян, Симонян, Саркисян, 1977]; в разрезе одной из них обнаружены черепки куро-аракской посуды. Первая дамба была построена в 950 м севернее поселения, по течению широкого в этой части русла реки; с ее помощью орошалась примерно 16,3 га земли. Вторая располагалась в 1240 м ниже по течению от первой и орошала территорию примерно в 14,4 га. Третья была сооружена в 800 м вниз по течению от второй и орошала около 5,5 га. С помощью этих дамб жители Мохра-Блура орошали около 45 га. Количество дамб в окрестностях поселения могло быть и большим, что диктовалось необходимостью орошения более крупной площади. Такое предположение вытекает из подсчетов на поселении Квацхела, площадь которого была значительно меньше Мохра-Блура. Здесь проживало около 300 человек, для обеспечения зерном которых (исходя из норм его потребления) необходимо было ежегодно засеять около 64 га [Глonti, 1970, с. 22].

Для орошения полей жителей Шенгавита в той же Араратской равнине, вероятно, были сооружены такие же дамбы на р. Раздан, текущей в этом месте по широкому ущелью. Здесь в настоящее время благодаря постройке плотины раскинулось Ереванское море с зеркалом в 60 га. Если учесть также земельные участки ниже плотины, то площадь орошаемых в древности земель вокруг поселения могла быть больше 100 га [Есян, 1969, с. 13]. Шенгавит — более крупное поселение, нежели Мохра-Блур, что, естественно, должно было сказаться на размерах его земельных участков.

Сооружение дамб — значительный прогресс по сравнению с примитивными ирригационными устройствами предшествующего периода. Они свидетельствуют о существовании в Араратской долине земледелия с регулярной ирригацией, обеспечивающей высевание чистых посевов таких культур, как пшеница и ячмень (как известно, смешанные посевы — одно из средств борьбы с засухой, связывается прежде всего с богарным земледелием). Судя по топографии поселений Араратской равнины, здесь продолжали осваиваться земли в бассейнах сравнительно небольших рек (Касах, Раздан, Веди), забор воды из которых не представлял технических трудностей. Лишь с кардинальными сдвигами в ирригационной технике, которую принесли в Закавказье урарты, для орошения полей начали использоваться воды р. Аракс [Агаханян, 1967].

В свое время Я. А. Киквидзе связывал процессы расселения общин в III тыс. до н. э. с кризисом неполивного земледелия; с его точки зрения общины постоянно перемещались в связи с истощением неорошаемых земледельческих участков, а это в свою очередь вело к уничтожению лесов и аридизации климата, стимулировавшей развитие орошения во II тыс. до н. э. [Киквидзе, 19755, с. 25, 29; 1988, с. 52]. Открытие ирригационных устройств на р. Касах опровергло эту точку зрения.

Как мы упоминали, ряд косвенных признаков говорит о вероятно-

сти применения на Кавказе первых пахотных орудий уже в V—IV тыс. до н. э. [Кушнарева, 19776; Кушнарева, Лисицына, 1979]. Прямыми свидетельствами этого процесса являются две сохи из поселений Арухло I и Квацхела. Квацхелаская соха была столь же примитивна, как и арухлинская. Обе они обеспечивали лишь поверхностную вспашку. В III тыс. до н. э. косвенные признаки, указывающие на использование в земледелии тягловой силы, нарастают. Среди них — сокращение количества мотыг, что может быть поставлено в прямую связь с усовершенствованием пахотных орудий (скорее всего, они были деревянными). В Месопотамии, в частности, судя по изображениям на поздних цилиндрических печатях, таким усовершенствованием явилась кривизна рабочей части рала, значительно облегчавшая входение ее в почву. Кавказские мотыги III тыс. до н. э. имеют небольшие размеры: они, как и в других странах, очевидно, служили для предварительной вспашки, а также рыхления комьев после вспашки: в горных районах Кавказа такой способ рыхления наблюдался еще совсем недавно [Никольская, Шиллинг, 1952].

К факторам того же порядка следует отнести повсеместное появление на поселениях фигурок бычков и колесиков от миниатюрных моделей повозок, указывающих на широкое использование тягловой силы. Глиняные модели повозок, служившие в качестве ритуальной утвари святилищ, найдены на поселении Арич [Хачатрян Т. С., 1975, с. 35]. Они представлены тремя типами, что указывает на функционально-дифференцированную колесно-транспортную службу, обеспечивавшую перевозку людей, сельскохозяйственных продуктов и строительных материалов на значительные расстояния. От конца III тыс. до н. э. дошла также серия деревянных повозок, сохранившихся благодаря специфическим условиям в курганных погребениях Бедени, Цнори, Марткопи.

Наблюдается дальнейшая эволюция жатвенных орудий. Составные серпы приобретают изогнутую форму. Совершенствуется форма и характер обработки вкладышей: лезвия оформляются тонкой и мелкой ретушью. Вкладыши встречаются на всех поселениях в изобилии. На одном только слабо изученном Мингечаурском поселении найдено 370 экз. [Асланов и др., 1959, табл. III—VI]. Из вкладышей Хизанаант-Гора можно было изготовить десятки серпов; на Квацхеле вкладыши составляли 30% всех каменных орудий [Глonti, 1970, с. 18]. Идут поиски нового материала для жатвенных орудий, что приводит к появлению металлических серпов [Кушнарева и др., 1970, рис. 42, 27—31]. Бронзовый серп — самое раннее металлическое орудие, появление которого знаменовало собой значительный прогресс земледелия; неизменно сопутствуя пашенной системе, он как бы утверждает ее наличие в этот период в Закавказье. Металлические серпы используются повсюду, на что указывают находки их на многих поселениях Южного Кавказа (Гарни, Амиранис-Гора, Кюль-Тепе, Караз и др.). На Хизанаант-Гора найден отлитый, но неоткованный серп, в Ариче — форма для отливки серповидного орудия [Хачатрян Т. С., 1975, рис. 14], что свидетельствует об их повсеместном изготовлении. Сочетание колесного транспорта с прогрессивными орудиями уборки является показателем существования пашенного земледелия [Краснов, 1975, с. 35—37].

Нельзя не отметить резкого увеличения масштабов южнокавказских поселений этого периода, особенно тех, которые располагались в земледельческих районах. На них концентрировались большие массы людей, обеспечение которых растительной пищей было под силу лишь технически организованному аграрному хозяйству.

Средние поселения занимали 3,5—4 га; поселение же Арич, расположенное в области древнего Ширака, служившего житницей Армении на протяжении всей ее истории, занимало площадь свыше 10 га. Это был крупный центр сельскохозяйственной округи, по площади примерно равный анатолийскому Чатал-Гуюку. В последнем, по подсчетам Дж. Мелларта, находилось не менее 900—1000 домов [Mellaart, 1967]; если в каждом стандартном доме проживала семья, численность которой, судя по этнографическим и письменным источникам [Дьяконов, 1959, с. 20, составляла 5—6 человек (а по мнению грузинских этнографов — 5—8), то общее число жителей Чатал-Гуюка достигало 4.5—6 тыс. Если же допустить, что в Ариче жилыми домами была занята не вся площадь, а примерно ее $\frac{2}{3}$, то и в этом случае его население приближалось примерно к 2—3 тыс. Для обеспечения такой массы людей необходимо было вспахать примерно 1300—1700 га. Естественно, что подобные сельскохозяйственные работы могли осуществляться только с помощью тягловой силы.¹

Интенсификация пашенного земледелия нашла свое отражение и в некоторых ритуальных предметах III тыс. до н. э., в частности в глиняных «досках» с рельефами из Верхнегунибского поселения, а также в модели алтаря из Арича. Гунибские «доски» находились в жилых помещениях и были топографически «привязаны» к глиняным печам-корам; они предназначались как для декоративного украшения стен, так и для нанесения узора на выпекаемый в печах хлеб [Котович В. М., 1965, рис. 57, с. 164]. Различные комбинации рельефов сводятся к парным роговидным налепам в сочетании с рядами параллельных линий. Как показала В. М. Котович, здесь изображены парные быки-букрании и пашня. В целом вся композиция в сильно стилизованной манере передает сцену пахоты с помощью парной запряжки быков, а точнее — традиционную для многих земледельческих народов обрядовую сцену проведения первой борозды. С гунибскими рельефами семантически связывается миниатюрный глиняный аричский алтарь [Хачатрян Т. С., 1975, рис. 38]. Он имеет два отростка, имитирующие рога быка; фасадная его часть покрыта процарапанными линиями и точками, которые, скорее всего, должны трактоваться как вспаханное и засеянное поле. Наконец, древность пашенного земледелия на Кавказе подтверждается и данными лингвистики. Выше мы говорили, что ряду дагестанских языков присущи термины, восходящие к единому праязыку, который существовал, по утверждению языковедов, не ближе III тыс. до н. э. [Бокарев, 1961, с. 17; Котович В. Г., 1965, с. 10]. Для установления глубинных истоков пашенного земледелия важно, что в числе слов, указывающих на древнейшие корни местного значения, имеются названия легкого горского пахотного орудия [Генко, 1930, с. 132; Никольская, Шиллинг, 1952, с. 94], ярма, пашни, соломы, мякины, упряжного быка [Хайдаков, 1961, с. 124; Котович В. Г., 1982, с. 146].

Таким образом, комплексный подход к проблеме позволяет говорить о III тыс. до н. э. как о времени дальнейшего использования в земледелии тягловой силы, которому предшествовал длительный период освоения первых пахотных орудий. Значение этого величайшего технического новшества, открывшего широкие возможности для роста экономики прогресса, трудно переоценить. Внедрившись в хозяйство

¹ Экономический эффект пашенного земледелия по сравнению с мотыжным иллюстрируется результатами эксперимента, проведенного сотрудниками ЛОИА АН СССР в полевых условиях. Было установлено, что скорость работы деревянного пахотного орудия, смоделированного по образцу одного из древнейших плугов типа «валле», превышает ручную обработку земли примерно в 45—50 раз [Семенов С. А., 1974а, с. 225].

кавказских земледельцев примерно около 6 тыс. лет тому назад, оно оставило глубокий след в материальной культуре, языках, легендах, сказаниях и обрядах многих народов.

Следы аграрного хозяйства встречаются на поселениях повсеместно. Срезанные кремневым и бронзовым серпом колосья увязывались в снопы; обугленные остатки снопов неоднократно встречены на поселениях (Кюль-Тепе, Шенгавит, Мохра-Блур, Квацхела). В одной из кюльтепинских ям вместе с колосьями находилась скрученная солома для увязки снопов, которая была перемешана с травой, используемой и поныне для предотвращения ломкости соломы. Зерно обмолачивалось на молотильных досках с помощью тягловой силы. Такая доска с кремневыми вкладышами найдена в Хизанаант-Гора. В конце II — начале I тыс. до н. э., будучи объектом почитания, молотильная доска использовалась также в ритуальных целях и помещалась в качестве погребального атрибута в могилы (Самтавро, Ханлар, Ахтала). Орудие это и сейчас используется в своем первоначальном виде, что является показателем его достаточной продуктивности; до сих пор в горах Армении, Грузии, Сванетии, Дагестана, Афганистана, Болгарии и ряда других стран обмолот осуществляется архаичными молотильными досками [Вавилов, 1965а, с. 628; Бдоян, 1972, с. 398—409; Ментешашвили, 1936; Вакарелски, 1977, рис. 54—57, и др.]. Место обмола представляет собой круглую площадку диаметром до 20 м, расположенную близ села или непосредственно на его территории. Ее очищают от дерна и хорошо утрамбовывают с помощью специального деревянного орудия; иногда площадку дополнительно покрывают слоем глины. Снопы кладут друг на друга, колосьями в одну сторону. В молотилку запрягают волов, буйволов или лошадей. На доску садится человек и начинает движение по кругу. В результате получают не только зерно, но и мякину — особый вид корма для скота в зимний период.

На многих поселениях найдены карбонизированные зерна. В отдельных случаях их скопления исчисляются десятками килограммов. Зерно хранили в больших ямах, обмазанных глиной, во вкопанных в землю сосудах, в глиняных ящиках. Самые крупные ямы вмещали до 300 кг зерна. Зерновые ямы в некоторых случаях концентрировались на одном участке поселения, образуя своеобразные амбары. Так, в Эларе, например, было расчищено 10 крупных ям, вырытых на расстоянии 1 м друг от друга; здесь находилось зерно и кости животных — скорее всего, остатки туш, заготовленных впрок. На поселении Баба-Дервиш количество ям доходило до двадцати пяти. На Гудабердка скопление ям, по-видимому, было перекрыто легкой крышей, предохранявшей зерно от осадков. Для крупных коллективных запасов сооружались специальные зернохранилища. Такая постройка стояла на самом высоком и сухом месте в центре поселения Яник-Тепе [Вигнеу, 1961, pl. XVI]. Двойной обвод стен предохранял это круглое помещение от сырости. Внутренняя его часть была разделена на 4 сектора, что может быть трактовано двояко: либо в каждом из них хранился определенный вид или сорт зерна, либо строго установленное его количество, какая-то доля. Если такая постройка для Южного Кавказа пока является уникальной, то памятники Передней и Средней Азии дают не один пример общественных зданий и скоплений емкой тары для хранения запасов. Это, в частности, зернохранилища южнотуркменских поселений Ялангач-Тепе, Джейтун, Муллали-Тепе [Массон, 1964б, с. 310, 311, 313]. На одном из участков Джейтуна было также сосредоточено 25 крупных корчаг для хранения запасов.

Перед употреблением зерно слегка поджаривали с целью придания ему лучшего вкуса, а потом растирали в зернотерках. Преобладание на поселениях зернотерок крупных размеров при сопоставлении дает представление относительно их пропускной способности: по данным этнографии, на растирание зерна, обеспечивавшего дневной рацион небольшой семьи, хозяйка затрачивала не больше часа [Кларк, 1953, с. 120]. Проведенный опыт размола зерна с помощью зернотерки из поселения Квацхела дал тонкую муку, а не отруби; это позволяет считать, что хлеб в то время уже выпекался. Для выпечки хлеба служили двучастные печи (Кюль-Тепе II, Амиранис-Гора, Яник-Тепе, Верхний Гуниб и др.). В Дагестане подобные печи-коры доживают вплоть до этнографической действительности [Котович В. М., 1965, с. 215, рис. 13, 15—16].

Население также занималось виноградарством, льноводством, садоводством, разведением красителей. Находки косточек винограда (Квацхела, Хизанаант-Гора), принадлежавших культурному виду *Vitis vinifera*, свидетельствуют о дальнейшем развитии виноградарства, истоки которого восходят к V—IV тыс. до н. э. Ископаемые семена из Хазанаант-Гора принадлежат виду, имевшему крупные ягоды, что объясняется длительностью процесса культивации и свидетельствует об интенсивности формообразования [Негруль, 1960, с. 117, табл. 3]. Это еще раз подтверждает мнение ботаников, что Закавказье является очагом формирования дикого и культурного винограда. Находка семян льна в дагестанском поселении Гильяр позволяет предполагать его специальное разведение для текстильных промыслов. Выразительны керамические и костяные пряслица, а также отпечатки ткани с льняным переплетением на образцах керамики [Мунчаев, 1975, с. 379]. Особый интерес вызывает находка на поселении Мохра-Блур сосуда с семенами полевого воробейника [Арешян, 1979]. Предполагается, что это был запас семян для нового урожая. Из корней этого растения, собранного весной, издревле делали краску сусер, применявшуюся, в частности, в косметике. В древности это растение могло использоваться и при совершении ритуальных обрядов. Находка семян воробейника показывает, что он специально высевался с целью использования его в быту [Бунятов, 1963].

О садоводстве сведений мало. Известно, что в Закавказье разведение плодовых началось задолго до эпохи Урарту [Букин, 1963, с. 52]. Находки косточек абрикоса на его родине, в Армении (Гарни), и косточек плодовых в Ирганае конкретизирует это положение [Жуковский, 1971, с. 325; Аракелян, 1951, с. 35]. Несколько удивляет отсутствие находок семян плодовых, которые являлись продуктом собирательства на всех этапах истории; скорее всего, это результат отсутствия систематических палеоэтноботанических исследований. Известно, что Кавказ, особенно Закавказье, необычайно богат дикими плодовыми, образующими в отдельных районах целые леса. В Дагестане на десятки километров сохранились леса, состоящие из диких груш, яблонь, алычи, терна, боярышника, кизила и др. По наблюдениям Н. И. Вавилова [1960б] во время его поездки на Кавказ, «плоды диких плодовых деревьев и кустарников используют для различных целей — их варят, сушат, перетирают на муку, которую потом подмешивают к пшеничной и ячменной муке; они идут на приготовление напитков, отваров. Словом, в питании аборигенных народов Кавказа они играют существенную роль; в прошлом их роль в питании, несомненно, была еще значительнее» [с. 345]. Отсутствие соответствующих находок не дает основания недооценивать роль собирательства фруктовых и орехоплодных в древности, поскольку в ходе этого про-

цесса скорее всего и происходил отбор форм, наиболее подходящих для культивации.

Таким представляется характер земледельческих процессов у населения Кавказа, проживавшего главным образом в равнинных районах. В связи с неуклонно осуществляемым в последние 15—20 лет «наступлением» археологов на горы постепенно выявляется специфика горного земледелия, истоки которого, как мы показали выше, восходят к неолитической эпохе. Однако если учесть, что горная зона Кавказа составляет примерно 72% всей территории, то исследованные памятники на археологической карте выглядят пока как редкие «булавочные уколы». Как было показано, относительно благополучным в этом плане является горный Дагестан. В частности, здесь всесторонне изучено террасное земледелие, становление которого начинается в эпоху ранней бронзы. У горцев этого времени, так же как и у жителей долин, выявлены следы различных хозяйственных укладов, в сложении которых определяющими факторами были конкретные особенности среды обитания и хозяйственные традиции.

При реконструкции древних форм производящей экономики в горных районах, где способы ведения хозяйства оказываются наиболее консервативными, большую помощь оказывают этнографические материалы. Это касается прежде всего оросительных систем. Этнографией установлены многообразные и глубокие народные знания в орошаемом земледелии горного Кавказа. Трудовые навыки выработались в конкретных условиях производственно-хозяйственной деятельности и базировались на знаниях рельефа, климата, почв, гидрографии и хозяйственных культур отдельных микрорайонов [Гегишидзе, 1961, с. 56]. Все это являлось итогом многовековых традиций. В горных и предгорных районах, так же как и на равнинах, искусственное орошение являлось необходимым фактором; в горах это связано прежде всего с тем, что поля, как правило, приурочены к зонам глубоких ущелий, являющихся теплыми и сухими участками кавказского рельефа [Кордзахия, Напетравидзе, 1946]. Располагались они обычно на южных хорошо обогреваемых склонах. Усиленные испарения и ветры, дующие по ущельям, вызывают быстрое пересыхание растительного покрова почвы. Годовых осадков здесь явно не хватает для посевов под богару. Так, во внутреннем горном Дагестане на высоте 1200 м н. у. м. (Ахты) выпадает осадков всего 320 мм в год, на высоте 1700 м (Хунзах) — 550 мм, на высоте 2200 м (Гуниб) — около 600 мм [Добрынин, 1926, с. 29]. По этим показателям горные районы Дагестана значительно приближаются к резко засушливым равнинным [Магакян, Василенко, 1938]. Близкая картина наблюдается в горах Армении, Грузии, Чечено-Ингушетии [Армянская ССР, 1955; Чхенкели, 1946; Северный Кавказ, 1957].

Особенностью горных гидросистем Кавказа является использование ручьевых и родниковых вод, с помощью которых орошаются главным образом прибрежные полосы горных рек, поймы и склоны гор, а также садовые и огородные участки внутри селений. В этих системах имеются малые и большие каналы и более крупные оросители со специальными гидросооружениями. Обследование Гегамских гор и отрогов Арагаца показало, что к середине II тыс. до н. э. здесь была создана сеть каналов для захвата талых вод, по которым вода направлялась в долины и на равнины [Мартиросян, Торосян и др., 1975]. По-видимому, начало оросительных устройств восходит к середине III тыс. до н. э., когда эти районы активно заселялись земледельцами. «Каналы эти берут начало на высоких отметках — у границ вечных снегов, местами они питаются из естественных или искусственных во-

дохранилищ. По длине каналов в удобных местах были построены многочисленные мелкие водохранилища, обеспечивавшие накопление весенних вод для использования их в засушливые периоды. Эти системы, хотя и не имеют сложных сооружений, но указывают на большое искусство регулировки в условиях горной пересеченной местности весенних поверхностных вод, стекающих со склонов гор» [Агаханян, 1967, с. 360]. У родников и водоемов стояли культовые стелы — «вишапы» — символы водной стихии [Марр, Смирнов, 1931; Пиотровский, 1939]. Существует точка зрения, что сеть выгравированных линий на крупном камне из с. Зейва представляет собой схему ирригационной сети, действовавшей в доурартский период на отрогах Арагаца [Хачатрян М. М., 1971]. Использование в горах Армении дождевых и талых вод, которые в конечном счете искусственно направлялись в русло больших рек, в определенной мере компенсировало нехватку гидро-ресурсов Араратской равнины [Арутюнян, 1964, с. 64].

В горной Сванетии — стране с глубокими земледельческими традициями, восходящими к III тыс. до н. э., т. е. к периоду повсеместного расселения племен по горным зонам, ирригационное земледелие носило в большей мере покосный характер и было направлено на создание кормовой базы для скота. Террасные поля для этого края не характерны, так как для земледелия использовались равнины и пологие склоны. На существование глубоких традиций в ирригационном земледелии Верхней Сванетии указывает сообщение путешественника Ламберти [1938], посетившего этот край в XVII в.: «Сваны, периодически спускавшиеся с гор на равнины, занимались здесь строительством оросительных каналов и по окончании работ возвращались обратно в горы» [с. 167]. Оросительная система состояла из сложного комплекса гидротехнических сооружений, названия которых в виде специальных терминов отложились в народной памяти [Гегешидзе, 1963, с. 21].

Распределение воды в горах осуществлялось по ущельям. Ущелье становится самостоятельной экономической единицей. Население ущелий располагало своими долинами и горами, между которыми устанавливались прочные экономические связи [Бердзенишвили Н. А., 1960, с. 181; Авалишвили, 1984]. Сложившийся издревле принцип концентрации населения по ущельям и рекам, зафиксированный, в частности, для начала XVIII в. историком Вахушти Багратиони, нашел терминологическое выражение в грузинском языке. Термин «ущелье» (*хеоба*) означает «множество людей, населяющих одну воду» (т. е. реку) [Орбелиани, 1928, с. 463; Гегешидзе, 1963, с. 37]. Проясняется и проблема последовательности развития зональных систем ирригации: грузинская терминология горной ирригации как будто указывает на становление поливного земледелия в горах; терминология равнинного орошения, являвшегося, по-видимому, его дальнейшим развитием, остается (с небольшими отклонениями) примерно той же. Этнографы зафиксировали в Сванетии на землях общины Бечо одну из примитивных систем орошения, восходящих скорее всего ко времени становления поливного земледелия в горах. Здесь покато «мокрое поле» — *скешишларэ* (груз.), орошается канавкой (дл. 3 км, шир. — 0,10 м, наклон — 7,81 м), отведенной от речки. «У покоса канава разбивается на мелкие ручейки, расположенные веерообразно, что дает возможность полить весь участок. От той же речки отведен другой канал для полива покосов, находящихся на левом берегу речки. Из-за быстрого течения воды почва, естественно, не успевает полностью ее впитывать. Не впитавшаяся вода собирается в каналах, устроенных в конце покосов. Таким образом образуется новая система для орошения покосов, находя-

щихся ниже. Чтобы русло не размывало водой, особенно в той части, где течение быстрое, кладутся камни. Головные сооружения простые и устраиваются легко [Киквидзе, 1988, с. 77]. Эта система орошала в Бечо небольшую площадь в 3 га.

В горах, как и на равнинах, возделывались пшеница, ячмень, реже полба. Среди пшениц — твердая и мягкая. Оба вида обладают экологической пластичностью, однако мягкая более легко приспосабливается к любым условиям — этим она завоевала прочные позиции в горном земледелии. Ячмени представлены пленчатыми и голозерными формами; их рядность в субфосильном материале не зафиксирована. В горном Дагестане благодаря длительному отбору выработались особые эндемичные сорта пшениц и ячменей, характеризующиеся скороспелостью и укладываемые в своем цикле развития в короткое лето [Вавилов, 1936б]. Посевы пшениц и ячменей доходят до отметки 2500 м н. у. м., т. е. выше уровня отметки естественного произрастания злаковых, что предполагает высокий уровень земледелия, применение разных агротехнических приемов, в том числе и селекционной работы [Котович В. Г., 1965]. «Истоки селекции как искусства уходят к началу земледелия, к введению в культуру растений...» [Вавилов, 1960в, с. 9]. Практиковалось и садоводство, на что указывают косточки фруктов из Ирганайского поселения.

В технике горного земледелия наблюдается значительный прогресс — широко используется тягловая сила, совершенствуются жатвенные орудия. Судя по отсутствию на земледельческом поселении Галгалатли кремневых вкладышей, жатва осуществлялась уже металлическими серпами [Гаджиев, 1971а, с. 104]. На поселениях встречаются зернотерки, мотыги для рыхления земли, печи для обжаривания зерна. На Верхнегуниском поселении земледельческие орудия составляли вторую по количеству (после керамики) группу находок. Повсюду встречаются зерна злаковых; только в одном жилище высокогорного поселения Галгалатли найдено 15 кг карбонизированного зерна.

Освоение гор земледельцами во многих странах Старого и Нового Света завершилось созданием террасных систем. Древнейшие центры земледелия, такие, как Южная Азия, Китай, Филиппины, Перу, Боливия и др., представляют собой мировые очаги террасного земледелия. По удельному весу в общем хозяйстве гор к этим очагам должен быть отнесен и Кавказ, на территории которого создание террасного земледелия восходит к глубокой древности. Классической областью его распространения является внутренний горный Дагестан, где практически все пригодные для земледелия земли террасированы [Магакян, Василенко, 1938; Агларов, 1964, 1967, 1979, 1986]. Сооружение террас практиковалось в горной Армении и Южной Грузии, а также на южных склонах Большого Кавказа [Гегешидзе, 1964; Калоев, 1981, с. 63, табл. I—Ia].

Террасное земледелие явилось прямым последствием перенаселенности гор, возникшей в связи с притоком туда населения. Террасирование склонов расширяло посевные площади, предохраняло обрабатываемые участки от оползней, защищало почву от эрозии, увеличивало почвенный слой и создавало, таким образом, благоприятные условия для роста растений. Вне этого способа ведения хозяйства в ряде горных районов заниматься земледелием практически невозможно. Особенности техники создания и развития террасного земледелия на Кавказе проливают свет и на его историю. Будучи результатом многолетней борьбы горцев за землю, террасные поля имеют глубокую традицию. Главную роль в их создании играли защитные меры и длительная,

многовековая обработка одних и тех же участков на крутых склонах [Агларов, 1964, с. 185]. При этом было не столь существенным, производилась эта обработка мотыгой или примитивной деревянной сохой, доживающей в горных районах до современности [Добрынин, 1926, с. 90]. Таким образом, ни одна из террасных систем не является продуктом кратковременного труда крупных человеческих коллективов.

Еще недавно неоспоримым являлся факт распространения террасного земледелия на Кавказе на рубеже II—I тыс. до н. э. и в эпоху средневековья: о широком его размахе в начале I тыс. до н. э. на территории Армении рассказывают урартские источники [Арутюнян, 1964, с. 23, 103]; в Дагестане же террасированы окрестности большинства средневековых поселений [Котович В. Г., 1961а, с. 288], причем иногда площади заброшенных террас оказываются больше ныне действующих. Учитывая же заселенность гор и высокогорий в значительно более раннее время, можно было думать, что с земельным голодом в условиях горного рельефа племена столкнулись еще в эпоху бронзы. Археологические памятники не только подтвердили это предположение, но и позволили в какой-то мере воссоздать древние этапы этого процесса. Логично думать, что на первых порах поля земледельцев-горцев (Чох, Гинчи и др.) располагались на естественных ровных поверхностях (речные и пойменные террасы). Постепенно земледелию гор в условиях косогорных лиманов и речных террас с их постоянной тенденцией к оползанию почвенного слоя начинает сопутствовать искусственное выравнивание засеваемых площадей с одновременной организацией подпорных стенок. Импульсом к началу освоения под пашни горных склонов послужила практиковавшаяся в архаичных хозяйствах залежная система земледелия, требовавшая постоянного расширения земель, в результате чего незначительные в условиях гор естественно выравненные площади оказывались исчерпанными [Берлянд, 1964, с. 38].

На протяжении III тыс. до н. э. в связи с ростом населения и истощением старых земельных участков избыточное население из долин и равнин начинает расселяться в предгорья и горы Кавказа. Активное заселение горного Дагестана земледельцами относится именно к этому времени. На это указывает соседство древних поселений и заброшенных террасированных склонов. В этот период оказываются заселенными не только предгорья и горные долины (освоенные в какой-то мере еще в энеолите), но и высокогорье, где обосновываются долговременные поселения [Гаджиев, 1987б]. В предгорьях это Мекегинское, Чиркейское, Верхнесигитминское поселения [Канивец, 1957, с. 158; Котович В. Г., 1961а, 1961б; Гаджиев, 1971б, с. 46], в горно-долинной зоне — Ирганайское, Гапшминское [Котович В. Г., 1961б, с. 23], в высокогорной — Галгалатлинское, Верхнегунибское, Ушисинское, Кулинское и др. [Гаджиев, 1971а, с. 102; Котович В. Г., 1982, с. 145]. Это, как правило, компактно застроенные поселения, располагавшиеся в труднодоступных местах — на мысах, гребнях, склонах гор и скальных платформах на высоте 1800—2000 м н. у. м. Значительные культурные отложения, монументальность построек, наличие оборонительных стен, обилие находок, связанных с земледелием, — характерные признаки поселений, просуществовавших не одно столетие. Сам факт существования в III тыс. до н. э. оседло-земледельческих поселений в условиях сильно пересеченного рельефа, где аграрное хозяйство могло развиваться исключительно на базе террасных полей, свидетельствует об интенсивном формировании последних именно в этот период. Предполагается, что зарождение террасного земледелия в ряде горных областей (и в Дагестане) как будто бы должно быть приурочено к еще более раннему времени [Агларов, 1979, с. 8]. В свое время Н. И. Ва-

виловым было высказано предположение, что террасное земледелие закономерно возникает в древнейших центрах зарождения производящей экономики и является результатом ее полной победы. Горный Дагестан с его ранними формами производящего хозяйства, ставший впоследствии классической страной террасного земледелия, иллюстрирует эту точку зрения.

Наиболее ранний археологический материал по террасостроительству получен с поселения Верхний Гуниб [Котович В. М., 1965]. Это типично горское поселение, занимающее участок склона у гребня скалы крутизной 35—45°. Особенностью его планировки является ступенчатость, свидетельствующая об умении горцев строить искусственные террасы. Ступенчатость характеризует большинство дагестанских поселений, обосновавшихся на крутых склонах; этот тип горского поселения на протяжении всей истории края остается устойчивым этнографическим признаком. Первоначально поля гунибцев, по-видимому, располагались на нескольких естественных террасах в долине Гунибской речки. Позднее для расширения посевных участков гунибцы начали строить террасы. Шурфовкой двух искусственных террас около поселения выявлен погребенный горизонт с повышенным содержанием гумуса, в котором имелись антропогенные включения (древесные угольки, обломки обработанных кремней и кусочки керамики).

Строительство террас осуществлялось и в других горных районах. Так, поселение Амиранис-Гора, занимавшее склон горы, располагалось на 10 искусственных террасах, каждая из которых имела длину 25 и ширину 7 м [Чубинишвили, 1971]. Аналогичное явление прослеживается и на поселении Самшвилде [Мицхулава, 1975]. Жители обеих поселений занимались земледелием; логично предположить, что поля поселенцев располагались также на искусственных террасах. Вероятность такого предположения подкрепляется и тем, что впоследствии в условиях гористого рельефа некоторых районов Южной и Восточной Грузии доминирующей формой аграрного хозяйства, так же как и в Дагестане, стало террасное земледелие [Гегешидзе, 1964, с. 3].

Аналогичное явление наблюдается и в горных районах Армении, археологически исследованных пока крайне слабо. В качестве одного из примеров можно привести поселение Гарни (III тыс. до н. э.), расположенное на скалистом мысу у подножия Гегамских гор [Аракелян, 1951, с. 22; Ханзадян, 1969]. Здесь обнаружены зернотерки, ступки, вкладыши серпов, косточки абрикоса и, наконец, медный серп — пожалуй, наиболее ранний серп Закавказья. Отсутствие вокруг естественных ровных поверхностей заставляет современных жителей Гарни сокрушать свои поля и сады на крутых террасированных склонах. Логично думать, что такая система практиковалась в период существования здесь древнего поселения.

Таким образом, во второй половине III тыс. до н. э. избыточное население, переселившееся из низинных районов в горы, активно приспособлялось к новым условиям, создавая террасные системы. Несмотря на огромную трудоемкость, террасное земледелие открывало единственную возможность расширения здесь земельных угодий.

Установление глубоких традиций террасного земледелия на Кавказе делает методически оправданным привлечение для приблизительной реконструкции его ранних форм этнографического материала, освещающего не только его технические особенности, но и социально-экономические последствия. Кавказская этнография иллюстрирует разнообразие народной техники террасирования, которая в каждом случае была обусловлена рельефом, гидрографическим режимом, геологическим строением гор, характером почвенного покрова, микроклиматом.

Однако сложность вопроса заключается в том, что различные в техническом отношении типы террас далеко не всегда могут быть распределены во времени; эта трудность по мере археологического изучения горного земледелия в какой-то мере может быть постепенно преодолена.

Большой интерес представляет классификация террас, предложенная М. Агларовым; базируясь на конструктивных особенностях и технике обработки террасных полей Дагестана, он пытается рассматривать их в последовательности. Первыми в горах были освоены террасы естественного происхождения. По мере размывания разливами их начали укреплять стенками; опыт по укреплению естественных террас в результате был накоплен. В дальнейшем, в условиях быстро растущего населения, усилия земледельцев были направлены на освоение склонов, сколько-нибудь пригодных для возделывания растений. Характер и крутизна склонов предопределили сооружение террас двух типов — с межевыми откосами и с подпорными стенками. Первые устраивались в более высоких и менее пересеченных зонах; для них характерна обширная площадка для посева и отсутствие подпорных стенок, которые заменялись круто наклоненными откосами — покосной полосой. Эти террасы оформлялись веками путем специально применяемой последовательной вспашки. Намывание почв на них осуществлялось с помощью маленьких оросительных каналов, бегущих вдоль верхнего конца поля, откуда вода направлялась по наклонной плоскости к краю и там, обогащая почву мелкоглинистыми частицами, застаивалась на ровных участках поверхности; одновременно обогащенная почва намывалась и дождевыми водами. Это приводило к постоянной регенерации почв, предохраняло их от истощения [Новиков, 1959, с. 30]. Именно благодаря этому была возможна эксплуатация одних и тех же участков без оставления их как залежных или под пар. Прекращение в XVIII в. эксплуатации террас с межевыми откосами в связи с упадком земледелия и специализацией обществ на скотоводстве является в определенной мере показателем их древности. Таким образом, превращение покатых участков склонов в горизонтальные посевные площади являлось «следствием постоянной многовековой и целенаправленной эксплуатации пахотных площадок» [Агларов, 1964, с. 181].

Третий тип террас характерен для районов с сильно пересеченным рельефом [Никольская, Шиллинг, 1952, с. 94]. Техника их сооружения варьировалась в зависимости от крутизны склона. Если склон был не очень крут, у основания предполагаемой террасы строилась ограда из массивных камней; на более крутых склонах террасу дополнительно расширяли, врезая ее в гору. После сооружения стенки отгороженный участок расчищали и оставляли на год под пар. С наступлением сезона дождей смытая со склона почва задерживалась у ограды, которая ежегодно укреплялась и наращивалась; это способствовало постоянному выравниванию поля и расширению террасной площадки, а также предотвращало смыв образовавшейся в результате наноса почвы. Такие террасы росли не только вертикально, но увеличивались и их горизонтальные площадки, в результате чего склоны приобретали облик гигантской лестницы. Шурфовкой почвенного слоя на таких террасах установлено, что у стенки он иногда достигает 2 м, в то время как на противоположном конце он тонкий. Таким образом, террасы этого типа оформлялись путем тщательного и целенаправленного использования природных условий [Агларов, 1964, с. 183].

Особенностью орошения террасных полей Дагестана является устройство каналов на время полива; после его окончания каналы уничтожались, а на их месте производились посевы. Этим достигалась эко-

номия засеваемых площадей, обеспечивалось пропитывание водой участков между каналами. Такой народный способ орошения, рассчитанный на горизонтальную фильтрацию воды, используется и в современной сельскохозяйственной практике [Никольская, Шиллинг, 1952, с. 93].

Террасное земледелие практикуется и в горных районах Грузии [Читая, 1960; Гегешидзе, 1964], а также в ущельях предгорий Большого и Малого Кавказа. И здесь оно направлено на выгодное использование естественных факторов (рельеф, гидрографический режим, климат, почвы и др.). Большого размаха оно достигает в Месхет-Джавахети, где устройство террас восходит к III тыс. до н. э. (поселение Амиранис-Гора). Специфической особенностью террас здесь издревле была многоступенчатость. Высота фронтальных стенок 1—2 м; при постройке высоких стен для устойчивости им придавали также ступенчатую форму. В соответствии с углом падения склонов террасы имели различную ширину (от 4—5 до 69—80 м). На них создавалась искусственная почва, залегавшая иногда до глубины 1 м. В предгорной части, где склоны более пологие, устраивались большие малоступенчатые террасы.

Иной тип земледельческого хозяйства сложился в горной Сванетии (бассейны рек Ингури и Цхенис-Цхали), на высоте 1600—2000 м н. у. м. В Сванетии произрастал ряд зерновых эндемиков, которые впоследствии были окультурены [Менабде, 1948; Кецохвели, 1957]. Как и в других горных районах Кавказа, земледелие здесь могло развиваться лишь при искусственном орошении. Следы заселения Сванетии земледельцами улавливаются с середины III тыс. до н. э. Хотя наиболее ранние из известных палеоэтноботанические остатки (мягкая пшеница, рожь, овес, просо, гоми) найдены на памятниках развитой бронзы, можно думать, что поля с оросительными устройствами существовали по крайней мере на тысячелетие раньше. Начиная с этого времени здесь формируется яркая и самобытная культура, этнографические признаки которой доживают вплоть до современности. Таким образом, земледелие в Сванетии имеет глубокие исторические корни, которые прослеживаются, в частности, в сохранении в сванской этнической среде древнейших аграрных культов [Бардавелидзе, 1957, с. 222; Чартолани, 1974, с. 19; 1989, с. 178].

Террасное земледелие в Сванетии не получило развития в силу специфики рельефа; для края характерны широкие пологие склоны и горные долины, пригодные для пастбищ, посевов и сенокосов. Параллельно с земледелием здесь издревле складывался мощный очаг скотоводства, который развивался в условиях оседлой жизни, на базе природных ресурсов. Летом скот перегоняли на альпийские луга; большую же часть года он находился на стойловом содержании. Так как сено с орошаемых полей обладает более высокими питательными свойствами, чем с неполивных лугов, земледелие в значительной мере было направлено на восполнение питания скота. Орошение здесь и сейчас применяется в основном в покосном хозяйстве и направлено на увеличение зимних кормов. Еще одним средством, улучшающим качество кормов, издревле являлось искусственное задернение почвы. При этом покровы на орошаемых лугах скрепляли почвенный слой, придавая ему прочность и способствуя скоплению гумуса [Гегешидзе, 1964, с. 3]. Исторически сложившееся соотношение ведущих отраслей экономики Сванетии сохранилось вплоть до сегодняшних дней. Однако специфика хозяйства Сванетии заключалась не только в этом: пищевой рацион сванов постоянно пополнялся за счет собирательства, охоты, рыболовства и бортничества, чему способствовали богатства лесов,

а также питательные и лечебные дикие фрукты и травы, разнообразный животный мир, наличие в реках рыбы [Чартолани, 1989, с. 169].

Черты своеобразия древних хозяйств улавливаются и по материалам других горных районов Кавказа. Расположенный на высоте 1500—2100 м н. у. м. исторический Ширак с возвышающейся вершиной Арагац составляет часть горного массива Кавказа [Физическая география Армянской ССР, 1971, с. 319]. Здесь, в северо-западной части Армении, доминирует огромная равнина (1500 км²), издревле служившая житницей страны. Согласно преданию, запечатленному армянским историком Мовсесом Хоренаци (V в.), плодородная ширакская равнина была передана одному из внуков праотца армян Гайка — прожорливому Шаре; в предании рассказывается о несметных богатствах ширакских амбаров [Хоренский, 1893, с. 21]. Для Ширака характерен степной ландшафт, переходящий на склонах Арагаца в сочные альпийские луга, плодородные черноземные почвы, благоприятный климат, наличие исходных форм растений. Таким образом, здесь были все условия для интенсивного развития земледелия. Проникновение сюда земледельческого населения, связанное с массовым расселением, фиксируется десятками поселений, появившихся здесь в середине III тыс. до н. э. [Хачатрян Т. С., 1975, с. 33; Бадалян, 1986]. Хозяйство их базировалось на искусственном орошении, следы которого открыты в горах Арагаца. Большое количество земледельческих поселений (находки серпов, зернотерок, терочников, пестов, атрибутов аграрных культов), крупный масштаб некоторых из них (Арич — около 12 га), указывающий на концентрацию значительных масс населения, находки моделей повозок и фигурок быков следует рассматривать как признаки практики пашенного земледелия. Судя по топографии поселений, они находились на разных расстояниях от земельных угодий. Аричские миниатюрные повозки трех типов указывают на развитую колесно-транспортную службу, связывавшую поселения с земледельческими участками.

В отличие от Ширака исторический Тавуш (Северо-Восточная Армения) представляет собой преимущественно горно-лесистую зону [Армянская ССР, 1955, с. 231]. Горы здесь сильно изрезаны ущельями и долинами. Примерно такой же ландшафт доминирует и в соседних районах, к сожалению, почти не изученных археологически. Климат полувлажный, благоприятный для жизни [Багдасарян, 1958, с. 131]. Половину земель покрывают буко-грабовые леса, достигающие до 2500 м н. у. м. Площадь, покрытая лесами, в юго-восточной части достигает 87%; около 30% занимают пастбища и сенокосы и лишь 12% здесь приходится на пахотные земли. Выше зоны лесов — обширные альпийские пастбища.

Сложность выявления археологических памятников здесь заключается в том, что большинство из них, особенно в горах, расположено в труднодоступных местах и скрыто лесами. Активное заселение края началось, как и в других горных районах Кавказа, с III тыс. до н. э., что документируется находками в отдельных пунктах (Редкин лагерь, Кирги, Ноемберян, Джуджеван, Айрум) различных предметов быта [Есаян, 1971; с. 17, 99]. Характер находок позволяет предположить, что исходной территорией пришедшего населения являлась Арагатская равнина и что приток его осуществлялся через присеванские и кироваканские районы. Поселения располагались на высоте 1500 м н. у. м., и лишь отдельные крепости, служившие для защиты скота на высокогорных пастбищах, находились на отметках 2000—2300 м н. у. м. Несмотря на слабую изученность поселений, занятия земледелием подтверждают находки вкладышей серпов, зернотерок, пестов,

терочников. Специфика и размеры земельных угодий края наложили отпечаток на характер древнего земледелия. Пашни сегодня здесь составляют лишь 12% всей площади. Очевидно, многовековой процесс уничтожения лесов вывел со временем из-под лесного покрова какую-то часть площади и в древности размеры пахотных угодий должны были быть еще меньше. Здесь доминировала подсечно-огневая система, требовавшая постоянных и больших трудозатрат. Для земледелия, как и сейчас, использовались главным образом опушки лесов. Естественно, что при такой нехватке земли доля местного хозяйства в обеспечении населения зерном, а скота кормами была незначительной. Вероятно, часть земледельческих продуктов поступала сюда (главным образом в обмен на скот) из соседних районов, что, кстати, наблюдается и поныне.

Пищевой рацион пополнялся также продуктами садоводства и собирательства. В период ранней бронзы уже были окультуриваны абрикос, виноградная лоза, каштан, а несколько позднее вишня и кизил [Чилингарян, 1970]. В лесах Северо-Восточной Армении произрастает много диких фруктовых деревьев, с которыми человек познакомился еще в древности; постепенно эти исходные формы были введены в культуру. На разведении садов в эпоху развитой бронзы указывают рощи одичавших плодовых деревьев (слива, миндаль, грецкий орех, персик, айва), раскинувшиеся близ многих циклопических крепостей [Есаян, 1976, с. 168]. Была ли часть этих крепостей основана уже в III тыс. до н. э. — покажут дальнейшие раскопки.

Второй ведущей отраслью хозяйства кавказского населения в этот период было скотоводство, следы которого в археологических памятниках менее ощутимы. Начиная с III тыс. до н. э. его масштабы значительно расширяются, что приводит к сложению новых специфических форм этой отрасли. Развитие скотоводства наложило яркий отпечаток на общественные отношения; как известно, в ряде областей оно стимулировало процесс классообразования [Пиотровский, 1970].

На южнокавказских поселениях V—IV тыс. до н. э. найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, овцы, свиньи и собаки; на двух из них (Техут, Аликемек-Тепеси) встречены кости прирученной лошади. В процентном отношении крупный рогатый скот имел значительный перевес над мелким, что вполне закономерно для ранних стадий производящего хозяйства. Тесно переплетаясь с земледелием, скотоводство в этот период носило придомный характер. Такая же форма хозяйства, судя по соотношению костей домашних животных, наблюдается в этот период в Причерноморье, на Северном Кавказе [Формозов, 1965, с. 90], а несколько раньше — в некоторых областях Европы [Кларк, 1953, с. 124; Бибилова, 1953]. В III тыс. до н. э. на многих земледельческих поселениях Южного Кавказа эта традиция удерживается. В связи с развитием пашенного земледелия и колесного транспорта роль крупного рогатого скота в хозяйстве возрастает. Бык становится предметом почитания, что подчеркивается повсеместными находками на поселениях его миниатюрных изображений. Преобладание крупного рогатого скота в стаде зафиксировано на таких поселениях, как Баба-Дервиш, Шенгавит, Коси-Чотер, Кюль-Тепе II. На стоянке Кулбакеби кости крупного рогатого скота составляли 80.89% [Джапаридзе О. М., 1961, с. 132], на поселениях юго-восточных склонов Малого Кавказа — 79% [Исмаилов, 1983, с. 21]. На Квацхеле преобладали кости овцы имеритинского типа [Цицишвили, 1965, с. 17]; непригодная к дальним перекочевкам, эта овца, так же как и крупный рогатый скот, выпасалась на близкие расстояния. Таким образом, и здесь сохранялась придомная форма скотоводства.

На поселениях предгорных и горных районов, куда из низинных районов на протяжении III тыс. до н. э. переместилось избыточное население, количество костей мелкого рогатого скота заметно увеличивается. Это свидетельствует о формировании, в связи с нехваткой кормовой базы, отгонной (яйлажной) формы скотоводства с перекочевками на летний период неприхотливых овец на обширные высокогорные пастбища [Пиотровский, 1949а, с. 40; 1955, с. 6; Бунятов, 1957а, с. 31]. Известно, что для скотоводства большие и необитаемые пространства являются главным условием. Высокогорная зона Большого и Малого Кавказа располагает богатейшими летними пастбищами. В Армении они достигают 600 тыс. га; из всех районов республики только три не имеют своих летних пастбищ. В Азербайджане их площадь 330 тыс. га, в Грузии — 200 тыс. га. Наибольшая же площадь зимних пастбищ находится на территории Азербайджана, наименьшая — в гористой Армении [Магакян и др., 1937, с. 8]. Размер прибавочного продукта, получаемого от яйлажного скотоводства, служил тем экономическим рычагом, который в III тыс. до н. э. на первый план выдвинул предгорные и горные скотоводческие районы региона; здесь обнаружены наиболее яркие памятники этого времени. Аналогичный процесс в этот период наблюдался в Малой Азии, где горные пастушеские племена, в силу тех же экономических причин, являлись наиболее яркими носителями и распространителями местной культуры [Mellaart, 1962, p. 41].

Отгонное скотоводство характерно для многих районов Кавказа и сегодня. Выявление глубокой древности его истоков делает методически оправданным для реконструкции особенностей скотоводства привлечение этнографического материала. В XIX в. отгонное скотоводство в разных частях региона было представлено разными подтипами, сформировавшимися в конкретных природно-хозяйственных и исторических условиях [Мкртумян, 1971, 1974; Шамиладзе, 1965, 1979; Рчеулишвили, 1957; Макалатия М. Н., 1975, и др.]. Отгон скота осуществлялся с базовых селений, на которых велось оседлое хозяйство. В горных условиях скотоводство характеризовалось вертикально-зональным размещением, т. е. максимальным использованием природно-хозяйственных особенностей. Наряду с «низменностью», где располагались основные земледельческие селения, использовались также подсобные летние, зимние и весенне-осенние базы. Яйлажным скотоводством (перегон скота из селений на летние пастбища и обратно, уход за скотом, доевание, изготовление мясо-молочных продуктов) занимались отдельные члены семей, тогда как основное население оставалось в селениях.

По-видимому, сложение оседлых форм скотоводства, в годовой цикл которых входило содержание скота в холодные месяцы на основных поселениях, начиная с III тыс. до н. э. являлось одной из причин разрастания последних. Теперь поселения достигают 4—6, а в отдельных случаях 12 га. Для зимнего содержания скота строятся специальные помещения, огораживаются большие площади, куда скот мог загоняться и в случае вражеской угрозы. В Ариче это были скорее всего большие постройки на третьей террасе; в Шенгавите — крупные (до 120 м²) помещения, как бы влитые в систему жилых комплексов; на Амиранис-Гора — «длинные дома»; последние отличались от жилых отсутствием очагов, хозяйственной утвари и наличием погребений младенцев под полами; предполагают, что похороненные без сопровождающего инвентаря дети приносились в жертву, способствовавшую увеличению поголовья скота. В центральной части того же поселения находилась незастроенная площадь, где могло поместиться крупное стадо. На поселении Тетри-Цкаро загон для скота был обнесен мощ-

ными каменными глыбами [Гобеджишвили, 1978, с. 114, табл. VIII]. Незастроенная площадь-загон находилась в циклопической крепости Шаглама II [Есаян, 1976, с. 19]. Аналогичная картина наблюдалась в северокавказском поселении Мешоко [Столяр, 1961, с. 96]. Свободной оставалась и центральная площадь Верхнегуниского поселения [Котович В. М., 1965, с. 96]. Такая планировка, предусматривающая периодическое содержание скота на поселениях, находит параллели в этнографических материалах [Брайант, 1953, с. 51, 63, 133].

Стационарные поселения скотоводов появляются и в высокогорье. Одно из них недавно открыто в Кельбаджарском районе [Исмаилов, 1983, с. 7, 23]; оно расположено на плато, окруженном глубокими ущельями. Здесь выявлены остатки круглого сооружения диаметром 22 м; его каменные стены имели толщину 2 м, а внутренняя часть — сложную планировку. Вокруг помещения расположены небольшие круглые строения — очевидно, жилища скотоводов. Наряду со стационарными поселениями, в высокогорье возникают временные стоянки; для некоторых используются природные ниши — скальные навесы (Чинна) [Атаев, Кушнарева, 1966], пещеры (Шаулевет, Чирката) [Исаков, 1961; Любин, 1966а]. На их функциональное назначение указывают этнографические примеры: в XIX в. население горных армянских сел, имевшее в пределах своих земель пещеры, использовало их для содержания овец и коз; днем их пасли на присельских пастбищах, а на ночь загоняли в пещеру, где было тепло и сухо. По утверждению информаторов, в историческом Вайоцдзоре есть пещеры, в которых помещалось до 500 голов овец [Мкртумян, 1974, с. 48].

О росте поголовья мелкого рогатого скота свидетельствуют также постоянно встречающиеся теперь глиняные фигурки баранов, которые на раннеземледельческих поселениях не найдены. Среди арических, амасийских и карнутских находок выделяются фигурки баранов с большими стилизованными рогами и надочажные подставки с такими же фигурками [Хачатрян Т. С., 1975, рис. 39—41; Бадалян, 1985], подчеркивающие большую роль овцеводства в Шираке. Можно предполагать, что они изображали самцов-производителей и являлись атрибутами культа плодородия. Их почитаемость, акцентированная крупными размерами фигурок и непомерно большими рогами, находит объяснение в этнографических материалах, указывающих на особое содержание самцов-производителей, от упитанности и силы которых зависело качество приплода [Мкртумян, 1974, с. 35]. Как символы скотоводческого хозяйства следует воспринимать уникальную фигурку пастуха с посохом и фигурку собаки из того же Арича. Необходимо содержания пастухов и собак в этнографической практике диктуется наличием достаточно крупного стада (на 500—600 голов крупного и мелкого рогатого скота приходилось обычно 1—2 пастуха и 5—6 собак) и практикой его выпаса вдаль от селений. Пастух в скотоводческом хозяйстве — важная фигура, от него зависит благополучие стада. Отношение к пастуху нашло яркое отражение в сказках многих кавказских народов, наделивших его чертами доброго героя [Гаглоева, 1963, с. 272]. Судя по арической находке, становление института пастушества восходит на Кавказе к III тыс. до н. э.

Состав прирученных животных в этот период расширяется. На некоторых поселениях (Илто, поселения Северо-Восточной Армении) практикуется свиноводство. В качестве вьючного животного начинает использоваться лошадь (Шенгавит, Элар, Дидубе, Квацхела, Кюль-Тепе и др.), которая осуществляет быструю связь поселений с летовками. Появляется домашний осел (Элар, Квацхела). На выносливость ослов в горных условиях указывают клинописные источники Каниша;

домашние ослы, участвовавшие в караванной торговле, проходили в день 35 км с грузом 75 кг [Вецрнов, 1972, р. 2]. О развитии колесного транспорта говорят арические модели повозок, навершие булавки из Сачхере с изображением бычьей упряжки [Джапаридзе О. М., 1955б, табл. XI], миниатюрные колесики, встречающиеся на всех поселениях, а позднее — погребальные колесницы. Колесный транспорт и вьючные животные обеспечивали связь поселений с кочевьями. Этнографически зафиксировано, что на летовки перевозилась утварь для ведения молочного хозяйства, постельные принадлежности, запасы продовольствия, а в безлесные районы — строительные материалы для сооружения летних построек. Скот проходил по магистральным скотопергонным маршрутам [Чартолани, 1989, с. 145]. Там, где дороги были подходящие для колесного транспорта («дороги арбы» — арм.), широко использовались двухколесные и четырехколесные повозки. Судя по моделям из Арича трех функционально различных типов повозок, колесно-транспортная служба в III тыс. до н. э. уже была достаточно развита.

Скотоводческий уклад хозяйства с постоянной переработкой мясных и молочных продуктов предопределял появление новых форм материальной культуры. О большом значении у скотоводов Кавказа молочного хозяйства рассказывает этнография [Бунятов, 1957б; Хачатрян Т. С., 1963]. Переработка молочных продуктов велась как в поселениях, так и на летовках и требовала специального оборудования, в частности определенного набора посуды. Все это весной на арбах транспортировали на пастбища, а осенью перевозили обратно. Занимались молочным хозяйством женщины [Народы Кавказа, 1962, с. 470]. Появившиеся на поселениях III тыс. до н. э. новые формы посуды (широкогорлые и узкогорлые горшки, сосуды баночной формы, двуручные сосуды) служили для доения, розлива и хранения молока. На поселениях (Шенгавит, Гарни, Элар, Баба-Дервиш, Ахыллар, Квацхела) найдены фрагменты маслоек; как известно, их появление связывалось с поздней бронзой [Бунятов, 1957б, с. 116]. Для изготовления сыра служили сосуды с отверстиями — цедилки (Дидубе, Квацхела), встречающиеся также на поселениях Северного Кавказа (Мешоко, Скала, Ясенова Поляна). Столь раннее появление маслоек и продуктов молочного хозяйства зафиксировано и лингвистическими данными; так, термины «маслобойка», «масло», «сыр», «сыворожка» в языках кавказских народов (дагестанских, азербайджанском, осетинском, талышском, татском) восходят (если полагать, что носители куро-аракской культуры принадлежали древнекавказской языковой общности) ко времени не позднее III тыс. до н. э. [Бокарев, 1961, с. 5; Нариманов, 1973]. Любопытно также появление сосудов с несколькими ушками, очевидно, для подвешивания при перекочевках.

Установление многообразия древних типов скотоводства на Кавказе — задача, которая будет решаться по мере накопления материалов. Мы коснемся лишь тех, которые были характерны для рассматриваемых (в связи с развитием земледелия) четырех горнохозяйственных областей — Дагестана, Сванетии, Северо-Западной и Северо-Восточной Армении. Вместе с земледелием и другими производствами они дают картину различных типов многоотраслевого хозяйства, зародившихся в III тыс. до н. э. и в ряде случаев доживающих до этнографической действительности. Так, судя по костным остаткам на поселениях, состав стада в горном Дагестане в этот период остается прежним; появилась лишь тенденция к увеличению поголовья крупного рогатого скота. На поселениях Верхний Гуниб, Ирганай и Сигитма соотношение крупного и мелкого рогатого скота выражается в цифрах 1:3, 1:1.5,

1:2.7. Здесь, по-видимому, была горно-стационарная форма скотоводства с сезонным отгоном скота; в зимнее время скот содержался на южных склонах, вблизи постоянных поселений, летом же — на близлежащих альпийских пастбищах; в отличие от яйлажного скотоводства, перегон скота здесь осуществлялся в пределах небольших территорий. Выгодное положение в этом плане занимало Верхнегунибское поселение; оно расположено на границе лесной и субальпийской зон, что давало возможность выпасать скот на сочных травах с весны до глубокой осени, а на зиму запастись кормом в виде листьев, ветвей деревьев и кустарников [Котович В. М., 1965, с. 220]. В эпоху бронзы в предгорьях и горах Дагестана в среднем на голову крупного рогатого скота приходилось 1.6—2.5 голов мелкого [Круглов, 1958, с. 36]. В овцеводческом же хозяйстве Дагестана XIX — начала XX в. на 1 голову крупного рогатого скота приходилось 5.7—5.8 голов мелкого [Хашаев, 1959, с. 53]; мясная продуктивность 1 головы крупного рогатого скота соответствует продуктивности 4 голов мелкого; следовательно, соотношение 1:1.6 и 1:2.5—3, характерное для памятников эпохи бронзы Дагестана, указывает на ведущую роль крупного рогатого скота.

Горно-стационарный тип, являющийся и сейчас ведущим в ряде районов Дагестана, сформировался на базе богатых зональных кормовых ресурсов: для предгорий характерны буково-грабовые леса остростепной и лесостепной растительностью, для горных вершин — альпийская, субальпийская и горно-степная растительность; ниже вершин располагались сосновые и лиственные леса, еще ниже — древесные и кустарниковые заросли [Шифферс, 1960, с. 183]. Вместе с тем в дагестанском приморье, где всегда была нехватка кормов, в этот период проявлялась тенденция преобладания мелкого рогатого скота; на Джемикентском поселении, в частности, кости мелкого рогатого скота составляли 78% [Круглов, 1958, с. 36]. Жители низинных районов Дагестана практиковали отгонную форму скотоводства.

Скотоводство было ведущей отраслью хозяйства в горной Сванетии. Здесь разводили крупный рогатый скот, овец, коз и свиней, а к концу периода — лошадей [Чартолани, 1974, с. 21; 1989, с. 147]. Земледелие края было направлено главным образом на обеспечение кормами скота, т. е. носило преимущественно покосный характер. Это было развитое пастушеское животноводство альпийского типа с сезонными перемещениями стад в одном регионе по вертикально-зональному принципу. В остальное время года скот находился на стойловом содержании.

Различные традиционные типы скотоводческого хозяйства прослеживаются по этнографическим материалам Армении. Развитие скотоводства в условиях Северо-Западной Армении (Ширак и Арагоцотн) стимулировалось двумя предпосылками — наличием на горных склонах Арагаца альпийских и субальпийских пастбищ и высоким уровнем земледелия, позволяющим обеспечивать стада кормами в зимний период. Логично думать, что в Шираке — стране древнего орошаемого земледелия, так же, как, скажем, в Сванетии, издревле развивалось покосное хозяйство; без него разведение многочисленных стад, о которых, в частности, упоминают урартские надписи, было бы невозможно. Одна из надписей царя Аргишти I гласит, что из страны Эриахи и прилегающих территорий было угнано «1104 коня, 35 015 голов крупного и 100...1829 голов мелкого рогатого скота» [Меликишвили, 1960, с. 212]. В двух надписях Сардури II, после походов в страну Эриахи, приведены следующие цифры: 412 и 1613 коней, 6665 и 16 529 голов крупного рогатого скота, 25 375 и 37 685 голов мелкого рогатого скота [Там же, с. 277, 284]. По подсчетам Б. Б. Пиотровского [1959], в итоге

всех походов Сардури II из Эриахи было угнано около 110 000 крупного и 200 000 мелкого рогатого скота.

Этнографами зафиксировано здесь два издревле сложившихся типа скотоводства. В селениях, располагавшихся в альпийской и субальпийской зонах (1800—2100 м н. у. м.), также как в высокогорье Дагестана, складывалось оседлое скотоводческое хозяйство горного типа [Мкртумян, 1974, с. 29], характерной чертой которого было длительное (5—6 мес.) содержание скота на поселениях. Корма в этих районах заготавливались преимущественно с изобилующих сочными травами лугов. Дополнительные корма получали из сеяных трав, а также из отходов зерновых и огородных культур. Традиционным типом зимовников здесь являлись постройки, как бы влитые в жилые комплексы, что позволяло в суровые зимние месяцы ухаживать за скотом не выходя из дома. Аналогичное явление наблюдалось у осетин и у других горских народов [Вардумян, 1960, с. 34; Гаглюева, 1963, с. 273].

К сожалению, высокогорные зоны Ширака и Арагоцотна археологически не обследованы, что лишает возможности сопоставления этнографических данных с древними поселениями. В XIX в. здесь на летовках строились прочные жилые и хозяйственные помещения, варьировавшие в зависимости от местного строительного материала. Они, как правило, повторяли комплексы своих «метрополий». Так, жители безлесной части Ширака, где традиция каменной архитектуры восходит к III тыс. до н. э., вплоть до XIX в. строили на арагацких летовках жилые и хозяйственные помещения из камня.

В районах Ширака, расположенных на более низких отметках (примерно 1500 м н. у. м.), где безлесные пространства были отведены под пашни и сенокосы, скотоводство носило не менее интенсивный характер; в этой зоне расположена большая часть исследованных поселений III тыс. до н. э. Отсутствие обильной кормовой базы издревле способствовало сложению здесь отгонного скотоводства, характерного и для других исторических районов Армении (Сюник, Арцах, Лори, Тавуш, Вайоцзор) [Мкртумян, 1971, 1974]. Отгонное скотоводство вообще было наиболее характерной отраслью комплексного хозяйства армян; в районах, где оно практиковалось, преобладал мелкий рогатый скот. Вероятно, древнее население Ширака, широко расселившееся в III тыс. до н. э. в зоне предгорий, где, судя по этнографическим данным, издревле складывалась отгонная форма скотоводства, хорошо уже знало пути к альпийским кочевьям.

Еще один тип отгонного скотоводства сложился в той части Ширака, которая примыкает к горной системе Арагац. По окончании зимнего стойлового содержания крупный рогатый скот выпасали поблизости от сел, а мелкий перегоняли на ранневесенние пастбища Арагатской равнины. В мае-июне крупный и мелкий рогатый скот перекочевывал на арагацкие горные пастбища и оставался там на три летних месяца. Для скотоводов Ширака это было сравнительно небольшим расстоянием, тогда как в других районах скот перегонялся на многие десятки километров.

Таким образом, в Северо-Западной Армении, лежащей на высотных отметках 1500—2100 м н. у. м., издревле складывался тип комплексного оседлого хозяйства, основанного на интенсивном земледелии и разных типах скотоводства: последнее в высокогорных районах имело стационарную форму, а в предгорных и горных — отгонную.

Скотоводство в северо-восточных и восточных областях Армении (Сюник, Арцах, Лори, Тавуш, Вайоцзор) было ведущим в хозяйстве, начиная с периода освоения этой гористой области носителями куро-аракской культуры. Оно базировалось на природных особенностях края

с его прекрасными альпийскими пастбищами, лесными полянами и опушками. На памятниках обнаружены кости домашних животных (крупный рогатый скот, овца, коза, свинья, осел); почти все кости принадлежат молодым особям, шедшим в первую очередь в пищу. Судя по обуглившимся костям лошади из крепости Шаглама II, в пищу употреблялась и конина; для более позднего времени это явление зафиксировано по остаткам тризны в кургане Кирги и по находкам в доурартском поселении Тейшебаини [Мартirosян, 1961, с. 68]. Восстанавливаемая малорослая порода лошади идентична известной из памятников III тыс. до н. э. Ширака (Арич) и Севанского бассейна (Лчашен), что указывает на однотипность лошадей, разводимых жителями Армянского нагорья [Межлумян, 1972, с. 12]. В стаде преобладал крупный рогатый скот; разводили две его породы — крупную и мелкую [Там же]. Быки служили тягловой силой; в хозяйстве использовался буйвол [Есаян, 1976, с. 172]. Население занималось также овцеводством и козоводством, дававшим молочную пищу и прекрасный материал для пряжи. Важное значение козоводства отразилось в древних обрядах: в Поплосской крепости, например, рядом с культовым очагом найдены кости семи особей коз; все они оказались от правой части туш, которая, судя по пережиточному материалу, являлась жертвенной пищей. Параллельно развивалось свиноводство, которое и сейчас играет существенную роль в хозяйстве края; дубовые массивы служили и служат прекрасной кормовой базой для воспроизводства этих животных.

Сложению конкретных типов скотоводства в этой части Армении способствовали сравнительно мягкий климат и наличие альпийских пастбищ, расположенных выше 2000 м, где кончаются лесные зоны; горные пастбища составляют 21% территории Тавуша и Сюника. Как и в Северо-Западной Армении, здесь в III тыс. до н. э. складывалась отгонная форма скотоводства. В пределах высокогорных пастбищ открыты циклопические крепости. Крепость Хортамбоц (2500 м н. у. м.) представляла собой огороженное циклопической стеной пространство, в центре которого, на самом высоком месте, находилось единственное каменное помещение — святилище [Есаян, 1976, с. 38]. Отсутствие в нем находок дает основание считать, что обряды здесь совершались летом, когда скотоводы поднимались на кочевья; тогда же, очевидно, в святилище доставлялся необходимый реквизит. Остальная площадь крепости, судя по отсутствию следов постоянных построек, скорее всего была занята легкими постройками, в которых в летнее время обитали кочевники. Холодные месяцы долгой зимы и полное отсутствие топлива исключало возможность зимовки на этих высотах. В зоне альпийских лугов обосновалась крепость Барцра-Берд [Там же]. Показательно ее расположение на стыке традиционных дорог, ведущих из селений Ачаджур, Сев-Кар и Саригюх на летние пастбища. В центре крепости сохранились каменные фундаменты построек, служивших домами скотоводов в летнее время. Крепости Хортамбоц и Барцра-Берд датируются первой половиной I тыс. до н. э. Однако есть свидетельства и более раннего освоения высокогорий края. На территории древней крепости с. Орджоникидзе, недалеко от крепости Хортамбоц, обнаружены фрагменты сосудов конца III тыс. до н. э. [Там же, с. 36]. По-видимому, часть этой территории уже тогда была освоена под летовки, что указывает на практику в этот период отгонного скотоводства.

В северо-восточных и восточных районах Армении издревле складывался еще один тип отгонного скотоводства, особенностями которого диктовались наличием крупных лесных массивов. В отличие от других районов, где скотские зимники и жилые помещения были слиты в еди-

ные комплексы, здесь в большинстве случаев они выносились за пределы поселений и строились в 3—10 км от них на хорошо обогреваемых лесных полянах или склонах гор [Мкртумян, 1974, с. 47]. Зимники предназначались для содержания свиней, крупного и мелкого рогатого скота, который в течение холодных месяцев питался заготовленными кормами; лишь в теплые солнечные дни скот частично переводили на подножный корм. Для его укрытия использовались также пещеры. Этот тип хозяйства оформился вследствие господства здесь мягкой зимы, при которой переход из жилых помещений в скотские не вызывал затруднений. Лишь в трудные годы зимней бескормицы население перегоняло скот в низинные районы. На то, что эта традиция имела глубокие исторические корни, указывает, в частности, свидетельствование армянского историка X в. Мовсеса Каланкатуаци [1984, с. 102], согласно которому на берегу Аракса паслись пригнанные сюда на зимний корм стада из Араратской равнины и из страны Сюниев (Сюник).

С наступлением весны, по мере исчезновения снегового покрова, ареал выпаса скота расширялся. В мае же начинался пастбищный сезон в горах, куда по «малым», «средним» и «магистральным» маршрутам поднимался на летние месяцы скот. На кочевья тянулись арбы. Выючными животными служили лошади, ослы, мулы, а в отдельных случаях — буйволы и даже коровы; в селениях оставался лишь рабочий скот. Летовки устраивались в теплых, защищенных от ветра местах. Прототипами жилых и хозяйственных помещений на летовках, так же как и в других районах Кавказа, служили комплексы, возводившиеся на основных поселениях. Если жители безлесных нагорных районов (часть Ширака, Гехаркуник) возводили на летовках прочные каменные постройки, то в областях Тавуш, Арцах, Лори, Сюник, где массивы лесов подходили непосредственно к пастбищам, при строительстве летних помещений использовали исключительно дерево. Ничем иным, как существованием некогда истлевших со временем деревянных построек, следует объяснить «пустоту» внутри высокогорной крепости Хортамбоц. Таким образом, в северо-восточных и восточных районах Армении издревле складывалось специфическое комплексное хозяйство, в котором ведущую роль играло скотоводство. Высокогорные пастбища способствовали сложению отгонной формы, первые признаки которой фиксируются здесь, как и в других районах Кавказа, уже в III тыс. до н. э.

Там, где существовали благоприятные условия, земледельческо-скотоводческое население продолжало заниматься собирательством и охотой. Собирательство и сейчас является подспорным промыслом в Северо-Восточной Армении. Информаторы перечисляют более 50 видов диких съедобных растений, которые до сих пор в сыром, вареном и соленом виде пополняют рацион населения; удельный вес этой отрасли хозяйства в древности должен был быть еще более весомым. В лесах края и сейчас обитают кабаны, косули, лисицы, медведи, куницы, барсуки. Занятие охотой в эпоху ранней бронзы документируется костями косули, кабана, зайца и оленя на поселениях Джагацатех и Шаглама II. Судя по находкам фигурки медведя в Поплозгашской крепости [Есаян, 1976, табл. 22, 2], у населения края отправлялись охотничьи культы.

В горной зоне Дагестана на десятки километров простираются леса с дикими плодовыми деревьями. Охотились здесь в древности на оленей, диких коз и баранов. Динамика удельного веса охоты прослеживается по находкам костей диких животных на поселении Гинчи: в нижнем слое они составляли 50% всех костных остатков, в верх-

нем — 30%. В Верхнесигитминском поселении кости диких животных составляли 36.2%, в Нижнесигитминском — 24.7%. Подсчитано, что на протяжении эпохи бронзы количество костей диких животных на поселениях уменьшается на 10—15% [Золотов, 1962, с. 77], что свидетельствует о сокращении удельного веса охоты.

Охота издревле являлась промысловым занятием сванов и рачинцев. Самое древнее охотничье оружие Сванетии (топоры, кинжалы, наконечники стрел) восходит к эпохе бронзы. Любопытна находка бронзового наконечника ледоруба — вспомогательного орудия для передвижения в снежных и ледяных горах, служившее одновременно охотничьим оружием [Чартолани, 1974, с. 23]. Большое значение охоты у горцев, сохранивших до наших дней архаический пласт фольклора, отложилось в народной памяти, героическом эпосе, обрядах [Вирсаладзе, 1964, с. 7; 1976].

По мере развития общества все большее значение приобретали различные производства, лежавшие вне сферы добычи и производства продуктов питания: это разнообразие промыслов и ремесла, эволюция которых на кавказских материалах периода ранней бронзы прослеживается достаточно четко. Домашние промыслы в этот период совершенствуются. Наряду с ними появляются специализированные производства, требующие участия мастеров-профессионалов. В кавказском археологическом материале наибольшее отражение получили металлургия и гончарное дело, которые на этом этапе развития существовали в рамках так называемого общинного ремесла.

Как было показано выше, энеолитические общины Кавказа уже обладали рядом сложных навыков металлургического производства. Судя по отдельным предметам, в которых мышьяк составлял примесь до 4.6% металла, можно заключить, что на рубеже V—IV тыс. до н. э. мастера умели не только отливать изделия, но в редких случаях получать искусственные сплавы [Геворкян, 1980, с. 37; Нариманов, Джафаров, 1988, с. 22]. Эти предметы документируют скорее всего второй этап местной металлообработки; первый — использование самородной меди и холоднойковки — остался позади. К середине IV тыс. до н. э. на Южном Кавказе были созданы все культурно-исторические предпосылки для бурного расцвета местного металлопроизводства. Одним из важнейших факторов при этом являлись импульсы, поступающие с юга, где эта отрасль производства имеет более древние исторические корни. Уровень металлопроизводства, документирующийся множеством находок из различных памятников КУАК, свидетельствует о том, что к этому времени население полностью овладело «сознательной» металлургией — этим кульминационным моментом ряда открытий, а именно: 1) что чистая медь поддается ковке, 2) накаливание уничтожает эту способность, 3) медь плавится и может быть отлита в формах, 4) металл можно получать из окисленных руд путем нагревания с углем, т. е. путем выплавки [Чайлд, 1957, с. 63]. Металлурги в этот период уже использовали искусственные сплавы, среди которых предпочтение отдавалось медно-мышьяковистым соединениям.

Кавказский металлургический очаг, являвшийся на протяжении III—II тыс. до н. э. одним из центров так называемой циркумпонтийской металлургической провинции [Черных, 1988], развивался исключительно на местной сырьевой базе. По данным 1917 г., которые А. А. Иессен [1935, с. 32] считал уже достаточно устаревшими, на Кавказе зарегистрировано 401 месторождение меди, из них 300 локализуется в Закавказье. За прошедшие десятилетия совместных целенаправленных исследований геологов, металлургов, химиков и археологов открыто много новых горнорудных месторождений. Судя по химиче-

скому составу металла, в III тыс. до н. э. использовались карбонатные и окисленные поверхностные полиметаллические медные руды [Тавадзе и др., 1987]. Они легко восстанавливаются и плавятся при температуре 800—900 °С. Однако вопрос о том, какие из месторождений эксплуатировались в древности, будет проясняться лишь по мере их комплексного изучения. Так, ни в одном из исследованных мощных месторождений Западного Кавказа пока не обнаружены следы работ III тыс. до н. э.; древнейшие из них (Абхазия, Сванетия, Горная Рача) начали эксплуатироваться в самом конце III—II тыс. до н. э. [Муджири и др., 1987; Гобеджишвили Г. Г. и др., 1988; Муджири, 1988]. Из 17 обследованных месторождений Армении 8 (Анкадзорское, Антоновское, Каджаранское и др.) по характеру оруднения и залегания рудных тел предположительно могли использоваться в эпоху ранней бронзы [Геворьян, 1980, с. 21].

Завершение процесса выделения металлургии в самостоятельную отрасль производства, обслуживающуюся специалистами, пошло в Закавказье быстрыми темпами, в результате чего уже в первой половине III тыс. до н. э., по-видимому, произошло разделение на добывающую и обрабатывающую ветви. Это подтверждается некоторыми археологическими фактами. В ряде пунктов (Брдазор, Алаверди, Леникан, Симониант-Хеви, Дманиси), тяготеющих к меднорудным районам, обнаружены комбинированные орудия (клевцы) — топор с длинным «клювом», применявшиеся, по единодушному мнению специалистов, для добычи руды [Коридзе, 1958, с. 137]. Вместе с тем остатки литейного дела на ряде поселений, находившихся вне металлогенных районов, указывают на то, что кузнецы и литейщики работали вдали от месторождений; очевидно, доставке сырья не препятствовали большие расстояния. Так, в первом строительном горизонте Амиранис-Гора обнаружены остатки металлургической мастерской с каменной сводчатой плавильной печью и мелкотолченым техническим углем (рис. 19, 20); с помощью угля в печи достигалась высокая температура. На полу стоял крупный сосуд с запасом такого же угля и лежало сопло [Чубинишвили, 1971, с. 57]. Иного характера горны обнаружены на поселении Баба-Дервиш II; здесь, на краю поселения, вблизи друг от друга находились три овальные ямы, являвшиеся нижними частями сводчатых плавильных печей. Наличие в двух из них канавок-отверстий говорит о применении техники дутья, что подтверждается также находкой на поселении глиняного сопла [Махмудов и др., 1968, с. 17]. Наконец, еще одна мастерская с плавильной печью, тиглями, кусками шлака и литейными формами обнаружена на поселении Гарни [Ханзадян, 1969].

Горны с поддувом функционировали на многих поселениях куро-аракской культуры; сопла найдены на Хизанаант-Гора, Мишарчай I, Геой-Тепе К, Яник-Тепе и др. [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, рис. 40, 11, 12]. В результате плавки образовывались отходы в виде шлаков (Хизанаант-Гора, Гарни, Баба-Дервиш), остатки металла на стенках сосудов (Хизанаант-Гора, Кюль-Тепе II). Процесс разлива жидкого металла документируется льячиками из огнеупорной глины (рис. 31, 17) (Хизанаант-Гора, Кюль-Тепе II). Расплавленный металл поступал в глиняные формы для болванок (6—8, 13, 16) (Кюль-Тепе II, Баба-Дервиш, Геой-Тепе К, Амиранис-Гора), в которых иногда отливались специальные бруски-заготовки (14, 15) (Игдыр, Гудабердка). Наконец, свидетельством выпуска серийной продукции являются глиняные и каменные формы для отливки различного рода топоров (3—5, 9) (Шенгавит, Квацхела, Кюль-Тепе II, Гарни, Галгалатли), серповидного орудия (Арич); документирует ее также находка отлитого, но неотко-

ванного серпа из Хизанаант-Гора (рис. 29, 31) и тесла с дефектами литья из Галгалатли. Судя по находкам изящных изделий уже использовалось литье по восковой модели.

Таким образом, литейное производство, выпускающее серийную продукцию, стало уже явлением повсеместным [Тавадзе и др., 1987; Абесадзе, Бахтадзе, 1987]. Часть находок четко увязывается с нижними горизонтами поселений и показывает тем самым прогресс производства уже на раннем этапе развития культуры. Это были маленькие мастерские, обычно на окраинах поселений, в которых работали кузнецы-литейщики; на первых порах здесь работали специалисты из числа общинников, обслуживавших свою общину. Сравнительно небольшой еще масштаб производства в целом, а также повторяемость выпускаемых разными мастерскими предметов указывают как будто на отсутствие еще специализации отдельных мастерских на определенной категории изделий (которые могли предназначаться для обмена). К концу III тыс. до н. э. намечаются первые центры металлообработки, проявляющие тенденцию к специализации на конкретных изделиях. Так, в частности, мастерские Сачхерского района начали выпускать специфические изогнутые узколезвийные топоры (рис. 28, 8, 10, 14—15), булавки с проволочной обмоткой и молоточковидной головкой (рис. 30, 9, 10, 12—15, 21) [Абесадзе, 1969, с. 132].

Открытие сложного процесса литья, которое произошло скорее всего в каком-то одном месте Старого Света,¹ привело к ряду кардинальных сдвигов в производительных силах общества. По сравнению с холодной ковкой — этого первичного метода обработки металла — открытие литья и всех преимуществ искусственных (в частности, медно-мышьяковистых) сплавов означало гигантский скачок. Помимо остатков литейного дела развитие металлообработки документируется массовой продукцией — различными категориями изделий, изготовленных в подавляющем большинстве из мышьяковистой меди (мышьяковистой бронзы), а также золота, серебра, свинца.

Если учесть, что сегодня мы располагаем химическими анализами свыше 500 предметов, найденных на территории Армянского нагорья и центральной части Южного Кавказа [Абесадзе, 1969, табл. I—VI, VII; Кушнарева, Чубинишвили, 1970, табл. I—IV; Геворьян, 1980, прил. I, табл. I—IV; прил. II, табл. I—IV], то станет очевидным, каких успехов достигла в этот период местная металлургия. В отличие от единичных поделок предшествующего периода, теперь выпускаются серии орудий труда, оружия, украшений. Это топоры различных типов, кинжальные клинки, наконечники копий, клеветы, тесла, штыковидные орудия, серпы, проколки, шилья, булавки, браслеты, диадемы, височные кольца, подвески (рис. 28—30);² металлические изделия внедряются во все сферы жизни населения. Такое положение вещей особенно наглядно демонстрируют огромные достижения кавказской археологии; напомним, что Б. А. Куфтин в свое время писал о куро-аракской культуре как о культуре с «поразительно бедным некерамическим инвентарем». Подавляющая часть изделий сделана из мышьяковистой бронзы, по поводу происхождения которой идут споры. Есть точка зрения, что мышьяк в них является естественной примесью [Абесадзе, 1969, с. 135; Абесадзе, Бахтадзе, 1987]; она основана на анализах преимущественно грузинских изделий, в которых процент мышьяка

¹ По Г. Чайлду [1957, с. 64] — в области восточнее Евфрата, по А. Лукасу [1958, с. 335] — в Египте.

² Типологический анализ всех категорий изделий см.: [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 112—136, рис. 41—43]. Весьма ценные сведения по металлопроизводству читатель найдет также в монографии Р. М. Мунчаева [1975, с. 391—408].

колеблется в пределах 2—5%. Однако в той же Грузии, в предметах из Квацхелы, Хизанаант-Гора, Дзагина, Сачхере, имеются изделия, где мышьяк составляет 7.82—22.7%; это подкрепляет другую точку зрения, согласно которой мышьяк вводился в основу преднамеренно [Селимханов, 1960, с. 157; 1965, с. 139; Черных, 1966, с. 139; Кашкай, Селимханов, 1973, с. 70]. В свое время и мы присоединились к этой точке зрения [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 120].

О высоком уровне металлопроизводства у носителей куро-аракской культуры говорят спектральные анализы; они выявили химико-металлургические характеристики металла и дали возможность проследить их взаимосвязь с аналогичными данными соседних территорий, установить их сходство и различия, наметить пути следования металлургического сырья в рамках рассматриваемой культуры. Установлено, что 90% изделий из памятников Армении изготовлены из мышьяковистой меди и лишь единичные предметы сделаны из «чистой» меди, оловянистой, мышьяково-оловянистой бронзы и сплава меди с серебром [Геворкян, 1980, с. 47]. Сравнение состава металла изделий с медно-рудными месторождениями указывает на использование преимущественно местных низконикелистых руд (70%). Высоконикелистые руды (30%) добыты скорее всего в источниках на правом берегу Аракса. Особенностью изделий Армянского нагорья является химическая разнородность, наблюдающаяся в пределах одних и тех же комплексов; это объясняется большим количеством месторождений, что позволяло металлургам одного поселения пользоваться ими одновременно. Перемешиванию различных геохимических групп способствовала также постоянная переплавка старых изделий. Изделия из Грузии имеют примерно ту же химико-металлургическую характеристику — 73% из Центральной Грузии изготовлены из низконикелистых соединений и лишь 28% включают высокое содержание никеля [Абесадзе, 1969, табл. I—VI]. Это указывает на использование племенами обоих регионов одних и тех же либо близких по составу месторождений. Несколько изолированное положение занимают западногрузинские изделия, представленные большой серией находок из могильника Сачхере [Там же, табл. III—V, № 76—117]. Они изготовлены из мышьяковистой бронзы с повышенным содержанием сурьмы; при этом и здесь использовались низконикелистые руды. Судя по исходному материалу, металлурги бассейна р. Риони эксплуатировали несколько родственных геохимических месторождений.

Изделия из памятников западной части Армянского нагорья по составу более разнообразны: мышьяковистая (47%), оловянистая (50%), мышьяково-оловянистая, оловянисто-свинцовая, мышьяково-свинцовая, свинцово-сурьмяная бронзы, многокомпонентные сплавы, чистая медь [Esin Ufuk, 1969]. Из всех проанализированных предметов 68% приходится на несколько низконикелистых групп; на отдельных памятниках эти группы распределяются неравномерно, что указывает на использование различных по составу месторождений.

Таким образом, на территории Армянского нагорья и Центрального Закавказья в III тыс. до н. э. бытовали преимущественно изделия из мышьяковистой бронзы. Их ареал был значительно шире и охватывал пространства всей циркумпонтийской провинции [Черных, 1978]. Изделия из оловянистой бронзы были распространены более локально: в период ранней бронзы эти сплавы использовались на территории Малой Азии, с конца же III тыс. до н. э. они бытуют и на всем Армянском нагорье. Остальные типы сплавов на территории распространения куро-аракской культуры носят эпизодический характер. Однако

их появление свидетельствует о начале применения новых составов с целью создания многокомпонентных сплавов, ярко характеризующих последующий период.

Об уровне металлопроизводства говорит также некоторая взаимосвязь между функциональным назначением изделий и их химическим составом. Древние металлурги, освоив процессы совместной плавки медных и мышьяковистых руд, а также изучив высокие литейные качества получаемого в результате металла (легкоплавкость, способность легко заполнять форму, твердость, ковкость и др.), умели добиваться нужного для изготовления того или иного предмета состава. Так, украшения и те изделия, которые после отливки в формах не требовали дополнительной проковки, чаще всего содержали повышенный процент мышьяка (от 6—7 до 22.7%); такой металл имеет хрупкость, зато приобретает хорошие литейные свойства и не требует нагрева выше 400°C. Вместе с тем металл таких украшений, как булавки с обмоткой из проволоки (Сачхере), требующие при изготовлении горячей прокатки, содержит малый процент мышьяка. Малый процент мышьяка содержат также те изделия, которые требуют после отливки холодной или горячей проковки. Это, в частности, использовавшиеся в рудном деле «клевы», которые не должны были быть ломкими [Абесадзе и др., 1958, с. 26; Корневский, 1978, с. 41]. Умение подобрать рецепт сплава для изделий конкретного назначения указывает на высокий эмпирический уровень знаний кавказских металлургов.

Одно из свойств металлических изделий — их относительная стабильность в течение длительного времени; это особенно касается продукции раннего металлопроизводства. Поэтому попытка хронологического членения металлических изделий КУАК, как, скажем, это сделано нами с керамикой [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 136], лишена оснований. Опираясь на данные стратиграфии поселений, можно приблизительно говорить лишь о двух этапах металлообработки; в пределах каждого из них выпускался однотипный набор изделий. Для первого характерны архаичные клиновидные проушные топоры, широкие топоры-тесла, копья с насадом, «штыки», плоские кинжальные клинки с черенком, широколезвийные серпы, булавки с круглым навершием и двумя волютами. Для второго — изогнутые трубчато-вислобушные топоры, копья с насадом, штыки, узколезвийные серпы, кинжалы с узорчатой рукояткой, отлитые по восковой модели, булавки с молоточковидной головкой, булавки с петлевидной головкой и проволочной обмоткой. Таким образом, уже на первом этапе определяющим было повсеместно налаженное литейное дело — главное достижение «рудного периода», при котором мастера широко используют: 1) руду, 2) топливо и огонь, 3) дополнительную подачу воздуха, 4) различные инструменты, печи, тигли [Forbes, 1950, с. 24]. Металлургия Кавказа периода ранней бронзы значительно расширяет и обогащает эту характеристику. Ее надо воспринимать как единое культурно-историческое достижение в рамках второй половины IV — конца III тыс. до н. э. Поэтому, если исходить из уровня металлургического производства, попытки членения КУАК на период энеолита и ранней бронзы сегодня как будто не имеют под собой серьезной почвы. Кавказские металлурги на протяжении всего времени бытования КУАК владели выплавкой металла из руды, совместной плавкой различных металлов с достижением нужных рецептов сплавов, отливкой в каменных и глиняных формах, холодной и горячей ковкой, кузнечной сваркой; на втором этапе они овладевают изготовлением проволоки с помощью волочения и отливкой изделий по восковой модели. Таким образом, в этот период были освоены многие сложные процессы металлургического

производства, ставшие характерными для эпохи бронзы в целом. Этот высокий уровень металлургии является, по выражению Чайлда [1957, с. 3], «наиболее абстрактной и охватывающей наибольший круг вопросов наукой». В социальном плане на протяжении рассмотренного тысячелетия, по-видимому, происходит процесс перерастания так называемого общинного ремесла в массовое производство, работающее на рынок.

Кардинальные сдвиги наблюдаются и в области других производств. Размах гончарного дела документируют бесчисленные находки высококачественной посуды, которая является конкретным выражением новой ступени развития производства, его технических достижений, эстетических требований и вкусов; период бытования груболепных слабообожженных сосудов, изготовление которых осуществлялось в рамках домашнего хозяйства, остался далеко позади.

К сожалению, до сих пор остаются неисследованными гончарные мастерские, что затрудняет выявление их локализации, масштабов, технического оснащения и др. Единственная мастерская с круглой сводчатой одноярусной печью обнаружена на окраине Великента [Котович В. Г., 1959, с. 123; Мунчаев, 1975, с. 369].

Разнообразие посуды и ее эстетические свойства говорят о бытовании в этот период множества гончарных мастерских с техническим оснащением, обеспечивавшим такие процессы, как замес глины по специальным рецептам, серийное изготовление разнообразной по форме посуды (часть из которой сделана на гончарном круге), украшение ее различными способами с помощью предварительной разметки поверхности, обжиг с последующим «томлением» или «задымлением» с целью получения поверхности темных оттенков, лощение, доведенное до «металлического» блеска [Чубинишвили, 1971, с. 40, 44; Арешян, 1972а, с. 256].

Смоделированный процесс «томления» осуществлялся в гончарной печи (после предварительного обжига) при низкой температуре с целью получения характерной для куро-аракской посуды черной поверхности [Майсурадзе, 1954; Джавахишвили А. И., Глонти, 1962, с. 49]. Моделирование обжига аналогичных кирбет-керакских сосудов было проведено и другими исследователями [Sukerik, 1917, р. 9; Лукас, 1958, с. 562]. Высказано предположение, что «способ чередования обжига и неполного сгорания, создающего в закрытой гончарной печи нужную рабочую среду, мог быть выработан только при наличии определенных навыков, приобретенных во время выплавки металлической руды, где копать играет существенную роль в восстановительном процессе» [Чубинишвили, 1966, с. 134]. Последнее представляется чрезвычайно интересным, ибо иллюстрирует обмен техническими достижениями между профессионалами металлургами и гончарами.

Итак, Южный Кавказ в конце IV—III тыс. до н. э. мы застаем на новой ступени развития: уровень производительных сил и культурных достижений значительно возрос, что должно было стимулировать развитие внутренних и внешних связей; их целью являлся обмен достижениями в области технически различных производств и культурных завоеваний, а также прямыми торговыми взаимоотношениями. О механизме торговли в соседней Передней Азии повествуют многочисленные шумерские, аккадские и эламские клинописные тексты [Оппенгейм, 1970, с. 7]. Выясняется, что обширная территория Передней Азии в этот период была охвачена разветвленной сетью международными и внутренней торговли, использовавшей дальние и труднопроходимые дороги, морское и речное судоходство. Дороги тянулись и на север, в районы Закавказья, а оттуда через перевалы — в Предкавказье. Древние

дороги Кавказа специально не изучались. Исключение составляют коммуникации Северо-Западной Грузии — горной полосы исторической Колхиды, где по физико-географическим признакам выделяются «ущельные», «каретные» и «перевальные» дороги. Одновременно существовали многочисленные внутриобщинные и межобщинные пути, создававшие сложную дорожную сеть, которая в различных местах присоединялась к главным коммуникационным дорогам Кавказа [Чартолани, 1984, с. 104]. Такая же система существовала, бесспорно, и в других частях региона.

Внутренние связи в границах КУАК археологически фиксируются слабо. В какой-то мере это может быть объяснено наличием на обширной территории культурно-хозяйственного единства, экономические связи в пределах которого, в силу близких форм материальной культуры, не прослеживаются столь четко. Показателем более далеких связей на первых порах по традиции остается обсидиан, на который еще некоторое время продолжался спрос на южных рынках [Кушнарева, 1973а]. Однако масштабы этой торговли во второй половине III тыс. до н. э. сокращаются. Специализация по добыче и обработке обсидиана постепенно сменяется специализацией на металлургии; эта отрасль производства со временем входит в сферу обмена. Вещи передвигаются на большие расстояния и становятся нередко эталонами для серийного производства вдали от места своего изготовления. Соседство Кавказа с цивилизациями Передней Азии, где уже в начале IV тыс. до н. э. металлопроизводство находилось на высоком уровне, наложило яркий отпечаток на весь дальнейший ход его истории. Оттуда проникали готовые изделия, формы которых затем заимствовались местными мастерами; так начали выпускаться проушные топоры, копья, штыки, некоторые типы украшений [Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 121—126]. Во второй половине IV тыс. до н. э. кавказские металлурги создают свои формы изделий. Это специфические для Закавказья булавки с полукруглым навершием и двумя волютами, а позднее — трубчатовислообушные топоры, кинжалы с узорчатой рукояткой, булавки с молоточковидным навершием, различные подвески, которые в свою очередь попадают в соседние и далекие от места изготовления районы. Так продукция Алавердского меднорудного центра найдена около Еревана; приреванский клад, состоявший из серии однотипных, не бывших в употреблении вещей (тесла, «клевыки»), предзнаначался, скорее всего, для обмена [Мартиросян, Мнацаканян, 1973]. Изделия того же центра обнаружены во многих пунктах Армении, в Грузии (Пинезаури), Прикубанье и дальше — на Украине (Веремье) [Мартиросян, 1960, с. 101; 1964, с. 33; Ильюков, 1981]. О связях Закавказья с Украиной свидетельствуют также проушный топор из Петро-Свистуновского могильника и форма для отливки топора из могильника в с. Хошевое в Поднепровье [Бодянский, 1969, рис. 3, 1; Ковалева и др., 1978, рис. 6]. Подобные орудия попадали и на северо-восток от центра, в частности в Дагестан [Котович В. Г., Котович В. М., 1973]. Предметы вооружения распространяются также из сачхерского металлургического центра: изогнутые вислообушные парадные топоры найдены в Армении [Мартиросян, 1964, рис. 9], Сванетии [Микеладзе, 1990, с. 27], Предкавказье [Нечитайло, 1984, с. 100], южных районах России, Восточной Европе [Лордкипанидзе, Мухелишвили, 1970, с. 1]. Два кинжала с цельноотлитой рукояткой, украшенной характерным для сачхерских клинков «веревочным» орнаментом, из этого же центра проникли в Ставрополье [Нечитайло, 1984, с. 100], один с каннелированной рукояткой — в Южное Побужье [Шапошникова и др., 1986, рис. 16, 18]. Таким образом, закавказские металлургические мастер-

ские снабжают продукцией Кавказ, а также территории к северу от Кавказского хребта [Мунчаев, 1975, с. 399].

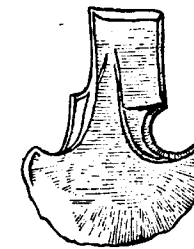
Влияние Кавказа на южные области России реализовывалось не только в импорте изделий, но также и в подражании степными племенами кавказской металлургической продукции (топоры, долота, тесла, ножи и др.) [Корневский, 1976, 1981]. Обмен шел как металлическими изделиями, так и металлоломом. В III тыс. до н. э. племена Предкавказья широко использовали привозной металл [Черных, 1966, с. 35]. Высокая степень концентрации отсутствующего на Кавказе никеля в изделиях ранней группы майкопских курганов говорит о получении металла с юга — из Ирана или Малой Азии. В этих связях южнокавказские племена осуществляли посредническую роль. Постепенно они сами становятся поставщиками металла, что видно из сходства химического состава изделий второй майкопской группы с рудами Кафанских, Кедабекских и Белоканских месторождений [Там же, с. 46]. Влияние шло и в обратном направлении. Так, в частности, топоры майкопского облика оказались переправленными в Сванетию [Чартолани, 1989, табл. XI]. В последнее время усиленно обсуждается точка зрения о возможном заимствовании кавказскими племенами у степных племен курганного обряда погребения [Нечитайло, 1984, с. 98], деревянной повозки и других культурных достижений.

Воспринимаемая импульсы из стран Передней Азии, Кавказ в свою очередь сам превращается в поставщика различных категорий товаров. Южный Кавказ, и особенно Армянское нагорье, очевидно уже в этот период, становятся мощным очагом металлургии и снабжают в порядке обмена южные страны медью. Особенно богатые месторождения располагались южнее Трапезунда — по р. Чорох и в области Аргана (Эргани-Маден), юго-восточнее Элязига.

Сравнительно еще узкая техническая база кавказских мастерских, ограничивавшая количество выпускаемой серийной продукции, с одной стороны, и существование в странах Передней Азии (частично в рамках дворцовых и храмовых хозяйств) хорошо оснащенных металлообрабатывающих центров — с другой, стимулировали добычу и транспортировку туда металлургического сырья, а не готовых изделий. Медь встречала непрерывный спрос на южных рынках; напомним, что металлообработка Шумера целиком базировалась на привозном металле. Торговля медью сменила торговлю обсидианом. Изменились и транспортные средства, что коренным образом должно было повлиять на возможности товарообмена. Место пеших торговцев заняли арбы и караваны вьючных ослов, подробное описание которых мы находим в написанных несколькими веками позднее табличках из Каниша [Янковская, 1965, 1968; Veenhov, 1972].

Таким образом, в рассматриваемое время связи кавказского населения с Севером и Югом выражались как в широком торговом обмене, так и во взаимном восприятии культурных и технических достижений. В этих процессах была особенно велика роль кавказского металлургического центра, питавшего соседние страны и в последующее тысячелетие.

ХОЗЯЙСТВО, ремесло, связи, НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ III—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II тыс. до н. э.

В последних веках III тыс. до н. э. наблюдается распад куроаракской культуры (или культурной общности) и формирование культур периода средней бронзы, отражающих новый этап социально-экономического развития Кавказа; для него характерно сохранение хозяйственных традиций в двух крупных областях Южного Кавказа — Западной и Центрально-Юго-Восточной. К сожалению, односторонний характер базового материала не позволяет охарактеризовать специфику хозяйства этого периода столь же полно, как это было сделано относительно предшествующих этапов; подавляющее большинство памятников на большей части региона представлено могильниками, дающими опосредствованную информацию о производственной деятельности древних коллективов.¹

На фоне многочисленных могильников выделяются поселения Западного Закавказья с его специфической экологической средой, которая с древнейших времен определяла хозяйственный облик края и способствовала сохранению консервативных методов его ведения; эти черты прослеживались вплоть до недавнего времени. На ряде небольших многослойных поселений хуторского типа (Анаклиа I, II, Носири, Наохвamu, Намчедури и др.) открыты остатки срубных построек, напоминающих жилища террамар Северной Италии. Поселения имели незащищенный характер; окружавшие их рвы, в силу повышенной влажности, несли дренажные функции и противостояли заболачиванию соседних земельных участков. Срубные постройки, называемые позднее колхами *джаргвали*, функционировали на протяжении многих столетий и сохраняются здесь и поныне.

На земледельческий уклад хозяйства указывают каменные мотыги «сочи-адлерского» типа, восходящие к IV—III тыс. до н. э.; в условиях каменистых почв они были незаменимы. С конца III тыс. до н. э. широко используются бронзовые мотыги трех типов, имеющие различное назначение, что является показателем дифференциации земледельческих процессов. Помимо бронзовых мотыг, найденных на поселениях и вкладах, в Анаклии II и Пичори обнаружены формы для их отливки [Микеладзе, 1990, табл. VII]. Таким образом, можно говорить о серийном местном производстве этих орудий. Будучи основным орудием земледельца, мотыга уже в то время стала объектом почитания, что выразилось в изготовлении ритуальных подвесок мотыгообразной формы (Сачхере, Твлепия-Цкара). Земледелие в колхидском регионе документируется еще одной уникальной находкой — моделью деревянной сохи, найденной вместе с литейными формами на поселении Пичори [Там же, с. 26]. В Колхиде было налажено производство различных топоров. Как известно, с помощью бронзовых топоров выполнялись различные работы. В условиях практики в крае подсеčno-огневого земледелия и постоянной борьбы с лесом за новые

¹ В последние годы ведутся раскопки на ряде поселений, однако добытые материалы, будучи неопубликованными, остались автору недоступными.

участки часть топоров безусловно использовалась в сельскохозяйственном производстве. И так, земледелие являлось основой жизни населения в этом регионе. Скотоводческое хозяйство по археологическим находкам документируется слабо. Здесь было налажено местное металлопроизводство, следы которого обнаружены на разных поселениях. Особенно ярко оно представлено в Пичори, где найдены литейные формы, тигли, производственные отбросы.

На остальной, большей части Закавказья исследовались главным образом погребения. Здесь единственным систематически изученным бытовым памятником является поселение Узерлик-Тепе, давшее обильный материал по хозяйству степной зоны; фрагментарные раскопки на сильно разрушенном поселении Илто, в Лори-Берде, Мецаморе, на Кюль-Тепе I и II, Гаракепек-Тепеси и др. предоставили ограниченные сведения для воссоздания быта населения.

Для первой половины II тыс. до н. э. характерно некоторое перераспределение земледельческо-скотоводческих поселений. Сохраняется тенденция сокращения плотности населения в степных и равнинных районах; по-видимому, отток населения (преимущественно скотоводов) в предгорья и горы продолжается. Подсчитано, например, что 65% памятников кармир-бердской культуры находится именно в этих зонах. Такая ситуация, возможно, частично и явилась следствием постепенной аридизации климата, прослеживающейся на территории стран Старого Света на протяжении III тыс. до н. э. [Долуханов, 1985]; климатические изменения должны были осложнить земледельческое хозяйство степей и низких равнин в связи с необходимостью более интенсивного полива полей.

Топография археологических памятников (преимущественно курганов, расположенных террасообразно по склонам гор) из заселенных в этот период районов Южного Кавказа — бассейна Артаамской Куры (Ахалкалакское плато и Эршетское плоскогорье) позволяет предполагать, что ведение поливного земледельческого хозяйства, определенная доля которого была связана со скотоводством и с покосными участками, осуществлялось по вертикали в пределах ущелий [Киквидзе, 1988]; существовавшие рядом с могильниками поселения, по-видимому, пока не открыты. Горы и равнины во многих районах Кавказа представляли единый хозяйственный комплекс [ДНК, 1984].

Уходу части населения в горы могла способствовать и военно-политическая ситуация в этом огромном регионе. Это был период интенсивных передвижений различных этнических объединений и постоянных военных столкновений [Дьяконов, 1968, с. 7—45; История древнего Востока, гл. X—XI, XV, XIX]. В конце III — начале II тыс. до н. э. по всей Анатолии происходит разрушение поселений ранней бронзы, что зафиксировано следами мощных пожаров [Mellaart, 1958]. Для Южного Кавказа вероятность подобных событий фиксируют следы неоднократных пожаров на поселениях (Илто, Узерлик-Тепе), возведение оборонительных систем (Кюль-Тепе II, Кармир-Берд, Узерлик-Тепе, Гаракепек-Тепеси, Шаглама I, II). Вместе с тем существовавшее ранее представление о том, что старые поселения на низких равнинах и в степях оказываются покинутыми, не подкрепляется новейшими данными. Жизнь в этих областях не прекращается: часть куро-аракских поселений оказываются заброшенными, на других же во II тыс. до н. э. жизнь продолжается; возникают и новые места обитания. Их население занимается выращиванием зерновых, садоводством и виноградарством, сочетая эти отрасли хозяйства с животноводством и различными видами ремесел. Топография ряда многослойных поселений с культурными слоями первой половины II тыс. до н. э. в засушливых

долинах и степях Закавказья (Мецамор, Муханна-Тапа, Джраовит, Воскеваз и др. — в Араратской долине; Наумари-Гора, Ткисболо-Гора, Швиндиани, Акакиантхеви и др. — в Алазанской долине; Геой-Тепе, Ра-сул-Тепе, Наргиз-Тепе, Барбаралы-Тепе — в Мильской степи), где занятие земледелием без интенсивного полива полей невозможно, свидетельствует о сохранении здесь хозяйственных традиций; эти поселения основаны в III тыс. до н. э. Очевидно, в последующий период использовались все те же земельные, пастбищные и покосные угодья. Однако отсутствие столь мощных (как в предшествующий период) культурных отложений говорит о том, что жизнь на поселениях в первой половине II тыс. до н. э. была менее продолжительной, а хозяйственная деятельность не столь интенсивной. Последнее, вероятно, связано с развитием скотоводства, экономический потенциал которого компенсировал некоторое сокращение земледельческого сектора.

Яркую картину комплексного хозяйства степной зоны Закавказья рисуют материалы поселения Узерлик-Тепе в Мильской степи, исследованного нами в течение нескольких сезонов [Кушнарева, 1957, 1959а, 1965]. По соседству имеется ряд синхронных неисследованных поселений [Иессен, 1965а, с. 184], что указывает на обживание в этот период одного из самых засушливых микрорайонов Закавказья. Характерен выбор места поселения на границе степи и Карабахских гор, где при условии интенсивного орошения было возможно заниматься земледелием, скотоводством и другими отраслями хозяйства, одновременно поддерживая постоянные контакты со скотоводами, обитавшими в предгорьях и горах.

Узерлик-Тепе обосновалось на невысоком необжитом холме. Трехметровые культурные отложения на склоне холма (в центре их толщина была значительно больше), постройки из сырцового кирпича и дерева, обилие строительного мусора, а также мощная оборонительная стена говорят о длительной и непрерывной жизни поселения. К сожалению, работа по выявлению искусственных каналов здесь не проводилась. Земледелие являлось ведущей отраслью хозяйства. Орошаемые посевные участки могли располагаться поблизости и в более отдаленных местах; по-видимому, между населением соседних поселений существовала регламентация посевных участков. Следы земледелия на поселении видны повсюду. Это прежде всего обгорелое зерно разных видов пшеницы (твердая, мягкая, карликовая), пленчатого и голозерного ячменя, проса, остатки просяной муки, найденные в крупных обмазанных глиной ямах, сосудах, а в одном случае — на полу жилища, где зерно, очевидно, хранилось в мешке. Среди зерен ячменя встречается древняя форма так называемых бутылковидных. По определению ботаника М. М. Якубцинера, почти полное отсутствие сорняков в скоплениях зерна и относительная однородность материала говорят о высоком уровне земледелия, при котором сорняки уничтожались на полях. Зерна злаков найдены отдельно и вместе, в смешанном виде. Таким образом, наряду с чистыми посевами существовали посевы смешанного типа как средство защиты от засухи. Помимо злаковых встречены семена бобовых (нут?), а также масляничного растения ляллеманция. Наконец, жители поселения были также виноградарями, на что указывают зерна культурных сортов *Vitis Vinifera*, *Sativa DC* [Негруль, 1960]. Большой объем зернового хозяйства подтверждают многочисленные ямы-хранилища и крупные (дл. 60 см) зернотерки. Другие ямы служили погребями, в которые ставились крупные сосуды с продуктами. Земледелие документируют множество ступок, зернотерок, пестов, вкладышей от серпов, каменная мотыга, переносные уст-

ройства для выпечки хлеба (рис. 58, 6, 15—17, 19, 20). Эти предметы находились обычно в домах, у очагов.

Таким образом, на примере Узерлик-Тепе можно убедиться, что земледелие продолжает развиваться даже в самых засушливых степных районах Кавказа; это свидетельствует о высоком уровне хозяйства (регулярное орошение, использование различных агротехнических приемов, направленных на поддержание плодородия почв).

Во всех слоях поселения обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота (52.3 и 31.4%), свиньи (11.5%), лошади (4.2%) и собаки (0.6%). Учитывая значительно большую мясную продуктивность крупного рогатого скота по сравнению с мелким, можно сделать вывод, что в стаде резко преобладал крупный рогатый скот. Скотоводство носило стационарный характер, что не исключало сезонного отгона части скота на летние пастбища соседнего Карабаха. На переработку молочных продуктов указывает фрагмент маслостойки, на обработку шкур животных — различные костяные орудия. В одной из крупных ям нижнего слоя со ступенчатым спуском сохранилась солома, перемешанная с обгоревшим овечьим пометом. Вероятно, такие ямы использовались в качестве зимних землянок для ягнят, что соответствует способу их содержания в Мильской степи в холодную пору и в настоящее время. Жители поселения занимались охотой — на поселении найдены кости джейрана и кулана, обсидиановые и костяные наконечники стрел.

Жители Узерлик-Тепе занимались металлообработкой и домашними промыслами; так, в одном из жилищ нижнего слоя, названном нами «дом литейщика», обнаружены глиняный тигель (рис. 58, 10) и куски шлака. На поселении изготавливались предметы из камня; найдены каменный ретушер, кусок стеатита, распиленный металлической пилой, незаконченные украшения, недосверленная булава, многочисленные осколки обсидиана. Плетение документируют остатки камышовый циановки, ткачество — пряслица и костяная поделка в форме четырехпалой руки, которая по следам сработанности квалифицирована специалистами как гребень для прибавания утка на примитивном вертикальном ткацком станке (26).

Очевидно, в рамках домашнего производства все еще изготавливалась «кухонная» посуда — плохо обожженные горшки различных размеров и «солонки», сделанные из глины низкого качества; по фактуре к ним примыкают грубые переносные очаги с вертикальными стенками. Эта керамика, составляющая 61% всех гончарных изделий, резко контрастирует с чернолощеной и расписной посудой, изготовленной профессионалами на гончарном круге и обожженной в керамических печах; последние пока не обнаружены.

Если учесть земледельческо-скотоводческую направленность хозяйства узерликцев, занятия металлообработкой, гончарным делом, ткачеством, плетением, изготовлением каменных и костяных орудий, то можно констатировать, что это было замкнутое натуральное хозяйство, обеспечивающее жителей самым необходимым. Однако это не исключало их внешних связей с соседними племенами. Локализация поселения на стыке Мильской степи и гор Карабаха представляется отнюдь не случайной. Пролегающие рядом пути скотоводов, ведущие на летние пастбища Карабаха, давали возможность его жителям вступать в контакты с последними. О существовании во второй половине II тыс. до н. э. скотоперегонного пути (существующего и поныне) свидетельствует огромная каменная ограда около с. Ходжалы, служившая бесспорно загоном для скота [Кушнарева, 1959б, рис. 3, 5—6].

Приведенные материалы рисуют картину многоотраслевого хозяйства жителей одного из степных поселений Закавказья. По-видимому,

близкое по типу хозяйство вели обитатели поселения Илто [Дедабришвили, 1969, с. 39], расположенного на низких террасах р. Илто, при выходе ее из Иорского ущелья, а также многочисленных поселений Алазанской долины [Пицхелаури, 1973]. Большая часть поселения Илто уничтожена, поэтому добытые материалы носят фрагментарный характер. Возникшее на первой террасе в III тыс. до н. э. поселение просуществовало до середины II тыс. до н. э. Здесь открыты следы прямоугольных хозяйственных помещений и многочисленные ямы-хранилища; в одних обнаружено обгоревшее зерно, в других кости животных (остатки запасов мяса). Посуда, как и на Узерлик-Тепе, преобладала «кухонная». Земледелие документируют зернотерки, вкладыши серпов, терочники, песты. Несколько предметов из кости являлись частями оборудования вертикального ткацкого станка. Картину хозяйства дополняют кости домашних животных: крупного рогатого скота (55.4%), мелкого (13.3%), свиньи (31.3%). Спецификой хозяйства являлось свиноводство, оказавшееся традиционным для данного района на многие столетия — по сей день здесь разводится свинья местной породы, пасущаяся в дубовых лесах округа. На поселении найдены кости собаки, лошади, домашней птицы. Кости оленя указывают на охоту [Цицишвили, 1969, с. 76]. Земледельческо-скотоводческий уклад хозяйства на всех поселениях Иоро-Алазанского бассейна определялся здесь такими благоприятными факторами, как близость реки, удобных пашенных, пастбищных и покосных угодий.

В долинах и в степи, судя по скудным поселенческим материалам, в стаде преобладал крупный рогатый скот, использовавшийся и в земледелии. По традиции разводили два вида: мелкий, низкорослый, восходящий к диким горно-кавказским типам [Бурчак-Абрамович, 1954, с. 183], и крупный [Бурчак-Абрамович, 1949; Пиотровский, 1955а, с. 7; Межлумян, 1972, с. 127, карта 4]. Преобладание крупного рогатого скота подтверждается его традиционными жертвоприношениями (целые туши быков, шкуры быков, снятые с головой и конечностями) в богатых курганах этого времени (Триалети, Кировакан, Карашамб, Кирги и др.).

Сложнее обстоит дело с изучением характера поселений предгорных и горных районов. Известно, что эта зона являлась местом расположения многих могильников, в частности богатых курганов триалетской культуры; особенно их много в высокогорной Цалке и в Месхети. Поселения здесь не изучались. Однако монументальность циклопических погребальных сооружений и их расположение террасообразно по ущельям может быть показателем существования недалеке от могильников долговременных мест обитания. По-видимому, в горной Грузии, так же как в некоторых районах Армении (Ширак, Тавуш, Вайоцзор и др.), практиковалась горно-стационарная форма скотоводства. При этом часть земледельческого хозяйства была направлена на поддержание поливных покосов, дававших корм скоту на зимний период [Киквидзе, 1988, с. 69]. В горах покосы орошались ручьевыми и родниковыми водами; в Гегамских горах и на отрогах Арагаца к середине II тыс. до н. э. была создана система каналов для сбора талых вод, которая обеспечивала водопой скота и направляла воду в долину. В таком случае поселения в горных зонах при более тщательных поисках должны быть непременно обнаружены.

Допустимо также, что часть курганов воздвигало население, обитавшее в низких долинах и на равнинах; оно могло быть связано с горной зоной единой формой хозяйства (отгонное скотоводство). На территории Иоро-Алазанского междуречья, в частности, известны памятники, документирующие этапы движения древних скотоводов. Это рас-

положенные на расстоянии одного перехода пункты для ночевки пастухов (Земо-Бодбе и Цхврис-Буде) по пути следования стад в горы и обратно [Дедабришвили, 1969, с. 72]; в тех же целях они используются и сегодня. Остановочный пункт обнаружен около с. Греми, недалеко от дороги, ведущей к перевалу Кодори [Там же, с. 67]. По-видимому, начиная со второй половины III тыс. до н. э. и на протяжении всей эпохи бронзы прокладывались магистральные пути скотоводов; из Араратской долины на пастбища Арагаца, из Алазанской — по ущельям рек Илто и Арагви в высокогорье Шида-Картли, из Шираки-Эльдари — в Триалети, из Мильской степи — в Карабахские горы, из ущелья р. Инцова через перевал Кодори — в горный Дагестан и Чечню.

Развитие базовых отраслей хозяйства — земледелия и скотоводства привело к кардинальным изменениям в других сферах производства. Бурно развивается строительное дело. Сооружение грандиозных погребальных залов площадью до 200 м² с уступчатыми каменными стенами (Триалети, Зуртакети, Месхети), способы перекрытия таких пространств, а также постройка сложных оборонительных укреплений (Узерлик-Тепе, Лори-Берд, Кармир-Берд, Арич) демонстрируют значительный прогресс в строительной технике и высокоразвитую инженерную мысль.

Коренные изменения наблюдаются в области металлургии и металлообработки [Абесадзе и др., 1958; Тавадзе, Сакварелидзе, 1959, с. 37; Абесадзе, 1974а; Дедабришвили, 1979, с. 60; Геворкян, 1980, с. 73; Тавадзе и др., 1987; Абесадзе, Бахтадзе, 1987]. Происходит смена морфологии основных категорий орудий и оружия; появляются новые формы — асимметричная секира, кинжал с рамочной рукоятью, клинок ромбического сечения, «рапира», втульчатый наконечник копья, долото, плоский топор и т. д. Начинает выпускаться металлическая посуда, высокохудожественные изделия из золота, серебра, меди, украшенные драгоценными камнями, чеканкой, гравировкой, инкрустацией. Расширяется масштаб производства. Могильники наполняются металлическими изделиями: в могилах Сачхере, например, найдено большое количество топоров, копий, кинжалов, украшений, что резко контрастирует с единичными находками предшествующего периода. Весьма выразительна в этом плане Великентская катакомба, где обнаружено около 1500 разнообразных металлических предметов [Гаджиев, Кореневский, 1984; Гаджиев, 1987а, 1987б].

Выпуск такого богатейшего набора изделий должен был вовлечь в сферу производства большое количество мастеров-профессионалов, начиная от горняков, работавших в забоях, кончая литейщиками и ювелирами. Речь идет о бесспорном расширении в этот период сырьевой базы, что, несмотря на слабую изученность древних выработок, получило подтверждение новейшими открытиями. Особый интерес в этом плане представляют работы, проведенные на Западном Кавказе. Это открытия в рудниках Абхазии, в частности в урочище Башкапсара, на перевале Кодорской и Бзыбской речных систем (2200—2400 м н. у. м.). Здесь в медных рудниках исследовано 12 древнейших выработок: [Бжания, 1988]. Они включали открытые ямы, вертикальные шахты, горизонтальные, иногда многоярусные штольни с боковыми камерами. Помимо этих открытий прослежена стратиграфия заполнения выработок, найдено около 50 каменных молотов для дробления руды, деревянные столбы штолен, разбитые сосуды. Из четырех радиоуглеродных дат, взятых с разных глубин выработок (см.: Приложение, III), две указали на конец III — первую половину II тыс. до н. э.: 4080±300 лет (ЛЕ-4198), 4020±280 лет (ЛЕ-4199). Если эти две даты подтвердятся

дополнительными анализами, то Башкапсарские выработки окажутся самыми древними в нашей стране.

Не меньший интерес в этом плане представляет Рачинский очаг месторождений, в котором наряду с медной рудой имеются запасы мышьяка, сурьмы и полиметаллических руд. Особенно богата сурьмой горная Рача, где известно 15 месторождений; самые крупные из них — Зопхито, Квардзахети, Сагебу. В свое время Г. Ф. Гобеджишвили [1952] выявил в районе с. Геби 30 сурьмяных и 100 медных рудников со следами отвалов, древними захоронениями и другими археологическими реалиями. По этим признакам он их датировал началом II — началом I тыс. до н. э. Осуществленные в последнее десятилетие «системным инженерно-археологическим методом» исследования выявили древние выработки, технологию добычи и обработки сырья; открыты поверхностные углубления и подземные камеры; здесь производилась отбойка руды молотом с огневым способом разрушения пород, дробление руды, частичная ее сортировка. Судя по находкам шлаков, металлургическая переработка руды осуществлялась на поверхности, недалеко от рудника. О размахе добычи меди, сурьмы и мышьяка можно судить по массе отвалов отходов обогащения и металлургии, которая составляла 100 000 т. В результате комплексного изучения выработок, в котором участвовали химики, металлурги, геологи, инженеры, археологи, были установлены три этапа развития техники и технологии производства и его основных параметров. Предложенная в свое время Г. Ф. Гобеджишвили датировка подтвердилась радиоуглеродными датами: две из них указывают на первую половину II тыс. до н. э., две — на вторую [Муджири и др., 1987; Гобеджишвили Г. Г. и др., 1988; Муджири, 1988]. Разработкой сурьмяных месторождений и следует объяснить появление в этот период в Западном Закавказье изделий из мышьяко-сурьмянистой бронзы и сурьмы, в то время как в других частях региона литейщики использовали оловянистую бронзу.

В последнее время обследовано еще одно полиметаллическое месторождение в Сванетии. Оно расположено в ущелье р. Ингури, на высоте 2000 м, в местечке Зааргаш. Здесь расчищены две штольни; глубина первой 29, периметр 45 м, второй соответственно 60 и 145 м. В них обнаружены вышедшие из употребления орудия, каменные молоты, терки, балки для крепления кровли, деревянное корыто. Особо обращает на себя внимание не имеющий аналогов огромный каменный «молот» массой 40 кг; предполагается, что он служил ударным элементом какого-то механического сооружения. Техника и технология добычи руды, а также массовые находки идентичны открытым в Абхазии и Раче. Это обстоятельство позволяет датировать Сванетское месторождение примерно тем же временем [Чартолани, 1988].

Наконец, недавно были открыты древние выработки в юго-восточной части региона, на территории Нахичевани, самая древняя из них — Вайхнер (первая половина II тыс. до н. э.). Здесь обнаружены неглубокие овальные ямы, а в отвалах — куски пустой породы, каменные молоты, сероглиняные сосуды. Эти находки и определили время эксплуатации рудника [Бахшалиев, 1986, с. 9].

Масштабы и специфика горнодувного дела говорят о том, что добыча и первичная обработка сырья были отделены от металлообработки; в этих сферах были заняты профессионалы разных специальностей. Металлургия в этот период была четко разделена на добывающую и обрабатывающую отрасли. Подавляющее большинство изделий этого периода изготовлено местными мастерскими, однако следы последних из-за отсутствия раскопок на поселениях пока не обнаружены; единственным известным производственным комплексом остается «дом ли-

тейщика» на поселении Узерлик-Тепе — одна из маленьких мастерских, наряду с которыми, бесспорно, существовали крупные металлообрабатывающие центры.

В первой половине II тыс. до н. э. на смену мышьяковистым бронзам приходят оловянистые, которые спорадически начинают появляться с конца III тыс. до н. э. Особенно это касается южных районов: так, 80% проанализированных предметов из памятников средней бронзы Армении отлиты уже из этого сплава. Более сложная картина наблюдается в Грузии. Если в Квемо-Картли (Триалети, Сабит-Ахчия, Зуртакети, Шулавери) и Месхети в основном использовалась оловянистая бронза, то в Шида-Картли нет единой тенденции: в Нули, например, по традиции преобладала мышьяковистая бронза, в Квасатали — и та и другая, а в Метехи и др. — оловянистая. Высокий уровень металлургии знаменуется и другими достижениями — появляются новые виды сплавов на основе комплексных лигатур (свинец, сурьма, цинк, комбинированные с мышьяком и оловом), что было связано с освоением новых месторождений региона. Таким образом, спецификой металлургии становится использование оловянистой и сурьмянистой бронзы и многокомпонентных сплавов, ибо мастера-металлурги постепенно постигают изменения свойств металла в зависимости от того, какой минерал и в каких пропорциях добавляется к шихте.

Изменяется и химическая характеристика металла, указывающая на использование рудной базы. Если в III тыс. до н. э. в границах Армянского нагорья эксплуатировались низконикелистые месторождения, то с начала II тыс. до н. э. параллельно начинают разрабатываться высоконикелистые; последние характерны для Ирана и Анатолии. Происходит переориентировка кавказских металлургов на более далекие сырьевые базы, что могло осуществляться лишь на основе четкой организации добычи и переправки сырья на большие расстояния.

Бурного расцвета достигает ювелирное дело, которое выделяется в самостоятельную отрасль металлообработки. Особенно ярко это прослеживается на памятниках триалетской культуры, давших великолепную серию предметов из драгоценных металлов (чаши, кубки, ведерки, шкатулки, навершия штандартов, фигурки животных, бусы, булавки). Они отличаются отточенным характером исполнения, совершенством форм, свидетельствующими о высоком искусстве мастеров. Постепенно вырабатывается своеобразный цветной декоративный стиль; использование инкрустации наряду с грануляцией, пунсоном, филигранью придает изделиям самобытность, являет пример художественного совершенства и изысканности. Форма и орнамент предмета подчиняются принципу пропорции «золотого сечения» [Джапаридзе Н. О., 1988].

Реконструкция технологии изготовления этих предметов показала использование сложного оснащения специальными инструментами, деревянными формами — сердечниками, давальными станками, измерительными и режущими инструментами и другими предметами оборудования. Уникальной находкой в этом плане является резец из погребения ювелира в Авневи [Тавадзе, Сакварелидзе, 1959, с. 27].

Большие перемены наблюдаются и в области гончарного производства. Коренным образом меняется облик посуды — появляются новые формы и новые приемы орнаментации, среди которых особенно примечательны разнообразная роспись, резной и пунсонный орнамент. Подмечено, что на ранних этапах украшения наносятся резцом, небрежно, «на глаз», позднее появляется штамп в виде «шагающей гребенки» и циркуль для предварительной разметки поверхности сосуда. Широко используется гончарный круг. По-видимому, опыт керамистов, рабо-

тавших на вращающемся станке, был заимствован ювелирами, так как золотые и серебряные чаши и кубки сделаны по тому же принципу (на вращающемся станке), что и глиняная посуда. Керамисты использовали разные рецепты глиняного теста (посуда Алазанских курганов, например, была сформована из четырех сортов теста), осуществляли разнообразный обжиг на окислительном и восстановительном огне, применяли такие приемы обработки сосудов, как полировка, ангобирование, резьба, штамповка и роспись. Таким образом, гончарное производство, так же как и металлообработка, являли собой уже типичный пример ремесленного производства.

Значительные достижения имели место и в других ремеслах. Плохая сохранность дерева лишает возможности всесторонне охарактеризовать и эту область ремесла, однако ряд столярных операций восстанавливается по находкам [Мелитаури, 1969]. Деревообрабатывающее дело обслуживало различные стороны быта, а также заупокойный культ. Для погребений родоплеменной знати сооружались громоздкие срубы (Бедени, Цнори, Марткопи), огромные и просторные могилы перекрывались мощными бревенчатыми накатами (Триалети, Зуртакети, Карашамб и др.); в частности, для перекрытия могилы большого уч-тепинского кургана в Мильскую степь издалека было свезено около 100 восьмиметровых стволов можжевельника [Иессен, 1965б, с. 168]. Для транспортировки продуктов земледелия, различного скарба и оборудования на кочевья и обратно, доставки леса и камня для сооружения оборонительных стен домов и могил использовались деревянные четырехколесные арбы. В погребения знатных лиц вкатывались траурные колесницы, украшенные искусной резьбой. Изготавливались деревянные погребальные ложа, ткацкие станки, различная мебель, подносы, посуда, шкатулки и др. На почетное место деревообрабатывающего ремесла указывает обряд положения в могилы вождей (Бедени, Кировакан, Марткопи и др.) специальных инструментов (долота, тесла).

В беденских гробницах обнаружены льняные и шерстяные ткани, войлок. На занятия ткачеством указывают также колхидская текстильная керамика, детали ткацкого станка из поселения Илто, бердо от ткацкого станка из Узерлик-Тепе. Находки подобных деталей в женских погребениях (Арич, Бедени, Гадачрили-Гора) указывают на занятие умерших при жизни.

О высоком уровне камнерезного дела говорят обсидиановые наконечники стрел из алазанских, беденских, триалетских и аручских погребений, тончайшая обработка которых может быть приравнена к ювелирному искусству; наряду с изделиями из драгоценных металлов эти «парадные» стрелы указывали на высокий ранг погребенных. Мастера-камнерезы также обрабатывали полудрагоценные камни для украшения ювелирных изделий.

Таким образом, уровень развития металлургии, ювелирного искусства, строительного, гончарного, ткацкого, деревообрабатывающего и камнерезного дела позволяет говорить о завершении процесса выделения ремесла в самостоятельную отрасль производства. «Общинное ремесло» переросло в ремесло, работающее на заказ, на рынок.

Сложение такого огромного исторического пласта, как южнокавказские культуры периода средней бронзы должно было проходить при интенсивном общении его создателей с соседними племенами и народами. Согласно археологическим фактам, культурно-исторические связи кавказского населения начинают отчетливо проявляться с последней трети III тыс. до н. э. и нарастают вплоть до середины II тыс. до н. э. Этому способствовал значительный рост производительных сил,

связанный с интенсификацией отгонного скотоводства, развитием земледелия, ремесел. И как результат — резко усилившаяся стратификация общества. В итоге в руках выделившейся верхушки скопились большие богатства, стимулировавшие вступление во внутриплеменные, межплеменные и международные контакты. Они могли быть обусловлены различными аспектами социально-экономической и духовной жизни обществ — обменом скота, продуктами земледелия, металлургическим сырьем, предметами металлообработки, специалистами-ремесленниками, прямым подражанием тем или иным заморским образцам, общим культурным взаимодействием и пр. [Торговля и обмен в древности, 1973]. Нельзя исключить и возможности инфильтрации в Закавказье отдельных этнических групп с Юга, привносящих с собой достижения в области техники и культуры своих стран; картина передвижений в Передней и Малой Азии в конце III — первой половине II тыс. до н. э. [Mellaart, 1958; Дьяконов, 1968, с. 7—45; История древнего Востока, 1979, гл. X—XI, XV, XIX] допускает такую ситуацию.

О том, какой была торговля в начале II тыс. до н. э. в юго-западных пределах Армянского нагорья, рассказывают архивные документы Каниша [Янковская, 1965; 1968; Veenhov, 1972]. Здесь процветала крупнейшая фактория, охватившая своей деятельностью обширный регион. Торговля была караванная, с помощью упоминавшихся дамасских ослов, поднимавших груз до 75 кг и совершавших дневной переход в 35 км. Центром торговли был Каниш — крупнейший пункт по обработке и сбыту меди. Сюда с помощью торговых агентов стекался металл из окружающих стран. Металл выступал не только как товар, но и как платежное средство, денежный эквивалент. Меновыми единицами были мина и сикль, а также металлические топоры, серпы, бруски и кольца разного веса. Сложная и разветвленная сеть экономических связей требовала большого штата людей, о чем рассказывают архивные документы. Важной фигурой при непосредственных торговых сделках являлся *tamkar* «оптовый продавец, продавец в кредит, вообще кредитор» [Янковская, 1970, с. 3]. Имеются специальные термины для обозначения скупщика, фрахтовщика, агента и контролера торгового дома, брата — компаньона из того же дома, отца — главы того же дома, счетовода-кассира торгового объединения, членов недельного присутствия торгового общинного объединения, тройки судебной коллегии.

Разумеется, канишская модель не может быть «наложена» на общество Кавказа рассматриваемого времени. Однако факт постоянного влияния столь мощного торгового объединения на соседние страны является, с нашей точки зрения, логически неоспоримым; археологические находки указывают на преобладание для Кавказа рассматриваемого периода юго-западных контактов, что можно предположительно поставить в связь с существованием в Малой Азии крупного торгового центра. Скорее всего в сферу его деятельности были вовлечены и южнокавказские племена, выступавшие прежде всего поставщиками металла. В этой торговле бесспорно участвовало население богатой медными рудниками западной части Кавказа, почти граничащей с северной группой малоазийских колоний (Самуха, Турхумит). Существование этого направления торговли во второй половине II тыс. до н. э. подтверждается десятками кладов [Коридзе, 1965]. Очевидно, использовались и рудные богатства соседних месторождений (Аргана, Мадена, Сасунские и Рштунийские горы). Однако эта торговля письменными источниками не документирована. Если же говорить об археологических данных, то наибольшая информация о связях Кавказа в этот период заложена в так называемых царских или княжеских курганах.

По-видимому, основные контакты осуществляла элитарная часть общества, сосредоточившая в своих руках большие богатства.

К сожалению, проблема влияния кавказских культур на цивилизации Переднего Востока почти не разработана, хотя а priori можно сказать, что столь мощный этнокультурный пласт и столь богатая ресурсами территория не могли не воздействовать на соседние страны. Приведем один пример. В Месопотамии известны изделия из чистой сурьмы и сурьмяных бронз, в то время как сурьмяные месторождения там отсутствуют. Как полагают, источником снабжения сурьмой скорее всего являлся Кавказ [Forbes, 1950, p. 263]. Это тем более вероятно, так как: а) состав месопотамских сурьмяных изделий приближается к составу изделий древней Грузии [Тавадзе, Сакварелидзе, 1959, с. 40]; б) на территории Кавказа (Горная Рача) в рассматриваемое время разрабатывались сурьмяные руды.

Влияние южных стран проникало в сферу материальной и духовной жизни кавказского общества. Так, бесспорно с Юга пришла в Закавказье «мода» расписывать сосуды, ибо посуда куро-аракской культуры, за редким исключением, относится к разряду чернолощеной. Влияние сказалось и на элементах росписи, восходящих к древним месопотамско-эламским мотивам. В композициях на кармир-бердской посуде встречаются сетки, треугольники, ромбы, волути и др., характерные для сосудов Мерсина, Тарсуса, Богазкея, Кюль-Тепе, т. е. малоазийского круга памятников. С кармир-бердской культурой связано еще одно направление контактов: в Арагатской долине (Верин-Навер, Кармир-Берд) найдены стеклянные и фаянсовые бусы, которые рассматриваются как импорт из Месопотамии, в частности, из Ларсы [Симонян, 1983; 1984а]; моллюски из этих же комплексов добывались в Персидском заливе либо в Индийском океане.

В керамике севано-узерликской группы южные связи проявляются менее отчетливо, хотя сам факт наличия расписных сосудов указывает на бытование все той же южной традиции. В двух комплексах (Лчашен — курган № 6, Арич — погребение № 65) встречены двуручные «канфары» и «килики», являющиеся подражанием малоазийским образцам; со временем количество их увеличивается. Кинжал с рамочной рукоятью из аричского погребения № 78 (так же как и из Кизыл-Ванка) следует рассматривать как продукт переднеазиатского металлопроизводства. Позднее кинжалы подобного типа получили широкое распространение по всему Ближнему Востоку и Кавказу. С тем же культурным кругом связываются булавка и разьединитель бус из аричского погребения № 65. Начиная с XVIII в. до н. э. вместе с хурритскими печатями типа *mitannian elaborate style* [Пиотровский, 1963, с. 11] они бытуют в тех же широких границах. Наконец, на Юг вводят аналогии топорам из Ленинакана и Навура, которые сопоставляются с топорами VI слоя Тепе-Гавра, анатолийского Кюль-Тепе, Вана, Сиваса, Эрзерума, Талыша.

Еще одна линия связей прослеживается по «царским» курганам триалетской культуры, в которых зафиксирован обряд трупосожжения. Высказано предположение, что этот обряд повторяет ритуал погребения хеттских царей, воспроизведенный в хеттских текстах [Куфтин, 1940, с. 100; Otten, 1958]. Существует также мнение, что обряд кремации в хеттском и южнокавказском обществах следует рассматривать как результат воздействия хирритской этнической среды [Меликишвили, 1965а, с. 21]. Вопрос этот требует особого внимания. В этой связи можно лишь констатировать, что отдельные случаи кремации известны по кавказским памятникам второй половины III тыс. до н. э. (Тквиави, Степанакерт, Хаченагет) [Макалатиа С. И., 1943; Гуммель,

1948; Кушнарева, 1954]. Вместе с тем в ранних «царских» курганах Цнори и Бедени вождей еще не сжигали. По-видимому, начиная с XVII в. до н. э. обряд кремации под воздействием хеттского ритуала становится достоянием привилегированной части кавказского общества; кремация, согласно ритуалу, способствовала переходу в сонм богов. С хеттским ритуалом может быть сопоставлено и сооружение огромных каменных помещений, перекрытых курганными насыпями. В хеттском обществе погребения царей в «каменных домах» было связано, в частности, с культом предков, курган же имел функцию святилища. Курганы и «каменные дома» функционально были единичными [Оттеп, 1958; Бериашвили, 1982, с. 50]. Обряд же помещения в гробницы колесниц — особого признака престижа, возможно, был заимствован из ритуала погребений шумерских царей (царские погребения Ура). С помощью погребального экипажа и других предметов особого назначения обеспечивались условия для переправы лиц высокого ранга в иную сферу.

Космическая связь в области металлопроизводства. Последними исследованиями этой отрасли ремесла в Малой Азии и на Южном Кавказе [Esin, 1969; Абесадзе, 1974а, 1974б; Геворкян, 1980] устанавливаются следующие факты: 1) преобладание на Южном Кавказе в III тыс. до н. э. изделий из низконикелистой меди свидетельствует об эксплуатации местных сырьевых ресурсов в пределах Армянского нагорья. С начала II тыс. до н. э. происходит переориентировка сырьевых источников, начинается активное использование высоконикелистых месторождений, расположенных вне этого региона; 2) как известно, в III тыс. до н. э. южнокавказские изделия отливались из мышьяковистой меди, в то время как в Анатолии в этот период преобладали оловянистые бронзы. Логично думать, что технологические традиции изготовления последней на рубеже III—II тыс. до н. э. проникают в Закавказье именно оттуда. Таким образом, связи осуществлялись как по линии использования новых удаленных оловянистых месторождений (А. Ц. Геворкян предполагает, что они расположены на территории Передней Азии), так и по линии восприятия рецептов более эффективных сплавов.

В плане связей выразительны и некоторые металлические формы — втульчатые копья, узкие мечи — «рапиры», проушные топоры, ювелирные изделия. Парадные наконечники копий (Триалети, Кировакан, Месхети, Бошури) находят прямые аналогии в Сирии (Рас-Шамра I), Микенах (IV шахтовая гробница) и Трое IV, где они датируются XVII—XV вв. до н. э. [Schaeffer, 1943, fig. 56]. Их рассматривают и как предметы сирийского импорта [Мартirosян, 1964, с. 64], и как продукцию местных мастеров, заимствовавших сирийские формы [Джапаридзе О. М., 1969, с. 162]. «Рапиры», найденные в комплексах (Самтавро, Лило, Маисян) и случайно (Воротна-Берт, Дзора-ГЭС, Качаган, Ангехакот, Ноемберян), связываются с крито-микенским оружием. Очевидно, первые их экземпляры попали на Кавказ из эгейского мира. Вероятно, в дальнейшем наладилось их местное производство, о чем говорит сходство южнокавказских «рапир» между собой. Импульсами Юга следует объяснить и появление архаичных проушных топоров, представленных в этот период экземплярами из Ленинанкана, Грма-Геле, Гумбати, Навура, Бодорна, Кировакана и др. Их аналогии — топоры Гавра VI, анатолийского Кюль-Тепе, приурмийского Геой-Тепе. Перечисленные памятники очерчивают широкий круг их бытования.

Ювелирные изделия из «царских» курганов уникальны. По мнению специалистов, это продукция местных ювелиров, имевших в своем распоряжении высокую техническую базу; напомним, что начиная со

второй половины III тыс. до н. э. Кавказ входит в тот ареал, где в ювелирном деле бытовала специфическая терминология; в частности, в обращении были термины, обозначающие чистое золото, золото с различными примесями и др. [Дедабришвили, 1979, с. 66]. Особенно горячие споры вызвала трактовка семантики ритуальной сцены на знаменитом серебряном кубке из V кургана Триалети [Куфтин, 1941, с. 89; Ушаков, 1941; Амиранашвили, 1947; Чиковани М. Я., 1947; Меликишвили, 1965а, с. 20; Бериашвили, Схиртладзе, 1984; Джапаридзе Н. О., 1988, с. 15]. Большинство исследователей, связывая изображенный на кубке ритуал с божеством охоты или культом плодородия, относят эту композицию к мотивам хеттского искусства и считают, что кубок является одним из шедевров культуры хеттско-малоазийского круга. Иные рассматривают кубок как образец местного чеканного искусства и видят в изображенной на нем сцене элементы общественной структуры того времени [Бардавелидзе, 1957, с. 94]. Однако эти точки зрения фактически не противоречат друг другу. Композиция на триалетском кубке недавно вновь стала объектом внимания [Арешян, 1988б]. Это совпало с находкой в одном из богатых курганов могильника Карашамб, в Армении, своеобразного аналога триалетскому сосуду — серебряного кубка с шестью чеканенными фризами, изображающими мифологические сюжеты [Оганесян, 1988]. Анализ этих сложных композиций, осуществленный с привлечением огромного круга памятников изобразительного искусства, лингвистических данных, фольклора, письменных источников и археологических реалий, привел к заключению, что два родственных закавказских шедевра древней торевтики отражают индоевропейскую мифологическую тематику. Их изготовление должно было быть связано с носителями триалетской культуры, имеющими индоевропейское происхождение. При бесспорном художественном своеобразии кубки несут в себе заметные следы влияния малоазийских и, в меньшей степени, месопотамских культур; зоной контактов этих влияний скорее всего были западные области Армянского нагорья, до сих пор археологически слабо исследованные. Именно здесь, вероятно, находился центр культурных и миграционных импульсов, направлявшихся в Закавказье в конце III — начале II тыс. до н. э. В этих процессах принимали участие и индоевропейские этнические группы [Оганесян, 1988, 1990]. Напомним, что в свое время именно с западными областями Армянского нагорья Б. Б. Пиотровский [1955б] связывал памятники кировакано-триалетского облика.

Индоевропейские мифологемы «читаются» и на других художественных изделиях триалетской культуры. Это «львиный» сюжет, воплощенный в золотой фигурке из Цнори, в географических изображениях на триалетских штандартах и на кироваканской золотой чаше. В этот же круг сюжетов входят композиции на сосудах Аруча, Геташена, Ахча, Ханлара.

Различные изделия из драгоценных металлов несут отпечатки влияния различных культур. Так, серебряные кубки с высокоподнятыми ручками и цилиндрические кубки из Кировакана и Триалети сопоставляются с малоазийскими гончарными изделиями [Арешян, 1973]. Золотые же и бронзовые височные завитки близки к месопотамским образцам, восходящим к украшениям головного убора царицы Шубад из гробницы в Уре. С изделиями из Ура сопоставляются триалетские ларцы с золотыми перегородками, инкрустированные камнями и обсидианом. С месопотамскими традициями также связано триалетское ожерелье с кулоном из агата, оправленным в золото. Техника его исполнения близка способу изготовления урукского кулона, хотя последний имеет иную форму.

Самый массовый материал — керамика также испытала влияние южных культур. С каппадокийской посудой, в частности, может быть связано появление росписи в виде волнистых линий, шевронов, свастик, не встречавшихся на чернолощеной посуде III тыс. до н. э. [Bittell, 1937, VII, 3]. На фоне массовой керамики Кавказа выделяются экземпляры инокультурного облика. Это сосуды с декоративными ушками, похожие на посуду эгейского круга [Пендлбери, 1950, рис. 4, 2], а также чернолощенные и расписные сосуды с высокоподнятыми ручками (Воскеваз, Кировакан, Лчашен, Арич, Камакатар, Элар) — так называемые киафы и канфары, напоминающие серебряные кубки Кировакана. Их прототипы бытовали в халколитических памятниках Анатолии; не прерывая традиций, они позднее бытуют среди «хеттской» керамики [Арешян, 1973, с. 45]. Учитывая близость технических приемов изготовления южнокавказских «киафов» и «канфаров» с массовой местной посудой, а также то обстоятельство, что посуда, как правило, не являлась объектом торговли, следует считать, что южнокавказские гончары заимствовали их формы.

Влияние южных цивилизаций прослеживается и по расписной керамике типа Кизыл-Ванк, характерной для памятников Нахичевани. Она сопоставляется с посудой приурмийских поселений Хафтаван-Тепе, тепе Гиссар и др. Вместе с поселениями Ирана, нахичеванские памятники характеризуют единую культурную область, которая в свою очередь испытывала на себе западное влияние. Бросается в глаза, в частности, сходство глубоких расписных мисок из Кизыл-Ванка и Геой-Тепе, с сосудами из Богаз-Кея [Gugney, 1966, p. 55].

Таким образом, культурный прогресс Кавказа стимулировался как общим подъемом уровня развития производительных сил, так и постоянными контактами с цивилизациями Юга. В целом рассматриваемый период совпадал со временем образования хеттского, старовавилонского, староассирийского царств, мощного подъема малоазийской культуры и консолидации племен в Восточном Средиземноморье [История Древнего Востока, 1979, с. 130, 198, 232, 245]. Естественно предполагать, что наличие столь мощных цивилизаций должно было оказывать постоянное воздействие на соседние территории.

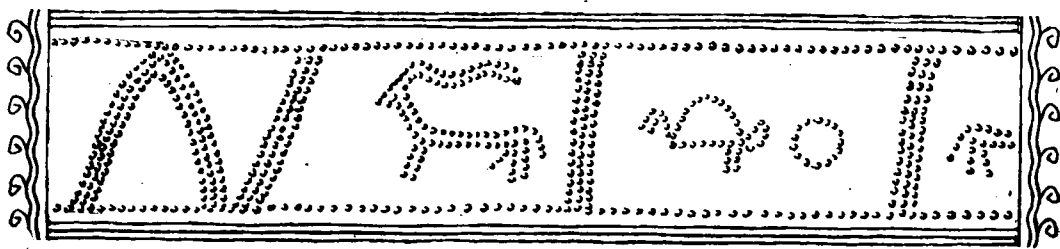
Контакты существовали и с Севером, хотя они выявлены менее четко. Высказывалось предположение, что четырехколесные повозки кавказские племена заимствовали у степных кочевников [Массон, 1973, с. 110]. Последние, в свою очередь, являлись посредниками в распространении кавказских бронз, в частности западнокавказских изделий, которые встречаются в памятниках срубной, фатьяновской и других культур. Наконец, орнаментальные элементы на части триалетской керамики (налепные шишечки, волюты), возможно, восходят к трипольским и прикубанским мотивам [Формозов, 1965, рис. 30, 40—41].

Неожиданное направление связей дают колхидские поселения, в которых обнаруживается сходство с террамарами Северной Италии [Säflund, 1939]. Сопоставления намечаются как в характере жилых построек с деревянными или плетеными настилами полов, покрытыми непроницаемой навозной землей, и специфических помещений — срубных ячеек, так и в отдельных элементах материальной культуры. К последним следует отнести бадьевидные сосуды с «жаберным» орнаментом, костяные шилья, черенковые и роговые и каменные наконечники стрел [Микеладзе, 1980, с. 21, 23, 25]. Сущность этих связей остается не выявленной. В какой-то мере сходство могло быть порождено близкими экологическими условиями Колхидской низменности и долины р. По. Однако синхронность этих культур указывает на возможность прямых

либо опосредствованных контактов протоколхов с обитателями итальянских террамар.

Так географическое положение Кавказа, находящегося на стыке Передней Азии и Восточной Европы, с одной стороны, и высокий уровень развития кавказского общества конца III — первой половины II тыс. до н. э. — с другой, стимулировали постоянные связи последнего с окружающим его миром.

III.

К ПРОБЛЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ЮЖНОГО КАВКАЗА VI—II тыс. до н. э.

Реконструкция древних общественных структур — одно из наиболее сложных направлений в археологии. В отличие от процессов производства, для освещения (хотя бы в первом приближении) этой сферы жизнепроявлений первобытных народов только археологической базы, сколь обширной она ни была бы, явно недостаточно: в любом случае здесь необходимо привлечение функционально различных категорий памятников (в первую очередь поселений, стоянок и могильников, а также мастерских, культовых мест и пр.). При их использовании следует учитывать характер информации, которую несет тот или иной вид памятника, а также специфику памятников в разных регионах и на разных этапах исторического развития. Существенный вклад в разработку проблемы вносит этнография; однако этнографические материалы, дошедшие до современности обычно в преломленном виде, следует привлекать с особой осторожностью — с поправкой на время, их географическую и этническую атрибуцию, а также с учетом таких явлений, как передвижения народов, традиции, инновации и др.

Изучение поселений как наиболее информативного объекта социологического исследования породило обширную литературу; на Западе это направление получило название «поселенческая археология». В нашей стране к этой проблеме повысился интерес лишь недавно, что выразилось в проведении тематических симпозиумов [РДООАМЖП, 1974; Древние города, 1977, и др.], выходе ряда статей и монографий.

Проблема общественных отношений ставится и на материалах могильников, которые в определенной мере отражают черты хозяйства, быта, социального и духовного склада древних обществ; они обусловлены названными аспектами их жизни. Но эта обусловленность носит опосредствованный характер и всегда требует определенной корреляции [см., напр.; Массон, 1973; 1976, с. 149—176; Алекшин, 1975, 1980, 1985; Хлопин, 1984, и др.].

В кавказоведческой археологической литературе вопросам общественных отношений уделяется мало внимания. Имеющиеся наблюдения носят фрагментарный характер и выражаются, за редким исключением [Кавтарадзе, 1979; Миндиашвили, 1983; Амирханов, 1987; Киквидзе, 1988], в общих суждениях о дифференциации населения того или иного периода, основанных, как правило, на материалах погребений;

вместе с тем следует заметить, что отдельные кавказские (неогрabenные) погребения содержат обширную информацию по рассматриваемой проблеме. Широко исследующиеся в последние десятилетия поселения и стоянки Кавказа внесли новую информацию по рассматриваемой проблеме [Кушнарева, 1990б]. В целом же историко-археологическая база для ее освещения в регионе недостаточно информативна. В свете сказанного приводимые ниже соображения следует рассматривать как первую попытку обобщения материалов в масштабе региона в русле нового, набирающего скорость направления в отечественной и зарубежной археологии.

Особенно трудно реконструируется социальная организация Кавказа IX—VII тыс. до н. э., что происходит из-за слабой изученности и сравнительной малочисленности мезолитических стоянок; последнее, бесспорно, отражает специфику плотности населения в регионе и характер расселения мезолитических охотников и собирателей. Для обществ с присваивающей экономикой типична низкая плотность населения: у аборигенов Северной Америки, например, она составляла от 0.05 до 0.1 человека на 1 кв. милю [Титов, 1962, с. 21].

В свое время при сопоставлении размеров мезолитических стоянок со стоянками эпохи палеолита на территории СССР было обращено внимание на незначительные размеры первых и их периодическую заселяемость в течение одной исторической эпохи; сравнительно небольшие размеры имеют и мезолитические стоянки Кавказа. Этот факт рассматривается в увязке с переходом от палеолитической загонной охоты на стадных животных больших человеческих коллективов к охоте на мелких быстроходных нестадных животных с помощью нового метательного оружия. Последнее, в свою очередь, в восточноевропейских пространствах привело к исчезновению прочной оседлости и установлению более подвижного образа жизни, а также к дроблению крупных общин, обитавших на огромных поселениях [Рогачев, 1970], на более мелкие; соответственно сокращалась площадь мезолитических стоянок по сравнению с палеолитическими.

Величина общины охотников, рыболовов и собирателей была твердо лимитирована природными ресурсами; она ограничивалась количеством дичи, рыбы, съедобных корней и плодов на доступной территории. Этнографические параллели обществ, по уровню развития близких мезолитическим охотникам Европы, показывают, что численность таких общин невелика: у тасманийцев 30—50 человек, у австралийцев 50—100 [Формозов, 1959, с. 19]. Мировая средняя величина таких коллективов 40—100 человек [Кабо, 1980, с. 72]; при этом 8—12 мужчин обычно заняты охотой, а женщины — собирательством. Возникшие в результате дробления крупных общин, эти общины являлись главной социально-экономической единицей доземледельческого общества, оптимально приспособленной к экологическим условиям.

Общины носили родовой [Ефименко, 1957, с. 25] или семейный [Кабо, 1980, с. 77] характер. Объединенные сложной системой хозяйственных и духовных связей, они составляли ту основу, на базе которой формировалось племя. Отражением этого процесса является возникновение в эпоху мезолита ряда локальных культур или локальных вариантов более широкого культурного единства, при котором группа расположенных поблизости стоянок дает сходный производственный инвентарь. «По-видимому, различия между мезолитическими культурами имеют этнический характер и в сложении этих культур отражено расселение по сопредельным районам родственных общин, возникших при дроблении крупных общин более раннего времени» [Формозов, 1957, с. 21]. Отталкиваясь от этого определения, можно допу-

стать, что в условиях гористого рельефа Кавказа практически каждое ущелье с пещерами и укрытиями, охотничьими угодьями и водными ресурсами могло составить «жизненное пространство» для одной-двух родственных общин. Объединения таких общин, занимавшие уже более обширные территории, А. Н. Каландадзе [1969, с. 48] предположительно распределяет в ряде конкретных районов Грузии: если Джручальское или Черульское ущелья были заняты одной или несколькими родовыми общинами, то среднее течение Квирильского бассейна могло принадлежать крупному объединению общин, т. е. племени. Такие же объединения могли занимать Дзирульско-Чхемирельские и Дзеврульско-Цхалчительские ущелья.

Для более обоснованной постановки вопроса потребуются дополнительные целенаправленные исследования характера и плотности размещения стоянок на местности, уточнения их размеров, установления мощности культурных напластований. Лишь эти данные смогут в какой-то мере пролить свет на такие важные проблемы, как численность отдельных кавказских общин и характер их объединений в более крупные общественные группировки, степень оседлости либо подвижности населения и др.

Социальные последствия «неолитической революции» в археологических материалах реализуются значительно лучше; с переходом к земледелию и скотоводству во всех областях Старого Света появляются стационарные поселения с искусственными жилищами, рассчитанные на постоянное обитание. Тип поселений обуславливался природно-климатическим окружением, наличием традиций, строительного материала и рядом других факторов. Самые ранние земледельческие поселения Передней и Средней Азии отмечаются плотной застройкой; размеры поселений колеблются в пределах 0.1—2.5 га. С прогрессом земледельческого хозяйства формируется и иерархия поселений, что хорошо видно по памятникам Туркмении, где намечаются три типа поселений: площадью 0.1—2 га, 4—12, более 20 га [Энеолит СССР, 1982, с. 15]. Последнее десятилетие ознаменовалось открытием десятков раннеземледельческих поселений на равнинах Закавказья. Для них характерны та же плотная застройка глинобитными домами и хозяйственными клетушками, сходство убранства жилищ, близкий набор бытовых изделий. Это позволяет рассматривать Закавказье VI—IV тыс. до н. э. как часть обширной культурно-исторической ойкумены.

Почти все закавказские поселения исследованы частично, что ограничивает их информативность в плане социальных реконструкций. Однако частая повторяемость размеров жилищ и общей планировки поселений позволяют сделать некоторые выводы. Погребения этого периода — второй информативный источник — исследованы крайне слабо. Структурный анализ этих объектов, направленный на выявление социальных группировок, до сих пор фактически не предпринимался.

Единственным полностью раскопанным памятником рассматриваемого времени является поселение Чох [Котович В. Г., 1957; Амирханов, 1987]. Напомним, что оно отличается от многочисленных равнинных поселений своей ранней датой (рубеж VII—VI тыс. до н. э.), расположением в горной зоне и характером архитектурно-строительного комплекса; поселение фиксирует момент завершения перехода к земледелию и скотоводству. Чох находится в высокогорном Дагестане на верхней террасе глубокого ущелья. Материалы поселения всесторонне интерпретированы его последним исследователем, Х. А. Амирхановым. Площадь, занимаемая поселением, составляла

около 800 м²; таким образом, это было маленькое поселение горского типа. Оно состояло из двух просторных однокамерных круглых жилищ архаичного облика; одно из них, исследованное полностью, имело площадь 60 м²; есть основание считать, что второе имело приблизительно такие же размеры. В центре каждого жилища находился стационарный каменный очаг, что указывает, наряду с отсутствием какого бы то ни было членения жилищ, на общее хозяйство проживавших здесь людей. Экономическое единство обитателей однокамерных жилищ нашло последствием отражение в лексике дагестанских горцев, у которых слово «очаг» употребляется в значении «дом», «семья», «хозяйство», а эти понятия в свою очередь передаются словом, означающим «зажигание огня» [Исламмагомедов, 1967, с. 169].

Внушительные размеры жилищ, а также массивные каменные стены, для сооружения которых, при отсутствии строительных навыков и низкой технике, потребовались значительные трудозатраты, позволяют представить себе, что их постройка осуществлялась достаточно большим количеством людей; предполагать, что каждое из жилищ строила для себя малая семья, состоявшая, судя по этнографическим и письменным данным, из 4—8 человек [Амирханов, 1987, с. 111; Дьяконов, 1959, с. 20], нет оснований. Малая семья не являлась самостоятельной экономической единицей первобытно-общинного строя на рассматриваемом этапе его развития. Высказано предположение, что в каждом жилище проживало по шесть малых семей, составляющих семейную общину или большую семью. За основу такого вывода взято понятие «наименьшее жилое пространство» (необходимое для малой семьи), введенное в науку в результате изучения верхнепалеолитических жилищ Русской равнины [Гладких, 1974, с. 21]. При этом была сделана логическая поправка на увеличение «наименьшего жилого пространства» в условиях перехода к прочной оседлости и производящей экономике; оно приблизительно регламентируется площадью среднего дома энеолитических поселений Закавказья (10 м²), предназначенных для проживания малых семей. Таким образом, если исходить из наименьшего из принятых в этнографии состава малой семьи (4 чел.), в каждом чохском доме проживало около 25 человек; тогда все население Чоха должно было составлять примерно 50 человек. Таковы выводы Х. А. Амирханова [1987, с. 111]. В своих расчетах он опирался на минимальное (из допустимых) количество членов малой семьи (4 чел.). Если же за точку отсчета взять ее средний или максимальный состав (8 чел.), то предположительно число малых семей, проживавших в Чохе, должно быть уменьшено.

Исходя из этнографических данных, документирующих семейно-общинный уклад у групп населения, практикующих ранние формы производящего хозяйства (мотыжные земледельцы), а также учитывая размеры и особенности планировки жилых домов Чоха, высказано суждение, что в каждом из них проживала небольшая семейная община. Открытие раннеземледельческой культуры на Кавказе, у истоков которой находится Чохское поселение, значительно удревнило предположительное время формирования семейно-общинного уклада; еще сравнительно недавно самая ранняя семейная община на Кавказе, из-за отсутствия более древних памятников, была отнесена к III тыс. до н. э. [Карапетян, 1967, с. 41].

Таким образом, Чохское поселение является наиболее ранним поселением горского типа, дальнейшее развитие которого отразилось в многовековой строительной-архитектурной традиции горного Кавказа. Среди ныне бытующих в горах Дагестана традиционных форм жилищ примечательны большие однокамерные постройки, расценивающиеся

этнографами как древнейшие в эволюции домостроительства [Исламагомедов, 1967, с. 50; Агаширинова, 1978, с. 162; Амирханов, 1987, с. 109]. Такие большие дома в своем первоначальном назначении связывались с большесемейным или семейно-общинным укладом жизни. Существенно, что в некоторых дагестанских языках сохранился термин родства — «люди одного дома», подразумевающий иной, более узкий круг, чем в родовой общине.

Как будет показано ниже, на рассматриваемом нами отрезке времени основной ячейкой общества была семейная община. Община являлась основным социальным организмом всей первобытной действительности; предполагается, что в своем развитии она прошла три последовательных этапа: родовая, семейная, соседская. Вместе с тем такое членение отнюдь не отражает всего многообразия древних общинных институтов [Маретина, 1980, с. 23]. Этнографы утверждают, что семейная община составляла локальную часть рода, а не род в целом [Бутинов, 1968, с. 143; Данилова, 1968, с. 33; Аверкиева, 1974, с. 196], так как род был экзогамен. Семейная община является объединением родственных семей, представляющих минимум два рода: в отличие от рода — объединения кровных родственников, община состоит из семей и основывается на кровном родстве, свойстве и родственных связях [Кабо, 1986, с. 10]. Такова принимаемая нами трактовка этой социальной ячейки первобытного общества. Однако она далеко не однозначна, что проистекает главным образом от структурного разнообразия общин ранних земледельцев и скотоводов.

Исследователи рассматривают семейную общину как единый экономический организм. «Хозяйственная сущность ее заключается в общинном (коллективном) владении землей, орудиями производства, домашним скотом и другими хозяйственным имуществом, совместном производстве и совместном же потреблении. Эта хозяйственная сущность большой семьи составляет естественное основание и ее общественной функции» [Косвен, 1963, с. 6]. Такая община была более стабильна по сравнению с кровной общиной охотников и собирателей, где довлела постоянная необходимость сезонного распада ее членов на отдельные группы. Число членов общины зависело от различных факторов: у мотыжных земледельцев, например, 100—200 человек. Община иногда состоит из 350—400 человек [Там же, с. 71; Бахта, 1968, с. 298]. Таким образом, чохская община была относительно небольшой.

Горных поселений типа Чоха — мест проживания одной маленькой раннеземледельческой общины — на Кавказе мы пока не знаем. Их существование в прошлом не вызывает сомнения, ибо процесс перехода к производящей экономике в разных регионах мира (в том числе на Кавказе) протекал в горных субтропиках, где для этого существовали оптимальные экологические условия [Вавилов, 1932, с. 12]; на Кавказе это блестяще подтверждает факт открытия Чоха. Социально близкими этому поселению можно считать небольшие поселки типа Джейтуна, в которых проживало примерно 60—100 человек [Массон, 1971, с. 102]. Они функционировали по всему Переднему Востоку.

Многочисленные степные и равнинные энеолитические поселения Закавказья V—IV тыс. предоставляют убедительные материалы для констатации общинного уклада жизни их обитателей. Они были маленькими (пл. 0,5—1 га) и располагались группами, что можно толковать скорее всего как результат сегментации разросшейся первоначальной общины: «Как только число членов общины превышает то, которое необходимо для выполнения максимальной хозяйственной функции, так вскоре от общины отделяется значительная часть ее

членов. Они уходят в другое место и образуют начало новой общины» [Бутинов, 1960]. Пример отпочкования поселений прослеживается, в частности, на археологических материалах Кавказа.

По сравнению с двумя нерасчлененными жилищами Чоха застройка южнокавказских поселений (при сохранении основной планировочной единицы — круглого дома) представляется значительно более дифференцированной. Здесь наблюдается ряд новшеств в плане усложнения и членения жилищно-хозяйственного комплекса, усовершенствования интерьера домов, использования нового строительного материала (глина), новой техники. Жилье и хозяйственные постройки обычно составляют взаимосвязанный комплекс, включающий дом, дворик, помещения и ямы для хранения продуктов, наружные очаги [Энеолит СССР, 1982, табл. 8]. На всех поселениях основной застроечной единицей являлись круглые дома, имевшие площадь в среднем 10 м²; не вызывает сомнения, что здесь проживали отдельные семьи. Дома были однотипные, внутреннее пространство не дифференцировано. Таким образом, по сравнению с нерасчлененными чохскими жилищами бытовые условия населения значительно улучшились, что следует поставить в прямую связь с повышением уровня производительных сил за прошедшие 1000—1500 лет. Это сказалось и на всем комплексе материальной культуры.

При раскопках поселения Шулаверис-Гора было обращено внимание на тенденцию к объединению небольших однокомнатных домиков в многокомнатные; четкой планировки здесь еще не наблюдается, комплексы объединяются как бы стихийно (рис. 6, 2, 3) [Джавахишвили А. И., 1973, с. 212]. На Имирис-Гора — более четкая планировка; здесь в разных горизонтах открыты группы домов, лепящихся вокруг небольших площадей и огражденных вместе с двориками и подсобными помещениями криволинейными стенами (5) [Джавахишвили А. И., 1973, с. 37; Амирджанов, 1983, с. 2]. Это уже как бы вычлененные многокомнатные дома, включавшие в себя жилье и хозяйственные помещения. На Аликемек-Тепеси несколько домов разместились вокруг девяти кладовых и были связаны между собой дуговой стеной (4) [Махмудов, Нариманов, 1974]. Расположение домов группами прослеживается также на поселениях Техут, Кюль-Тепе, Иланлы-Тепе.

Тенденцию к группировке отдельных жилищ в многокомнатные дома следует трактовать как показатель объединений малых семей в большие с единым хозяйственным укладом; иного объяснения такая планировка не находит. Таким образом, семейно-общинный уклад, предполагаемый для Чоха, фиксируется и памятниками V—IV тыс. до н. э. Вычленение отдельных домов малых семей, не наблюдавшееся в Чохе, очевидно, следует объяснить особенностями структуры самих общин; мы уже говорили, что община в своих формопроявлениях весьма многообразна. Нельзя также сбрасывать со счетов и разницу в экологических условиях: в Чохе, где климат был более суровым, чем на равнинах Закавказья, вероятно, существовала тенденция к скученному проживанию; кроме того, постройка каменных сооружений требовала значительно больших трудозатрат, нежели возведение глиняных строений.

Прогресс земледелия и скотоводства повлек за собой резкое увеличение численности населения. Разрасталась и главная социально-экономическая ячейка — семейная община. Любопытны в этом плане подсчеты численности жителей на закавказских энеолитических поселках и группах поселений, обосновавшихся в отдельных оазисах. Разумеется, они носят условный характер. Напомним, что в Шулаверском оазисе обосновалось 4 поселения. Исходя из ориентировочного количе-

ства домиков на поселении Шулаверис-Гора и принимая численность малой семьи в 4—8 человек, было подсчитано, что общее число жителей на Шулаверис-Гора в среднем достигало 400—500, на Имирис-Гора — 300, а на двух остальных поселениях оазиса — Дангреули-Гора и Гадачрили-Гора — проживало по 200—250 человек [Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И., 1971, с. 110]. В какой-то период в оазисе проживало около 1200 человек. Исходя из численности общин мотыжных земледельцев, можно допустить, что каждое поселение было местом обитания одной большесемейной общины.

Сравнительный анализ строительных горизонтов Шулаверис-Гора и Имирис-Гора показывает, что последнее, так же как и два других поселения оазиса, отпочковались от первого. Ярким примером такого расселения является также геоксюрская группа древних поселений в Туркмении [Хлопин, 1964, с. 133]. Вероятно, такая ситуация отражает процессы сегментации большесемейных общин [Хлопин, 1968] и образования патронимических группировок [Косвен, 1931]. «Уровень развития производительных сил, присущий патриархально-родовому строю, ограничивает размер семейной общины. Естественно размножаясь, эта община время от времени сегментируется, распадается на ряд таких же, но меньших по размеру семейных общин, которые со временем, в свою очередь разросшись, таким же порядком сегментируются. Происшедшие от одной большой семьи новые семьи сохраняют в некоторых отношениях известную общность и представляют собой особую, также свойственную патриархально-родовому строю, родственную группу, которую мы называем патронимией» [Косвен, 1963, с. 6]. Пережиточные формы патронимических отношений были крайне стойкими на Кавказе в среде армян, грузин, осетин, адыгов и ряда других народов еще в начале XX в. [Хашаев, 1956; Харадзе, 1960, 1961; Косвен, 1961, с. 32—42 и др.]. В горных районах Восточной и Западной Армении, в частности, до недавнего времени сохранялась наиболее архаичная форма патронимических (*азговых* — арм.) поселений в виде самостоятельных поселков, образовавшихся в результате сегментации семейной общины [Карапетян, 1967, с. 29]. В архаичном прошлом патронимии, по-видимому, как правило, составляли отдельные селения либо группу отдельных поселков, что чрезвычайно важно для понимания социального аспекта древних памятников; патронимии, отделившиеся от первоначальной семейной общины, расселялись иногда на тех же поселениях. Таким образом, обитатели компактных групп древних поселений находились в родстве [Косвен, 1963, с. 104].

Большесемейная община, возникшая на ранних этапах развития производящего хозяйства, была наиболее жизненной социально-экономической ячейкой; она наилучшим образом реализовывала хозяйственную функцию и, в силу относительной немногочисленности, была сравнительно легко управляемой. Судя по многокомнатным домам, зафиксированным на ряде поселений Передней и Средней Азии (Умм-Дабация, Тель-Сотто, Хассуна, Джейтун, Намазга и др.), повсюду люди жили семейно-общинным укладом [Антонова, 1988].

Община имела общее хозяйство — посевные участки, пастбища, охотничьи угодья, мастерские, хранилища и являла собой таким образом пример «общества, основанного на общей собственности» [Маркс, т. 19, с. 419]. Труд был коллективным, результаты труда уравнительными [Першиц, 1960, с. 12; Семенов Ю. И., 1978, с. 68]. Община «одновременно и хозяйственный, и семейно-бытовой, и идеологический коллектив» [Данилова, 1968, с. 59]. Все члены общины осознают свои родственные узы. Община брала на себя функции защиты каждого своего члена.

Коллективное земледелие — основа общинного уклада жизни как пережиточная форма хозяйствования была характерна, в частности, для кавказских горских народов в период дотеррасного земледелия и сохранилась на Кавказе кое-где и поныне [Агларов, 1974, с. 67]. Как известно, самые ранние террасы на Кавказе приурочены к III тыс. до н. э. [Котович В. М., 1965].

На посемейное распределение продуктов питания из общественного фонда указывают ямы и емкости для их хранения в жилых и хозяйственных помещениях кавказских поселений. Так, девять хозяйственных построек, вокруг которых разместились жилые помещения, обнаружены на поселении Аликмек-Тепеси. Скопление ям-хранилищ открыто на незастроенном участке Техута; так же как и джейтунские зернохранилища, их можно трактовать как принадлежащие большим семьям или патронимиям.

Сопоставление интерьеров жилищ кавказских поселений и их производственного инвентаря свидетельствует о равном положении общинников;¹ на всех поселениях мы встречаем монотонную застройку небольшими домами с их примитивным убранством; ни один комплекс не выделялся особой обстановкой. По-видимому, процесс накопления прибавочного продукта на этом этапе производящего хозяйства только начинался, что нашло слабое отражение в погребальных комплексах. В целом погребения этого времени демонстрируют ту же ситуацию равенства.

Сегодня известен один могильник на поселении Кюль-Тепе [Абибуллаев, 1982, с. 76] и девять погребений из различных горизонтов Аликмек-Тепеси [Махмудов, Нариманов, 1973, 1974]; единичные захоронения на других памятниках маловыразительны. Подавляющее большинство захоронений одиночные, взрослые. Отсутствие половозрастных определений лишает возможности выявить связь между группами покойных и категориями погребального инвентаря. Среди последнего на Кюль-Тепе преобладают бусы (в 21 погребении из 31, причем в трех количество бус было 496, 392 и 314) и обсидиановые пластинки (в 12 из 34). Из 85 погребений здесь только в 31 (36,5%) находились сопровождающие предметы. Остальные 54 (63,5%) безынвентарные, что позволяет причислить их, согласно принятой для общества с подобным уровнем развития традиции [Алексин, 1986], к категории бедных. Любопытно, что это соотношение совпадает с данными синхронных могильников Малой Азии, где лишь в 35% погребений находился сопровождающий инвентарь [Там же, с. 25].

В двух случаях на Кюль-Тепе покойников сопровождали навершия булав и максимальное (4) количество типов вещей. Остальные 27 погребений с инвентарем от 1 до 3 типов вещей следует квалифицировать как стандартные, причем среди них преобладали погребения с одним предметом (17), среднее их число имело по два типа вещей (7) и наименьшее — по три. Во всех погребениях Аликмек-Тепеси кроме одного сосуда ничего не обнаружено. Иными словами, согласно принятой номенклатуре большинство стандартных погребений приближалось к категории бедных, нежели богатых (в последних количество типов доходит до семи, что ни в одном энеолитическом погребении

¹ В литературе высказана точка зрения, что община в этот период была уже экономически расчленена на обособленные малые семьи и что тем самым кавказские раннеземледельческие поселения отражают процесс распада общины [Киквидзе, 1976, с. 43; Миндиашвили, 1980, с. 193; 1983, с. 182]. Нам представляется, что на рассматриваемой стадии развития общества принцип коллективизма и равенства был еще его основой; на это указывают характер застройки поселений и однотипное убранство домов, а также погребения без явных признаков дифференциации.

Закавказья не зафиксировано). Незначительные вариации инвентаря отражают, скорее всего, существование половозрастных групп. Сам же факт появления в могилах единичных вещей можно рассматривать как первые шаги в накоплении кюль-тепинской общиной прибавочного продукта, который она имела возможность отторгнуть в пользу умерших сородичей. По-видимому, в могилы клали личные вещи покойных, использовавшиеся ими при жизни в интересах общины; они не являются показателем экономической независимости их владельцев, что хорошо коррелируется с данными этнографии.

Земледельческая община как сложный хозяйственный организм требовала осуществления управленческих функций, которые на ранних этапах производящего хозяйства в условиях полного социального равенства находились в руках глав или старейшин и советов старейшин. Этнографические примеры указывают на основные черты их статуса, хотя в различных обществах он был далеко не одинаковым. Это были старшие, наиболее уважаемые члены общины, имевшие высший авторитет в коллективе. При их избрании играли роль их личные качества, половозрастные признаки и ряд других определяющих факторов [Социально-экономические отношения, 1986, с. 200]. Экономических преимуществ у них не было. В их функции входило распределение производственных заданий, надзор за их выполнением, руководство по проведению сезонных хозяйственных циклов, сооружений ирригационных устройств, регулирование внутриобщинного и межобщинного обмена, принятия мер в случае опасности, разрешение конфликтов, отправление культов. Иными словами, в обязанности избранников народа входило обеспечение благополучия общины. Наблюдения этнографов показывают, что такие начальные формы стратификации, бытовавшие в недрах экономически не расчлененной общины, отражали на первых порах только социальное (а не имущественное) положение этих предводителей [Маретина, 1984, с. 43]. Главы или старейшины на этом этапе считались первыми среди равных (*primus inter pares*).

Согласно статусу, эти лица имели знаки отличия — символы власти, принадлежавшие им лично и сопровождавшие их после смерти [Ноле, 1983]. Последнее находит подтверждение при исследовании древних захоронений, отмеченных особыми знаками отличия; с такими символами хоронили как мужчин, так и женщин. Так, некоторые погребения анаусской культуры отмечены женскими статуэтками [Алексин, 1986, с. 55]; под полом одного из домов Чатал-Гуюка была захоронена женщина с булавой [Mellaart, 1966, p. 181], в святилище же поселения хоронили жриц с обсидиановыми зеркалами, а жрецов — с поясом и пряжкой [Mellaart, 1967, p. 207]. Подобных примеров можно привести много. На бытование на Кавказе аналогичного явления указывают два захоронения (№ 35 и 71) из кюль-тепинского могильника, сопровождаемые навершиями булавы; к сожалению, они не имеют половозрастных определений. «Редкая частота встречаемости некоторых специфических изделий из недорогих материалов (навершия булавы, статуэтки, жезлы, печати) не означает их высокой стоимости, а служит индикатором особого статуса умершего» [Алексин, с. 6]. Об особом положении при жизни похороненных здесь лиц, помимо символов власти, говорят также максимальные, по сравнению с остальными могилами, наборы погребальных атрибутов (до 4 типов вещей) и присутствие в одном из погребений охры, выделяющие их из 85 остальных.

Наличие отличительных знаков в отдельных захоронениях кавказско-переднеазиатского мира при полном отсутствии каких-либо показателей материального неравенства в синхронных местах обитания подтверждает положение этнографов о том, что социальное расслоение

опережает имущественное [Данилова, 1968, с. 51; Маретина, 1984, с. 12] и что богатство является следствием знатности, а не его причиной [Бутинов, 1968, с. 147; Семенов Ю. И., 1973, с. 44].

Вопрос о половозрастном разделении труда у населения Кавказа в исследуемый период затруднен отсутствием антропологических определений. Оно безусловно было, что можно заключить по древним погребениям других регионов. Погребения неолитической Европы, Передней и Средней Азии указывают на сферу женского и мужского труда: женщин обычно сопровождали иглы, шилья, вязальные крючки, пряслица, зернотерки, статуэтки, посуда и др., мужчин — навершия булавы, ядра от пращи, ножи, кинжалы, наконечники стрел и др. Эти же предметы характеризуют деятельность мужчин и женщин в домах отдельных семей как в упомянутых регионах, так и на кавказских поселениях. Мы можем лишь предполагать, что погребения с бусами в могильнике Кюль-Тепе были женскими, а с булавой и обсидиановыми ножами — мужскими.

Не до конца остается ясным вопрос о том, на чьи плечи ложился основной труд в поле. Преобладание мотыг (75%) в мужских погребениях неолитической Европы [Семенов С. А., 1974, с. 185] говорит о том, что это было мужским занятием. Вместе с тем находки мотыжек в погребениях женщин Чатал-Гуюка свидетельствуют об обратном. Последнее подтверждают примеры из жизни островных мотыжных земледельцев [Аверкиева, 1974, с. 205]. Связь женщины с земледелием документирует также этнографические данные Сванетии. Здесь вспашка, сев, косовица, обмолот, выпечка хлеба в основном была занятиями женщин; символизирует это обычай давать женщине в приданое серп [Чартолани, 1989, с. 215]. Вместе с тем полифункциональность костяных мотыг, прослеженная на орудиях кавказского поселения Арухло [Коробкова, 1979], позволяет предположить, что различные по степени трудности земляные работы выполнялись представителями обоих полов.

Экологическое разнообразие Кавказа предопределяло специализацию общин на том или ином виде производства, а это в свою очередь стимулировало межобщинный обмен. Главным предметом обмена в этот период был кавказский обсидиан, спрос на который существовал в широком ареале южных культур [Кушнарева, 1973а]. Специальный интерес этой проблемы представляют оттиски печатей на комках глины из поселений Арухло и Геой-Тепе — очевидно знаки общинной собственности, которые ставили на крышках опечатываемых сосудов или на тюках с товаром, скорее всего предназначенных для обмена. В условиях, когда лошади и осел еще не были одомашнены, возможности пешего хождения на дальние расстояния наталкивались на большие трудности и должны были лимитировать масштабы обмена. Отголоски таких явлений запечатлены в сложившихся в течение многих поколений «песнях обмена» у австралийцев. Обменом занималась мужская часть населения.

Таким образом, археологические и этнографические примеры показывают, что сферой женского труда были некоторые земледельческие работы, ткачество, вязание, изготовление посуды, одежды, приготовление пищи, ведение дома, выполнение религиозных обрядов, мужского — перекопка трудных участков под пашню, рытье оросительных каналов, охота, домостроительство, скотоводство, межобщинный обмен и др. Женщина — хозяйка дома была наиболее почитаема в среде ранних земледельцев, что подтверждается находками исключительно женских статуэток на десятках раннеземледельческих поселений [Антонова, 1977], в том числе поселений Кавказа (рис. 12, 49—51).

При всей условности палеоэкономических расчетов различных видов трудовой деятельности такая возможность все же была использована. Было подсчитано, что в Шулаверском оазисе, где проживало примерно 1200 человек, земельные участки занимали площадь около 260 га [Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И., 1971]. Известно, что в современном Ираке, в условиях экстенсивного земледелия, для обработки 6 га земли требуется около 250 человеко-дней. Если сделать поправку на менее совершенные древние орудия труда (как это предполагалось для общества с аналогичным аграрным уровнем [Adams, 1966, p. 42; Массон, 1971, с. 6]) и увеличить последнюю цифру втрое, то учитывая приблизительную посевную площадь земли в Шулаверском оазисе, на ее обработку ежегодно требовалось примерно 10 000 человеко-дней. Исходя из цикличности земледельческих работ, на которые тратилось приблизительно 3—4 мес. в году, в течение этого времени ежедневно должно было быть занято 10% населения, т. е. примерно 120 человек. Выделение такого количества людей для обеспечения важнейшей экономической функции хозяйства было вполне по силам шулаверским общинам.

Каналы, выявленные около поселений Арухло I—III, по своим габаритам приближались к древним ирригационным сооружениям Средней Азии — обе системы отражают фазу простейших оросительных устройств [Лисицына, 1968, с. 82]. Точный учет количества труда, необходимого для сооружения арухлинских каналов, невозможен вследствие их слабой изученности. Вместе с тем, если исходить из близости расположения поселений к реке и габаритов каналов, близких к геоксюрским (сечение основного геоксюрского канала 2,5 м², арухлинского — 2 м²), то обеспечение землекопами этих работ для арухлинцев не составляло трудности.

В противовес коллективным работам по обработке земли, уходу за скотом, сооружению жилищ, ирригационных каналов и др. домашние производства носили децентрализованный характер. На раннеземледельческих поселениях Кавказа почти в каждом доме изготавливались орудия труда из камня, кости, дерева, обрабатывались шкуры животных [Коробкова, 1981]. Это документируется расположением находок и сырьевых отходов в жилищах. В домах, на очагах кострового типа мог совершаться примитивный обжиг посуды, изготовление которой, судя по данным этнографии, осуществлялось руками женщин [см., напр.: Пещерева, 1959]. Женским трудом обеспечивались также такие утратившие свои следы домашние производства, как ткачество, шитье одежды, плетение, вязание. Вместе с тем находки в домах ножей для обработки туш и шкур животных, а также отходов производства каменных и костяных орудий указывают на занятия мужской части населения.

Духовное единство семейных общин на археологическом материале улавливается слабо. Среди остатков строений на поселениях выделяется здание № 9—10 из Имирис-Гора; его необычная форма, центральный очаг с заложенными в него пшеничными зернами, плоский подиум заднего помещения дали основание трактовать помещение как культовое [Джавахишвили А. И., 1973, с. 65]. На более крупных поселениях, где обитала не одна семейная община, святилищ обычно было несколько. В Чатал-Гуюке, например, в среднем на три семейных дома приходилось одно святилище [Mellaart, 1967, p. 70—84]. Десятки этнографических примеров показывают, что семейные общины и патронимии имели свои собственные места отправления культов.

Итак, основной ячейкой кавказского общества в VI—IV тыс. являлась экономически не дифференцированная семейная община или

большая семья, возглавляемая старейшинами, советом старейшин или подобным органом самоуправления. Вероятно, общины объединялись в более крупные социальные подразделения — племена; в таком случае можно предположить, что племена объединяли общины, заселявшие отдельные оазисы либо ущелья. Земля и скот находились в коллективном пользовании, распределение было посемейным. Отдельные семьи занимались домашними производствами. К концу периода намечается специализация семей на том или ином виде производства. Этот процесс, в дальнейшем повлекший за собой становление общинного ремесла, находился на начальной стадии развития (ранняя форма общинного ремесла).

Резкий подъем уровня развития производительных сил, наступивший ко второй половине IV тыс. до н. э., не мог не сказаться на характере общественных отношений. Судя по числу комплексов эпохи ранней бронзы, намного превосходящего количество энеолитических поселков, в последующее тысячелетие наблюдается значительное увеличение численности населения; это привело к уходу избыточной массы общинников из степей, долин и низких равнин в предгорья и горы. Интенсификация ведущих отраслей хозяйства явилась главной стимулирующей силой в общем культурно-экономическом прогрессе. Подъем земледелия происходит за счет внедрения пашенной обработки земли. Усовершенствуются ирригационные системы. В горах начинается террасостроительство. Посевные площади значительно расширяются. Развитие скотоводства приводит к сложению отгонной формы. Развиваются ремесла — гончарство, металлургия, строительное дело, ткачество и др. Эти экономические преобразования повлекли за собой усложнение социальной структуры, которая в какой-то мере нашла свое материальное выражение в рассматриваемой выше триаде — поселениях, могильниках и производственных комплексах носителей куро-аракской культуры.

Поселения конца IV — первой половины III тыс. до н. э. меняют свой облик. Какая-то их часть продолжает оставаться на прежних местах, другие возникают в новых, необжитых районах. Теперь при выборе мест поселений учитывается не только благоприятная экологическая ситуация; особое значение приобретает фактор обороны. Поселения в предгорных и горных районах обосновываются в труднодоступных местах — на высоких террасах, на мысах, на склонах гор и скальных выступах, окруженных глубокими ущельями, и дополнительно укрепляются оборонительными стенами. Оборонительные сооружения строятся и вокруг поселений в долинах и на равнинах.

В долинах и на равнинах сохраняется оазисное заселение или расположение поселений «цепочками». Эта система указывает на дальнейший процесс сегментации семейно-родственных общин и обоснование вблизи от них патронимических поселков. Выразительны в этом плане несколько поселений на территории Элара, где функционировал общий могильник [Ханзадян, 1979а, с. 153]; это еще один показатель родственных связей населения, обитавшего в соседних поселках.

Размеры некоторых поселений резко увеличиваются по сравнению с более ранними. Формируется иерархия поселений: небольшие селища (1—1,5 га), средние поселения (3—5 га) и крупные «суперцентры» (до 10 га). Последние становятся центрами оазисов. Подсчитано, что на небольшом селище Квацхела обитало одновременно около 200—300 человек; здесь проживала, скорее всего, большесемейная община. Арич — самое крупное из известных кавказских поселений этого времени (12 га); оно занимало примерно такое же господствующее положение в округе, какое было у крупных поселений Чатал-Гуюк и Нор-

шун-Тепе в Анатолии. Площадь этих поселений примерно та же, что и в Ариче. В Чатал-Гуюке, по подсчетам Дж. Мелларта, размещалось не менее 900—1000 домов. Учитывая среднюю численность малой семьи, общее количество жителей в Чатал-Гуюке должно было достигать примерно 4500—6000, в Норшун-Тепе — 5000.

К сожалению, характер застройки Арича не выявлен; несколько открытых помещений имели площадь 25—30 м². Если допустить, что плотность застройки здесь была меньшей, чем в густонаселенном Чатал-Гуюке, и что определенную часть территории занимали незастроенные площади, общественные здания, ограды для скота, культовые постройки, зернохранилища и т. д., факт концентрации в Ариче большой массы населения не вызывает сомнения.

Местом обитания семейных общин остаются многокомнатные дома либо отдельные блоки однокомнатных домов, в которых проживали малые семьи. Характер жилищ меняется, знаменуя собой социально-экономические тенденции, наметившиеся в кавказской этнической среде в конце IV—III тыс. до н. э. Увеличение количества типов вещей и богатства инвентаря в мужских могилах явилось следствием укрепления патриархальных отношений, развивавшихся в связи с нарастающей ролью мужчины в экономической жизни общества. Этому в большой мере способствовал прогресс земледелия (особенно земледелие), отгонного скотоводства, металлургии, являвшихся сферой приложения мужского труда. Значение роли мужчины нашло отражение в таких предметах, как фигурки пастухов (Арич), мужские статуэтки, очажные подставки с фаллическими изображениями, фаллические камни и др. (Квацхела, Амиранис-Гора, Караз); мужские статуэтки приходят на смену женской мелкой пластике, столь характерной для раннеземледельческих памятников Кавказа (Шому-Тепе, Храмис-Диди-Гора, Шулаверис-Гора) и всего Переднего Востока. Выдвижению роли мужчины способствовало возникновение военного фактора, который был неизбежен в условиях начавшегося процесса накопления прибавочного продукта. Положенные в мужские могилы предметы вооружения и строительство оборонительных укреплений как нельзя лучше повествуют о существовании начавшихся межобщинных столкновений. Семейная община и патронимия эпохи патриархата представляют собой результат развития материнской семьи [Косвен, 1963, с. 47]. В начальной фазе она сохраняет свою первобытную сущность. Однако давление на нее экономического фактора со временем видоизменяет характер взаимоотношений в основных общественных группах.

В III тыс. до н. э. планировка поселений более четко указывает на места обитания большесемейных общин. Многокомнатные дома в этот период планируются при застройке; затем, по мере разрастания семей, расширяются за счет пристроек. Встречаются многокомнатные дома, расположенные вокруг дворов (Шенгавит), дома-блоки (Верхний Гуниб) либо группы домов, расположенных рядом друг с другом (Квацхела — рис. 27, 4; Гаргалар-Тепеси), отдельные кварталы домов (Амиранис-Гора — рис. 27, 2; Самшвилде); многокомнатные дома открыты также на поселениях Гаракепек-Тепеси и Сигитма. Один из строительных комплексов Шенгавита состоял из 12 прямоугольных помещений, на фоне которых выделяется одно круглое, трактуемое А. И. Джавахишвили [1973, с. 172] как святилище (рис. 27, 1).¹ Об-

¹ Исходя из этнографических материалов, круглые помещения можно трактовать и как места собраний общины, и как жилища глав больших семей, функции которых как распорядителей и руководителей общинным хозяйством с развитием патриархальных отношений усиливаются. К сожалению, находки в этих помещениях не зафиксированы, что дало бы возможность выявить функцию этих особых помещений.

щая площадь помещений (155 м²) и двора (55 м²) составляла 210 м². Это был скорее всего многокомнатный дом большой семьи или патриархии. Судя по количеству предполагаемых святилищ (13), открытых раскопками на 1/15 площади поселения, таких многокомнатных домов здесь было несколько.

Производство сельскохозяйственных продуктов, постройка плотин, оборонительных и других сооружений осуществлялись, бесспорно, коллективным трудом; общественным было и распределение. Экономическое единство общин отразилось в существовании общих хранилищ. Их постройка являлась также заботой всего коллектива. Особый интерес в этом плане представляет круглое здание с двойным обводом стен (очевидно, для циркуляции воздуха) на поселении Яник-Тепе, трактуемое как зернохранилище. Расположение здания на самом высоком месте поселения, крупные размеры и высокие стены, сложенные узорчатой кладкой, говорят за то, что это было здание, игравшее важную роль в жизни яникской общины. Общие хранилища в виде скопления крупных ям, вмещающих свыше 300 кг зерна, существовали и на других поселениях (Элар, Гудабертка, Баба-Дервиш).

Экономический подъем не замедлил сказаться на уровне жизни общин. В центре комнат, которые занимали, по-видимому, малые семьи, теперь устанавливается очаг. Просторность таких жилищ (в среднем 25 м²), значительно превышающая размеры ульеобразных неолитических построек, применение в строительстве доставляющихся издалека материалов (камень, дерево), новых технических приемов, внутренняя отделка и убранство домов, направленные на обеспечение своеобразного комфорта, наличие семейных хранилищ, хозяйственного инвентаря и ритуальной утвари говорят о стабильности жизни и повысившемся достатке семей. Вместе с тем появление в центре индивидуальных домов стационарных очагов и хранилищ указывает на какие-то изменения в экономической жизни внутри общественных группировок. Этнографические примеры дают возможность проследить процесс изменения патриархальной большесемейной общины, происшедший в связи с общим развитием производительных сил. На первом этапе она сохраняет свою первобытную сущность. В дальнейшем в ее недрах возникает так называемая отдельная (личная) собственность членов (личные заработки, приданое, подарки); идет вызревание и дифференциация в составе большой семьи новой неизвестной ранее общественной ячейки — малой семьи и «в конечном итоге частнособственного начала, которое малая семья призвана воплотить в своем окончательном оформлении» [Косвен, 1963, с. 61].

Процесс экономического обособления индивидуальных семей начинается раньше всего в тех районах, где одновременно не осуществлялись крупномасштабные сельскохозяйственные работы. Для Кавказа это были предположительно области, в которых развивалось террасостроительство; как было показано выше, первые террасы, зафиксированные в горном Дагестане (Верхний Гуниб), датируются III тыс. до н. э. Своеобразная техника сооружения террасных полей должна была привести к индивидуальному труду горных земледельцев уже на первых этапах ее развития. Террасные поля рано становятся посемейными владениями, в связи с чем разрушалась общинная собственность на землю, подрывались основы первобытнообщинного строя [Агларов, 1964, с. 185; 1988, с. 106]. Поддержание и обработка бесчисленных мелких полей требовали выхода горцев на множество земельных участков, что неизбежно приводило к дроблению рабочей силы крупных коллективов на небольшие ячейки. На протяжении всей истории среди ос-

новых производителей преобладали малые семьи, из поколения в поколение обрабатывающие одни и те же участки.

Духовное единство древних общин нашло свое выражение в местах, предназначенных для отправления общинных культов или общественных собраний, характер которых варьировал в зависимости от специфики поселений. На небольшом селище Квацхела, например, это была постройка, внешне ничем не отличающаяся от домов; лишь внутренняя обстановка говорила о том, что это общинное святилище. Святилище Амиранис-Гора располагалось на вершине горы, над поселением и представляло собой систему жертвенных площадок. На крупных поселениях, где были сосредоточены большие массы людей, культовые места оформлялись монументальными постройками. Это ярко демонстрирует своего рода храм с зикуратовидной башней, открытый в центре площади III горизонта поселения Мохра-Блур. Он состоял из мощной каменной платформы и установленного на ней четырехметрового алтаря-монолита [Арешян, Кафадарян, 1975; Арешян, 1982, с. 256]. По масштабам и характеру этот комплекс может быть сопоставлен с алтарем анатолийского Бейчи-султана, представлявшего собой три вертикально поставленные каменные стелы [Lloyd, Mellaart, 1956, pl. X]. Сооружения подобного рода требовали трудозатрат больших коллективов, зато потом они становились духовным средоточием последних.

Наряду с крупными культовыми центрами, где совершались массовые моления, существовали семейные места отправления культов. Духовное единство индивидуальных семей олицетворял домашний очаг, что подтверждают украшения очагов и находки около них ритуальных предметов. Были и специальные культовые постройки. На Шенгавитском поселении это круглые помещения с фигурными очагами в центре, как бы влитые в многокомнатные дома. Возможно, они являлись молельнями — духовным средоточием семейных групп. Такие домашние святилища (domestic shrines) известны по анатолийским поселениям Кюль-Тепе, Каракуюк и др. [Lamb, 1956]. Таким образом, различные по локализации, масштабам и характеру культовые места на поселениях наряду с планировкой домов как бы фиксируют существование таких общественных единиц, как семейная община и малая семья.

На поселениях зафиксированы комплексы, позволяющие говорить о появлении новой формы разделения труда и выделении социально-профессиональных групп в сфере материального производства. Это металлообрабатывающие и гончарные мастерские, документирующие, вместе с их многочисленной продукцией, процесс становления ремесла, начальные формы которого улавливаются по материалам неолитических поселений. Удаленность ряда поселений со следами литейного дела от металлоносных районов говорит о наметившемся разделении труда между рудокопами и горняками, с одной стороны, и литейщиками и кузнецами — с другой. Они работали в маленьких мастерских на окраинах поселений. Одна мастерская с плавильной печью, тиглями, шлаком и литейными формами обнаружена в Гарни. Другая — с тремя плавильными печами — в Баба-Дервише. Третья — с металлургическим горном и техническим углем — на Амиранис-Гора (рис. 19, 20). Остатки литейного дела зафиксированы почти на всех ключевых поселениях. Гончарная мастерская находилась около поселения Великент [Мунчаев, 1975, с. 369]. На первых порах в металлообрабатывающих мастерских выпускался однообразный набор изделий, поступавший, по-видимому, в распоряжение общины. Это был типичный пример общинного ремесла, которое находилось в процессе выделения из сельского хозяйства, но не превратилось еще в отрасль производства, работающую

на рынок. На этом этапе мастер обслуживал членов общины в силу своей принадлежности к этой общине [Бибииков, 1970а, с. 5; Массон, 1982а, с. 56]; община являлась заказчиком, а следовательно, и распределителем его продукции. Вознаграждение за труд ремесленник получал из общественного фонда на правах члена общины.

Таким образом, ремесло на этом этапе развивалось еще в условиях первобытнообщинных отношений, когда «община, являющаяся предпосылкой производства, не позволяет труду отдельного лица быть частным трудом и продукту его быть частным продуктом; напротив, она обуславливает то, что труд отдельного лица выступает непосредственно как функция члена общественного организма» [Маркс, т. 13, с. 20] Общинное ремесло в пережиточной форме зафиксировано этнографами у многих народов. Одним из таких примеров может служить дореволюционное кузнечное дело у туркменского племени мурчали [Овезов, 1957, с. 122]. Здесь на каждый аул, ведущий натуральное хозяйство, приходилось 2—3 кузнеца, состоящих в родстве, которые работали в маленькой мастерской с горном; около последнего прямо на полу лежала куча угля. Изготавливался стандартный набор изделий — лопаты, серпы, ножи, бритвы, цепочки. Продукция обычно не выходила за пределы аула; оплата производилась натурой, чаще всего зерном.

Обособившиеся раньше других специалистов кузнецы и литейщики, занимавшиеся опасным и несколько таинственным делом, с самого же начала проявляют тенденцию к территориальному отделению, пытаясь тем самым сохранить «секреты производства»; эта тенденция находит отражение в топографии крупных мастерских позднебронзового века Кавказа; как правило, они были вынесены за пределы поселений. Впоследствии одной из гарантий сохранения профессиональных секретов стала передача их по наследству, что засвидетельствовано в качестве пережитков у кавказских и других современных народов и у народов, сохраняющих первобытнообщинные порядки. У абхазов, в частности, где развит культ кузни, профессия кузнеца носит родовой или фамильный характер [Чурсин, 1956, с. 75]. У азиатских бурят кузнецом может стать человек, среди предков которого были кузнецы [Липс, 1954, с. 155]. Кузнечное ремесло передавалось по наследству у всех народов банту [Брайант, 1953, с. 238]. Профессиональные приемы хранились в строжайшей тайне, что заставляло кузнецов селиться в уединенных местах.

Имущественная дифференциация на материалах жилищ пока четко не выявляется; здесь безусловно сказывается низкий уровень публикуемых материалов, а также несвоевременное введение в науку исследованных памятников. Все 25 сохранившихся домов маленькой Квацхелы — единственного целиком раскопанного сельского поселения, где проживала семейная община, носили «стандартный характер»: постройки, внутренняя отделка, хозяйственный и культовый инвентарь были примерно одинаковыми [Глonti, 1970]. Можно предполагать, что на крупных поселениях (Шенгавит, Мохра-Блур, Арич) картина была более сложной. Вместе с тем наличие таких монументальных культовых сооружений, как в Мохра-Блуре, а также мощных оборонительных стен на многих поселениях (Шенгавит, Мохра-Блур, Арич, Гинчи, Гаракеп-Тепеси, Яник-Тепе и др.), требовавших больших трудозатрат (а следовательно, отвлечения общинников от основного производства), указывает на рост благосостояния, накопление богатств и имущественную дифференциацию общества. Особенно показательна в этом плане цитадель Элара на вершине холма с двойным обводом стен и подземным ходом, у подножия которой располагались поселения. Оборонительные устройства свидетельствуют о существовавших противостоя-

ниях общин, порождавших необходимость в обороне. Возведение оборонительных укреплений было обусловлено новыми социально-экономическими предпосылками.

Другая категория памятников — могильники — для рассматриваемой проблемы также представляет большой интерес, однако отсутствие половозрастных определений и низкий уровень публикаций многих кавказских погребальных комплексов делают этот источник мало информативным. К нему, в частности, неприменимы методы изучения могильников, используемые для реконструкции структур древних обществ.

В рассматриваемый период меняется топография могильников. При сохранении в отдельных случаях старой традиции устраивать кладбища на территории поселений, могильники конца IV—III тыс. до н. э., как правило, выносятся за их пределы. Они резко меняют свой облик. Бросается в глаза пестрота погребальных сооружений часто в пределах одного могильника. Так, скажем, на Амиранис-Гора умерших хоронили в подковообразных склепах, грунтовых погребениях, перекрытых каменной насыпью, и в каменных ящиках; в Самшвилде — в прямоугольных и круглых грунтовых могилах; в Эларе — в подковообразных могилах, каменных ящиках и грунтовых камерах. Пестрота типов погребальных сооружений не нашла еще обоснованного объяснения; возможно, рассмотрение их с точки зрения относительной хронологии на протяжении III тыс. позволит высказать новые суждения. Бедность и монотонность погребального инвентаря, характерные для могил раннеземледельческого периода, нарушаются.

Повышение уровня благосостояния населения, наблюдающееся на материалах поселений, не замедлило сказаться и на памятниках погребального характера. Сооружение курганных насыпей, кромлехов, просторных склепов, обложенных камнями, массивных каменных ящиков требовало значительно больших трудозатрат, нежели устройство примитивных могил ранних земледельцев; а это в свою очередь свидетельствует о накоплении прибавочного продукта, реализуемого теперь при похоронах. На улучшение благосостояния указывает также изменившийся состав погребального инвентаря: безынвентарные могилы, составлявшие 63,5% на Кюль-Тепинском могильнике, теперь встречаются редко.

Погребения как бы фиксируют наличие тех или иных общественных группировок в среде носителей куро-аракской культуры. На фоне часто встречающихся одиночных захоронений появляются парные и коллективные. Число погребенных в коллективных могилах обычно колеблется от 4—5 до 10—11 (Нахидребисчала, Кикети, Тамарси, Амиранис-Гора, Самшвилде, Хаченагет и др.); установлено, что к первоначальному захоронению постепенно подхоранивали других покойников. Как правило, в этих могилах на каждого умершего приходилось по нескольку предметов, главным образом сосудов. Эти погребения как бы закрепляют духовное и экономическое единство индивидуальных семей [Миндиашвили, 1980].

В курганах Тквиави и Степанакерта также обнаружены коллективные захоронения, однако количество погребенных здесь доходит до 40—45 [Макалатия С. И., 1943; Гуммель, 1939б, 1948]. В центре погребальной площадки Степанакертского кургана № 119 среди множества скорченных костяков взрослых и детей находился скелет, лежавший вытянуто на спине; рядом с ним — булава, кинжальный клинок и две каменные ступки. Еще три вытянутых скелета располагались в северной, западной и юго-восточной части площадки; около них лежали наконечники стрел, пряслица, бусы, обернутые листовым золотом, каменные подвески; кроме того, в могиле было 22 сосуда. Эти погребения

трактовались как родовые могильники. После открытия многокомнатных домов на поселениях их скорее можно рассматривать как усыпальницы большесемейных общин. Отмеченные же особой позой и необычным набором вещей покойники, вероятно, при жизни являлись их старейшинами или главами.

Основываясь на обряде захоронений, составе инвентаря и типах погребальных сооружений, можно говорить о наличии в III тыс. до н. э. стратификации в кавказском обществе; во второй половине тысячелетия она усиливается. Безынвентарных (бедных) могил становится еще меньше, чем в предшествующий период (точные подсчеты невозможны), что указывает на повышение благосостояния общества в целом. Аналогичные процессы происходят в Малой Азии: здесь в III тыс. до н. э. по сравнению с предшествующим периодом количество безынвентарных могил сократилось с 65 до 35%.

На фоне одиночных грунтовых захоронений с одним-двумя сосудами (стандартные) появляются значительно более сложные конструкции с относительно богатым инвентарем. Как правило, наиболее богатыми оказываются одиночные мужские могилы, в которых обычно встречаются предметы вооружения (копья, кинжалы, топоры, булавы), золотые изделия, сосуды с мясной пищей, принесенные в жертву животные. Это либо каменные склепы, либо просторные грунтовые могилы, либо «каменные ящики», окруженные кромлехами и перекрытые курганными насыпями. В кургане № 1 Тельманкенда, например, помимо сосудов обнаружено 6 предметов из мышьяковистой бронзы (черенковые наконечники копий, плоские топоры, шилья); под насыпью кургана № 2 находилась большая, сложенная из каменных плит гробница с коридорообразным ходом; после ее ограбления сохранились обломки семи сосудов. Обе могилы были окружены кромлехами [Махмудов, 1979, с. 5]. В кургане № 2 на р. Хаченагет в просторной грунтовой могиле находилось одиночное захоронение, которому сопутствовали кинжальный клинок, булава, золотая цилиндрическая печать, обсидиановые ножи и изящный чернолощенный сосуд. Близкий набор предметов обнаружен в соседнем кургане № 3 [Кушнарева, 1954]. Подобные примеры можно продолжить. Упомянутые богатые по тому времени захоронения относятся к концу рассматриваемой эпохи и вместе с бедными и стандартными погребениями фиксируют процессы стратификации общества. Нестандартный же характер мужских захоронений вместе с находками на поселениях (мужские статуэтки, фаллические очаги) указывают на патриархальные устои общества.

Среди богатых захоронений обращают на себя внимание необычной обстановкой три погребальных комплекса, обнаруженных на могильниках Самшвилде, Амиранис-Гора и Квацхела; в них входили предметы с культовой символикой. В первом из них, выстроенном более тщательно, нежели остальные погребения могильника, находились сосуды с обсидиановыми «окошечками» (предполагается связь с культом солнца) и изображением журавля с астральными знаками, а также бронзовая двуволютная булава [Мирицхулава, 1975, с. 76]. Сосуд с «пиктограммой» (змея, журавль, алтарь и др.) вместе с остатками жертвоприношения быка, бронзовым кинжалом и пряслищем обнаружены в просторном склепе № 36 могильника Амиранис-Гора [Чубинишвили, 1971, с. 69]. В квацхельской могиле № 2, где была похоронена женщина, находилась уникальная для того времени медная диадема с изображениями оленей, аиста и астральных знаков, спиральные браслеты (рис. 30, 23, 31), ожерелье из сердоликовых и бронзовых бус [Глonti, 1970]. Покойники, погребенные в этих могилах, при жизни, скорее всего, отправляли жреческие функции. Похороненный же в склепе

мужчина, при котором было оружие, мог одновременно являться жрецом и военным предводителем; совмещение военной и религиозной функций главами или старейшинами общин как пережиточное явление еще недавно наблюдалось в среде грузинских горцев [Меликишвили, 1984, с. 47]; различные функции были сосредоточены в руках «лидеров» в так называемых вождествах народов Океании [Шнирельман, 1985]. Таким образом, археологические материалы III тыс. до н. э. как будто позволяют говорить о выделении профессиональных групп (не только в сфере материального, но и духовного производства. Наличие на поселениях крупных (общинных) культовых центров должно было обусловить необходимость выделения прослойки служителей культа.

Изучение структуры общества Кавказа конца III — первой половины II тыс. до н. э. ограничено характером источников. Это был период коренных преобразований в области экономики, время этнических передвижений и резкого усиления контактов Кавказа с Югом и Севером. Все эти преобразования повлекли за собой кардинальные перемены в экономической, общественной и духовной жизни древнего населения.

Из рассмотренной выше триады здесь представлены в подавляющем большинстве могильники. Исключение составляют поселения Западного Закавказья, которые сохраняют свой традиционный облик; это небольшие (1200—2000 м²) поселки хуторного типа — очевидно, место обитания большесемейных общин и патронимий (Анаклиа II и др.); отдельные помещения площадью до 20 м² предназначались для индивидуальных семей. Этот древний тип жилища — *джаргвали* (груз.) доживает на Западном Кавказе вплоть до этнографической действительности.

Высокий уровень металлургии, ювелирного искусства, гончарного, ткацкого, строительного и деревообрабатывающего дела, оснащенных разнообразной техникой, говорит о выделении ремесла в самостоятельную отрасль производства. Появляется прослойка профессионалов-ремесленников, выпускающих теперь свою продукцию на рынок, на заказ. Несколько позднее наличие такой прослойки закрепляется так называемыми погребениями ремесленников, в которых мастера-профессионалы сопровождалась в загробный мир с их рабочими инструментами [Кушнарева, 1977в, с. 94]. Для рассматриваемого времени, когда ювелирное искусство Кавказа достигло пышного расцвета, особый интерес представляет могила ювелира в Авневи, куда был положен бронзовый резец покойного мастера [Тавадзе, Сакварелидзе, 1959, с. 27]. Этап общинного ремесла, когда мастер обслуживал свою общину в силу принадлежности к ней, остался далеко позади. «...В ткачестве, в обработке металлов и других ремеслах, все более и более обособлявшихся друг от друга, во все возрастающей степени увеличивалось разнообразие и совершенствовалось мастерство производства... Столь многообразная деятельность не могла выполняться одним и тем же лицом; произошло второе крупное разделение труда: ремесло отделилось от земледелия» [Маркс, т. 23, с. 163].

Этнографические примеры показывают, каким было положение ремесленников на первых порах формирования этой социальной прослойки. Порвав связь с общиной, а следовательно с производством продуктов питания, ремесленники обслуживали тех, кто может заплатить им за труд или кормить во время выполнения заказа, т. е. представители высших сословий [Бутинов, 1970, с. 12].

Прогресс экономики и коренные изменения в социальной структуре Кавказа конца III — первой половины II тыс. до н. э. особенно ярко

проявились в погребениях элитарной части общества — так называемых царских или княжеских курганах [Чайлд, 1949, с. 167; Массон, 1973; Piggott, 1979; Кавтарадзе, 1979; Грязнов, 1980]. Напомним, что в древних обществах со строгой социальной дифференциацией погребальные обряды отражают прежде всего социальный ранг умершего, а затем уже степень его благосостояния. Процесс нарастания социальной стратификации устанавливается при сопоставлении двух последовательных групп курганов раннего этапа триалетской культуры. При всей сложности погребальных сооружений старшей группы, требовавших значительных затрат труда, могилы похороненных здесь лиц отличаются относительной бедностью инвентаря; по-видимому, последние занимали уже высокое положение в обществе, в котором имущественная дифференциация была развита еще не столь сильно. Такую ситуацию демонстрирует Самгорский курган, не уступающий своими размерами и сложностью сооружения Беденскому, однако отличающийся от него скромностью инвентаря. Эта ситуация в среде носителей триалетской культуры существовала недолго: со временем положение выделившейся знати, по-видимому, упрочняется. Об этом говорят погребения второй группы с грандиозными насыпями, обширными камерами сложной конструкции, человеческими жертвоприношениями и, судя по неразграбленным могилам, богатым набором инвентаря; среди последнего уже встречаются предметы роскоши. Своим обликом они тяготеют к Майкопскому кургану, Нальчикской гробнице и другим пышным захоронениям знати Северного Кавказа. Появление погребений такого рода становится возможным лишь на фоне общего роста благосостояния общества, основанного в условиях Кавказа прежде всего на развитии скотоводства. Прибавочный продукт, получаемый скотоводческими общинами, способствовал сосредоточению больших накоплений в руках вождей племен, племенных объединений, их семей и приближенных.

Погребения знатных лиц нередко совершались вдали от постоянных мест обитания — в горах, куда отгоняли скот на лето (Тетри-Цкаро, Триалети, Зуртакети, Гомарети и др.); сооружались курганы и в долино-степных районах, где скотоводы проводили зимние месяцы (Алазанская долина, Мильская степь). Среди ранних «княжеских» или «царских» курганов монументальностью сооружений и уникальностью инвентаря выделяются три группы: Уч-тепинская, Беденская и Цнорская. Примененная в поле методика и последующие подсчеты позволили примерно восстановить картину сооружения одного из курганов в урочище Уч-Тепе [Иессен, 1965б]; она характеризует масштабы затрат, потребовавшихся на его создание. Из трех курганов-гигантов был раскопан самый маленький; его высота 15 м, тогда как высота самого большого — 21 м. После завершения погребения в грунтовой яме площадью 36 м² последняя была перекрыта сотней толстых 8-метровых бревен, а сверху сооружена каменная насыпь объемом 700 м³. Поверх камней воздвигнута земляная насыпь высотой 13 м, диаметром 100 м. Древнее захоронение постигла необычная участь — содержимое могилы в VII в. было вынесено, а на его месте похоронен знатный хазарский воин. Хотя обстановка древней могилы утрачена, о высоком социальном ранге похороненного в ней некогда лица говорит масштаб всей наземной постройки, составляющей около 53 тыс. м³. Нами были произведены дополнительные расчеты, показывающие масштаб осуществленных здесь работ [Кушнарева, 1973б, с. 12]. При этом мы исходили из того, что землю для насыпи надо было выкопать, перенести на определенное расстояние и ссыпать. Перечисленные виды работ зафиксированы в списках постоянных величин старовавилонского вре-

мени и существовали в Шумере еще при III династии Ура. Так, норма землекопа в день была 3 м³, переноска земли в корзинах на расстояние 6 м составляла 30 м³, а норма насыпки земли 6 м³ [Вайман, 1964, с. 38]. Исходя из этого было установлено, что приблизительный объем работ, необходимых для сооружения насыпи, составляет 21 тыс. человеко-дней. Надо учесть также организацию транспортировки 700 м³ камня и сотни огромных стволов деревьев. Соответственно на сооружение насыпи самого большого кургана (80 тыс. м³) было затрачено приблизительно 48 тыс. человеко-дней.

При зачистке разреза насыпи малого кургана было обращено внимание на то, что она сооружалась в три приема. При объяснении этого явления мы в свое время опирались на форму хозяйства, господствующего в этих краях и поныне. Яйлажное скотоводство с выгоном скота на весенне-летний сезон на высокогорные пастбища заставляет рассматривать степные просторы Миля, где возвышаются курганы, и горный массив соседнего Карабаха как единый культурно-хозяйственный район. А если годовой скотоводческий цикл был примерно таким же и в древности, то логично думать, что возведение насыпи протекало в зимние месяцы хозяйственного затишья, когда скотоводы спускались в степь; показательно, что зимники современных скотоводов располагаются и сейчас около этих курганов. Если предположить, что в зимний сезон работы велись приблизительно 3 мес., т. е. около 90—100 дней, то при общей затрате труда на сооружение насыпи малого кургана здесь ежегодно в течение трех сезонов должно было быть занято 75—80 общинников. Естественно, что для насыпки большого кургана потребовалось значительно большее количество людей. Грандиозный размах таких работ был под силу только крупным коллективам. Скорее всего, здесь трудились представители вырвавшегося в экономическом плане вперед скотоводческого племени либо союза племен, обитавших в степных просторах Миля; похороненные же в курганах люди были вождями крупных социальных объединений. Недаром их хоронили согласно ритуалу хеттских царей. Таким образом, для этого периода по материалам погребений можно констатировать наличие племенной организации.

Утрата внутренней обстановки уч-тепинской могилы частично восполняется другими памятниками аналогичного «ранга». В Беденских курганах, расположенных вблизи пастбищ, на высокогорном плато Тетри-Цкаро сооружались деревянные конструкции внутри обширных камер [Гобеджишвили, 1980]. В трех из десяти исследованных погребениях обнаружены повозки. Подсчитано, что на сооружение насыпи самого крупного кургана Гадачрили-Гора затрачено примерно 6500 человеко-дней. В его огромную камеру (343 м³) был впушен деревянный сруб с деревянным полом и потолком. Труп вождя внесли на разукрашенных золотом носилках, после чего поместили на повозке. Его сопровождали убитые мужчина и женщина, занимавшие скромное место в могиле; около женщины лежало веретено, указывающее на ее занятие при жизни. Несмотря на ограбление могилы, богатство погребальной обстановки не вызывает сомнения; здесь находились запасы пищи, деревянная мебель, подносы, войлочные ковры, шкуры животных, ткани, золотые и серебряные части погребального штандарта, бронзовый топор и долото, обсидиановые наконечники стрел, десятки сосудов, предметы украшений из драгоценных металлов, туалетные принадлежности. Беденская гробница характеризует высокую прижизненную власть погребенного, которого мы с достаточным основанием можем идентифицировать с вождем другого богатого племени (или племенного союза) скотоводов.

Группа Цнорских курганов расположена в Алазанской долине [Дедабришвили, 1979]. Из четырех исследованных курганов первый имел грандиозную камеру (площадь его основания 3 га, объем насыпи 51 тыс. м³). На сооружение погребального ложа потребовалось около 200 м³ древесины, которую (ввиду отсутствия поблизости леса) надо было транспортировать издалека. Сюда же было свезено 8 тыс. м³ камня. Процесс транспортировки камня на повозках был длительным и трудоемким — при грузоподъемности повозки того времени (200—300 кг) за один раз перевозилось 0,1 м³ камня. Ориентировочный подсчет трудозатрат только на земляные работы (выемка земли, поднос ее к насыпи, рытье камеры и т. д.) дали цифру 22 700 человеко-дней. Затраты труда на сооружение второго кургана оказались меньшими — объем его насыпи составил 10 400 м³, причем 2 тыс. м³ приходится на камень.

Для Цнорских курганов характерны мощные каменные «панцири», предохранявшие насыпь от размыва, огромные (166 и 250 м²) грунтовые камеры, перекрытые деревянными настилами, погребальные ложа из дерева, повозки (или их части), деревянная утварь, множество посуды, тончайшие каменные наконечники стрел, бронзовые кинжалы, ювелирные изделия из золота и серебра. В обеих могилах знатное лицо сопровождало насильственно убитые люди — в первом их было трое, во втором двое — мужчина и женщина.

Под насыпью первого кургана рядом с могилой было сооружено круглое каменное помещение — по предположению Ш. Ш. Дедабришвили, святилище, в котором происходило прощание с покойником. Его высокий социальный ранг подчеркивается поистине царским величием всего сооружения. Это, скорее всего, был вождь крупного племенного союза, в похоронах которого участвовали входившие в него племена.

Во время раскопок было обращено внимание на то, что камень этой грандиозной постройки привозился не из одного пункта, а свозился из разных и сейчас хорошо известных мест в радиусе 40 км. На этом основании высказано предположение, что население каждого входившего в союз племени несло свою дань усопшему с тех мест, где оно обитало. А если это так, то можно ставить вопрос о приблизительном ареале расселения этих племен. Насыпь кургана в Цнори, так же как и в Уч-Тепе, оказалась трехслойной. Как было сказано, объяснение подобного явления в Уч-Тепе в свое время мы предложили искать в сезонном цикле скотоводов Мильско-Карабахского района [Кушнарева, 1973б]. Однако если считать, что в сооружении кургана в Цнори участвовали отдельные племена, то можно допустить аналогичную картину и для курганов Уч-Тепе. Каждое племя могло иметь здесь свою «долю», а выполнение земляных работ могло происходить в три приема.

Масштабы кавказских погребений вождей заставляют вспомнить не только ритуал погребений хеттских царей, но и скифские царские захоронения (несмотря на их принадлежность к другому времени и другой этнической среде), в частности курган в Аржане. «Можно представить себе,— пишет М. П. Грязнов [1980],— как тысячи людей сбрались, чтобы отдать последнюю честь своему царю, как они на конях волокли вековые листовницы, чтобы построить огромное намогильное сооружение, как везли, тащили и несли большие и малые камни, как женщины и дети собирали в свои шапки, мешки и подола речную гальку и сыпали ее на могилу, чтобы сделать курган как можно больше и выше, и как затем на сотнях костров варили мясо 300 убитых лошадей и пировали у могилы царя» [с. 50].

Как известно, количество труда, затраченного соплеменниками на организацию места погребения своего вождя, наиболее объективно характеризует степень зависимости первых от последнего и наилучшим образом подчеркивает уровень его социального ранга. Это позволяет говорить о выделении в кавказском обществе в конце III тыс. до н. э. (главным образом в среде скотоводов) вождей, которые стали во главе племен и племенных союзов. Другим критерием следует считать «царские» колесницы и редкие изысканные вещи, среди которых есть и привозные. Этот критерий одновременно подчеркивает роскошь и богатство представителей высшего сословия как результат становления уже к этому времени института частной собственности. Особо следует отметить случаи насильственного умерщвления людей во время похорон (Бедени, Цнори), что может говорить о существовании в этот период патриархального рабства. Это было начало того периода, о котором Энгельс писал: «...на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада, как обособленную собственность глав семей, совершенно так же как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот — рабов» [Энгельс, т. 21, с. 58].

В первой половине II тыс. до н. э. в связи с процессом дальнейшего разложения первобытнообщинного строя эти явления неизбежно нарастают и материализуются в уникальных погребальных сооружениях Триалети, Зуртакети, Месхети, Кировакана. Постройки усыпальниц вождей скотоводов приобретают еще больший размах. Традиция устройства кладбищ вдали от поселений сохраняется; на высокогорных плато Триалети и Зуртакети раскинулись десятки огромных курганов с грандиозными наземными каменными залами и примыкающими к ним длинными дромосами, по которым двигались траурные процессии [Куфтин, 1941, 1948; Джапаридзе О. М., 1969]. Насыпь самого крупного из них — третьего Зуртакетского кургана — имела объем 21 тыс. м³. Если бы насыпь была земляной, то для ее сооружения потребовалось бы 12 тыс. человеко-дней; постройка же такой «пирамиды» из камня — работа несравнимо более трудоемкая. Но это еще часть произведенных работ: под курганом оказался огромный наземный зал площадью 152 м², при высоте каменных стен 6 м. К нему вел дромос, площадь которого была почти вдвое больше площади зала — 276 м². Площадь зала знаменитого Топкара составляла 175 м².

Теперь в «царских» курганах хоронят не труп, а сожженный прах вождя. В свое время было высказано предположение, что обряд кремации повторяет один из главных элементов погребального ритуала хеттских царей (в Хатушаше длившегося 13—14 дней), засвидетельствованного текстами Богазкейского архива [Куфтин, 1941, с. 81; Otten, 1958; Güneş, 1966]. В период «цветущей поры» триалетской культуры обряд кремации становится достоянием высшей знати. Согласно традиции, на украшенном ложе или катафалке теперь рассыпают прах покойного. Сохраняется обычай помещения в гробницу повозок. В жертву приносятся быки; дно некоторых могил было буквально устлано их шкурами, снятыми вместе с головой и конечностями; мясо быков варилось в огромных медных котлах и съедалось во время трапезы. Могилы обставлялись десятками сосудов, золотой и серебряной утварью, украшениями и другими уникальными предметами прикладного искусства. Недавно вновь было обращено внимание на то, что такие же атрибуты присутствуют в хеттском ритуале [Бериашвили, 1982].

Яркую картину дифференциации общества рисуют курганы Месхети, располагающиеся группами вдали от поселений на высокогорном Джавахетском плато; здесь существовал мощный очаг триалетской

культуры. Характерны различные размеры сооружений и специфика инвентаря трех групп курганов. В каждой группе один большой курган окружался двумя-тремя средними и пятью-восемью малыми. Особенно ярко это выявляется при сравнении комплексов посуды больших и малых курганов: в первых, не уступающих по масштабам Триалетским, преобладают типичные триалетские сосуды, во вторых — местная посуда более низкого качества. Следует думать, что группы курганов отражают социальный статус похороненных в них лиц. Большие курганы, вероятно, были усыпальницами вождей племен; высказывается предположение, что подобные лица происходили из привилегированной части триалетского общества [Джапаридзе О. М., Авалишвили, Церетели, 1985]. В средних курганах хоронили глав большесемейных общин, в маленьких — их членов [Авалишвили, 1985]. Действительно, богатые погребения выглядят единичными на фоне огромного числа скромных могил рядовых общинников, характеризующих все закавказские культуры этого времени. Обычно в этих могилах инвентарь ограничивался несколькими сосудами, в самых же бедных — одним горшком с пищей.

Таким образом, материалы погребений конца III — первой половины II тыс. до н. э. дают основание говорить, с одной стороны, о существовании в этот период таких социальных групп, как большесемейная община, племя, племенное объединение, с другой — о резкой стратификации кавказского общества.

Проблема границ прижизненной власти вождей обсуждалась как археологами, так и этнографами. Недавно была предпринята попытка очертить эти границы, используя наблюдения в среде восточногрузинских горцев, сохранивших реликтовые элементы первобытнообщинного строя на разных его этапах [Киквидзе, 1980, с. 57]. Исходя из того, что древние святилища горцев (хати, джавари) служили объединяющими центрами различных, в том числе и племенных, социальных группировок [Бардавелидзе, 1949, с. 92] и управляли как духовной, так и светской сферой жизни, предполагается, что древние вожди несли такие же функции. Их духовная власть подчеркивается обрядом положения в могилы различных сакральных предметов (золотые и серебряные сосуды с ритуальными сценами, штандарты и чаши с геральдическими изображениями львов, золотая фигурка льва). Наряду с этим в погребениях вождей бросается в глаза сравнительно небольшое количество предметов вооружения (исключение составляет гробница в Кировакане). Попытке объяснить это явление относительной стабильностью политической ситуации [Киквидзе, 1980, с. 60] противоречит наличие на поселениях мощных укреплений (Арич, Кармир-Берд, Узерлик-Тепе, Гаракепек-Тепеси, Кюль-Тепе II, Огланкала и др.), следов пожаров (Узерлик-Тепе, Илто, Кюль-Тепе II и др.), а также оружие, находимое в могилах представителей менее богатой прослойки общества — в семейных усыпальницах Нули и Квасатали, в погребениях Самтавро, Лило и др. Военные столкновения являлись нормой повседневной жизни этого времени, что проявляется в захоронениях с оружием в обществах, стоявших на пути к классообразованию [Алекшин, 1983]. В таком случае парадное оружие погребенных людей можно трактовать как символ их военной власти, а оружие в менее богатых захоронениях — как признак начала формирования военной прослойки (дружин вождей), принадлежность к которой закреплялась погребальным обрядом. В конце II — начале I тыс. до н. э. этот процесс материализуется в так называемых могилах воинов, встречающихся по всему Закавказью. Изображение дружины во главе с вождем запечат-

лено на бронзовом поясе конца II тыс. до н. э. из Степанавана [Мартirosян, 1964, рис. 65].

Большой интерес представляет попытка очертить границы прижизненной власти вождей, предпринятая на материалах богатых погребений новосвободненского этапа майкопской культуры. Здесь выделены шесть функциональных групп вещей (деревообрабатывающие инструменты, металлообрабатывающие орудия, оружие, дорогая утварь, украшения, престижные вещи, культовые предметы), которые указывают на обширность и многосторонность власти погребенных [Бочкарев и др., 1983а, 1983б]. Проработка материалов могильников Закавказья под этим углом зрения может дать весьма важные результаты.

Для реконструкции социальной структуры кавказского общества в какой-то мере могут быть использованы данные об общественном строе хурритов [Дьяконов, 1968, с. 45]. Хурриты обитали на значительной части Армянского нагорья. В их среде бытовали пережиточные явления, которые в глубине нагорья и в Закавказье должны были составлять основу социальной жизни. Здесь еще не сложились государственные образования, а существовали племенные союзы, вожди которых хоронились с царскими почестями. «Общество Армянского нагорья этого периода стояло, по-видимому, на уровне, близком к состоянию общества Малой Азии того времени, когда началось проникновение туда ассирийских купцов-колонистов и подготовлялся процесс образования первых городов-государств» [Там же].

Данные этнографии показывают многообразие иерархических структур в различных обществах, находящихся на последней стадии разложения первобытнообщинного строя. Эти структуры далеко не означают существования классовых отношений. Родовые связи в первобытных обществах этой ступени развития были еще достаточно сильными, что закреплялось, в частности, в сфере погребальных обрядов. У ирокезов, например, «весь род умершего участвует в погребении, заботится о могиле, надгробных речах и т. д.». А индейцы тускарора «...имеют на кладбище особый ряд для каждого рода...» [Энгельс, т. 21. С. 90].

Зафиксированная кавказскими погребениями «табель о рангах» находит параллели в структуре ряда первобытных обществ [Массон, 1973, 1976, с. 159; Кушнарева, 1973б]. У папуасов, находящихся на более ранней стадии развития, уже имеются вожди, знахари, общинники и «слуги» (очевидно, из числа военнопленных). Любопытно их соотношение у племени могеа — 100 вождей, около 3000 рядовых общинников и 250 «слуг» [Кабо, 1966, с. 60]. В Меланезии, где разложение первобытнообщинного строя зашло несколько дальше, существовала иерархия в среде вождей — мелкие главари родовых групп, военные вожди с личными слугами, крупные вожди-ростовщики [Народы Африки и Океании, 1956, с. 450]. На островах Полинезии иерархические отношения несколько различались, однако всюду были вожди нескольких рангов, жрецы, главы больших семей, сельские общинники и рабы — «люди войны» [Кунов, 1929, с. 363]. Во главе суданского племени нуэро стоял «владыка земли» или «лекарь земли», распределявший землю между отдельными родами. Второй фигурой являлся «владыка скота», распределявший скот между семьями, наблюдавший за продвижением скота на кочевьях и водопой, организовывавший инициации и связанные со скотом обряды. Видное место занимал военный предводитель. Все эти лица со своими семьями и родичами пользовались наибольшим влиянием в племени [Народы Африки, 1954, с. 245]. Социальный статус «больших людей» очень ярко прослежи-

вается в среде многих племен Океании, находящихся на стадии разложения первобытнообщинного строя.

Деление на социальные ранги наблюдается и в других примитивных обществах — в древней Индии, у кельтов и майя [Крюков, 1968, с. 198]. Показательна система общества в Чжоуском Китае, находившемся в IX—III вв. до н. э. примерно на том же уровне развития. Здесь письменные источники дублированы археологическими данными. Китайское общество было разделено не только на «благородных», «напрягающих свой ум», и «низких», «напрягающих свою силу», но членились на десять более мелких социальных слоев и рангов, стоящих в определенной многоступенчатой зависимости друг от друга. Сословия различались не только правами и обязанностями по отношению к вышестоящим и нижестоящим, их отличали определенные элементы материальной и духовной жизни. Так, согласно трактату «Гуань-дзы», «одежда распределяется в зависимости от ранга, богатства используются, соизмеряясь с жалованием, питье и еда имеют меру, одежда — установление, жилища — правила. При жизни люди соблюдают различия в шапках, одежде, жалованье, полях и усадьбах, а после смерти есть установление относительно их внутреннего и внешнего гроба, савана, головной накидки, могильной ямы и надмогильного холма» [Там же, с. 21].

Так письменные и этнографические данные из истории других народов в какой-то мере способствуют пониманию отдельных звеньев сложной и почти невозстановимой по археологическим данным социальной структуры общества древнего Кавказа.

ОСНОВНЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ОБРАЗЦОВ ИЗ ПАМЯТНИКОВ VI—II тыс. до н. э.¹

I. Поселения Южного Кавказа и Северо-Западного Ирана VI—V тыс. до н. э.

Кюль-Тепе I. Гл. 18.2 м: 5770±90 (ЛЕ-477). **Тойре-Тепе.** Гл. 2 м: 4295±125* (Бомбейская лаборатория). **Шому-Тепе.** Гл. 1. м: 7510±70 (ЛЕ-631). **Гаргалар-Тепе-си.** Надматериковый горизонт: 4800±60* (ЛЕ-1083); слой на 2 м выше материка: 4175±60* (ЛЕ-1084); **Шулаверис-Гора.** II строительный горизонт, гл. 0.2 м: 5920±300 (ТВ-15); II строительный горизонт: 6625±210 (ТВ-16), 6655±55 (ТВ-72), 6050±100 (SOAH-1292); на уровне VI—VII строительных горизонтов: 6700±80 (ЛЕ-1099); на уровне IX строительного горизонта, гл. 4.4 м: 6310±130 (ЛЕ-100). **Имирис-Гора.** На уровне IV—I строительных горизонтов: 4350±120 (ТВ-19), 6300±120 лет (ТВ-27). **Храмис-Диди-Гора.** На уровне позднего горизонта V: 4570±70* (лаборатория ¹⁴C Калифорнийского ун-та); гл. 4.2 м: 6435±50 (ТВ-301). **Арухло I.** Верхние строительные горизонты: 6765±60 (ТВ-277), 4770±60* (ТВ-301). **Мачарское поселение.** Слой IV: 3810±90* (ЛЕ-1347). **Дзудзуана.** 5515±130 (ТВ-315). **Пиждели-Тепе.** Верхний слой: 5515±130 (ТВ-315); нижний слой: 3857±88* и 3734±83* (P-504); 3666±165* и 3502±160* (P-157).

II. Поселения Южного Кавказа, Восточной Анатолии и Северо-Западного Ирана IV—III тыс. до н. э.

Амиранис-Гора. Помещение XIX: 3720±185 (ТВ-3); помещение III: 4835±180 (ТВ-4); помещение XXIX: 4625±170 (ТВ-9). **Хизанаант-Гора:** 4220±90 лет (ТВ-29). **Квацхелеби.** Слой С1: 4760±90 (ЛЕ-156); нижний слой: 4190±60 (LI-3272). **Кюль-Тепе I:** 4880±90 (ЛЕ-163). **Баба-Дервиш:** 3900±60 (ЛЕ-780). **Шенгавит.** Слой IV: 4020±80 (ЛЕ-458), 3770±60 (ЛЕ-672). **Жинвали.** Нижний уровень предалтарной площадки: 3630±70 (ТВ-289). **Мохра-Блур.** Верхние слои: 4140±30 (GrN-8177), 3825±30 (GrN-8178). **Геой-Тепе.** Слой К3: 4392±142 (P-199). **Пулур.** Древнейший уровень XI: 4614±71 (P-2040); уровень IX: 4100±180 (M-2173); уровень VIII: 4420±150 (M-2172); уровень VI: 3990±180 (M-2171); уровень V: 4300±150 (M-2170). **Коруджу-Тепе.** Район Алтыновы, слой VIII: 4224±62 (P-1618); слой LXXIII: 4106±65 (P-1617), 3900±170 (M-2376), слой LXXIV: 3989±64 (P-1628); слой XXVII: 4344±69 (P-1926); слой LXXII: 4160±60 (GrN-6056). **Тепеджик.** Район Алтыновы: 3980±70 (GrN-5285). **Яник-Тепе:** 4437±77 (P-1249), 4149±76 (P-1248), 4204±60 (P-1247), 4315±59 (P-1250), 3918±101 (P-1251), 3656±61 (P-1252).

III. Памятники Южного Кавказа последних веков III — середины II тыс. до н. э.

Марткопи. Курган № 3: 3775±50 (ТВ-317); курган № 4: 4010±80 (ТВ-325), 3640±40 (ЛЕ-2198), 4065±155 (Gx-9252). **Зейнани.** Курган № 1: 3825±80 (ТВ-328), 4600±75 (ТВ-329). **Цнори.** Курган № 1: 3985±50 (ТВ-243), 4120±90 (UCLA-?), 3800±60 (LI-3271). **Храмеби.** Около Нукреани: 4030±50 (ТВ-242). **Бедени.** Большой курган: 3330±60 (ТВ-30). **Бери-Клдеби.** Поселение: 4850±50 лет (ЛЕ-2197). **Узерлик-Тепе.** Средний слой: 3300±260 (ЛЕ-496). **Анаклиа.** Поселение: 3760±50 (ТВ-274). **Анаклиа II.** Поселение: 3825±50 (ТВ-275), 3645±50 (ТВ-276). **Испани.** Поселение, гл. 1.3 м: 3280±45 (ТВ-231). **Диха-Гудзуба.** Гл. 5 м: 3235±50 (ТВ-80). **Зурга.** Поселение, нижний слой: 3340±60 (ТВ-306). **Намчедури.** Поселение, слой VI: 3245±50 (ТВ-323). **Башкапсара 1986.** Выработка № 4. Западная часть раскопа: 3275±200 (ЛЕ-4196), северная: 3050±210 (ЛЕ-4197), восточная: 4080±300 (ЛЕ-4198), центральная: 4020±280 (ЛЕ-4199). **Зопхито:** 1165* (ТВ-335), 1230* (ТВ-302). **Сагеби.** 1675* (ТВ-310), 1640* (ТВ-334).

¹ В основном приведены абсолютные значения радиоуглеродных дат по 5568-летнему периоду полураспада (ЛТН); в отдельных случаях (отмечены звездочкой — *) использованы датировки по шкале «до н. э. — н. э.».

- Абдушелишвили М. Г.** Краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966.
- Абдушелишвили М. Г.** Антропологические данные о происхождении аборигенов Кавказа // XVIII НСИИАЭ АН ГССР:ТД. 1969. На груз. яз.
- Абесадзе Ц. Н.** Производство металла в Закавказье в III тыс. до н. э. Тбилиси, 1969. На груз. яз. Рез. рус.
- Абесадзе Ц. Н.** К истории медно-бронзовой металлургии триалетской культуры // РКТМЭ. 1974а. Вып. 1. На груз. яз. Рез. рус.
- Абесадзе Ц. Н.** Химическое изучение металлических предметов из курганов Квемо Картли // РКТМЭ. 1974б. Вып. 2. На груз. яз. Рез. рус.
- Абесадзе Ц. Н., Бахтадзе Р. А.** Из истории древнейшей металлургии Грузии // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987.
- Абесадзе Ц. Н., Бахтадзе Р. А., Двали Т. А., Джапаридзе О. М.** К истории медно-бронзовой металлургии в Грузии. Тбилиси, 1958. На груз. яз. Рез. рус.
- Абибуллаев О. А.** Археологические раскопки в Кюль-Тепе. Баку, 1959а. На азерб. яз.
- Абибуллаев О. А.** Раскопки холма Кюль-Тепе близ Нахичевани в 1955 г. // МИА. 1959б. № 67. Рез. франц.
- Абибуллаев О. А.** Археологические раскопки холма Кюль-Тепе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1959в.
- Абибуллаев О. А.** Материалы Шахтахтинского погребения: (по раскопкам А. Алекперова) // ИАН АзССР. 1961. № 5.
- Абибуллаев О. А.** Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане // СА. 1963. № 3.
- Абибуллаев О. А.** Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку, 1982.
- Абибуллаев О. А., Алиев В. Г.** Памятники эпохи бронзы Нахичеванской АССР // ТД СПИПАЭИ АзССР. 1969. Баку, 1970.
- Абрамшвили Р., Гоцеридзе Д.** Трельское поселение куро-аракской культуры // Тбилиси I: (Археологические памятники). Тбилиси, 1978. На груз. яз.
- Абрамшвили Р., Апрегов Л., Загнури А., Кахиани К., Небиеридзе Л., Окрепидзе Н., Тагаишвили Б., Джавахишвили А.** Археологические раскопки в Тбилиси // ПАИ. 1977. 1980.
- Авалишвили Г. Б.** К вопросу о времени становления «хеви» в Юго-Восточной Грузии // ДНК:ТД. Тбилиси, 1984.
- Авалишвили Г. Б.** К социологической интерпретации погребальных памятников триалетской культуры: (по материалам Месхети) // Достижения сов. археологии в XI пятилетке: ТД ВАК. Л., 1985.
- Аверкиева Ю. П.** Индейцы Северной Америки. М., 1974.
- Агаханян Г. А.** Ирригация в Армении с древнейших времен до XIX в. // Вопросы истории науки. Ереван, 1967.
- Агаширинова С. С.** Материальная культура лезгин. М., 1978.
- Агларов М. А.** Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев до XX в. // УЗИЙЯЛ ДагФАН. Махачкала, 1964. Т. 13.
- Агларов М. А.** Андийская группа народностей в XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967.
- Агларов М. А.** Переход к террасному земледелию и особенности общественного строя ранних земледельцев-горцев // ТДК ФПХПОРОС. 1974.
- Агларов М. А.** Террасная система земледелия в зоне доместикации растений // Хозяйство народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала, 1979.
- Агларов М. А.** Террасное земледелие Дагестана: (Вопросы генезиса, культурной типологии и социальной роли системы) // Studia Praehistorica. София, 1986. № 8.
- Агларов М. А.** Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. Москва, 1988.
- Алекперов А. К.** Поездка в Зангезур и Нах. край // ИООИАз. 1927. № 4.
- Алекперов А. К.** Крашенная керамика Нахичеванского края и Ванское царство // СА. 1937. № 4. Рез. франц.
- Алекперов А. К.** 1960. Археологическое обследование Нахичеванских районов Азербайджанской ССР в 1936 г. // Исследования по археологии и этнографии Азербайджана: ТД. Баку, 1960.
- Алекшин В. А.** К вопросу о методике реконструкции социальной структуры по данным погребального обряда (на материалах раннеземледельческих культур) // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975.
- Алекшин В. А.** Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культур Средней Азии и Ближнего Востока: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.

Алекшин В. А. Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. 1981. Вып. 167.

Алекшин В. А. Формы хозяйства и типы социальной организации в эпоху первобытнообщинного строя // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: ТДК. Ереван, 1982.

Алекшин В. А. Погребения с оружием в древнеземледельческих обществах // КСИА. 1983. Вып. 176.

Алекшин В. А. Могильники эпохи бронзы Малой Азии // Археология Зарубежной Азии. Л., 1985.

Алекшин В. А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л., 1986.

Алиев В. Г. Новый памятник эпохи бронзы в Нахичевани // ИАН АзССР. Сер. обществ. наук. 1962. № 2. На азерб. яз. Рез. рус.

Алиев В. Г. Крашенная керамика Кюль-Тепе II // ДАН АзССР. 1963. Т. 19. № 5. На азерб. яз. Рез. рус.

Алиев В. Г. Культура расписной керамики в Азербайджане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1966.

Алиев В. Г. Новые материалы о культуре расписной керамики в Азербайджане // СА. 1967. № 1.

Алиев В. Г. Джульфинские археологические находки // ИАН АзССР. Сер. обществ. наук. 1968. № 3. На азерб. яз. Рез. рус.

Алиев В. Г. Археологические раскопки на холме Кюль-Тепе // СА. 1972. № 3.

Алиев В. Г. К вопросу хронологии культуры расписной керамики в Азербайджане // МКАз. 1973. Т. 7. На азерб. яз. Рез. рус.

Алиев В. Г. Археологические раскопки на холме Кюль-Тепе II // СА. 1975. № 5.

Алиев В. Г. Культура расписной керамики эпохи бронзы в Азербайджане. Баку, 1977. На азерб. яз.

Алиев В. Г. Древние соляные копи Нахичевани // Наука и жизнь. Баку, 1979. № 9. На азерб. яз.

Алиев В. Г. Культура эпохи средней бронзы Азербайджана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1983.

Алиев В. Г., Исмаилов Г. С. Новые находки расписной керамики в междуречье Гуручай и Кенделенчай // ИАН АзССР. Сер. обществ. наук. 1969. № 2. На азерб. яз. Рез. рус.

Алиев В. Г., Керимов В. И. Исследование Оглангалы // АО. 1975. 1976.

Алиев Н. Г. Позднеэнеолитические памятники Азербайджана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991.

Амиранашвили Ш. Серебряный кубок из Триалети // ВДИ. 1947. № 2.

Амиранашвили Ш. История грузинского искусства. Тбилиси, 1950.

Амирджанов Ю. К. Опыт реконструкции древнего многослойного поселения Имирис-Гора: (IV—III тыс. до н. э.) // IV Междунар. симп. по груз. искусству. Тбилиси, 1983.

Амирханов Х. А. Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе: (по раскопкам в Чохе) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: ТДВС. Ереван, 1982а.

Амирханов Х. А. Чохское поселение — памятник становления производящего хозяйства в Дагестане // Природа. 1982б.

Амирханов Х. А. Начало земледелия в Дагестане // Природа. 1983. № 2.

Амирханов Х. А. Чохская археологическая культура и проблема культурных ареалов раннего голоцена кругокаспийской области // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.

Амирханов Х. А. Чохское поселение. М., 1987.

Андреева М. В. [Рецензия] // СА. 1987. № 7. Рец. на кн.: Кавтарадзе Г. Л. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983.

Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.

Антонова Е. В. О назначении и значении печатей первобытных земледельцев Передней и Средней Азии // Бактрия—Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: ТДК. 1983. М., 1989.

Антонова Е. В. Культура ранних земледельцев Передней и Средней Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988.

Аразова Р. Б. Использование твердых пород камня обитателями энеолитического поселения Шому-Тепе // ТД СПИПАЭИ АзССР. 1970. Баку, 1971.

Аразова Р. Б. Каменные орудия из поселения Гаргалар-Тепеси // УЗАзГУ. Сер. ист. и филос. Баку, 1972а. № 6.

Аразова Р. Б. Скобящие орудия из Шому-Тепе // ТД СПИПАЭИ АзССР. 1971. Баку, 1972б.

Аразова Р. Б. Вкладыши серпов из энеолитического поселения Шому-Тепе // ДАН АзССР. 1974а. Т. 30. Рез. англ.

Аразова Р. Б. Каменные орудия эпохи энеолита Азербайджана: (обсидиан и камень): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1974б.

Аразова Р. Б. Прогресс в развитом хозяйстве поселения Аликемек-Тепеси // Технологический и культурный процесс в раннеземледельческую эпоху. Ашхабад, 1987.

Аразова Р. Б., Махмудов А. И. Сравнительное изучение обсидиана из энеолитических поселений Азербайджана и месторождений Закавказья // ИАН АзССР. 1979. № 6.

Аразова Р. Б., Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Энеолитическое поселение Гаргалар-Тепеси // АО. 1971. 1972.

Аразова Р. Б., Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Раскопки на энеолитическом поселении Гаргалар-Тепеси // АО. 1972. 1973

Аракелян Б. Н. Гарни I. Ереван, 1957.

Арешян Г. Е. Материалы из раскопок Мохра-Блур в 1970 г. // ВЕГУ. 1972а. № 1.

Арешян Г. Е. Некоторые результаты работ Мохраблурской археологической экспедиции // ТД СПИПАИ. 1971. 1972б.

Арешян Г. Е. К выделению раннеземледельческих культур Армянского нагорья и Южного Кавказа // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972в.

Арешян Г. Е. Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века // СА. 1973. № 4. Рез. франц.

Арешян Г. Е. Раннеземледельческая культура Армянского нагорья и Передняя Азия // ТДК ФППХПОРОС. 1974а.

Арешян Г. Е. К характеристике нижних слоев Мохраблурского поселения // АИ. 1974б. Вып. 1. На арм. яз. Рез. рус.

Арешян Г. Е. Изучение стратиграфии Мохра-Блур // АО. 1977. 1978.

Арешян Г. Е. Новые материалы по земледельческим техническим культурам Армении в III тыс. до н. э. // ТД СПИПАИ в АрмССР: (1977—1978 гг.). Ереван, 1979. На арм. яз.

Арешян Г. Е. Норабац — новый памятник эпохи бронзы // АО. 1979. 1980.

Арешян Г. Е. Культурный традиционализм на примере куро-аракской культуры // Преемственность и инновации в развитии древних культур: ТД ВАК. Л., 1981.

Арешян Г. Е. Современное состояние изучения архитектуры Шенгавитской археологической культуры: (куро-аракская культурная область) // ТД V РНКПКИА. 1982.

Арешян Г. Е. Охранные раскопки в с. Мансян // АО. 1983. 1985а.

Арешян Г. Е. Новонайденное курганное поле у южного подножья горы Арагац // Достижения сов. археологии в XI пятилетке: ТД ВАК. Баку, 1985б.

Арешян Г. Е. Мансянские курганы // АО. 1985. 1988а.

Арешян Г. Е. Индоевропейский сюжет в мифологии населения междуречья Куры и Аракса II тысячелетия // ВДИ. 1988б. № 4.

Арешян Г. Е. Соотношение типов хозяйства и развитие культур в раннем и среднем бронзовом веке Армянского нагорья и Южного Кавказа // Мировая культура: традиции и современность. М., 1991.

Арешян Г. Е., Кафадарян К. К. Рождение монументальной архитектуры на территории Армении: (1-я половина III тыс. до н. э.) // Памятники культуры: Новые открытия. 1974. М., 1975.

Арешян Г. Е., Кафадарян К. К. Некоторые вопросы истории архитектуры древнеземледельческих культур Армянского нагорья и Южного Кавказа // IV РНКПКИА: ТД. Ереван; Сардапат, 1979.

Арешян Г., Симолян А., Саркисян Г. Полевые археологические работы Центра арменоведения в 1976 г. // ВЕГУ. 1977. № 3. На арм. яз.

Арешян Г. Е., Кафадарян К. К., Симолян А. Е., Тирацян Г. А., Калантарян А. А. Археологические исследования в Аштаракском и Наирыйском районах АрмССР // ВОН АрмССР. 1977. № 4. На арм. яз. Рез. рус.

Арешян Г., Симолян А., Саркисян Г., Кочарян Г., Оганесян О. Полевые археологические работы Центра арменоведения в 1977—1978 гг. // ВЕГУ. ОН. 1979. № 2. На арм. яз.

Арешян Г. Е., Оганесян В. Э., Мурадян Ф. М., Аветисян П. С., Петросян Л. А. Конец среднего бронзового века в междуречье Аракса и Куры // ИФЖ. 1990. № 1. Армянская ССР. М., 1955.

Артемьев В. В., Бутомо С. В. и др. Радиоуглеродный метод определения абсолютного возраста // ТД СПИПАИ. 1960. М., 1961.

Арутюнян Н. В. Земледелие и скотоводство Урарту. Ереван, 1964.

Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1974. Вып. 3. На груз. и рус. яз.

Археология Грузии. Тбилиси, 1959. На груз. яз.

Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И. Древняя Мянгечаур. Баку, 1959.

Атаев Д. М., Кушнарера К. Х. Два поселения в урочище Чинна // КСИА. 1966.

Вып. 108.

Ахундов Д. А. Палеоархитектоническая основа генезиса древних жилых и ритуальных сооружений // Уч. зап. Азерб. политехн. ин-та. Баку, 1973. Сер. 10. № 1.

Ахундов Д. А. Особенности развития архитектуры древнего Азербайджана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1980.

Ахундов Д. А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку, 1987.

Ахундов Д. А., Алиев В. Г. Реконструкция городов-крепостей и цитаделей древней Нахичевани // Уч. зап. Азерб. инж.-строит. ин-та. Баку, 1977. Сер. 10. № 2.

Ахундов Т. И. Исследования по топографии поселений эпохи ранней бронзы в Северо-Восточном Азербайджане // Археол. и этногр. исслед. в Азербайджане за 1980—81 гг. Баку, 1986.

Ахундов Т. И. Историческая топография поселений и система расселения в Северо-Восточном Азербайджане: III тыс. — сер. I тыс. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.

Багдасарян А. Б. Климат Армянской ССР. Ереван, 1958.

Бадалян Р. С. Раннебронзовое поселение близ с. Карнут // ИФЖ. 1984а. № 1.

Бадалян Р. С. К характеристике хозяйства в эпоху ранней бронзы // Вопросы наследования традиций в армянской культуре: ТД V конф. молодых ученых. Ереван, 1984б.

Бадалян Р. С. Зооморфные надочажные подставки ранней бронзы из Карнута // ВОН АН АрмССР. 1985а. № 8.

Бадалян Р. С. Раскопки Карнутского поселения // АО-1983. 1985б.

Бадалян Р. С. Раннебронзовая культура Ширака: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1986.

Бадер Н. О. О соотношении верхнепалеолитических и мезолитических культур Крыма, Кавказа и Ближнего Востока // Тр. VII МКАЭН. М., 1964.

Бадер Н. О. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита // СА. 1965. № 4.

Бадер Н. О. Различия между верхнепалеолитическими культурами Закавказья и Ближнего Востока // Археология Старого и Нового Света. М., 1966.

Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль-Сотто: (по раскопкам 1971, 1973—1974 гг.) // СА. 1975. № 4.

Бадер Н. О. Первоначальное становление земледелия и скотоводства в Северной Месопотамии // КСИА. 1984. Вып. 180.

Байбуртян Е. А. Последовательность древнейших культур АрмССР на основании археологического материала // Архив Ин-та археол. и этногр. АН АрмССР. Ереван, 1937а. № 90.

Байбуртян Е. А. Культурный очаг из раскопок Шенгавитского поселения // ВДИ. 1937б. № 2.

Байбуртян Е. А. Проблема крашеной керамики в Армении // Вестн. Ин-та ист. и лит. АН АрмССР. Ереван, 1937в. Вып. 2.

Бальян С. П. Новейшая история озер Севан и Ван // ИАН АрмССР. 1984. № 2.

Барамидзе М., Пхакадзе Г., Бжания В., Шамба Г., Квирквелия Г., Чигошвили Т., Орджоникидзе А., Гунба М., Гдлубева Л. Археологические исследования в Абхазии // ПАИ. 1977. 1980.

Бардавелидзе В. В. Земельные владения древнегрузинских святилищ // СЭ. 1949. № 1.

Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.

Бахта В. М., Папуасы Новой Гвинен: производство и общество // ПИДО. 1968. Кн. 1.

Бахтеев Ф. Х. Дикий шестириядный ячмень *Hordeum Sangunculiforme* Vacht на территории Таджикской ССР // ИАН ТаджССР. Отд.-ние с.-х. и биол. наук. Душанбе, 1961. Т. 4. № 7.

Бахтеев Ф. Х. Впервые найденный дикий шестириядный ячмень // ИАН ТССР. Сер. биол. наук. 1962. № 5.

Бахтеев Ф. Х. Дальнейшее осуществление научных идей Н. И. Вавилова в изучении зерновых // Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов. М.; Л., 1966.

Бахтеев Ф. Х., Лебедев Л. В., Липшиц С. Ю. Академик Николай Иванович Вавилов // Вавилов Н. И. Избр. труды. Т. 1. М.; Л., 1959.

Бахшалиев В. Б. Древние горные выработки в Вайхарском месторождении // ТД ВАК. Достижения сов. археологии в XI пятилетке. Баку, 1985а.

Бахшалиев В. Б. Новые материалы к древней металлообработке в Нахичевани // ДАН АзССР. Баку, 1985б. № 10.

Бахшалиев В. Б. Металлургия и металлообработка на территории древней Нахичевани (IV—II тыс. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.

Башилов В. А. «Неолитическая революция» в древнем Перу // КСИА. 1984. Вып. 180.

Бдоян В. А. Земледельческая культура в Армении: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1968.

Бдоян В. А. Земледельческая культура в Армении. Ереван, 1972. На арм. яз.

Бендукидзе О. Г. К изучению субфоссильной фауны Грузии // ТД СПИПАИ. 1970. Археол. секция. Тбилиси, 1971.

Бердзенишвили Н. А. Одна страница из исторической географии Грузии // Сборник по исторической географии Грузии. Тбилиси, 1960. № 1. На груз. яз.

Бердзенишвили Н. З. Многослойный археологический памятник Сагварджиле // САНГССР. 1953. Т. 14. № 9.

Бердзенишвили Н. З. Новый памятник каменного века в ущелье Цхвалтитела. Тбилиси, 1964. На груз. яз. Рез. рус.

Бердзенишвили Н. З., Небиеридзе Л. Д. Полевые работы Причерноморской археологической экспедиции // ПАИ. 1976. 1979.

Берзенишвили Н., Каландадзе К., Хубутия Г. Неолитическое поселение в Гальском районе // ПАИ. 1977. 1980.

Бериашвили М. Т. Хеттский погребальный ритуал // ВГМГ. 1982. Вып. 36-В.

Бериашвили М. Т., Схиртладзе З. Н. К пониманию сюжетных изображений на серебряном кубке из Триалети // ТКАЭ. 1984. Вып. 6. На груз. яз. Рез. рус. и англ.

Берлянд С. С. Очерки о земледелии и земледельцах. М., 1964.

Бжания В. В. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии // СА. 1966а. № 11.

Бжания В. В. Древнейшая культура Абхазии: (эпоха энеолита и ранней бронзы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966б.

Бжания В. В. Поселения очамчирской культуры в горах Абхазии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Бжания В. В. Древние рудники у перевала Аденгь // Медные рудники Западного Кавказа III—I тыс. до н. э. и их роль в горно-металлургическом производстве: ТД БПАС. 1988.

Бибииков С. Н. Об использовании улиток *Hilix* в позднепалеолитическое время // МИА. 1939. № 2.

Бибииков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // МИА. 1953. № 38.

Бибииков С. Н. Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы // СА. 1962. № 3.

Бибииков С. Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья // СА. 1965. № 1.

Бибииков С. Н. О ранних формах ремесленного производства // Домашние промыслы и ремесла: Тез. расширенного заседания сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР. Л., 1970а.

Бибииков С. Н. Марксистско-ленинская методология и археологическая наука // Украинский ист. журн. 1970б. № 4.

Бибииков С. Н. Плотность населения и наличие охотничьих угодий в палеолите Крыма // СА. 1971. № 4.

Бибиикова В. И. Фауна раннетрипольского поселения Лука-Врублевская // МИА. 1953. № 38.

Бибиикова В. И. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы // Бюл. Моск. о-ва испытателей природы. 1967. Т. 72. № 3. Рез. англ.

Богданова-Березовская И. В. Химический состав металлических предметов из могильников эпохи бронзы в Бишкентской долине // МИА. 1968. № 145.

Бодянский А. В. Энеолитический могильник у с. Петро-Свистуново // Археология. Киев, 1969. Т. 21. На укр. яз. Рез. рус.

Бокарев Е. А. Введение в сравнительное историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

Борисковский П. И. К вопросу о древнейшем заселении Туркменистана // Тр. Ашхабад. гос. ун-та. 1947. Вып. 1.

Бочкарев В. С. О временном соотношении Сейминского и Турбинского могильников: Докл. на археол. совещ. по проблемам срубной общности. Куйбышев, 1982.

Бочкарев В. С., Резепкин А. Д. Работы Кубанской экспедиции // АО-1979. 1980.

Бочкарев В. С., Шарафутдинова Э. С., Резепкин А. Д., Трифонов В. А., Бестужев Г. Н. Работы Кубанской экспедиции // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда. Л., 1983а.

Бочкарев В. С., Шарафутдинова Э. С., Резепкин А. Д., Трифонов В. А., Бестужев Г. Н. Работы Кубанской экспедиции в 1978-80 гг. // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983б.

Брайант А. Т. Зулуцкий народ до прихода европейцев. М., 1953.

Браунер А. А. Животноводство I: Крупный рогатый скот. М., 1922.

Брегадзе Н. А. Горное земледелие в Западной Грузии. Тбилиси, 1969. На груз. яз. Рез. рус.

Брегадзе Н. А. Очерки по агроэтнографии Грузии. Тбилиси, 1982.

Брегадзе Н. А. Очерки по агроэтнографии Грузии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1983.

Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.

Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

Букин В. Р. Возникновение садоводства // СА. 1963. № 2.

Бунятов Т. А. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957а.

Бунятов Т. А. Из истории хозяйства в древнем Азербайджане: (К вопросу об изготовлении молочных продуктов) // КСИИМК. 1957б. Вып. 67.

Бунятов Т. А. К истории крашения пряжи в древнем Азербайджане // МИАз. 1963. Т. 6. На азерб. яз. Рез. рус.

Бунятов Т. А. К истории молотбы в Закавказье // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Бурчак-Абрамович Н. И. К изучению крупного рогатого скота древнего Мингечаура // ДАН АзССР. 1949. Т. 5. № 10.

Бурчак-Абрамович Н. И. Древний крупный рогатый скот Триалетского хребта в Цалкинском районе // Тр. Естеств.-ист. музея. Баку, 1954. Вып. 9.

Бурчак-Абрамович Н. И. Фауна пещеры Сагварджиле в Западной Грузии: Дикие животные. Тбилиси, 1972.

Бурчак-Абрамович Н. И. Фауна эппалеолитической стоянки в Триалети // САНГССР. 1973. Т. 12. № 52.

Бурчак-Абрамович Н. И. Фауна пещеры Сагварджиле в Западной Грузии: Домашние животные. Тбилиси, 1980.

Бурчак-Абрамович Н. И., Бендукидзе О. Г. Фауна эппалеолитической стоянки Зуртакет // САНГССР. 1969. Т. 55. № 3.

Бурчуладзе А. А., Гедеванишвили Л. Д., Пагава С. В. и др. Радиоуглеродные датирования образцов органического происхождения // САНГССР. 1975. Т. 80.

Бутинов Н. А. Разделение труда в первобытном обществе // ТИЭ. 1960. Т. 65.

Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй: (основные этапы и локальные горизонты) // ПИДО. 1968. Кн. 1.

Бутинов Н. А. Производство пищевых продуктов // Домашние промыслы и ремесло. Л., 1970.

Буш Н. А., Буш Е. А. Ботанико-географический очерк Кавказа. Л., 1936.

Быт и культура Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1985. Вып. 11.

Вавилов Н. И. Проблемы происхождения мирового земледелия в свете современных исследований // Избр. тр. М.; Л., 1932. Т. 5.

Вавилов Н. И. Дикие родичи плодовых деревьев азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых растений // Тр. по прикладной ботанике, генетике, селекции. 1936а. Т. 36. Вып. 3.

Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936б. № 2.

Вавилов Н. И. Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур. М.; Л., 1957.

Вавилов Н. И. Ботанико-географические основы селекции // Избр. тр. Т. 2. М.; Л., 1960а.

Вавилов Н. И. Дикие родичи плодовых деревьев азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев // Там же. 1960б.

Вавилов Н. И. Селекция как наука // Там же. 1960в.

Вавилов Н. И. Несколько замечаний к проблеме происхождения пшениц // Там же. Т. 3. 1962.

Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Там же. Т. 5. 1965а.

Вавилов Н. И. Центры происхождения культурных растений // Там же. 1965б.

Вавилов Н. И. Букинич Д. Д. Земледельческий Афганистан // Там же. Т. 1. 1960.

Вайман А. А. Шумеро-вавилонская математика. М., 1964.

Вакарелски Хр. Этнография на България. София, 1977. На болг. яз.

Варазашвили В. Л. Материалы середины IV тыс. до н. э. из Иоро-Алазанского бассейна // ТКАЭ. 1980. № 4. На груз. яз. Рез. рус.

Варазашвили В. Л. «Дамцвари-Гора» — поселение эпохи энеолита // ТКАЭ. 1984. № 6.

Варазашвили В. Л. Раннеземледельческая культура Иоро-Алазанского бассейна: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1987.

Варазашвили В. В. Раннеземледельческая культура Иоро-Алазанского бассейна. Тбилиси, 1992.

Вардумян Д. С. Некоторые материалы по этнографии армян // КСИЭ. 1960. № 33.

Вахушти Багратиони. История Грузии. Тбилиси, 1973. Т. 4. На груз. яз.

Векуа А. К. Животный мир Восточной Грузии в эпоху энеолита по материалам поселения Арухло I // Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984.

Верещагин Н. К. Млекопитающие Кавказа. М., 1959.

Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. Г., Львов П. Л., Микудич И. Н., Эльдаров М. М. Дагестанская АССР. Махачкала, 1958.

Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий эпос. Тбилиси, 1964. На груз. яз.

Вирсаладзе Е. Б. Образы хозяев леса и воды в кавказском фольклоре // IX МКАЭН: ТД. М., 1973.

Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976. Рез. англ.

Возникновение и развитие земледелия. М., 1967.

Габуния М. К. Палеолитические остатки из Эдзанского навеса // Мацне. 1964. № 5.

Габуния М. К. Результаты применения статистического метода к изучению Эдзанского мезолитического комплекса // МАГК. 1974. Вып. 6.

Габуния М. К. Триалетская мезолитическая культура. Тбилиси, 1975.

Габуния М. К., Церетели Л. Д. Мезолит Грузии // КСИА. 1977. Вып. 149.

Гаглоева Э. Д. Скотоводство в прошлом у осетин // МЭГ. 1963. № 12—13.

Гаджиев М. Г. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э. // КСИА. 1966. Вып. 108.

Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969.

Гаджиев М. Г. Раскопки поселения раннебронзовой эпохи в горном Дагестане // АО. 1970. 1971а.

Гаджиев М. Г. Чиркейское поселение раннебронзовой эпохи // ТД СПИПАИ. 1970. 1971б.

Гаджиев М. Г. Древнее земледелие и скотоводство горного Дагестана // ТДК ФППХПОРОС. 1974.

Гаджиев М. Г. Энеолитическая культура Дагестана // Крупновские чтения 5. Махачкала, 1975.

Гаджиев М. Г. К выделению северо-восточнокавказского очага каменной индустрии ранних земледельцев // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.

Гаджиев М. Г. Древнейшие поселения горного Дагестана // МАД. 1980а. № 9.

Гаджиев М. Г. К периодизации куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе // Крупновские чтения 10. 1980б.

Гаджиев М. Г. Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.

Гаджиев М. Г. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.

Гаджиев М. Г. Северо-восточный Кавказ как географическая и этнокультурная область // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.

Гаджиев М. Г. Погребальные обряды раннеземледельческих племен Дагестана // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.

Гаджиев М. Г. Северо-Восточный Кавказ в эпоху средней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987а.

Гаджиев М. Г. Культура раннеземледельческих племен Северо-Восточного Кавказа: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ереван, 1987б.

Гаджиев М. Г., Корневский С. Н. Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984.

Гаджиев М. Г., Коробкова Г. Ф. О культурных и хозяйственных особенностях поселения инчи // СА. 1983. № 1.

Гаджиев М. Г., Котович В. Г., Котович В. М. [Рецензия] // СА. 1972. № 2. Рец. на кн.: Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.

Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961.

Гамрекели Н. Н. Костные остатки лошадей бронзового периода Грузии // ТД СПИПАИ. 1970. 1971.

Гвоздецкий Н. А. Физическая география Кавказа. М., 1954.

Геворкян А. Ц. Древнейшая металлургия и горное дело Армении: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972.

Геворкян А. Ц. О древнейшей меднорудной базе Армении // СА. 1973. № 4.

Геворкян А. Ц. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980.

Гегешидзе М. К. Оросительная система Шида Картли // КСИЭ. 1952. Вып. 16.

Гегешидзе М. К. Орошаемое земледелие в Грузии // Тбилиси, 1961. На груз. яз. Рез. рус.

Гегешидзе М. К. Орошаемое земледелие в Грузии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук // Тбилиси, 1963.

Гегешидзе М. К. Террасное орошаемое земледелие // 7-й МКАЭН. 1964.

Генко А. Н. О названиях «пруга» в северокавказских языках // Уч. зап. ДагФАН. 1930. № 7.

Гладких М. И. Малые жилища в позднем палеолите // РДООПАМЖП. 1978.

Глонти Л. И. Поселение куро-аракской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1970.

Глонти Л. И. Погребение знатной женщины могильника Квацхелеби // ВГМГ. 1982. Вып. 36-В.

Глонти Л. И., Джавахишвили А. И. Новые данные о многослойном памятнике эпох энеолита — поздней бронзы Шида Картли // КСИА. 1987.

Глонти Л., Джавахишвили А., Киквидзе Я., Тушбрамивили Д. Некоторые итоги работ 1964 года Урбнисской и Квирильской археологических экспедиций // ВГМГ. 1968. Вып. 25.

Глонти Л. И., Джавахишвили А. И., Кигурадзе Т. В. Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1972—1973 гг.) // АЭГМГ. 1975а. Вып. 4. На груз. яз. Рез. рус.

Глонти Л. И., Джавахишвили А. И., Кигурадзе Т. В. Антропоморфные фигурки Храмис-Диди-Гора // ВГМГ. 1975б. Вып. 31-В.

Гобеджшвили Г. Г., Инаншвили Г. В., Муджири Т. П. Опыт коллективного исследования памятников горного дела и металлургии Верхней Рачи // ТД БПАС. 1988.

Гобеджшвили Г. Ф. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби // САНГССР. 1952. Т. 13. № 3.

Гобеджшвили Г. Ф. Беденская гробница // ДПК. 1967. № 12. На груз. яз. Рез. рус.

Гобеджшвили Г. Ф. Беденские курганы // ТК СПИПАИ. 1970. 1971.

Гобеджшвили Г. Ф. Селище Тетри-Цкаро. Тбилиси, 1978. На груз. яз. Рез. рус.

Гобеджшвили Г. Ф. Бедени — культура курганных погребений. Тбилиси, 1980. На груз. яз. Рез. рус.

Гогадзе Э. М. К вопросу о генезисе и периодизации курганной культуры Триалети // Вопросы древней истории. Тбилиси, 1970а. (КБС; Вып. 3).

Гогадзе Э. М. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1970б.

Гогадзе Э. М. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси, 1972. На груз. яз. Рез. рус.

Гогадзе Э. М. Курганные погребения Лило // ВГМГ. 1976. Вып. 32-В.

Гогадзе Э. М. К вопросу о хронологии и периодизации памятников колхидской культуры: (по материалам Наири-Мухурча) // ВГМГ. 1984. Вып. 37-В.

Гогелия Д. Д. Особенности поселения Арухло I // МАГК. 1979. Вып. 7. На груз. яз. Рез. рус.

Гогелия Д. Д. Квемо-Картлийская археологическая экспедиция 1970—1980 гг. // ПАИ. 1980. 1982.

Гогитидзе С. Неолитическая культура юго-восточного Причерноморья. Тбилиси, 1978. На груз. яз. Рез. рус.

Гогичайшвили Л. К. К изучению голоценовых ландшафтов территории Квемо-Картли // МАГК. 1979. Вып. 7.

Гогичайшвили Л. К. Растительность низменностей и предгорий Квемо-Картли в голоцене // Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984.

Горгидзе А. Д., Русишвили Н. Ш. Ботанический состав древнейших пшениц Грузии // Там же. 1984.

Грехова Л. В. Памятники неолита Восточного Предкавказья // ТГИМ. 1960. Вып. 37.

Григолия Г., Мгеладзе Н. Предварительные результаты работ археологической экспедиции, изучающей памятники каменного века Самегрело // ПАИ. 1977. 1980.

Григолия Г., Мирицхулава Г. Итоги работ по изучению каменного века в Мегрелии // ПАИ. 1974. 1976.

Григолия Г. К., Грокоперидзе Н. И., Барамидзе М. В., Джапаридзе М. В., Джагамая Д. К. Итоги работы Ингурской археологической экспедиции в 1969—1970 гг. // ТК СПИПАИ. 1970. Тбилиси, 1971.

Григолия Г. К., Церетели Л. Д. Мезолитическая стоянка в Энцери // Мацне. 1967. № 3.

Гричук В. П. К проблеме колебаний увлажненности бассейна Каспийского моря в позднем голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.

Гроссгейм А. А. Анализ флоры Кавказа. Баку, 1936.

Гроссгейм А. А. Растительный покров Кавказа. М., 1948.

Грязнов М. Н. Аржан. Л., 1980.

Гуляев В. И. Становление производящего хозяйства в доколумбовой Мезоамерике // КСИА. 1984. Вып. 180.

Гуммель Я. И. Крашенная керамика в долине Ганджа-чая // ИАзФАНСССР. 1939а. № 5. Рез. азерб.

Гуммель Я. И. Раскопки в НКАО // Там же. 1939б. № 4.

Гуммель Я. И. Археологические очерки. Баку, 1940.

Гуммель Я. И. Памятники древности в окрестностях Киликдага // ИАзФАНСССР. 1941. № 2. Рез. азерб.

Гуммель Я. И. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана // КСИИМК. 1948. Вып. 20.

Гуммель Я. И. Курган № 2 близ Ханлара // КСИИМК. 1949. Вып. 24.

Гусейнов М. М. Каменные молоты из Нахичевани // ДАН АзССР. 1956. Т. 12. № 2. На азерб. яз. Рез. рус.

Гюль К., Власов С., Кисин И., Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959.

Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // ПИДО. 1968. Кн. 1.

Деведжян С. Г. Ташир-Дзорает в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1977.

Деведжян С. Г. Лори-Берд I. Ереван, 1981.

Дедабришвили Ш. Ш. Памятники эпохи ранней и средней бронзы // ТКАЭ. 1969. Т. 1.

Дедабришвили Ш. Ш. Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1970.

Дедабришвили Ш. Ш. Курганы Алазанской долины. Тбилиси, 1979.

Декапрелевич Л. Л. Роль Грузии в происхождении пшеницы // САНГССР. 1941. Т. 3.

Декапрелевич Л. Л. Грузинский очаг формообразования пшеницы // САНГССР. 1942. Т. 3.

Декапрелевич Л. Л., Менабде В. Л. К изучению полевых культур Западной Грузии, I // Записки науч.-прикл. отд-ния Тифлис. Бот. сада. Тифлис, 1929. Вып. 6.

Декапрелевич Л. Л., Менабде В. Л. Пленчатые пшеницы Западной Грузии // Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции. Сер. 5. М., 1932. № 1.

Джавахишвили А. И. Художественное ремесло // Советское искусство. Тбилиси, 1955. № 4. На груз. яз.

Джавахишвили А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа в V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1973.

Джавахишвили А. И. Раннеземледельческие поселения // Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1971 гг.). Тбилиси, 1974. На груз. яз.

Джавахишвили А. И. Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1972—1973 гг.) // АЭГМГ. 1976. Вып. 4.

Джавахишвили А. И., Глонти Л. И. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Твеплиакохи). Тбилиси, 1962. На груз. яз. Рез. рус.

Джавахишвили А. И., Нариманов И. Г., Кигурадзе Т. В. Южный Кавказ в VI—IV тыс. до н. э. // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987.

Джавахишвили Г. И. Результаты работ Квирильской археологической экспедиции 1966 г. в пещере Самеле-Клде и в с. Квемо-Зоди Чиатурского района // АЭГМГ. 1969. Вып. 1. На груз. яз.

Джавахишвили Г. И. К истории раннеземледельческой культуры Западного Закавказья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1971.

Джавахишвили И. А. Экономическая история Грузии. Тифлис, 1930. Т. 1. На груз. яз.

Джавахишвили Э. Н. Краниологические материалы с территории Грузии первой пол. III тыс. до н. э. // Вопросы антропологии Кавказа. Тбилиси, 1968.

Джалалбекян Р. Л. Плотины в Мохра-Блуре // ИФЖ. 1974. № 12. На арм. яз. Рез. рус.

Джалабадзе Г. Из истории земледельческих орудий Восточной Грузии. Тбилиси, 1960. На груз. яз.

Джанелидзе Ч. П. Палеогеография Грузии в голоцене. Тбилиси, 1980.

Джанелидзе Ч. П. К реконструкции природных условий эпохи существования раннеземледельческой культуры Восточной Грузии // Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984.

Джапаридзе Н. О. Серебряный кубок из Триалети // ТТГУ. 1975. Т. 165. На груз. яз. Рез. рус.

Джапаридзе Н. О. Ювелирное искусство эпохи бронзы в Грузии. Тбилиси, 1981а. На груз. яз.

Джапаридзе Н. О. Ювелирное искусство эпохи бронзы в Грузии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1981б.

Джапаридзе Н. О. Ювелирное искусство эпохи бронзы в Грузии. Тбилиси, 1988.

Джапаридзе О. М. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии // КСИИМК. 1955а. Вып. 60.

Джапаридзе О. М. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955б. На груз. яз. Рез. рус. и нем.

Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в Триалети в 1957—1958 гг. Тбилиси, 1960. На груз. яз. Рез. рус.

Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961. На груз. яз. Рез. рус. и англ.

Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1962.

Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в Триалети в 1959—1962 гг. // СА. 1964. № 2.

Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1969. На груз. яз. Рез. рус. и англ.

Джапаридзе О. М. Курганы эпохи бронзы // Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1971 гг.). Тбилиси, 1975. На груз. яз. Рез. рус.

Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976. На груз. яз. Рез. рус.

Джапаридзе О. М. Эпоха ранней бронзы в Закавказье // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980.

Джапаридзе О. М. Материальная культура Восточной Грузии в эпоху ранних курганов // Материалы IV МСГИ. Тбилиси, 1983.

Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И. Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии. Тбилиси, 1971. На груз. яз. Рез. рус.

Джапаридзе О. М., Авалишвили Г. Б., Церетели А. Т. Памятники Месхетской эпохи средней бронзы. Тбилиси, 1985. На груз. яз. Рез. рус.

Джапаридзе О. М., Киквидзе Я. А., Авалишвили Г. Б. Новый очаг триалетской культуры // АО-1970. 1971.

Джапаридзе О. М., Киквидзе Я. А., Авалишвили Г. Б. Раскопки Месхетских курганов // АО-1973. 1974.

Джапаридзе О. М., Киквидзе Я. А., Авалишвили Г. Б., Церетели А. Т. Результаты работ Месхет-Джавахетской археологической экспедиции за 1974—1975 гг. // АЭГМГ. 1977. Вып. 5. На груз. яз.

Джапаридзе О. М., Киквидзе Я. А., Авалишвили Г. Б., Церетели А. Т. Отчет Кахетской (Марткопской) археологической экспедиции за 1978—1979 гг. // АЭГМГ. 1980. Вып. 7. На груз. яз. Рез. рус.

Джапаридзе О. М., Киквидзе Я. А., Авалишвили Г. Б., Церетели А. Т. Результаты работ Месхет-Джавахетской археологической экспедиции // АЭГМГ. 1981. Вып. 8. На груз. яз. Рез. рус.

Добрынин Б. Ф. География Дагестанской АССР. Махачкала, 1926.

Долуханов П. М. Неолитическая революция в Передней Азии: Экологические, культурно-исторические и лингвистические аспекты // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: ТДК. 1984. Ч. 1.

Долуханов П. М. Аридная зона Старого Света в позднем плейстоцене и голоцене // Изв. ВГО. 1985. Т. 117. № 1.

Долуханов П. М., Тимофеев В. И. Абсолютная хронология неолита Евразии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.

Древние города: ТДК. Л., 1977.

Дьяконов И. М. О площади и составе населения шумерского «города-государства» // ВДИ. 1950. № 2.

Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья: Шумер. М., 1959. Рез. англ.

Дьяконов И. М. Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с древним Востоком в III—I тыс. до н. э. // Материалы по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа: ТДК. Баку, 1966. Вып. 12.

Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.

Енин Т. К. Зерновые культуры Дагестана // Сельское хозяйство Дагестана. М., Л., 1946.

Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966.

Есаян С. А. Ереван: Археологический очерк. Ереван, 1969.

Есаян С. А. Памятники эпохи ранней бронзы Северо-Восточной Армении // ВОН АН АрмССР. 1971. № 7.

Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван, 1976.

Есаян С. А. Стратиграфия расписной керамики айгеванского поселения // ИФЖ. 1981. № 2.

Есаян С. А., Карапетян Л. Л. Новонайденное могильное поле близ Еревана // ИФЖ. 1965. № 4.

Есаян С. А., Кафадарян К. К. О некоторых циклопических крепостях Шамшадинского района // ИАН АрмССР. 1965. № 11.

Есаян С., Микаелян Г. Новонайденные образцы расписной керамики бронзового века // ИФЖ. 1971. № 2. На арм. яз.

Есаян С. А., Микаелян Г. А. О некоторых циклопических крепостях Ноемберяна // ИФЖ. 1972. № 1.

Есаян С. А., Микаелян Г. А. Циклопические крепости Иджевана и Ноемберяна // ИФЖ. 1973. № 4.

Есаян С. А., Оганесян Г. А. Каталог археологических предметов Дилижанского краеведческого музея. Ереван, 1969. На арм. и рус. яз.

Есаян С. А., Шагинян А. Н. Археологические находки в Зангезуре (АрмССР) // СА. 1962. № 3.

Ефименко П. П. По поводу статьи А. А. Формозова «О времени и исторических условиях сложения племенной организации» // СА. 1957. № 1.

Жоржикашвили Л. Г., Гогодзе Э. М. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы. Тбилиси, 1974. Т. 2.

Жуковский П. М. Земледельческая Турция. М.; Л., 1933.

Жуковский Т. М. Мировой генофонд растений для селекции. Л., 1970.

Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. М., 1964. 2-е изд.: М., 1971.

Заднепровский Ю. А. Развитие домашних производств (промыслов) и ремесла в древней Средней Азии // Домашние промыслы и ремесла. Л., 1970.

Заленский О. В. Н. И. Вавилон и проблемы горного земледелия // Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилова. М.; Л., 1966.

Замятин С. Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // ТИЭ. 1951. Т. 16.

Замятин С. Н., Акритас П. Г. Раскопки грота Сосуко в 1955 г. // УЗКБНИИ. Т. 13. 1957а.

Замятин С. Н., Акритас П. Г. Археологические исследования в 1957 г. в Баксанском ущелье // Там же. 1957б.

Захаров А. А. Хеттская керамика из Богаз-Кея и некоторые закавказские параллели // ИООИАЗ. 1927. № 5. Рез. франц.

Золотов К. Н. К истории животноводства в древнем Дагестане // Тр. Даг. с.-х. ин-та. 1962. Т. 12.

Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. 1935. Вып. 120. Рез. франц.

Иессен А. А. К хронологии «Больших кубанских курганов» // СА. 1950. № 12.

Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. 1951. № 23.

Иессен А. А. Кавказ и Древний Восток в IV и III тыс. до н. э. // КСИА. 1963. Вып. 93.

Иессен А. А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // МИА. 1965а. № 125. Рез. франц.

Иессен А. А. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе // МИА. 1965б. № 125. Рез. франц.

Измайлова З. О гончарстве Азербайджана конца XIX в. до н. э. // ТД СПИПАЭИ АзССР. 1970. 1971.

Ильюков Л. С. Бронзовый топор из Прикубанья // СА. 1981. № 2.

Исаков М. М. Чиркатинские древности в Дагестане // СА. 1961. № 4.

Исламгагомедов А. И. Поселения. Жилища. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.

Исмаилов Г. С. Памятник Кюль-Тепе в Физулинском районе // ДАН АзССР. 1970. Т. 26. На азерб. яз. Рез. франц.

Исмаилов Г. С. Новые материалы по металлургии и металлообработке юго-восточных склонов Малого Кавказа // ИАН АзССР. 1974. № 3. На азерб. яз.

Исмаилов Г. С. Памятники Майнетепе и некоторые описания раннебронзовых поселений Азербайджана // ИАН АзССР. 1976. № 3. На азерб. яз. Рез. рус.

Исмаилов Г. С. Археологическое исследование древнего поселения Баба-Дервиш. Баку, 1977.

Исмаилов Г. С. Археологическая работа в междуречье Гуручай и Кендаланчай в 1964—1966 гг. // МКА. 1980. Т. 9. На азерб. яз.

Исмаилов Г. С. Раннебронзовая культура Азербайджана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1983.

История Дагестана. М., 1967. Т. 1.

История древнего Востока. М., 1979.

История первобытного общества: Эпоха классового общества. М., 1988.

Ихилон М. М. Большая семья и патронимия у горских евреев // СЭ. 1950. № 1.

Кабо В. Р. Становление классового общества у народов Океании // Народы Азии и Африки. 1966. № 2.

Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1968.

Кабо В. Р. Предыстория производящей экономики // ТД ФПХПОРС. Л., 1974.

Кабо В. Р. У истоков производящей экономики // Ранние земледельцы: Этнографические очерки. Л., 1980.

Кавтарадзе Г. Л. К социологической интерпретации «царских гробниц» // МАГК. 1979. Вып. 7. На груз. яз.

Кавтарадзе Г. Л. Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных. Тбилиси, 1981. На груз. яз. Рез. рус. и англ.

Кавтарадзе Г. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983.

Казиев С. М. О древних погребальных обрядах на территории Кабалы // МКА. 1965. Т. 6. На азерб. яз. Рез. рус.

Каландадзе А. Н. Остатки мезолитической и неолитической культуры в Грузии // ИИЯИМК. 1939. Т. 4. Вып. 3.

Каландадзе А. Н. Цонская пещера и ее культура // Пещеры Грузии. Тбилиси, 1965.

Каландадзе А. Н. Разыскания по археологии доантичной Грузии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1969.

Каландадзе А. Н. Неолитическое селище Чхортоли // ПАИ. 1972. 1973.

Каландадзе К. С. Неолитическая культура Западной Грузии в свете новых археологических открытий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1969.

Каландадзе К. С. Остатки древнего поселения из Абастумани // ПАИ. 1973. 1974.

Каландадзе К. С., Небиеридзе Л. Д., Каландаришвили Ш. И., Кинцураквили О. В. Итоги работ Цхалгубской археологической экспедиции // ПАИ. 1979. 1982.

Каланкатауази Мовсес. История страны Алуанк. Ереван, 1984. Кн. 2, гл. 26.

Калантарян А. А., Хачатрян Ж. Д. Уникальная находка из бассейна оз. Севан // ВОН АН АрмССР. 1968. № 4. На арм. яз.

Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.

Канивец В. И. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. // УЗИИЯЛ ДАГФАН. 1957. Т. 3.

Капанадзе М. Т. Курган № 1 эпохи средней бронзы из Акакиант-Хеви // ТКАЭ. 1980. Т. 4.

Капанадзе М. Т. Могильник эпохи бронзы из Иорского ущелья // ТКАЭ. 1983. Т. 6. На груз. яз. Рез. рус., англ.

Капанадзе М. Т. Могильники эпохи средней бронзы из Мцаре-Цкали. // Археол. изыскания: Материалы 4-й и 5-й сес. молодых археологов. 1985. На груз. яз. Рез. рус.

Карапетян Л. Л. Формы и ориентации расписной керамики Армении // ИФЖ. 1964. На арм. яз.

Карапетян Л. Л. История гончарного производства древней Армении: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1966.

Карапетян Э. Т. Семейная община и патронимия у армян: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1967.

Кашкай М. А., Селимханов И. Р. Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973.

Кецховели Н. Н. Зоны культурных растений в Грузии. Тбилиси, 1957. На груз. яз.

Кигурадзе Н. Ш. Археологические раскопки в селении Дапнари // АИГ. 1969. 1971. На груз. и рус. яз.

Кигурадзе Т. В. Каменная индустрия Шулаверис-Гора // Исторический сборник. Тбилиси, 1971. Т. 2.

Кигурадзе Т. В. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1975а.

Кигурадзе Т. В. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья // Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1971 гг.). Тбилиси, 1975б. На груз. яз. Рез. рус.

Кигурадзе Т. В. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси, 1976. На груз. яз. Рез. рус.

Кигурадзе Т. В. К вопросу о становлении производящей экономики на территории Грузии // ВГМГ. 1986. Вып. 38-В. На груз. яз. Рез. рус.

Кигурадзе Т., Дилбарян М. Новые данные о принципах планировки раннеземледельческих поселений Южного Кавказа // IV МСГИ. Тбилиси, 1983.

Киквидзе Я. А. Орошение в древней Грузии. Тбилиси, 1963. На груз. яз. Рез. рус.

Киквидзе Я. А. Орошение в древней Грузии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1964.

Киквидзе Я. А. Памятники эпохи ранней бронзы Урбниси // ДПК. 1966. № 6. На груз. яз. Рез. рус.

Киквидзе Я. А. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1975.

Киквидзе Я. А. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси, 1976. На груз. яз. Рез. рус.

Киквидзе Я. А. Некоторые вопросы развития храмового хозяйства в древней Грузии // ИФР. 1980. № 1.

Киквидзе Я. А. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси, 1988.

Кикодзе З., Коридзе И. Краткий отчет работ, проведенных в 1977 г. Параванской разведочной экспедицией // АЭГМГ. 1978. № 6. На груз. яз.

Киладзе Н. З. Памятники нового каменного века из Тетрамыцы // ВГМГ. 1951. Вып. 29. На груз. яз. Рез. рус.

Кларк Дж. Доисторическая Европа. М., 1953.

Ковалева И. Ф. Вытянутые погребения Днепровского ареала волгоднепровской культурной общности эпохи энеолита // Курганные древности степного Приднепровья в III—II тыс. до н. э. Киев, 1979.

Колесников В. И. Какова роль рвов древнего поселения Арухло I // МАГК. 1979. № 7.

Комаров В. Л. Происхождение культурных растений. Л., 1933.

Кордазия М., Нанетравидзе Е. Климатические типы Грузии и зоны их распространения. Тбилиси, 1946.

Кореневский С. Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культуры // СА. 1976. № 2.

Кореневский С. Н. О металле эпохи ранней бронзы Дагестана // Памятники эпохи бронзы и раннего железа. Махачкала, 1978. МАД; № 8.

Кореневский С. Н. Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.

Коридзе Д. Л. Новые находки медных орудий в Квемо-Картли // СА. 1958. № 1.

Коридзе Д. Л. К истории колхской культуры. Тбилиси, 1965. На груз. яз. Рез. рус.

Коробкова Г. Ф. Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы // Тр. Южно-Туркменской археол. комплексной экспедиции. Ашхабад, 1960. Т. 10.

Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966.

Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА. 1969. № 158.

Коробкова Г. Ф. Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ // УСА. 1972. Вып. 1.

Коробкова Г. Ф. Переход к земледелию и скотоводству и прогресс орудий труда // ТДК ФППХПОРОС. 1974.

Коробкова Г. Ф. Экспериментально-трасологическое изучение производств трипольского общества // АО. 1974. 1975а.

Коробкова Г. Ф. Трипольские мотыги и проблема трипольского земледелия // 150 лет Одес. археол. музею АН УССР: ТД Киев, 1975б.

Коробкова Г. Ф. Древнейшие жатвенные орудия и их производительность: (В свете экспериментально-трасологического изучения) // СА. 1978. № 4. Рез. франц.

Коробкова Г. Ф. Древнейшие землекопные орудия из Арухло I // МАГК. 1979. Вып. 7.

Коробкова Г. Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1986.

Коробкова Г. Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л., 1987.

Коробкова Г. Ф., Гаджиев М. Г. О культурных и хозяйственных особенностях поселения Гинчи (Дагестан) // СА. 1983. № 1. Рез. англ.

Коробкова Г. Ф., Кигурадзе Т. В. К вопросу о функциональной классификации каменных орудий на Шулаверис-Гора // КСИА. 1972. Вып. 132.

Коробкова Г. Ф., Эсакия К. М. Обсидиановая индустрия Цопи // МАГК. 1979. № 7.

Коробкова Г. Ф., Эсакия К. М. Комплексное изучение каменной индустрии раннеземледельческих поселений Арухло II и III // Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984.

Косвен М. О. Распад родового строя у удмуртов // Уч. зап. Ин-та народов Сов. Востока. М., 1931. Вып. 2.

Косвен М. О. Исследования и материалы по исторической этнографии и истории Кавказа. М., 1961.

Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Котович В. Г. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане // УЗИИЯЛ ДАГФАН. 1957. Т. 3.

Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. 1959. Т. 1.

Котович В. Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // УЗИИЯЛ ДАГФАН 1961а. Т. 9.

Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане // МАД. 1961б. Т. 2.

Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.

Котович В. Г. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности // СА. 1965. № 3.

Котович В. Г. Основные этапы социально-экономического развития раннеземледельческого населения Дагестана // ТДК ФПППОРС. 1974.

Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.

Котович В. Г., Котович В. М. Находки древних бронзовых топоров в Дагестане // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Котович В. М. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965.

Котович В. М. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976.

Краммер С. Н. История начинается в Шумере. М., 1965.

Крайнов Д. А. Отчет Сочинского отряда северокавказской экспедиции о раскопках Ачинской пещерной стоянки // ААН СССР. 1958. Р-1. № 1830.

Краснов Ю. А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975.

Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. // МИА. 1958. № 63.

Крупнов Е. И. Археологические работы в Кабарде и в Грозненской области // КСИИМК. 1950. Вып. 32.

Крюков М. В. Социальная дифференциация в древнем Китае // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.

Кузьмина Е. Е. Лошадь в Европе и на Переднем Востоке // Всесоюз. сес. по древнему Востоку: ТД. Тбилиси, 1971.

Кунов Г. Всеобщая история хозяйства. М.; Л., 1929.

Кулиева М. Ф. Кибитки на эйлагах турок Казахского уезда // ИООИАз. 1929.

№ 5.

Куфтин Б. А. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Кавказа // КСИИМК. 1940. Вып. 8.

Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941. Т. 1.

Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит // ВГМГ. 1943. Вып. 13-В.

Куфтин Б. А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии // ВГМГ. 1944. Вып. 12-В.

Куфтин Б. А. К проблеме энеолита внутренней Картли и Юго-Осетии // ВГМГ. 1947. Вып. 14.

Куфтин Б. А. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948.

Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. 1.

Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1950. Т. 2.

Кушнарева К. Х. Памятники медного века в Нагорном Карабахе // СА. 1954.

№ 20.

Кушнарева К. Х. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе // СА. 1957а. № 27.

Кушнарева К. Х. Раскопки на холме Узерлик-Тепе около Агдама // КСИИМК. 1957б. Вып. 69.

Кушнарева К. Х. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама // МИА. 1959а. № 67. Рез. франц.

Кушнарева К. Х. Археологические работы 1954 г. в окрестностях сел. Ходжалы // МИА. 1959б. № 67. Рез. франц.

Кушнарева К. Х. Тазакенский могильник в Армении // СА. 1960. № 1.

Кушнарева К. Х. Новые данные о поселении Узерлик-Тепе около Агдама // МИА. 1965. № 125. Рез. франц.

Кушнарева К. Х. К вопросу о развитии металлургии и гончарства на древнем Кавказе // Домашние промыслы и ремесла. Л., 1970.

Кушнарева К. Х. Торговля и обмен в Закавказье в древности // КСИА. 1973а. Вып. 138.

Кушнарева К. Х. К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа // КСИА. 1973б. Вып. 134.

Кушнарева К. Х. Древние поселения Южного Кавказа и некоторые вопросы социально-экономического порядка // Реконструкция древних обществ. отношений по археол. материалам жилищ и поселений: ТД. Л., 1974а.

Кушнарева К. Х. К вопросу о развитии ремесла на Южном Кавказе в древности // ИФЖ. 1974б. № 2.

Кушнарева К. Х. Типы поселений эпохи палеометалла и истоки урбанизации в Закавказье // Древние города: Материалы к ВК «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья»: ТД. Л., 1977а.

Кушнарева К. Х. О времени становления пашенного земледелия на Южном Кавказе // ИФЖ. 1977б. № 4.

Кушнарева К. Х. Древнейшие памятники Двина. Ереван, 1977в.

Кушнарева К. Х. К выделению культур эпохи средней бронзы на Южном Кавказе // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: ТДВС. Ереван, 1982.

Кушнарева К. Х. К проблеме выделения археологических культур периода средней бронзы на Южном Кавказе // КСИА. 1983. Вып. 176.

Кушнарева К. Х. К проблеме кавказского мезолита // ИФЖ. 1984. № 3. Рез. арм.

Кушнарева К. Х. Севано-уззерликская культура периода средней бронзы на территории Южного Кавказа // Культурное наследие Востока: (проблемы, поиски, суждения). Л., 1985.

Кушнарева К. Х. Южный Кавказ в VI—II тыс. до н. э.: (этапы культурного и социально-экономического развития): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ереван, 1986.

Кушнарева К. Х. Культурное и социально-экономическое единство Южного Кавказа в VI—III тыс. до н. э. // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. Ереван, 1990а.

Кушнарева К. Х. К реконструкции элементов социальной структуры Кавказа в VI—II тыс. до н. э. // ИФЖ. 1990б. № 2.

Кушнарева К. Х. Еще раз о некоторых аспектах триалетской культуры // КСИА. 1992. Вып. 209.

Кушнарева К. Х., Джапаридзе О. М. [Рецензия] // СА. 1978. № 1. Рез. на кн.: Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.

Кушнарева К. Х., Лисицына Г. Н. О возникновении пашенного земледелия в Закавказье: (К постановке проблемы) // СА. 1979. № 3.

Кушнарева К. Х., Лисицына Г. Н. Важнейшие аспекты становления и развития производящего хозяйства на Южном и Северо-Восточном Кавказе (VI—III тыс. до н. э.) // Studia Praehistorica. София, 1986. № 8.

Кушнарева К. Х., Шилов В. П. [Рецензия] // СА. 1954. № 21. Рез. на кн.: Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л., 1951. (МИА; № 23).

Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Историческое место Южного Кавказа в III тыс. до н. э. // СА. 1963. № 3.

Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970. Рез. англ.

Ламберти Арканджело. Описание Мингрелии. Тбилиси, 1938. На груз. яз.

Левашова В. П. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // ТГИМ. 1956. Вып. 22.

Липс Ю. Происхождение вещей. М., 1954.

Лисицын С. М. Очерки этнографии дореволюционной Армении // КЭС. 1955. Т. 1.

Лисицына Г. Н. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965.

Лисицына Г. Н. Основные этапы орошаемого земледелия на юге Средней Азии и Ближнего Востока // МИА. 1968. № 128.

Лисицына Г. Н. Культурные растения Ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тыс. до н. э. // СА. 1970. № 3. Рез. франц.

Лисицына Г. Н. История орошаемого земледелия Южной Туркмении // УСА. 1972. Вып. 1.

Лисицына Г. Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978. Рез. англ.

Лисицына Г. Н. Проблема становления производящих форм хозяйства в свете новейших палеоэтноботанических исследований в Передней Азии // КСИА. 1984а. Вып. 180.

Лисицына Г. Н. К вопросу о раннем земледелии в Южной Грузии // Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984б.

Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977. Рез. англ.

Ломтацидзе Г. А. Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави // МАГК. 1955. Вып. 1. На груз. яз. Рез. рус.

Ломтацидзе Г. А. Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси, 1974. На груз. яз. Рез. рус.

Лордкипанидзе О. Д., Мухелишвили Д. Л. Закавказье в международной торговле Востока и Запада // V МКАЭН. 1970.

Лукас А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958. Пер. с англ.

Лукин А. Л. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут // СА. 1950. № 12.

Любин В. П. Первая находка нижнего палеолита в Ставрополье // КСИИМК. 1959. Вып. 73.

Любин В. П. Энеолитический комплекс из грота Шау-Легет (Северная Осетия) // КСИА. 1966а. Вып. 108.

Любин В. П. Первые сведения о мезолите горного Кавказа // МИА. 1966б. № 126.

Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1975.

- Магакян Г. Л., Василенко Г. В. Горное орошение Дагестана. М., 1938.
- Магакян А., Айрумян А., Меликян П. Естественные кормовые угодья Армянской ССР и пути откочевков скота. Ереван, 1937.
- Майсурадзе З. П. Технология черных и серых лошенных сосудов грунтовых погребений в Самтавро // САНГССР. 1954. Т. 13. № 4.
- Макалатия М. Н. Скотоводство в горной части Восточной Грузии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1975.
- Макалатия С. И. Археологические раскопки курганных погребений в сел. Тквиави // Тр. Горийского ист.-этногр. музея. Тбилиси, 1943. Вып. 1. На груз. яз.
- Мардалешивили Р. К., Джанслидзе Ч. П. Сравнительный анализ диагностических показателей современных и голоценовых почв Марнсульской равнины // Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984. (МАГК; Т. 10).
- Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980.
- Маретина С. А. Социальная стратификация и становление государственности: (на примере малых народов Индии) // Причины превращения первобытных обществ в рабовладельческие и феодальные: ТДК. М., 1984.
- Марковин В. И. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан) // КСИИМК. 1957. Вып. 67.
- Марковин В. И. Неолитическая стоянка близ Махачкалы // МАД. 1959. Т. 1.
- Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Неолитическая стоянка близ города Буйнакса // КСИИМК. 1957. Вып. 67.
- Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13.
- Маркс К. наброски ответа на письмо В. Засулич. // Там же. Т. 19.
- Маркс К. Капитал. Т. 1 // Там же. Т. 23.
- Марр Н. Я., Смирнов Я. И. Вишапы // Тр. ГАИМК. 1931. Т. 1.
- Мартirosян А. А. К предыстории древнейших этапов культуры Армении // ИФЖ. 1960. № 1. Рез. арм.
- Мартirosян А. А. Город Тейшебаани. Ереван. 1961.
- Мартirosян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.
- Мартirosян А. А., Торосян Р. М. К вопросу об интерпретации энеолитической культуры Армении // ВОН АрмССР. 1967. № 3. На арм. яз.
- Мартirosян А. А., Мунчаев Р. М. [Рецензия] // СА. 1968. № 3. Рец. на кн.: Сардарян С. А. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967.
- Мартirosян А. А., Мнацаканян А. О. Приереванский клад древней бронзы // КСИА. 1973. Вып. 134.
- Мартirosян А. А., Торосян Р. М., Кафадарян К. К., Исраелян В. Р., Петросян Л. А. Водохранилище Аргштихинили и некоторые вопросы урартского гидростроительства // ВОН АрмССР. 1975. № 10.
- Массон В. М. Историческое место среднеазиатской цивилизации // СА. 1964а. № 1.
- Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964б.
- Массон В. М. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества // VII МКДП: (Докл. и сообщ. археологов СССР). М., 1966.
- Массон В. М. Метод палеоэкономического анализа в археологии // КСИА. 1970а. Вып. 127.
- Массон В. М. Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии // ВИ. 1970б. № 6.
- Массон В. М. Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970в.
- Массон В. М. Поселение Джейтун: (Проблема становления производящей экономики) // МИА. 1971а. № 180.
- Массон В. М. Экономика и общественный строй. Л., 1971б.
- Массон В. М. Метод палеоэкономического анализа в археологии // КСИА. 1971в. № 127.
- Массон В. М. Среднеазиатско-кавказский социологический параллелизм // ТД СПИГАИ. 1970. Тбилиси, 1971.
- Массон В. М. Древние гробницы вождей на Кавказе: Некоторые аспекты социологической интерпретации // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Массон В. М. Становление древнейшего земледелия и скотоводства на Ближнем Востоке // ТДК ФПХПОРС. 1974.
- Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Массон В. М. Традиции и инновации в процессе культурогенезиса: (В свете данных археологии) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981.
- Массон В. М. Древнейший Ближний Восток: История земледельческо-скотоводческой экономики // Археология Старого и Нового Света. М., 1982а.
- Массон В. М. Введение // Энеолит СССР. М., 1982б.
- Массон В. М. Майкопский феномен и концепция ранних комплексных обществ // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.
- Махмудов Ф. Р. Культура Юго-Восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1979.
- Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Раскопки Аликемек-Тепеси // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане в 1972 г. Баку, 1973.
- Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Поселение Аликемек-Тепеси // АО. 1973. 1974.
- Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г. Раскопки Мурганского отряда // АО. 1975. 1976.
- Махмудов Ф. Р., Мунчаев Р. М., Нариманов И. Г. О древнейшей металлургии Кавказа // СА. 1968. № 4.
- Мацхонашвили К. Г. О геологических наблюдениях в 1968 г. в окрестностях холма Арухло I // МАГК. 1979. Вып. 7. На груз. яз. Рез. рус.
- Медведская И. Н. История одной керамической формы // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
- Междумян С. К. Палеофауна эпох энеолита, бронзы и железа на территории Армении. Ереван, 1972.
- Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
- Меликишвили Г. А. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // ВДИ. 1965а. № 1.
- Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965б. На груз. яз.
- Меликишвили Г. А. К характеристике социально-экономического раннеклассового общества грузинских горцев // ВДИ. 1984. № 1.
- Мелитаури К. Н. Несколько образцов плотничества в древней Грузии // САНГССР. 1969. Т. 53. На груз. яз. Рез. рус. и англ.
- Менабде В. Л. Ячмени Грузии // ТТБИ. 1938. Т. 6.
- Менабде В. Л. Ботанико-систематические данные о хлебных злаках древней Колхиды // СГФАН. 1940. Т. 1. № 9.
- Менабде В. Л. Пшеницы Грузии. Тбилиси, 1948.
- Менабде М. В., Кигурадзе Т. В. Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1974—1977 гг.) // АЭГМГ. 1977. Вып. 5. На груз. яз. Рез. рус.
- Менабде М. В., Кигурадзе Т. В. Археологические памятники с Сиони. Тбилиси, 1981. На груз. яз. Рез. рус.
- Менабде М. В., Кигурадзе Т. В., Кикодзе З. К. Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1978—1979 гг.) // АЭГМГ. 1978. Вып. 6. На груз. яз. Рез. рус.
- Менабде М. В., Кигурадзе Т. В., Гоцадзе К. М. Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1978—1979 гг.) // АЭГМГ. 1980. Вып. 7. На груз. яз. Рез. рус.
- Ментешавили С. Б. Молотильная доска // ВГМГ. 1936. Вып. 9-В. На груз. яз.
- Мерперт Н. Я. Миграция в эпоху неолита и энеолита // СА. 1978. № 3.
- Мерперт Н. Я. Неолитическая революция на Ближнем Востоке: (Некоторые моменты разработки проблемы в зарубежной науке) // КСИА. 1984. Вып. 180.
- Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии // СА. 1971. № 3.
- Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Древнейшая металлургия Месопотамии // СА. 1977. № 3.
- Мецианинов И. И. Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край, снаряженной в 1926 г. Обществом изучения Азербайджана // СГАИМК. 1926. Вып. 1.
- Микаелян Г. А., Есян С. А. Циклопические крепости Шамшадинского и Красносельского районов // ИФЖ. 1968. № 3.
- Микеладзе Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1969.
- Микеладзе Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974. На груз. яз. Рез. рус. и англ.
- Микеладзе Т. К. К археологии Колхиды. Тбилиси, 1990.
- Микеладзе Т. К., Барамидзе М. Б. О некоторых итогах полевых исследований в Колхидской низменности в зонах новостроек // АИНГССР. 1976.
- Миллер А. А. Археологические исследования в Нахичеванской республике летом 1926 г. // СГАИМК. Л., 1926. Вып. 1.
- Миллер А. А. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. // ПИМК. 1935. № 1—2.
- Миндиашвили Г. М. К социальной природе холмов-поселений // ИАН ГССР. 1980. № 4. На груз. яз. Рез. рус.

Миндиасвили Г. М. К изучению социальной структуры общества куро-аракской культуры // Мацне. 1983. № 1. На груз. яз. Рез. рус.

Мирцхулава Г. М. Памятники эпохи древнего металла Самшвилде и куро-аракская культура в Квемо-Картли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1972.

Мирцхулава Г. И. Самшвилде. Тбилиси, 1975. На груз. яз. Рез. рус.

Мкртумян Ю. И. К изучению форм скотоводства у народов Закавказья // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. М., 1971.

Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении // Армянская этнография и фольклор. Ереван, 1974. № 6. На рус. яз. Рез. арм.

Мнацаканян А. О. Основные этапы развития материальной культуры Лчашена // ИФЖ. 1965. № 2. На арм. яз. Рез. рус.

Муджири Т. П. Полевые методы комплексного исследования древних рудников // ТД БПАС. 1988.

Муджири Т. П., Гобеджишвили Г. Г., Инаншвили Г. В., Майсурадзе В. Г. Древнейшие сурьмяные рудники Грузии и их радиоактивные датировки // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987.

Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. 1961. Вып. 100.

Мунчаев Р. М. Кавказ в эпоху неолита и бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1971а.

Мунчаев Р. М. Исследования раннеземледельческих памятников в Северной Месопотамии в 1970 г. // ТД СПИПАИ. 1970. Тбилиси, 1971б.

Мунчаев Р. М. Бронзовые псалмы майкопской культуры и проблемы возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.

Мунчаев Р. М. Энеолит Кавказа // Энеолит СССР. М., 1982.

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии // СА. 1971. № 3. Рез. франц.

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.

Мурадова Ф. М. Кобустан в эпоху бронзы. Баку, 1979.

Мустафаев И. Д. Материалы по изучению пшениц, ржи и эгилопсов Азербайджана. Баку, 1961.

Мустафаев И. Д. Пшеницы Азербайджана и их значение в селекции и формообразовательном процессе. Л., 1964.

Мухеллишвили Д. Л. Основные вопросы исторической географии Грузии. Тбилиси, 1977. На груз. яз. Рез. рус.

Надимашвили С. И. Гудабердха-Цихна-Гора // Лиахви. Гори, 1963. На груз. яз.

Нариманов И. Г. Археологические исследования Шому-Тепе в 1963 г. // Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965а.

Нариманов И. Г. К истории маслобойки // Материалы сес., посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1964 г. в СССР: ТД. Баку, 1965б.

Нариманов И. Г. Древнейшая земледельческая культура Закавказья // VII МКДП: Докл. и сообщ. археологов СССР. М., 1966.

Нариманов И. Г. Исследование неолитических поселений в Азербайджане // АО-1967. 1968.

Нариманов И. Г. Раскопки энеолитического поселения Иланлы-Тепе // АО-1968. 1969.

Нариманов И. Г. О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане // СА. 1971. № 3. Рез. франц.

Нариманов И. Г. Архаические керамические маслобойки и этимология азербайджанского слова «нехре» // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Нариманов И. Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана: (Эпоха энеолита VI—IV тыс. до н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1982а.

Нариманов И. Г. Культура равнин Восточного Закавказья в ранней бронзе // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: ТДВС. Ереван, 1982б.

Нариманов И. Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку, 1987.

Нариманов И. Г., Джафаров Г. Ф. К истории древнейшей металлургии Азербайджана // ТД БПАС. 1988.

Нариманов И. Г., Махмудов Ф. Р. Энеолитические памятники на Мугани // ИАН АзССР. 1967. № 2. Рез. азерб.

Нариманов И. Г., Рустамов Д. Н. Неолит в Тойре-Тепе // ДАН АзССР. 1960. Т. 16. № 3. На азерб. яз. Рез. рус.

Народы Африки. М., 1954.

Народы Африки и Океании. М., 1956.

Народы Кавказа. М., 1962. Т. 2.

Наседкин В. В., Формозов А. А. Вулканическое стекло из стоянок каменного

века Краснодарского края и Чечено-Ингушетии // Археология и естественные науки. М., 1965.

Небиеридзе Л. Д. Итоги полевых работ неолитического отряда Причерноморской археологической экспедиции по изучению памятников каменного века в 1960 г. // Итоги полевых археол. исслед. на территории ГССР в 1960 г. Тбилиси, 1961. На груз. яз.

Небиеридзе Л. Д. Раннеэнеолитический памятник в Анасеули // ТИИ АН ГССР. 1964. Т. 7. На груз. яз. Рез. рус.

Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1967.

Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972. На груз. яз. Рез. рус.

Небиеридзе Л. Д. Даркветский многослойный навес // АО-1971. 1978.

Небиеридзе Л. Д. Ранние ступени развития западнокавказской раннеземледельческой культуры. Тбилиси, 1986. На груз. яз. Рез. рус.

Негуль В. М. Археологические находки семян винограда // СА. 1960. № 1.

Нечитайло А. А. К вопросу взаимосвязей древнего населения Грузии с племенами Северного Кавказа и Украины // ДНК:ТД. 1984.

Никитин И. И. Смешанные посевы // Наука и жизнь. 1944. № 3.

Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана // СЭ. 1952. № 4.

Ниорадзе Г. К. Археологические раскопки в Колхидской низменности // ИИЯИМК. 1941. Т. 10. На груз. яз. Рез. рус.

Новиков Ю. Ф. О возникновении земледелия и его первоначальных формах // СА. 1959. № 4.

Нодия М., Векуа Л., Челидзе З., Павленишвили Э. О методике изучения вековых вариаций магнитного поля земли до н. э. // Геомагнетизм и астрономия. 1966. Т. 6.

Отчеты археологической комиссии за 1987 г. СПб., 1900.

Овезов Д. Ремесла и домашние промыслы у племен Мурчали // ИАН ТССР. 1957. № 2.

Оганесян В. Э. Серебряный кубок из Карашамба // ИФЖ. 1988а. № 4.

Оганесян В. Э. Курганы среднебронзового века близ села Карашамб // ТД БПАС. 1988б.

Оганесян В. Э. Культура первой половины II тыс. до н. э. в среднем течении р. Раздан: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1990.

Оганесян В., Мурадян Ф. Погребение № 117 Карашамбского могильника // ВОИ. 1986.

Окладников А. П. Изучение памятников каменного века в Туркмении // ИАН ТССР. 1953. № 2.

Окроперидзе Н. И. Могильник Нареквари // ТИИ АН ГССР. 1963. Т. 7. На груз. яз. Рез. рус.

Оппенгейм А. Л. Торговля на Ближнем Востоке в древности // МКАЭ. М., 1970.

Орбелиани С. Грузинский словарь. Тбилиси, 1928. На груз. яз.

Орджоникидзе А. З. Санцхе-Джавахеги в эпоху ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1981.

Орджоникидзе А. З. Самцхе-Джавахеги в эпоху ранней бронзы. Тбилиси, 1983. На груз. яз. Рез. рус.

Османов М. О. Географическая среда и производящие формы хозяйства // ТДК ФППХПОРОС. 1974.

Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1971 гг.). Тбилиси, 1976. На груз. яз. Рез. рус.

Очерки по истории Грузии. Тбилиси, 1970. На груз. яз.

Пассек Т. С. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья // МИА. 1961. № 4.

Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950.

Периш А. И. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории // ТИЭ. М.; Л., 1960. Т. 4.

Петров В. П. Подсечное земледелие. Киев, 1968.

Петросян Л. А. Разведочные раскопки в Кети (1970) // ИФЖ. 1973. № 4.

Петросян Л. А. Новые памятники среднебронзовой эпохи // ИФЖ. 1976. № 3. На арм. яз.

Петросян Л. А. Материальная культура Северо-Западного Ширака в III—I тыс. до н. э. по материалам Кети и Воскеаска: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1984.

Петросян Л. А. Раскопки памятников Кети и Воскеаска. Ереван, 1989.

Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии // ТИЭ. М.; Л., 1959. Вып. 12.

Пиотровский Б. Б. Вишапы: Каменные статуи в горах Армении. Л., 1939.

Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949а.

- Пиотровский Б. Б. Поселения медного века в Армении // СА. 19496. № 11
Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье // СА. 1955а.
№ 23.
- Пиотровский Б. Б. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР // X Междунар. конгр. в Риме: Докл. сов. делегатов. М., 19556. На рус. и англ. яз.
- Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М., 1959.
- Пиотровский Б. Б. Основные этапы древнейшего земледелия в Армении // ИФЖ. 1961. № 3—4. Рез. арм.
- Пиотровский Б. Б. Предисловие // Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. М.; Л., 1963.
- Пиотровский Б. Б. О формах хозяйства, способствовавших образованию классов и становления государства // ТД СПИПАИ. 1969. М., 1970.
- Пицхелаури К. Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии в XV—XII вв. до н. э. Тбилиси, 1973.
- Пицхелаури К. Н. Новые находки Кахетской археологической экспедиции // ПАИ. 1978. 1981.
- Пицхелаури К. Н. Топография поселений эпохи бронзы в Кахети // ТКАЭ. 1984. Вып. 6. На груз. яз. Рез. рус. и англ.
- Пицхелаури К. Н. Основные направления социально-экономического развития кавказских обществ эпохи бронзы и железа // ТКАЭ. 1988. Вып. 8.
- Пицхелаури К. Н., Дедабришвили Ш. Ш. Курганы урочища Садуга // ТД СПИПАИ. 1971. М., 1972.
- Пицхелаури К. Н., Дедабришвили Ш. Ш. Археологические исследования на новостройках Кахети // АИН ГССР. Тбилиси, 1976.
- Пицхелаури К. Н., Мамаишвили Н. Ф., Варазашвили В. Л. Кахетская археологическая экспедиция // ПАИ. 1982. 1985.
- Пицхелаури К., Дедабришвили Ш., Майсурадзе В., Миндиашвили Г., Абдушелишвили М., Варазашвили В. Отчет о полевых работах Кахетской археологической экспедиции // ПАИ. 1977. 1980.
- Пицхелаури К. Н., Мамаишвили Н. Ф., Капанадзе М. Т., Варазашвили В. В., Майсурадзе В. Г., Абдушелишвили М. А. Археологические исследования Кахетской экспедиции // ПАИ. 1979. 1982.
- Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
- Приходнюк О. М. Некоторые аспекты изучения раннеславянской экономики // ТД СПИПАИ. 1971. М., 1972.
- Путуридзе М. Ш. Культура эпохи средней бронзы Центрального и Восточного Закавказья и ее локальные варианты: (триалетская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1983.
- Пхакадзе Г. Г. Энеолит Квемо-Картли. Тбилиси, 1963. На груз. яз. Рез. рус.
- Пхакадзе Г. Г. К вопросу о взаимосвязи западногрузинской раннебронзовой и майкопской культур // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987.
- Пхакадзе Г. Г. Некоторые вопросы энеолита Западного Закавказья // САНГССР. 1988а. Т. 130. № 1.
- Пхакадзе Г. Г. К изучению памятников Рион-Квирильского бассейна (IV—середина III тыс. до н. э.) // СА. 19886. № 2.
- Пхакадзе Г. Г., Каландадзе К. С., Орджоникидзе А. З. Результаты работ Абастуманской экспедиции // ПАИ. 1980. 1982.
- Пшеницы мира. Л., 1976.
- Раишвили И. Т. Понтическая флора Западной Грузии по данным палинологического анализа. Тбилиси, 1969.
- Раишвили Р. М., Джорбенадзе В. А. Жинвальская экспедиция // ПАИ. 1979. 1982.
- Резепкин А. Д. Курганы 31 могильника Клады: Проблемы, генезис и хронология майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.
- Решетов А. М. Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев // Ранние земледельцы. Л., 1980.
- Рогачев А. Н. Палеолитические жилища и поселения // Каменный век на территории СССР. М., 1970.
- Рогачев А. Н. Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине // Антропологическая реконструкция и современные проблемы палеоэтнографии. М., 1973.
- Русишвили Р. И. Керамика эпохи средней бронзы Швиндиани // АИГ. 1977. На груз. яз.
- Рустамов Д. Н. Разведочные раскопки в Тойре-Тепе // МКАз. 1965. Т. 6. На азерб. яз. Рез. рус.
- Рустамов Д. Н., Мурадова Ф. М. Раскопки в Кобустане // АО. 1970. 1971.
- Рустамов Д. Н., Нариманов И. Г. Древнее поселение и курганные погребения на Авейдаге // МКАз. 1965. Т. 6. На азерб. яз. Рез. рус.
- Рисулишвили М. Д. Отгонное овцеводство Грузии и пути его улучшения. Тбилиси, 1957.
- Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. 1965. № 1.
- Садаев Д. Ч. История древней Ассирии. М., 1979.
- Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.
- Сардарян С. А. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967. На арм. яз. Рез. рус., англ.
- Северный Кавказ: Экономико-географический очерк. М., 1957.
- Селимханов И. Р. Историко-химические и аналитические анализы древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960. Рез. англ.
- Селимханов И. Р. К истории освоения человеком металлов и сплавов на Кавказе // Археология и естественные науки. М., 1965. (МИА; № 129).
- Селимханов И. Р., Марешдль Ж. Р. О ранних этапах древней металлургии меди на территории Европы и Кавказа в свете новых понятий и результатов анализа // VII МКДП: Докл. и сообщ. археологов СССР. 1966.
- Семенов С. А. Некоторые проблемы земледелия в свете трасологических и экспериментальных изысканий // ТД СПИПАИ. 1970. Тбилиси, 1971.
- Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974а.
- Семенов С. А. Возникновение земледелия и начальные стадии его развития // ТДК ФППХПОРОС. Л., 19746.
- Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Л., 1983. Рез. англ.
- Семенов Ю. И. Теоретические проблемы экономической антропологии // Этнологические исследования за рубежом. М., 1973.
- Семенов Ю. И. О некоторых теоретических проблемах экономики первобытного общества // СЭ. 1978. Вып. 4.
- Симомян А. Е. Верин-Навер — новооткрытый среднебронзовый могильник в Аштакарском районе // ТД НСПИПАИ в АрмССР. 1975—1976. Ереван, 1977. На арм. яз.
- Симомян А. Е. Раскопки могильника Верин-Навер // АО. 1978. 1979.
- Симомян А. Е. Кармир-бердская культура по материалам периода средней бронзы в Армении // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: ТДВС. Ереван, 1982.
- Симомян А. Е. Могильник эпохи бронзы Верин-Навер // КСИА. 1983. Вып. 176.
- Симомян А. Е. Два погребения эпохи средней бронзы могильника Верин-Навер // СА. 1984а. № 3.
- Симомян А. Е. Культура эпохи средней бронзы северных районов Армянского нагорья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 19846.
- Симомян А. Е. Культурный процесс в эпоху средней бронзы Армянского нагорья и Южного Кавказа: (опыт локализации ареалов, переоценка хронологических и социокультурных взаимоотношений этих культур в свете памятников Армении) // Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху: ТД Респ. совещ. Ашхабад, 1987а.
- Симомян А. Е. Результаты раскопок могильника Верин-Навер // НСПИПАИ АрмССР. 1985—1986: ТД. Ереван, 19876. На арм. яз. Рез. рус.
- Симомян А. Е. Новая трактовка социокультурной общности эпохи средней бронзы Армении // ИФЖ. 1990. № 1.
- Синская Е. Н. Учение Н. И. Вавилова об историко-географических очагах развития культурной флоры // Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилова. М.; Л., 1966.
- Соловьев Л. Н. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии // Тр. Абхаз. н.-и. ин-та Груз. фил. АН СССР. Сухуми, 1939. Вып. 15.
- Соловьев Л. Н. Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа // Вопросы карста на юге европейской части СССР. Киев, 1949.
- Соловьев Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. // Тр. Абхаз. ин-та яз., лит. и ист. Сухуми, 1961. Т. 32.
- Соловьев Л. Н. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижне-Шиловское и Кистрик // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967.
- Социально-экономические отношения и соционормативная культура: Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986.
- Спицын И. И. Некоторые Закавказские могильники // ИАК. СПб., 1909. Вып. 29.
- Столяр А. Д. Мешоко — поселение майкопской культуры // Тр. Адыг. ин-та яз., лит. и этногр. Майкоп, 1961. Т. 2.
- Тавадзе Ф. Н., Бакрая В. А. Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии // СА. 1954. № 20.
- Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н., Инаншвили Г. В. Этапы развития металлургии Грузии // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987.

- Тамашев А. З. Крупный рогатый скот в прошлом и настоящем. Ереван, 1947.
- Тбилиси: Археологические памятники. I. Тбилиси, 1978.
- Титов В. С. Первое общественное разделение труда: Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена // КСИА. М., 1962. Вып. 88.
- Титов В. С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
- Титов В. С. Некоторые проблемы возникновения и распространения производящего хозяйства в Юго-Восточной Европе и на юге Средней Азии // КСИА. М., 1984. Вып. 180.
- Торговля и обмен в древности // КСИА. М., 1974. Вып. 138.
- Торосян Р. М. Раскопки Техутского поселения: (1965 г.) // ИФЖ. 1968. № 1. На арм. яз.
- Торосян Р. М. Раннеземледельческая культура Армении: (по материалам поселения Техут): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1971.
- Торосян Р. М. Раннеземледельческое поселение Техут: (IV тыс. до н. э.). Ереван, 1976. На арм. яз. Рез. рус.
- Туманян М. Г. Культурные растения урартского периода в Армянской ССР // ИАН АрмССР. 1944. № 1—2.
- Туманян М. Г. Основные этапы эволюции ячменей в Армении // ИАН АрмССР. 1948. Т. 1.
- Тушабрамишвили Д. М. Результаты работы палеолитической экспедиции Гос. музея Грузии в 1962 г. в Квирильском ущелье // НСПИПАИ. 1962. Тбилиси, 1963. На груз. яз.
- Тушабрамишвили Д. М. Итоги работ палеолитической экспедиции Квирильского ущелья за 1963—1964 гг. // МСПИАЭИ. 1964. Баку, 1965.
- Тушишвили Н. Н. Среднебронзовое погребение на Ардисубани // ВОН АН ГССР. 1967. № 4. На груз. яз. Рез. рус.
- Тюменев А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.; Л., 1956.
- Ушаков Б. Хеттская культура: К вопросу о генезисе и взаимоотношениях индоевропейских и картвельских языков // ТТГУ. Тбилиси, 1941. Т. 18.
- Физическая география Азербайджанской ССР. Баку, 1945.
- Физическая география Армянской ССР. Ереван, 1971. На арм. яз.
- Формозов А. А. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
- Формозов А. А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа // МИА. 1962. № 102.
- Формозов А. А. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе // СА. 1963. № 4.
- Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969.
- Формозов А. А. К истории древнейшего скотоводства на юге СССР // Тр. Моск. о-ва испытателей природы. 1972. Т. 48.
- Формозов А. А. Каменноостская пещера — многослойная стоянка в Прикубанье // МИА. 1971. № 173.
- Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.
- Хайдаков С. М. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961.
- Халилов Д. А. Раскопки поселения Борисполь-Тепе // АО. 1985. 1987.
- Халилов Д. А. Кесаманлы Г. П. Кяфля-Тепелери — поселение эпохи ранней бронзы в Азербайджане // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Халилов Д. А. Оруджиев А. Ш. О некоторых археологических памятниках на территории с. Галь Кусарского района // ИАН АзССР. 1977. № 1. На азерб. яз. Рез. рус.
- Халилов Д. А., Аразова Р. Б., Гусейнова Л. Г., Ахундов Т. И. Археологические памятники Кусарского района // АЭИАз. 1976. 1979.
- Халилов Д. А., Аразова Р. Б., Гусейнова Л. Г., Ахундов Т. И., Кашкарлы К. О. Об археологических памятниках Северо-Восточного Азербайджана // ДАН АзССР. 1981. № 12.
- Халилов Д. А., Расулова М. М., Аразова Р. Б., Алиев А. А., Ахундов Т. И., Кашкарлы К. О. Археологические памятники Хачмасского района // АЭИАз. 1979. Баку, 1980.
- Ханзадян Э. В. Лчашенский курган № 6 // КСИА. 1962. Вып. 9.
- Ханзадян Э. В. Энеолитическое поселение близ Кировакана // СА. 1963. № 1.
- Ханзадян Э. В. Расписной сосуд с зооморфными изображениями из Элара // СА. 1966. № 4.
- Ханзадян Э. В. Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э. Ереван, 1967. На арм. яз. Рез. рус.
- Ханзадян Э. В. Гарни IV. Ереван, 1969. На арм. яз. Рез. рус.
- Ханзадян Э. В. Поселение Джраовит // АО. 1974. 1975.
- Ханзадян Э. В. Эллар-Дарани. Ереван, 1979а. На арм. яз. Рез. рус., нем.
- Ханзадян Э. В. Раскопки Джраовита // ТД СПИПАИ в АрмССР. 1977—1978 гг. Ереван, 1979б. На арм. яз.
- Ханзадян Э. В. Арагатская долина в конце IV — начале II тыс. до н. э.: (Основные этапы развития культуры и общества): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ереван, 1985.
- Ханзадян Э. В., Мкртчян К. А., Парсамян Э. С. Мецамор. Ереван, 1973. На арм. яз. Рез. рус., англ.
- Харадзе Р. Л. Грузинская семейная община. Тбилиси, 1960. Т. 1.
- Харадзе Р. Л. Грузинская семейная община. Тбилиси, 1961. Т. 2.
- Хачатрян М. М. Выгравированная схема доурартской ирригационной сети Арагоцотна // ИФЖ. 1971. № 3. На арм. яз. Рез. рус.
- Хачатрян М. М. О древней ирригационной сети Арагоцотна // ВЕГУ. 1976. № 1.
- Хачатрян Т. С. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963. Рез. арм.
- Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975.
- Хачатрян Т. С., Есаян С. А. Археологические находки в селении Апаран // СА. 1958. № 4.
- Хашаев Х. М. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. // УЗИИЯЛ ДагФАН. 1956.
- Хашаев Х. М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959.
- Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Л., 1964.
- Хлопин И. Н. Сегментация в истории первобытного общества // ВИ. 1968. № 8.
- Хоренский Моисей. История Армении. М., 1893.
- Хоштария Н. В. Диха Гудзуба, древнее поселение в Колхидской низменности // САНГССР. 1944. Т. 5. № 2. На груз. яз. Рез. рус., англ.
- Хоштария Н. В. Древние поселения Колхидской низменности и проблема их исследования // САНГССР. 1945. Т. 6. № 6. На груз. яз. Рез. рус.
- Хоштария Н. В. Древние поселения в бассейне р. Хоби // ВДИ. 1948. № 3.
- Церетели А. Т. Южная Грузия в эпоху средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1981.
- Церетели Л. Д. Палеолитическая стоянка Квачара // Тр. Ин-та ист., археол. и этногр. АН ГССР. 1970. Т. 7.
- Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья Грузии. Тбилиси, 1973.
- Церетели Л. Д. Еще одна мезолитическая стоянка в прибрежной полосе Грузии // МАГК. 1974. Вып. 6.
- Цицишвили А. Л. Костные остатки древней овцы и крупного рогатого скота из Квацхелеби // Тр. Груз. с.-х. ин-та. 1965. Вып. 16. На груз. яз.
- Цицишвили А. Л. Костные остатки животных из Шулавери // АЭГМГ. 1969. Вып. 1.
- Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949.
- Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.
- Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
- Чайлд Г. Археологические документы по предистории науки // ВИИМК. 1957. № 2.
- Чартолани Ш. Г. Сванетия в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1974.
- Чартолани Ш. Г. К вопросу хозяйственно-торгового и стратегического значения перевалочных путей Северо-Западной Грузии в раннюю эпоху // ДНК. 1984.
- Чартолани Ш. Г. Медные горнорудные месторождения Сванетии // ТД БПАС. 1988.
- Чартолани Ш. Г. К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Тбилиси, 1989.
- Челидзе Л. М. Орудия труда энеолитического поселения Арухло I // МАГК. 1979. Вып. 7.
- Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
- Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. Рез. франц.
- Черных Е. Н. Кавказ в системе металлургических провинций бронзового века // ТД БПАС. 1988.
- Черников С. С. К вопросу о составе древних бронз Казахстана // СА. 1951. № 15.
- Чиковани Г. Ч. Селища раннеземледельческих культур в предгорьях Арагвского ущелья // ДНК. 1984.
- Чиковани М. Я. Прикованный Амирани. Тбилиси, 1947. На груз. яз.
- Чилашвили Л. А. Городище Урбиси. Тбилиси, 1964. На груз. яз. Рез. рус.
- Чилингарян С. С. Циклопические постройки Ноемберянского района: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1968.
- Чилингарян С. С. Памятники древнего могильного поля Джуджеванского района // ИФЖ. 1970. № 1. На арм. яз.
- Читая Г. С. Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии // Тр. Всесоюз. этногр. конф. Тбилиси, 1952, № 8.
- Читая Г. С. Горное земледелие на Кавказе // МЭГ. 1960. Вып. 11.

- Чубинишвили Т. Н. Самтаврское курганное погребение № 243 // МАГК. 1948. Вып. 1. На груз. яз. Рез. рус.
- Чубинишвили Т. Н. Древнейшие археологические памятники Мухета. Тбилиси, 1957. На груз. яз.
- Чубинишвили Т. Н. Амиранис-Гора: Материалы к древнейшей истории Месхети-Джавахети. Тбилиси, 1963. На груз. яз. Рез. рус.
- Чубинишвили Т. Н. Древнейшая культура в двуречье Куры и Аракса. Тбилиси, 1965. На груз. яз. Рез. рус.
- Чубинишвили Т. Н. Куро-аракская культура в Закавказье в III тыс. до н. э. // VII МКДП. М., 1966.
- Чубинишвили Т. Н. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971. Т. 1.
- Чубинишвили Т. Н. Новые данные к истории раннеземледельческой культуры Квемо-Картли // ДПК. 1973. № 33. На груз. яз. Рез. рус.
- Чубинишвили Т. Н. К вопросу о некоторых определяющих признаках раннеземледельческой культуры VI—IV тыс. // ИАН СССР. Сер. ист., археол., этногр. и ист. искусства. 1978. № 1.
- Чубинишвили Т. Н., Кушнарева К. Х. Новые материалы по неолиту Южного Кавказа // ВОН АН СССР. 1967. № 6.
- Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М. Итоги работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции // ПАИ-1972. 1973.
- Чубинишвили Т. Н., Небиеридзе Л. Д., Пхакадзе Г. Г. Памятники раннеземледельческой культуры в зоне строительства Арухлинской оросительной системы // АИНГСССР. 1976.
- Чубинишвили Т., Пхакадзе Г., Мирцхулава Г., Шатберашвили З., Гоголия Д., Эсакия К. Отчет Квемо-Картлийской (Арухло) археологической экспедиции // ПАИ-1975. 1979.
- Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1956.
- Чхенкели И. Орошение в сельском хозяйстве Грузии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1946.
- Шамиладзе В. М. Скотоводство в Западной Грузии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1965.
- Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси, 1979. Рез. англ.
- Шапошников О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) // Археология СССР: Свод археологических источников. Киев, 1986. Вып. ВН-3.
- Шифферс Е. В. Природная кормовая растительность Дагестана. Махачкала, 1960.
- Шмидт Р. В. О мотыге в античном сельском хозяйстве // ПИМК. 1933. № 5—6.
- Шнирельман В. А. Современные концепции происхождения производящего хозяйства // СА. 1978. № 3.
- Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1980. Рез. англ.
- Шнирельман В. А. Классообразование и дифференциация культуры: (по океанским этнографическим материалам) // Этнографические исследования: Развитие культуры. 1985.
- Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
- Энеолит СССР. М., 1982.
- Эсакия К. М., Производство древних земледельческо-скотоводческих обществ Восточной Грузии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
- Якубцинер М. М. К познанию дикой пшеницы Закавказья. М., 1936.
- Якубцинер М. М. К истории культуры пшеницы в СССР // Материалы по истории земледелия. М.; Л., 1956. Т. 2.
- Якубцинер М. М. Сортовые и видовые богатства пшениц мира и их использование // Вопросы географии и культурных растений и Н. И. Вавилов. М.; Л., 1966.
- Янковская Н. Б. Международное торговое объединение Каниша // ВДИ. 1965. № 3.
- Янковская Н. Б. Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР. М., 1968.
- Янковская Н. Б. Частный кредит в торговле древней Западной Азии // ВМКЭИ. М., 1970.
- Янушевич З. В., Русишвили Н. Ш. Новые палеозотоботанические находки на неолитическом поселении Арухло I // Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984.
- Adams R. Agriculture and urban life in early Southwestern Iran // Science. Chicago, 1962. Vol. 136. N 3511.
- Adams R. Land behind Baghdad. Chicago, 1965.
- Adams R. The evolution of urban society. Chicago, 1966.
- Amiet P. La glyptique mesopotamienne archaïque. Paris, 1961.
- Amiran R. Ianik-tepe, Shengavit and Khirbet-Kerak ware // AS. 1965. N 15.
- Arnaud D., Calvet Y., Huot J. Iisu-ibnisu ofrevre de l'E. Babbur de Larsa // Syria. Paris, 1979. T. 56.
- Bittel K. Bogazkoy. Berlin, 1937.
- Bökönyi S. Archaeological problem and methods of recognizing animal domestication // Domestication and exploration of plants and animals / Ed. Ucko P., Dimbleby G. London, 1969.
- Braidwood L., Braidwood R. Prehistoric village archaeology in south-eastern Turkey: The eighth millenium B. C. site at Çayönü // BAR. Intern. ser. Oxford, 1982. Vol. 138.
- Braidwood R. The Near East and foundations for civilisation. Oregon, 1952.
- Braidwood R. Iericho and its setting in near history // Antiquity. 1957. N 122.
- Braidwood R., Braidwood L. Excavations in the plain of Antioch. Chicago, 1960.
- Braidwood R., Cambel H., Redman C., Watson R. Beginnings of village-farming communities in Southern Turkey // Proc. Nat. Acad. Sci. Washington, 1972. Vol. 68. N 6.
- Braidwood R., Reed Ch. The achievement and early consequences of food-production // Gold Spring Handor Simposia on Quantitative Biol. New York, 1957. Vol. 22.
- Burney C. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age // AS. 1958. Vol. 8.
- Burney C. Circular buildings found at Yanik-tepe, North-West Iran // Antiquity. 1959. Vol. 35. N 139.
- Burney C. Excavations at Yanik-tepe, North-West Iran // Iraq. 1961. Vol. 23. P. 1.
- Burney C. Excavations at Yanik-tepe, Azerbaijan, 1961 // Iraq. 1962. Vol. 24. P. 2.
- Burney C. Excavations at Yanik-tepe, Azerbaijan, 1962 // Iraq. 1964. Vol. 26. P. 1.
- Burney C. Excavations at Haftavan Tepe // Iran. 1973. Vol. 11.
- Burney C. Excavations at Haftavan Tepe // Iran. 1975. Vol. 13.
- Burney C. A. Aspect of the excavations in the Altinova, Elazig // AS. 1980. N 30.
- Burton-Brown T. Excavations in Azerbaijan, 1948. London, 1955.
- Butzer K. Quaternary stratigraphy and climate in the Near East // Bunner Geographische Abhandl. Bonn, 1958. N 24.
- Butzer K. Physical conditions in Eastern Europe, Western Asia and Egypt before the period of agricultural and Urban settlement // CAH. Cambridge, 1965. Vol. 1. Ch. 1.
- Child G. The down of european civilization. London, 1925.
- Child G. Man makes himself. London, 1939.
- Cilingizoglu A. The second millenium painted pottery tradition of the Van Lake Bassin // AS. Ankara; London, 1984. Vol. 34.
- Clark G., Piggott S. Prehistoric societies. London, 1965.
- Coon C. Seven caves. London, 1957.
- Deevey E. The human population // Sci. Amer. 1960. Vol. 209, N 3.
- Deshayes G. Les outils de bronze, de l'Indus au Danube // IV au II millenaire. Paris, 1960. Vol. 1—2.
- Doluchanov P. Paleogeography and prehistoric settlement in Caucasus and in Central Asia during the pleistocene and holocene // Anali dell'Instituto Orientale Napoli. Napoli, 1980. Vol. 40.
- Dyson R. The archaeological evidence of the second millenium B.C., on the Persian plateau // CAH. Cambridge, 1973. Vol. 2. P. 1. CH. 16.
- Dyson R., Yong T. The Soldus Valley, Iran: Pisdelitepe // Antiquity. Cambridge, 1960. N 133.
- Edwards M. The pottery of Haftavan Tepe VIB (Urmia ware) // Iran. 1981. Vol. 19.
- Esin U. Kauntatif spektral analis yardimiyla anadoluda baslanigisendar Asur kolonileri cagina kadar barik vetune Madenciligi. Istanbul, 1969.
- Flannery K. The ecology of early food production in Mesopotamia // Science. Chicago, 1965. Vol. 147. N 3663.
- Flannery K. Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near East // Domestication of Plants and Animals. London, 1969.
- Flannery K. The origins of the village as a settlement type in Mesoamerica and the Near East // Man, Settlement and Urbanism / Ed. P. Ucko, R. Tringham, G. Dimbleby. Hartfordshire, 1972.
- Forbes B. Metallurgy in Antiquity. Leiden, 1950.
- Francfort H. Studies in early pottery in the Near East. I. London, 1924.
- Garrad D. The relations between Southwest Asia and Europe in the Later Paleolithic Age // Journ. of World History. 1953.
- Garstang J. Prehistoric Mersin: Yümük-Tepe in Southern Turkey. Oxford, 1953.
- Ghirshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan. Paris, 1939. Vol. 1.
- Gimbutas M. Bronze Age Culturs in Central and Eastern Europe. Paris, 1965.
- Godard A. Les bronzes du Luristan // Arts Asiatica. Paris, 1931. Vol. 17.
- Goldman H. Excavations at Gözlü Kule // Tarsus. Princeton, 1956. Vol. 2.
- Gurney O. The Hittites. London, 1966.

- Hamlin C. The Habur ware ceramic assemblage of Northern Mesopotamia // Ann Arbor: Univ. Press Microfilms. 1971.
- Hamlin C. The early second millennium ceramic assemblage of Dinka-Tepe // Iran. 1974. N 12.
- Harlan J. R. A wheat harvest in Turkey // *Archaeology*. 1967. Vol. 20. N 3.
- Harlan I., Zohary D. Distribution of Wild Wheats and Barley // Science, Chicago, 1966. Vol. 153. N 3740.
- Hauptman H. Die Grabungen auf dem Norsuntepe, 1970 // Keban Project 1970. Activities. Ser. I. Ankara, 1971. N 4.
- Helbaek H. Ecological effects of irrigation in ancient Mesopotamia // Iraq. 1960. Vol. 22.
- Helbaek H. Traces of plants in the early ceramic site of Umm Dabaghiyah // Iraq. 1972. Vol. 34.
- Higgs E., Jarman M. The origins of animal and plant Husbandry // PEP. 1972.
- Hole F. Symbols of religions and social organization of Susa // Ioyng at al. The Hilly Flanks and beyond: Essays on the prehistory of South-Western Asia. Chicago, 1983.
- Hole F., Flannery K., Neel J. Prehistory and human ecology: Deh-Luran plain, Memoures Museum Anthropology // Univ. Michigan. I. Michigan, 1969.
- Hopf M. Plants in Iericho // The domestication of plants and animals / Ed. Ucko P., Dimbleby G. London, 1969.
- Huot J. Les ceramiques monochromes lissees en Anatolia à l'époque du bronze ancien. Paris, 1982. Vol. 1—2.
- Jarman H. The origins of Wheat and Barley Cultivation // PEP. 1972.
- Jarman M., Wilkinson P. Criteria of animal domestication // PEP. 1972.
- Kelly-Buccellati M. The excavations at Kurucutepe, Turkey, 1968/70: Preliminary report // JNES. 1974. Vol. 33.
- Kenyon K. Iericho and its setting in Near Eastern history // *Antiquity*. 1956.
- Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971: a preliminary report // Iraq. London, 1972. Vol. 34.
- Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1972: a second preliminary report // Iraq. London, 1973a. Vol. 35.
- Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1973: a third preliminary report // Iraq. London, 1973b. Vol. 35.
- Korucutepe / Ed. Loon M. van. Amsterdam et al., 1980. (Studies in Ancient Civilization; Vol. 3).
- Kosay H. Türk tarih kongresi // *Belleten*. Ankara, 1945. Vol. 9. N 33.
- Kosay H. Pulur (Sakyol) excavations, 1969 // Keban Project. Ankara, 1971.
- Kosay H. Z. Pulur (Sakyol) excavations, 1971 // Keban projesi. Ankara, 1972.
- Kosay H. Pulur excavations 1969—1970 // Keban Project. Ankara, 1976.
- Kosay H., Turfan K. Erserum Karas Kasisi raporu // TTK. *Belleten*. 1959. Vol. 23. N 91.
- Kuftin B., Field H. Prehistoric culture sequence in Transcaucasia // SJA. 1946. Vol. 2.
- Lamb W. Some Early Anatolian Shrines // AS. 1956. Vol. 6.
- Leroi-Guهران A. Pollen grains of granineas and cereali from Shanidar and Zawi Chemi // The domestication of plants and animals / Ed. Ucko P., Dimbleby G. London, 1969.
- Lisitsina G. The Caucasus — a centre of ancient farming in Eurasia // Plants and Ancient Man. Rotterdam; Boston, 1984.
- Lloyd S., Mellaart J. Beycesultan excavations // AS. 1956. Vol. 6.
- Lloyd S., Saffar F. Tell Hassuna // JNES. 1945. October. Vol. 4.
- Loon M. van. The joint excavations of the universities of Chicago, California and Amsterdam at Korucutepe, 1969. Summer work // Middle east techn. Univ. Keban project. Ankara, 1971. Ser. 1. N 2.
- Loon M. van, Güterbock H. The 1970 excavations at Korucutepe, near Elazig // Türk arkeoloji dergisi 19. Ankara, 1972. N 2.
- Medvedskaya. Iran: Iron age. I // BAR. 1982. N 126.
- Meisler B., Stekelis M., Avi-Jonah. The excavations at Beth-Ierah: (Khirbet et Kerak) // Israel excavation journ. 1952. Vol. 2. N 3.
- Mellaart J. The end of the early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // AJA. 1958. Vol. 62. N 1.
- Mellaart J. Excavations at Hacilar // AS. 1961. Vol. 11.
- Mellaart J. Anatolia, 4000—2300 B.C. // Ancient history. Cambridge, 1962.
- Mellaart J. Earliest civilizations of the Near East. London, 1965.
- Mellaart J. The chalcolithic and Early Bronze Age in the Near East and Anatolia. London; New York, 1966.
- Mellaart J. Cätäl Hüyük // A neolithic town in Anatolia. London, 1967.
- Minns E. Review of archaeological excavations in Trialeti by B. A. Kuftin // *Antiquity*. 1943. N 17.
- Morgan J. La prehistoire orientale. Paris, 1927. Vol. 3.
- Narr K. Frühe Pflüge // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1962. N 92.
- Orthmann W. Zu einem silberbecher aus Trialeti // Vortrag gehalten auf dem VIII türkischen Geschichtskongress. 1978.
- Otten H. Hethithische totenritual. Berlin, 1958.
- Palmieri A. Inseidamento del bronze antico a Gelenciktepe (Malatya) // Origini preistoria e protostoria delle civiltà antiche. Roma, 1967.
- Piggott S. Heads and hoofs // *Antiquity*. 1962. Vol. 56. N 142.
- Piggott St. The earliest wheeled vehicles and the Caucasian evidence // PPS. 1968. Vol. 34.
- Piggott St. «Royal tombs» reconsidered: Prace i materialy // Ser. archeol. Warszawa, Łódz, 1979.
- Ralf E. K. et al. Radiocarbon date and reality // MSCA. New Steller, 1973. Vol. 9. N 1.
- Reilly E. Tilkitepedeki ilk kazilar // TTAED. 1940. Vol. 4.
- Renfrew C., Dixon J., Cann J. Obsidian and early cultural contact in the Near East // PPS. 1966. Vol. 32. N 5.
- Rubincon K. The chronology of the Middle Bronze Age kurgans at Trialeti // Bibliotheca Mesopotamica. 1977. Vol. 7.
- Säflund G. Le terramare delle provincie di Modena, Reggio Emilia, Parma, Piacenza, Lund. Leipzig, 1939.
- Salonen A. Agricultura Mesopotamica nach sumerisch-akkadisch quellen. Helsinki, 1968.
- Schaeffer Cl. La date des kourganes de Trialeti // *Antiquity*. 1943. N 68.
- Schaeffer Cl. Stratigrafie comparée de l'Asie Occidentale. London, 1948.
- Speiser E. Excavations at Tepe-Gawra. Philadelphia, 1935. Vol. 1.
- Stronach D. The development and diffusion of metal types in early Bronze Age // AS. 1957. Vol. 7.
- Stubbings F. The prise of Mycenaean civilisation // CAH. 1973. Vol. 11. Pt 1.
- Sukenik I. On the technique of khirbet-kerak ware // BASOR. 1917. N 106.
- Veenhov K. Aspects of old-assirian trade terminology. Leiden, 1972.
- Vermeule E. Greece in Bronze Age. Chicago; London, 1972.
- Wooley L. Ur excavations. London, 1934. Vol. 2.
- Zeist W. van. The oriental excavations at Mureybit, Syria // JNES. 1970. Vol. 29. Pt 3.
- Zeist W. van, Woldring H. Postglacial pollen diagram from Lake Van in East Anatolia // Review of Paleobotany and Palynology. Amsterdam, 1978. N 26.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН** — Архив Академии наук.
АИГ — Археологические исследования в Грузии. Тбилиси.
АИНГССР — Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси.
АО — Археологические открытия. М.
АЭГМГ — Археологические экспедиции Гос. музея Грузии. Тбилиси.
БПАС — Башкапсарский полевой археологический семинар «Медные рудники Западного Кавказа III—I тыс. до н. э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения». Сухуми.
ВАК — Всесоюзная археологическая конференция.
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВЕГУ — Вестник Ереванского государственного университета. Ереван.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВОН — Вестник общественных наук.
ГАИМК — Гос. Академия истории материальной культуры. СПб.
ДагФАН — Дагестанский филиал Академии наук СССР. Махачкала.
ДАН АзССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. Баку.
ДНК — Душетская научная конференция, посвященная проблемам взаимоотношений между горными и равнинными регионами. Тбилиси.
ДПК — Друзья памятников культуры. Тбилиси.
ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
ИАзФАНСССР — Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР. Баку.
ИАН АзССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Баку.
ИАН АрмССР — Известия Академии наук Армянской ССР. Ереван.
ИАН ГССР — Известия Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. СПб.
ИИЯИМК — Известия Института языка, истории и материальной культуры.
ИООИАз — Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку.
ИФЖ — Историко-филологический журнал. Ереван.
ИФР — Историко-филологические разыскания. Тбилиси.
КБС — Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси.
КС — Краткие сообщения.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. СПб.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.; Л.
КЭС — Кавказский этнографический сборник. Тбилиси.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Л.
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси.
МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАз — Материалы по истории Азербайджана. Баку.
МКАз — Материальная культура Азербайджана. Баку.
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.
МКДП — Международный конгресс доисториков и протоисториков. М.
МКЭИ — Международный конгресс экономической истории. М.; Л.
МСГИ — Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси.
МСПИАЭИ — Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований.
МЭГ — Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси.
НСИИЯЭ — Научная сессия Института истории, археологии и этнографии. Тбилиси.
НСПИПАИ — Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований.
- ОН** — Общественные науки. М.
ПАИ — Полевые археологические исследования. Тбилиси.
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры. М.; Л.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л.
РДООПАМЖП — Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений: ТДВС. Л.
РКТМЭ — Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Тбилиси.
РНКПКИА — Республиканская научная конференция по культуре и искусству Армении. Ереван.
СА — Советская археология. М.
САНГССР — Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси.
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.; СПб.
СГФАН — Сообщения Грузинского филиала АН СССР. Тбилиси.
СКПЭБРЖ — Всесоюзный симпозиум «Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа». Ереван.
СПИПАИ — Сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований.
СПИПАЭИ АзССР — Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований Азербайджанской ССР. Баку.
СЭ — Советская этнография. М.
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея. М.
ТГУ — Тбилисский государственный университет. Тбилиси.
ТД — Тезисы докладов.
ТДВС — Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума.
ТДК — Тезисы докладов конференции.
ТИИАНГССР — Труды Института истории АН Грузинской ССР. Тбилиси.
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. М.; Л.
ТКАЭ — Труды Кахетской археологической экспедиции. Тбилиси.
ТТБИ — Труды Тбилисского ботанического института. Тбилиси.
ТТГУ — Труды Тбилисского государственного университета. Тбилиси.
УЗАзГУ — Ученые записки Азербайджанского государственного университета. Баку.
УЗИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы.
УЗКБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик.
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ФПХПОРОС — Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя: (Всесоюзная конференция). Л.
AJA — American Journal of Archaeology. Princeton.
AS — Anatolian Studies. London.
BAR — British Archaeological Reports. London.
BASOR — British American School of Oriental Research. London.
CAN — The Cambridge Ancient History. Cambridge.
JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
MMAUM — Memoirs of the Museum of Anthropology University of Michigan. Ann Arbor.
PAS — Proceedings Academy Sciences.
PEP — Papers in Economic Prehistory.
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society. London.
SJA — Southwestern Journal of Anthropology.
TTK — Türk Tarich Kurumu. Ankara.
TTAED — Türk Tarich, Arkeologiya ve Ethnografia Dergisi. Ankara.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Предисловие	5
I. КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО КAVKAZA в IX—II тыс. до н. э.	8
Глава 1. Мезолит (IX—VII тыс. до н. э.)	8
Постановка проблемы. Мезолитические провинции Переднего Востока. Стоянки Причерноморья. Стоянки на р. Храми. Рионские стоянки. Горная стоянка Чох. Некоторые итоги изучения кавказского мезолита.	
Глава 2. Неолит-энеолит (VI—середина IV тыс. до н. э.)	18
Проблема изучения горной зоны Кавказа и раннеэнеолитическое поселение Чох. Поселение Гинчи и другие энеолитические памятники горного Дагестана. Памятники неолита и энеолита Причерноморья. Заселение степей и равнин. Характер энеолитических степных и равнинных поселений; проблема их хронологии и периодизации. Поселения шулавери-шомутепинского типа. Поселение Кюль-Тепе и памятники южной зоны Закавказья.	
Глава 3. Ранняя бронза (середина IV—третья четверть III тыс. до н. э.) . Характерные признаки куро-аракской культуры. Границы ее распространения, локальные группы памятников и их своеобразие. Процесс расселения племен. Динамика развития топографии, планировки и архитектуры поселений. Проблема генезиса куро-аракской культуры. Вопросы хронологии и периодизации памятников. Культура Западного Закавказья.	51
Глава 4. Средняя бронза (последняя четверть III—середина II тыс. до н. э.)	92
Проблемы происхождения и хронологии культур периода средней бронзы. Состояние источниковедческой базы. Западнокавказская (протоколхская) культура. Триаletская культура и ее подлинные границы. Кармир-бердская (тазакендская) культура. Севано-узерликская группа памятников. К проблеме культурной атрибуции памятников типа Кизыл-Банк.	
II. ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО КAVKAZA IX—II тыс. до н. э.	172
Глава 1. Охотники, собиратели, рыболовы и ранние земледельцы (IX—середина IV тыс. до н. э.)	172
Мезолитические хозяйственные комплексы. Историческое значение Чохской стоянки. Ранние земледельцы Кавказа (VI—середина IV тыс. до н. э.). Состояние проблемы. Экономические предпосылки зарождения производящего хозяйства. География культурной флоры. Социальные предпосылки «неолитической революции». Типология древнего земледелия. Горные поселения Чох и Гинчи. Проблемы становления и развития земледелия в горных районах. Хозяйство населения Причерноморья. Характер степных и равнинных поселений. Хозяйственные комплексы поселений Центрального и Южного Кавказа. Проблема зарождения пашенного земледелия. Ранние формы скотоводства. Домашнее производство. Зарождение металлургии. «Обсидиановые пути» как форма обмена и развития культурно-экономических связей.	
Глава 2. Комплексное хозяйство населения Южного Кавказа в середине IV—третьей четверти III тыс. до н. э.	207
Освоение предгорий и гор земледельцами и скотоводами. Прогресс земледельческого хозяйства в различных зонах Кавказа. Иригационные системы. Развитие скотоводства. Локальные варианты земледельческо-скотоводческого хозяйства. Террасное земледелие. Комплексное хозяйство Сванетии, Северо-Западной и Северо-Восточной Армении (типы земледелия и роль скотоводства в комплексном хозяйстве). Развитие металлургии и гончарства и зачатки ремесленного производства. Культурно-экономические связи.	
Глава 3. Хозяйство, ремесло, связи населения Южного Кавказа в конце III—первой половине II тыс. до н. э.	239
Поселения Западного Закавказья. Дальнейшее хозяйственное освоение предгорий и гор. Комплексное хозяйство степи и долин (на примере поселений Узерлик-Тепе и Илто). Формы скотоводства. Выделение ремесла. Культурно-экономические связи.	
III. К ПРОБЛЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ЮЖНОГО КAVKAZA VI—II тыс. до н. э.	254
Характер проблемы. Поселения как основа реконструкций социальной организации. Раннеземледельческие жилища—место обитания семейной	

общины. Семейная община и ее особенности. Патронимия. Половозрастное разделение труда у ранних земледельцев. Зарождение общинного ремесла. Поселения куро-аракской культуры. Формирование иерархии поселений. Многокомнатные дома большесемейных общин и их региональные особенности. Культовые центры и семейные святилища. Формирование общинного ремесла. Погребения как отражение социальной структуры общества конца IV—III тыс. до н. э. Прогресс ремесленного производства в конце III—первой половине II тыс. до н. э. Дальнейшая стратификация общества; «царские» или «княжеские курганы». Некоторые этнографические параллели.

Приложение	280
Список литературы	281
Список сокращений	308

CONTENTS

Foreword	3
Preface	5
I. THE CULTURE OF THE SOUTH CAUCASUS OF THE IX—II mil. B. C.	8
Chapter 1. Mesolith (IX—VIIth mil. B. C.)	8
Existent problems. Neolithic provinces of the Front East. The Black Sea sites on the river Khrami. Rioni site. Mountain site Chokh. Summary of the Caucasian mesolithic study.	
Chapter 2. Neolith—eneolith (VI—mid of the IVth mil. B. C.)	18
Study problems of the mountain country of the Caucasus and early neolithic site Chokh. Ginchi settlement and other eneolithic monuments of the mountain Daghestan. Neolithic and eneolithic monuments of the Black Sea site. Peopling of the steppes and plains. Descriptions of eneolithic steppe and plain settlements; the problems of their chronology and division into periods. Settlements of Shulaveri-Shomutepin type. Settlement in Kul-Tepe and monuments of the southern part of the Transcaucasus.	
Chapter 3. Early Bronze Age (mid. of the 4th—third quarter of the 3rd mil. B. C.)	51
Indications of the Kuro-Araks culture. Areas of its outspread. Local groups of the monuments and its originality. Process of tribes settling in new places. Dynamic development of topography, planning and architecture of settlements. The problem of the Kuro-Araks culture genesis. The problems of chronology and division into periods of these monuments. Cultures of the Western Transcaucasus.	
Chapter 4. Middle-Bronze Age (last quarter of the 3rd—mid of the 2nd mil. B. C.)	92
The problems of origin and chronology of the cultures of the Middle-Bronze Age. The information sources and its state. Western-Transcaucasian (Protokolkh) culture. The Trialeti culture and its original borders. The Karmirberds (Tazakend) culture. The Sevan-Uzerlik group of monuments. About the problem of cultural attribution of monuments the Kuzyl-type.	
II. THE ECONOMY OF THE CAUCASUS PEOPLES IN THE IX—II mil. B. C.	17
Chapter 1. Hunters, gatherers, fishermen and early agriculturists (IX—mid of the IVth mil. B. C.)	172
Mesolithic economic complexes. The historic significance of Chokh site. Early agriculturists of the Caucasus (VI—mid of the IVth mil. B. C.). The state of the problem. Economic precondition of the agriculture origin. Geography of the cultural flora. Social requisites of the «Neolithic revolution». The typology of the ancient agriculture. Mountain settlements of Chokh and Ginchi. The Formation and development of agriculture in the mountain region. The economy of the Black Sea population. The character of steppe and plain settlements. Economical complexes of the Central and South Caucasus. The problems of the arable lands agriculture origin. The early forms of the cattle-breeding. Domestic production. The origin of metallurgy. «The obsidian ways» as the ways of exchange and development of cultural and economical connections.	

Chapter 2. Complex economy of the South Caucasus population in the mid of the 4th—third quarter of the 3d mil. B. C.	207
Exploitation of the foothills and mountains by the agriculturists and cattle-breeders. Progress of the agricultural economy in the different regions of the Caucasus. Irrigational systems. The evolution of the cattle-breeding. Local version of the agricultural and cattle-breeding economy. Terraced agriculture. Complex economy in Svanetija, Northern-Western and Western-Eastern Armenia (types of agriculture and the role of cattle-breeding in the complex economy). The evolution of metallurgy and pottery and the rudiments of the handicraft. Cultural and economical connections.	
Chapter 3. Economy, trades, connections of the South Caucasus population at the end of the 3d—first half of the 2nd mil. B. S.	239
Settlements of the Western Transcaucasus. Next stage of the economical assimilation of the foothills and mountains. Complex economy of steppes and plains (on the example of Uzerlick-Tepe and Ilto settlements). Forms of cattle-breeding. Trades rise. Cultural and economical connections.	
III. ABOUT THE PROBLEM OF THE SOCIAL SYSTEM IN THE SOUTH CAUCASUS VI—2nd mil. B. C.	254
The description of the problem. Settlements as the basis for the reconstruction of the social system. The dwelling places of the early agricultures as the living places of the family community. Family community and its peculiarities. Patronimy. Labour disfunction according to the age of puberty among early agriculturists. The origin of communal trade. The Kuro-Araks culture. Formation of the settlements hierarchy. Multiroom houses of the big family communities, their regional peculiarities. Cultural centres and family sanctuaries. Formation of communal trade. Burial places as the mirror of the social structure of the society at the end of the 4th—3d mil. B. C. Progress in the manufacturing at the end of the 3d—first half of the 2nd mil. B. C. Farther stratification of the society «tzars» and «grand dukes» burial mounds. Some ethnographical parallels.	
Supplement	280
List of literature	281
List of abbreviation	308.

В 1994 году
 Центр «Петербургское Востоковедение»
 выпустит в свет книги:

Труды Российско-Йеменской комплексной
 экспедиции. Вып. 2

А. В. Давыдова.
 Иволгинский археологический комплекс.
 Том 1: Иволгинский могильник.

П. А. Грязневич. Южная Аравия.
 Памятники древней истории и культуры.
 Вып. II, часть 1.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ № 9

Кушнарева Каринэ Христофоровна
ЮЖНЫЙ КАВКАЗ
 В IX—II ТЫС. ДО Н. Э.

Этапы культурного
 и социально-экономического развития

Утверждено к печати
 Институтом истории материальной культуры
 Российской Академии наук

Редактор издательства З. В. Гришина
 Художник А. И. Слепушкин

Сдано в набор 14.04.93. Подписано к печати 2.12.93. Формат 70×100/16.
 Бумага типографская. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем
 20 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 463.

По вопросам приобретения и распространения книг
 просьба обращаться по адресу:
 195256, Россия, Санкт-Петербург, а/я 125

В серии «**Orientalia**» в 1994 году
Центр «Петербургское Востоковедение»
выпустит в свет книги

В. Г. Эрман. Калидаса. Изд. 2-е, доп.

В качестве приложения к исследованию
впервые публикуется перевод поэмы Калидасы
«Род Рагху».

*М. Е. Кравцова. Поэзия древнего Китая:
опыт культурологического анализа.*

В монографии рассматриваются проблемы происхожде-
ния и начальной стадии китайской поэзии на материале двух
основополагающих памятников: антологии «Ши цзин» и сво-
да «Чуские строфы». В качестве приложения дана антология
переводов древней и средневековой китайской поэзии.

*А. М. Куликова. Востоковедение в российских
законодательных актах.*

Монография представляет собой документированный об-
зор истории востоковедных исследований и учреждений в
России с конца XVII до 1917 г.

*А. Н. Ланьков. Политическая борьба в Китае
XVI—XVIII вв.*

Период с 60-х гг. XVI в. и до 30-х гг. XVIII в. — время
борьбы «партий» — предмет увлекательного исследования
молодого петербургского ученого.

и другие.

По вопросам приобретения
и распространения книг
просьба обращаться по адресу:
195256, Россия, Санкт-Петербург, а/я 125

В 1994 году
Центр «Петербургское Востоковедение» в серии
«**Памятники культуры Востока**» выпустит книгу

«Дневник эфемерной жизни».

Перевод с древнеяпонского, предисловие, ком-
ментарий и указатели В. Н. Горегляда.

В эпоху Хэйан (IX—XII вв.) лучшие произведения япон-
ской литературы были написаны женщинами. Они писали
стихи, эссе, повести и даже романы. Отсюда, наверное, не-
обыкновенный лирический характер японской средневековой
прозы, особенно проявившийся в жанре, по традиции име-
нуемом японцами дневниками (*никки*). Это — «заметки обо
всем, что прошло перед глазами и взволновало сердце».

Один из первых дневников такого рода был написан
знатной японской дамой, известной под именем Дочь То-
моясу, или же Мать Митицуна, по имени ее единственного
сына, так любовно описанного в дневнике. Произведение
Дочери Томоясу охватывает двадцать один год (954—974).
Это понятные и современному читателю горестные и радост-
ные заметки женщины, посвященные своей жизни, мужу и
сыну — «Дневник эфемерной жизни». ...Было в жизни все,
и все унеслось, как дым. Прошла жизнь, будто «сон одной
ночи». Унеслась, как капля росы с кончика листа в ожида-
нии жаркого солнца...

Настоящее издание включает в себя первый полный пе-
ревод «Дневника эфемерной жизни», японского памятника
X века.

По вопросам приобретения
и распространения книг
просьба обращаться по адресу:
195256, Россия, Санкт-Петербург, а/я 125

В 1994 году
Центр «Петербургское Востоковедение» в серии
«Памятники культуры Востока» выпустит книгу

Гань Бао.

«Записки о поисках духов».

Перевод с древнекитайского, предисловие, комментарий и указатели Л. Н. Меньшикова.

Книга Гань Бао (VI в.) «Записки о поисках духов» — один из древнейших и известнейших памятников китайской словесности, повествующих о том, «о чем не говорил Конфуций» — то есть о разнообразнейшей нечисти: об удивительных существах, о животных и растениях-оборотнях, о зловредных бесах, о душах умерших, о чудесных предметах и находках, которые не всегда приносят счастье тем, кому выпадет встретиться с ними.

Обитатели потустороннего мира проникают в мир людей охотно, особенно часто — души умерших, обеспокоенные состоянием дел дома (или состоянием своего захоронения). Иных влечет в мир людей любовь, не осуществившаяся при жизни. Иных влекут таланты живых, иные появляются с грозным предупреждением, иные просто пугают.

Сам Гань Бао в предисловии к своему сочинению написал: «Буду счастлив, если грядущие добродетельные мужи, выписав отсюда самое существенное, найдут, чем развлечь ум и занять взор, и не отнесутся ко мне с презрением».

Настоящее издание включает в себя первый полный русский перевод сборника Гань Бао «Записки о поисках духов», предваряемый обстоятельной вступительной статьей и снабженный подробным комментарием и указателями.

По вопросам приобретения
и распространения книг
просьба обращаться по адресу:
195256, Россия, Санкт-Петербург, а/я 125

В 1994 году
Центр «Петербургское Востоковедение» в серии
«Памятники культуры Востока» выпустит книгу

Чжан Бо-дуань.

«Главы о прозрении истины».

Перевод с древнекитайского и комментарий
Е. А. Торчинова.

«Главы о прозрении истины» представляют собой фундаментальный текст, посвященный методологии, теории и практике даосской «внутренней алхимии» (*нэй дань*). «Внутренняя алхимия», называемая часто также «даосской йогой», представляет собой сложный комплекс психофизических упражнений, направленных на достижение конечной цели даосской религии — бессмертия, совершенства и единения со всем сущим. Упражнения «внутренней алхимии» активно используются и в современной гимнастике *ци гун*, авторитеты которой рассматривают сочинение Чжан Бо-дуаня в качестве классического труда по *ци гун*.

Настоящее издание включает в себя первый полный перевод на русский язык текста «Главы о прозрении истины», сопровождающийся подробным терминологическим и религиозно-ведческим комментарием, а также вступительную статью, представляющую собой оригинальное исследование даосского учения о бессмертии и путях его обретения.

По вопросам приобретения
и распространения книг
просьба обращаться по адресу:
195256, Россия, Санкт-Петербург, а/я 125

В 1994 году
Центр «Петербургское Востоковедение»
выпустит в свет книги

*А. П. Терентьев-Катанский. Через века и страны
(Записки любителя древностей)*

Эта книга относится к жанру научно-популярных очерков, доступно и занимательно повествующих о важнейших цивилизациях Старого и Нового Света.

А. А. Долинина. Невольник долга.

Книга о научном и жизненном пути великого русского арабиста академика И. Ю. Крачковского (1883—1951).

По вопросам приобретения
и распространения книг
просьба обращаться по адресу:
195256, Россия, Санкт-Петербург, а/я 125

В серии
**«Памятники культуры Востока:
Санкт-Петербургская научная серия»**
в 1994 году
Центр «Петербургское Востоковедение»
выпустит в свет книги:

*Двенадцать царств. Факсимиле, пер. с тангутского,
исследование, комментарий
и указатели К. Ю. Солонина*

*Пехлевийское Шах-наме.
Введение, перевод со среднеперсидского,
комментарии, указатели О. М. Чунаковой.*

*Ас-Сули. Китаб ал-Аврак.
Критический текст, перевод с арабского,
комментарий, указатели, исследование
А. Б. Халидова*

и другие.

По вопросам приобретения
и распространения книг
просьба обращаться по адресу:
195256, Россия, Санкт-Петербург, а/я 125